

OVERSIZE

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/shchukinskiisbor101shch

Shchukin

ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ДЕСЯТЫЙ.

=10.

Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III — Музея П. И. Щукина.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

Напечатано двѣсти экземпляровъ.

Печатано на основанiи § 16 Высочайше утвержденнаго 11 апрѣля 1888 года Положенiя объ Императорскомъ Россiйскомъ Историческомъ Музеѣ.

Товарищъ Предсѣдателя *Егермейстеръ Князь Н. Щербатовъ.*

Щукинскій сборникъ. Выпускъ первый. Въ малый листъ, V+448 стр. Москва. 1902.—Выпускъ второй. Въ малый листъ, VI+521 стр. М. 1903.—Выпускъ третій. Въ малый листъ, VII+487 стр. М 1904. —Выпускъ четвертый. Въ малый листъ, VI+545 стр. М. 1905.—Выпускъ пятый. Въ малый листъ, 518 стр. М. 1906.—Выпускъ шестой. Въ малый листъ, VI+493 стр. М. 1907.—Выпускъ седьмой. Въ малый листъ, 512 стр. М. 1907. Товарищество типографіи А. И. Мамонтова.—Выпускъ восьмой. Въ малый листъ, 461 стр. М. 1909.—Выпускъ девятый. Въ малый листъ, 452 стр. М. 1910. Синодальная типографія. (Напечатано по 200 экз.)

Походныя записки прапорщика Пензенскаго ополченія, 1813 и 1814 гг.

Записки нашему походу, писанныя отъ скуки на маршѣ для воспоминанія всѣхъ нашихъ странствованій и нѣкоторыхъ минутъ съ пріятностію и въ горѣ проведенныхъ.

1813 года генваря 3 дня выступили мы съ полкомъ изъ Саранска въ походъ двумя отдѣленіями. Первое отдѣленіе, состоящее изъ 1-го и 2-го батальоновъ подъ командою маіора Еврейнова. Собравшись сего числа на площади въ каре, гдѣ архимандритъ Арсеній, отслужа съ водосвятіемъ молебенъ и сказавъ приличную рѣчь, окропилъ всѣхъ святою водою; потомъ пошли они скорымъ шагомъ мимо генералъ-маіора Титова до села Архангельскаго при великомъ стеченіи простаго народа, который съ великимъ воплемъ провожалъ родныхъ. На другой день 2-е отдѣленіе подъ командою маіора Левшина выступило тѣмъ же порядкомъ, въ слѣдъ за коимъ и я съ полковникомъ выѣхалъ и ночевалъ въ Архангельскомъ, гдѣ второе отдѣленіе дневало.

5-го пріѣхалъ съ полковникомъ ввечеру къ 1-му отдѣленію въ село Украинцово, гдѣ учредивъ все нужное къ маршу отправились въ Ламовъ. Тутъ пробылъ я по 12-е число и распростившись со всѣми моими домашними и знакомыми съ горемъ въ сердцѣ поѣхалъ въ Мичкасъ, гдѣ 2-е отдѣленіе дневало, оттуда жъ въ ночь въ Кѣевду къ 1-му отдѣленію, но по сильной погодѣ, бывшей во всю ночь, проплуталъ, а пріѣхалъ туда 13 числа поутру. 14 числа пріѣхалъ въ Чембаръ.

15-го числа, выпроводивъ полкъ, остался съ полковникомъ еще на двое сутокъ для свиданія съ полковникомъ Безобразовымъ. Потомъ 17 отправился на перемѣнныхъ къ полку и на трактѣ въ селѣ Чернышевѣ перемѣнивъ лошадей, уже ночью поѣхали далѣе до села Гавриловки. Ночь была мѣсячная, морозъ

прежестокій, лошади плохія; мы ѣхали 15 верстъ болѣе пяти часовъ; наконецъ въ пяти верстахъ лошади совсѣмъ стали, и я думалъ, что мы замерзнемъ, но кое-какъ однакожъ дотащились, въѣхали въ село. Болѣе часа ѣздили, пока нашли свою квартиру, съ мокрыми стѣнами и холодную, въ которой едва отогрѣлись чаемъ. Село Гавриловка пограничное Тамбовской губерніи, разброшенное разными куренями болѣе нежели на пять верстъ, въ коемъ нѣтъ ни одной порядочной избы, да и во всей Тамбовской губерніи избы по деревнямъ мелкія; топятъ ихъ соломою и всѣ отъ жестокихъ морозовъ бывшихъ промерзшія и холодныя. Со стороны земской полиціи порядка никакого нѣтъ, тѣмъ болѣе что въ это время смѣненъ былъ губернаторъ Ниловъ, должность его отправлялъ вицъ-губернаторъ Вейсъ, недавно въ Тамбовъ пріѣхавшій.

На другой день 18-го числа прибыли мы въ уѣздный городъ Кирсановъ. Въ немъ не болѣе 20 домовъ, городъ составляющихъ, и двѣ большія слободы удѣльныхъ крестьянъ. Земскаго суда никого изъ членовъ въ городѣ не было, почему вынуждены были сами брать подводы насильно. Поднялась чревычайная мятель, почему и велѣно было маіору Сабурову выступить на другой день ободнявши и слѣдовать не далѣе 10 верстъ до деревни, которая ему назначена. Не успѣли выдти изъ города, 1-й батальонъ сбился съ дороги и пошолъ совсѣмъ въ противную сторону, но отойдя 7-мь верстъ, остановился ночевать въ деревнѣ: второй же батальонъ, дошедши рано до назначенной деревни Соколовки, по увѣреніямъ жителей, что они не далѣе 5 ве., надѣялись придти еще засвѣтло; къ вечеру погода еще болѣе усилилась, люди сбились съ дороги, разсѣялись врозь, такъ что маіоръ принужденъ былъ самъ скакать въ деревню и звонить въ колокола и жечь на дорогѣ большое количество соломы, дабы люди могли идти на звонъ и огонь. Едва съ великою трудностью къ полуночи всѣ собрались и къ счастію никто не замерзъ. Этотъ день былъ самый бѣдственный; маіоръ Левшинъ, съ вторымъ отдѣленіемъ выходя изъ Гавриловки, забылъ тамъ 4-хъ человѣкъ больныхъ, которыхъ насилу въ два дня отыскали. Эти два дня происшествіемъ своимъ много всѣмъ безпокойствъ надѣлали.

19-го числа, ночевавши въ селѣ Хмѣльники, 20 и 21 дневали въ селѣ Рожественскомъ, 22 прибыли мы на ночлегъ въ село Разказово. Тутъ провелъ полковникъ вечеръ и ужиналъ у Архарова.

23 числа прибыли мы въ губернскій городъ Тамбовъ. Городъ сей часъ отъ часу распространяется и много хорошаго строенія, но по большой части деревянное. Тутъ Титовъ осматривалъ полкъ; морозъ былъ жестокій; не было ни одного человѣка даже изъ офицеровъ, чтобъ лицо у кого отморожено не было. Тутъ пробыли мы съ полковникомъ до 27 числа. Время провелъ я очень скучно и былъ во все почти время боленъ; однакожъ между прочимъ былъ также у знакомаго купца Колдаева, который принялъ насъ какъ родныхъ и на дорогу снабдилъ

винами и славною бурдовскою водкою, что въ дорогѣ было очень кстати. Потомъ догнавши полкъ въ Куньихъ Липягахъ, слѣдовалъ далѣе, полкъ же имѣлъ маршъ свой:

24 и 25 въ селѣ Эксталѣ,

26 и 27 въ Куньихъ Липягахъ,

28 и 29 въ Волчкѣ,

30 въ Крутомъ,

31 въ селѣ Семеновскомъ, гдѣ мы и дневали 1-го февраля.

2-го прибыли въ Липецкъ, городъ необширный, но извѣстный своими цѣлительными водами, который годъ отъ году украшается разными строеніями; тутъ выстроена подлѣ саду большая деревянная галлерея для прогулки въ ненастное время, для ванновъ деревянное же, довольно хорошо отдѣланное строеніе; надъ цѣлительнымъ родникомъ сдѣлана съ колоннами куполомъ бесѣдка; и я тамъ былъ и воду цѣлительную пилъ; она вкусомъ желѣзновата. На горѣ посреди города выстроена иждивеніемъ тамошняго помѣщика Вельяминова каменная огромная съ колоннами церковь прекрасной архитектуры, куполъ коей мастерское произведеніе; внутри живопись лучшихъ петербургскихъ художниковъ. Во всей Тамбовской губерніи Липецкій уѣздъ можетъ служить образцомъ порядка многимъ городамъ и другихъ губерній. Исправникъ Каменовъ человѣкъ молодой, расторопный, къ должности своей прилежный, честный и добрый человѣкъ, и у котораго мы два дня провели время очень весело. Тутъ больше всѣхъ весело было Ивану Петровичу Свищову, онъ тутъ нашелъ прекрасную женщину, одного земскаго чиновника жену, которая его крайне полюбила и зазвала къ себѣ въ гости, поила кофеемъ и шоколадомъ, всячески старалась угодить и, словомъ сказать, всѣмъ и сама собою жертвовала ему, до тѣхъ поръ его восхитила, что почти внѣ себя онъ отъ восхищенія былъ, почему и не успѣлъ встрѣтить полка; она его хвалила, а мужа бранила, называла его красавцемъ, а мужа дурнымъ, что все онъ самъ намъ пересказывалъ.

4-го изъ Липецка назначено намъ было идти по маршруту на Крутетскій монастырь, но какъ въ натурѣ нѣтъ такого селенія, то мы, сдѣлавъ два марша, въ одинъ пришли ночевать въ село Патріаршее, 50 верстъ отъ Липецка. Село большое, въ коемъ считается до 2000 душъ, крестьяне пребогатые. Тутъ мы дневали и воиновъ нашихъ кормили очень хорошо. Это одно селеніе Воронежской губерніи, Задонской округи, чрезъ которое мы проходили. Въ Патріаршемъ церковь каменная, новѣйшей архитектуры, недавно выстроенная; внутри образа мастерски написаны, особенно мѣстные Спасителя и Божіей Матери. Иконостасъ отдѣланъ весь подъ золото, съ большимъ искусствомъ, особливо колонны, которыя почесть можно за бронзовыя. Сіе дѣлано лучшими петербургскими художниками, иждивеніемъ содержателя во ономъ селѣ мельницъ.

6-го прибыли мы Курской губерніи въ славный уѣздный городъ Елецъ, гдѣ также имѣли дневку. Городъ обширный, многолюдный, славный своею торговлею. Дома въ немъ прекрасно выстроены и по большой части каменные; рѣдкіе изъ губернскихъ городовъ съ нимъ сравниться могутъ. Пенза наша и Курскъ несравненно хуже. Жители онаго большею частію богатое купечество, которые насъ принимали весьма ласково, воиновъ нашихъ кормили очень хорошо, а больнымъ давали даже сало. Тутъ были мы въ гостяхъ у купцовъ Филатовыхъ, которые торгуютъ у насъ всегда въ Ламовѣ; домъ ихъ каменный, прекрасной архитектуры, съ колоннами, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ; въ немъ жили по найму Лобковы, выѣхавшіе изъ Москвы. Дворянъ, живущихъ въ городѣ, почти никого нѣтъ, одинъ предводитель имѣетъ свой домъ, но какъ онъ любимъ дворянствомъ и любитъ жить открыто, то у него всегда большое собраніе, и мы два дня провели очень весело.

8-го ночевали въ селѣ Казинкахъ, 9 и 10 дневали въ Чернявскомъ, 11-го прибыли мы той-же губерніи въ уѣздный городъ Ливны, гдѣ также дневали. Городъ небольшой и ничего незначущій. Жители онаго весьма буйны. Памятенъ онъ по случившемуся происшествію. Ночью, недалеко отъ моей квартиры, хозяева калашники сдѣлали драку съ нашими воинами, и какъ ихъ было больше, выгнали нашихъ изъ квартиры, босыхъ, и заперли ворота. Они прибѣгаютъ къ маіору Сабурову съ жалобою, который, схвативши сколько могъ людей, бѣжитъ къ дому и видѣвши, что ворота заперты, выбиваетъ окна, а между тѣмъ посылаетъ, чтобы ближайшія роты собирались. Ночь была претемная и шелъ небольшой дождь. Поймавъ въ домѣ трехъ человѣкъ работниковъ, били ихъ немилосердно и взяли подъ караулъ, а воины наши крича по улицамъ—нашихъ бьютъ,— начали уже со всѣхъ мѣстъ сбираться. Къ счастію узналъ о семъ полковникъ, послалъ тотчасъ остановить всѣхъ и разогнать по квартирамъ. Хозяева показали, что у нихъ пропало много денегъ, воины съ своей стороны показывали пропажу, и едва наши могли уговорить городничаго оставить дѣло безъ всякаго изслѣдованія, и хозяева отъ скорости Сабурова остались безъ наказанія, а правые воины въ обидѣ своей неудовлетворенными. Мы рады были тому, что не было никого до смерти убитыхъ. Изъ Ливенъ пошли прямѣйшею дорогою къ Курску, 12-го въ село Веденское, 13 и 14 въ село Знаменское, 15 и 16 въ Большія Теребуши, 17 и 18 въ Кузминку.

19-го прибыли въ Курскъ, въ самую Масляницу, но полкъ, не останавливаясь въ городѣ, занялъ квартиры, пройдя оный верстъ семь, по деревнямъ. Городъ старинный, обширный, довольно многолюдный, богатый, но ничего рѣдкаго въ себѣ не замѣчаетъ. Верстъ восемь не доходя до Курска выстроены лавки подлѣ монастыря, на весьма возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ бываетъ славная Коренная ярмарка. 22-го нагнали мы полкъ въ селѣ Костарномъ. 23-го прибыли мы

въ село Салдатское, гдѣ ѣли мы хорошіе блины и видѣли прекрасную дьяконицу, за которой нѣкоторые офицеры и волочились. 24 прибыли мы въ городъ Суджу, въ послѣдній день Масляницы. Городокъ небольшой; пріятно было видѣть, какъ жители веселились и ходя по улицамъ пѣли для воиновъ нашихъ совсѣмъ новыя малороссійскія пѣсни. Наши офицеры также не оставили проводить Масляницу по-русски, катались по улицамъ съ пѣсенниками, были въ трактирѣ, играли на билліардѣ и довольно много пили винъ, гдѣ я, игравши въ снѣжки, потерялъ золотое кольцо. Это первый малороссійскій городъ. Вступя въ Малороссію, больные въ полку начали примѣтно умножаться, и всѣ люди ослабѣли. Я полагаю, это приписать должно перемѣнной пищѣ, а особливо водѣ, которая во всей Малороссіи очень дурна. Съ первыхъ чиселъ февраля морозы начинали уменьшаться, а къ концу начали быть оттепели, въ генварѣ же безпрестанно продолжалась нестерпимая стужа.

25-го прибыли мы въ Сумы въ понедѣльникъ первой недѣли поста. Городъ старинный, довольно обширный и многолюдный, но строенія хоромнаго въ немъ нѣтъ. Мы тутъ дневали. Я съ полковникомъ стоялъ квартирою въ Доминиканскомъ кляшторѣ. Въ это время начиналась годовая ярмарка и стеченіе народа довольно было замѣтно; открыто было много лавокъ съ разными товарами и нѣсколько трактировъ съ прочими принадлежностями. Пріятно было смотрѣть на пестроту разныхъ состояній людей, веселящихся каждый своимъ манеромъ. Мы время здѣсь провели довольно весело и шумно.

27-го прибыли мы въ село Штеповку, гдѣ 28 дневали.

Марта 1-го имѣли мы ночлегъ въ селѣ Недрагайловѣ.

2-го прибыли мы Полтавской губерніи въ городъ Ромны, первое назначеніе непремѣнныхъ квартиръ нашихъ. Городъ невеликъ, малолюденъ и ничего занимательнаго въ себѣ не имѣетъ; строеніе обыкновенное,—малороссійскія мазанки. Есть тутъ три трактира, изъ коихъ въ одномъ я стоялъ, а въ другомъ хозяинъ-жидъ преславный, прерасторопный; у него хорошій билліардъ, изрядный столъ и порядочныя вина, и прислуга довольно хороша; бываетъ малороссійская музыка по вечерамъ. Всѣ офицеры сбирались къ нему, и два дня по возможности довольно весело проведены. Здѣсь получили повелѣніе не останавливаясь слѣдовать далѣе къ Днѣпру, что немало насъ всѣхъ обезкуражило, потому что изъ сего заключить было можно, что не Днѣпръ будетъ мѣстомъ нашего назначенія.

4-го прибыли мы въ село Березовку, принадлежавшее вдовѣ Трифановской, гдѣ имѣли дневки. У нея двѣ дочери и сынъ; мы ими приняты были очень ласково и два дня безвыходно у нихъ были. У ней зять изъ нѣмцевъ, живетъ чрезъ нѣсколько дворовъ, человѣкъ съ довольнымъ познаніемъ и великій дѣлатель селитры; онъ имѣетъ великое желаніе навѣстить нашу губернію для показанія намъ своего искусства. Во всей Малороссіи нигдѣ насъ такъ хорошо не

принимали, какъ здѣсь. По большой части всѣ еще имѣютъ къ москалямъ нѣкоторое отвращеніе, въ этомъ же домѣ совсѣмъ противное, да и живутъ лучше другихъ.

6-го ночевали мы въ селѣ Олшанкѣ, гдѣ играла намъ музыка и пѣли довольно изрядно пѣвчіе.

7-го прибыли мы въ Прилуки, уѣздный городъ Полтавской губерніи; онъ менѣе и хуже Роменъ, въ немъ два трактира, но ни въ одномъ не сыскали обѣда. Тутъ принуждены мы были оставить сани и ѣхать на колесахъ. 8-го имѣли мы дневку и время провели очень скучно.

9-го ночевали въ селѣ Яблоновкѣ, 10 въ селѣ Гречановѣ.

11-го прибыли мы въ мѣстечко Яготинъ, принадлежащее графу Разумовскому. Мѣстечко довольно велико, изрядное строеніемъ; замѣчанія достоинъ, недавно выстроенный, о трехъ этажахъ, каменный домъ—великолѣпное зданіе; въ немъ болѣе 50 комнатъ, все въ разныхъ вкусахъ, прекрасно расписаны. Домовая небольшая, прекрасной архитектуры, церковь, въ ней образа всѣ на мѣди, въ Петербургѣ, лучшими живописцами писаны. Два сада: старый, кромѣ аллей и проспектовъ, ничего не имѣетъ, но заложенъ новый обширный садъ, который будетъ прекрасный. Между двумя садами передъ домомъ превеликое озеро. На дворѣ какъ будто разбросаны различныхъ архитектуръ отдѣленныя строенія, весьма пріятный видъ составляющія. Въ старомъ саду отъ стараго деревяннаго дома, гдѣ живетъ самъ старый графъ, двѣ большія оранжереи, наполненныя одними рѣдкими иностранными деревьями и растеніями, привезенныя изъ подмосковной его деревни; тутъ вы ничего россійскаго и обыкновеннаго не видите.

13 и 14 въ селѣ Помокломъ, откудова отправлено въ Переяславль 200 человѣкъ больныхъ.

15 прибыли мы въ село Хоцни, гдѣ пробыли 4 дня и время довольно весело провождали. Тутъ живетъ отставной подполковникъ, у него три дочери; черезъ улицу у него три сестры еще, которыя всякій день были вмѣстѣ съ нами, собою онѣ всѣ изрядныя, хорошо поютъ и играютъ на гитарѣ; молодежь съ ними иногда и попрыгивали.

19-го пришли мы Золотоношскаго повѣта въ мѣстечко Гелмязово, гдѣ простояли девять дней до самаго вскрытія Днѣпра. Мѣстечко большое, но строеніе обыкновенное. Я стоялъ у одного дворянина, у коего дочь была прекрасная и большая плутовка. Тутъ два дома дворянскихъ, въ одномъ живетъ кривой старикъ Базелевичь, у котораго мы часто бывали; онъ богатъ, но живетъ по-старосвѣтски, великій хозяинъ и разныя имѣетъ у себя хорошія хозяйственныя заведенія; у мельника его сдѣлана любопытства достойная, небольшая, на колесахъ выстроенная мельница; она стоитъ у него на огородѣ, которую онъ вывозитъ туда, откуда дуетъ вѣтеръ. Въ Гельмязовѣ вообще народъ чистъ собою, особенно женскій полъ

прекрасенъ. Во ономъ мѣстечкѣ довольно мнѣ было весело, я часто бывалъ у Петра Ивановича, а иногда и ночевывалъ. У него былъ сосѣдъ, хотя бѣдный хохолъ, но нужный для нѣкоторыхъ послугъ. Одну ночь хорошо повеселились мы съ Степаномъ Андреяновичемъ и послѣ того былъ я нездоровъ животомъ три мѣсяца.

28-го полкъ пошелъ къ Днѣпру въ село Лепрево къ переправѣ на Днѣпръ; рѣка широкая и быстрая, раздѣляющая Россію отъ прежде бывшей Польши. Въ это время вода только что начинала прибывать, окрестности ея прекрасны: по сю сторону низменныя и песчаныя мѣста, по другую жъ сторону высокія, крутыя горы, покрытыя лѣсами; разбросанныя по вершинамъ и впадинамъ селенія составляютъ плѣнительный видъ. На мѣстѣ переправы приготовлены были одинъ изрядный паромъ и два небольшіе дуба. Сей день переправился только 4-й батальонъ, на другой день 3-й батальонъ и весь обозъ, на третій около полудня переправились мы съ однимъ штабомъ съ остальными ротами. Воины наши, не видавши такихъ большихъ рѣкъ, взирали на Днѣпръ съ нѣкоторымъ ужасомъ и какъ будто предчувствовали, что онъ надолго и далеко унесетъ всѣхъ отъ ихъ родины. Каждый перекрестясь съ унылостью садился въ судно, казалось, прощался со всѣмъ, что есть у него любезнаго, отходя въ неизвѣстныя имъ страны; нѣкоторые даже плакали. Вдругъ судно отваливаютъ, ударяютъ барабаны, начинаютъ пѣть пѣсни; будучи влекомы быстротою воды, мало помалу развеселяются, а ступивъ на другой берегъ, забываютъ свое горе и пошли какъ ни въ чемъ не бывало. Во всѣ три дня были туманы и перепадалъ небольшой дождь, но было довольно тихо. Лишь только нашъ полкъ переправился, какъ того жъ вечера поднялся сильный вѣтръ, продолжавшійся нѣсколько дней къ ряду, такъ что переправляться было невозможно.

На другой сторонѣ Днѣпра, не далѣе какъ съ версту, на прекрутой горѣ, лежитъ мѣстечко довольно обширное, Каневъ. Есть въ немъ много хорошо выстроенныхъ домовъ; домъ тамошняго доктора одинъ изъ лучшихъ, гдѣ имѣлъ полковникъ квартиру, построенъ въ концѣ мѣстечка, на самомъ верху горы, откуда видно болѣе 10 верстъ. Глубокіе овраги и сады раздѣляютъ мѣстечко на нѣсколько частей. Каневъ славенъ по бывшему въ 1785 году свиданію между Великою Екатериною и Польскимъ королемъ. Въ немъ примѣчанія достойна старинная русская, за 800 лѣтъ построенная, церковь, у коей оставшіяся послѣ разоренія ея татарами стѣны и понынѣ невредимы. Послѣ сего 300 лѣтъ стоявшая впустѣ, нынѣ возобновлена и составляетъ великолѣпное зданіе и украшеніе мѣстечка. Жители здѣсь большою частію жиды; замѣчательно, что жидовки отмѣнно богато рядятся и вообще прекрасны собою. Тутъ простояли два дня и время весело провождали. Полковникъ ѣздилъ за восемь верстъ въ гости къ русскому помѣщику, отставному маіору Турчанинову, прикупившему тутъ къ

жалованному отцу его покойнымъ Павломъ имѣнію. У него видѣли прекрасныя картины, многія изъ нихъ оригинальныя лучшихъ древнихъ художниковъ; одна картина, хотя новое произведеніе, но больше плѣнила живостію красокъ, правильностію всѣхъ частей и отдѣлкою, изображающая Амура и Психею; она такъ мастерски обработана, что кажется видишь живыя лица. Переправясь чрезъ Днѣпръ, вступили мы въ страну потаенныхъ и непримиримыхъ враговъ нашихъ, которые нынѣ, послѣ нашествія Французовъ на Россію, столько къ намъ преисполнены ненавистью, что едва сіе скрывать могутъ.

Апрѣля 1-го ночевали мы въ селѣ Шандрѣ, 2-го въ селѣ Россавѣ.

3-го прибыли мы въ мѣстечко Богуславль, принадлежащее графу Бронницкому. Оно лежитъ на рѣкѣ Россѣ, коей и берега усѣяны громадами дикихъ камней, и чрезвычайно быстра. Оное мѣстечко довольно хорошо выстроено, много лавокъ съ разными товарами и все довольно дешево. Жители по большой части жиды и много богатыхъ. Мы пришли въ него въ понедѣльникъ Страстной недѣли, когда начиналась ихъ Пасха, и пробыли вторникъ. Офицеры наши и воины съ любопытствомъ ходили смотрѣть и слышать моленіе жидовъ; тутъ слышали мы довольно хорошихъ ихъ пѣвчихъ, что въ рѣдкомъ мѣстечкѣ найти можно. И я сдѣлался такъ тутъ боленъ, что и съ постели не вставалъ, а жидъ мой хозяинъ къ несчастію моему былъ пребогомольный, почему крикомъ своимъ совсѣмъ не давалъ покою. Изъ Богуславля поѣхалъ чрезъ городъ Таращу впередъ на перемѣнныхъ для назначенія полку квартиръ въ мѣстечко Пятигоры, куды и прибылъ того жъ дня къ вечеру, и я слѣдовалъ съ полкомъ чрезъ села разныя и городъ Таращу, гдѣ мы были въ самое Вербное воскресенье, и тутъ также не было скучно, а особливо Маркѣ Васильевичу, который стоялъ у хорошаго хозяина, у коего была прекрасная, преласковая и во всемъ услужливая для него наймачка.

9-го Апрѣля прибыли въ мѣстечко Пятигоры, принадлежащее помѣщику Островскому, заключающее въ себѣ не болѣе 120 дворовъ. Жители пребѣдные и ничего достать неможно; лежитъ въ низменномъ мѣстѣ, окруженное прудами, и воздухъ очень нездоровъ. Во время трехнедѣльнаго квартированія больныхъ всегда въ лазаретѣ было болѣе ста человѣкъ и болѣе 50 человѣкъ померло и три офицера Смагинъ, Симбухинъ и Любавской. Я здѣсь стоялъ въ премерзкой мазанкѣ у одного стараго служиваго, гдѣ была бъ великая скука, если бъ не было тутъ ласковаго засѣдателя Осипа Ивановича Волковинскаго, съ которымъ всегда почти были вмѣстѣ, у коего семейство, жена и сестры преласковыя, и меня такъ любили, что иногда пріѣзжали ко мнѣ въ гости, а когда въ походъ пошли, то провожали до другаго села, а особливо сама засѣдательша, молодая и премилая женщина. Я на первый день Пасхи былъ въ Галанкахъ у Петра Ивановича; тутъ два очень хорошіе економа, съ коими былъ Петръ Ивановичъ знакомъ, а особенно съ Лукашевскимъ, онъ старикъ добрый, а семейство его еще лучше, такое

ласковое и пріятное, что когда онъ выходилъ въ походъ, то довольно объ насъ потужили.

29-го выступилъ полкъ въ походъ двумя отдѣленіями и прибыли въ мѣстечко Володерки, гдѣ квартировалъ Пензенскій конный полкъ.

Маія 1-го ночевали въ деревнѣ Лаврикахъ у пана Норчинскаго, у котораго два сына великіе хвастуны. Однакожъ они насъ принимали очень ласково и старались, сколько могли, доставить намъ удовольствій.

2-го поутру поѣхалъ полковникъ на перемѣнныхъ прямо въ Бердичевъ, куды онъ того жъ дня къ вечеру прибылъ и остановился у Безобразова. Тутъ пробылъ онъ шесть дней, но такъ былъ нездоровъ, что съ постели почти не вставалъ; а я съ полкомъ пришелъ послѣ 7-го Маія. Бердичевъ старинный торговый и одинъ изъ лучшихъ и многолюдныхъ городовъ въ Польшѣ, славенъ бываемыми въ немъ ярмарками; знатнѣйшія бываютъ 12-го Іюня и 1-го Октября; тогда чрезвычайное бываетъ со всѣхъ сторонъ стеченіе разнаго рода людей и купцовъ разныхъ націй, много пріѣзжаетъ и азіатцовъ; лошадей табунныхъ пригоняютъ до 20000. Строеніе большою частію старинное, но много есть теперь домовъ и въ новѣйшемъ вкусѣ выстроенныхъ. Ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько живущихъ жидовъ, многіе изъ нихъ капиталисты. Бывшимъ прошлаго года пожаромъ истреблено много домовъ и богатыхъ лавокъ съ товарами оптовыхъ купцовъ, потерявшихъ на нѣсколько милліоновъ. Многіе русскіе купцы имѣютъ здѣсь всегдашнія свои лавки. Помѣщикъ онаго мѣстечка князь Радзивилъ болѣе 300 тысячъ рублей серебромъ получаетъ въ годъ съ города доходу.

8-го полкъ прибылъ въ село Ялыншевъ, гдѣ 9 дневали, куды и я того жъ 9-го числа прибылъ.

10-го прибыли мы въ мѣстечко Краснополье. Тутъ раздали воинамъ пики по рукамъ, которыя изъ самаго Саранска везлись на подводахъ. Неможно довольно изъяснить радости и восхищенія, въ коемъ всѣ были воины, получа оныя, тѣмъ болѣе что прочимъ полкамъ оныя розданы не были. Съ какимъ усердіемъ принялись они ихъ чистить. Цѣлый переходъ всѣ пѣли пѣсни.

11 пришли въ мѣстечко Люборъ. Оно невелико, малолюдно и торга почти никакого нѣтъ. Тутъ Базиліянскій монастырь—довольно изрядное зданіе, и есть нѣсколько хорошо выстроенныхъ домовъ. Лучшій домъ у тамошняго доктора Миллера; садъ у него прекрасный и мѣстоположеніе безподобное. 12 здѣсь дневали.

13 и 14 стояли въ селѣ Черномъ. Здѣсь весь полкъ соединился и отсюда уже продолжали маршъ всѣмъ полкомъ. Тутъ сдѣлался со мною прежестокій обморокъ, такъ что я весь день былъ весьма нездоровъ.

15-го ночевали въ селѣ Агеевецахъ, 16 въ Бутовцахъ, 17 и 18 въ Рубельцахъ, 19 въ Полѣковѣ.

20 прибыли въ мѣстечко Ямполь. Мѣстечко небольшое, но довольно изрядное. Тутъ уже стоялъ Дмитріевъ съ своими штабъ-квартирами. 21 мы дневали.

22-го имѣли мы ночлегъ въ селѣ Матвѣевкѣ, 23-го въ мѣстечкѣ Катербургѣ.

24 пришли въ Кременецъ, повѣтовый городъ, старинный и не изъ послѣднихъ въ своемъ краю, лежитъ между высокихъ кременистыхъ горъ, въ ущелинѣ, отчего бываетъ всегда грязно. Съ правой стороны гора чрезвычайно высока и крута, на вершинѣ оной видны остатки старинннаго замка и колодезь, имѣющій глубины болѣе 30 саженъ. Я, на оную шедши, 20 разъ отдыхалъ и едва могъ взойти. Строенія отличнаго нѣтъ, есть нѣсколько лавокъ съ товарами. Онъ славенъ по заведенному въ немъ университету, въ коемъ до 1000 человѣкъ учащихся; основатель онаго староста Чацкой, мужъ просвѣщенный, положившій все почти свое имущество на полезное сіе заведеніе: къ сожалѣнію, недавно скончался, и всѣ труды его должны придти въ упадокъ. Въ ономъ университетѣ трудами его собраны прекрасные два кабинета—минеральный и физическій: славная библіотека, рѣдкая коллекція медалей и много картинъ. Во время нашего двухсуточнаго тутъ пребыванія скитающая труппа актеровъ представляла комедію въ заѣзжей корчмѣ, въ коей для прикрытія стойловъ по бокамъ обтянута расписная комната; въ партерѣ поставлено нѣсколько лавокъ; стѣна немного возвышена, вымощена досками; декораціи кое-какъ намараны; оркестръ, состоящій изъ двухъ жидовскихъ скрипокъ и цымбала. Все сіе вмѣстѣ составляло весьма забавный театръ. Гардеробъ и игра актеровъ соотвѣтствовали одно другому. Вокругъ Кременца верстъ на 15 все кругомъ усѣяно кремнями; неподалеку его заведена для отдѣлки оныхъ фабрика. Верстахъ въ 7-ми отъ города славный во всей Польшѣ Почаевскій монастырь, на превысокой и крутой горѣ на подобіе сахарной головы выстроено великолѣпное и огромное зданіе; въ церкви есть чудотворная икона Божій Матери, богато убранная; тутъ же чудотворный колодезь, высѣченный въ дикомъ камнѣ, въ коемъ видна ступень—нога Божій Матери, изъ коей истекаетъ вода неисчерпаемая и исцѣляющая отъ разныхъ недугъ. Монастырь сей Базиліянскаго ордена, богатъ, нынѣ сдѣланъ онъ мѣстопребываніемъ епархіальныхъ архіереевъ; онъ верстъ за 20 виденъ и въ немъ бываетъ всегда великое стеченіе народа. Многіе изъ Кіева ходятъ на богомолье.

Маія 26 прибыли мы въ мѣстечко Вербу, гдѣ квартира моя была у жида арендателя въ корчмѣ, а роты разставлены были по деревнямъ. Мѣстечко сіе ничего незначущее, въ немъ только нѣсколько корчемъ, лежитъ на большой дорогѣ, отъ Кременца 24, отъ Радзивилова 28, отъ Дубенъ 17 верстъ. Тутъ и почтовая станція. Господскій домъ выстроенъ за мѣстечкомъ замкомъ, обнесенъ весь валомъ, кругомъ его обтекаютъ двѣ небольшія рѣчки, одна въ другую впадающія, на коихъ въ самомъ близкомъ разстояніи выстроены три мельницы, изъ нихъ одна

крупчатка, а другая пильная, и такъ всѣ три близко къ дому, что изъ окна можно отдавать приказанія. При домѣ садъ довольно обширный и изрядный. Помѣщикъ онаго панъ Молодецкой довольно богатъ, но слишкомъ преданный Наполеону, а потому-то съ нимъ никакого знакомства полковникъ и никто не имѣлъ и въ домѣ у него не бывалъ. Время провождали довольно весело, потому что недалеко былъ городъ Дубно и Радзивиловъ, куды нерѣдко ѣздили. Здѣсь получили мы на полкъ ружья и дали намъ на время по два старыхъ солдата въ роту для обученія. Мы учились батальонами съ порохомъ. Тутъ же расформированъ полкъ изъ 4 въ 3 батальона. Въ Троицынъ день были въ мѣстечкѣ по названію Армонка, на торгу былъ одинъ возъ овса и нѣсколько съ дровами и стояли два пьяныхъ мужика. Но памятна она по случившемуся смѣшному происшествію. Помѣщикъ того мѣстечка, дабы на предбудущее время приманить больше народу, выѣхалъ верхомъ съ свитою и бросалъ народу мѣдныя деньги, а дѣвкамъ ленты. Тенишевъ вздумалъ надъ нимъ пошутить, размѣнялъ рубль серебра на мѣдные гроши, и посадя фурлейта верхомъ, велѣлъ ему ѣздить за Молодецкимъ: Молодецкой, молодой, высокій мущина, разряженный впухъ, ѣдетъ на прекрасной арабской лошади, за нимъ въ сѣромъ кафтанѣ, на мерзкой кляченкѣ, весь измаранный, фурлейтъ, какъ паяцъ; лишь только панъ броситъ деньги въ сторону, фурлейтъ тотъ часъ кидаетъ въ другую; народъ не знаетъ, куда ему кидаться, чрезъ что произошелъ весьма громкій смѣхъ, а помѣщикъ съ досады, не зная что дѣлать, уѣхалъ домой. Тутъ у меня на квартирѣ былъ хорошій хозяинъ и у него молодая, прекрасная, честная и степенная жена по имени Дитля. Во время жъ ярмарки была въ той комнатѣ, гдѣ я стоялъ, польская музыка и пляска, почему я въ то время, когда сіе случалось, перебирался наверхъ; и подлѣ меня на одномъ дворѣ, гдѣ полковникъ квартировалъ, былъ трактиръ и во ономъ были недурныя гостьи изъ Дубновъ.

Іюля 23 полкъ выступилъ въ походъ. Сей день роты собрались въ назначенныя имъ деревни.

24-го прибылъ полкъ въ мѣстечко Берестечко, гдѣ 25-го дневали. Тутъ есть нѣсколько незначущихъ лавокъ и изрядный господскій домъ съ прекраснымъ садомъ. 26 имѣли ночлегъ Володимерскаго повѣта въ селѣ Боровичахъ. 27 прибыли въ село Лемиши, гдѣ 28 дневали. Я стоялъ въ господскомъ домѣ у пана Якишецкаго. У него садъ изрядный и прекрасная жена, которая съ большою ласковостью и пріятностью насъ угощала. Мы здѣсь много ѣли вишенъ и черешни.

29 прибыли мы въ мѣстечко Порецкъ. Оно разбито по плану, улицы широкія, строеніе каменное, хотя небольшое, но со вкусомъ отдѣланное. Съ одного конца мѣстечка выстроено нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ, въ коихъ живутъ находящіеся въ услуженіи чиновники. Тутъ прекрасный фрукто-

вый и ботаническій садъ и оранжерея полна рѣдкими иностранными произведеніями. Покойный Чацкій любилъ всегда соединять полезное съ пріятнымъ. Съ другаго конца мѣстечка выстроены огромныя два три-этажныя, одно противъ другаго, зданія; комнаты въ нихъ великолѣпно отдѣланы. Промежду сихъ двухъ зданій оставлено мѣстечко для настоящаго дома. Тутъ прекрасный Англинскій садъ, въ самомъ лучшемъ вкусѣ отдѣланный; дорожки всѣ украшены разнообразными, самыми рѣдкими, цвѣтами; кое-гдѣ подѣланы изъ деревьевъ бесѣдки, и все съ такою пріятною простотою, какъ будто одна природа, безъ искусства человѣческаго, онымъ располагала. Кругомъ дома и сада большое озеро, версты на полторы. На супротивномъ берегу также выстроено нѣсколько хорошо отдѣланныхъ домиковъ, длинныя изъ деревьевъ аллеи, соотвѣтствующія саду, и все вмѣстѣ составляетъ весьма пріятный и плѣнительный видъ. 30-го прибыли мы въ село Гробовищи, на другой день имѣли растахъ, вмѣстѣ съ коннымъ полкомъ, и стояли по клунямъ. Оное село принадлежитъ вдовѣ Валевской, она женщина лѣтъ въ 40, хорошо воспитанная, играетъ очень хорошо на фортъ-пьянѣ; угощала насъ какъ нельзя лучше; столъ у ней чрезвычайный. Мы эти два дня провели время пріятно: пили и ѣли очень хорошо. Мужъ ея сосланъ въ Россію и жилъ у насъ въ Пензѣ; онъ на возвратномъ пути, не доѣхавъ до нея, дорогою умеръ. Жена его хотя въ глубокомъ траурѣ, но какъ кажется скоро утѣшится и забудетъ свою потерю.

Іюня 2-го имѣли мы ночлегъ съ полкомъ въ селѣ Хотячювѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Устилуга, пограничнаго мѣстечка. Это былъ послѣдній ночлегъ въ Россійскомъ владѣніи. Проходя нашу Польшу, всюду видѣли мы къ русскимъ ненависть и привязанность къ французамъ. Поляки дотого ослѣплены, что все еще сего года ожидали къ себѣ прибытія Наполеона, несмотря на успѣхи нашего орудія. Ежели станутъ имъ разсказывать о пораженіи французовъ, у нихъ у всѣхъ одинъ отвѣтъ: это все хорошо, но Замостье еще не взято. Какъ будто отъ этой маленькой крѣпостцы зависитъ участь всей войны. У многихъ помѣщиковъ заготовлены были въ потаенныхъ мѣстахъ немалые запасы оружія, свинцу и пороху. Удивительно, что правительство наше такъ снисходительно на все сіе смотрѣло. Но послѣ генералъ Эртель дѣло сіе привелъ въ добрый порядокъ.

Іюня 3-го въ 9 часовъ утра проходили мы чрезъ мѣстечко Устилугъ, гдѣ генералъ-маіоры Титовъ и Муромцевъ смотрѣли полкъ. Пройдя мѣстечко, у самой заставы полкъ остановился; сомкнувъ густую колонну, слушали при многомъ стеченіи народа, съ колѣнопреклоненіемъ, молебное пѣніе. День былъ прекрасный, и воины, стоя на колѣняхъ, въ густой колоннѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, представляли глазамъ нѣчто разительное. По окропленіи всѣхъ святою водою, пошли мы чрезъ Бугъ въ герцогство Варшавское, простясь надолго съ любезнымъ

своимъ отечествомъ. На лицахъ воиновъ примѣтно было, что они съ сожалѣніемъ разставались съ своею землею. Отойдя версты три, сдѣлали привалъ, а къ вечеру прибыли въ деревню Ґусинницы, гдѣ на другой день дневали. 5-го прошли мы чрезъ прекрасное мѣстечко Рубивовъ, которое хотя невелико, но всѣмъ изобилуетъ; сукны особенно дешевы и былъ хорошій портеръ. Въ семи верстахъ отъ него остановились мы на временныхъ квартирахъ въ селѣ Большихъ Теребенцахъ. Тутъ стали мы по клунямъ и простояли мы 8-мь дней. Селеніе ничѣмъ незанимательное и совершенно нашими казаками разграбленное, ни одной квартиры порядочной не было. Время провождали скучно, тѣмъ болѣе что погода была всіо ненастье. Комисаръ сего селенія, жившій въ полутора верстахъ, человѣкъ предобрый, къ которому мы отъ скуки часто ѣзжали и попили у него довольно портеру. Здѣсь учили мы людей стрѣлять съ пулями въ цѣль.

13-го пошли въ походъ полкомъ до села Гробовицы, 14 до села Красникова.

15 до села Русскіе Лапатники, гдѣ 16 на растахѣ освятили свои знамена. Поутру въ 7-мь часовъ весь полкъ собрался на лугу и построенъ былъ въ каре; посреди онаго нашъ священникъ съ водосвятіемъ совершалъ молебное пѣніе, сказавъ приличную сему случаю рѣчь, освятилъ знамена обыкновеннымъ порядкомъ. Всѣ чины цѣловали изображенный на знаменахъ крестъ побатальонно. При совершеніи сей церемоніи воины съ великимъ благоговѣніемъ молились Богу, потомъ съ великимъ восторгомъ кричали, что умрутъ при своихъ знаменахъ. По окончаніи всего полкъ пошелъ парадомъ на свои квартиры.

17 имѣли ночлегъ въ селѣ Низицахъ, 18 въ селѣ Грибовецъ, 19 и 20 имѣли ночлегъ и растахъ въ селѣ Жинбожицахъ, 21 имѣли ночлегъ на бивакахъ Вавальницъ.

22 расположились на бивакахъ при мѣстечкѣ Каземиржѣ*); замѣчательно своею древностью и развалинами, но торговля упала; со всѣмъ тѣмъ видна дѣятельность жителей. Я стоялъ квартирою у ксендза, подлѣ деревяннаго и огромнаго костела, въ коемъ органъ чрезвычайной величины, но отъ древности уже нѣсколько поврежденъ. 23 полкъ нашъ переправился чрезъ рѣку Вильну на паромахъ, оставя всѣ излишнія тягости въ мѣстечкѣ. Рѣка судоходная, широкая, быстрая и славнѣйшая во всемъ польскомъ владѣніи. И переправясь на другую сторону, расположились биваками при небольшой деревушкѣ, гдѣ ожидали переправы. Много было крику и шуму отъ Титова, къ тому же дождь лилъ безпрестанно, къ счастію, что было тихо. Медленность же происходила отъ неисправности судовъ. Въ семъ мѣстечкѣ Без. и Дм., поссорясь между собою, выѣзжали стрѣляться, но стараніями секундантовъ дѣло прекращено дружелюбно; Дмитріевъ признался, что онъ обидѣлъ Безобразова и просилъ извиненія.

---

*) Здѣсь въ 1831 году разбитъ на голову мятежническій польскій корпусъ.

27-го всѣ три полка наши расположились биваками при небольшомъ, но довольно изрядномъ мѣстечкѣ Ведльвейцахъ, 28-го имѣли растахъ. Тутъ урядникамъ нашего полка объявлены были офицерскіе чины и приводили ихъ къ присягѣ; они давали вечеринку, пѣсельники пѣли, а мы изрядно на радостяхъ ихъ подпоили.

29-го въ полудни выступили мы въ походъ и не дошедши до назначеннаго мѣста, поздно ночью остановились на бивакахъ при небольшой деревнѣ Напякахъ. Титовъ самъ отводилъ съ большимъ шумомъ для каждаго полка мѣсто. Тутъ провели мы ночь на чистомъ воздухѣ и безъ соломы, къ счастію не было дождя. 30-го рано поутру поднялись въ походъ, къ вечеру расположились биваками при мѣстечкѣ Конепѣ.

31-го имѣли ночлегъ и на другой день растахъ по клунямъ въ мѣстечкѣ Радошлицахъ. Тутъ 2-й и 3-й полки по умному распоряженію Титова водили людей поротно обѣдать и ужинать версты за двѣ за городъ, гдѣ ихъ обозы остановились.

Августа 2-го имѣли ночлегъ на бивакахъ, за мѣстечкомъ Предбожъ, пройдя рѣку Пилицу. Въ тотъ день шелъ проливной дождь; я рапортовался больнымъ и стоялъ на квартирѣ въ небольшой деревнѣ подлѣ бивакъ. Нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ стоять биваками въ холодное и ненастное время, особливо ежели начальники не пекутся о доставленіи нужной соломы. Нѣтъ ничего обиднѣе и несноснѣе, когда начальники, забывъ всѣ пожертвованія, дворянами сдѣланныя, которые изъ усердія къ отечеству лишились всего, и вмѣсто награды обходятся съ ними безъ всякаго уваженія, самымъ грубымъ образомъ. Къ несчастію Богъ наградилъ такимъ начальникомъ, который безъ всякой причины бранилъ всѣхъ безъ разбору и грубымъ своимъ обращеніемъ отягощалъ участь довольно и безъ того горькую служащихъ въ ополченіи.

3-го и 4-го пробыли мы въ мѣстечкѣ Радолижѣ по клунямъ. Мѣстечко небольшое, но опрятное, веселое мѣстоположеніе. Здѣсь заведенъ прекрасный полевой гошпиталь на 1200 человѣкъ, лекарь во ономъ весьма искусный и добрый человѣкъ. 5-го имѣли ночлегъ въ мѣстечкѣ Бржезницахъ, 6-го на бивакахъ при мѣстечкѣ Дзналошайнѣ.

7-го расположены были полки въ городѣ Вильнѣ по клунямъ. 8-го имѣли разстахъ тутъ. Я стоялъ на одной квартирѣ съ полковникомъ и маіоромъ Еврейновымъ. Тутъ нашъ попъ загулялъ и цѣлую ночь ходилъ по гостямъ съ хозяйскимъ сыномъ Августомъ, который прежде служилъ въ военной службѣ. Какъ скоро попъ закричитъ важнымъ своимъ голосомъ—Августъ, тотъ ту жъ минуту къ нему подбѣгаетъ, дѣлаетъ комплиментъ по солдатски и спрашиваетъ—что прикажете. Поутру жена его прибыла, попъ же безпрестанно пѣлъ королеву и оба вмѣстѣ дѣлали разныя чудеса и много насъ позабавили.

9-го имѣли ночлегъ въ мѣстечкѣ Сокольникахъ. Тутъ и графъ Толстой имѣлъ свою квартиру.

10 ночевали въ мѣстечкѣ Гробовѣ. 11-го въ селѣ Маломъ Высоцкомъ.

12-го пришли въ мѣстечко Островъ, гдѣ и расположился баталіонъ. Мѣстечко прекрасное какъ въ разсужденіи строенія, равно жителей и торговли. Оно населено большою частью нѣмцами, поляковъ и жидовъ въ немъ очень мало. Въ каждомъ домѣ какое нибудь экономическое заведеніе и наиболѣе занимаются отдѣлкою суконъ, которыя очень добротны и недороги. Шерсть прядутъ и чешутъ прекрасными машинами, всюду видны нѣмецкій порядокъ и ращетливость. Жители богаты и къ русскимъ привѣтливы безъ лицемѣрства. Мы во всю дорогу не имѣли такихъ прекрасныхъ и выгодныхъ квартиръ, всякому воину въ день давали по три раза водки, поили кофеемъ, а кормили очень хорошо, хотя на нѣкоторыхъ квартирахъ стояло по десяти и болѣе человѣкъ. Офицерамъ всѣмъ генерально кофій и столъ былъ хозяйской, и мы нигдѣ такъ весело время не провождали, жаль, что недолго стояли. Тутъ въ одномъ трактирѣ была хозяйка преловкая и прекрасная, у которой мы довольно попили венгерскаго, и тутъ еще въ одномъ трактирѣ Тенишевъ, дабы усугубить еще больше ихъ къ намъ привязанность, сватался за трактирщикову дочь. Изъ Острова ѣздилъ полковникъ въ Клишъ, въ 22-хъ верстахъ отъ Острова, съ карауломъ къ Бениксену. Городъ старинный и прекрасный строеніемъ, особливо въ разсужденіи торговли, которая со времени пребыванія нашего Государя совершенно оживилась и процвѣтаетъ въ ономъ. 17 полкъ собранъ былъ въ деревнѣ Каменичнѣ, въ двухъ верстахъ отъ Острова.

18 пошли мы въ походъ цѣлымъ корпусомъ. На маршѣ присоединились къ намъ Симбирскіе полки. Графъ Толстой походомъ насъ всѣхъ смотрѣлъ и нашимъ ополченіемъ былъ весьма доволенъ. Къ вечеру полки пришли въ назначенныя имъ временныя квартиры близь мѣстечка Острошова. Полкъ нашъ расположился въ 3-хъ селеніяхъ: полковникъ съ 1-мъ баталіономъ въ Мишковѣ, 2-й въ селѣ Кузницахъ, 3-й въ мѣстечкѣ Кобыльи Гуры. Мы простояли тутъ 12-ть дней и время проводили довольно пріятно, будучи всегда всѣ офицеры вмѣстѣ, къ тому жъ у хозяина, гдѣ стоялъ полковникъ, былъ изрядный садъ и фруктовъ было довольно. Еврейновъ волокитствомъ своимъ за хозяйкою, а попъ за нянькою немало насъ увеселяли. Въ 20-хъ числахъ сего мѣсяца отъ безпрестанныхъ дождей было въ Польшѣ и Слезіи сильное разлитіе водъ, рѣки вышли изъ своихъ береговъ на такую высоту, какъ никто не помнитъ; мосты по Одеру и Вислѣ сорвало, многіе домы плавали съ людьми по водамъ; множество людей и скота погибло, причинивъ значительные убытки жителямъ. Тутъ я сдѣлался боленъ, каковая со мною болѣзнь со открытіемъ послѣ горячки продолжалась до 20 числа ноября. 31-го августа двинулись всѣмъ корпусомъ вдоль Силезской

границы. Ночлегъ имѣли мы съ полкомъ недалеко отъ мѣстечка Адельнау въ деревенькѣ, гдѣ мы ѣли въ саду славные бергамоты и получили изъ дома письма.

Сентября 1-го имѣли ночлегъ въ мѣстечкѣ Кротачицы, 2-го въ мѣстечкѣ Кобылинѣ.

3-го въ небольшомъ мѣстечкѣ Сорнавѣ. Тутъ былъ послѣднiй ночлегъ въ герцогствѣ. Сказать можно въ разсужденiи всего польскаго края, что живущiе подъ русскимъ владѣнiемъ обыватели ведутъ жизнь роскошную и отъ прежнихъ своихъ обрядовъ не отстаютъ. Въ герцогствѣ Варшавскомъ замѣтно приняли обычаи и образъ жизни австрiйцовъ и прусаковъ, кто и которому принадлежитъ владѣнiю, а во всѣхъ видна явная привязанность къ французамъ и ненависть къ русскимъ, особливо отъ живущихъ въ краю нашемъ. Герцогство Варшавское весьма изобилуетъ лѣсами, а грунтъ земли, гдѣ мы ни проходили, вообще песчаный. Проходя герцогство Варшавское, много разсказывали намъ примѣчанiя достойныхъ анекдотовъ касательно австрiйскаго правленiя, которое великое имѣетъ искусство разными средствами высасывать изъ подданныхъ своихъ деньги. Поляки особенно восчувствовали мастерство сiе, всѣ наличныя деньги, всякую серебряную и золотую вещь должно представить къ заклейменiю и четвертую часть цѣны внести въ казну за клеймо; буде у кого найдется безъ клейма, таковая отбирается въ казну; сверхъ того немалый штрафъ. Больше всего понравился намъ обычай Австрiйскаго Императора, онъ при наступленiи каждаго новаго года манифестомъ объявляетъ какую нибудь царскую милость; однимъ годомъ издалъ онъ въ манифестѣ, что въ изъявленiе высокомонаршей своей милости къ народу не будетъ казна платить денегъ за собираемый съ жителей провiантъ и фуражъ; всякому не знавши покажется сiе странною милостiю, но въ существѣ это было великое благодѣянiе для всѣхъ подданныхъ его; у нихъ было такое заведенiе: собравши съ жителей положенное число провiанта и фуража, выдается каждому квитанцiя; послѣ сего спустя два или три мѣсяца, предписываютъ, чтобы каждый для щоту съ квитанцiями явился въ городъ самъ или прислалъ повѣреннаго въ назначенный срокъ; буде кто въ срокъ не явится, долженъ заплатить штрафу нѣсколько гульденовъ; потомъ двѣ или три недѣли разсматриваютъ квитанцiи, а повѣренные должны проживаться въ городѣ. По окончанiи повѣрки квитанцiи переписываютъ съ бѣлой на красную бумагу, за что должно заплатить въ казну; чрезъ два или три мѣсяца снова вызываютъ съ квитанцiями и тѣмъ же порядкомъ переписываютъ ихъ уже на зеленую бумагу, также съ платою въ казну. Такимъ образомъ переписываютъ нѣсколько разъ на разныя бумаги и собравъ довольное число денегъ въ казну, приступаютъ къ заплатѣ. Разочтя напередъ, сколько всей суммы на то потребно, дѣлаютъ раскладку на жителей и собравъ съ нихъ деньги, раздаютъ имъ же оныя, разумѣется съ заплатою въ казну за

бумагу. По таковымъ уваженіямъ отмѣна платить деньги изъ казны за сбираемый провіантъ и фуражъ была дѣйствительно большая для народа милость.

4-го проходили мы чрезъ Равичи, прекрасное пограничное мѣстечко герцогства, въ полмилѣ отъ него начинается Слезія, прекрасный край Прусскаго владѣнія. Вступя во оный, все представляется въ новомъ и пріятномъ видѣ, повсюду видна трудолюбивая рука прусаковъ; нѣтъ клочка земли, который бы лежалъ впустѣ; въ рощахъ, въ поляхъ, въ селеніяхъ, вездѣ чистота и пріятность и полезное съ пріятнымъ; дороги всѣ выстланы камнемъ и обсажены деревьями, съ коихъ они чрезъ четыре года по осенямъ обрубаютъ вѣтви; листья служатъ пищею прекраснымъ ихъ овцамъ, а вѣтви, связанныя пуками, для топленія печей; однимъ словомъ всякая вещь приноситъ тамъ свою пользу и ничто даромъ не пропадаетъ. Жители вообще живутъ не роскошно, но опрятно и свободно. Пройдя Равичи, осматривалъ на маршѣ всѣ полки ополченія Государевъ Генералъ адьютантъ Закревской и былъ очень доволенъ. Ночлегъ имѣли мы въ деревнѣ Плоскау, разоренной французами при ихъ ретирадѣ. Со всѣмъ тѣмъ жители съ непритворною радостію насъ встрѣчали и довольствовали какъ могли. Проходя сквозь всю Слезію, пріятно было смотрѣть на жителей, съ какою откровенностію они насъ принимали, на лицахъ ихъ написана была приверженность къ русскимъ.

5-го имѣли ночлегъ въ Винцелѣ. Городъ довольно обширный и прекрасный. Тутъ видѣли мы всю королевско-прусскую фамилію, весьма искусно изъ воска сдѣланную. 6-го имѣли мы ночлегъ въ деревнѣ Модлицѣ, принадлежащей барону Кенерцу. Квартира полковника была въ старинномъ замкѣ; огромность его, древность и развалины вселяютъ въ душу какую-то величественность. Вокругъ онаго обведенъ водяной каналъ, на коемъ подъемный мостъ. Комнаты расположены самымъ готическимъ образомъ, мебель обветшалая. Въ бельэтажѣ предлинная галлерея, по обѣимъ сторонамъ все отдѣльныя комнаты. Деревянныя подпоры удерживаютъ потолокъ отъ паденія. Стѣны обвѣшены фамильными закоптѣлыми портретами. Нѣмцы дотого аккуратны въ своемъ хозяйствѣ, что и курамъ подѣланы лѣстницы, по коимъ ходятъ въ свои хлѣвы; забавно глядѣть, какъ онѣ ходятъ, по ступенькамъ переступаютъ.

7-го прошли мы рѣку Одеръ чрезъ наведенный понтонный мостъ. Вода была еще довольно велика и быстра послѣ бывшаго наводненія. Ночлегъ имѣли, пройдя мѣстечко Порхвицы, въ селѣ Гейнерсдорфѣ, у барона Берга, въ прекрасномъ, новомъ замкѣ, въ коемъ всѣ офицеры 1 баталіона стояли вмѣстѣ. 8-го тутъ дневали.

9-го прошли мы чрезъ славный и обширный городъ Лигнецъ. Ночлегъ имѣли въ деревнѣ Краутчь, всѣ офицеры вмѣстѣ въ замкѣ у старика помѣщика, у котораго французы все въ домѣ разграбили, оставя его съ сыномъ только въ томъ,

что было на нихъ. Деревня сія лежитъ на рѣкѣ Казбахъ. Примѣчанія достойно по бывшему сраженію послѣ перемирія между французами и корпусомъ генерала Блюхера; во время сильнаго разлитія рѣки французовъ болѣе шести тысячъ потонуло, въ плѣнъ взято пятнадцать тысячъ. Въ деревнѣ рѣдкой дворъ остался неповрежденнымъ отъ ядеръ и вся разграблена, не осталось въ ней ни одной лошади, ни коровы, ни овцы. У насъ оставались изъ герцогства Варшавскаго пара лошадей, хозяинъ коихъ дорогою бѣжалъ, которыя едва ноги волокли; я ихъ подарилъ хозяину, которой отъ радости цѣловалъ у насъ руки; пустили ихъ тотчасъ въ садъ и ухаживали за ними, какъ будто Богъ знаетъ за какимъ сокровищемъ; однимъ словомъ жалкое состояніе жителей.

10-го имѣли ночлегъ въ небольшомъ, но прекрасномъ городѣ Голдьбергѣ. Удивительно, какъ онъ остался неразграбленнымъ, сраженіе было подъ самымъ городомъ, и французы ретировались чрезъ него. 11-го проходили мы чрезъ Левенбергъ, послѣдній городъ въ Силезіи, довольно обширной, прекрасной и лавокъ въ немъ съ разными товарами множество. На другой день растахъ имѣли мы въ селѣ Геренфейлъ, въ домѣ у пастора. Селеніе пребольшое, оно начинается отъ Левенберга въ $1^1/_2$ верстахъ и растянулось верстъ на 8-мь.

13-го вступили мы въ Саксонію. Тутъ также вездѣ виденъ порядокъ и хозяйственное устройство, а жители живутъ еще опрятнѣе пруссаковъ. Сей день пройдя Лаубанъ, которой видно встарину былъ крѣпостью, ибо весь обнесенъ каменною стѣною съ башнями и обрытъ каналомъ, ночлегъ имѣли мы въ селѣ Гельздорфѣ, также протянувшееся на нѣсколько верстъ, въ домѣ у пастора. Жена его играла на фортъ-пьяно и довольно дурно пѣла. Въ жителяхъ замѣтна привязанность къ французамъ, но не питаютъ они ненависти къ русскимъ, какъ поляки. Тутъ видны уже Богемскія горы, безпрестаннымъ почти туманомъ покрытыя, представляющія разныя коническія и обсѣченныя фигуры, для глазъ весьма величественный видъ представляющія.

14 имѣли мы ночлегъ въ небольшомъ мѣстечкѣ Острицѣ.

15 соединясь опять корпусомъ, пошли до города Цытау, гдѣ имѣли ночлегъ. Городъ сей превосходитъ всѣ города, доселѣ нами проходимые, какъ строеніемъ, равно красотою и обширностію. Жители богаты и весьма ласково насъ принимали и хорошо насъ всѣхъ довольствовали. Городъ сей есть пограничной Саксоніи, вдавшейся совсѣмъ въ Богемію, и весь окруженъ горами. Въ 7 верстахъ пройдя оный, начинается Богемія. Въ Слезіи, а особливо въ Саксоніи всѣ города и даже маленькіе прекрасно выстроены, улицы вездѣ камнемъ вымощенныя; на площадяхъ подѣланы прекрасные изъ дикаго камня бассейны и фонталы; мосты вездѣ даже по дорогамъ хорошо изъ камня отдѣланные.

16-го имѣли мы ночлегъ въ небольшомъ Богемскомъ городкѣ Габели. Вступая въ Богемію, увидимъ великую во всѣхъ отношеніяхъ разницу съ Саксоніею

и Силезіею, нѣтъ уже такихъ пріятныхъ и хорошо выстроенныхъ городовъ какъ въ Силезіи, нѣтъ тѣхъ плѣнительныхъ мѣстоположеній и видовъ, напротивъ того, всюду видны высокія горы, покрытыя лѣсами, на самыхъ вершинахъ коихъ нерѣдко попадаются древніе развалившіеся замки или церкви. Крутыя скалы и непроходимыя дороги, которыя дикостію своею удивляютъ взоры, но трудолюбіе и здѣсь повсюду примѣтно; поля хорошо воздѣланы, по горамъ обильные виноградники, по дорогамъ подѣланы шоссе. Жители онаго края вообще очень грубы, не такъ богаты и не такъ чисто живутъ, какъ въ Саксоніи и Силезіи, и хотя они щитаются нашими союзниками, но въ душѣ своей русскихъ ненавидятъ и обращаются съ нами хуже, нежели съ непріятелями; не довольно, что за всякую малость заводятъ ссоры, которыя доходятъ иногда до смертоубивства, но варварскимъ образомъ поступаютъ съ больными, не давая имъ ни пристанища, ни пищи, и безъ жалости смотрятъ на умирающихъ подъ ихъ окнами; у больныхъ офицеровъ отнимаютъ лошадей, оставляя ихъ валяться по улицамъ, и многія сему подобныя дѣлаютъ безъумства; однимъ словомъ я не знаю народа грубѣе и безчеловѣчнѣе богемскаго.

17-го проходили мы довольно хорошо выстроенный городъ Бакишлейбъ. Пройдя оный, въ 5 верстахъ имѣли мы съ полкомъ ночлегъ и на другой день растахъ въ деревнѣ Айхе у пастора.

19-го прошли чрезъ городъ Аусигъ въ село Ошендорфъ, гдѣ 20-го имѣли растахъ. 21 проходили мы одинъ изъ лучшихъ городовъ Богеміи Лейтмерицу. Городъ сей своимъ пространствомъ и строеніемъ можетъ равняться съ лутчими городами Саксоніи; въ немъ учрежденъ полевой гошпиталь. Мѣстоположеніе прекрасное, лежитъ на славной рѣкѣ Эльбѣ, чрезъ которую сдѣланъ въ городѣ преогромной каменной крытой мостъ; не доходя же города сдѣланъ вновь другой деревянной, на сваяхъ, мостъ. Противъ онаго за Эльбою въ 1½ верстахъ на равнинѣ крѣпость Терезіенъ-штатъ. По сю сторону дѣлается большое земляное укрѣпленіе. Большія горы, начиная почти отъ города и кругомъ онаго; обѣ стороны рѣки Эльбы усѣяны виноградниками. Пройдя оный, вдоль рѣки 5 вер., имѣли мы ночлегъ въ селѣ Чернозипѣ; отсюда отправили мы всѣ свои повозки въ вангенбургъ за Лейтмерицу и пошли съ одними вьюками, а я за болѣзнію остался тутъ и къ щастію еще пріѣхалъ сюда жъ Николай Федотовичь Слепцовъ. Мы съ нимъ оба были чрезвычайно больны, но ни болѣзнь наша, ни просьбы, ни повелѣнія начальства не могли умилостивить звѣрскихъ жителей: цѣлый день стояли на улицѣ и напослѣдокъ рѣшились и пошли къ коменданту на квартиру и легли въ избѣ. Онъ, видя сіе, боясь, чтобъ мы тутъ не умерли безъ призору, велѣлъ своему адьютанту иттить въ комисію и дать намъ квартиру; почему отвели намъ оную въ домѣ у Бискупа. Тутъ мы были два дни и къ нашему щастію нашли тамъ Павла Дмитріевича Дубасова, которой намъ отыскалъ доктора.

Мы начали лѣчиться, но къ нещастію нашему звѣрскіе и немилосердые жители согнали насъ съ квартиры и поставили въ форштатъ у одного кузнеца; у него одна горенка, въ ней слесарня, а въ сѣняхъ кузница, да и домъ не слишкомъ благопристойной. Но какъ бы то ни было, умилостивилъ я хозяйку подарками и ласкою, она была очень для меня хороша, варила намъ ѣсть и сама съ мужемъ спала въ сѣняхъ. Тутъ чрезвычайно буйны жители и нѣтъ никакого повиновенія къ начальству; нашихъ больныхъ офицеровъ часто вытаскиваютъ замертво съ квартиры на улицу и душатъ, и такъ все дорого, что цыпленокъ стоитъ гульденъ, то есть 2 ру. 50 ко. Мы тутъ лѣчились по 15-е октября, и стало намъ лекше. Я тутъ прожилъ болѣе 200 ру., потомъ 15-го октября переѣхалъ въ Аусигъ, а полкъ пошелъ далѣе, гдѣ 22-го числа Государь намѣренъ былъ смотрѣть наши ополченія, но по военнымъ обстоятельствамъ, а можетъ быть и по интригамъ лишены мы были сего щастія. Государь изволилъ прислать своего генералъ адьютанта къ графу Толстому сказать, что онъ отправляется съ арміею далѣе и жалѣетъ, что не можетъ видѣть его войскъ. Почему опять проходили черезъ Лейтмерицу и перешли Эльбу по крытому мосту; рѣка знаменитая по многимъ крѣпостямъ, на ней лежащимъ, и по частымъ и славнымъ происшествіямъ въ разныхъ войнахъ бывшимъ. Переправясь Эльбу, шли до самаго города Аусига, подъ самымъ городомъ почти надъ водою, узкою стезею, подъ каменными скалами, висящими надъ главами нашими и угрожающими своимъ паденіемъ. Дорога была претрудная, каменистая, лошади подъ артиллеріею и обозами совсѣмъ подбились и стали, повозки поломались, а полкъ едва къ вечеру дошелъ до Аусига. Пройдя оный, оба корпуса расположились биваками подъ самымъ городомъ. Аусигъ городъ небольшой, но довольно изрядной, и лежитъ на самой Эльбѣ, куды всѣ транспорты доставляются водою. Дороговизна во всемъ чрезвычайная, жители наигрубѣйшіе. 25-го ночью, неизвѣстно отъ чего, сдѣлалась въ лагерѣ тревога, войски наши, не пріобыкшія къ незапнымъ тревогамъ, подняли страшной шумъ, иные сами собою безъ приказанія зарядили ружья, а въ нѣкоторыхъ полкахъ и стрѣляли. Во оной городъ я пріѣхалъ 15-го октября прямо на квартиру, гдѣ былъ раненой Федоръ Ивановичь Еврейновъ и больные Петръ Ивановичь Лукинъ, Михайла Тихоновичь Лопатинъ и Петръ Матвѣевичь Вышеславцовъ. Тутъ я былъ весьма еще слабъ и пробылъ до 1-го ноября, а 1-го ноября я, Петръ Ивановичь и Михайла Тихоновичь, получивъ облегченіе, прибыли въ полкъ.

27 поутру весь корпусъ нашъ двинулся впередъ. Отойдя верстъ 5-ть, остановились биваками, гдѣ 28 имѣли растахъ. Въ эти дни дивизіи генералъ маіоровъ Паскевича и Булатова имѣли дѣло съ непріятелемъ недалеко отъ Цейста, сбили ихъ изъ укрѣпленій и выгнали на штыкахъ изъ трехъ деревень, прогнали ихъ къ Дрездену, съ значительныхъ урономъ со стороны непріятеля.

29-го отойдя опять версты четыре, остановились было на прекрасномъ мѣстѣ бивакамп, кои передъ нами занималъ Доктерова корпусъ, подъ мѣстечкомъ Кульмомъ но въ полудни получили иттить далѣе чрезъ Ноледорфъ, Нетереваддъ до Газанбела въ Саксонію, куды и прибыли уже ночью поздно. Дорога отъ Аусига до Кульма самая негодная, претрудная, безпрестанно съ горы на гору по камнямъ, самыми узкими и грязными дефиліями. Мѣстечко Кульмъ раззорено до основанія послѣ бывшаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ достопамятнаго сраженія, гдѣ Вандамъ взятъ въ плѣнъ, а корпусъ его весь истребленъ былъ.

30-го проходили мы недалеко укрѣпленнаго замка Турны, въ коемъ засѣло до 700 французовъ съ 40 пушками и пришли уже поздно ночью на французскіе биваки верстахъ въ 8-ми отъ Дрездена. Октября 1-го поутру рано слышны были пушечные и ружейные выстрѣлы; въ 9-ть часовъ ударили у насъ сборъ и мы всѣ двинулись къ Дрездену. Тутъ заболѣлъ Титовъ, команду его на сей день принялъ Дмитріевъ. Паскевичь и Булатовъ съ своими дивизіями сбили непріятеля съ занимаемаго имъ лагеря, выгнали изъ 4-хъ деревень, нашъ же корпусъ составлялъ резервъ въ семъ дѣлѣ. Непріятель потерялъ убитыми и ранеными 28 штабъ и оберъ офицеровъ и 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Онъ расположилъ свои войски на низинѣ подъ стѣнами Дрездена, имѣя съ праваго фланга деревню Плаушъ, а съ лѣваго сады, укрѣпленные батареями, и часть деревни Стрекилъ. Во время самаго сраженія Бениксенъ получилъ съ курьеромъ повелѣніе итти къ Главной арміи, почему онъ оставилъ городъ на Маркова съ его корпусомъ подъ командою графа Толстаго, а самъ съ достальными войсками ночью отправился въ походъ. Нашъ же корпусъ въ боевомъ порядкѣ ночевалъ въ колоннахъ. Тутъ Прусской король осматривалъ всѣ полки нашихъ ополченій.

2-го всѣ полки распредѣлены были по командамъ и заняли 5-ть пунктовъ около Дрездена. Наши 3 Пензенскіе полки достались въ отрядъ генералъ маіора Булатова и заняли позицію на возвышенномъ мѣстѣ подлѣ деревни Пестецъ. Нашъ полкъ въ передней линіи, на лѣвомъ флангѣ, имѣя впереди двѣ деревни, гдѣ поставлены были пикеты; на правомъ флангѣ къ Эльбѣ Г. М. Ивановъ, съ нимъ имѣлъ связь Багратіонъ (Кордарме) позади въ 3-хъ верстахъ. Позиція нашего отряда была очень слаба, особливо съ лѣваго фланга мы примыкали къ глубокой лощинѣ, которую имъ обойти было можно. 4-го впереди нашей позиціи начали дѣлать три батареи. Пополудни въ 3 часа непріятель дѣлалъ сильную рекогносцировку на правый нашъ флангъ, гдѣ и была сильная перепалка съ нашими стрѣлками. Отрядъ нашъ приведенъ былъ весь въ движеніе, и кончилось тѣмъ, что непріятель вытѣснилъ нашихъ егерей изъ деревни Стрелянъ. Къ ночи отряженъ былъ нашъ 3-й баталіонъ въ деревню Реквицъ для укрѣпленія пикетовъ, а батареи строить продолжали. 5-го поутру рано въ непріятельскихъ войскахъ замѣчено было сильное движеніе, въ 8 часовъ начали они обходить нашу

позицію съ обоихъ фланговъ. Полки наши поставлены были въ боевой порядокъ: отрядъ нашъ въ передней линіи. Въ 9-ть часовъ атакованы мы были во всѣхъ пунктахъ. Маіоръ Левшинъ долго удерживалъ съ баталіономъ позицію свою въ деревнѣ Реквицъ, два раза отражалъ непріятеля, наконецъ раненъ былъ тяжело пулею въ пятку и кость всю раздробило, а баталіону велѣно было ретироваться, потому что онъ былъ почти обойденъ. Тутъ Шуваловъ въ плѣнъ попался, Сабуровъ съ баталіономъ прикрывалъ батарею, а полковникъ съ 1-мъ баталіономъ другую. Въ семъ положеніи стояли мы болѣе двухъ часовъ, подъ перекрестнымъ пушечнымъ огнемъ; потеряли мы много людей. Маіоръ Еврейновъ раненъ былъ въ правую руку ядромъ. Наконецъ стрѣлки наши были потѣснены, а мы, будучи обойдены, получили приказаніе ретироваться, что и исполнили всѣ полки начально въ порядкѣ. Непріятель преслѣдовалъ насъ не болѣе трехъ верстъ, потомъ мы во всю ночь продолжали маршъ нашъ; дождь ливмя лилъ, ночь такъ была темна, что въ двухъ шагахъ ничего видѣть было неможно, полки съ полками перемѣшались, дорога и безъ того дурная сдѣлалась почти непроходимою, пушки, ящики, обозы на каждомъ шагу ломались и останавливались, тѣмъ еще болѣе препятствовали нашему маршу. Я въ жизни моей не видывалъ такого безпорядку; еслибы въ такомъ смятеніи непріятель могъ отрядить нѣсколько ескадроновъ кавалерійскихъ, вся армія бы наша разсѣялась. На другой день въ полдни прибыли въ пограничной городъ Богеміи Петерсвалдъ и пройдя оный, остановились биваками. Городъ весь почти разоренный, въ рѣдкомъ замкѣ были жители.

9-го поутру получили извѣстіе о сильномъ пораженіи Наполеона подъ Лейпцигомъ. Пополудни въ 3 часа пошли въ походъ къ Цейсту.

10-го авангардъ нашъ напалъ на непріятеля, стоявшаго подъ мѣстечкомъ Донау, сбилъ его съ мѣста и гналъ на нѣсколько верстъ. Наши полки стояли въ боевомъ порядкѣ. Пройдя Цейстъ, гдѣ и ночевали, 11-го повернули мы влѣво и пришли къ вечеру къ городу Дипподисвалду. Пройдя оный, имѣли ночлегъ; тутъ получили свѣдѣніе, что австрійскій генералъ Клейнау съ 15-тью тысячами идетъ съ той стороны, коему поручена какъ старшему команда, и по приказанію его 12-го поворотили мы обратно къ Дрездену. Не доходя онаго верстъ семь, авангардъ нашъ напалъ нечаянно на непріятеля, стоявшаго при деревнѣ Вельшуе, обратилъ его въ бѣгство; причемъ отбито русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ плѣнныхъ болѣе 500 человѣкъ, и расположились биваками при деревнѣ Гейнигѣ.

13-го шелъ градъ и первый снѣгъ.

17-го въ полудни подвинулись мы ближе къ Дрездену. Генералъ маіоръ Булатовъ съ авангардомъ вытѣснилъ непріятеля изъ четырехъ деревень. Французы отретировались въ прежнюю свою позицію къ стѣнамъ Дрездена. Наши войска обще съ австрійскими обложили городъ отъ Эльбы до горъ; часть ав-

стрійскихъ войскъ и полковникъ Гурьевъ съ 3-мя полками ополченія переправлены на правую сторону оной къ лѣвому нашему флангу.

19-го полкъ нашъ поступилъ попрежнему въ команду генералъ маіора Булатова и расположился въ центрѣ его отряда, имѣя въ тылу деревню Гросъ Пестицъ, полтора баталіона въ первой линіи, а Сабуровъ съ другою половиною полка впереди для подкрѣпленія двухъ деревень впереди егарями занимаемыхъ. Съ праваго фланга отъ Эльбы до деревень Лейбницъ и Стреленъ занималъ князь Багратіонъ конными наблюдательными пикетами. Австрійской генералъ Шатлеръ войска свои расположилъ подъ Пирною и Цейстомъ. Отъ Лейбницъ до Клейнъ Пестицъ занимала пѣхота отряда Булатова. Генералъ маіоръ Ивановъ съ своимъ отрядомъ занималъ позицію отъ нашего отряда до деревни Платенъ, генералъ Клейнау съ своими войсками отъ Платенъ до Эльбы; генералъ Клейнау изъ своихъ войскъ по обыкновенному ихъ обряду прислалъ только нѣсколько баталіоновъ, самъ же со всѣми войсками остался въ 20 верстахъ отъ Дрездена для укрѣпленія на случай ретирады своего тыла, что продолжалось до сдачи города и не было еще окончено.

23-го въ непріятельскихъ постахъ примѣчена перемѣна; цѣпь противъ нашего фланга снята, деревня Стреленъ оставлена и занята нашими пикетами. Въ полдни была довольно сильная ружейная перестрѣлка на той сторонѣ Эльбы, продолжавшаяся часа три въ ночи. 27 егерьскаго полка одинъ баталіонъ и ескадронъ уланъ переведены были на правой флангъ къ князю Багратіону для подкрѣпленія его пикетовъ и расположились биваками при деревнѣ Добрицы.

24 была довольно сильная перестрѣлка въ деревнѣ Плаунъ изъ батарей французскихъ было сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.

25-го передъ полуднемъ нѣсколько тысячъ французовъ въ намѣреніи прорваться перешли на правый берегъ Эльбы, имѣли жаркую перестрѣлку съ австрійскими полками и Гурьева отрядомъ, продолжавшуюся нѣсколько часовъ, потомъ обратно возвратились въ городъ. Гурьевъ за сіе дѣло награжденъ орденомъ святаго Георгія 4-го класса, хорошо быть сыномъ министра финансовъ. Въ ночи передъ деревнею Стреленъ сдѣлана небольшая батарея и поставлено двѣ пушки. 26-го на лѣвомъ флангѣ съ австрійцами была перестрѣлка часа три и французы выгнали ихъ изъ двухъ деревень; они въ оправданіе свое сказали, что для того сильно не удерживали оныхъ, что русскія войски должны были ихъ занимать. Ночью съ батареи на правомъ флангѣ пушки сняты, баталіоны сведены и оставленъ одинъ казачій пикетъ. Непріятель въ саду усилилъ свою цѣпь.

27-го маршалъ Сентъ-Сиръ присылалъ парламентера и предлагалъ о сдачѣ Дрездена. Полковникъ Муравьевъ ѣздилъ для переговоровъ, французы предлагали сдать Дрезденъ со всѣми пушками, но чтобъ имъ позволено было съ ихъ имуществомъ и оружіемъ возвратиться въ свое отечество, обязуясь не служить до окончанія войны, но на сіе не согласились.

30-го объявлено всѣмъ полкамъ, что Дрезденъ сдался на капитуляцію. 23 генерала, 1200 штабъ и оберъ офицеровъ, 36 тысячъ войска съ оружіемъ и 200 пушекъ достались военно-плѣнными, съ условіемъ, чтобы войска отправить до границы и тамъ размѣнять на такое же количество, до размѣну же щитаться имъ военно-плѣнными и не служить, выходить имъ шестью колоннами и въ шесть дней очистить городъ.

31-го начиналась сія знаменитая церемонія, 4 баталіона нашихъ и столько жъ австрійскихъ войскъ, нѣсколько ескадроновъ кавалеріи и часть артиллеріи вошли въ предмѣстье парадомъ и заняли площадь. Французская колонна, изъ 6-ти тысячъ состоящая, выходитъ изъ города съ музыкою; поровнявшись противу нашихъ войскъ останавливается, дѣлаетъ къ ногѣ, ставятъ ружья въ козлы, снимаютъ сумы, тесаки, барабаны и отходятъ прочь; конница отдаетъ лошадей своихъ. Многіе со слезами разстаются съ своимъ оружіемъ, иные отъ злости ломаютъ ружья, рвутъ сумы, бьютъ барабаны. Это такая рѣдкая картина, на которую со стороны равнодушно смотрѣть неможно, особливо на офицеровъ и генераловъ, которые должны еще уговаривать солдатъ, чтобъ они безодговорочно повиновались. Всего прискорбнѣе для нихъ было смотрѣть на столпящихся жителей, такъ долгое время въ порабощеніи и страхѣ бывшихъ, ругающихся надъ ихъ нещастіемъ. Видѣть такое сильное войско, покорившее всѣ Европейскіе народы, которое въ прошломъ году нанесло Россіи столько бѣдствія и угрожало намъ паденіемъ, кладущее оружіе свое съ покорностью передъ нашими. Противъ воли Наполеона отвратилось щастіе, коимъ никогда гордиться не должно. Достойно замѣчанія и забавно видѣть, какъ французы обращаются съ нами и австрійцами: къ русскимъ они не питаютъ ни малѣйшей ненависти, напротивъ уважаютъ народъ нашъ и войска, и откровенно въ томъ признаются, австрійцевъ же явно въ глаза ругаютъ и говорятъ, что они побѣждены одними русскими, а ежели бы были одни австрійцы, то они лучше согласились бы умереть съ голоду, нежели отдаться имъ на капитуляцію, называя ихъ подлецами и трусами. Правду сказать, они сего достойны; солдатъ австрійскій гордъ и грубъ вездѣ, гдѣ видитъ превосходство свое, но въ дѣлѣ, при малѣйшемъ сильномъ нападеніи или бѣжитъ или отдается въ плѣнъ. По окончаніи сего войска наши обще съ австрійскими заняли по условію половину батареи и въѣздовъ, а въ другой остались французскіе караулы до послѣдняго дня ихъ выхода. Графы Клейнау и Толстой ѣздили навѣстить королевскую фамилію, а потомъ къ маршалу. Такимъ образомъ шесть дней сряду продолжалось обезоруживаніе французскихъ войскъ, войска по справедливости прекрасныя, особливо польскіе уланы, богато одѣтые, и природные французы какъ собою, такъ и одѣяніемъ. Особливо полки, проходившіе въ послѣдній день, и бородатые саперы. Удивительно, какъ такое войско такъ легко сдалось; кажется, должна тутъ крыться потаенная какая-нибудь притчина.

5-го Ноября всѣ полки корпуса генералъ лейтенанта Маркова и нѣсколько австрійскихъ полковъ поутру стояли на площади въ парадѣ; когда послѣдняя французская колонна вышла изъ города, тогда графы Клейнау и Толстой поѣхали по фрунту. Коль скоро они приближились, тотъ часъ отдали имъ честь и всѣ вдругъ закричали ура! Потомъ пошли церемоніальнымъ маршемъ мимо дворца, гдѣ на балконѣ стояла королевская фамилія. Нѣсколько батальоновъ остались квартирами въ городѣ, протчіе пошли въ назначенныя имъ селенія. При входѣ войскъ нашихъ въ городъ, жители кричали ура! и звонили въ колокола. Такимъ образомъ кончилась достопамятная сдача Дрездена.

Дрезденъ столица Саксоніи, обширный, многолюдный, богатый и славный торговлею своею городъ лежитъ на низкомъ мѣстѣ. Эльба раздѣляетъ его на двѣ части, старый и новый городъ. На Эльбѣ выстроенъ на сводахъ изъ дикаго камня мостъ съ прекрасною желѣзною рѣшеткою; на немъ подѣланы полукруглыя мѣста для отдохновенія и по бокамъ тротуаръ частію разоренъ французами во время ихъ ретирады изъ Россіи, но теперь поправляется и вскорѣ получитъ прежній свой прекрасный видъ. Домы въ старомъ городѣ огромностію своею удивляютъ, вездѣ 3, 4 и пять етажей; улицы тѣсны, камнемъ вымощены, посрединѣ подѣланы стоки, какъ въ Петербургѣ, и довольно сухи и чисты, по ночамъ освѣщаются фонарями. Внутри города есть нѣсколько мельницъ и разныхъ фабрикъ; строенія наиболѣе примѣчанія достойна кафедральная католическая церковь, великолѣпное зданіе съ колоннами, высокою колокольнею, украшенная вверху колоссальными статуями. Внутри немного образовъ, но всѣ высокой работы. Музыканты и пѣвчіе прекрасные. Королевскій дворецъ, у коего со въѣзду фасадъ весь въ стеклахъ вверху, четыреугольный дворъ; въ стѣнахъ кругомъ подѣланы кранты для воды. Къ оному примыкаетъ огромное въ 5 етажей зданіе, четыре высокія башни, на коихъ бьютъ часы. Окрестности его привлекательныя. На правомъ берегу Эльбы превысокія горы, покрытыя лѣсами и усѣянныя деревнями и прекрасными домами. Видъ самаго города отъ нашихъ бивакъ обворожителенъ. Мы, стоя около него болѣе трехъ недѣль, всякой день любовались плѣнительными видами. И на лѣвомъ берегу Эльбы мѣстоположеніе не уступаетъ своею красотою, но къ нещастію руки русскихъ солдатъ истребили и опустошили всѣ деревни, близь города лежащія. Всѣ запасы, коими бы достаточно было продовольствовать всякую армію нѣсколько мѣсяцевъ, по неосмотрительности начальства истреблены въ нѣсколько дней. Нещастныхъ жителей разорили до основанія, а войска почувствовали во всемъ недостатокъ, особливо въ провіантѣ. Ежели бы жители края сего не имѣли обыкновенія сѣять во множествѣ въ поляхъ капусту, рѣпу, брюкву и благотворительный картофель, замѣняющій все, то мы бы больше претерпѣвали голодъ, нежели осажденные въ городѣ французы. Нашъ корпусъ, изъ 30-ти тысячъ состоящій, около мѣсяца питался однимъ картофелемъ и ово-

щами, отнимая оные у мышей, коихъ въ поляхъ около Дрездена неописанное множество особаго рода безхвостыя; хлѣба же недѣли по двѣ въ глаза не видали. Жалости достойно видѣть толь прекрасный край, такъ опустошенный. Домы не только разграблены, но разломаны на дрова или сожжены. Бѣдные жители такъ жестоко наказаны за опустошенія, ихъ собратіями въ Россіи учиненныя. Укрѣпленіе города французами весьма искусно устроено; около всего города построены сильные редуты съ глубокими рвами; во рвахъ палисады всѣ новыя соединены между собою валомъ или каменною стѣною, и каждая батарея одна другую защищаетъ; потомъ идетъ другой рядъ укрѣпленій, батареи, кои дѣйствуютъ на первую линію. Внутри города по всѣмъ улицамъ поперекъ подѣланы батареи, кои можно почесть третьимъ рядомъ укрѣпленій; гдѣ нѣтъ стѣны, тамъ поставленъ крѣпкій палисадникъ. Нѣтъ мѣста, коимъ бы искусство не воспользовалось. Можно отдать французамъ справедливость, что они укрѣпляться мастера. Если бы непріятель не принужденъ былъ сдать города, то съ такимъ сильнымъ гарнизономъ и 100 тысячъ не въ силахъ бы были взять его штурмомъ. Въ Дрезденѣ есть театръ, снаружи обыкновенное строеніе, внутри изрядно устроенъ, декораціи порядочныя. Представляютъ въ немъ нѣмецкія и италіанскія піесы; оркестръ прекрасный, пѣвицы поютъ довольно хорошо, но не отлично. Актеры— есть двѣ труппы, одна играетъ оперы, другая комедіи, они попеременно бываютъ, одни въ Лейпцигѣ, а другіе здѣсь. Это смѣшно, что въ Дрезденѣ должны полгода слушать всякой день оперы, а другіе полгода комедіи . . . . . . скрали всѣ оперы. Экипажей въ городѣ мало, а хорошихъ совсѣмъ нѣтъ. Нѣмцы люди ращетистые, по дороговизнѣ мало держатъ лошадей, ходятъ больше пѣшкомъ. Даже и женщины въ случаѣ надобности употребляютъ портчезы, но что рѣдко, чтобъ не платить денегъ. Пріятно видѣть по утрамъ, и для русскаго это дѣйствительно новая картина, какъ всѣ женщины и дѣвушки, прекрасныя собою, въ шляпкахъ, хорошихъ капотахъ, въ бѣленькихъ чулочкахъ, съ прекрасными корзинками на рукахъ, идутъ по улицамъ на рынокъ покупать для стола припасы. Въ Саксоніи обыкновенная монета талеръ, который имѣетъ въ себѣ 24 гроша или 6 злотыхъ польскихъ; злотыхъ имѣетъ 4 гроша, грошъ 12 фениговъ.

7-го осматривали мы рѣдкости, въ городѣ находящіяся. 1-е въ старомъ городѣ рѣдкая въ Европѣ картинная галлерея, древнее готическое квадратное зданіе, гдѣ лучшихъ художниковъ хранятся рѣдкія произведенія. 2-е въ новомъ городѣ, въ прежде бывшемъ королевскомъ лѣтнемъ дворцѣ, въ огромномъ зданіи на рѣкѣ Эльбѣ, въ фасадѣ къ рѣкѣ, королевская библіотека, гдѣ въ нѣсколькихъ залахъ хранятся 200 тысячъ экземпляровъ книгъ, расположенныя систематически; и довольно манускриптовъ, особливо одна зала съ мраморными колоннами достойна замѣчанія своею величиною и красотою. 3-е напротивъ въ другой связи 18-ть комнатъ съ разными фарфорами, изъ нихъ 14-ть съ китайскимъ и

японскимъ. 4-е съ саксонскимъ, тутъ всякаго рода животныя, птицы, цвѣты, разныя большой величины вазы и всякаго рода штуки съ большимъ искусствомъ отдѣланныя видѣть можно. Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ красный фарфоръ за 200 лѣтъ изобрѣтенный. Къ сожалѣнію секретъ дѣлать его вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ погребенъ. Неподалеку находятся спальна покойнаго короля Августа II-го. Убранство оной состоитъ изъ ковровъ, набранныхъ искуснымъ образомъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, изображающихъ живо разныя картины. Потомъ слѣдуетъ галлерея статуй, гдѣ можно видѣть рѣдкія произведенія древнѣйшихъ славныхъ художниковъ; древность нѣкоторыхъ статуй простирается за 3000 лѣтъ; иныя изъ нихъ уже отъ времени повреждены, другія лишены нѣкоторыхъ членовъ, но большая часть весьма искусно сохранены въ совершенной цѣлости. Изъ сихъ статуй четыре заслуживаютъ отличное вниманіе потому, что онѣ первыя вырыты изъ Геракла и суть весьма высокой работы, нимало не повреждены и болѣе 200 лѣтъ имѣютъ древности. Тутъ же есть рѣдкія произведенія. Всѣ сіи статуи такъ разставлены, что составляютъ великолѣпную амфиладу. Кромѣ Дрездена во всей Германіи нѣтъ нигдѣ собранной коллекціи статуй. Въ послѣднемъ отдѣлѣ находятся египетскія, лучшія двѣ царской фамиліи, покрытыя богато расписнымъ одѣяніемъ, съ изображеніемъ лицъ тѣхъ особъ, изъ коихъ одна сохранена въ совершенной цѣлости, у другой же одѣяніе нѣсколько повреждено. Третья мумія младенца, у коей голова наружи, а тѣло обвито свивальниками, кои нѣсколько повреждены; и всѣ оныя имѣютъ 3500 лѣтъ древности. Есть тутъ и гробъ, въ который кладутъ сіи муміи, изъ особеннаго рода дерева, весьма долго негніющаго.

Сего жъ числа возвратился Новиковъ, посыланный къ Государю съ донесеніемъ о сдачѣ Дрездена. Непріятное извѣщеніе, что сдѣланая капитуляція графами Клейнау и Толстымъ не утверждена, а что всего удивительнѣе и страннѣе, что посланъ къ Сенсиру отъ Государя нарочный съ другимъ договоромъ, чтобы быть ему военноплѣннымъ, отдавшись въ полную волю Государя, а буде онъ на сіе не согласится, то возвратился бы обратно въ Дрезденъ. Любопытно знать, какъ поступитъ Сенсиръ въ такомъ случаѣ. Ежели бы онъ для рѣдкости вздумалъ опять занять Дрезденъ, это такое выйдетъ происшествіе, какого не только никогда не бывало, но и въ сказкахъ еще не случалось. Какимъ образомъ возвратимъ мы французамъ отобранное у нихъ оружіе, пушки, аммуницію, лошадей, принятыхъ безъ щету и половину растерянныхъ. Графъ Клейнау, получа отъ Шварценберга репримандъ, тотчасъ послалъ къ нему просьбу въ отставку и того жъ дня сдалъ команду маркизу Шатлеру. Какимъ образомъ Сенсиръ ни поступитъ, но обстоятельство таковое по оригинальности своей составитъ въ исторіи странную эпоху. Послѣ узнали мы Сенсировъ отвѣтъ посланному по приказанію Шварценберга отъ Шатлера, а не Государя, какъ прежде сего увѣряли:

онъ полагалъ имѣть дѣло съ просвѣщеннымъ народомъ, и потому увѣренъ, что капитуляція выполнится въ точной ея силѣ, и что Шварценбергъ не въ силахъ будетъ удовлетворить всѣхъ требованій его, ежели ему снова занять Дрезденъ. Такимъ образомъ все осталось попрежнему, но къ удивленію въ главной квартирѣ написали въ газетахъ, будто графы Клейнау и Толстой въ заключенной ими капитуляціи выпустили французовъ войска съ однимъ условіемъ не служить имъ только полгода, Шварценбергъ же якобы добавилъ, чтобы быть имъ до размѣна военно-плѣнными, то есть присвоилъ себѣ, что сдѣлали графы. Изъ сего ясно видѣть можно интриги и намѣреніе сдѣлать неудовольствіе обоимъ графамъ; а мы должны терпѣть, Сенсиръ же съ войсками противъ капитуляціи отправлены въ Богемію.

10-го на 11-е число ночью выпалъ небольшой снѣгъ, къ вечеру онъ пропалъ.

14-го корпусъ генералъ лейтенанта Маркова выступилъ въ походъ чрезъ Мейсенъ въ Бранденбургъ, австрійскій же корпусъ графа Клейнау, какъ увѣряютъ, чрезъ Швейцарію въ Италію.

20-го полкъ нашъ, обмѣнивъ ружья свои на французскія, пошелъ чрезъ Дрезденъ на правый берегъ Эльбы, въ назначенныя ему квартиры, въ Отранду и близъ лежащія селенія, за 40 верстъ отъ Дрездена, по дорогѣ къ Торгау и Бранденбургу. Сего жъ числа получено повелѣніе итти намъ къ Торгау и корпусу генералъ лейтенанта Маркова, туда жъ поворотить въ команду графа Толстаго и подъ главнымъ начальствомъ маркиза Шатлера.

23-го всѣ полки наши готовы были выступить въ походъ, какъ вдругъ повелѣніе маркизу Шатлеру отправиться въ Терезіенъ Штатъ, регулярнымъ войскамъ австрійскимъ итти въ главную армію, а милиціи въ Богемію.

25-го получено повелѣніе итти намъ къ Магденбургу. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней прислано было намъ шесть разныхъ направленій марша.

26-го выѣхалъ я съ полковникомъ изъ Дрездена къ полку въ отрядъ, куды и прибылъ пополуночи въ два часа. Дорогою проѣзжали чрезъ мѣстечко Морицбургъ; въ полуверстѣ отъ него славный королевскій звѣринецъ, въ коемъ множество всякаго рода звѣрей, простирается безъ малаго на 60 верстъ. Въ самомъ же Фазангарденѣ выстроенъ небольшой дворецъ и тутъ весь штатъ королевской охоты здѣсь содержится. Совершенная рѣдкость особаго рода серебряные и золотые фазаны, которые собою такъ красивы, что неможно на нихъ смотрѣть безъ восхищенія; для нихъ подѣланы теплые хлѣвы и подлѣ проволочныя бесѣдки, гдѣ они гуляютъ. Здѣсь стоялъ Барановъ съ ротою, мы у него обѣдали, ѣли дикихъ кабановъ, серновъ, фазановъ.

27-го ночевали мы съ полкомъ въ селѣ Фрачекъ-Гейнѣ, въ замкѣ у барона, который женатъ на королевской родственницѣ, и мы ими приняты были очень ласково; баронъ съ зятемъ своимъ выѣзжалъ къ намъ за нѣсколько верстъ навстрѣчу.

28-го остановился я съ полковникомъ съ двумя ротами въ Сансдорфѣ, протчія жъ роты въ близь лежащихъ деревняхъ. 29 дневали. Тутъ случилось происшествіе не весьма пріятное. Въ селѣ Менгейцъ, гдѣ Вешняковъ квартировалъ съ шестью ротами, неизвѣстно кто выстрѣлилъ изъ ружья, пулею ранилъ тяжело въ правый пахъ, нечаянно одного саксонца. По строгомъ разысканіи не могли найти виновнаго. Адьютантъ Владыкинъ, присланный съ симъ извѣстіемъ, поморилъ насъ всѣхъ со смѣху: вдругъ говоритъ съ томнымъ видомъ, у насъ случилось важное, ужасное и неслыханное происшествіе: одного гермаля подстрѣлили. Онъ полагалъ, что всѣхъ нѣмцовъ зовутъ гермалями, видѣвши, когда скажутъ имъ гермаль, они откликаются, и это названіе пошло въ пословицу.

30-го сдѣлали мы съ полкомъ около 60 верстъ маршу и едва кое-какъ въ полночь размѣстились по деревнямъ. Я съ полковникомъ остановился въ разореной деревушкѣ Патинѣ, у тамошняго шульца, въ холодной избѣ, и гдѣ кромѣ картофеля ничего не могли найти утолить нашъ голодъ, будучи въ маршѣ съ 7-ми часовъ утра и во весь день ничего не ѣвши, да и спать принуждены были въ повалку на соломѣ. Отъ самой Отранды шли мы неподалеку отъ крѣпости Торгау и всякой день по ночамъ слышна была сильная канонада.

Декабря 1-го прибыли мы на ночлегъ въ село Зеекхаузенъ, гдѣ также стояли у шульца и весьма голодно провели день.

2-го прибыли къ вечеру въ городъ Бельцыхъ, гдѣ на другой день дневали. Городокъ небольшой, но довольно изрядной и веселой, жители къ намъ были очень ласковы. Тутъ мы простились съ прекрасною Саксоніею, на правомъ берегу Эльбы. Мѣстоположеніе ровно, нѣтъ ни одной горы, по большой части лѣса и грунтъ песчаной. Жители и тутъ разорены мѣстами, но не такъ какъ по ту сторону, около Дрездена. По крайней мѣрѣ здѣсь домы цѣлы, со всѣмъ тѣмъ, несмотря на причиненныя нами жителямъ обиды, они очень ласково съ нами обращались и вездѣ хорошо довольствовали нашихъ солдатъ. Случалось иногда одному хозяину кормить сто человѣкъ. Не знаю, какъ Богъ имъ помогаетъ. Ночью полученъ приказъ, что Бениксенъ поручилъ графу Толстому команду блокадныхъ войскъ, на лѣвомъ берегу Эльбы, почему и велѣно намъ итти на ту сторону малыми маршами, не изнуряя людей. Для сего 4-го числа еще дневали въ Белцыгѣ.

5-го вступили мы въ Пруссію, въ южную Бранденбургію и ночевали въ селѣ Истребше, принадлежащее ландрату барону Бениксену, родному брату нашего главнокомандующаго. Послѣ смерти ландрата остались сынъ и дочь, которые съ матерью живутъ въ Зербетѣ.

6-го пришли въ село Гіоренъ, гдѣ 7-го дневали. Жители онаго намъ очень обрадовались, потому что за два дня до нашего прихода часть гарнизона выходила изъ Магденбурга и имѣли дѣло съ прусскими ландверами, верстахъ въ

4-хъ отъ селенія. Они два селенія выжегли и забравъ что могли найти въ оныхъ. Французовъ было втрое больше числомъ, со всѣмъ тѣмъ они ничего важнаго не сдѣлали, взяли только трехъ пруссаковъ въ плѣнъ; пруссаки же взяли у нихъ 30 человѣкъ раненыхъ и до ста дезертировъ. Въ прусскомъ владѣніи, на правомъ берегу Эльбы мѣста всѣ лѣсистыя и песчаныя, звѣрей всякаго рода множество, особливо оленей и козъ, ихъ десятка по два вдругъ видѣть можно, а зайцы почти на каждомъ шагу попадаются. Тутъ мы стрѣляли оленей, козъ и зайцевъ. погода во всю дорогу была благопріятная. Въ первыхъ числахъ декабря морозы были довольно сильные, такъ что стоячія воды замерзли и ледъ подымалъ легко человѣка; по крайней мѣрѣ было сухо, что весьма полезно было бѣднымъ нашимъ полунагимъ и босымъ войскамъ.

8-го поутру въ 7-мь часовъ пошли мы въ походъ, въ селѣ Прецыпѣ переходили мы по живому мосту старую Эльбу, такъ названный рукавъ настоящей рѣки. Пройдя село Груневальдъ, перешли по наведенному на судахъ мосту на лѣвой берегъ Эльбы и вступили въ бывшее предъ симъ Вестфальское королевство. Противъ моста надъ самою Эльбою лежитъ городъ Шіонебенъ, онъ не такъ великъ, но прекрасно выстроенъ. Тутъ два саловаренныхъ завода. Прусской главнокомандующій надъ Магденбургомъ генералъ лейтенантъ Гиршвелдъ имѣлъ здѣсь свою квартиру; онъ выѣзжалъ смотрѣть насъ, когда мы съ полкомъ черезъ городъ проходили. Старикъ почтенный и заслуженный, имѣетъ нѣсколько орденовъ, и весьма ласковый въ обхожденіи. А прусскіе ландверы съ неописанною радостью подходили къ нашимъ войскамъ, брали ихъ за руки, называя камратами. Къ вечеру въ 6-ть часовъ насилу могли мы дойти до назначенныхъ квартиръ; 1-й баталіонъ въ село Ацендорфъ, 2-й и 3-й баталіоны въ село Эйнедорфъ. Этотъ маршъ былъ для насъ очень тягостенъ и изнурителенъ, проливной дождь шолъ во весь день; сдѣлалась чрезвычайная грязь и люди наши совершенно обосѣли, потому что большая часть имѣли на ногахъ вмѣсто сапогъ изъ воловыхъ кожъ обертки, которыя отъ грязи совсѣмъ расползлись.

9-го числа имѣли мы растахъ, отъ того что генералъ нашъ не доѣхалъ до Калбѣ и приказу никакого не было, что весма къ стати случилось, ибо мы имѣли нужду въ отдохновеніи. На лѣвомъ берегу Эльбы мѣста совсѣмъ безлѣсныя. грунтъ земли глинистый съ камнемъ, жители въ дровахъ очень нуждающіе. Въ нѣмецкихъ краяхъ много обыкновеній, которыя для русскихъ кажутся очень странны. Здѣсь напримѣръ всѣ безъ изъятія помѣщики и пасторы отправляютъ наравнѣ съ крестьянами всѣ земскія повинности въ разсужденіи подводъ и постоевъ; шульцы, по нашему старосты, ими располагаютъ. Какъ скоро квартермистры придутъ въ село и объявятъ шульцу о числѣ людей, кои квартировать будутъ, онъ тотчасъ назначаетъ сколько слѣдуетъ поставить людей во дворѣ къ помѣщику и пастору, а остальныхъ ставитъ по мужикамъ, и никто ему не противится.

10-го прибыли мы въ назначенныя намъ кантониръ-квартиры. 1-й и 3-й баталiоны въ городъ Когштетъ, 2-й баталiонъ въ село Ацендорфъ, въ 3-хъ миляхъ отъ крѣпости Магденбурга. Когштетъ городъ небольшой, выстроенъ безъ всякой регулярности, улицы кривыя, тѣсныя и нѣтъ ни одной площадки. Жители небогаты, но довольно хорошо кормили нашихъ солдатъ. Во всемъ городкѣ одна только лавка съ мелочами и ничего достать неможно. Я стоялъ въ королевскомъ домѣ, у дворянина, который снялъ аренду; квартира была изрядная, хозяева добрые люди, которые насъ очень хорошо кормили. Мое щастiе таково, въ хорошихъ квартирахъ долго стоять не дадутъ. Здѣсь также составляется ополченiе, какъ и во всей Пруссiи, жители одушевлены чрезвычайнымъ энтузiазмомъ. Въ здѣшнемъ городѣ всякой день собираются назначенные въ ополченiе люди съ оружiемъ кто что имѣетъ, иной съ пикою, иной съ вилами, и учатся дѣйствовать. Однимъ днемъ одинъ изъ нихъ не пришолъ на ученiе; вдругъ десять человѣкъ идутъ къ нему въ домъ, выбиваютъ у него окна, самого его избили и повлекли въ ратушу. Ненависть къ французамъ въ бывшемъ Вестфальскомъ королествѣ черезвычайна, они равнодушно не могутъ говорить объ нихъ и проклинаютъ Iеронимово правленiе.

15-го по предписанiю прусскаго генерала Гирьшвельда двинули всѣ полки наши ближе къ Матденбургу для большаго стѣсненiя города и для усиленiя по деревнямъ аванпостовъ, на кои часто дѣлаетъ непрiятель вылазки. Сего числа прибыли мы съ полкомъ къ вечеру въ село Ярмислебинъ. Я стоялъ квартирою вмѣстѣ съ полковникомъ въ преогромномъ старинномъ съ башнями, окруженномъ водою, замкѣ; внутри комнаты хорошо вновь отдѣланы.

16-го въ полудни прибыли мы въ назначенныя намъ квартиры въ двухъ миляхъ отъ Магденбурга. Полковникъ съ 6-ю ротами въ село Гросъ-Родеслейбенъ, 2-й баталiонъ въ селенiяхъ Клейнъ-Родеслейбенъ, а двѣ роты 3-го баталiона въ колонiи Гемздорфъ; артиллерiйская легкая рота №-64 съ нами въ одной деревнѣ. Полковникъ квартировалъ у пастора, который настоящая театральная калекатура, а жена его сумасшедшая. Но однакожъ послѣ, когда генералъ перешелъ въ Дрейлебенъ, то полковникъ занялъ его квартиру съ Комендебергенѣ, а летманъ или откупщикъ оной человѣкъ предобрый, который одинъ насъ полюбилъ. У него двѣ прекрасныя дочери, обѣ играютъ на фортопьяно, на гитарѣ и поютъ прекрасно, особливо старшая. До обѣда занимался полковникъ постройкою пикетовъ и потомъ вмѣстѣ со мною разформированiемъ полкомъ въ два баталiона, къ вечеру жъ у насъ музыка. Такимъ образомъ очень весело провождали время; но недолго наслаждались такимъ удовольствiемъ. Съ нашего корпуса, состоящаго изъ трехъ Пензенскихъ и одного Рязанскаго полка, послѣ позицiй генерала Гирьшвельда, отряжены были 3 баталiона въ помощь аванпостамъ въ селенiяхъ Гогдоблебенѣ, Нодердоблебенѣ и Шнерлебенѣ, кои каждые четыре дни перемѣнялись

другими. Обязанностію ихъ было, коль скоро непріятель сдѣлаетъ изъ крѣпости нападеніе на аванпосты, подкрѣплять ихъ, буде же силы ихъ превосходны, ретироваться на общее сборное мѣсто между Гросродеслебеномъ и колоніею Гемздорфъ, дабы заманить ихъ далѣе отъ крѣпости. Непріятель ежедневно почти дѣлалъ вылазки, и мы были въ безпрестанной тревогѣ. Рѣдкой день полки не сбиралисъ на сборное мѣсто.

19-го было довольно жаркое дѣло съ передовыми баталіонами подъ деревнею Дисдорфъ, съ небольшимъ однакоже съ обѣихъ сторонъ урономъ. Баталіоны наши дрались отлично; непріятель, забравши сколько могъ хлѣба, возвратился въ крѣпость, а наши заняли прежнюю позицію. Жители села Дисдорфъ послѣ сего выбрались со всѣми своими пожитками въ другія селенія. Цѣль всѣхъ непріятельскихъ покушеній была фуражированіе. 23-го вѣроятно непріятель узналъ о выступленіи наканунѣ генералъ маіора Россе къ Гамбургу съ двумя армейскими полками и ротою артиллеріи, сдѣлали сильную вылазку, оставя позицію трехъ нашихъ баталіоновъ, взяли направленіе въ правую и лѣвую стороны. Войска, пошедшія вправо для демонстраціи, имѣли съ прусскими войсками небольшую перестрѣлку; къ ночи возвратились обратно въ крѣпость. Другой же отрядъ, состоящій изъ шести тысячъ съ 10-ю орудіями, вытѣснивъ башкиръ изъ села Абелдорфа, пошелъ далѣе въ село Гундисбургъ, гдѣ разграбилъ жителей; отступили поближе къ городу и расположились въ селеніяхъ Гутенсвегѣ, Гросъ и Крюинъ-Амслебенѣ, разстояніемъ отъ Магденбурга на одну милю, гдѣ и ночевали. Полкамъ нашего корпуса приказано было еще съ полденъ собраться къ селу Веленъ, въ коемъ мы и ночь проводили. Къ щастію французовъ, что графъ Толстой поздно свѣдалъ о ихъ пребываніи въ помянутыхъ селахъ и не успѣлъ подвинуть Муромцова корпуса, ни пруссаковъ, дабы совершенно отрѣзать имъ ретираду, почему одинъ нашъ корпусъ и графъ Толстой съ кавалеріею въ 6-ть часовъ утра пошли къ селу Эбендорфъ, куды прибыли въ 8-мь часовъ и тотъ же часъ атаковали непріятеля, собравшагося уже ко отступленію съ своею добычею. Сначала онъ держался и много стрѣлялъ изъ пушекъ, но коль скоро двинули всю пѣхоту, онъ началъ поспѣшно ретироваться, оставя всѣ награбленные свои запасы и скотъ. Наша артиллерія и стрѣлки много ему вредили, казаки и башкиры, опрокинувъ ихъ кавалерію, болѣе ста перекололи на мѣстѣ и нѣсколько взяли въ плѣнъ. Весь уронъ ихъ полагать можно болѣе 300 человѣкъ. Съ нашей стороны и ста нѣтъ. Послѣ сего сраженія непріятель цѣлые 6-ть дней не выходилъ изъ крѣпости, и мы были совершенно покойны.

25-го шолъ проливной дождь.

26-го начало морозить. 27 былъ сильный морозъ съ небольшимъ снѣгомъ и началась зима, а до сихъ поръ была погода какъ у насъ обыкновенно бываетъ въ сентябрѣ; но жители говорятъ, что никто не помнитъ такой зимы; какъ

прошлогодняя была холодна, такъ нынѣшняя необычайно тепла и поздно началась.

31-го непріятель сдѣлалъ вылазку на пруссаковъ къ сторонѣ Шенебена, напалъ на ближайшее селеніе и забралъ все, что могъ, скотъ и хлѣбъ; возвратились обратно въ крѣпость.

1814-й Годъ.

Новый годъ начался морозами, похожими на наши россійскіе!

Генваря 2-го полученъ приказъ всему корпусу графа Толстаго итти къ Гамбургу, па наше же мѣсто пришелъ прусскій генералъ Таунзанъ съ войсками, взявшими Торгау и Витенбергъ; почему мы 4-го числа и выступили въ походъ до Нейгальде и Слебина; городокъ небольшой, но прекрасный, и мы жителями были приняты очень хорошо.

5-го прибыли на ночлегъ въ Лейзевицъ, владѣніе Брауншвейгскаго; деревня небольшая, квартиръ хорошихъ не было.

6-го прибыли мы въ село Бандау, опять въ Вестфальское владѣніе, гдѣ 7-го имѣли растахъ.

8-го ночевали въ селѣ Обендорфѣ.

9-го вступили мы въ Ганноверское владѣніе и ночевали въ селѣ Веренъ.

10-го прибыли въ городъ Юльценъ, гдѣ 11-го имѣли растахъ. Городъ не такъ обширный, но изрядный строеніемъ и регулярно отстроенъ. Есть нѣсколько лавокъ, улицы по ночамъ освѣщаются фонарями. Здѣсь видѣли мы три эскадрона аглицкихъ гусаръ на прекрасныхъ аглинскихъ лошадяхъ и очень хорошо одѣты. Тутъ же узнали мы отъ нѣкоторыхъ изгнанныхъ изъ Гамбурга жителей, маршалъ Даву подъ предлогомъ избѣжанія голода выгналъ изъ города до 30-ти тысячъ нещастныхъ жителей. Забравъ все оставшееся имущество, этотъ извергъ говоритъ, что онъ жителямъ Гамбурга оставитъ только одни глаза для оплакиванія ихъ участи, и кажется, сдержитъ свое слово. Во ономъ городѣ довольно много мы повеселились. Тутъ мы стояли на квартирѣ вмѣстѣ съ Юрасовымъ, квартира была довольно хороша и всѣмъ изобильна. Юрасовъ тутъ ни въ чемъ нужды не имѣлъ, а я во ономъ городѣ былъ на вечернемъ балу у нѣмцовъ, у нихъ былъ таковой: въ одной горницѣ на 7-мь столовъ играютъ въ вистъ, курятъ всѣ трубки и пьютъ биръ. Послѣдуя сему и мы взяли еще столъ и карты и играли. Въ другой комнатѣ были однѣ дѣвушки и женщины, хорошо одѣты, и всѣ занимались вязаніемъ чулокъ. Тутъ были и аглицкіе офицеры. Послѣ былъ ужинъ и хотѣли танцовать, но мы всѣ разошлись, а потому и не дождались того.

12-го прибыли мы на ночлегъ Бенебютиль. Переходъ былъ хотя небольшой, не болѣе 3-хъ миль, но весьма труденъ оттого, что ночью выпалъ снѣгъ почти въ колѣно и во весь день была сильная мятель, хоть бы и въ Россіи.

13-го прибыли мы въ городъ Монебургъ. Городъ обширный, хорошо выстроенъ, лавокъ съ разными товарами довольно. Вода во всемъ городѣ чрезвычайно солона и содержитъ въ себѣ три части соли, почему тамошній саловаренный заводъ почитался однимъ изъ лутчихъ въ Европѣ. Переходъ былъ еще тягостнѣе вчерашняго, мятель была ужасная, такъ что едва итти было можно; многіе ознобили себѣ лица, въ томъ числѣ и я.

14-го имѣли растахъ.

15-го прибыли въ село Атленбургъ, лежащее на самой Эльбѣ. 16 имѣли растахъ въ Ганноверскомъ владѣніи. Жители обходятся съ нами гораздо хуже, нежели въ Пруссіи и Саксоніи, и чѣмъ далѣе идемъ, тѣмъ болѣе затрудненія въ продовольствіи. Бумажки наши совсѣмъ не берутъ, а рубль серебра въ 75 копѣекъ.

17-го пошли мы вдоль Эльбы до села Маршахта, гдѣ перешли на правый берегъ оной по льду. Вдоль всего лѣваго берега сдѣлана превысокая плотина, служащая оплотомъ всѣмъ селеніямъ, по низменнымъ мѣстамъ выстроеннымъ, за цѣлостью коей имѣютъ рачительное смотрѣніе, ибо малѣйшая часть небреженія по разлитіи воды потопитъ оныя. Ночлегъ имѣли мы въ самой бѣдной деревушкѣ Вортъ, вмѣстѣ съ уланами, которые имѣли тамъ свои квартиры. Съ переходомъ за Эльбу продовольствіе отъ жителей прекратилось, начали оное получать съ учрежденныхъ магазеиновъ.

18-го пошли мы въ походъ, который назначенъ былъ болѣе 50-ти верстъ, то и раздѣлили его на два, почему и ночевалъ полкъ сего числа въ деревнѣ Волторфъ на 10 дворахъ, къ которой съ трудомъ дошли, имѣя снѣгъ по поясъ.

19-го вступили мы въ Голштинію при мѣстечкѣ Рейнбекъ. Мѣстечко самое маленькое; дома, разбросанные по оврагамъ въ лѣсу, составляютъ для глазъ довольно пріятную картину; нѣкоторые изъ нихъ прекрасной архитектуры. Рѣка Вильде отдѣляетъ Ганноверское владѣніе отъ Датскаго. Къ 10-ти часамъ весь корпусъ собрался въ селѣ Вельгузеле, откуда пошли далѣе уже цѣлымъ отрядомъ. Сего числа сдѣлали мы переходъ 40 верстъ по глубокимъ снѣгамъ и въ жестокую мятель. Войска очень изнурились, обозы поломались, и мы съ полкомъ, не дойдя до назначенныхъ квартиръ, ночевали въ пребѣдной деревушкѣ Заселъ, на 9-ти квартирахъ вмѣстѣ съ эскадрономъ конныхъ егерей и ночь провели довольно худо и голодно.

20-го прибыли мы въ назначенныя намъ кантониръ квартиры. Полковникъ съ одною ротою сталъ въ деревнѣ Волдорфъ Гамбургскаго владѣнія, въ 15-ти верстахъ отъ онаго; протчія роты расположились въ двухъ деревняхъ Буштетѣ и Клейнъ Гвиздорфъ Датскаго владѣнія. Квартиру я имѣлъ вмѣстѣ съ полковникомъ, въ домѣ у гамбургскаго купца, жившаго во ономъ по найму. Квартира

была прекрасная, хозяинъ предобрый, который весь свѣтъ почти объѣздилъ; былъ онъ въ Америкѣ, во всѣхъ европейскихъ столицахъ, въ Петербургѣ жилъ онъ 4 года; и намъ у него стоять было нехудо.

24-го наши три Пензенскіе полка поступили въ команду къ генералу Маркову, почему сдѣлана была перемѣна квартирамъ. Мы съ 1-мъ баталіономъ расположились въ селѣ Лангенгаркъ, а 2-й баталіонъ въ Фельбетелѣ; оба принадлежащія къ городу Гамбургу. Квартира наша была премерзкая, прехолодная, и селеніе хотя довольно велико, но разореное и разбросанное почти на семь верстъ.

26-го полученъ приказъ въ полудни, чтобы полкъ былъ въ сборѣ и совершенной готовности къ походу. Ночью получено повелѣніе, дабы на другой день къ 10-ти часамъ утра быть съ полкомъ въ село Еделшетъ.

27-го по прибытіи туда въ назначенное время генералъ лейтенантъ Марковъ взялъ полкъ нашъ въ свою колонну и приказано было до вечера расположиться въ ближайшей деревнѣ. 2-й и 3-й Пензенскіе пошли смѣнять кирасирскіе полки, стоящіе на аванпостахъ. Въ три часа пополудни вся колонна, состоящая изъ 43-го и 27-го Егерьскаго Нейшлотскаго пѣхотнаго и нашего полковъ, двухъ эскадроновъ уланъ, двухъ сотенъ казаковъ и 4-хъ орудій конной артиллеріи собравшись двинулись впередъ и въ шесть часовъ вечера прибыли въ село Доне и Гуденъ, гдѣ отдыхали биваками до двухъ часовъ ночи. Главнокомандующаго планъ былъ слѣдующій. Генералъ лейтенантъ Марковъ, составляющій 3-ю колонну, долженъ былъ, перейдя Эльбу, занять островъ Вильгельмсбургъ и другія близь лежащія деревни. Генералъ отъ инфантеріи Докторовъ, составлявшій 1-ю колонну, долженъ былъ, также перейдя Эльбу къ сторонѣ Гарбурга, обще съ графомъ Толстымъ, составлявшимъ 2-ю колонну съ Нижегородскимъ ополченіемъ и двумя пѣхотными полками, овладѣвъ на пути лежащими селеніями, соединиться съ Марковымъ и сжечь большой мостъ, устроенный для коммуникаціи съ Гамбургомъ на Эльбѣ. Генералъ лейтенантъ Шепелевъ съ двумя Пензенскими и Рязанскимъ полками долженъ былъ дѣлать при деревняхъ Эпендорфѣ, Гогемобортѣ и Эмсбителѣ фальшивую атаку на Гамбургъ, дабы занять непріятеля и всѣмъ колоннамъ вмѣстѣ начать атаку.

28-го поутру въ 2 часа колонна наша по данной диспозиціи двинулась въ походъ при деревнѣ Ништотъ. Спустились мы на Эльбу, шли всѣ вдоль праваго берега. Въ 4 часа генералъ маіоръ Булатовъ съ передовыми войсками аттаковалъ первый островъ, напавъ на нихъ врасплохъ, взялъ штурмомъ батарею съ двумя орудіями съ такою быстротою, что они не успѣли сдѣлать пяти выстрѣловъ, какъ она уже была взята, а люди, бывшіе на ней, всѣ побиты. Потомъ пошли далѣе, брали одну послѣ другой деревни съ равнымъ успѣхомъ. Въ 8-мь часовъ уже были мы на островѣ Вильгельмсбургѣ, гнали непріятеля до самаго моста, который защищаемъ былъ 6-ю орудіями и 3-мя полками пѣхоты, а мы за глубокими снѣ-

гами и многими на рѣкѣ проталинами не могли взять съ собою ни одной пушки. Тутъ было жаркое сраженіе, непріятельскія колонны три раза прогоняемы были штыками изъ деревни, лежащей при мостѣ; стрѣлки наши вбѣгали на оный, но не могли зажечь его. Наконецъ непріятель, дабы удалить насъ отъ мосту, зажегъ деревню. Между тѣмъ уже и Доктурова корпусъ придвинулся, но недолго держался, началъ отступать, не давъ знать Маркову. Марковъ же, видя, что моста жечь нѣтъ возможности, началъ сбираться итти обратно, какъ вдругъ узнали, что Докторова уже съ корпусомъ нѣтъ, что французы насъ обходятъ и занимаютъ ближнія деревни. Полки выстроены тотчасъ въ боевой порядокъ, всѣ конные стрѣлки удержали ихъ стремленіе, и мы пошли своимъ порядкомъ. Въ семъ дѣлѣ у непріятеля убитъ генералъ 1, полковниковъ 2, много офицеровъ и до 700 рядовыхъ; въ плѣнъ взято обѣими колоннами нѣсколько офицеровъ и 700 рядовыхъ. Съ нашей стороны у Маркова убито и ранено 266 человѣкъ да у Докторова до 4-хъ сотъ; тутъ взято 16 пушекъ, множество снарядовъ, провіанту и вина. Экспедиція сія была бы весьма для непріятеля пагубна и принесла бы намъ важныя выгоды, ежели бы Докторовъ не опоздалъ своимъ прибытіемъ, графъ же Толстой съ своею колонною и совсѣмъ не прибылъ, чрезъ что не достигло главной цѣли сжечь большой мостъ, для пресѣченія коммуникаціи между Гамбургомъ и Гарбургомъ, который командуетъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ. Экспедиція кончилась переводомъ только людей. Идучи назадъ, проходили мы мимо Альтоны, которую ночью не замѣтили. Городъ сей, бывшій во всегдашнемъ соперничествѣ съ Гамбургомъ, лежитъ на берегу самой Эльбы и простирается вдоль оной версты на двѣ. Прекрасные домы, построенные по полугорью, перемѣшанные съ садами, представляютъ для глазъ плѣнительный видъ. Принцъ Экмюль сдѣлалъ съ Альтоною условіе, чтобы русскихъ войскъ не впускать въ оный, то и онъ ему вредить не будетъ, почему онъ и остался никѣмъ не занятымъ и пользуется щастливою свободою. Жители онаго, коль скоро завидѣли наши войска, отъ мала до велика вышли къ намъ навстрѣчу и коль скоро увидѣли плѣнныхъ, веденныхъ при нашемъ полку, тотчасъ начали кричать ура! и кидали шляпы вверхъ. Удивительно всѣ народы ненавидятъ французовъ; видно, что правительство ихъ было слишкомъ для всѣхъ тягостно. Возвращаясь назадъ, на рѣкѣ во многихъ мѣстахъ были полыньи, у коихъ стояли альтонцы, дабы кто ошибкою не впалъ во оныя. Къ вечеру полкъ прибылъ въ деревню Ништетъ, Датское владѣніе, гдѣ мы ночевали у содержателя пансіона, который намъ чрезвычайно былъ радъ и угощалъ самымъ лутчимъ образомъ. За сіе полковникъ нашъ получилъ орденъ святыя Анны 2-й степени на шею, а я орденъ святыя Анны 3-й степени на шпагу.

29-го пошелъ полкъ на вновь показанныя квартиры въ село Ніендорфъ, 8 верстъ отъ Гамбурга; 2-й баталіонъ въ деревню Шмельзинъ Ліендорфъ, также Датскаго владѣнія. Село довольно изрядное, лежащее на большой дорогѣ. Тутъ

же сталъ квартирою генералъ-маіоръ Назимовъ и Пензенская артиллерія. Я тутъ четыре мѣсяца стоялъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ и княземъ, у весьма добраго хозяина, булочника; они были для насъ очень ласковы; у него была довольно хорошая дочка и также преласковая, а особливо для князя; она однихъ съ нимъ лѣтъ, а потому и ласкова была къ нему.

Февраля 1-го получено извѣстіе о пораженіи Наполеона подъ Бріенномъ, гдѣ и потерялъ онъ 200 пушекъ и 20 тысячъ плѣнными, и что онъ чрезъ Витри потянулся къ Армаку, почему на другой день вывезены были на аванпосты въ село Епендорфъ батарейныя орудія для торжествованія таковой побѣды. Полковникъ Говень посланъ былъ съ трубачемъ объявить о семъ гарнизону. Но сколько трубачъ ни трубилъ, изъ Гамбурга никто не вышелъ и принуждены были начать стрѣлять.

5 опять была экспедиція на тѣ же мѣста какъ и 28 числа генваря. Докторовъ съ своимъ корпусомъ сжегъ заднiй мостъ къ Гамбургу, плѣнныхъ взято у непріятеля до 100 человѣкъ и много побито и ранено; съ нашей же стороны во всѣхъ корпусахъ съ небольшимъ 100 человѣкъ убитыми и ранеными. На сей разъ Бекетовъ ходилъ съ своимъ полкомъ въ экспедицію, а нашъ полкъ на мѣсто его въ Епендорфѣ для демонстраціи. Стрѣлки наши выгнали тотъ часъ непріятельскихъ стрѣлковъ изъ занимаемыхъ ими позицій, изъ оставшихъ послѣ сожженія домовъ, гдѣ и держались цѣлый день, разстрѣлявъ множество патроновъ. Въ полку у насъ убито 2 да ранено 4 человѣка стрѣлковъ пулями. А мы, простоявши цѣлый день на морозѣ подъ горами, возвратились въ Эпендорфъ на аванпосты. На другой день пошли обратно въ свои квартиры. Село Эпендорфъ прекрасно выстроено, для гулянія тротуары. Оно похоже болѣе на городъ, нежели на деревню, принадлежитъ къ Гамбургу. Здѣсь лутшіе купцы и кореспонденты имѣютъ свои загородные домы, гдѣ они обыкновенно въ лѣтнее время проживаютъ. Теперь же оставя Гамбургъ, всѣ собрались здѣсь, отъ чего сдѣлалось изрядное общество, а по вечеру бываютъ клубы.

Съ 11-го на 12 число была еще ночная экспедиція. Главнокомандующій узналъ, что на островѣ Вильгельмсбургѣ стоятъ два баталіона непріятельскихъ войскъ, вздумалъ сдѣлать надъ ними поискъ. Корпусъ Маркова, собравшись въ 7 часовъ вечера, пошелъ въ походъ; мѣста ихъ на аванпостахъ изъ предосторожности заняли въ Едельштебе два баталіона Нижегородскихъ и два орудія Пензенской артиллеріи, въ Локштетѣ одинъ баталіонъ Нижегородской, въ Епендорфѣ одинъ баталіонъ Нижегородской, весь 3-й Пензенской полкъ, два ескадрона уланъ и 4 орудія конной артиллеріи подъ командою Г. маіора Назимова; въ Ельмсбетенѣ нашъ полковникъ съ однимъ своимъ и однимъ Нейшлотскимъ баталіонами, два эскадрона уланъ и 4 орудія лехкой артиллеріи; въ Гогелефтѣ нашъ одинъ баталіонъ. Въ два часа пополуночи услышали мы сильную ружей-

ную пальбу, а потомъ и пушечную канонаду. Въ самое это время противъ нашихъ аванпостовъ непріятель по цѣпи пустилъ батальный огонь. Г. маіоръ Булатовъ, подойдя къ острову, увидѣлъ, что оной сильно укрѣпленъ засѣками и ледъ на Эльбѣ обрубленъ, почему и пошелъ въ обходъ и съ тылу быстро аттаковавъ непріятеля въ штыки, много побилъ у нихъ людей и взялъ въ плѣнъ 20-ть человѣкъ; возвратился къ свѣту обратно въ свою квартиру. Съ нашей стороны ранено только 6 человѣкъ да утопли двѣ уланскія лошади, а мы 13-го смѣнясь пошли въ свои квартиры. Тутъ получено извѣстіе, что войска наши 1-го февраля вступили въ Парижъ, но къ щастію извѣстіе сіе официально подтверждено не было и послѣ оказалось ложно.

Съ 15 на 16 число опять была ночная экспедиція. Марковъ съ своимъ корпусомъ, пошедши отъ Нейштата, обошелъ всѣ острова кругомъ, схватили нѣсколько плѣнныхъ, многихъ побили и чрезъ Ванцбекъ возвратились въ свои квартиры, потерявъ до 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Аванпосты занимались нашими полками какъ и прежде, и нашъ полкъ опять былъ Эмсбретелѣ и Гогелюфтѣ. Деревни сіи были прекрасныя, особливо Эмсбретель, въ коей нѣсколько огромныхъ въ два етажа домовъ съ садами, но теперь совершенно разорены и не болѣе четырехъ домовъ жилыхъ осталось. Мѣста отъ сихъ деревень къ Гамбургу были заселены прекрасными домами и садами, составлявшими прекрасныя гулянья; но теперь видны однѣ только развалины. 18-го возвратились мы въ свои квартиры.

Послѣ сего были еще многія небольшія експедиціи, схватывали пикеты конные и пѣшіе, и ни одна не проходила, чтобы не привели нѣсколько человѣкъ, иногда и съ офицерами.

Марта 17 вскрылась Эльба.

18 перехваченъ курьеръ, посланный отъ Наполеона въ Магдебургъ съ предписаніемъ генералу Ламаруа, дабы онъ оставилъ крѣпость, а самъ съ войсками своими поспѣшалъ къ нему во Францію, соединясь съ Даву, коему таковое жъ было послано въ Гамбургъ. Почему главнокомандующій тотчасъ переправилъ на лѣвый берегъ Эльбы графа Толстаго съ Нижегородскимъ и Рязанскимъ ополченіями и нѣсколько армейскихъ полковъ, подъ командою генералъ отъ инфантеріи Дохторова, дабы на случай ухода войскъ изъ Гамбурга пресѣчь имъ путь и не выступить изъ города. Принцъ Экмюль по вскрытіи Эльбы разрылъ всѣ плотины на островахъ и потопилъ оные, дабы нашими войсками заняты не были; въ гаваняхъ же и во всѣхъ проходахъ на рѣкѣ затопилъ суда съ каменьями для воспрепятствованія прохода флотамъ.

27 главнокомандующій поѣхалъ за Эльбу для обозрѣнія расположенныхъ тамъ войскъ. Сего жъ числа получено официяльно чрезъ прусскаго министра радостное извѣстіе о разбитіи французскихъ войскъ и вступленіи нашихъ въ Парижъ.

Апрѣля 1-го для торжествованія поставлены были на аванпостахъ въ Гогелюфтѣ и Ванцбекѣ батарейныя орудія, изъ коихъ сдѣлано было по 50 выстрѣловъ, и музыка долго играла. Жители вездѣ съ неописанною радостію торжествовали таковое происшествіе. Принцъ Экмюль съ своей стороны, не могши скрыть отъ войскъ своихъ столь главнаго происшествія, для ослѣпленія ихъ отдалъ въ приказѣ, что соединенныя войски дѣйствительно вступили въ Парижъ, но не вооруженною рукою, а съ умысла впущены жителями для ихъ погибели, и увѣряютъ, что уже изъ Парижа ни одна душа не спасется. Кажется скоро будетъ конецъ всѣмъ его хитростямъ и ежели не покорится, то войска его поступятъ съ нимъ такъ же какъ съ Наполеономъ, оставятъ его одного.

Получа такія пріятныя извѣстія, Святую недѣлю проводили мы всѣ съ удовольствіемъ, къ тому же время было благопріятное, ясные дни, даже жаркіе какъ лѣтомъ. Здѣсь весна началась самымъ пріятнѣйшимъ образомъ; еще на Страстной недѣлѣ сошелъ весь снѣгъ и дни всѣ были тихіе и ясные. Окрестности Гамбурга вообще можно почесть однѣми изъ лутшихъ въ Европѣ. Рѣки Эльба и Алстеръ, окружающія городъ, образуютъ собою множество острововъ; по берегамъ оныхъ рѣкъ до самаго города населены прекрасныя деревни, украшенныя англинскими садами, составляющія пріятныя гулянья, посреди коихъ возвышается Гамбургъ съ высокими своими башнями. По водамъ плавающіе купеческіе суда и рыбачьи лодки, все сіе дѣлаетъ видъ безподобный.

8 курьеръ изъ Парижа привезъ радостнѣйшее извѣстіе, что военныя дѣйствія прекратились, что Людвигъ 18 провозглашенъ народомъ королемъ Франціи, а Наполеонъ сложилъ съ себя императорское достоинство, избралъ себѣ мѣстопребываніе въ Средиземномъ морѣ на островѣ Эльбѣ, куда послѣ и отправился. Вотъ неожиданный конецъ человѣка изъ ничтожества достигшаго высочайшей степени величества и славы, удивлявшаго столько лѣтъ своими дѣяніями всю вселенную, поработившаго и разорившаго всю Европу, который потрясъ всѣ престолы, истребилъ милліоны людей, великій и ужасный другъ всѣмъ кровожаждущимъ честолюбцамъ. Тотъ часъ по полученіи сихъ извѣстій Г. Л. Марковъ приказалъ поставить передъ самою цѣпью непріятельскою бѣлое знамя съ изображеніемъ лилій и надписью виватъ Людвигъ XVIII король французскій. Принцъ Екмюль, увидя сіе, прислалъ своего адьютанта сказать, чтобъ знамя сняли, а ежели не сымутъ, то онъ будетъ стрѣлять. Г. М. Булатовъ отвѣчалъ ему, что они вольны это сдѣлать, а онъ съ своей стороны, ежели прикажетъ главнокомандующій, то поставитъ его на самомъ штерцъ шанце, русскіе жъ не страшась таковыхъ угрозъ, привыкли бить французовъ, но между тѣмъ совѣтуютъ имъ быть помиролюбивѣе, потому что уже Франція съ Россіею войну прекратила, и что Даву уже не Наполеоновъ маршалъ, а Людвига XVIII. На всякій же случай войска были приготовлены, знамя простояло до самой ночи въ глазахъ французовъ, но выстрѣла ни одного сдѣлано не было.

Того же дня главнокомандующій обо всѣхъ перемѣнахъ и событіяхъ, случившихся во Франціи, послалъ объявить въ Гамбургъ адьютанта своего князя Голицына, но Даву его и бумагъ не принялъ, говоря, что буде перемѣна во Франціи справедлива, то новое правительство обязано прислать къ нему повелѣніе съ своимъ чиновникомъ, а не черезъ непріятелей передавать ему оныя; между тѣмъ просилъ, чтобъ прислать ему бумаги, только не съ россійскимъ офицеромъ.

9-го у главнокомандующаго былъ танцующій завтракъ, гдѣ пили за здоровье Людвига XVIII. Того жъ дня главнокомандующій по требованію Даву послалъ опять въ Гамбургъ полученныя имъ бумаги съ датскимъ уже подданнымъ, извѣстнаго маршалу Ожеро. Принцъ Екмюль, прочтя оныя, сказалъ что содержаніе оныхъ великой важности, и что онъ одинъ ни на что самъ рѣшиться не можетъ, а соберетъ военный совѣтъ и черезъ 24 часа дастъ отвѣтъ. Но 10 и 11 числъ никакого отъ него отвѣта не послѣдовало. Между тѣмъ онъ занимается разными укрѣпленіями и какъ будто готовится къ упорной оборонѣ. Такимъ образомъ, когда всюду веселье, дѣйствія прекращены, мы одни здѣсь ведемъ войну попрежнему. Любопытно знать, долго ли продолжится упорство французскаго маршала и чѣмъ оное кончится.

12 корпусу нашему послѣдовала перемѣна въ квартирахъ; всѣ полки сближены къ аванпостамъ, егерскіе поставлены 27 бата: въ Эпендорфѣ, одинъ въ Локтетѣ, 43 весь въ Элытбретелѣ; пѣхотные Нейшлотскій въ Гогемофтъ и Сташигъ, Мингрельской въ Марштихе и Борифелде, Пензенской 2-й въ Ништетѣ и Люрдке; нашъ полкъ 2-й бата: въ Эпендорфъ, 1-й въ Локштетъ; уланскіе Владимерской въ Нейндорфъ, Оренбургской въ Ведель, 2-й казачій и одинъ Башкирской для содержанія цѣпи по всей дистанціи, и велѣно быть въ величайшей осторожности и никому отъ своихъ мѣстъ безъ позволенія Г. Л. Маркова не отлучаться.

13 поутру въ пять часовъ была сильная пушечная канонада, продолжавшаяся два часа. Англичане подъѣзжали на лодкахъ и бомбардировали Гамбургъ, но послѣдствій никакихъ не послѣдовало.

14 объявили всѣмъ войскамъ, на аванпостахъ стоящимъ, что военныя дѣйствія прекращаются, но предосторожность наблюдать попрежнему.

16 усилены всѣ посты къ Альтонѣ въ полночь, а нашъ 1-й баталіонъ выступилъ изъ Локштета въ Гогелюфтъ.

17 на разсвѣтѣ 43 Егерскаго полка два баталіона и Нейшлотскаго пѣхотнаго одинъ баталіонъ заняли Альтону по полудни. Узнали мы пріятное извѣстіе, что принцъ Экмюль, получа изъ Парижа отъ маршала Нея и жены своей о послѣдовавшихъ во Франціи перемѣнахъ достовѣрное увѣдомленіе, объявилъ войскамъ своимъ, что Людвигъ XVIII избранъ королемъ Франціи, а Наполеонъ сложилъ съ себя императорское достоинство, и тотчасъ выставилъ въ Гамбургѣ и на

всѣхъ укрѣпленіяхъ бѣлыя знамена; войска ихъ присягнули вновь избранному королю и въ знакъ торжествованія сдѣлано съ городскаго валу 21 пушечныхъ выстрѣловъ. Такимъ образомъ съ прекращеніемъ у насъ военныхъ дѣйствій окончилась толь пагубная для цѣлаго свѣта война.

Альтона городъ довольно обширный и имѣетъ веселое мѣстоположеніе; улицы довольно широки, чисты и всѣ вымощены; домовъ огромныхъ и отличной архитектуры нѣтъ, всѣ почти выстроены на одинъ манеръ въ одинъ и два этажа съ наддѣломъ вверху и нештукатурены; по простотѣ своей похоже болѣе на сельское строеніе. Городъ довольно многолюденъ и видна дѣятельность портоваго города. Къ Альтонѣ примыкаетъ село Отензе, такъ что можно почесть его за одинъ городъ и строеніемъ своимъ мало въ чемъ уступаетъ оному. Здѣсь славный Ренвилевъ трактиръ, строеніе огромное, расположеніе надъ самою Эльбою въ саду; множество отдѣльныхъ галлерей, гдѣ ежедневно обѣдаетъ болѣе ста человѣкъ; англинской садъ, хотя небольшой, но по мѣстному своему положенію весьма пріятный; отъ самаго дома по косогору внизъ до самой Эльбы подѣланы извилистыя дорожки для гулянья. Отъ Отензе до театра идетъ прекрасный бульваръ болѣе нежели на версту. Тутъ и въ Ренвилевомъ саду бываетъ обыкновенное городское гулянье. Театръ внутри изрядно устроенъ, но актеровъ хорошихъ нѣтъ. Лавокъ съ разными товарами и новѣйшихъ домовъ довольно, но только все дорого. Особеннаго же примѣчанія достойнаго въ городѣ ничего нѣтъ.

18 пошелъ полкъ опять на прежнія свои квартиры въ Неендорфъ. Главная квартира и генералитетъ перешли въ Альтону и Отензе. Сего жъ числа пополудни выпущены изъ Гамбурга всѣ бывшіе тамъ союзныхъ войскъ плѣнные до ста пятидесяти человѣкъ.

21 главнокомандующій имѣлъ свиданіе съ княземъ Давустомъ между Гамбургомъ и Альтоною.

19 обѣдалъ у главнокомандующаго братъ князя Ганноля, присланный съ бумагами.

27 князь Экмюль верхомъ въ сопровожденіи нашего конвоя выѣхалъ въ Альтону и посѣтилъ нашего главнокомандующаго; пробывъ у него не болѣе четверти часа, возвратился обратно, гдѣ я его лично видѣлъ; онъ небольшаго росту.

Маія 12 французскія войска начали выходить изъ Гамбурга. 17 поутру городъ совсѣмъ очистили.

16 польскія войска, бывшія въ Гамбургѣ до 500 уланъ, оставшія отъ трехъ полковъ, прибыли въ Альтону и поступили въ составъ польской нашей арміи.

17 генералъ лейтенантъ Чаплинъ и Шепелевъ давали въ селѣ Эльмбретеле балъ и сожженъ изрядной фейверокъ.

Наконецъ послѣ 4-хъ мѣсячной блокады вступили мы въ Гамбургъ. 19 поутру войска назначены въ церемонію, собрались между Альтоною и Гамбургомъ.

Въ 12 часовъ главнокомандующій подъѣхалъ къ войскамъ; по отдачѣ ему обыкновенной чести, кричали ура, потомъ началось шествіе тремя колоннами. Впереди 1-й колонны шли отряды Ганзеитическаго войска конный и пѣшій, за ними эскадронъ Житомирскаго уланскаго полка, за коимъ ѣхалъ главнокомандующій съ своею свитою, потомъ генералъ лейтенантъ Марковъ и Г. М. Булатовъ; за ними шли два баталіона Егерей. Передъ 2-ю колонною ѣхалъ генералъ отъ инфантеріи Докторовъ съ свитою, за нимъ эскадронъ Владимерскаго уланскаго полка, рота конной артиллеріи, Ганноверскій отрядъ, два баталіона пѣхотныхъ Полтавскаго и Нейшлотскаго полковъ, баталіонъ Нижегородскаго ополченія. Передъ 3-ю колонною ѣхалъ генералъ лейтенантъ Шепелевъ, за нимъ шли польскіе уланы, гусары, казаки и башкиры. Между Альтонскими и Гамбургскими воротами, на нарочно сдѣланномъ возвышеніи, поставлены были бюсты нашего и протчихъ союзныхъ государей, украшенные лаврами. Пройдя оныя у первыхъ воротъ Гамбурга встрѣтили главнокомандующаго два сенатора, всѣ цехи съ своими знаменами каждаго ремесла; 100 дѣвицъ, одѣтыя въ бѣлое платье, раздавали вѣнки и пошли городомъ впереди всѣхъ войскъ, за ними ѣхали сенаторы въ парадной каретѣ, а потомъ войска вышеописаннымъ порядкомъ шествіе заключили. Стеченіе зрителей было чрезвычайное, улицы всѣ такъ наполнены были, что съ трудностію проходить было можно, въ домахъ по всѣмъ окнамъ сидѣли дамы въ бѣломъ одѣяніи, у каждой въ рукѣ по бѣлому платку. Лишь только показались наши войска, то всѣ зрители, поднявши шляпы вверхъ, начали кричать ура. Безпрестанно стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ, а женщины махали бѣлыми платками. Все сіе продолжалось болѣе двухъ часовъ; зрѣлище прекрасное, всѣ были въ неописанномъ восторгѣ, многія женщины отъ восхищенія проливали слезы. Послѣ обѣда всѣ гуляли по улицамъ и булевару. Ввечеру на театрѣ представляли вновь сдѣланную піесу Освобожденіе Гамбурга и хижина въ горахъ съ разными прибавленіями. Театръ не лутше и не больше Альтонскаго, но актеры прекрасные и театръ такъ наполненъ былъ зрителями, что многимъ мѣста недоставало. Коль скоро главнокомандующій нашъ показался въ своей ложѣ, всѣ зрители, вставши съ своихъ мѣстъ, приняли его съ рукоплесканіемъ и долго кричали ура при звукѣ трубъ и литавръ. Во время представленія лишь только рѣчь касается до освобожденія Германіи или паденія Наполеона, то тысячи голосовъ вдругъ закричали ура и всѣ были въ совершенномъ изступленіи. Послѣ театра городъ весь былъ улиминованъ, было нѣсколько прекрасныхъ картинъ съ разными изображеніями; значительна одна карикатура, представляющая Наполеона, бѣгущаго отъ гонящихся за нимъ всѣхъ націй войскъ съ примкнутыми штыками; а сатана, вышедши изъ аду, готовится принять его въ свои объятія. По улицамъ во всю ночь была чрезвычайная ружейная пальба, шумъ, крикъ продолжались до свѣта.

Гамбургъ весьма обширный знаменитый и многолюдный городъ, щитаютъ въ немъ до 70 тысячъ жителей, кромѣ мѣстечекъ и селеній, къ нему принадлежащихъ. Домы въ немъ все старинные, огромные, въ 5-ть и 6-ть и болѣе етажей, но хорошей архитектуры мало; улицы всѣ вымощены, но очень тѣсны и нечисты; лавки съ товарами всѣхъ частей свѣта почти въ каждомъ домѣ; трактировъ, ресторацій, кофейныхъ домовъ множество. Биржа внутри города лучшее украшеніе Гамбурга; четыре арки съ высокими башнями и булеваръ на берегу рѣки Алстеръ. Впротчемъ особеннаго замѣчанія нѣтъ ничего. Гамбургъ весь обнесенъ высокимъ землянымъ валомъ и окруженъ глубокими рвами, въ коихъ поставленъ еще палисадъ. У каждыхъ воротъ подземные мосты. Сверхъ сего подѣлано еще много батарей; къ сторонѣ Альтоны сдѣланъ штерцъ шанцъ и двѣ батареи, изъ нихъ одна дѣйствуетъ на Эльбу.

Описаніе путешествія Г. А. Демидова, 1818 года.

Краткое описаніе
Путешествія ихъ Превосходительствъ Господина Григорья Александровича и Госпожи Екатерины Петровны, съ детьми ихъ.
Начатое Маіа месяца съ 7-го дня въ 1818-м Году.

Изъ С. Петербурга въ Кіевъ.

Числа.		Званіе станцій.	Верстъ.
1	Во вторникъ. Намѣреніе имѣвши съѣздить въ Кіевъ собрались къ сему путешествію съѣздили въ разные церкви приложится къ святымъ иконамъ а у нашего прихода Вознесенія отслуживши молебенъ и возвратившись домой отобѣдавши. Послѣ обѣда въ пять часовъ простились съ домашними сели въ кареты поѣхали въ Таицы на крестьянскихъ лошадяхъ; куда пріѣхали мы въ 10 часовъ вѣчера благополучно, дорога хороша была до Красного сѣла гдѣ мы остановились у церкви приложится къ образу Симеона Богопріимца; отъ Красного села дорога въ одномъ мѣсте очюнь дурна была гдѣ чють было не увязли но потомъ до Таицъ хороша, пріехавши велѣли себѣ чай приготовить которой съ пріятностію пили погода намъ очюнь пріятствовала. Въ 11 часовъ легли спать.	Отъ Петербурга до Таицъ	35
8	Середа. Поутру были въ церквѣ гдѣ отслушали молѣбенъ пріѣхавши завтракали и пошли гулять по оранжереямъ которые нашли въ вѣсьма хорошемъ положеніи обѣдали въ 4 часа,		

послѣ обѣда упражнялся бумагами заводскими чай пили въ 7 часовъ а потомъ слушали всеношну дома по случаю дня рожденія Павлушинкина и Николина дня. Отслушавши оную, несколько посидѣвши вместе, легли спать.

9 Четвергъ, въ Николинъ дѣнь и рожденіе Павлушино до завтрека поѣхали къ обѣдни гдѣ и молѣбенъ слушали пріѣхавши домой завтракали а потомъ съ Графомъ и сестрицею которые къ намъ пріѣхали пошли гулять погода хотя поутру дурна была, и шелъ сильной снегъ съ градомъ и вихромъ но потомъ разгулялась и довольно пріятна была. Обѣдали въ 4 часа послѣ обѣда и до вѣчера вместе сидѣли и занимались сидучи у камина разговорами, чай пили въ 7 часовъ а ужинали въ 11 часовъ послѣ чего разошлись къ себѣ.

10 Пятница: завтрекали въ 9 часовъ послѣ онаго простившись съ Графомъ и сестрицею которые поѣхали въ городъ, а мы поехали въ линейкѣ гулять и были въ Катеринвальдѣ, Григорьевскомъ и Березовкѣ. Пріѣхали домой обѣдали въ 4 часа, после чаю занимался дѣлами до чаю, пили оной въ 7 часовъ. Послѣ онаго до 12 часовъ занимался дѣлами, ужинали въ первомъ часу, а потомъ укладывались къ отъѣзду нашему.

11 Въ Суботу: въ третьемъ часу пополуночи выѣхали изъ Таицъ простившись со всеми людьми и съ добрымъ моимъ Андрѣемъ которой насъ провожалъ до Мозина, и казался быть тронутъ нашимъ отъѣздомъ отъѣхавши пять верстъ у Мозина выѣхали мы на большую дорогу и пріѣхали въ Гадчино. Гдѣ перемѣнили своихъ лошадей и взявши почтовыхъ продолжали наше путешествіе до станціи Выры. По хорошой дорогѣ пріѣхали въ Ящеры въ 8 часовъ утра и остановились у Якова Александровича Кашперова, которой насъ очень ласково принялъ мы завтракали всѣ вместе а потомъ пошли въ садъ и по оранжереямъ гулять деревня сія столь изобильна лесомъ что для распахиванія земель принуждаются лѣсъ жечь, ибо водяной комуникацiи нетъ по которой бы можно бъ лѣсъ возить въ Петербургъ. Поля очень хорошо обработаны. Пришедши въ домъ нашли столъ накрытъ и холодной обѣдъ ожидающей насъ, и хотя и намерены были ехать но склонившись на хозяйскую прозьбу отобѣдали мы, и потомъ разпростившись продолжали нашъ путь. До станціи Долговки, деревня стоя-

Отъ Таицъ до Гадчина	12
До Выры	25
До Ящеры	22
До Долговки	25½

щая на пригоркѣ при рѣкѣ Ящеры дорога была очень хороша
но мѣста изъ части болотыстые, лошадей скоро достали и про-
должали нашъ путь по хорошой дорогѣ но горыстой и пеща-
ной, места которые проѣзжали непріятны были приехали въ
городъ Лугу которой вѣсь построенъ на пещаной равнинѣ, и — До города Луги — $23^1/_2$
болѣе схожей на деревню, кроме присудствѣнныхъ мѣстъ всѣ
дома деревянные но первой довольно хорошо выстроенъ. Полу-
чивши лошадей продолжали путь до станціи Городѣцъ, где — До Городецъ — 22
у почталіона чай пили и потомъ продолжали нашъ путь до-
рога горыста и пещаная была до самой станціи Крицы, при- — До Крыцы — 21
надлежащая деревня Господину Татищеву которой и почту со-
держитъ тутъ переменивши лошадей продолжали путь до Фео- — До Феофиловой — 20
филовой пустыни гдѣ не останавливались и перемѣнивши ло-
шадей ехали вѣсьма тихо потому что у одной кареты излома-
лась дрога ехавши всю ночь прїѣхали—
12 Воскресеніе поутру въ станцію Залази въ 4 часа поутру, — До Залази — 22
гдѣ не могли продолжать далѣе нашъ путь и принуждены
остановится у почталіона пока чинили нашу карету ибо обѣ
дроги были изломаны деревня сія принадлежитъ господину
Бибикову крестьянѣ на пашнѣ и каждой крестьянинъ мужикъ
съ женою обязанъ десятину земли на господина сработать то
есть спахать засеять и снять хлѣбъ. Деревня нехороша и ма-
лоземѣльна и крестьяне повидимому бѣдны, домъ господской
деревянной и среди весьма посрѣдственного сада тутъ мы въ
маленькой комнате провели въ скукѣ болѣе 12-ти часовъ пока
карету чинили и принуждены были чай пить обѣдать и пол-
дничать и заплатили довольно дорого за починку кареты то
есть 75 ру. за сварку двухъ дрогъ весьма посредственной ра-
боты, и только въ 8 ча̊су выѣхали изъ Залазы ехали по пе-
щаной и гористой дороге и прїѣхавши на станцію Боровичи — До Боровичь — 27
перемѣнили лошадей и продолжали нашъ путь.
13 Понедельникъ продолжали во всю ночь путешествіе, доро-
га была нехороша и совсемъ невычинена и горыста поутру
прїѣхали въ Порховъ сей городъ имеетъ несколько каменныхъ — До Порхова — 26
церквѣй и домовъ но впрочемъ вѣсь нехорошо обстроенъ по-
чтовой домъ находится у рѣчки которая тутъ протекаетъ пе-
ремѣнивши лошадей продолжали нашъ путь въ станцію Голо- — До Голодуши — 26
души перемѣнили лошадей и ѣхали довольно скоро но дорога
нехороша была и совершено в небреженіи и худо содержана

горыста и изъ части пещана места хорошо обработаны продол-
жавши наше путешествіе пріѣхали на станцію Сорокину въ 10 До Сорокина 26
часовъ утра гдѣ чай пили у почталіона отпивши оной про-
должали нашъ путь дорога обсажена березовой алѣею но мѣ-
ста болотисты и дорога дурна. Въ станціи Ашева переменили До Ашева 26
лошадей продолжая путь въ Бежаницы обѣдали мы, дорога До Бежаницъ 20
горыста и пещана была такъ что принуждены были всѣ тор-
мозить колеса. Тутъ пока мѣняли лошадей подошла помещи-
ца оной водчины Госпожа Философова и долго съ нами раз-
говаривала переменивши лошадей, продолжали путь нашъ по
горыстой дорогѣ до станціи Порховки гдѣ чай пили и потомъ До Порховки 26
севши въ карету поѣхали далѣе дорога дурна была и горы-
стая обсаженная бѣресками, что вѣсьма для гласъ пріятно всю
ночь продолжая—

14 Вторникъ: наше путешествіе по пещаной и горыстой до-
рогѣ, переменяли лошадей въ 3-х станціяхъ, въ Прыскухахъ До Прыскухи 22
въ Недомеркахъ и Великихъ Лукъ. Куды пріехали мы въ 4 До Недомѣрки 20
часа утра, переезжали на паромѣ рѣку Ловатъ которая доволь-
но широка. Городъ Великихъ Лукъ довольно великъ, имѣетъ До Великихъ Лукъ 22
11 каменныхъ церквѣй и соборную въ крепости. Гостиной
дворъ каменной такъ же несколько дома каменные и довольно
рѣгулярно построенъ какъ мы весьма рано проѣзжали сей го-
родъ то ничего обстоятельнаго не могъ узнать о семъ городѣ
продолжая нашъ путь въѣхали мы въ Витебскую Губернію и Губернія Витебская
ехали въ доль озера Серута которое довольно обширно пріе-
хали на станцію Сенькова гдѣ перемѣнивши лошадей продол- До Сенькова $21^1/_2$
жали наше путешествіе остановившись на станціи Серуты, чай До Серуты 18
пить, место положенія прекрасно, нынѣ тутъ у самого озера
Серуто дворецъ строятъ для пріѣзжающихъ которой какъ мне
сказывалъ смотритель за онымъ строеніемъ будетъ стоить
53000 руб. Оное место окружено лѣсомъ и никакого виду не
имѣетъ какъ на озеро которое тутъ весьма широко. Отпивши
чай продолжали нашъ путь по вѣсьма пещаной дорогѣ до Чю- До Чурилова 22
рилова, гдѣ переменили только лошадей ехали опять по пе-
щаной дорогѣ но вѣсьма пріятной поля которые проезжали
вѣсьма хорошо обработаны и перемешаны пріятнымъ лѣскомъ
а дорога обсажена березами дорогу хорошо содержатъ она раз-
делена на участки и помещики должны оную въ исправности
содержать. Пріехали въ Усвять въ 4 часу обѣдали мы и до- До Усвятъ $20^1/_2$

жидались довольно долго лошадей. Сія деревня принадлѣжитъ Графу Дмитрею Александровичю Зубову въ которой имѣется 4600 душъ, но деревни кажется весьма дурно обстроены и мужики бедного состоянія. Место положеніе довольно пріятно при озерѣ Усвять которое довольно велико. Коль скоро получили лошадей и всѣ было готово къ отъѣзду поехали мы продолжать наше путешествіе по весьма пещаной дорогѣ до станціи Шлыкова, гдѣ принуждѣны были въ вѣсьма дурной и не- До Шлыкова 21
чистой избѣ чай пить которую намъ очистилъ почталіонъ и дожидатся терпеливо лошадей ибо и здѣсь тоже намъ сказали что оныхъ нетъ въ готовности коль скоро оныхъ заложили продолжали наше путешествіе по пещаной и горыстой дорогѣ передъ въѣзду нашемъ въ городъ Суражи переехали рѣку До Суража 22½
Двину на вѣсьма дурномъ паромѣ. Городъ нехорошъ и болѣе на деревню схожъ переѣхавши оную рѣку еще переѣзжали въ городѣ же другую маленькую рѣку называемую Кастля на паромѣ поутру въ три часа.

15 Въ Среду перѣехавши оную переменили лошадей у почтоваго двора которой находится у самого бѣрега рѣки Кастля и продолжали наше путешествіе по отменной пріятной и хорошой дорогѣ объсаженной березами которыя сростившись въ месте составляли путешествующимъ пріятную тѣнь и какъ погода довольно жаркая была то сіе неизлишно было намъ. Такимъ образомъ ѣдучи такъ сказать садомъ и проѣзжая вѣсьма плодоносные места неприметно пріехали на станцію Гапонов- До Гапоновщины 19
щина, остановились у почталіона въ хорошой квартире чай пить, и коль скоро готовы были екипажи, сели въ кареты и продолжали наше путешествіе по вѣсьма пріятной и хорошой дорогѣ обсаженная какъ и предьидущая высокими березами проѣзжая хорошіе луга и обработанные поля и пріехали несказанно въ город Витебскъ. Подъѣхавши къ почтовому двору узнали мы отъ До Витебска 21
смотрителя, что Григорей Александровичь Стахіевъ за полчаса былъ у него и о насъ навѣдывался. Насъ сіе вѣсьма обрадовало и мы тотъ часъ оставили почтовой дворъ пошли на квартеру Григорья Александровича которова встрѣтили на улицѣ, обоюдная радость наша была чрезъ мерна и какъ намъ желательно было осмотреть лучшіе части города пошли мы съ нимъ гулять по оному и опишу только лучшіе предмѣты которые мы видели. Во первыхъ почтовой домъ каменной въ два етажа

на большой довольно рѣгулярной площади и довольно хорошо былъ расположенъ для пріѣзжающихъ но Градская дума чтобъ умножить себѣ доходы отдала оной подъ трактиръ что весьма неудобно пріезжающимъ; домъ или дворецъ принца Вюртембергскаго представляетъ снаружи весьма прекрасное зданіе хотя и невеликую имѣетъ предъ собою площадь и маленькой бульваръ, изъ котораго какъ оной находится на горѣ видно извивающую Двину и часть города за оной; соборъ во имяни Успенія Пресвятыя Богородицы представляетъ великолепное зданіе какъ снаружи такъ и внутре, куда мы входили прикладыватся къ святой иконе, иконостасъ вѣсь камѣнной, маленькой пределъ во имя Трѣхъ Святителей новейшаго вкуса, но большая цѣрковь въ три етажа стариннаго но вѣличественнаго вкуса и прежде была какъ оная такъ и близь оной строена гдѣ теперь присудственные места езуитской институтъ возле онаго находится гимназія которая на щетъ казенной содержена; губернаторской домъ хотя и невеликъ но хорошо выстроенъ, площадь гдѣ гостиной двор изрядна и некоторые дома довольно хорошо выстроены торгъ производимой въ городѣ состоитъ болѣе изъ хлѣба которой по Двинѣ отправляютъ въ Ригу и производился россійскими купцами но недавно евреи переселившись въ Витебскую губернію до 8000 душъ оной теперь производятъ; такимъ образомъ прогулявшись пошли мы на квартиру Григорья Александровича завтракать гдѣ написали и письма въ Петербургъ къ князю Петру Васильевичю; какъ скоро наши екипажи подъѣхали сели мы въ оные, взявши и Григорья Александровича съ собой которой пожелалъ насъ провожать до первой станціи. Дорога была очюнь пещана и непріятна мы пріѣхали въ три часа на станцію Половиковъ гдѣ мы отобѣдали вмѣсте съ Григорьемъ Александровичемъ и простились съ нимъ, поѣхали продолжать нашъ путь. Дорога очюнь пещана была и трудная въ 7 часовъ пріѣхали мы въ городъ уѣздной Бабиновичь Могилевской губерніи которой болѣе схожъ на дурную деревню нежели на городъ сей городъ при озере того же имяни которой соединяется съ Двиною рѣкою которая разливается вѣсною и по которой сплавливаютъ въ Ригу много мачтовыхъ деревъ и сей торгъ довольно значителенъ, тутъ принуждены были несколько дожидатся лошадей ибо разгонъ оной день былъ великъ воз-

До Половиковъ	22
До Бабиновича города	25

пользовавшись сей остановки чай пили у почталіона въ весьма дурной комнате ибо лучшей квартиры нельзя было отыскать, но готовность которой сей доброй человекъ показывалъ намъ услужить заставило насъ охотно принять его предложеніе, ибо городничей которой къ нашей карете подходилъ не столь былъ учтивъ чтобъ такое намъ предложеніе сделать и поговоривши съ нами удалились мы чай пили и когда лошади запряжены были поѣхали продолжать нашъ путь, по дурной догогѣ мѣста были болотистые и непріятные во всю ночь продолжали наше путешествіе и переменивши лошадей на станціи Арехи До Арехи 18
пріехали подъ утро въ третьемъ часу на станцію Арши тутъ До Арши 20
переменили только лошадей следовали далѣе.

16 Четвергъ; дорога очень хороша была и обсажена деревьями, въ станціи Александріи переменили лошадей ехали по весьма До Александріи 22
пріятной дороге обсаженной деревьями мѣста хорошо обработаны луга и пашни переменно показывались до города Шклова До Шклова 17
и дорога хороша была и пріятна. Пристали мы въ почтовой домъ гдѣ чай пили и были оступлены несносными жидами которые насъ вѣсьма наскучили своими товарами и разговорами. Городъ вѣсьма незначющей и состоитъ изъ развалинахъ присудственные места безъ крыши и место положеніе непріятно. Отпивши чай продолжали нашъ путь ехали по весьма пріятной и хорошой дорогѣ обсаженной березами места обработаны и кажется быть плодородными поднявшись на гору подъѣхали къ почтовому двору станціи Добрейки возлѣ ко- До Добрейки 13
тораго строится новой большой почтовой дворъ при хорошомъ фасадѣ на щетъ казны. Перемѣнивши лошадей продолжали наше путешествіе по вѣсьма хорошой и пріятной дороге обсаженной березами и отмѣнно хорошо содержанной мѣста которые проѣзжали были вѣсьма пріятны и хорошо обработаны продолжая такимъ пріятнымъ образомъ наше путешествіе въѣхали мы въ городъ Могилевъ гдѣ принуждены были предъ- До Могилева 20
явить нашу подорожную у коменданта полковника Миронова которой заставилъ довольно долго дожидатся насъ. Оной городъ довольно хорошо обстроенъ частью каменными домами но большею частію деревянными находится несколько каменныхъ церквѣй почтовой дворъ каменной довольно хорошъ. Коль скоро принесли обратно подорожнюю за которой мы три раза посылали поѣхали далее. Прежде нежели выѣхать изъ

города надо спускатся съ высокой горы на которой построена
часть города и тормозить колеса съ большею осторожностію
спускатся, по крутизне горы съ пустившись со оной переехали
по плавучему мосту рѣку Днѣпръ и выѣхавши изъ города
продолжали наше путешествіе по хорошей дорогѣ и на стан-
ціи Кутни остановились у почталіона обѣдать въ весьма ма- До Кутни 30
ленькой комнате потомъ поѣхали до станціи Рабовичь, гдѣ До Рабовичь 26 1/2
получивши скоро лошадей продолжали по такой же пріятной
дороге путь нашъ до станціи Пропойскъ местечко изрядное. До Пропойскъ 12 1/2

17 Пятница: продолжали нашъ путь проѣзжая на зоре вѣсьма
пріятные мѣста до станціи Глинки гдѣ переменили лошадей. До Глинки 18
Проѣзжали сколько могъ примѣтить весьма пріятные места
перемешанные то озерами то плодовитыми лугами и пашнями
до станціи Литвиновичь ехали по пещаной дороге но хорошой. До Литвиновичь 14
Въ станціи Вороновщизны ехали по хорошей и пріятной до- До Вороновщизны 20
роге возле озеръ и лугами тутъ переменили лошадей, далее
ехали по хорошей дороге до станціи Чечерска, местечко при- До Чечерска 12
надлежащее графине Чернышевой площедь обсажена боль-
шими липами что причиняетъ пріятное гулянье садъ довольно
обширенъ при которомъ и домъ господской находится такъ
же и церковь камѣнная. Тутъ на станціи заложили намъ въ
каждую карету по 8 лошадей но столь дурные что насилу до-
тащили до станціи Шепотовичь гдѣ чай пили у почталіона. До Шепотовичь 16
По спросу отъ чего лошади столь худы и кто оныхъ содер-
житъ узнали что сама графиня которая худо ихъ приказы-
ваетъ содержать хотя сама тамъ живетъ. Местечко оное весьма
бедное. Въ Шепотовичахъ отпивши чай продолжали нашъ путь
по весьма пещаной дорогѣ. Мѣста которые проѣзжали были
болотистые и луга до станціи Особина гдѣ переменили ло- До Особина 17
шадей продолжали путь нашъ. Дорога была пещана а места
лесистые и болотистые съ озерками, до Кастюновки гдѣ пе- До Кастюновки 12
ременили лошадей продолжали путь нашъ дорога очень дурна
была и 7 верстъ шла чрезъ болота и хотя чинятъ оную но
надежды нетъ чтобъ была хороша ибо чинятъ хворостомъ со-
ломой покрывавши черноземомъ. Приближаясь къ мѣстечку
Гомель принадлежащее графу Н: П: Румянцову становится
дорога лучшее. Местечко сіе походитъ болѣе на городъ домъ
графа весьма хорошо выстроенъ съ колонадою и двумя кор-
пусами каменными на высокомъ мѣсте рѣка тожъ протекаетъ.

У самой подошвы горы на которой домъ стоитъ на площаде противъ дома находятся двѣ каменные прекрасно выстроенные церкви одна руская а друга католическая и две ветхіе деревянные которые повидимому сломаются. Не доѣзжая площади на большой дорогѣ приготовленъ матеріалъ разного рода для постройки казармъ и больницы которыми графъ какъ известной добрый патріотъ жертвуетъ общему благу какъ от нѣго позволяется всемъ строится во ономъ мѣстечкѣ то вскорѣ оное будетъ выстроено прекраснымъ образомъ. Наслаждаясь прекраснымъ места сего непримѣтно спустились съ высокой горы и приближились къ рѣке Шожъ которую переѣхали на плывучемъ мосту и продолжая наше путешествіе по дурной
дороге до города Бѣлицы которой столь дуренъ что не могли До Белицы 19
найти порядочной избы чтобъ отобедать и принуждены были отобедать въ карете, и потомъ перемѣнивши лошадей продол-
жали наше путешествіе до станціи Песочной Буды дорога была До Песочной $19\frac{1}{2}$
пещана и шла лѣсомъ тутъ чай пили у почталіона и потомъ далее поехали.

18 Субота: во всю ночь продолжали по пещаной и лесистой
дорогѣ въ местечкѣ Добрянки Черниговской губерніи пере- До Добрянки 21
мѣнили лошадей а въ мѣстечке Невклѣ, куда мы пріехали До Невкли 28
подъ утро ехавши по пещаной дороге у почталіона чай пили и потомъ продолжали нашъ путь по пещаной дороге но изъ части хорошой плодородные пашни и луга необозримые на самомъ лучшемъ черноземѣ обработанные ежеминутно показы-
вались нашимъ взорамъ. Въ местечкѣ Роища перемѣнили До Роища 27
лошадей и продолжали нашъ путь по такимъ же плодороднымъ местамъ какіе и преждѣ описанные и пріѣхали въ городъ
Черниговъ и остановились въ почтовомъ доме, гдѣ заказали До Чернигова 18
обѣдъ, и только что намѣренъ былъ идти къ почтдиректору Лѣвченкову, чтобъ въручить ему письмо отъ господина Калинина которой его просилъ о даче намъ курьера на смѣну петербургскаго которой намъ данъ былъ только до сего города, что пришелъ и самъ. Г. Левченковъ намъ всеможныя услуги предъявилъ, чтобъ показать городъ, и обещалъ выполнить по прозбѣ г. Калинина. Городъ очень хорошъ и довольно рѣгулярно выстроенъ попеченіемъ главноуправляющихъ во ономъ въ разные врѣмена каковы были князья Куракинъ Лобановъ, а нынѣ военной губернаторъ князь Рѣпнинъ ста-

раеться оной продолжать по возможности украшать; лучіе зданіе суть домъ Милорадовича двоюроднаго брата знаменитаго воина графа Михайла Андрѣевича Милорадовича. Губернаторской домъ и некоторыя другія зданія такъ же какъ и каменные цѣркви заслуживаютъ вниманіе. Отобедавши и написавши письма въ Петербургъ которые отдали курьеру нашему которой намеревается отправится въ Петербургъ, сели въ кареты и прежде нежели оставить сей городъ хотели самолично поблагодарить почтеннаго г. Левченка и его супругу за ихъ одолженіе ибо и она намъ прислала на дорогу и для завтрѣку разныхъ закусокъ; мы взошли въ небольшой домикъ и нашли сіе почтенное семѣйство сидящихъ у окна дающій видъ въ садикъ имъ самимъ обработаннымъ они весьма ласково насъ приняли подчивали разными закусками и уговаривали остатся чай пить но какъ мы спешили ехать чтобъ застать паромъ по сю сторону рѣки Десны которая мимо города течетъ но переезжаютъ оную не иначе какъ отъехавши 9 вѣрстъ, то простились съ нимъ поѣхали продолжать нашъ путь онъ и тутъ намъ оказалъ большое пособіе ибо какъ ожидали артиллерію въ городъ которую должно было перевозить послалъ особаго верховаго курьера для пособія нашего и узнанія какъ мы переѣдемъ. Мы отменно скоро проѣхали 9 верстъ по луговой дорогѣ и подъѣхавши къ рѣке встретили конную артиллерію на бѣрегу идущая въ Дорогобушъ; коль скоро поставили екипажи на паромъ переѣхали чрезъ рѣку Десну которая в разсужденіи разлитія весьма расширилась и съ вѣрсту была шириною вышедши благополучно на берегъ продолжали нашъ
путь по хорошой дороге до станціи Краснаго проѣзжали До Краснаго 26
плодовитые места. Тутъ у почталіона пили чай и получивши скоро лошадей продолжали путь нашъ во всю ночь.

19 Воскресеніе поутру продолжали путь по хорошой дорогѣ
до Чемеръ перемѣнивши лошадей продолжали нашъ путь по До Чемеръ 27
весьма хорошей дорогѣ и ехали по плодовитымъ местамъ. Въ
3 часа поутру пріѣхали мы въ городокъ Козельцъ гдѣ намъ До Козельца 22
сказали что одна изъ нашихъ каретъ изломалась и не можетъ слѣдовать что и побудило насъ рѣшится оставить ее для починки, а самимъ ехать въ двухъ въ Кіевъ ибо въ обратной путь мы уповали оную найти починеною. Чтобъ врѣмя не терять пока перекладывали нужные вещи для нашего пути

велели изготовить себе чай. Городъ похожъ на ветхую и дурную деревню все строеніе кромѣ несколько церквѣй которые камѣнные, ветхое и деревянное. Отпивши чай и оставя несколько людей на сей станціи продолжали нашъ путь по хорошой дорогѣ. Въ станціи Семиполки переменили лошадей такъ До Семиполки 25
же какъ и въ Бровары, и продолжали путь нашъ по весьма До Броваръ 29
пещаной и отъ части лесистой дороги. Проехавши 17 верстъ виденъ уже городъ Кіевъ и величаво показываются золотые главы разныхъ соборовъ, ибо городъ стоитъ на горе, и какъ она перемешана лѣсомъ и разнымъ строеніемъ на горе и у подошвы оной выстроенное то причиняетъ пріятной и прекрасной взоръ путешествующимъ. Приближаясь съ восторгомъ къ старинному сему городу непримѣтно пріѣхали къ большому пространству воды и узнали что сіе были луга которые по разлитію Днѣпра покрыты были водою и по которымъ въ шлюпкахъ ездили съ начала разлитія, но хотя вода и начала убывать принуждены были ехать водою въ каретахъ довольно глубоко такъ что въ некоторыхъ мѣстахъ аршинъ глубина было. Подъѣхавши къ Днѣпру дожидались парома съ 2-го часу по 6-й оной содерженъ мещаниномъ сдешнимъ которой во зло употрѣбилъ довѣріе правительства, дѣлая проѣзжающимъ нискаго состоянія разные прижимки в чемъ я самъ свидетелемъ былъ собирая непомерные поборы съ проѣзжающихъ и какъ мы долго дожидались уже то и послалъ въ городъ куръера нашего за паромомъ, коль скоро оной приплылъ поставили на оной наши екипажи, и сами севши въ оные въ разсуждѣніи проливнаго дождя благополучно переѣхали Днѣпръ разстояніемъ 360 саж: шириной и въѣхали въ городъ Кіевъ въ 8 часу До Кіева 20
будучи целой часъ на паромѣ, съѣхавши съ онаго поднимались на высокую гору которая отъ самой заставы зачинается до самой площади находящейся противъ крепости. Тутъ недалеко пристали мы въ трактиръ называемой Зелѣной которой содержитъ полякъ. Комнаты которые мы заняли не очень хороши были но какъ болѣе оныхъ не было порожнихъ то и оными принуждѣны были довольствоватся. Заплатили 10 ру. за три комнаты со свѣчами на дѣнь какъ уже поздно было то не думали уже объ обѣде а чай пили и лѣгли спать.

20 Понедѣльникъ: встали въ 7 часовъ позавтракали поѣхали въ святую лавру къ обѣднѣ, и послѣ оной отслужили благо-

дарьственной молѣбенъ. Церква въ старомъ вкусе но вѣликолѣпно украшена, о которой я ниже буду говорить. Пріѣхавши въ нашъ трактиръ несколько отдохнувши поехалъ къ вицъ губернатору г. Катериничу къ которому имѣлъ письмо отъ бывшаго здешняго губернатора г. Черепанова не заставши дома заѣхалъ я къ генералу Орлову Михайлѣ Федоровичю которой управляетъ здѣсь главнымъ штабомъ онъ мнѣ весьма обрадовался не ожидая меня здѣсь увидеть. Заехавши въ трактиръ за Катериной Петровной и дѣтьми поехали мы по городу которой довольно рѣгулярно выстроенъ и дома хорошіе находятся. Губернское правленіе вѣсьма хорошо выстроено и находится на широкой улицѣ противъ бульвара и дворца который довольно хорошъ мы подъѣхали къ оному и пошли гулять въ придворной садъ, довольно обширной и обсаженной большими липами, мы взошли въ бѣседку изъ которой видѣнъ весь Днѣпръ, которой разлился столь много что представляетъ настоящѣе морѣ. Часть города называемая Подолъ видна, и въ срѣдинѣ оной домъ гдѣ контракты заключаются которой очень хорошъ. Прогулявши въ саду поѣхали мы въ нашъ трактиръ и нашли тамъ пріѣхавшаго къ намъ вицъ губернатора г. Катеринича онъ вѣсьма кажется быть услужливымъ человѣкомъ и предложилъ намъ показать все что есть достопамятного въ городѣ, что мы приняли съ охотою. Коль скоро уѣхалъ онъ обѣдали мы; обедъ стоитъ здѣсь 3 ру. съ персоны но мы не брали обѣдъ ибо свой поваръ былъ съ нами. Отобѣдавши ожидали пріѣзду вицъ губернатора чтобъ ѣхать съ нимъ осмотреть всѣ достопамятные предмѣты сего города, онъ не замѣдлилъ пріехать, и мы съ нимъ поѣхали, вопервыхъ: въ Печерскую лавру къ вѣчерни которой не застали и какъ народъ зачалъ разходится то свободнѣе могли разсмотрѣть церковь. Олтарь въ главномъ предѣлѣ Успеніе пресвятыя Богородицы вѣсь серебрѣной и чеканной вызолоченъ, такъ же какъ и оклады образовъ составляющей иконостасъ въ оной церкви находятся мощи святаго Антонія, Михайла и Владимера тутъ же надъ царскими дверьми находится явленной образъ Успенія пресвятыя Богородицы, которой спускаютъ когда желаютъ прикладыватся оному что мы учинили во врѣмя молебна поутру. Ризница которую осматривали вѣсьма богата, и въ оной збережены ризы старинныхъ врѣмянъ вѣсьма богатые жемчю-

гомъ и богатыми каменьями. Евангелій золотой и съ финифтовыми образами украшенной разными драгоценными камѣньями вѣсьма достойной примѣчанія, такъ же какъ и разные богатые старинные и новѣйшіе сосуды украшенные драгоценными камѣньями. Осмотрѣвши ризницу поехали къ пещерамъ но въ самой низъ не сходили, потомъ поѣхали въ часть города называемую Подоль спускавшись съ горы остановились мы на срѣдинѣ оной и смотрели на памятникъ воздвигнувшій святому князю Владимиру которой съ дѣтми своими тутъ крестился и принялъ христіанскую вѣру. Сей памятникъ у подошвы горы близь Днѣпра и состоитъ изъ колонны съ шаромъ которой называютъ Крѣщатикъ. Проѣхавши оной спустились мы съ горы и проѣхали чрезъ вѣсь почти городъ Подоль, которой лишился своей дрѣвности послѣ пожару 1811 году и нынѣ рѣгулярно по плану выстроенъ. Домъ для контрактовъ весьма хорошъ. Подымаясь на гору въ старой Кіевъ такъ называемую часть города остановились у церкви Андрѣя Первозванного, которая построена на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ святый Андрей Первозванный крѣстъ поставилъ произнося слова что вся страна будетъ крещена. Церковь вѣликолѣпна и построена Императрицей Елизавѣтой Петровной. Взойдя на галлѣрею которая кругомъ церкви находится, видѣнъ вѣсьма хорошо городъ Подоль какъ на паромѣ ибо она на краю горы стоитъ. Осмотрѣвши видъ сей и на Днѣпръ поѣхали домой и поблагодаривши г. Катеринича за его одолженіе чай пили коль скоро онъ отъ насъ уѣхалъ писали мы письма въ Петербургъ и легли спать уставши будучи отъ ѣзды.

21 Вторникъ. Поутру поѣхали мы въ Михайловскую церковь гдѣ находятся мощи Варвары мученицы и каждой вторникъ читаютъ молѣбенъ съ акафистомъ; въ оной церквѣ находится образъ Михайла Архангела украшенной браліантами и другими камѣньями которой Государь Императоръ прислалъ въ цѣркву сію. Отъ слушавши молѣбенъ поѣхали мы въ Софійской соборъ къ обѣднѣ гдѣ служилъ самъ митрополитъ Серапіонъ. Цѣркьва сія великолепна и въ старинномъ вкусе выстроена на самомъ томъ мѣсте на которомъ Владимеръ побѣдилъ печенеговъ. Въ олтаре стѣны мозаическіе а царскіе двѣри кованные серебреные и стены росписаны образами въ дрѣвнемъ вкусе. По окончаніи молѣбна по случаю праздника

Константина и Елѣны звалъ насъ митрополитъ къ себѣ на завтрикъ мы пошли къ сему почтенному старцу которой уже 70 летъ. Онъ насъ очень учтиво принялъ и будучи знакомъ съ княземъ Петромъ Васильевичемъ много разговаривалъ съ нами про князя тутъ познакомился я съ губернаторомъ г. Назимовымъ посидевши у сего почтенного старца и попросивши его благословѣніе, поѣхали мы въ цѣркву называемую Десятинную сія церква была великолѣпна, но во врѣмя нашествія Батыя совсѣмъ раззорѣна была и только малая часть оного зданія осталась которое и обратили въ цѣрковь, которая очень мала и стариннымъ образомъ отдѣлана, названіе жъ Десятинною получила потому что Князь Владимиръ положилъ поддерживать оную изъ дѣсятой части своихъ доходовъ. Осмотрѣвши оную церковь поѣхали къ вицъ губернатору и губернатору чтобъ ихъ поблагодарить за всѣ ихъ одолженіе но не заставши ихъ дома поѣхали домой обѣдать и отобѣдавши поѣхали въ лавру къ вечерне и подходили къ разнымъ мощамъ коль скоро вѣчерня отошла поѣхали домой укладыватся намѣрены будучи оставить сей городъ. Къ намъ пріѣхалъ вицъ губернаторъ г. Катериничь, и намъ сказывалъ что они съ губернаторомъ разпоряженіе сдѣлали дабы мы никакой остановки не имѣли и непремѣнно желалъ насъ до парома проводить. Мы хотя и отговаривались отъ сего но никакъ не могли его отговорить отъ его намеренія, и такъ разплатившись съ трактирщикомъ, сели въ кареты и поѣхали къ парому спускались съ горы со всею осторожностію и тормозивши кареты ибо по крутизнѣ горы сіе вѣсьма нужно наблюдать. Подъѣхали къ парому нашли на ономъ и здешняго полицмейстера Сталинскаго которой нарочно пріѣхалъ для лучшаго разпоряженія на паромѣ и вприбавокъ людей прислалъ для скорѣйшаго ходу парома. Словомъ сказать нельзя довольно нахвалится всѣмъ тѣмъ что мы испытали отъ всѣхъ здѣшнихъ чиновниковъ, которые одинъ передъ другимъ старались намъ угодить. Мы разпростились съ добрымъ и почтеннымъ вицъ губернаторомъ и полицеймейстеромъ которые до тѣхъ поръ остались съ нами пока все наши екипажи были поставлены на паромъ и мы на оной взошли. Мы довольно поспешно удалялись отъ пристани и всіо плыли близь горы по разлитымъ лугамъ дабы не быть противъ тѣченія быстраго Днепра, и только поворотили въ Днѣпръ когда

прошли противо лежащую пристань куда насъ тѣченіе воды
принесло. Мы часъ были на водѣ и подъѣхавши къ пристани
сошли съ парома и севши въ карету поѣхали обратно про-
должать нашъ путь въ Курскъ. Дорога на которой мы ехали
разстояніемъ пяти верстъ была вся покрыта водою отъ раз-
литія Днепра и представляла намъ настоящее морѣ и заста-
вило насъ несколько опасатся дабы подъ водою не случились
рытвины или каменья могущія насъ опрокинуть, но ямщики
столь привыкли къ оной дорогѣ и мѣста столь имъ примѣтны
что мы благополучно пріѣхали до станціи Бровары гдѣ вѣсьма — Отъ Кіева до Бровары 20
скоро переложили намъ лошадей такъ же какъ и въ Семи- — До Семи-полки 29
полкахъ и продолжая благополучно наше путешествіе, въ среду
22 пріехали въ 7 часовъ поутру въ городъ Козельцъ. У почта- — До Козельца 25
ліона у котораго оставили нашу карету для починки ехавши
въ Кіевъ остановились мы завтракать и коль скоро всѣ было
уложено и лошади запрежены поѣхали продолжать нашъ путь.
На половинѣ дороги находятся два тракта Белорускои по
которому мы ехали въ Кіевъ и Курской которой въ право
лѣжитъ, которой мы и взяли, и ехали вѣсьма скоро по хоро-
шой дороге. Мѣста которые проѣзжали плодовитые и поля
засеянные необозримы изъ части виденъ и лѣсъ. Перемѣнивши
лошадей въ Козарахъ продолжали путь нашъ по вѣсьма хоро- — До Козаръ 24
шей дорогѣ мимо плодовитыхъ полей. Въ станціи Козарахъ
несколько дожидались нашу кибитку которая по причинѣ
дурныхъ лошадей которые заложены ехали тихо. Мѣста хороши
которые продолжали и вездѣ хлѣбъ озимовой хорошо стоитъ
и обѣщаетъ хорошую жатву. Такимъ образомъ продолжая наше
путешествіе до станціи Носовки гдѣ переменили лошадей, — До Носовки 14
поехали въ городъ Нежинъ по довольно хорошей дорогѣ кото- — До Нежина 26
рая изъ части однако фашинникомъ намощена была. Ехали
мы довольно скоро и проѣзжая плодовитые луга и пашни
которые хотя не объсеяны были но обещали хорошее плодо-
родіе ибо хорошо обработаны были по весьма хорошей почвѣ
земли. Мы въѣхали въ городъ въ три часа и остановились
въ домѣ бывшей дѣвушки Авдотьи Кутьиной отпущенной на
волю. Городъ изрядѣнъ и попеченіемъ военного губернатора
князя Рѣпнина обѣщаетъ быть хорошо обстроенъ ибо примѣ-
тилъ что улицы по плану разбиваютъ. Церкви великолѣпно
обстроены особливо соборная во имя Петра и Павла и Успеніе

Богородицы такъ же какъ и Греческой монастырь которой имѣетъ хорошой фасадъ. Мы были внутри церкви иконостасъ очень богатъ; Благовещенской соборъ весьма хорошъ внутри онаго иконостаса съ плошь богато вызолочено а стены розписаны образами. Какъ намъ сказали, что будетъ всеношна, и служить будетъ архимандритъ, то поспешили мы возвратится на нашу квартеру обѣдать а потомъ пошли ко всеношнѣ, где архимандритъ Викторъ совѣршалъ службу по случаю кануни праздника Вознесенія Господня. По окончаніи оной пошли на квартеру, и какъ намъ сказали что лошадей нетъ, то отпивши чай и разпростившись съ нашими хозяйками пошли въ карету и ожидали терпеливо лошадей которые не преждѣ какъ въ 5 часовъ утра приведены были, ибо намъ во ономъ случае вѣсьма мало пособія оказалъ городничей которой даже по приглашенію моему не хотѣлъ явится къ намъ. Коль скоро всѣ готово было продолжали нашъ путь во всю ночь.

23 Четвергъ поутру въ 8 часовъ пріѣхали въ станцію Комаровки два часа ожидали лошадей и получили обывательскихъ по неимѣнію почтовыхъ ехали обѣ станціи тихо проѣзжали места плодовитые и хорошо обработанные и пріѣхали въ городъ Ворзна въ первомъ часу пристали къ почталіону гдѣ чай пили и какъ тоже лошадей не было то долго оныхъ ожидали хотя городничей г. Геслингъ и все возможное стараніе употрѣбилъ намъ оные сыскать, и къ намъ самъ пришелъ извинятся что столь долго принужденъ былъ насъ заставить дожидатся оныхъ онъ афицеръ Петровскаго полка за ранами отставленный и кажется весьма хорошой человекъ былъ долго въ командѣ у Николая Ивановича Демидова. Я былъ у него въ домѣ куды онъ насъ звалъ. Онъ живетъ довольно хорошо съ двумя своими сестрами и малымъ своимъ жалованьемъ прокормляетъ какъ ихъ такъ и престарелую свою мать. Отпивши чай поѣхали продолжать нашъ путь и ехали по пещаной дорогѣ места которые проѣзжали плодовиты и грунтъ земли хорошъ. Пріехали въ станцію Батюрино обширная водчина принадлежащая князю Разумовскому местоположеніе прекрасное сіе мѣстечко болѣе схожо на городъ нежели тотъ которой оставили многіе дома весьма хорошо выстроены въ ономъ находится двѣ фабрики суконная и свечная гдѣ восковые свечи почитаются лучшими. Домъ господской великъ построенъ на горѣ при рекѣ

До Комаровки 30

До Ворзна 20

До Батюрина 33

Сейме и при оной деревнѣ находится 700 душъ а во всей
Черниговской губерніи считается 7000 душъ. Какъ намъ скоро
лошадей запрегли то чтобъ врѣмя не потерять обѣдали въ
карете и продолжали нашъ путь по довольно хорошей но пе-
щаной дорогѣ. Переѣхали рѣку Сеймъ на паромѣ которой
хорошъ былъ и 3 кареты наши установились съ лошадьми
весьма хорошо. Въ станціи Алтыновкѣ и Кровелеца пере- До Алтыновки 27
меняли лошадей и въ послѣдней изъ оныхъ станцій долго До Кровелеца 19
ожидали оныхъ по причинѣ большихъ разгоновъ что и при-
нудило почталіона прибѣгнуть къ обывательскимъ. Дорога
дурна и пещана была, всю ночь ехали благополучно пріехали
24 въ пятницу въ 7 часовъ на станцію Тули Головы гдѣ чай пили До Тули Головы 20
у смотрителя. Местечко сіе прекрасное положеніе имѣетъ, на
горѣ и окруженъ пашнями и лугами перемешанными лѣсомъ.
Отпивши оной поѣхали продолжать нашъ путь дорога пещана
была места которые проѣзжали были плодовитые но дальные
необозримые пашни и луга, ничего привлекательного не пред-
ставляло путешествующимъ. Поднимаясь на гору пріехали
мы въ городъ Глуховъ которой на оной построенъ. Каменного До Глухова 21
строенія въ ономъ довольно но онъ нехорошо и нерѣгулярно
построенъ. Получивши скоро лошадей продолжали нашъ путь,
и въехавши въ Курскую губернію ехали по дурной дорогѣ
которая была весьма худо содержана не доѣзжая местечка
Крупецъ подымается на гору на которой стоитъ сіе местечко До Крупецъ 31
при озерѣ Обеста, принадлѣжащее князю Барятинскому. Тутъ
не получивши лошадей и хорошой квартеры ибо крестьянѣ
весьма изнурены работою принуждены были обѣдать на дворѣ
у писаря. Мѣста проѣзжающіе дурно обработаны и видно что
и земля не очень хороша, по большей части лесистые довольно
видно дубу. Крестьянѣ здесь на пашне каждое тягло должно
3 десятины земли обработать и всемъ выгономъ косить го-
сподскіе луга. Послѣ обѣда дожидали долго лошадей, и полу-
чивши оныхъ продолжали нашъ путь до города Рыльска по До Рыльска 25
весьма дурной и горыстой дорогѣ и видно что объ нихъ ника-
кого и попеченія не имѣютъ ибо мосты и у горъ возлѣ рыт-
винахъ на косогорахъ нетъ и балясъ такъ что ночью весьма
опасно и ехать. Въ городъ пріехавши остановились у содер-
жателя почты г: Звягина гдѣ чай пили. Городъ довольно
хорошъ на рѣкѣ Сеймѣ чрезъ которую переѣзжали, лутчіе дома

суть купцовъ Шелиховыхъ. Торгъ незначителенъ и болѣ состо-
итъ изъ дехтю и мѣду. Отпивши чай продолжали нашъ путь
по вѣсьма дурной дороге и имели несчастіе что одна изъ
нашихъ каретъ опрокинута была, но къ счастію никто не
ушибся и карета не изломалась. Сіе 20 верстъ ехали мы 6
часовъ по случаю дурныхъ лошадей и дороги которая весьма
грязна принадлежащѣе князю Барятинскому. Подъехавши къ
почтовому дому узнали что лошадей нетъ еще и всю ночь
оныхъ ожидали и только въ 5 часовъ утра выѣхали и ехали
по весьма дурной дороге места вѣсьма плодородные которые
проѣзжали и грунтъ земли хорошъ такъ что никогда не возятъ
землю при посевѣ. Въ Ивановскомъ находится и домъ господ- До Ивановскаго 20
ской довольно хорошо выстроенъ. Продолжая нашъ путь бывши
въ дорогѣ 6 часовъ—

25 Въ суботу подъѣхали къ городу Льгову. Городъ Льговъ До Льгова 25
нехорошо выстроенъ но имѣетъ весьма прекрасное положеніе
построенъ будучи на горѣ и покидая оной должно спускатся
и подыматся на весьма высокую съ большею осторожностію ибо
она очень крута и грунтъ глинистой. Перeѣхали рѣку Сеймъ
на паромѣ, пристали у почталіона, гдѣ насъ ожидалъ капи-
танъ исправникъ Алексей Констянтиновичь Перекрестовъ, чело-
вѣкъ отменно услужливой, и которой намъ весьма много по-
собія оказалъ при наряду лошадей обывательскихъ какъ на
сей станціи такъ и на предьидущей. Отпивши чай продол-
жали нашъ путь дорога весьма гориста была и даже опасна
ибо по косогорамъ не поставлены были оборонительные поли-
садники, но места прекрасные которые проѣзжали особливо
местечко Макарово принадлежащее помещику Ширкову оное
лѣжитъ въ долинѣ мѣждо двумя горами оброзши лѣсомъ дубо-
вымъ и другимъ такъ что надо непременно спускатся и поды-
матся чтобъ къ оному въѣзжать благополучно. Съѣхавши и
поднявши на гору пріехали въ Глушкову станцію гдѣ у парома До Глушкова 26
уже попеченіемъ г. капитана исправника ожидали насъ свежіе
лошади и люди для пособія присланные, въ случае естли
лошади не подымутся на гору. Благодаривши капитана испра-
вника чрезъ соцкаго которой насъ провожалъ переехали мы
рѣку Сеймъ на весьма дурномъ паромѣ и ехали по горыстой и
дурной дорогѣ весьма долго по причинѣ дождливой погоды
продолжался 3 дни, ехали по дурной дороге, места были частію

пашенные а частъю лесистые проѣзжали большіе деревни. Въ
9 часовъ пріѣхали на станцію Дьяконово и остановились въ До Дьяконова 25
изрядной квартире принадлежащей отставному ундеръ афи-
церу, служившему въ Полтавскомъ полку гдѣ разположились
чай пить и ожидать чтобъ немного разцвело чтобъ продолжать
нашъ путь ибо ночь очень тѣмна была и дождь лилъ безъ
прерывно, а какъ онъ въ последную войну противо всѣобщаго
врага служилъ то разговаривали съ нимъ о его походахъ.
Отпивши чай пошли въ наши кареты и лѣгли спать ибо въ
избѣ столь нечисто было что нельзя было въ оной остатся.

26 Воскресеніе вставши въ 5 часовъ утра намерены были мы
порядить лошадей чтобъ ехать прямо не заѣзжая въ Курскъ
въ деревню нашу Мантурово, но какъ запросили за 21 лошадь
250 ру. и только разница состояла въ близости 15 верстъ то
и рѣшились ехать въ Курскъ заложивши почтовыхъ лошадей До Курска 23
продолжали нашъ путь по весьма пещаной дороге и гористой
проѣзжая места непріятные. Подъѣзжая къ городу переезжали
мы на вѣсьма дурномъ паромѣ рѣку Сеймъ и тихо къ городу
подъѣзжали по пещаной долине въѣхали въ городъ подыма-
лись мы по высокой горе по улице Московской называемой,
чтобъ найти себѣ пристанище, и встретили едучи председателя
гражданской палаты Финенкова которой правилъ должностью
губернатора въ отсудствіе онаго. Мы его знавши въ Петер-
бургѣ просили пособіе его къ отправкѣ насъ въ Мантуровку,
но къ удивленію нашему получили грубыми выраженіями от-
казъ ибо онъ намъ сказалъ что ничемъ не можетъ намъ по-
мочь. Вотъ какимъ людямъ иногда жрѣбій даетъ въ управленіе
несколки тысячами людьми. Но сколь не былъ намъ удивите-
ленъ сей отвѣтъ столь противной сему поступку нечаянной слу-
чай намъ вспомоществовалъ. Едучи по городу чтобъ отыскать
квартеру попался намъ навстречю маленькой дитя едучи вер-
хомъ съ дятькою какъ онъ насъ прельстилъ любезнымъ своимъ
взглядомъ подозвали мы его къ карете чтобъ приласкать его и
узнали что онъ сынъ господина здешняго помещика Матвѣя
Алексеевича Токарева. Не успели мы пристать въ вѣсьма худой
трактиръ гдѣ мы наняли комнаты и приготовлялись завтра-
кать какъ въ другъ увидали у нашихъ воротъ сего прекрасного
дитя съ учителемъ которой пришелъ отъ имѣни своихъ роди-
телей поблагодарить за нашу ласку оказанную ему и притомъ

отъ нихъ предложеніе намъ зделать не нужно ли намъ какое ни есть пособіе. Благодарили сего дитя мы весьма, и объявили что намъ нужны лошади. Коль скоро узналъ Г. Токаревъ по возврате сына своего сего прекраснаго дитяти и учителя что нужны намъ лошади ямскіе чтобъ ехать въ деревню Мантурово не будучи здѣсь ни при какой должности изъ пріязни только чтобъ одолжить нуждающихъ прислалъ здешняго полицейместера Николая Ивановича Макеева которой тотъ часъ предложилъ намъ свой услуги. Мы вѣсьма обрадованы были симъ предложеніемъ и просили о пособіи при доставке лошадей. Коль скоро онъ отъ насъ уѣхалъ пошелъ я къ господину Токареву чтобъ какъ его такъ и его супругу поблагодарить за все услуги намъ оказанные. Они меня весьма ласково приняли и приглашали пріѣхать отобѣдать но какъ Катерина Петровна намерена была отдохнуть отъ дурной дороги принужденъ былъ я отказатся отъ сего учтиваго приглашенія. Посидѣвши несколько у нихъ пришелъ въ нашъ трактиръ; ходя по городу приметилъ что онъ вѣсьма дурно содерженъ улицы худо вымощены и грязны и строеніе вѣтхое однако находятся дома каменные довольно имеющіе хорошой фасадъ, такъ же и церкви, улицы прямы но какъ городъ стоитъ на горѣ то трудно для езды ибо безпрестанно должно подыматся и спускатся, домъ губернаторской довольно хорошъ, такъ же присудственные места, но весьма жаль что домъ бывшаго генералъ губернатора которой имелъ хорошое положеніе и которой могъ быть исправленъ, какъ я самъ былъ свидетелѣмъ, когда былъ здесь первой разъ, какъ я узналъ нынѣ сломанъ. Пришедши домой приказали обѣдъ изготовить и обѣдали въ 4 часа, и послѣ обѣда нетерпеливо ожидали лошадей какъ вдругъ свѣрхъ чаянія нашего сказали намъ что полицмейстеръ прислалъ частнаго пристава Генделевича съ лошадьми. Сей чиновникъ намъ показалъ въ ономъ большую услугу ибо съ насъ просили до Мантуровки 25 ру. на тройку что составило бы 175 ру. а мы по старанію сего чиновника которой самъ за 5 вѣрстъ за нами ездилъ получили оныхъ за обыкновенные прогоны то есть за 45 ру. Отпивши чай и поблагодаривши г. Генделевича за его труды сели въ кареты и продолжали нашъ путь. Покидали городъ спускаясь съ весьма высокой каменной горы и потомъ слѣдовали по дурной дорогѣ по Тимскому тракту до станціи

Краснова гдѣ переменили лошадей далее поехали до станціи До Краснова 22
называемой Чернышевы Дворы. Дорога въ последней сей стан- До Чернышевыхъ Дворовъ 25
ціи лутче была и места плодовитые но мы тихо ехали съ начала потому что ночь очень тѣмна была и дорога гористая въ двухъ местахъ, и косогористая и отъ дозжа склиска.

27 Въ понедельникъ поутру въ 7 часовъ въ Чернышевскомъ Дворѣ остановились въ весьма дурной избѣ чай пить но какъ она одна тутъ была то и выбирать не изъ чего было, какъ ближняя деревня гдѣ можно было достать лошадей была въ 5 верстахъ и нашъ курьеръ опоздалъ пріехать прежде насъ чтобъ приготовить лошадей то довольно долго лошадей ожидали, чай пили въ оной избѣ и коль скоро получили лошадей поехали мы въ нашу деревню Мантурово. Места которые проѣзжали весьма пріятны были и плодовитые засеянной овѣсъ хорошый взходъ имѣлъ, но и озимые хлебы дурны по причинѣ малого снегу несколько потерпели отъ морозовъ а весною отъ засухи ибо дозжа до 20-го Маія нисколько не было. Приближаясь къ Мантуровой въехали мы въ нововыстроенную нашу Малороссійскую деревню по Курской дороге которая перевѣдена изъ за озера гдѣ домъ построенъ нашъ. Она намъ очень понравилась. Проехавши оную проехали мы ярмоношную площадь посреди которой находится церковь во имя Чюдотворца Николая. Кругомъ оной находится 4 корпуса деревянные составляющіе гостиной дворъ и каменной старинной домъ для прикащика и канторы. Проехавши чрезъ оную площадь ехали чрезъ плотину у озера находящагося и пріехали благополучно къ нашему дому вышедши изъ кареты поспешили вознесть Всевышнему благодареніе наше за благополучной пріѣздъ нашъ. Домъ въ новь построенъ каменной при озерѣ на высокомъ мѣстѣ видъ изъ онаго прекрасенъ но еще неотделанъ однако мы довольно спокойно со всеми дѣтьми въ оной поместились. Какъ
наши люди за дурными лошадьми которыхъ на станціи за- До Мантуровой 27
ложили поздо пріѣхали то обедали мы въ 7-мь часовъ послѣ обѣда разбирались чай пили въ 9 часовъ и легли спать въ 11 часовъ.

Пребываніе наше въ Мантуровой.

28 Во вторникъ: встали въ 8 часовъ, и отзавтракали поѣхали въ цѣрковь къ обѣднѣ по окончаніи оной отпѣть велѣли

благодарной молѣбенъ за благополучной нашъ прiѣздъ. Церьковь довольно хороша въ старинномъ вкусе иконостасъ украшенъ образами которые одинъ отъ другова разделѣны маленькими колоннами и рѣзьбою всѣ хорошо и богато вызолочено что учинено было изъ усердiя здешними крестьянами и частью церковными деньгами пять лѣтъ тому назадъ. Отслуживши молѣбенъ поѣхали домой, и по случаю дурной погоды никуда не выходили, и дома упражнялся я разными вотчинными дѣлами съ прикащиками, а Катерина Петровна съ дѣтми находилась. Передъ обѣдомъ пришли на поклонъ здѣшнiе всѣ дворовые люди, по большей части старые заслуженые на пеньсiи состоящiе съ хлѣбомъ и солью по древнѣму обычаю, и казались нами рады были такъ же и несколько крестьянъ по близости живущiе поспешили къ намъ побѣседовавши съ сими добрыми стариками и коль скоро они ушли мы обѣдали, а послѣ обѣда какъ погода разгулялась поѣхали въ ландо на пасеку осматривали оную. Место гдѣ ульи находятся окружено дубовымъ прекраснымъ лѣсомъ. Мы тутъ походили и по желанiю дѣтей нашихъ назначили каждому по одной ульи. Осмотрѣвши пасеку поѣхали въ доль по лѣсу и господскихъ пашенъ. Проезжая деревню которая состоитъ изъ разныхъ улицъ и вновь выстроены по плану присланному нами прiехавши домой пили чай и посидевши несколько вмѣсте разошлись и лѣгли спать.

29 Середа: поутру отзавтракавши, поехали мы по подробности осматривать вновь построенную деревню и старую по плану переправленную, и проѣзжая разные улицы дали имъ разные названiи. 1-ю идущую сначала деревни поперекъ чрезъ площадь Торговою, мимо церкви назвали Никольскою также какъ и площадь, потому что церковь во имя С. Николая Чюдотворца на оной площади выстроена. 2-ю идущая изъ Курска назвали Новой Курской. 3-ю идущую Старой Курской. 4 Тимскую, 5 Большую Базарную, 6 Мало Базарную, 7 Старооскольскою что мимо дома идегъ, 8 Ливенскую. Всехъ дворовъ въ нижней части деревни то есть кругомъ ярмоношной площади находится 164, а въ верхней части близь дома имеется 40 дворовъ. Никольская улица имеетъ 44 двора Новая Курская 45, Старая Курская 34, Большая Базарная 17, Малая Базарная 12, Тимская 12, Старооскольская 14, Ливенская 26 дворовъ итого 204 двора. У гости-

наго двора остановились и чрезъ все 4 корпуса онаго прошли пешкомъ и осматривали лавки каждой корпусъ состоитъ изъ 16 лавокъ. Междо двумя корпусами находится Курская дорога тутъ по оной съ одной стороны питейной домъ, а напротивъ онаго пожарной сарай, харчевня или постоялой дворъ построенъ противъ перваго корпуса гостинаго двора неподалеко отъ онаго находится противъ церкви старой господской домъ гдѣ теперь живетъ прикащикъ и находится кантора. По той же линіи выстроены людскіе жилье и ткатская фабрика а поодаль риги и хлѣбные магазейны; риги здесь не вместе съ овинами или гумнами какъ у насъ около Петербурга, построены поодаль по причинѣ предпринятой осторожности отъ пожаровъ ибо всѣ строеніе крыто соломой. Осмотрѣвши всѣ хозяйственные завѣденіи возвратились домой обѣдать, а послѣ обѣда поѣхали въ деревню Гущино и Лопухину осматривать конской заводъ разстояніи въ 15 верстахъ отъ Мантуровки. Дорога идущая въ Гущино не очень хороша и косогориста. Въ деревнѣ Гущиной были встречены крестьянами съ хлѣбомъ и солью, а въ Лопухиной дворовыми крестьянами. Какъ господскаго дома нетъ то съ срѣди двора поставлена была палатка для нашего пріема, гдѣ мы несколько побывши, разговаривали съ добрыми крестьянами которые казались быть обрадованы нашимъ пріездомъ потомъ смотрѣли заводскихъ жеребцовъ которыхъ выводили и мериновъ молодыхъ которые изрядными показались. Мѣждо тѣмъ пригнали съ луговъ табунъ кобылицъ и жеребятъ годовиковъ изъ которыхъ выбрали мы 7 кобылокъ для верховой езды для каждого изъ насъ которые намъ всѣмъ довольно понравились. Разпростившись съ крестьянами поехали обратно въ Мантуровку куда пріехали весьма поздно и отпивши чай легли спать.

30 Четвергъ: отзавтракавши занимался я целое утро до обѣда разбивать место для продолженія постройки разныхъ службъ къ дому принадлѣжащихъ и назначеніе англинскаго садика и какъ оной назначили здѣлать около озера, то надѣемся что довольно хорошъ и пріятенъ будетъ; обѣдали въ 4 часа, а послѣ обѣда пришли къ намъ на поклонъ все здешніе крестьяна какъ рускіе такъ и малороссіане, и забавляли насъ своими плясками и пеніемъ, дозжикъ которой пошелъ возпрепятствовалъ продолжать намъ возпользоватся симъ сель-

скимъ праздникомъ крестьяне разошлись а мы взошли въ комнаты и пили чай, побывши несколько въ мѣсте разошлись и въ 11 часовъ лѣгли спать.

31 Пятница: позавтракавши поехали мы къ гостиному двору гдѣ по пятницамъ бываетъ торгъ, и места выдаются смотря по количеству товара. Мы взошли въ лавки и купили разного крестьянского товара для поощренія купцовъ потомъ проехали по разнымъ улицамъ и пріехавши домой, занимался по случаю дождливой погоды вотчинными дѣлами, обѣдали въ 4 часа, послѣ обѣда продолжалъ назначать строеніе и въ саду дорошки, чай пили въ 9-мъ часу потомъ занимался планами и дѣлами до 11-ти часовъ.

Июнь 1 Суббота поутру по случаю дурной погоды были дома и занимался планами и разпоряженіями какъ построить службы къ дому принадлѣжащіе. Передъ обѣдомъ пріехалъ къ намъ князь Львовъ которой у насъ обѣдалъ и остался до 6 часовъ потомъ несколько погулявши и отпивши чай поехали мы въ церкву ко всеношни. Пріехавши домой и несколько посидевши въ доме вмѣсте разошлись по своимъ комнатамъ.

2 Воскресеніе: въ Троицинъ день позавтракавши поехали къ обѣдне гдѣ много народу было. Пріехавши домой поехали осматривать господскіе пашни и леса дубовые и нашли что много лесу было вырублено и не было соблюдено должной збережливости о чемъ весьма сожалѣли. Пріѣхавши домой обѣдали мы послѣ обѣда собраны были всѣ крестьяне какъ здешніе такъ и Гущинскіе и Лопухинскіе и забавляли насъ пеніемъ своимъ и плясками которые подчиваны были нами разными закусками и виномъ, и пока я съ сыновьями самъ занятъ былъ, Катерина Петровна съ дочерьми раздавала имъ платки, серьги, ленты и прочіе крестьянскіе украшеніи которые здесь на пятнишной ярмонкѣ куплены были на сей предметъ. Такимъ образомъ провели сей вѣчеръ при прекрасной погодѣ въ пріятной забаве ибо весь день былъ солнечной и теплой превосходнее великолепныхъ городскихъ пиршествъ гдѣ нерѣдко вмешивается зависть злоба и скука, напротивъ же сего въ сихъ добрыхъ поселянахъ изображена была нелицемерная радость услаждающая ихъ серца, и мы не могли никуды показатся какъ толпа сихъ добрыхъ крестьянъ окружала насъ. Коль скоро они разошлись по домамъ, взошли

въ комнаты въ 10-мъ часу и пили чай, а потомъ посидевши несколько въ месте и такъ разошлись и легли спать въ 12 часовъ.

3 Въ понедельникъ: въ праздникъ Духова дня отзавтракавши поехали къ обѣднѣ и какъ мы намерены были сей дѣнь отправится въ путь въ ночь или рано поутру на другой дѣнь то отслужили благодарьственной молебѣнъ за благополучное здешнѣе наше пребываніе. Пріехавши домой разпоряженіемъ занимались в разсужденіи нашего отъезда, обѣдали въ 4 часа послѣ обеда пришли къ намъ крестьяне и крестьянки которые желали еще съ нами простится и насъ повеселить своими невинными и сельскими забавами и до чаю играли въ короводы пели песни и плесали разпростившись съ сими добрыми поселянами пили чай въ 9 часовъ и потомъ укладывались ибо намерены были выехать на другой день въ 2 часа ночи.

4 Во вторникъ: въ 2-мъ часу разпростившись съ дворовыми людьми сели въ наши кареты и поѣхали продолжать нашъ путь въ Москву чрезъ Коренную ярмонку. Какъ трудно было достать по проселочнымъ дорогамъ лошадей то на 3 станціи выслали крестьянскихъ. Ехали до станціи Чернышевыхъ Дворовъ по весьма дурной дороге такъ что въ одномъ месте чють было не увязли и съ большой опасностію переехали по узинькому дурному мосту рѣчку. Отъехавши 27 верстъ въ Чернышевыхъ Дворахъ переменили лошадей и продолжали нашъ путь проселочной дорогой горыстой и дурной до станціи Ясенки и какъ уже 9-й часъ былъ то остановились въ весьма дурной избѣ чай пить ибо лутче не могли найти; места проезжающіе были плодовитые и довольно пріятны. Отпивши оной, продолжали наше путешествіе. Не успевши отъехать саженъ 20-ть какъ принуждены были выдти изъ кареты чтобъ чрезъ плотину и дорогу ведущей къ ней пройти пешкомъ ибо место сіе столь дурно было боялись чтобъ не были опрокинуты наши кареты которые едва съ великимъ трудомъ переехали плотину ибо здесь обыкновеніе плотину чинить соломой и навозомъ какъ и дороги то вѣсьма неспособно чрезъ оные въ тежелыхъ екипажахъ переѣзжать. Переехавши однако благополучно оную на полверсту разстоянія подымались по высокогористой горе близь глубокаго оврага близь идущей дороги находящагося которая ничемъ не была охранена долина въ

Отъ Мантуровки до Чернышевыхъ Дворовъ 27

До Ясенки 17

овраге или въ пропасте сей и лѣсомъ обсаживанные огороды представляли глазамъ путешествующимъ пріятное зрѣлище. Дорога нехороша была, и мы только что въ 4 часу пріехали въ Коренную, где остановились въ маленькомъ домике весьма посредственномъ, обедать. (До Коренной 38) Какъ намъ объявили что лошадей вольныхъ нельзя найти было то пошли гулять по ярмонке осматривали гостиной дворъ которой каменной и довольно хорошо построенъ изъ доходовъ ярмоношныхъ которые простираются до 80000 ру. ежегодно. Ярмонка не начата была однако начинали съезжатся и занимать места. Погулявши пришли въ квартеру и видя что лошадей все нельзя было найти а крестьянскіе слишкомъ измучены были чтобъ далее ехать принужденъ былъ прибегнуть къ начальству и отыскивать курскаго капитана исправника которой случился въ Коренной для разпоряженія оной ярмонки просилъ его отыскать намъ лошадей, что онъ охотно и обещалъ учинить; и втеченіи несколько врѣмяни привели лошадей обывательскихъ, чему мы весьма обрадованы были и коль скоро все готово было къ отъѣзду нашему поѣхали продолжать наше путешествіе и выехавши на большую Курскую дорогу пріехали въ станцію называемую Сороковой Колодезь. (До Сороковаго Колодезя 25) Въ Ольховатки и Очкахъ переменили лошадей (До Ольховатки 21) (До Очки 20) и продолжали во всю ночь наше путешествіе по весьма дурной и грязной дороге. Места сколько могъ приметить были въ прочемъ плодородные и негористые.

5 Середа поутру продолжали наше путешествіе, и въ Борисоглебской станціи переменили лошадей (До Борисоглебской 23) а въ станціи Хотетовой (До Хотетова 26) намерены были остановится въ трактире чай пить но какъ оной былъ занятъ то принуждены были въ крестьянской избѣ искать убежища хотя помещица Хотетова госпожа Надежда Афанасьевна Юсопова и приглашала насъ остановится въ своемъ домѣ но мы поблагодаривши ее и не хотевши ее безпокоить и спешивши продолжать нашъ путь удовольствовались крестьянской избой. Местечко Хотетово довольно велико и принадлежитъ двумъ господамъ госпоже Юсоповой и г. Николаю Алексеевичю Потемкину у обоихъ помещиковъ при оной деревнѣ имѣются большіе дома съ садомъ и оранжереями довольно хорошо построенные особливо домъ Потемкина выстроенъ съ колонами и имѣетъ хорошую архитектуру. Отпивши чай поѣхали продолжать наше путешествіе по дурной дороге

и пріехали въ Орелъ въ 5 часовъ остановились у почтоваго двора обѣдали мы. Городъ Орелъ выстроенъ на горѣ и видъ очень хорошъ рѣки Орликъ и Ока протекаютъ чрезъ оной лучшее строеніе суть присудственные места которые каменные имѣютъ пред собою площадь, улицы вымощены плитою, видно по недостатку булыжника. Какъ мы скоро получили лошадей то отобедавши продолжали наше путешествіе по изрядной дороге до станціи Отраде. Места которое проѣзжали были изъ части лесистые и изъ части пашенные и весьма пріятны но гористые и мы часто принуждены были спускатся съ горъ и поднимятся на оные. Проѣхавши прежнюю станцію Ивановскую которую переехали чтобъ уравнять оные подъехали къ станціи называемой Отрада на которой нашли совсѣмъ все противное сему наимѣнованію ибо только что подъехали къ почтовому двору пришли къ нашей карете два почталіона которые болѣе походили на разбойниковъ, нежели на людей обязанныхъ пособіе проѣзжающимъ. Они объявили намъ что лошадей нетъ и что обывательскіе не иначе поѣдутъ какъ за вольную плату на что мы бы конечно согласились но какъ они начали грубить и въ рѣчахъ збиватся то принужденъ былъ сказать имъ что хотя и дамъ двойные прогоны не иначе какъ въ Мценске въ руки крестьянъ, спросилъ ихъ имѣна но какъ они видя ихъ поступокъ не хотели настоящіе объявить узналъ уже дорогою что однаго называли Данило Ивановъ а другова Орловъ, и что они обманываютъ проѣзжающихъ и почтовыхъ лошадей даютъ за обывательскихъ за двойные и болѣе прогоны и дѣньги себѣ оставляютъ, из любопытства спросилъ нет ли у насъ почтовыхъ лошадей узналъ что 6 действительно почтовые. Крестьяна узнавши наше намѣреніе охотно запрегли намъ въ добавокъ своихъ лошадей и такимъ образомъ удалились отъ сей станціи. Ехали по весьма гористой дороге и дурной во всю ночь при дурной погодѣ ибо весьма большой дождь шелъ пріехали мы—

До Орла 26

До Отрады 27

6 Четвергъ: поднявшись съ трудомъ на большую гору въ городъ Мценскъ, а какъ и тутъ лошадей въ готовности не было то остановились въ довольно хорошемъ трактире чай пить и послали къ полицмейстеру г. Худякову просить пособіе. Мы долго дожидались лошадей и получивши оныхъ поехали продолжать нашъ путь. Городъ Мценскъ стоитъ на горе и

До Мценска 27

довольно хорошъ при рѣке Орликѣ, купечества довольно и
богато и производятъ значительной торгъ хлебомъ ибо рѣка
Орликъ впадаетъ въ Оку 25 вер. отъ города. Проезжая чрезъ
городъ видели разные строеніи довольно хорошо выстроенные
такъ же какъ и церквей каменныхъ. Дорога до Большаго
Скуратова чрезъ вычайно трудна была ибо шесть горъ довольно
высокихъ надобно было спускатся и подыматся. Места были
весьма пріятные которые продолжали хлебопашенные и лесные
и мы несколько селеніевъ и господскихъ домовъ проѣзжали.
Передъ станціей Скуратовской показывается большой каменной
домъ съ службами и церквію принадлѣжащею капитану Ску- До Скуратова 28
ратову. Какъ намъ скоро заложили лошадей то и не хотели
выходить изъ кареты а обедали въ карете нашей и поѣхали
продолжать наше путешествіе по весьма дурной дороге, кото-
рая еще болѣе испортилась отъ дозжей идущихъ съ неделю.
Въ 8-мъ часу пріехали мы на станцію Малое Скуратово при- До Малой Скуратовой 20
надлежащей тому жъ помещику и остановились у почталіона
чай пить пока лошадей переменяли а потомъ поехали про-
должать наше путешествіе по весьма дурной дорогѣ.

7 Пятница: целую ночь ехали $25\frac{1}{2}$ верстъ по дурной гори-
стой и весьма опасной дорогѣ ибо 4 большіе и высокіе горы
спускатся и подыматся принуждены были которые ничемъ не
загорожены и какъ дорога близь пропасти проведена то со
всею возможною осторожностію ехать должно. Пріехали мы въ
5-мъ часу въ Сергіевское и дожидались до 9 часовъ терпе- До Сергіевскаго $25\frac{1}{2}$
ливо но не получивши оныхъ вышли изъ каретъ нашихъ и
взойдя въ комнату почталіона чай пили. Узнавши что сіе се-
леніе принадлежитъ князю Сергѣю Сергѣевичю Гагарину рѣ-
шился идти къ нему и просить у него пособія къ доставке лоша-
дей, онъ меня ласково принялъ и предложилъ мнѣ завтракъ
но какъ меня ожидали чай пить то побывши несколько у нѣго
и полюбовались на место положеніе которое имѣетъ домъ,
будучи съ нимъ на балконѣ, простившись съ нимъ и пошелъ
на нашу квартеру. Село сіе имѣетъ 3000 душъ которые всѣ
на оброкѣ домъ на горѣ построенъ такъ же какъ и церковь
имѣетъ въ виду ярмоночную площадь гдѣ находится весьма
посрѣдственной гостиной дворъ, крестьянское строеніе весьма
бедное и худо выстроено. Какъ мы чай пили пришелъ къ
намъ отъ князя секретарь объявить намъ что лошади тотъ

часъ приведены будутъ и предлагалъ отъ князя не имѣемъ ли нужды в чемъ нибудь мы весьма благодарили его и коль скоро лошади были запрежены сели въ карѣты и поехали продолжать нашъ путь. Ехали по изрядной дорогѣ и места которые проѣзжали были прiятные прiѣхали въ станцiю Солово До Солова 26
въ 3 часа гдѣ намъ сказали тоже что лошадей нетъ. Ожидая оныхъ велѣли принесть себѣ въ кареты кушанье и обѣдали и видя что почталiонъ делалъ намъ затрудненiе въ лошадяхъ и предлагалъ намъ только 6, думавши что ихъ не возмѣмъ а въ добавокъ нанять вольныхъ или подъ видомъ оныхъ его жъ почтовыхъ ибо нерѣдко случается сiе злоупотрѣбленiе междо ими велелъ я въ одну изъ нашихъ каретъ заложить оныхъ и поместившись въ оную со всѣми детьми поехали продолжать наше путешествiе, намерены будучи въ Тулѣ ожидать другiе двѣ кареты, и сказали почталiону, чтобъ онъ отправилъ оные когда лошади придутъ. Мы ехали довольно скоро и прiехали на станцiю Ясную Поляну благополучно гдѣ нашли лошадей до Ясной Поляны 18
въ готовности ибо перѣдовой курьеръ ихъ задержалъ. Переложа оныхъ ехали мы до Тулы по хорошой и прiятной дороге До Тулы 17
и прiехали въ домъ госпожи Любовь Михайловны Кадеусовой въ 3-мъ часу ночи и хотя мы не велели ихъ будить, но они будучи столь много обрадованы нашимъ прiездомъ особливо Елизавета Осиповна которая у насъ жила прежде 2 года, что мать и дочь прибѣжали къ намъ и намъ своими ласками изъявили всю свою радость. Побывши несколько вместе поспешили дать хозяевамъ врѣмя отдохнуть и сами поместившись кое какъ въ домѣ легли спать.

8 Въ Суботу встали мы въ 9 часовъ пошли къ хозяйке завтракать послѣ чего узнавши что лошадей на почте нетъ пошелъ я къ здѣшнему губернатору г. Оленину просить отъ него пособiя, онъ меня вѣсьма благосклонно принялъ и тотъ часъ послалъ дать знать капитану исправнику чтобъ намъ въ случае недостатку почтовыхъ лошадей изготовилъ на всехъ станцiяхъ до Московской границы обывательскихъ лошадей. Посидевши у него пошелъ съ детьми осматривать городъ и заводъ оружейной.

Описанiе города Тулы.

Городъ выстроенъ на горе имеетъ прiятные улицы на которыхъ видны большею частiю каменные дома. Лучшiе улицы

называются Кіевская Посольская и Дворянская, на Кіевской находятся противъ площади семинарія присудственные места и губернаторской домъ и на конце оной соборъ Успенія Богородицы которой великолепенъ и окруженъ каменной стеной и сіе место обыкновенно называютъ крепостію; пройдя чрезъ оную пошли мы на заводъ оружейной, и виделъ въ одномъ изъ отделеніевъ прекрасную новую паровую машину зделанная въ Петербургѣ Бердомъ но она въ остановке уже 2 мѣсяца ибо вода залила все каналы и топлю, и я самъ виделъ что откачивали воду. Мне весьма удивительно было найти сіе ибо главной предметъ заведенія сей паровой машины было учреждено дабы во врѣмя большеводія заводъ посредствомъ оной действовать могъ и не былъ въ остановке но сему последовало совсемъ противное. Осмотревши оную пошли въ отделеніе где стволы оружейные просверливаютъ тутъ 32 шестерни приводятся въ движеніе 3 водяными колесами и при оной работе работниковъ 72 человека и получаютъ задельную плату оттудова пошли мы въ кричную кричные мастера получаютъ по 40 ко. съ пуда подмастерья по 20 ко. Шлифовальная приводится въ движеніе людьми на каждомъ стану работающихъ всехъ работниковъ находится болѣе 300 человѣкъ, которые всѣ содержатся со всемъ ихъ семѣйствомъ изъ задельной платы что мнѣ показалось весьма недостаточно. Заводское строеніе большею частію ветхое и деревянное а только 2 корпуса одинъ 2-хъ етажной другой въ одинъ каменные, река Упа у самого завода протекаетъ приводитъ въ действіе весь заводъ река довольно широка и изобильна водою чтобъ безъ остановки заводъ содержать въ действіи, но однако шлюзы находящіяся у завода удерживаютъ воду въ случае остановки для скопу оной. Берегъ у завода обдѣланъ камнемъ съ тротуарами которые предполагаютъ зделать, и на трехъ главныхъ улицахъ домъ Генерала Стадена смотрителя завода камѣнной, имѣетъ садъ и находится у самого завода. Неподалеко отъ завода находится старинная церковь Казанской Божіей Матери которая по древности своей достойна примѣчанія. Осмотрѣвши всѣ что было достопримечательнаго пришли мы въ домъ къ Любвѣ Михайловнѣ гдѣ застали Любовь Ивановну Безобразову съ детьми, чтобъ свиданіе иметь съ нами. Мы всѣ вместѣ обѣдали послѣ обѣда сидели вместе и

занимались пріятными разговорами пили чай, а послѣ онаго
коль скоро всѣ готово было разпростились съ госпожей Кадеу-
совой и ея дочерью и гостями сели въ кареты наши поехали
продолжать нашъ путь во всю ночь. Въ станціяхъ Волоти | До Волоти | 15
и Вошаны перемѣняли лошадей дорога не очень хороша была | До Вошаны | 20
и частію горыстая.

9 Воскресеніе поутру въ 5 часовъ переменивши лошадей
на станціи Липецкаго завода и потомъ продолжали наше | До Липецкаго завода | 23
путешествіе по пріятной и хорошой дорогѣ. Места проезжающіе
были плодовитые и хорошо обработанные. Въ 10 часовъ пріе-
хали въ городокъ Серпуховъ гдѣ намъ сказали что лошадей | До Серпухова | 33
нетъ, и какъ и обывательскихъ нельзя было достать, то наняли
вольныхъ за которыхъ принуждены были до станціи Лапасенъ | До Лапасень | 27
заплатить по 10 ру. на тройку. Мы остановились въ купе-
ческомъ домѣ и пили чай. Городъ довольно хорошъ изъ части
каменными домами обстроенъ, гостиной дворъ довольно великъ;
въ городѣ имеются фабрики, на которыхъ делаютъ парусину
въ большомъ изобиліи которую отправляютъ въ Петербургъ.
Отпивши чай продолжали наше путешествіе по хорошой до-
рогѣ до Лапасенъ гдѣ тоже сказали намъ что лошадей не
было но какъ я узналъ что деревня принадлежитъ г. Василь-
чикову и помещикъ въ оной самъ живѣтъ то рѣшился идтить
къ нему самому, и просить о пособіи его. Я засталъ сего
почтенного старика дома и объяснилъ ему причину моего
прихода и былъ имъ весьма учтиво принятъ, онъ тотчасъ
послалъ управителя въ деревню набрать лошадей и меня уго-
варивалъ остатся со всеми чай пить и ужинать, но какъ я
спешилъ возвратится къ Катерине Петровне которая ожидала
меня у почтоваго дому то благодарилъ его и пошелъ чрезъ
его садъ къ почтовому дому. Садъ хорошъ хотя старинной
имеетъ несколько прудовъ одинъ выше другова и видъ изъ
дому на селеніе его и казенное безъ подобное. Пришедши
узналъ что почталіонъ видя что я решился просить лошадей
у г: Васильчикова приготовилъ почтовыхъ что съ ними не-
рѣдко случается и часто плотятъ за почтовыхъ лошадей вчет-
веро воображая что на вольныхъ едѣшъ. Но вотъ прижимки
которые путешествующіе часто испытываютъ. Сѣвши въ 2 кареты
и оставивши 3-ю изломанную на почте во всю ночь продолжали
по дурной дороге наше путешествіе и ехали на 33-и версты

употрѣбили 10 часовъ ибо лошади дурны были. Въ Подольскъ пріехали въ 8-мь часовъ утра. До Подольска 33

10 Понедельникъ: и ту же участь имели лошадей не получили по прижимке почтмейстера, которой верно хотелъ съ насъ взять вчетверо, что и побудило меня просить капитана исправника Мансурова о пособіи его. Какъ у него было уже приготовлено до 200 лошадей для отсылки въ Москву подъ придворные екипажи то онъ охотно отделилъ изъ оныхъ 12 и коль скоро заложены были и мы чай отпили въ купеческомъ домѣ гдѣ мы остановились, поехали въ Москву куда мы благополучно пріехали въ 6 часу. До Москвы 32 Въехавши въ нашъ домъ велели себѣ изготовить обѣдъ, а отобѣдавши пошли въ церковь нашего прихода чтобъ воздать благодарность Всевышнему за благополучной нашъ пріездъ, потомъ чай пили и будучи весьма устали отъ дурной дороги легли спать въ 11-мъ часу ибо предьидущіе ночи все не спали.

Пребываніе наше въ Москвѣ.

11 Вторникъ: вставши поспешилъ убратся, и позавтракавши поѣхалъ во дворецъ, и намеренъ будучи представится Государю Императору и всему царскому дому, и на тотъ предметъ пришелъ къ князю Волхонскому, ибо оберъ-камергера и оберъ-гофмаршала не было уже въ Москвѣ но уехали въ Петербургъ. Но къ крайнему моему сожаленію узналъ отъ князя что Государь Императоръ отъѣзжаетъ въ ночь и никого не принимаетъ, такъ же и Императрицы. Изъ дворца поехалъ я съ визитами къ здешнимъ чиновникамъ какъ то къ военному генералъ губернатору Тормазову и прочимъ и былъ ими весьма ласково принятъ. Пріехавши домой поѣхали съ Катериной Петровной и детми въ церковь Вьвѣденія Пресвятыя Богородици гдѣ мы отслужили молебенъ благодарственной за сохраненіе наше, были у часовни гдѣ находится образъ Иверской Божіей Матери, и къ оному прикладывались. Пріехавши домой обѣдали а потомъ поехали гулять по городу и встретили всю Императорскую фамилію едущую на балъ къ графине Орловой. Пріехавши домой пили чай.

12 Середа поутру поѣхали смотреть воздвигнутой памятникъ къ князю Пожарскому и Минину находящійся противъ гостинаго двора на площади называемой Красная который весьма

хорошъ и здѣланъ славнымъ Мартосомъ но кажется слишкомъ близко поставленъ къ гостиному двору и не довольно возвышенъ. Пріѣхавши домой обѣдали а потомъ поехали въ подмосковную дяди моего Павла Григорьевича водчину которой нами былъ очень обрадованъ, у него чай пили и остались до 9-го часу, а потомъ возвратились домой и легли спать.

13 Четвергъ, ездилъ поутру съ визитами. Обѣдали дома, после обѣда поѣхали мы въ Царицино въ увеселительной императорской дворецъ и встретили Императрицу Марію Феодоровну которая со всемъ дворомъ была въ Екатерининской пустыни. Пріехавши въ Царицино пошли гулять по саду, которой бы хорошъ былъ по местоположенію но вѣсьма дурно содержанъ и весь обросъ травою, беседки да и самой дворецъ пришли въ совершенной упадокъ что весьма достойно сожалѣнія ибо со вкусомъ былъ выстроенъ въ готическомъ вкусе. Погулявши и обходивши весь почти садъ возвратились мы къ нашей карете и севши въ оную поехали обратно въ Москву и хотя Царицино въ разстояніи отъ города только 12 верстъ но по причинѣ пещаной дороги долго ехали и пріехали только въ 12 часовъ домой, велели себѣ изготовить чай.

14 Въ пятницу поутру ездили на гулянье Пруды называемое, оное довольно пріятно и хорошо содержано, и состоитъ изъ дорошки идущей кругомъ прудовъ обсаженная деревьями такъ что воображаешъ что въ обширномъ англинскомъ саду гуляешъ, хотя имеешъ близь гулянья и стену саду. Оное гулянье можно бъ однако распространить и далѣе и зделать пріятнымъ какъ для пешеходовъ такъ и для екипажей естлибъ скупить несколько местъ позади саду лѣжащихъ. Погулявши поехали осмотреть большой выстроенной манѣжъ, или залъ для ученья салдатъ, которой имеетъ въ длину—а въ ширину—саженъ, весьма хорошой архитектуры и темъ болѣе удивительнѣе что крыша на столь большой ширине и не имѣя другихъ подпорокъ какъ наружные стены столь хорошо держится. Пріехавши домой обѣдали, и какъ мы намерены были на другой день переехать въ нашу подмосковню то поехали еще повидатся съ дядюшкой Павломъ Григорьевичемъ въ его подъ московне Леоновѣ. Онъ очень намъ радъ былъ и мы съ нимъ весьма пріятно препроводили врѣмя въ 9 часовъ разпростившись съ нимъ поехали домой.

15 Въ суботу, позавтракавши поѣхалъ въ подмосковню нашу село Петровское, где по пріезде встрѣчены были всеми дворовыми людьми и крестьянами съ хлѣбомъ и солью. Мы обедали поздно въ 5 часовъ, послѣ обѣда поехали въ церковь, воздать благодарность Всевышнему за сохраненіе наше. Пріехавши домой пили чай. Наше пребываніе въ Петровскомъ было съ 15-го июня по 7-е число Іюля было весьма пріятно, погода которая большею частію была прекрасная способствовала намъ въ томъ, и мы не будучи отвлечены городскими гостями препроводили наше врѣмя въ сельскихъ забавахъ посещая времянно деревни наши недалеко лежащіе отъ Петровскаго. Крестьяна часто веселили насъ своими сельскими забавами и играми, а мы чтобъ изъявить нашу признательность, въ праздникъ святыхъ Петра и Павла, которой былъ праздникъ села, ибо церковь выстроена во имя сихъ Святыхъ и во имяни двухъ младчихъ сыновѣй, дали сельской праздникъ и угощали сихъ добрыхъ поселянъ виномъ и разными закусками, они изъявляли свою радость пеніемъ и плясками, и весьма сожалѣли о нашемъ отъездѣ.

Июля 7 Воскресеніе назначили день нашего отъезда были въ церквѣ у обѣдни и отслужили благодарственной молебенъ за сохраненіе наше. Всѣ дворовые и крестьяна все утро были собраны у нашего дома, чтобъ насъ еще видеть. После обѣда разпростившись съ ними и переехали благополучно въ Москву, гдѣ остались два дни чтобъ увидется съ княземъ Петромъ Васильевичемъ.

8 Понедельникъ: поутру поехали мы на Воробьевы горы чтобъ осмотреть место гдѣ намереваются строить храмъ Божій во имя Спасителя нашего предпринятіе весьма великое и отважное ибо начало сего храма основано у самого бѣрега Москвы рѣки а отъ оной до поверхности земли около 50 саж. вышины вся же вышина онаго храма назначена 111 саженъ. Первое основаніе состоящѣе изъ каменного столба было здѣлано въ присудствіи всѣй Императорской фамиліи съ большею церемоніею Маія мѣсяца—числа, а на выстройку онаго храма назначено 15 летъ. Но должно признатся что естли оной храмъ будетъ выстроенъ то можно будетъ сочесть сіе событіе восьмымъ чюдомъ въ светѣ. Видъ съ Воробьевыхъ горъ безъ подобенъ вся Москва и кругомъ лежащіе места столь хорошо видны что можно раз-

личить даже некоторые дома. Въехавши въ городъ, поѣхали мы въ Кремлевской дворецъ которой послѣ созженія онаго въ 1812-мъ году совершенно исправленъ снова, и гораздо лучше прежняго сохраняя притомъ пріятную свою дрѣвность и для лучшаго помещенія всей Императорской фамиліи выстроенъ еще этажъ, которой со вкусомъ убранъ въ которомъ имели жительство Его Императорское Величество Государь и Ея Императорское Величество Государыня Елизавѣта Алексѣевна. Осмотрѣвши оной дворѣцъ поехали мы домой обедать послѣ обѣда поѣхали въ Леоново къ дядюшке Павлу Григорьевичю чтобъ еще разъ съ нимъ увидется передъ отъездомъ нашимъ. Онъ нашимъ пріездомъ весьма обрадованъ былъ и сожалелъ что столь рѣдко насъ виделъ. Мы провѣли весь вечеръ въ саду гдѣ чай пили и погода намъ весьма благопріятствовала. Разпростившись съ нимъ поехали чрезъ Останкино обратно въ Москву и пріехавши въ домъ узнали что князь намеревался быть къ намъ на другой день чтобъ насъ видеть преждѣ нашего отъезду. Осталое врѣмя вѣчера занимались мы укладкою нашихъ вещей и отпускомъ лишнихъ людей нашихъ и лошадей которые и выехали изъ Москвы въ 10 часовъ въ обратъ въ Петербургъ.

9 Во вторникъ: намерены будучи отправится обратно въ Петербургъ поутру ездили къ Иверской Божіей Матери, чтобъ приложится къ святой иконѣ. Пріехавши домой имѣли удовольствіе видѣть князя Петра Васильевича которой пріехалъ нарочно чтобъ съ нами видется прежде нежели уѣдемъ. Мы обѣдали вместе послѣ обѣда ездили къ нашему приходу и въ церкву Въвѣденія, гдѣ отъслужили молѣбенъ. Пришедши домой пили чай и какъ скоро всѣ къ отъѣзду было готово простились съ княземъ сѣли въ кареты наши и въ 9 часовъ выехали изъ Москвы. Какъ мы опасались что недостанетъ лошадей на первыхъ двухъ станціяхъ то ехали на нашихъ
крестьянскихъ лошадяхъ. Въ Черной Грязи была подстава — От Москвы до Черной Грязи 28
гдѣ переменили лошадей и всю ночь слѣдовали благополучно.

10 Середа въ 4 часа пріехали мы въ станцію Подсолничную — До Подсолничнаго 31
где намъ отказали въ лошадяхъ что и побудило насъ решится
на нашихъ лошадяхъ ехать до Клину для чего и велели ихъ — До Клину 22
покормить, а сами лѣгли спать въ кареты наши. Въ оной станціи застали обозъ нашъ которой осмотрѣли, и коль скоро

покормлены были лошади преслѣдовали нашъ путь и ехали по дорогѣ довольно хорошей но пыльна. Въ 11 часовъ пріехали въ Клинъ остановились въ квартире пили чай а какъ скоро лошадей заложили сели въ карету и преслѣдовали нашъ путь. Дорога по которой ехали нехороша была но места плодородные и хлѣбъ очень хорошъ стоялъ. Пріехавши въ Завидово, не До Завидова 26
скоро получили лошадей потому что до нашего пріезду проехала княгиня Голицина которая вдругъ взяла 36 лошадей, и такъ принуждены были тутъ обѣдать, потомъ до Городни До Городни 26
ехали по дурной и пещаной дороге гдѣ остановились въ крестьянской избѣ пили чай и потомъ продолжали нашъ путь во всю ночь.

11 Четвергъ: въ ночь пріехали въ 3 часа въ городъ Тверь, До Твери 30
гдѣ скоро доставши лошадей продолжали путь нашъ по пещаной дороге до Меднова куды пріехали въ 7 часовъ утра и До Меднова 30
пили чай у почталіона на квартире. Коль скоро готово всѣ было къ отъезду сели въ кареты продолжали нашъ путь. Чтобъ избѣгнуть песковъ которые во всю станцію находятся то отъ самого города Твери до Торшка ехали по объездной дорогѣ До Торшка 33
довольно хорошой и пріятной близь рѣки и проѣзжали много деревень и плодовитые места хлѣбъ такъ хорошо стоялъ что я никогда не помню чтобъ такой когда виделъ по здешней губерніи которая столь пещана, и я весьма радъ былъ что объездная дорога доставила мнѣ взглянуть на хозяйственное заведеніе здешнѣе. Въ Торжокъ пріехали мы въ 2-мъ часу и не успели выдти изъ кареты какъ были осаждены такъ сказать купцами, которые торгуютъ сафьянными вещами, обыкновеніе рускихъ всехъ купцовъ. Мы взошли изъ любопытства въ ихъ лавки все вещи которые выдѣлываютъ блестящи ибо съ золотомъ и серебромъ вышитые но безъ вкусу и дурны. Какъ намъ лошадей скоро запрегли то обѣдъ холодной зделали въ карете и продолжали нашъ путь частію по объездной дороге близь рѣчки Тверцы которая пріятна была но дурна такъ же какъ и большая на которую потомъ въехали до Выторопска, куда До Выторопска 38
мы пріехали въ 6 часовъ. Переехавши чрезъ мостъ Тверцы пристали въ прекрасную квартиру ямщика домъ каменной и весьма чисто и хорошо разположенъ. Мы тутъ чай пили и потомъ продолжали нашъ путь во всю ночь проехали Вышней До Вышняго Волочка 33
Волочокъ и Хотелово где переменяли лошадей. До Хотелова 36

12 Въ пятницу поутру въ 7 часовъ объехали мы 2 ескадрона
гусаръ и конной гвардіи и батарею артиллеріи которые шли
обратно въ Петербургъ, пріехали на станцію Ядрова гдѣ чай До Ядрова 36
пили на квартирѣ у ямщика, отпивши оной продолжали нашъ
путь по Валдайскимъ горамъ до Зимнегорья, гдѣ переменили До Зимогорья 20
скоро лошадей и до Яжелбицъ всѣ горами и по дурной каме-
нистой худо вымощенной дорогѣ ехали и спустившись съ весьма
крутой горы пріехали въ Яжелбицы гдѣ въ избѣ ямщика До Яжелбицъ 22
обѣдали и оное местечко на рѣчкѣ того жъ имяни въ которой
находятъ иногда жемчюгъ и въ оной ловятся весьма хорошіе
форѣли. Отобедавши продолжали нашъ путь до станціи Рахина До Рахина 22
гдѣ чай пили а потомъ до Кресцовъ гдѣ намъ на почте объ- До Кресцовъ 16
явили что Государь Императоръ по сродному человеколюбію
взойдя въ положеніе ямщиковъ прибавилъ плату за прогоны
прибавляя къ 5 ко. еще 3 ко. Конечно плата невысока была
имъ преждѣ но естлибъ ямщики, которые совсемъ избавлены
отъ всехъ податей и прочихъ повинностей лутче бъ умѣли
употрѣбить сію льготу то бы и прежней платой могли удо-
вольствоватся. Но по всей дороге примечено мною было что
оные ямщики праздно шатаются по улице во ожиданіи прі-
езжающихъ, и чемъ бы учредить междо собою очередъ, по-
ставлять лошадей на почтовомъ дворѣ а самимъ заниматся
сельскою работою все находятся на станціи и только по прі-
езду путешествующихъ начинаютъ жеребій бросать кому и какъ
ехать что заставляетъ часто дожидатся долго по приводу ло-
шадей и быть иногда свидетелемъ ихъ драки при жестокомъ
ихъ шуму ибо и смотритель почтовой не можетъ ихъ отъ того
удержать а смотрѣть терпеливо на всѣ сіе. Переменивши ло-
шадей продолжали нашъ путь во всю ночь по хорошей дорогѣ.

13 Въ суботу: поутру въ 7 часовъ пріехали въ станцію Зай- До Зайцова 31
цово, гдѣ остановились у смотрителя, чай пили, отпивши оной
продолжали нашъ путь. Въ Броницахъ переменили лошадей, До Броницъ 27
и пріехали въ Новъ Городъ въ 4 часу, дорога хороша была. До Нова Города 35
Мы проезжали часто деревни государьственные которые пре-
вращены въ военные поселянѣ снаружи они довольно хорошо
исправлены иные выбеленные а другіе вохрой окрашенные. О
внутренномъ завѣденіи ничего не говорю ибо не имѣлъ слу-
чаю видеть ихъ заведеніе. Отобѣдавши въ Новѣ Городѣ про-
должали наше путешествіе, въ Подберезье переменили лошадей До Подберезья 22

и до Спаского Полестья ехали по хорошой дорогѣ. Тутъ при- До Полестья 24
стали мы въ избу къ ямщику и чай пили у избы, ибо вечеръ
прекрасной былъ. Противъ оной выстроенъ отъ казны камен-
ной домъ для пріезжающихъ которой я осматривалъ, онъ раз-
деленъ на разные комнаты, такъ что каждой пріезжающій
имѣетъ отдельную свою комнату, которые все разными укра-
шены хорошими естампами, въ оныхъ комнатахъ мебели всѣ
краснаго дерева, и вообще сказать сіе гостиницы весьма спо-
койно и хорошо разположены, оныхъ находится на многихъ
станціяхъ и отдаются содержателямъ безъ денѣжно но съ тѣмъ
чтобъ онъ ихъ всегда въ чистоте и опрятности содержалъ.
Осмотрѣвши оной домъ увиделъ я что наши екипажи уже
готовы были что и побудило меня поспешить къ онымъ и севши
въ карету продолжали наше путешествіе во всю ночь.

14 Воскресеніе поутру проѣхали мы станцію Чюдовъ и Поме- До Чюдова 24
ранья, где такъ же такой же домъ или гостинница выстроена ДоПомеранья 25
которую имѣлъ любопытство осмотреть пока лошадей перекла-
дывали. Въ Тосну пріехали мы въ 9 часовъ утра и тутъ въ До Тосны 32
посредственной квартире чай пили потомъ до Ижоры ехали До Ижоры 24 ½
по хорошой объѣздной дороге, ибо дорогу чинятъ которая
повидимому будетъ не хуже англинскихъ дорогъ которые столь
славятся, ибо во первыхъ бутятъ ее плитою настилаютъ ее
булыжникомъ на которой насыпаютъ хрящь или битой камень
и потомъ уже усыпаютъ ее пескомъ; вся работа исправляется
большею частію салдатами которые на дорогѣ и живутъ въ
бивуакахъ хорошо разположенными въ которые мы изъ любо-
пытства входили. Полкъ которой въ оныхъ разположенъ
для работъ былъ Малороссійской Гранодерской, они получа-
ютъ рубль на день а офицеры полтора рубли, и казались до-
вольны и веселы, будучи уже никакой службой не отягощены,
въ разстояніи отъ нихъ помещена въ паладкахъ рабочая
команда. Всѣ сіе столь занимаетъ путешественниковъ что не
примѣтили какъ проехали 24 версты и пріехали въ Ижору,
гдѣ скоро получивши лошадѣй не выходя изъ кареты продол-
жали нашъ путь по нововозделанной шосе на подобіе англин-
скихъ дорогъ на которую уже кромѣ каретъ грузные возы не
пускаютъ для которыхъ особо проведена дорога. Мы ехали
чрезъ вычайно скоро, проехали чрезъ Царское Сѣло и Бабо-
лово и пріехали благополучно въ Таицы въ 5 часовъ. Отобе- До Тайцъ 25

давши поехали въ церкву воздать благодареніе наше Всѣвышнему за сохраненіе насъ во все врѣмя путешествія нашего. Такимъ образомъ окончили весьма пріятное путешествіе и выполнили благополучно предметъ онаго, и проводимъ пріятно и въ тишинѣ съ возлюбленнымъ нашимъ семействомъ наше врѣмя въ любезныхъ нашихъ Таицахъ, къ которымъ столь привязаны, будучи почти съ малолѣтства въ оныхъ воспитаны. И такъ во все время путешествія нашего объездили мы . . . 3121

Отъ С. Петербурга до Кіева	1251	верста.
„ Кіева до Мантуровки	557	„
„ Мантуровки до Москвы	594½	„
„ Москвы до С. Петербурга	718½	„
	3121.	

Письма Т. Н. Грановскаго В. В. Григорьеву. *)

1837 г.

Порядочно досталось тебѣ отъ насъ, милый Вася. Невѣровъ просыпался каждое утро съ вопросомъ отчего эта скотина Григорьевъ не пишетъ?—Оттого и не пишетъ, что скотина, отвѣчалъ я ему. А ты невинный юноша и не думалъ вовсе, чтобы объ тебѣ говорились такія вещи. Прости великодушно осла Невѣрова —онъ много виноватъ предъ тобою, ругалъ тебя всяческими обидными для чести словами и даже меня побуждалъ къ тому же. За что Богъ и наказалъ его. Прихожу третьяго дня, послѣ обѣда домой и чтоже вижу? Нурка лежитъ на постелѣ, дѣлаетъ невыносимыя гримасы и плачетъ. Я давно уже былъ сердитъ на него за разныя мерзости, тотчасъ представилъ ему, что у него холера и потому должно прибѣгнуть къ особенному способу лѣченія. Онъ съ дуру повѣрилъ. Досталось бѣдняжкѣ отъ меня—правду говоритъ, что до гроба не забудетъ. Я ему такъ взодралъ брюхо оттираніемъ, что онъ визжалъ отъ боли. Отчасти даже разстроился разсудокъ—иначе онъ не написалъ бы къ тебѣ глупостей, которыя я нашелъ въ его письмѣ. Не вѣрь ему, голубчикъ, вретъ. Боится новаго оттиранія.

Мировыя условія твои принимаю и заочно возлагаю на прекрасное чело твое поцѣлуй примиренія и любви. Глупы мы оба были. А все таки ты не совсѣмъ правъ. Сочтемся въ Россіи—я думаю хорошенько подраться съ тобою.

. . . . ибо теперь по болѣзненному состоянію своему онъ не могъ бы его вынести. Впрочемъ, душа моя, я исполню твое порученіе въ точности.

*) См. „Щукинскій сборникъ“, вып. VI-й, стр. 411.

Кстати о порученіяхъ, если ты узнаешь что нибудь о новомъ положеніи объ экзаменахъ то напиши ко мнѣ. Какъ ты попалъ къ Строганову въ Москвѣ? Я недавно писалъ къ нему и просилъ еще на годъ отсрочки. Скажи Савельеву, чтобы онъ также просился года на три—двухъ лѣтъ мало. Да гони его скорѣе сюда. Я не знаю позволятъ ли мнѣ прямо держать экзаменъ на Доктора. Если нѣтъ то я выдержу здѣсь. Что ты будешь дѣлать? Неужели ты сначала станешь держать на Магистра? Скучно. О трудахъ моихъ сказать могу очень немного. Читаю кое что и кое какъ. Вотъ тебѣ доказательство что я Русской человѣкъ въ душѣ. Моя лѣнь никакъ не позволитъ мнѣ сдѣлаться Нѣмцемъ. Впрочемъ, Нѣмцы умный и дѣльный народъ—я ихъ уважаю отъ чистаго сердца. Я увѣренъ что ты самъ былъ бы на моей сторонѣ если бы слышалъ наши споры съ Невѣровымъ. Дѣло идетъ вовсе не о томъ что лучше плошки или лампы и такъ далѣе. Я говорю только что мнѣ пріятнѣе сидѣть въ некрасивомъ по наружности зданіи, освѣщенномъ плошками и видѣть на сценѣ пьесу Шиллера, разыгрываемую отличными художниками, чѣмъ смотрѣть въ великолѣпно отдѣланномъ и освѣщенномъ театрѣ на Кукольниковы глупости и дурныхъ актеровъ-ремесленниковъ. Я также уважаю и люблю Русское какъ и другой, но не могу находить дурное Русскаго лучше хорошаго Нѣмецкаго. Правъ ли я? За что же воздвигаете Вы на меня такое гоненіе.

Я познакомился недавно съ молодымъ здѣшнимъ орьянталистомъ Вильмансомъ и подарилъ ему экземпляръ исторіи Монголовъ. Славный малый, выучился нарочно по Русски для того только чтобы читать нашу братью. Я говорилъ ему что онъ потерялъ время и труды—все дрянь такая; да онъ не вѣритъ. Онъ пишетъ теперь Всеобщую исторію Азіи, и потомъ надѣется ѣхать на счетъ Министерства въ Англію для собиранія матеріаловъ для большаго труда, которому онъ хочетъ посвятить жизнь свою—исторіи Индіи. Вообще Нѣмцы очень любопытствуютъ знать что у насъ дѣлается по части исторіи и языковъ востока. Работай Вася, прославь землю Русскую. Невѣрова, волею или неволею, мы завербуемъ въ профессоры. То то будетъ житье. Работать будемъ какъ настоящіе профессоры а жить какъ студенты. О женитьбѣ подумаемъ послѣ. Къ чему эта роскошь? Я вижу что тебѣ дѣтей хочется. Надоѣдятъ голубчикъ. У нашей хозяйки три визгливыя созданія не даютъ мнѣ спать послѣ обѣда. Жена хорошенькая—это еще и туда и сюда, но дѣти! Да минуетъ меня чаша сія—покамѣстъ. Лѣтъ черезъ десять пусть себѣ рождаются, но теперь можно обойтись и безъ нихъ. Холодная душа Грановскій—скажешь ты. Врешь разбойникъ совсѣмъ не холодная, особливо когда дѣло идетъ о Васькѣ Григорьевѣ. Савельеву кланяйся; дай Богъ чтобы намѣренія его осуществились. Мы ждемъ его. Хорошо если бы онъ поспѣлъ сюда къ началу зимняго семестра, то есть къ 1-му ноябрю. Прощай сокровище мое, цѣлую и въ носъ, и въ глаза, и въ губы, и въ лобъ. Пиши къ намъ почаще.

Посникову поклонись отъ меня задомъ. Что у васъ новаго? Прощай еще разъ.

Сейчасъ получили письмо отъ Савельева. Я ему буду немедленно отвѣчать и вложу въ твое письмо. Онъ очень много дурнаго пишетъ о тебѣ. Лѣнтяй ты де негодный; болтаешься по городу и смѣешься читая остроты Сенковскаго надъ несчастнымъ другомъ нашимъ. Каменное сердце!

1837 г.

Я также собирался написать къ тебѣ длинное письмо любезный Гриша, да что то лѣнь одолѣваетъ. Вчера былъ болѣнъ—впрочемъ очень легко—а сегодня отдыхаю. Читаю романы. Признаться, голубчикъ, эти дни тянутся очень медленно. Лекцій нѣтъ, библіотека закрыта, въ театрѣ цѣлую недѣлю не былъ, потому что даютъ дрянь—къ этому же хандра отъ которой не знаю какъ отбиться. Даю Каролинѣ уроки въ Русскомъ языкѣ къ великой досадѣ Невѣрова. Что касается до сего юноши то мы съ нимъ иногда въ ладу, но чаще въ разладьи. На дняхъ вздумалъ доказывать мнѣ что ему Латинскій языкъ вовсе не нуженъ —и даже надулъ насъ при моихъ возраженіяхъ. Однако учится. Въ профессоры мы отдадимъ его nolentem volentem. Онъ не понимаетъ самъ, что ему нужно, мы съ тобою должны взять его въ руки и сдѣлать изъ него человѣка. О моихъ занятіяхъ—да что и говорить. Теперь читаю Виргилія, въ которомъ нашелъ болѣе хорошаго нежели думалъ. Хочу прочесть потомъ Латинскихъ историковъ, всѣхъ по порядку. Впрочемъ это болѣе для удовольствія. Матеріалы для моей „Исторіи среднихъ вѣковъ“ не собираются оттого что библіотека заперта, но я надѣюсь издать книгу эту скоро по пріѣздѣ въ Россію. Отлагаю поговорить послѣ въ слѣдующемъ письмѣ. Собираюсь прислать статью въ журналъ Министерства, да не хочется за перо приняться. Лѣнивъ до безконечности. Греческій языкъ идетъ весьма вяло. Да отчего же ты намъ ничего о себѣ не пишешь и вводишь меня въ убытокъ, я пробилъ по твоей милости закладъ. На безденежьи сподличалъ—не отдалъ. Но все таки непріятно. Невѣровъ очень сильно ругается. Савельеву поклонъ. Будь здоровъ и прилѣженъ. Право глупо не писать къ намъ. Смотри братъ—обругаю въ нѣмецкихъ журналахъ. За симъ прощай. Отъ чистаго сердца любящій тебя

Грановскій.

1837 г.

Неправда ли милый Григорьевъ что коментарій Невѣрова похожъ на коментарій прежнихъ нѣмецкихъ ученыхъ къ древнимъ писателямъ? Такъ безвкусенъ, безтолковъ и глупъ—только портитъ прекрасный текстъ. Нельзя сказать чтобы въ немъ не было правды; напримѣръ то что онъ говоритъ о моихъ отношеніяхъ къ тебѣ справедливо, но слова его о моей собственной персонѣ ложь. Ужасно лгать сталъ. Я его бью по нѣскольку разъ въ день, обливаю водою, за-

пираю въ комнатѣ—а все толку мало—тотъ же болванъ. Вздумалъ увѣрять меня что я онѣмчился и такъ далѣе. Не вѣрь ему голубчикъ, ей Богу вретъ. Я Русской отъ головы до ногъ. Не вѣришь мнѣ, такъ спроси у хозяйки нашей—она тебѣ скажетъ что я за человѣкъ. А что Вася, полно намъ дурачиться—помиримся. Въ письмѣ моемъ я высказалъ тебѣ все что у меня было на душѣ; Невѣровъ говоритъ что есть выраженія слишкомъ рѣзкія—но я оставилъ все безъ перемѣны. Твое письмо также было не ласково. Если ты будешь отвѣчать мнѣ то получишь огромнѣйшее посланіе съ стихами и прозой. Прощай обнимаю тебя и жду милостиваго отвѣта. Цѣлую тебя въ уста, въ очи и въ кончикъ носа, мой милый Василій Васильевичь. Невѣровъ говоритъ что ты теперь въ Москвѣ, поэтому я и не пишу къ тебѣ отдѣльно. На дняхъ отправлю большое письмо, изъ котораго ты ясно увидишь какой ты злой, скверный человѣкъ и какой я Ангелъ. Безъ шутокъ какъ тебѣ не стыдно писать, такія письма, какое ко мнѣ. Но объ этомъ послѣ и подробно. Обругаю тебя какъ нельзя хуже. Приготовь терпѣніе. Пока прощай. А какія исторіи разскажу тебѣ про Невѣрова! Ей, ей разцѣлуешь заочно за разсказъ.

$\frac{20}{8}$ Октября 1837 г.

Мы не знали что и думать о молчаніи твоемъ, милый Григорьевъ. Ждали письма твоего какъ Богъ знаетъ какой радости,—и получивъ совсѣмъ не обрадовались. Состояніе твое не удивляетъ меня: съ твоею душою и твоимъ умомъ, ты не могъ избавиться отъ этого душевнаго недуга; рано или поздно тебѣ суждено было испытать его, но при всемъ томъ мнѣ жаль тебя, потому что я по опыту знаю какъ мучительна подобная борьба и какихъ усилій стоитъ побѣда.

У меня нѣтъ никакой охоты надоѣдать тебѣ общими мѣстами въ формѣ совѣтовъ и увѣщаній; однако позволь высказать тебѣ нѣсколько мыслей пришедшихъ мнѣ въ голову, въ тяжелые но не безплодные часы моихъ сомнѣній. Этими мыслями отбивался я отъ искушавшаго меня демона, и если не совсѣмъ отдѣлался теперь отъ его посѣщеній, то по крайней мѣрѣ принимаю ихъ равнодушнѣе. Меня мучили тѣ же вопросы, надъ которыми ты ломаешь голову. Подобно тебѣ я едва не сошелъ съума, видя невозможность добиться дѣльнаго отвѣта; старался подавить въ себѣ всякое размышленіе, думая найти въ совершенномъ отсутствіи мыслей покой—и въ самомъ дѣлѣ на нѣсколько времени успокоился. Избави тебя Господь отъ такого покоя: это смерть души, уничтоженіе нравственное, о которомъ мнѣ страшно вспомнить. Богъ помогъ мнѣ выйдти изъ этого состоянія. Я собралъ послѣднія свои силы, рѣшился на послѣднюю борьбу—и если не одолѣлъ еще врага моего, зато пересталъ его бояться, и—что еще важнѣе,—началъ вѣрить въ возможность побѣды. Много тяжелыхъ мучительныхъ дней прошло и пройдетъ еще для меня; иногда я опять готовъ предаться отчаянію—но при всемъ томъ,

я теперь неохотно отказался бы отъ борьбы, которая происходитъ во мнѣ. Признаюсь тебѣ, другъ Григорьевъ, въ этой борьбѣ я вижу залогъ моего совершенствованія; оправданіе тѣхъ притязаній которыя я съ дѣтства предъявилъ на лучшія награды и цѣли въ жизни. Не всякому суждено такъ страдать какъ страдаемъ мы, зато не всякому суждены такія воздаянія. Крѣпись другъ не поддавайся демону и повѣрь мнѣ—твое спокойствіе, вѣра во все достойное вѣры возвратятся къ тебѣ.

Ты говоришь что ты во всемъ сомнѣваешься, что ты убѣжденъ въ невозможности знать что нибудь. На послѣднее можно бы возразить, что самое убѣжденіе въ невозможности знать есть уже знаніе, и что ты самъ себѣ противорѣчишь, но подобныя выводы рѣдко убѣждаютъ, и поэтому я совѣтую тебѣ, мой милый, для облегченія, сомнѣваться еще болѣе; не только не прогонять своихъ сомнѣній но еще вызывать ихъ, короче подвергнуть все самому скептическому изслѣдованію и начать это изслѣдованіе съ самыхъ сомнѣній твоихъ. О чемъ ты сомнѣваешься? Почему? *По какому праву?* Какую степень довѣрія заслуживаютъ отрицательные результаты твоихъ сомнѣній? Повѣрь мнѣ это изслѣдованіе принесетъ тебѣ много пользы: оно успокоитъ тебя и что еще лучше укрѣпитъ для новыхъ битвъ. Между тѣмъ я скажу тебѣ какъ я разрѣшилъ часть вопросовъ которыми заняться совѣтую тебѣ. Разумѣется—я не могу подчивать тебя философскими изслѣдованіями; эти вещи ты можешь прочесть въ книгахъ: я думалъ и много думалъ въ послѣдній годъ моей жизни; быть можетъ когда нибудь поговорю съ тобою и объ этомъ—но послѣ. Теперь я коснусь предмета только въ частности его, въ приложеніи ко мнѣ и къ тебѣ голубчикъ. Извини заранѣе грубыя истины которыя я собираюсь высказать.

Имѣемъ ли мы право довѣрять отриц. результатамъ нашихъ сомнѣній?—Нѣтъ. Мы можемъ, мы должны сомнѣваться—это одно изъ прекрасныхъ правъ человѣка, но эти сомнѣнія должны вести къ чему нибудь; мы не должны останавливаться на первыхъ отрицательныхъ отвѣтахъ, а идти далѣе—дѣйствовать всею діалектикою какою насъ Богъ одарилъ; идти до конца, если не абсолютнаго, то возможнаго для насъ. Это правило для всего человѣчества. Для насъ двухъ есть еще другія возраженія: я когда то сомнѣвался въ наукѣ (такъ какъ ты теперь). Имѣлъ ли я на это право? Разумѣется нѣтъ. Хорошо видѣть недовѣрчивость человѣка обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполнѣ. Я ошибся—хорошаго и тутъ ничего нѣтъ, но этотъ человѣкъ *можетъ* не довѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ пройденной имъ. А мы? Мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности—и мы преспокойно говоримъ—какая это дорога? да она чортъ знаетъ куда заведетъ. Лучше не ходить, а то непремѣнно заблудишься.—Понятія наши о жизни дѣйствительной едва ли умнѣе. Мы недалеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Что тебѣ

кажется „хаосомъ“ въ теперешнемъ твоемъ состоянiи, то, можетъ быть, очень стройно и хорошо, да ты не потрудился посмотрѣть на вещи вблизи. Мiръ Божiй хорошъ и разуменъ, только на него надобно смотрѣть разумными очами, другъ Вася. А у насъ у обоихъ часто преглупыя очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятiяхъ—а мы приписываемъ его мiру. Точно такъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ—хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только. „Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an,“ говоритъ Гегель. И это едва ли не величайшая истина сказанная имъ. Положимъ даже что при всѣхъ твоихъ усилiяхъ ты пока не пойдешь далѣе отрицательныхъ отвѣтовъ, которые были результатомъ твоихъ первыхъ изслѣдованiй. Чтоже это доказываетъ? Только то что твоя дiалектика еще не укрѣпилась, что ты не умѣешь еще перейти изъ одного опредѣленiя въ другое противоположное. Кто же виноватъ? Работай; воспитывай себя, готовься къ разрѣшенiю великихъ вопросовъ. Я дѣлаю тоже. Для этого недостаточно читать книги, а надобно почаще бѣседовать съ собою. Займись голубчикъ философiею. Не вѣрь вранью Сенковскаго и братiи—эти люди столько же знаютъ философiи сколько я въ Санскритскомъ языкѣ. Это вовсе не пустая, мечтательная наука. Она положительнѣе другихъ—и даетъ имъ смыслъ. Что ты утратилъ вѣру—въ этомъ я не вижу большой бѣды. Напротивъ—эта вѣра возвратится къ тебѣ, но уже очищенная разумная—вовсе не похожая на ту которая переходитъ къ намъ въ наслѣдство отъ отца или дѣда, вмѣстѣ съ старыми париками и платьями. Я началъ это письмо въ довольно грустномъ расположенiи духа и оканчиваю веселѣй. Право теперешняя болѣзнь твоя есть переломъ, переходъ къ лучшей, болѣе человѣческой жизни. Переломъ этотъ мучителенъ—знаю, но будущее хорошо. Учись по нѣмецки и начинай читать Гегеля. Онъ успокоитъ твою душу. Есть вопросы на которые человѣкъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Ихъ не рѣшаетъ и Гегель—но все что *теперь* доступно знанiю человѣка, и самое знанiе у него чудесно объяснено. Кстати въ тотъ самый день, когда пришло твое письмо, я читалъ въ его Философiи Исторiи разсужденiе о Буддаизмѣ. Воля твоя, буддочка, Далай Ламочка мой а это преглупая религiя. Восемь страницъ написанныхъ Гегелемъ объ ней умнѣе всѣхъ Буддаистовъ вмѣстѣ взятыхъ и самаго Фо включительно. Не знаю почему, но Буддаизмъ воплотился въ моемъ воображенiи, и является мнѣ въ образѣ Посникова. Бѣдный Посниковъ, жаль его. Умереть въ такiя лѣта! А умретъ, повѣрь мнѣ, если правда то что ты пишешь—что онъ поумнѣлъ. Такiя перемѣны всегда случаются предъ смертiю. Меня устрашаетъ мысль что ты совралъ. Посниковъ благородный малой не перемѣнится до гроба.

На дняхъ принялся дѣльно за работу. Читаю Muratori scriptor rerum Italicorum. Кромѣ моей средн. исторiи, я думаю еще обработать отдѣльно и въ большемъ объемѣ перiодъ отъ Константина В. до Карла В. Очень интересное время. Одно

переселеніе народовъ чего стоитъ! Тутъ новаго нельзя много создать, зато можно разрушать старое сколько душѣ угодно. Это какъ разъ по мнѣ. Сколько глупыхъ гипотезъ составлено славными людьми объ этомъ времени. Гунны дескать толкнули Готѳовъ, Готѳы Вандаловъ и пошла потѣха. Одинъ народъ бьетъ другаго по затылку, этотъ третьяго, третій четвертаго и т. д. Зачѣмъ все это? Пока еще не понимаю. Риттеръ говоритъ что тутъ Географическія причины. Я ихъ не знаю; да онъ самъ—хотя геніяльная голова—только предчувствуетъ эти причины. Жаль что я теперь пока плохой филологъ—а то можно бы чортъ знаетъ что сдѣлать. Да и лѣнивъ, безбожно лѣнивъ, съ этой стороны сущій Буддаистъ. Ты душенька напрасно безпокоишься обо мнѣ, думая что мало сплю—я не отказываю себѣ въ невинныхъ удовольствіяхъ. Сплю 10 часовъ въ сутки, ѣмъ и пью въ соразмѣрности. Будь здоровъ; да смотри лѣчись получше. Забылъ было сказать тебѣ что ты животное, я ужасно былъ на тебя сердитъ—пишетъ къ Невѣрову длинныя письма а ко мнѣ приписки. Это что такое? Я братъ какъ приревную такъ держи ухо остро.

Смотри кинжаломъ я владѣю. Да еще и на Кавказѣ былъ. Ей Вася эвнухомъ сдѣлаю.

Прощай цѣлую ручки и кончики пальцовъ.

1837 г.

На этотъ разъ тебѣ нельзя будетъ пожаловаться на нашу лѣнь, милый Григорьевъ,—вотъ тебѣ цѣлое соборное посланіе. Очень радъ что головныя обстоятельства твои пришли въ порядокъ. Но надолго ли утихли сомнѣнія твои? Я боюсь чтобы они не возвратились снова. Смѣяться и острить надъ философіею очень нетрудно: это дѣлается давно и всѣми—кто ею не занимался. Между тѣмъ я увѣренъ что изученіе философіи для тебя необходимѣе чѣмъ для кого нибудь —и увѣренъ также что рано или поздно, ты за нее возмешься. Признаюсь, я сильно разсердился читая письмо твое, и—прости меня—мнѣ показалось что я слышу Сенковскаго. Отъ него заимствовалъ ты презрѣніе къ Нѣмцамъ и къ Философіи. Тутъ нѣтъ ничего дурнаго и удивительнаго. Я былъ еще слабѣе тебя, потому что я, кромѣ ученаго, уважалъ въ немъ человѣка. Право, было время, когда я очень, очень вѣрилъ О. И. не только тогда когда рѣчь шла о наукѣ, но и въ другихъ случаяхъ. Какъ человѣкъ, онъ показался мнѣ въ настоящемъ видѣ еще въ Петербургѣ, а какъ ученому я перестaлъ удивляться ему, когда посмотрѣлъ на здѣшнихъ профессоровъ. У этихъ людей, кромѣ знанія, есть еще нѣчто чего нельзя объяснить О. И.—безкорыстная любовь къ наукѣ. Здѣсь есть ученые, которымъ выгоднѣе было бы переводить статьи для журналовъ, шить сапоги даже—а они умираютъ съ голоду, работаютъ и не думаютъ о перемѣнѣ своихъ житейскихъ обстоятельствъ. Ты не знаешь Нѣмцовъ и потому не долженъ говорить объ нихъ по наслышкѣ отъ человѣка, который никакъ не можетъ по-

нимать ихъ. Не обвиняй меня въ глупомъ пристрастіи, душа моя—я глубоко убѣжденъ въ томъ что говорю. Мнѣ вовсе не нравятся Нѣмцы во многихъ отношеніяхъ.

23-е Декабря 1837 года.

Невѣровъ очень милостиво бранитъ тебя за гнусную лѣнь твою Василій Васильевичь—мнѣ такъ и хочется выругать тебя иначе, повыразительнѣе. Что за болванъ такой—сидитъ въ Питерѣ поджавши ручки и вовсе не думаетъ что въ Берлинѣ есть два человѣка, которымъ письма его доставляютъ величайшее удовольствіе и матеріалы для толковъ и соображеній на цѣлую недѣлю. Право, еслибы ты зналъ съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждемъ твоихъ посланій, то устыдился бы и плюнулъ бы себѣ въ рожу. Что ты подѣлываешь голубчикъ? Боюсь чтобы ты рѣшительно не сдѣлался буддистомъ. О нашемъ житьѣ не могу сообщить тебѣ важныхъ новостей—все тянется по прежнему. Работаю не слишкомъ много и для разсѣянія хандры, которая почти перестала мучить меня, ежедневно ругаюсь съ Станкевичемъ. Благородство нашихъ чувствъ до сихъ поръ удерживало насъ отъ драки, но вѣроятно безъ этого не обойдется. Ты еще не знаешь этого мужа. Слава Богу что у меня есть орудіе противъ него—напоминаю ему что онъ авторъ сгнившей въ подвалахъ Глазунова трагедіи и тѣмъ заставляю его уступать.

Теперь читаю кое что для древней исторіи. Хочется познакомиться съ новѣйшими изслѣдованіями Нѣмцевъ на этомъ полѣ—и очень доволенъ большею частію прочтеннаго. Къ Апрѣлю поѣду въ Прагу, оттуда въ Вѣну на два или на три мѣсяца а въ началѣ Ноября снова возвращусь сюда, съ тѣмъ чтобы весною ѣхать на родину. Впрочемъ тоски по отчизнѣ я еще не чувствую—особливо теперь. Я увѣренъ что еслибы ты пріѣхалъ погостить у насъ то и тебѣ не захотѣлось бы назадъ—развѣ любовь твоя, для насъ все еще таинственная,—потянула бы тебя въ Питеръ. Но и для этого у Нѣмцевъ есть замѣны: красавицъ и мечтательницъ сколько душѣ угодно. А Löве? Становись на колѣни и треснись трижды лбомъ о землю при этомъ имени. Знаешь ли ты что такое Löве? Это братъ Вася чортъ знаетъ что такое. Что же Клеопатры и прочія знаменитости—плюю на всѣхъ и цѣлую мысленно подошву ея спальныхъ туфлей. Фанманъ также недурная вещь, да ротъ не красивъ. Поклонники ея большею частію жалкій народъ—въ числѣ ихъ блистаетъ звѣздою Строевъ.

Скажи сдѣлай милость что ты подѣлываешь, и что вообще у Васъ на Руси новаго по части ученой. Что Савельевъ, Петровъ и прочія надежды родины. Всѣмъ имъ отъ меня по поклону. Не забудь если есть какая нибудь возможность прислать мнѣ нужные листы предположенія объ экзаменахъ. Объ Италіянской книгѣ которую ты хотѣлъ имѣть, я справлялся и не нашелъ ее здѣсь—но выписать можно будетъ изъ Лейпцига или Парижа, не позже какъ черезъ мѣсяцъ.

Хочешь получить ее? Пересылка будетъ стоить бездѣлицу. Насчетъ Филос. граматики я также снова спрашивалъ но не узналъ ничего удовлетворительнаго—монографій отличныхъ много, но полнаго сочиненія нѣтъ. Лучшія въ этомъ родѣ: *Loewe* hist. crit. gramatices universalis linean.... Dresd. 1829; и *Бернгарди*. Если хочешь я вышлю тебѣ эти книги. Прощай голубчикъ цѣлую тебя несчетно разъ въ алыя уста твои и пребываю

Благосклонный
Тимофей.

1838 г.

Ты странный человѣкъ, милый Вася—Богъ знаетъ за что начинаешь любить людей и потомъ также, Богъ знаетъ за что, отнимаешь у нихъ свою дружбу. Послѣднее письмо твое къ Невѣрову было для меня очень непріятною загадкою. Что ты сердитъ на меня, это я съ первыхъ строкъ замѣтилъ,—но за что? Этого я никакъ не могу понять.

Я думалъ что послѣднія объясненія наши окончатъ всѣ мелкія недоразумѣнія и дѣтскія ссоры бывшія между нами. Кажется что я ошибся, и что ты по прежнему толкуешь и коментируешь слова мои, стараясь выжать изъ нихъ какой нибудь обидный тебѣ смыслъ. Не правда ли? Признаюсь тебѣ, душа моя, мнѣ бы скоро наскучила подобная работа. Еслибы я подозрѣвалъ человѣка въ постоянномъ намѣреніи смѣяться надо мною и оскорблять меня, то высказалъ бы ему мое мнѣніе объ этомъ тотчасъ, а не сталъ бы мучить себя скучнымъ разложеніемъ самыхъ ничтожныхъ словъ и поступковъ его. Я сто разъ говорилъ тебѣ, что твоя дружба дорога мнѣ, дороже можетъ быть нежели тебѣ моя; что мнѣ тяжело было бы замѣнить наши бывшія отношенія другими—пріятельскими. Чтоже мнѣ дѣлать, если ты не хочешь мнѣ вѣрить. Больно, досадно, грустно,—а помочь нечѣмъ. Надобно чѣмъ нибудь кончить. Прости мнѣ—но письмо твое оскорбило и раздосадовало меня. За что этотъ внезапный гнѣвъ? Къ чему этотъ полувѣжливый, полунасмѣшливый тонъ? Не лучше ли было сказать прямо: „Грановскій, ты скотъ, ты сказалъ то то и то то, чего ты не долженъ былъ говорить." Это было бы и коротко и ясно. Ты не имѣешь этого обычая—ты сердишься молча, про себя. Еще разъ, и—въ послѣдній разъ я протягиваю тебѣ руку и прошу простить невольное, неизвѣстное мнѣ преступленіе. Перестанемъ дурачиться, добрый, милый Вася—будь немного снисходительнѣе къ моимъ глупостямъ. Неужели ты сердитъ за письмо наше съ Станкевичемъ? Это было бы такъ глупо, что и сказать нельзя.

Полно объ этомъ! Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта твоего. Сдѣлай милость будь откровененъ, ругай, бей когда пріѣду, только не дуйся молча. Это несносно. Поздравляю тебя съ новымъ годомъ—дай Богъ чтобы онъ принесъ тебѣ здоровье, спокойствіе и довѣрчивость къ людямъ, которые тебя искренно любятъ и уважаютъ.

Мы живемъ ни хорошо, ни дурно. Холодно и Станкевичь очень глупъ. *) Остальное все порядочно. Наукою занимаюсь *не истощая силъ моихъ.* **) Въ Апрѣлѣ уѣду въ Прагу, оттуда въ Вѣну, оттуда назадъ а наконецъ и въ Питеръ. Если къ тому времени тебя не съѣдятъ раки Аральскаго моря, или не заклюютъ Сибирскіе орлы—то я откушу у тебя и носъ и уши. Есть скверности на свѣтѣ, но такой какъ ты нигдѣ нѣтъ.

Строевъ кажется готовитъ Исторію Новгорода. Станкевичь въ восторгѣ отъ этой книги, гдѣ будутъ ссылки на его остроумную диссертацію (зри Моск. Зап.). Безъ шутокъ Сергѣй Михайловичь затѣваетъ какой то огромный трудъ и даетъ чувствовать это неясными намеками, улыбками и проч. Станкевичь всячески старается подбиться къ нему и вывѣдать что бы такое было—да нѣтъ. Душенька, когда ты будешь высылать Невѣрову ноты, то вышли мнѣ положеніе объ экзаменахъ и трагедію Станкевича—Шуйскій. ***). Очень нужно. Невѣровъ хочетъ положить ее на музыку и пропѣть самъ. Да раскажи что нибудь объ экзаменѣ Петрова. Очень интересно знать, какимъ истязаніямъ подвергнутъ меня. Что онъ —Докторъ? Поздравляю всеуниженнѣйше, съ чувствомъ подлой зависти.

Савельеву поклонъ. Да цвѣтетъ онъ здравіемъ. А что же письмо обѣщанное имъ? Ковалинскому, буде ненависть его ко мнѣ остыла, кланяйся. Посникову скажи, что я даже и въ чужихъ краяхъ, въ странствіяхъ моихъ, такого осла не обрѣталъ, причемъ поцѣлуй его въ лобъ.

Прощай! Будь здоровъ и—знаешь что еще? Письмо твое должно опредѣлить навсегда наши отношенія впередъ. Обнимаю тебя и пребываю въ твоихъ объятіяхъ.

Грановскій.

1838 г. 3 Февраля, вечеромъ по полученіи письма отъ 22 Генваря.

Вася, ты чудный человѣкъ, еслибы у тебя не было небольшихъ капризовъ о право ты былъ бы слишкомъ хорошъ. Какъ тебѣ не стыдно душа моя огорчаться моими письмами. Я ей Богу высказалъ спроста что думалъ и вовсе не хотѣлъ огорчить тебя. Мнѣ показалось что письмо твое какъ то холодно, слишкомъ вѣжливо—ну я и махнулъ. Виноватъ душечька. Прости негодяя, пахабника. За Философію я не сержусь на тебя, ругай сколько душѣ угодно; я увѣренъ что со временемъ ты ее полюбишь. Прошу тебя объ одномъ только: если тебѣ что нибудь во мнѣ не понравится, то высказывай тотчасъ. Такимъ образомъ, мы вѣрно никогда не разойдемся болѣе.

---

*) Приписано, по всей вѣроятности, рукой Станкевича: „Справедливо“.

**) Здѣсь приписка той же рукой: „Справедливо“.

***) Приписка той же рукой: „Вся раскуплена—а если найдете экземпляръ ради Бога предайте огню!“

Невѣровъ отчасти обидѣлся что ты меня называешь голубчикомъ, красавчикомъ—да я плюю на подлыхъ завистниковъ. На счетъ пѣнія его скажу тебѣ—что всѣ печальныя вѣсти до тебя дошедшія справедливы. Да другъ—онъ поетъ! Станкевичь также. Горько, Вася, не въ терпежъ приходитъ. Приду домой посмотрю на нихъ, а какъ затянутъ такъ скорѣе вонъ. Невѣровъ даже сочиняетъ. Положилъ на музыку стихотвореніе Якубовича. Ты смотри не говори объ этомъ, а то Якубовичь можетъ обидѣться. Добирается разбойникъ до Ломоносова хочетъ положить на музыку письмо о пользѣ стекла. Ничего нѣтъ святаго. Онъ это самъ знаетъ и потому то въ порывѣ раскаянія писалъ къ тебѣ что нравственность его портится.

Строева мы рѣдко видимъ—т: е: Невѣровъ и я. Душа не лежитъ къ человѣку. Онъ можетъ быть лучше чѣмъ я думаю, а все какъ то не могу сойтись съ нимъ. Мнѣ все кажется что онъ будетъ преемникъ на Греча. Тоже вретъ о Парижѣ и такой же шарлатанъ—а впрочемъ можетъ быть хорошій человѣкъ.

Сожители мои уѣхали на балъ—и потому я пользуюсь тихимъ вечеромъ и сижу дома. Станкевичь сдѣлалъ мнѣ сегодня подарокъ—портретъ Лӧве. Да заслюнявилъ гнусными поцѣлуями. Ты душенька не знаешь его и потому обращаешься съ нимъ такъ деликатно. А онъ—съ позволенія сказать—плюнь, да отвернись съ отвращеніемъ. Я—между нами будь сказано—непремѣнно сведу его съ Гоголемъ—пригодится на что нибудь. Ну да ты можешь составить объ немъ понятіе, помнишь въ Тарасѣ Бульбѣ жида показывающаго скверныя свои панталоны? Очень сходны—т: е: не жидъ и С. а панталоны и С.—загаженныя оба. Я знаю что онъ отопрется когда пріѣдетъ, и будетъ божиться что онъ не похожъ на жидовскія панталоны. Да ужь ты повѣрь мнѣ. Изъ чего же мнѣ лгать.

Фигура Петрова съ столпомъ наслажденія упирающимся въ знакъ козерога привела меня въ трогательное умиленіе. Съ какой стати Петрова заставили держать экзаменъ и по какому праву такъ расхрабрился Петербургскій университетъ? Когда же ты будешь держать на Магистра? Да отчего ты такъ мало пишешь о своихъ занятіяхъ и планахъ; когда ты поѣдешь на Востокъ и куда именно? Застану ли я тебя въ Питерѣ въ Маѣ 1839? На всѣ эти вопросы прошу отвѣтовъ. Петрова успокой на счетъ здѣшнихъ холодовъ—теперь опять тепло стало и онъ можетъ спокойно сюда ѣхать. Мы учинимъ ему торжественный пріемъ, по Восточному. Турецкая музыка у насъ есть своя. А столпъ наслажденія можетъ онъ и здѣсь упереть во что нибудь, если не въ козерога, то хоть въ рака.

Опять прошу тебя не думать о глупомъ письмѣ моемъ. Шутками твоими ты никогда не можешь меня обидѣть, а только сурьезность твоя мнѣ всегда подозрительна. Ты видишь что я ухаживаю за тобой какъ за любовницею, толкую слова твои и рожицы и такъ далѣе. Восточныя ругательства очень звучны. Я буду употреблять ихъ. Сейчасъ пришла прачка, хорошенькая дѣвочка, на которую

Станкевичь имѣетъ мерзкіе виды. Бѣдный цвѣтокъ! Ты не будешь сорванъ, но измятъ и запачканъ. Кого ты мнешь Вася? Я никого; веду себя превосходно. Работаю мало—все чего то недостаетъ. Теперь болѣе занимаюсь древнею исторіею, и слушаю исторію Французск. революціи у Ранке. Я ничего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ. Ни Тьеръ, ни Минье не могутъ сравниться съ Ранке. У него такой простой, не натянутый, практическій взглядъ на вещи—что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно. Ранке безспорно самый геніальный изъ новыхъ Нѣмецкихъ историковъ. Невѣровъ кажется не слишкомъ благоволитъ къ нему, вообще у насъ идеи не сходятся. Лѣтомъ стану учиться по Богемски и Сербски. Большимъ Славянофиломъ я не буду впрочемъ. О причинахъ этой перемѣны послѣ. Будь здоровъ душа моя. Не забывай насъ, ругайся сколько угодно, но ради Бога не дѣлай важныхъ рожъ. Петрова гони сюда. Савельеву кланяйся униженно: не подаритъ ли онъ насъ когда нибудь письмецомъ? Обѣщалъ. Прощай юноша!

1 Апрѣля 1838 года.

Планы наши вполовину разстроились, милый Вася! Я былъ совершенно увѣренъ въ согласіи графа—но не тутъ то было. Но Невѣрову все таки теперь нельзя ѣхать назадъ въ Россію. Зачѣмъ? И что онъ сдѣлалъ здѣсь? Объ этомъ послѣ. Я увѣренъ что ты самъ согласишься со мною. Если Невѣровъ возвратится теперь, то ему опять должно будетъ служить въ Департаментѣ—а еще годъ проведенный дѣльнымъ образомъ за границею можетъ открыть для него другую, лучшую будущность. Векселей не давай, душа моя. Молодъ еще, а ужь подписываетъ векселя, говоритъ въ такихъ случаяхъ отецъ мой. Мои дѣла идутъ довольно порядочно—но самъ я ничего не дѣлаю. Петровъ едва ли меня здѣсь застанетъ. Хочу ѣхать въ Прагу. Прощай до перваго письма, которое отправлю на дняхъ.

Грановскій.

Книга Лео будетъ переведена съ изданія 1830 года, которое гораздо полнѣе и лучше расположено чѣмъ изданіе 1836; изъ послѣдняго впрочемъ будетъ извлечено все чего нѣтъ въ первомъ. Книга выдетъ чудесная. Можешь расхвалить заранѣе!

Въ Вѣну пиши на мое имя à l'hotel de l'Ambassade Russe, пока я не пришлю другаго адресса. Я буду тамъ около 15 Мая. Въ Берлинѣ ничего не дѣлаю теперь. Читаю Гете и перечитываю Тацита. Хорошо было бы если бы я могъ только это дѣлать. Будь здоровъ и счастливъ. Я непремѣнно напишу тебѣ по письму изъ Дрездена и Праги а окончательный отчетъ о моихъ странствованіяхъ получишь изъ Вѣны. До тѣхъ поръ прощай. Обнимаю тебя стократъ. Еще лучше однако если ты письма свои будешь адрессовать „poste restante“. Это всего вѣрнѣе.

Прага $\frac{28}{16}$ Апрѣля 1838 г.

Начинаю писать къ тебѣ милый Вася, и не знаю когда кончу письмо это. Я только четвертый день въ Прагѣ и потому еще не осмотрѣлся, бѣгаю съ утра до ночи по городу, дѣлаю новыя знакомства—словомъ у меня нѣтъ пяти свободныхъ минутъ въ день. Сегодня я нарочно рано всталъ чтобы поболтать съ тобою и Берлинскими лѣнтяями, которые на три большія письма отправленныя мною къ нимъ изъ Дрездена изволили отвѣчать коротенькою запискою.

Путешествіе мое отъ Берлина до Праги не ознаменовано никакимъ великимъ событіемъ. Я выѣхалъ въ самомъ грустномъ расположеніи духа а въ Дрезденѣ мною овладѣла невыносимая тоска, особливо въ первые дни. Съ спутникомъ моимъ Строевымъ я не имѣлъ очень большихъ сообщеній; я никакъ не могу сойтись съ этимъ человѣкомъ: онъ уменъ, но у него такая вялая, пошлая душа что мнѣ тошно говорить съ нимъ. Еслибы не совѣстно было то я право воротился бы въ Берлинъ. Невѣровъ и Станкевичь называютъ это слабостью и можетъ быть они правы. Впрочемъ послѣдняя зима такъ хорошо прошла для меня въ Берлинѣ, что грустное чувство съ которымъ я оставилъ этотъ городъ очень извинительно. Я сдѣлалъ немного въ эти шесть мѣсяцовъ и при всемъ томъ считаю ихъ одною изъ самыхъ лучшихъ и самою плодотворною эпохою въ моей жизни. Если бы ты покороче зналъ Станкевича то понялъ бы меня безъ всякихъ объяснeній. Я не легко и признаюсь не охотно поддаюсь чужому вліянію но Станкевичь имѣлъ на меня большое вліяніе, болѣе чѣмъ кто нибудь, послѣ моей матери. Онъ отучилъ меня отъ множества дурныхъ нравственныхъ привычекъ и это только отрицательная часть его вліянія на меня. Онъ самъ не знаетъ что для меня сдѣлалъ. Разъ я говорилъ объ немъ съ Вердеромъ, профессоромъ Философіи, у котораго мы слушали лекціи и жаловался на лѣнь Станкевича. „Онъ такъ много можетъ сдѣлать и ничего не дѣлаетъ", сказалъ я. „А развѣ вы ни за что считаете что онъ живетъ на свѣтѣ; самая жизнь такого человѣка уже есть хорошее дѣло", былъ отвѣтъ Вердера. И это истина. Въ немъ соединяются великія качества ума и сердца. Сначала мнѣ многое не нравилось въ немъ, я ему высказывалъ открыто мое мнѣніе, ссорился не въ шутку съ нимъ—и теперь убѣдился что требованія мои отъ него были безразсудны; что его нельзя мѣрить тою мѣркою какою я привыкъ мѣрить себя и другихъ. Ты поймешь теперь, душа моя, отчего мнѣ такъ тяжело было выѣхать изъ Берлина. Я отъ души люблю Януарія, но Станкевича люблю болѣе чѣмъ брата.

Это письмо разумѣется писано только для тебя, по крайней мѣрѣ начало.

Въ Дрезденѣ я провелъ 12 дней, осмотрѣлъ собранія, ходилъ всякій день въ театръ, который очень хорошъ, познакомился съ Гульяновымъ. Мы съ нимъ очень сошлись и самъ не знаю за что я попалъ въ большую милость къ нему. Онъ настоятельно требовалъ чтобы я ежедневно бывалъ у него; позволилъ мнѣ

рыться въ его бумагахъ, которыя онъ очень неохотно показываетъ, брать ихъ домой и выписывать что угодно. У него наготовлено матеріаловъ для сотни сочиненій, но эти матеріалы вѣроятно пропадутъ потому что самъ онъ не успѣетъ привести ихъ въ порядокъ, а другіе не сумѣютъ. То что онъ давалъ мнѣ читать и говорилъ объ іероглифахъ показалось мнѣ немного натянутымъ и неяснымъ особенно потому что онъ все сводитъ къ Св. писанію. Онъ страшный мистикъ. Но гдѣ онъ не садится на этого конька, тамъ все умно и просто, такъ что даже я, не имѣя никакихъ предварительныхъ свѣденій о предметѣ, понялъ въ чемъ дѣло и готовъ мечемъ и перомъ защищать теоріи Гульянова противъ приверженцовъ Шамполліона. Впрочемъ несравненно интереснѣе и понятнѣе іероглифовъ были для меня идеи Гульянова о всеобщей грамматикѣ. Преумная вещь, братъ Вася. Кое что я записалъ и выписалъ, и это лоскутки изъ огромнаго труда, который готовъ въ головѣ Гульянова. Онъ не молодъ и болѣнъ; одно можетъ быть что все это умретъ съ нимъ. Я увѣренъ что надъ многими его идеями станутъ смѣяться и въ самомъ дѣлѣ онѣ смѣшны, но между ними есть такія, которыя не во всякую голову влезутъ.

На Австрійской границѣ я чуть было не заплакалъ отъ радости. Точно Святая Русь! Таможенный чиновникъ содралъ съ меня взятку; на станціи стѣны облѣплены дрянными картинами; босая дѣвка подаетъ дурной обѣдъ; кучеръ и еще какой то юноша просятъ на водку за услуги оказанныя мнѣ, безъ моего вѣдома. А на дворѣ, передъ окнами стоитъ статуя, которую я сначала принялъ за пляшущаго мандарина, но при внимательномъ изслѣдованіи нашелъ—прости Господи—что это Богородица. Ей Богу не вру. Ужь такова Австрійская скульптура. Въ Прагѣ тоже содрали съ меня въ таможнѣ, и до сихъ поръ не могу догадаться за что. По пріѣздѣ я тотчасъ отыскалъ Бодянскаго, который здѣсь учится Слав. языкамъ и танцованію. Весьма недурно танцуетъ. Впрочемъ онъ славный и дѣльный малой. Кланяется тебѣ. Онъ много работаетъ. Другой землякъ нашъ (изъ Педагогическаго Института) Иванишевъ нашелъ, говорятъ, очень важные памятники Слав. законодательства. Я его еще не видалъ. Онъ уѣхалъ на недѣлю въ имѣніе Князя Лобковича, чтобы осмотрѣть его библіотеку. Отъ него можно надѣяться хорошаго, хотя мы и не большіе друзья. Я его въ самомъ дѣлѣ обидѣлъ однажды, и онъ, какъ хохолъ, не можетъ этого забыть. Впрочемъ умная голова и много трудолюбія. Еще одинъ Русскій, также педагогъ, Касторскій живетъ здѣсь. Онъ издаетъ теперь Кралодворскую рукопись съ Русскимъ переводомъ и словаремъ; переводитъ Сербскія пьесы и печатаетъ ихъ въ Лейпцигѣ. Работаетъ много—но кажется принадлежитъ къ благородному сословію безтолковыхъ тружениковъ. Онъ отлично знаетъ древніе языки и берется за то чего вовсе не знаетъ.

Я хочу начать здѣсь учиться по Богемски, а въ Вѣнѣ займусь и Сербскимъ.

По Польски выучусь уже въ Россіи. Теперь нѣкогда. Дай Богъ справиться и съ тѣмъ что подъ рукою есть.

Изъ ученыхъ Чеховъ я познакомился съ Шафарикомъ и Челяковскимъ. У перваго провелъ вчера цѣлый вечеръ. Чудесный человѣкъ! Великъ и ученостію и характеромъ. Бѣденъ до нищеты, стѣсненъ со всѣхъ сторонъ; жена больна почти безнадежно—а онъ твердъ и спокоенъ. Говорили о многомъ. У него есть участіе ко всему. Я поспорилъ съ нимъ на счетъ Нѣмцовъ, которымъ онъ, впрочемъ, отдаетъ полную справедливость въ ученомъ отношеніи. Но при всемъ моемъ уваженіи къ его огромнымъ свѣденіямъ, я не могу согласиться что Славяне не менѣе Нѣмцовъ участвовали въ всемірной исторіи. Мнѣ кажется что намъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу другихъ. Мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ. Какъ не говори а все таки исторія Германцевъ теперь важнѣе Славянской въ связи со всеобщею. Черезъ два три столѣтія—другое дѣло.

Ты навѣрно противъ меня. Да ты что за птица? Извѣстно всѣмъ и каждому что у тебя . . . .

Челяковскій также отличный человѣкъ. Поэтъ и филологъ; замѣчателенъ и въ томъ и въ другомъ. Бѣдность угнетаетъ и его. Эти люди работаютъ не для себя, а только Богъ въ томъ мірѣ заплатитъ имъ. Отъ этого міра имъ нечего надѣяться. Во многомъ они, кажется, ошибаются, но эти заблужденія такъ святы, такъ извинительны! Челяковскій готовитъ теперь словарь и сравнительную грамматику Слав. языковъ.

Къ Югесману и Палацкому меня поведетъ Бодянскій сегодня. Предстоитъ еще интерессное знакомство съ Докторомъ Саксомъ, къ которому имѣю письмо отъ Вердера. Онъ здѣсь проповѣдникомъ при обществѣ der reformirten Iuden. Я слышалъ объ немъ много хорошаго: необыкновенно умный, ученый человѣкъ и жаркій защитникъ Моисеевой религіи. Онъ еще очень молодъ и другъ Вердера. Ужь это послѣднее дѣлаетъ его очень интересснымъ для меня.

На счетъ Шафарика я выдумалъ слѣдующее и подвергаю оное слѣдующее вашему благоутробію на разсмотрѣнія: мы составимъ, разумѣется между своими, подписку, по которой каждый изъ насъ обяжется давать ежегодно, по мѣрѣ силъ своихъ, хотя по 25 рублей. Эта сумма составитъ Ш. родъ пенсіона на всю жизнь. Разомъ мы не можемъ сдѣлать большія пожертвованія, а такимъ образомъ будемъ ему очень полезны. Если соберемъ 1000 рублей въ годъ то это будетъ для Ш. очень значительно, потому что теперь онъ ровно ничего не имѣетъ кромѣ обременительной должности цензора, отъ которой получаетъ менѣе 600 р. въ годъ. Принять онъ не откажется. Какъ бы ни мала была сумма, для него она будетъ значительна при его бѣдности и ограниченныхъ нуждахъ. Со временемъ, мы сдѣлаемъ болѣе, но теперь что можемъ. Выдумать бы средство снабжать Чеховъ

Русскими книгами, которыхъ они по бѣдности не могутъ покупать. Объ этомъ также подумай. Когда я возвращусь, то я непремѣнно пріѣду въ Питеръ переговорить съ тобой обо всемъ этомъ и будемъ работать ты тамъ, а я въ Москвѣ.

А что твое здоровье? Когда поѣздка на Востокъ? Я слава Богу здоровъ, и поѣду далѣе на Западъ.

Ну братъ Вася—Чешенки такъ хороши, такъ хороши, что очи на лобъ лезутъ отъ вожделѣнія. Лучше исторіи Монголовъ. Много сказано? Я уже приглашалъ нашихъ сюда пріѣхать—полакомиться. Станкевичь, впрочемъ, не нуждается.....

Въ Вѣну пиши въ посольство или poste restante.

1838 г. Вѣна $\frac{21}{9}$ Іюля.

Письмо твое, любезный Григорьевъ, получилъ я недѣли двѣ тому назадъ, и не отвѣчалъ до сихъ поръ по очень уважительнымъ причинамъ.

Спасибо тебѣ за извѣстіе о докторскомъ экзаменѣ. Предложеніемъ твоимъ я, впрочемъ, не воспользуюсь. Что за бѣда, если я получу докторство годомъ позже; а ѣхать въ Россію мнѣ что то не хочется. Авось весною почувствую тоску по отчизнѣ, доселъ это чувство меня не безпокоило. Экзамена я не слишкомъ боюсь: въ Москвѣ, гдѣ безъ сомнѣній я буду экзаменоваться, у меня нѣтъ недоброжелателей. По крайней мѣрѣ я не знаю причины, по которой могъ бы опасаться недобросовѣстныхъ нападокъ. Есть одна очень опасная вещь—Греческій языкъ, который мнѣ не дается да сверхъ того почти не нуженъ для предполагаемыхъ мною занятій, но я надѣюсь что съ помощію Графа можно будетъ какъ нибудь отдѣлаться. Потрудись однако написать мнѣ—крѣпко ли будутъ налегать на этотъ предметъ при экзаменѣ моемъ. Греч. древностей я не боюсь, но языкъ дѣло сомнительное. Мы, пожалуй, къ общему удивленію, и перевести не сумѣемъ.

Диссертацію напишу зимою, въ Берлинѣ, куда возвращусь къ концу Августа. Письма свои адрессуй теперь опять въ Берлинъ, въ посольство или poste restante. Вѣна до смерти надоѣла. Знакомые мои почти всѣ разъѣхались; дѣла не много: народъ глупѣйшій. Сергѣй М. Строевъ также уѣхалъ. Въ послѣднее время его пребыванія здѣсь мы видались ежедневно, наружно сблизились, внутренно еще болѣе разошлись. Я былъ несправедливъ къ нему, считалъ его хуже чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ—но при всемъ томъ, не хотѣлъ бы въ другой разъ надолго сойтись съ нимъ. У насъ враждебныя натуры. Въ шарлатанствѣ и невѣжествѣ его, я убѣжденъ болѣе чѣмъ когда либо. Я увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ станетъ пускать пыль въ глаза, чего здѣсь не смѣлъ дѣлать. По Нѣмецки онъ не хорошо понимаетъ, историковъ знаетъ по оберткѣ только—и страсть говорить о заслугахъ Нѣмцевъ въ исторіи у него пребольшая. Я также люблю говорить объ исторіи Востока; какъ мнѣ не знать, да у меня есть другъ орьянталистъ. Вѣроятно, Строевъ говоритъ о Нѣм. историкахъ въ слѣдствіе подобнаго разсужденія.

Отъ Невѣрова и Ст. получилъ на дняхъ два письма. Они уѣхали изъ Эмса въ Ахенъ. Нурка дѣлаетъ мерзости—волочится за 54 лѣтнею банкиршею и кажется хочетъ жениться. Станкевичь плачетъ, но что дѣлать съ любовью. Бѣда съ вашимъ братомъ молодежью. Я веду себя отлично хорошо.

Когда ты начнешь свое путешествіе? Да напиши, болванъ, обстоятельнѣе и подробнѣе. Я пріѣду въ Питеръ въ Іюнѣ будущаго года. Хотѣлось бы удержать здѣсь до того времени Нурку, да упрямится очень. Что онъ будетъ въ Россіи дѣлать не понимаю. Зимою онъ могъ бы чѣмъ нибудь порядочнымъ заняться. Денегъ какъ нибудь достало бы у насъ. Посовѣтуй и ты ему это; безъ шутокъ, душа моя, я говорю не изъ эгоизма, изъ желанія провести нѣсколько мѣсяцевъ съ Невѣровымъ вмѣстѣ, а потому что предвижу для него большую пользу. Укроти и ты свой эгоизмъ и обсуди дѣло со всѣхъ сторонъ. Увидишь что я правъ и совѣтую дѣльно. А гдѣ Петровъ? Я радъ былъ бы съѣхаться съ нимъ въ Берлинѣ.

Безгину кланяйся отъ меня. Скажи ему что онъ очень ошибся въ . . . . Я не имѣлъ причины бранить его, но слышалъ отъ другихъ очень дѣльныхъ и благородныхъ людей невыгодные отзывы о его характерѣ.

Что у васъ новаго въ литературѣ? Правда ли что Бѣлинскій редакторомъ Наблюдателя и что *сей* перешелъ къ другимъ хозяевамъ? Если ты не покаешся и не напишешь ко мнѣ дѣльнаго и остроумнаго письма, то будешь горько наказанъ моимъ молчаніемъ,

Въ слѣдствіе чего многократно цѣлую тебя и съ глубочайшими поклонами пребываю

Душевно преданный тебѣ

Грановскій.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ я въ Берлинѣ и все не соберусь написать къ тебѣ милый Григорьевъ; утромъ занятъ чѣмъ нибудь, вечеромъ лѣнь, что еще важнѣе и въ твоихъ глазахъ достаточная причина. Да и о чемъ писать было? Что ты оселъ—это давно извѣстно всѣмъ христіанамъ, что я умнѣйшій человѣкъ—также всѣ знаютъ.

Петровъ уже здѣсь и сообщилъ мнѣ разныя вѣсти о тебѣ. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ рѣшаешься ѣхать въ Одессу? Для здоровья твоего это можетъ быть полезно, но въ другихъ отношеніяхъ едва ли. Ты и безъ того теперь хандришь, а въ Одессѣ, гдѣ у тебя не будетъ никого близкаго, ни одной родной души, просто впадешь въ ипохондрію. О душевномъ здоровьи надобно также подумать. Да и что заставляетъ тебя ѣхать изъ Петербурга? Вздорная ссора съ Шульгинымъ или Плетневымъ. А путешествіе твое на Востокъ? Петровъ говоритъ что изъ Одессы ты можешь часто ѣздить въ Константинополь. Да что проку въ

этомъ. Теперь уже поздно; испорченнаго поправить нельзя—но душа моя требуетъ чтобы я разругалъ тебя за глупый, необдуманный поступокъ. Когда мы увидимся? Я надѣялся найти тебя въ Петербургѣ будущею весною, теперь надобно проститься съ этою надеждой и отложить ее, можетъ быть, до втораго пришествія. Неизвѣстно сойдемся ли и тогда: я буду стоять одесную Саваоѳа, съ агнцами, а ты ошуюю съ козлищами. Глупый человѣкъ ты Вася, хотя Господь и далъ тебѣ умную голову.

Послѣднее письмо твое полученное мною въ Вѣнѣ содержало въ себѣ очень много презагадочныхъ вещей. Какъ мы ни ломали головы съ Нуркою, но смыслъ таинственныхъ намековъ не дался намъ. Что значитъ фраза „меня нельзя разлюбить, потому что я добрый, недальнiй малый и могу пригодиться". Я не понимаю этого. На свѣтѣ очень много добрыхъ и недальнихъ людей, которые также, въ случаѣ нужды, могутъ пригодиться—однако я не чувствую къ нимъ никакой особенной привязанности. Въ моихъ и Януарiевыхъ глазахъ эти качества вовсе не даютъ права на дружбу и любовь. Мы любимъ тебя за доброту твою, но оттого что она соединена съ умомъ. Добрые глупцы прескучный народъ. Посниковъ добрый и недальнiй малый; о тебѣ этого нельзя сказать. О томъ что ты намъ можешь пригодиться, мы еще никогда не думали. Еслибы мнѣ была нужна въ чемъ нибудь твоя помощь, разумѣется, что я не сталъ бы церемониться и сказалъ прямо: Григорьевъ сдѣлай или дай мнѣ то или другое. Надѣюсь что ты поступилъ бы точно также со мною. Но я никакъ не думаю что ты меня любишь (если ты въ самомъ дѣлѣ меня любишь) оттого что подобный случай можетъ представиться и что я когда нибудь могу тебѣ пригодиться. Далѣе ты говоришь что „умѣешь держать языкъ за зубами". Это дѣлаетъ всякiй благородный человѣкъ, не ты одинъ. О себѣ я могу говорить что хочу и кому хочу, но чужiя тайны берегу свято. Душа моя, Вася—ты былъ въ дурномъ расположенiи духа когда писалъ ко мнѣ иначе не навралъ бы такой чепухи. Признайся что ты на этотъ разъ также могъ *оскорбить* мое чувство; къ счастiю оно у меня очень неделикатно и терпѣливо.

Полно объ этомъ; позволь возложить поцѣлуй примиренiя на кончикъ твоего носа, буде таковой еще сохранился, и перейдемъ къ другимъ предметамъ. Вчера я получилъ письмо отъ Невѣрова и Станкевича. Въ письмѣ перваго много чувства, у втораго кромѣ матерщины нѣтъ ничего. Прегрубое животное! Никакъ не могу его прiучить къ деликатному обращенiю со мною. Нѣтъ ничего святаго. Выдумалъ что у меня плѣшь показывается, но парика носить не совѣтуетъ для избѣжанiя сходства со свиньею въ ермолкѣ. Какъ глупо! Ничего нѣтъ общаго. Гоголь сказалъ это совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Невѣровъ уѣхалъ въ Боннъ къ „старой кошкѣ" и мурлыкаетъ около нее. Надѣется капиталецъ составить; иначе, безъ сомнѣнiя, не рѣшился бы обречь себя на подобную муку. До какихъ гнусностей доводитъ

людей корыстолюбіе! Такъ какъ мои финансы приходятъ въ страшное разстройство, то и я, можетъ быть, согрѣшилъ бы, но у меня нѣтъ качествъ необходимыхъ для должностей этого рода. Кланяйся Безгину и Кутузову, къ которому я на дняхъ буду самъ писать. Мой адрессъ: Kronenstrasse, № 47.

Прощай голубчикъ, благословляю тебя. Да забылъ было: *пригодисъ* мнѣ еще разъ, попроси Кутузова или Безгина переслать мнѣ сюда деньги, которые отецъ обѣщалъ выслать на твое имя. Распорядись чтобы письмо къ тебѣ было передано одному изъ нихъ. Станкевичь проситъ тебя выслать ему земледѣльческую химію Павлова, по почтѣ. Деньги ты получишь. Облагодѣтельствуй обоихъ насъ, особливо меня, онъ пустой человѣкъ, невѣжа.

1838 г.

Хотѣлъ было написать къ тебѣ умное и пріятное письмо, да грубое обращеніе твое ко мнѣ въ письмѣ къ Невѣрову заставило меня перемѣнить намѣреніе.

Станкевичь и Невѣровъ сдѣлались еще тупоумнѣе со времени своего пріѣзда. Первый живетъ у меня на квартирѣ, изъ милости, и не чувствуетъ никакой благодарности. Пріѣхалъ сюда въ рубищѣ; я далъ ему чѣмъ прикрыть наготу, накормилъ и напоилъ—а онъ разноситъ обо мнѣ самыя гнусныя клеветы. Плѣшивый орьянталистъ вчера былъ пьянъ и обнаружилъ это неприличное состояніе скверными словами и искаженіемъ физіономіи. Грустно, братъ Вася, жить среди этихъ людей. А что ты ничего не пишешь передалъ ли ты мою просьбу Безгину или Кутузову. Попроси ихъ объ исполненіи. Если отецъ пришлетъ деньги въ Питеръ а переслать ихъ ко мнѣ будетъ некому, то это будетъ крайне непріятно для моей чувствительной и благородной души. Долговъ у меня, слава Богу, очень много,

А что дѣлаешь ты? спросишь, можетъ быть, ты. Полноте говорить о пустякахъ о Василій Васильевичь! Кутузову, Савельеву, Ковалинскому и инымъ прочимъ кланяюсь. А что будутъ меня распекать по части Греческаго языка? Напиши хоть пять словъ.

А главное напиши о своихъ приключеніяхъ. Что съ тобою было новаго и предосудительнаго? Душа моя не ѣзди въ Одессу, ей ей не вижу хорошаго въ этомъ. Пріѣзжай лучше сюда.

Грановскій.

18 Генв. 1839 года.

Прости великодушно мнѣ лѣнь мою, милый Вася. Ей Богу, впередъ не буду, да и теперь не совсѣмъ виноватъ: множество причинъ мѣшали мнѣ писать къ тебѣ. Если письма мои могутъ хотя немного разсѣять хандру твою, то ты не будешь имѣть въ нихъ недостатка, хотя по праву возмездія, я и могъ бы поступить иначе; но благородное сердце мое возстаетъ противъ такой мести. Итакъ читай и радуйся.

Во первыхъ—Невѣрову Богъ далъ дочь, названную въ часть друзей Николаида-Григорина-Тимотеа. Очаровательное существо, какъ двѣ капли воды похожее на родителя. Радостное впечатлѣніе произведенное этимъ событіемъ на нашего друга было нѣсколько испорчено извѣстіемъ что Шарлотта уже четыре мѣсяца тому назадъ сочеталась тайнымъ бракомъ съ сотрудникомъ его—трубочистомъ. Счастливый супругъ являлся лично къ Невѣрову, просилъ полюбить и продолжать знакомство. Онъ же получилъ и условленные три талера. Станкевичь по прежнему утопаетъ въ нѣгѣ и мучится ревностію. Берта его влюблена въ меня. Чувства чести и дружбы не позволяютъ мнѣ удовлетворить ея пламеннымъ желаніямъ. А жаль бѣдную дѣвочку, примѣтно увядаетъ. . . . .

Петровъ живетъ съ Тр. . . . въ конуркѣ, въ которой едва можно повернуться. Каждый изъ нихъ спитъ по очереди на кровати, другой въ это время валяется на полу. Это не преувеличеніе: въ комнатѣ нельзя поставить двухъ кроватей. Наканунѣ Русскаго новаго года, Петровъ былъ въ Нѣмецкой компаніи—выпилъ 18 стаканчиковъ счетомъ, да потомъ еще нѣсколько которыхъ уже не могъ считать: возвращаясь домой потерялъ шляпу и возбуждалъ въ проходящихъ чувство жалости и омерзѣнія. Работаетъ съ утра до ночи. . . . . Денегъ ему не шлютъ: также и намъ; вслѣдствіе чего ни у одного изъ насъ нѣтъ ни копейки; заняли у Русскаго попа, а не то такъ и кушать было бы нечего. За письмо это заплати изъ своего кармана. Изъ Россіи нѣтъ никакихъ извѣстій: я получилъ два письма изъ возвратившихся туда педагоговъ, да только новаго ничего нѣтъ. Всѣ они не слишкомъ довольны своимъ размѣщеніемъ: конечно изъ Берлина въ Казань ѣхать не весело. Я все работаю надъ моею диссертаціею о городахъ: матеріаловъ много особливо для Германіи, но справиться съ ними трудно. Такая работа требуетъ годовъ, а не мѣсяцовъ. Впрочемъ я не теряю отваги и приготовлю для диссертаціи хотя отрывокъ. Остальное послѣ. Я теперь сталъ совершенно юристомъ: читаю юридическія изслѣдованія о городскихъ правахъ, старые акты и грамоты и проч. Скучно, мочи нѣтъ какъ скучно, особливо пока самъ не добился ни до какихъ результатовъ и только ищешь повѣрки чужимъ мнѣніямъ.

Не лѣнись—пиши къ намъ. На дняхъ возвратится изъ путешествія въ Парижъ Лöве, божественный предметъ моей любви. Чортъ возьми! Какъ подумаешь что въ Москвѣ нѣтъ ни хорошаго театра, ни многаго что здѣсь есть и дается за самую дешевую цѣну такъ и скучно становится. Безъ шутокъ—мнѣ будетъ жаль Лöве: ни одна пѣвица на меня не дѣйствовала такъ какъ она, я слыхалъ голоса лучше и обработаннѣе, но въ ней есть что-то такое что собственно для меня хорошо. Портретъ везу въ Россію. Повѣрь что она разогнала бы хандру твою если бы ты послушалъ ее въ Сомнанбулѣ.

Да что же ты не говоришь намъ ни полслова о твоемъ профессорствѣ. Чему ты обучаешь и каково это юношество въ Одесскомъ лицеѣ?

Станкевичъ приписалъ бы къ тебѣ, да его теперь и съ собаками не найдешь. Цѣлый день болтается подъ окнами Берты и поетъ сладостные романсы. Я уже остерегалъ его: когда нибудь попадетъ какъ нарушитель общественнаго покоя; онъ отвѣчаетъ:

Я ль виноватъ что ее сѣроокую
Больше чѣмъ душу люблю!

Прощай! Будь здоровъ, уменъ, не хандри и помни насъ.

Твой Грановскій.

18 февраля 1839 года,

Создатель! какъ можно писать такія глупости! Ей Богу, Вася, Лöве лучше Фазманъ, которую Невѣровъ любитъ потому что она похожа на него не лицемъ а привычками. Оба плюются въ разговорѣ и пѣніи. Впрочемъ надобно ей отдать справедливость: она всегда плюнетъ на кого нибудь изъ поющихъ съ нею, утретъ себѣ ротъ мантіею (обыкновенно играетъ роли царицъ); а другъ нашъ плюетъ и не утирается. Что касается до Лöве, то судить о ней можетъ не всякій кто взялъ 15 уроковъ пѣнія у бѣглаго солдата; для этого надобно имѣть просвѣщенный умъ и благородную душу.

Петровъ скучаетъ самъ и разноситъ скуку къ другимъ. Бранитъ все и всѣхъ живущихъ здѣсь Русскихъ; говорятъ Петровъ съ ума сошелъ. Невѣровъ тотчасъ захлопоталъ, какъ бы помочь бѣдняжкѣ, началъ его водить по гостямъ и проч. Кажется помогъ: по крайней мѣрѣ, вотъ уже съ недѣлю какъ Петровъ живетъ смирно и не бьетъ въ стѣну головою. Слава Богу. Мнѣ, признаюсь, не жаль было Петрова. Самъ виноватъ: онъ человѣкъ умный, занимающійся—и скучаетъ. Такая скука можетъ происходить только изъ эгоизма, отъ равнодушія; кто ничего и никого не любитъ тотъ долженъ скучать и подѣломъ вору мука. У меня у самого бываетъ хандра, но у меня она происходитъ отъ причинъ чисто физическихъ и не составляетъ моей *профессіи,* какъ у Петрова скука. Что Вы дѣлаете? Скучаю. Не сердись на меня, милый Вася. Я знаю что ты любишь Петрова; знаю что онъ во многихъ отношеніяхъ отличный человѣкъ; но досадно смотрѣть на него и слушать его выходки противъ всего что въ мірѣ есть хорошаго и достойнаго уваженія.

Савельевъ пишетъ Невѣрову о твоей вступительной лекціи. Будетъ ли она напечатана? Да что же ты, болванъ, не пишешь что ты читаешь въ Лицеѣ? Сколько разъ спрашивалъ я тебя объ этомъ. Каковы твои отношенія къ Савельеву и вообще съ кѣмъ знакомъ? Первыя твои письма очень занимательны и подробны но послѣднее въ пестромъ конвертѣ никуда не годится. Прощай.

Твой Грановскій.

1839 г. Москва, 15 Ноября.

Не ругай меня за лѣнь мою, милый и добрый Васька. Ей Богу, братъ, былъ болѣнъ и тѣлесно и душевно такъ что противно было взяться за перо. Я по цѣлымъ мѣсяцамъ не писалъ къ сестрамъ даже. Изъ этого однако не должно выводить заключенія что я пересталъ любить ихъ и тебя. Да и ты хорошъ: уѣхалъ въ Константинополь и не сказалъ ни полслова никому изъ насъ о томъ гдѣ тебя отыскивать. Я думалъ уже что ты опредѣлился въ службу къ султану на мѣсто Гафицъ-Паши (наѣлся грязи Гафицъ-Паша, чего и тебѣ желаю) или намѣренъ продолжать связи съ нашимъ братомъ. Письмо твое вывело изъ заблужденія: дай Богъ тебѣ здравія за письмо, и въ особенности за обѣщаніе пріѣхать въ Москву. Увѣдомь когда встрѣчать. Съ тѣхъ поръ какъ я тебя знаю это первый порядочный поступокъ съ твоей стороны: до сихъ поръ велъ себя свиньею. Смотри же пріѣзжай.

Посылаю письмо Невѣрова съ вырѣзаннымъ листомъ, который можешь видѣть по пріѣздѣ сюда. Плохо приходится нашему Нуркѣ. Ржевскій предлагалъ ему очень выгодное мѣсто здѣсь: онъ не согласился и вышло чортъ знаетъ что такое. Авось Богъ дастъ мы еще заманимъ его сюда. А признаюсь—скучно въ Москвѣ. Берлинъ избаловалъ меня во всѣхъ отношеніяхъ: тамъ у меня были близкіе люди, съ которыми можно было подѣлиться и горемъ и радостію. Здѣсь я одинъ. Между профессорами нашими есть славные люди, которыхъ я отъ всей души полюбилъ, но никто не можетъ мнѣ замѣнить того что было въ Берлинѣ. Я бы чортъ знаетъ что далъ чтобы хотя на недѣлю заманить сюда Нурку. Я живу со Ржевскимъ: мы очень хороши, я уважаю его за твердый характеръ, за благородство, за самоотверженіе, съ какимъ онъ исполняетъ свое дѣло—но откровенности полной нѣтъ и быть не можетъ. Наши характеры и требованія отъ жизни слишкомъ несходны. Ты помнишь, можетъ быть, что онъ т: е: Ржевскій былъ на не совсѣмъ хорошемъ счету въ кружкѣ Станкевича; теперь это все измѣнилось. Онъ молча, *дѣлами,* заставилъ уважать себя. Ты не повѣришь что онъ сдѣлалъ изъ этого дряннаго заведенія; отрадно взглянуть на мальчиковъ. И все это сдѣлано имъ тихо, безъ хвастовства и шума.

Мои дѣла идутъ и такъ и сякъ. Лекціями я пока доволенъ, т: е: не самими лекціями а впечатлѣніемъ которое они производятъ на студентовъ. Въ здѣшней молодежи есть, слава Богу, желаніе учиться и учиться дѣльно. Года черезъ два я надѣюсь быть въ состояніи приносить имъ пользу; теперь пока чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Студенты мною довольны. Я работаю съ утра до ночи; стараюсь сдѣлать все что можно, но мнѣ самому какъ то не нравится сдѣланное мною. Отчасти здоровье и скверное настроеніе духа виною этому. Пріѣдешь—многое разскажу тебѣ. На дняхъ получилъ письма отъ Савельева и Кутузова: собираюсь отвѣчать. Видѣлъ здѣсь Ковалинскаго который познакомилъ меня съ семействомъ

своимъ. Я бываю рѣдко: нѣкогда, да и скучновато. Когда бы онъ самъ здѣсь былъ—другое дѣло—а то поди толкуй съ стариками да барынями. Постное блюдо. Илья Михайловичь иногда лжетъ безъ всякаго состраданія.

Ну что ты дѣлаешь? Каковы твои дѣла и планы въ будущемъ? Пора братъ жениться, а то истрепишься хуже мочалки будешь. Молодые Вы люди, а жить не умѣете. Кланяйся Постникову. Меня очень обрадовало извѣстіе твое о томъ что онъ умнѣетъ. Я принимаю живое участіе въ этой малюткѣ. Вы живете вмѣстѣ или нѣтъ? Ты увидишь въ Одессѣ одного здѣшняго юношу Золотарева; порядочный оселъ, вотъ все что могу сказать тебѣ въ рекомендацію. Онъ просилъ у меня письма къ тебѣ, но я увильнулъ не желая дарить тебя такимъ знакомствомъ. Я зналъ его еще за границею: удивительно скучный человѣкъ! Клюменниковъ сталъ на себя не похожъ, болѣнъ и хандритъ до крайности. Бѣлинскій уѣхалъ съ Панаевымъ въ Петербургъ, для болѣе дѣятельнаго сотрудничества въ О. З. Я раза два порядкомъ съ нимъ поругался, однако не поссорились. Я высказалъ ему правду, но правду довольно горькую. Что за обычай судить и рядить обо всемъ по диктаторски не зная вовсе въ чемъ дѣло. Это впрочемъ здѣсь въ большой модѣ, равно и квасной патріотизмъ.

Прощай carissime будь здоровъ. Да сохранитъ тебя Аллахъ отъ . . . . . . и всѣхъ подобныхъ пріятностей. Смотри только сдержи слово и пріѣзжай сюда.

Твой Грановскій.

23 Декабря 1839 года.

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ милый Вася. Дай Богъ тебѣ всякаго счастія, здоровья, денегъ и хорошенькую жену. Изъ послѣдняго письма твоего замѣтно что тебя разбираетъ охота жениться; въ Одессѣ, говорятъ, много красавицъ, слѣдовательно выбрать есть изъ чего. А хорошо бы видѣть тебя женатымъ. Женись душа моя, ей Богу нарочно пріѣду въ Одессу.

Что то со мною будетъ въ этомъ году? Во всякомъ случаѣ онъ долженъ рѣшить мою участь и опредѣлить всю мою будущую дѣятельность. Я много думаю о моемъ профессорствѣ, потому что съ этимъ мѣстомъ связаны всѣ мои планы и надежды. Мнѣ надоѣло бездѣйствіе. Положимъ что я не теряю времени здѣсь, что свѣденія мои увеличиваются съ каждымъ днемъ, но работать только для себя скучно,—мнѣ нужна живая дѣятельность. Я увѣренъ что годъ профессорства меня далѣе подвинетъ въ наукѣ чѣмъ три года кабинетной работы. Плановъ у меня много: между прочимъ, я хочу ежегодно читать кромѣ средней и новой исторій, исторію какого нибудь Европ. Государства—разумѣется для охотниковъ. Если останется время то я открою курсъ всеобщей исторіи для студентовъ непринадлежащихъ къ моему факультету. Въ первомъ году мнѣ едва ли удастся исполнить это, но во второмъ навѣрно. Писать не хочется пока. Матеріалы для диссертаціи накопляются но диссертацію я еще не начиналъ писать.

Жидъ Іосифъ Грановскій не принадлежитъ къ числу моихъ родственниковъ. Конечно въ характерѣ моемъ есть нѣчто жидовское, но это сообщили мнѣ мои христіанскіе предки. Вотъ Невѣровъ такъ попадетъ въ жидовскую родню; всѣ его знакомые здѣсь жиды. Обольщенная имъ дѣвица неизвѣстно какого исповѣданія . . . . .

Твой Грановскій.

Москва, 7 Мая 1840 г.

Побойтесь Бога, почтеннѣйшій Василій Васильевичь, и осчастливьте парою строкъ Вашего покорнаго слугу. Что Вы за собака такая и чѣмъ возгордились что по цѣлымъ мѣсяцамъ не пишете къ намъ. Конечно и я написалъ только одно письмо, но умно, краснорѣчиво и по всѣмъ правиламъ грамматики. Что Вы за птица! Нѣчто читающее Арабскую азбуку въ уѣздномъ городишкѣ. Чортъ съ Вами.

Это введеніе точно какъ будто списано съ твоего письма. Также глупо. Не прогнѣвайтесь.

На дняхъ получилъ письмо отъ Нѣверова. Скучно бѣдному въ Ригѣ. Незавидное положеніе. Читай—мнѣ крѣпко захотѣлось взглянуть на Нурку. Берлинская жизнь связала насъ какъ то вмѣстѣ: есть вещи о которыхъ кромѣ Станкевича, Фроловыхъ и Нурки мнѣ ни съ кѣмъ нельзя говорить. Когда то увидимся? Грустно, братъ Вася, когда подумаешь какъ разметала насъ всѣхъ судьба. Еще хуже то что каждому изъ насъ плохо на новомъ мѣстѣ. У кого болитъ тѣло, у кого душа. Я не дождусь конца экзаменовъ чтобы удрать отсюда домой къ сестрамъ. Я люблю мое званіе; Университетская дѣятельность въ моихъ глазахъ выше всякой другой—а на душѣ часто бываетъ тяжело и пусто. Отчего? Богъ знаетъ. Я придумалъ три средства для избавленія себя отъ этой хандры: пить, застрѣлиться или жениться; но изъ нихъ ни одно для меня не годится. Вино надоѣло такъ что пью безъ удовольствія, стрѣляться глупо а жениться страшно. Кромѣ того у меня въ этомъ отношеніи глупыя требованія. Бракъ по расчету и бракъ вслѣдствіе минутнаго увлеченія для меня равно невозможны. Мнѣ нужна женщина которая приходилась бы совершенно по мнѣ. Изъ тѣхъ которыхъ я встрѣчалъ до сихъ поръ однѣ слишкомъ хороши для меня, другія слишкомъ дурны,—всетаки я лучше ихъ. Иногда во мнѣ просыпается прежняя любовь. Я самъ упустилъ изъ рукъ счастіе. Богъ съ нимъ.

А между тѣмъ результатъ всего этого то что мнѣ бываетъ ужасно скучно. Пріѣзжай сюда болванъ. Ей Богу дамъ 10 рублей тебѣ и поставлю свѣчку Иверской.

Великимъ постомъ я много работалъ; теперь ничего не дѣлаю. Экзаминую студентовъ. Зимою много волочился и большею частію за замужними. Это какъ то умнѣе. Понимаютъ вещи со всѣхъ сторонъ и въ полслова. Успѣхами, впро-

чемъ, похвалиться не могу. Теперь примусь за диссертацію. Хочешь быть сотрудникомъ въ нашемъ журналѣ (редакторы: Коршъ, Рѣдкинъ, Крюковъ и я). Цѣль его чисто ученая. Ни стиховъ, ни повѣстей не будетъ. Мы не требуемъ доходовъ и большаго числа читателей, а хотимъ создать на Руси органъ для науки во всей ея строгости и чистотѣ. 4 книжки въ годъ. Есть надежда на разрѣшеніе со стороны Министра. Если ты намъ дашь двѣ или три дѣльныя статьи о Востокѣ, мы будемъ тебѣ очень благодарны и подѣлимся деньгами по совѣсти. Деньги на первый годъ, для печатанія, у насъ есть. Форма статей, какъ въ Англійскихъ журналахъ, критическая, по поводу новыхъ книгъ говорится о наукѣ вообще.

У Головачовыхъ бываю часто. Спасибо тебѣ за это знакомство. Головачовъ добрый, хорошій малый, но ужасно бьетъ баклуши и того и гляди утонетъ въ омутѣ праздной Московской жизни. Ничего не дѣлаетъ. Забылъ тебѣ разсказать, недѣли двѣ тому назадъ у нихъ танцовали; гляжу Григорій Гр-чь изволилъ прижать въ уголъ какую-то даму и скороговоркою читаетъ ей стихи. Та бѣдная мечется, блѣднѣетъ и краснѣетъ—а онъ и въ усъ не дуетъ. Только посматриваетъ нѣтъ ли въ близи кого нибудь, кто бы могъ отнять у него жертву. Я думаю прочелъ тома три. Такъ поступали и мы въ былые годы. Впрочемъ если ты не пріѣдешь сюда осенью то я въ состояніи самъ пріѣхать въ Одессу и прочитать тебѣ въ наказаніе статью Изафетти Маклуба, негодяя печатающаго въ Одессѣ Альманахи. Вотъ оселъ! Не дай Богъ тебѣ съ нимъ встрѣчаться. Цѣлую тебя въ прекрасныя уста и очи съ нѣжностью.

Пребываю

Т. Г.

У нихъ нѣтъ практическаго смысла для жизни какой видѣнъ у Англичанъ и даже у Французовъ. Чернь нѣмецкая, быть можетъ, хуже всякой другой—но лучшіе между Нѣмцами, едва ли не лучшіе въ человѣчествѣ. Отчего? Объ этомъ долго было бы говорить, но если ты мнѣ предложишь этотъ вопросъ то я готовъ отвѣчать.

Надъ Гегелемъ смѣяться также стыдно, особливо тебѣ, человѣку съ душою и стремленіемъ къ истинѣ. Знаешь ли ты что онъ сдѣлалъ, даже о чемъ говоритъ онъ въ своихъ книгахъ? Признаюсь тебѣ, я не зналъ что такое Философія, пока не пріѣхалъ сюда,—Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой я теперь рѣшительно не понимаю. Я могъ написать тебѣ въ письмѣ моемъ глупость какую-нибудь—тутъ нѣтъ ничего мудренаго—но за это не должна отвѣчать наука и Гегель. Смѣйся надо мною а не надъ ними. Мнѣ, ей Богу, было очень досадно на тебя читать твои шутки, похожія на остроты мои и Станкевича (великій острякъ!!! напоминаетъ Ивана Захаровича); болванъ ты, братъ Вася—ей, ей болванъ.

Живемъ мы по немногу, не скучаемъ, работаетъ одинъ Невѣровъ за трехъ—а мы съ Станкевичемъ похваливаемъ его и наслаждаемся dulce otio. Этотъ негодяй прiѣхалъ сюда на мою пагубу: со дня его прiѣзда, я ничего не дѣлаю, книги въ руки не беру, а только разсуждаю по Московски о томъ что должно дѣлать, пренепрiятное занятiе. Въ театръ ходимъ очень часто. Станкевичь и Невѣровъ влюблены, а я—черствая душа, какъ тебѣ извѣстно—смѣюсь надъ ихъ страстью. А твоя любовь душенька? Насильно требовать довѣренности нехорошо—а то я попросилъ бы тебя сообщить мнѣ нѣсколько подробностей. Переписка, о которой тебѣ говоритъ Невѣровъ, весьма занимательна въ самомъ дѣлѣ. Дѣвица Кратохвицъ очень чувствительная персона. Въ письмахъ ея много страсти—я собираю ихъ, и современемъ издамъ. Теперь отвѣчаю на ея письма я, ибо Станкевичь страшась ея прибытiя, извѣстилъ ее что онъ ѣдитъ въ Парижъ. Я прибавилъ къ этому извѣстiю, что мой несчастный другъ терзаемый любовью и физич. страданьями, до такой степени истощился, что ему осталось только одно средство быть дѣятельнымъ членомъ общества—ѣхать въ Марокко и опредѣлиться эвнухомъ въ Гаремъ Имира. Вообще я пишу съ чувствомъ.

Отъ Бутовскаго получилъ нѣсколько писемъ разомъ: онъ кланяется тебѣ и проситъ не забывать вечера проведеннаго нами втроемъ у него, на Лиговкѣ. Помнишь? Получилъ также вѣсть о Печеровѣ—онъ живетъ въ Цюрихѣ, и къ новому году получитъ гражданство. Нехорошо!

О работѣ моей сказать нечего—а совѣстно ничего не дѣлать, смотря на дѣятельность Нѣмцовъ. Что ни день, то новое въ наукѣ—не знаешь за что взяться отъ избытка богатства. Вышла, также для тебя интересная, книга: Исторiя Сельджукодовъ въ Малой Азiи Вуллерса. Я видѣлъ книгу въ Королевск. библiотекѣ, но не разсмотрѣлъ порядкомъ—два тома, одинъ весь по Арабски: источникъ какой-то, но какой именно не помню. А я таки думаю заняться исторiею Востока, когда примусь дѣльно за работу. Кстати о Востокѣ: Нѣмцы расхваливаютъ статью Шмидта вашего: „Hebes das Malajana und Pradsesna-Pâramita". Объ ней уже говоритъ Крейцеръ въ новомъ изданiи своей Символики. А что такое на Русскомъ есть о Буддизмѣ? Напиши пожалуйста. Да пришли постановленiе объ экзаменахъ если оно не велико—даже вырви нужные листы и пришли ихъ. Прощай, цѣлую тебя въ носъ.

Гр.

Савельеву, Петрову и Ковалинскому по поклону. Петрову желаю сбыть скорѣе съ рукъ экзаменъ и прiѣхать къ намъ. Я получилъ на годъ отсрочку.

1842 г.

Надѣюсь что это письмо вызоветъ на ланиты твои краску стыда и раскаянiя. Ты думалъ что я не буду отвѣчать тебѣ, а выходитъ совсѣмъ противное. Сверхъ

того мой отвѣтъ убѣдитъ тебя въ высокой добродѣтели Московскаго Университета, который чуждаясь зависти давно произвелъ тебя въ магистры.

Бумага о тебѣ давно отправлена въ Петербургъ для Министерскаго утвержденія. Не мы виноваты что въ Петербургѣ ее такъ долго держатъ. Наше дѣло кончено еще въ Августѣ, тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ деревни. Въ прежнемъ виноватъ Василій Ивановъ Оболенскій, который такъ обрадовался избавленію своему отъ многотрудной должности секретаря что забылъ и думать о Государственныхъ дѣлахъ. Вотъ почему, о злополучный кандидатъ, тебѣ пришлось провести еще нѣсколько мѣсяцевъ въ настоящемъ званіи.

Со мною, со времени твоего отъѣзда, случилось много непріятнаго. Во первыхъ—я проигралъ процессъ отъ котораго зависѣло все наше состояніе и теперь нахожусь въ довольно затруднительномъ положеніи; во вторыхъ Министръ сыгралъ со мною еще штуку, которая вовсе не поправляетъ моихъ теперешнихъ обстоятельствъ и видовъ на будущее; въ третьихъ мое здоровье опять разстроилось и хотя я не мнителенъ но начинаю бояться плохихъ послѣдствій и скорой разлуки съ вами. Не поминайте лихомъ. Авось, впрочемъ, и такъ сойдетъ. Все это время у меня болятъ грудь и бокъ, и кашель довольно подозрительный не даетъ мнѣ покою.

Самое печальное—есть смерть старшей сестры моей. Не знаю, говорилъ ли я тебѣ объ ней. Она была лучшимъ другомъ моимъ, любимымъ членомъ семейства нашего. Она умерла жертвою своего самоотверженія. Больная ходила за больнымъ отцомъ и развила въ себѣ чахотку, къ которой у насъ есть семейственное расположеніе. Ея смерть разстроила меня совершенно. Все прочее вздоръ въ сравненіи съ этимъ. Право, когда бы у меня не было жены и такой жены, я не пожалѣлъ бы о жизни.

Работаю довольно прилежно. Сверхъ обыкновенныхъ лекцій, читаю для желающихъ (студентовъ) исторію Франціи въ 16-мъ вѣкѣ, по источникамъ и съ критикою источниковъ. Работа пріятная и надѣюсь что наконецъ напишу книгу. Хочется безсмертія и денегъ. Предварительно я готовъ довольствоваться послѣдними. Славянофилы наши собираются предавать печати свои труды. Кстати о Славянофилахъ—что за оселъ такой Соловьевъ. Какъ ему не стыдно печатать такія отвратительныя мерзости. Жаль что ты ударилъ его по шляпѣ а не по головѣ. Полезнѣе было бы.

Отъ Рѣдкина я получилъ письмо изъ горной Шотландіи, гдѣ онъ ходитъ въ Шотл. костюмѣ, т: е: безъ портокъ, но въ шляпѣ съ перомъ. Изъ Шотландіи Рѣдкинъ (безъ шутокъ) отправляется въ Италію и Португалію. Крюковъ возвратился изъ путешествія съ маленькою книжкою собственнаго издѣлія и съ длинными волосами чужой работы. Послѣднее говорятъ злые языки. Теперь онъ сидитъ дома ибо обжегъ ротъ горячимъ напиткомъ и не можетъ говорить.

Книга или книжка Крюкова, какъ говорятъ знающіе люди, очень умно и учено написана. Это только начало сочиненія уже готоваго но не напечатаннаго вполнѣ по недостатку денегъ. Кетчеръ и Боткинъ тебѣ кланяются. Жена моя кланяясь тебѣ говоритъ что неприлично поносить бранными словами человѣка почтеннаго по своей добродѣтели, бѣдности и лысинѣ. Увы, братъ, лысина моя дѣлаетъ успѣхи. Коршъ теперь въ Москвѣ и получилъ мѣсто редактора здѣшнихъ вѣдомостей.

Прощай и помни остающагося съ готовностію покровительствовать тебѣ.

Секретарь 1 отдѣленія Ф. Ф.

Отдай прилагаемое письмо Посникову.

Три письма Т. Н. Грановскаго.

Письмо Ваше любезный Б. . . . . доставило много удовольствія всѣмъ здѣшнимъ друзьямъ Вашимъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ извѣстій о вступленіи Вашемъ на каѳедру. Восемь часовъ—это неслыханно много особливо въ началѣ академическаго поприща. Ни у насъ, ни въ Петербургѣ начинающему не даютъ болѣе четырехъ. Я одинъ составляю въ этомъ случаѣ лестное исключеніе ибо читалъ въ первомъ году по 9-ти часовъ въ недѣлю т. е. тремя часами болѣе чѣмъ теперь.

Впечатлѣніе произведенное на Васъ Казанью можно было предвидѣть. Впрочемъ не вѣкъ же Вамъ жить тамъ. Вернадскій долго не останется профессоромъ. Года два пройдутъ скоро и тогда Вамъ откроется возможность возвратиться къ намъ профессоромъ. Въ ожиданіи Вы можете много сдѣлать въ новой для Васъ наукѣ.

Новаго у насъ ничего. Полагаю что Вы уже знали здѣсь о томъ что Юлія Богдановна выходитъ за Шумахера. Сватьба назначена 15 октября. Первый томъ Р. Исторіи Соловьева расходится превосходно. Статья Кудрявцева о Вашей книгѣ застряла невозвратно въ цензурѣ. Аѳанасьевъ хочетъ издавать Русскія скаски. Вотъ это будетъ хорошо. Вторая книжка Пропилеевъ едва ли можетъ скоро явиться по недостатку матерьяловъ.

Поклонитесь отъ меня Мейеру, Буличу и Благовѣщенскому, если онъ меня помнитъ. Я видѣлся съ нимъ однажды въ Университетѣ. Пишите почаще. Да еще—не увезли ли Вы съ Вашими книгами Строгановскаго Лоренца (1 и 2 т. Всеобщей Исторіи), который былъ у меня? Я его далъ кому то и позабылъ.

Прощайте будьте здоровы и счастливы.

Вашъ

Грановскій.

Всѣ наши Вамъ кланяются.

Посылаю 10 рублей. Ей Богу дома осталось 20. Завтра долженъ еще получить и тогда подѣлюсь съ Вами.

Вашъ

Грановскій.

Почтеннѣйшій И. . . . К. . . . ! Книги Вамъ не посылаю опасаясь напраснаго т: е: безденежнаго труда для Васъ. Подожду Валцева, который будетъ сюда недѣли черезъ двѣ и переговорю съ нимъ. А между тѣмъ мой кошелекъ къ Вашимъ услугамъ. Берите пока есть. Когда нибудь сочтемся. Прошу не церемониться и не показывать глупой гордости. Она здѣсь не у мѣста.

Вашъ

Грановскій.

Записка Т. Н. Грановскаго П. Н. Кудрявцеву.

Посылаю Вамъ, любезный Петръ Николаевичь, все Вамъ нужное. Полагаю что Вамъ теперь читать почти ничего не останется. Умѣете ли Вы цитовать и приискивать нужныя мѣста въ corpus Jur. civilis? Это очень важно, потому что Вамъ вѣрно будутъ возражать юристы, которые могутъ придираться къ баздѣлицамъ. Впрочемъ—не трудно привыкнуть.

Вашъ

Грановскій.

Посылаю 2-й томъ Шрицеля вмѣсто указателя для чтенія лѣтописей. Прочтите Оттона Фрейзига четкою.

Письма Ан. Мусиной-Пушкиной къ дочери—В. А. Толстой, 1825 и 1828 гг.

1825-го Года Іюня 3-го дня. Середа.

Любезнѣйшій Другъ Варинька 16-го Маія я съ тобою расталась; а 26 Маія приносютъ мнѣ отъ тебя письмо; обрадовалась узнавъ, что вы все здоровы; но десять дней бывъ въ неизвѣстности въ тоскѣ провела и не въ силахъ была писать къ тебѣ. Кормилица съ недѣлю жила у меня и она меня усыпляла сказсками и оченъ плакала какъ она отъ меня поѣхала кланіится Николиньки. А что ты пишешъ объ Николѣ еще милость Божія какого я его тебѣ вручила, вспомни какъ онъ былъ боленъ, отнели отъ кормилицы, у тебя въ домѣ никого не знаетъ, конечно чежело Натальи, а все благодари Бога; съ другимъ совершенно не совладѣла бы. А Катинька домой просится; смѣшны дѣти. Признаюсь тошно мнѣ о миломъ другѣ моемъ Саши ахъ какъ мнѣ его жаль; на что ты

его обманываешъ слѣзы мѣшаютъ объ немъ продолжать помочь нельзя; естьлибъ ты могла чувствовать Варинька огорченіе которое вы мнѣ сдѣлали взявши его у меня, повинуюсь судьбѣ Божіей Всевышній милостивъ, вся моя надѣжда и упованіе на него; онъ меня подкрѣпитъ уже теперь немного поспокойнѣе стала. Будь ты Варинька покойна занимайся милыми твоими дѣтьми съ терпеніемъ онѣ теперь все съ тобою и тебѣ весело береги себя для нихъ. Какъ тебя проводила и до сѣхъ поръ не одного утра одна не была чрезъ оное доказываютъ мнѣ ихъ любовь участіе которое берутъ во мнѣ. Мебель всю твою къ себѣ взяла: только другъ мой какъ вся переломленна, перегажена. За лампаднымъ масломъ посылала, мнѣ приказываютъ сказать, что ни капли не осталось, въ то же время воротила своего человѣка и велѣла искать въ подвалѣ или въ погребѣ и мой человѣкъ приноситъ мнѣ боченокъ почти полонъ, которой я къ тебѣ доставлю съ Никашкою; нитки уже по твоему письму получила не 28 мот: а 26 мотковъ и изъ оныхъ уже продала 3 мотка по 70 к: мотокъ, шалону одинъ арш: пунцоваго купила за 2 ру. а запросилъ 2 ру. 75 к. въ Петербургской лавки. Елизавета Мих: Юрьева насило поѣхала къ Троицы, и въ Ростовъ, Огаревы купили себѣ славную подмосковную и туда поѣхали жить. Анна Сергѣевна тебя оченъ любитъ кланіится и желаетъ отъ меня знать о тебѣ; Гагарины, Шишковы все тебя цалуютъ, помнютъ и безпрестанно о тебѣ говорятъ; часто онѣ на горахъ катаются въ Корсоковомъ саду, и тебя всегда вспомнютъ какъ бы имъ съ тобою кататся весело было, повершить родныя, знакомыя все Евгенья Прохоровна Иванъ Петровичь съ Татьяною Петров., Наталья Ивановна Молчанова истинно пріятно мнѣ слышеть все просютъ меня тебѣ кланится. Кожевниковы какъ довольны твоимъ фортопіаномъ и онѣ все кланіются, сосѣди мои очень помнютъ тебя естьли всѣхъ писать целая страница выдитъ однихъ имянъ Губарева и Катерина Васильевна недовольны, что ты съ ними не простясь уѣхала старалась тебя оправдать передъ ними. Гагарины поѣхали къ Троицы, а Шишковы еще сдѣсь у нея меньшія дѣти больны; дни три тому назадъ какъ я была у Волынской и онѣ меня подговорили ѣхать въ местѣ съ ними въ Нескушное гдѣ мы видили новыя колодезы и приготовленныя ванны, кому угодно брать для здоровья серныя ванны, потомъ поѣхали къ Орловой въ садъ вообразіи два сада исходила, устала, но не такъ какъ я ожидала. При тебѣ другъ мой люди вашы были больны и ты не пекласъ о нихъ; послѣ васъ въ скорѣ башмашникъ возвращаетъ вашего мальчика больнаго я дала ассигнацію десить рублей, чтобъ его отвезли въ больницу, потомъ Алексашку прислали въ шолудяхъ ея оставила у себя дала ей слабительное и мазь сдѣлала лутче ей но еще не прошло. Прачка прислала за фартуками я ей дала изъ толстой холстины три фартука, на башмаки имъ и прачьки на сапоги двѣ кожи опойки и шесть подошевъ заплатила 4 ру. 50 к: для людей денегъ нѣтъ: а собакамъ оставленно денегъ. Я слышала много кой

чего осталось вашего въ домѣ: но все подарено людямъ. Корова у меня и сена я взяла для коровы еще не знаю сколько его вѣсомъ послѣ дамъ знать только никакъ не могу добится чтобъ отписали въ вашу деревню для отправки корову пока работы еще нѣтъ, меня Никашка не слушаетъ двухъ коровъ содержать дорого хоша я продаю молоко но весьма дешево нонче молоко. Сама къ нимъ отпиши. Василью Александровичу кланіюсь буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою и дѣтей твоихъ. Мать твоя

Настасья Мусина Пушкина.

Другъ мой Саша здоровъ ли ты? бѣгаешъ ли много, благодарствуй за письмо твое; будь уменъ въ утѣшеніе отцу и матери, помни свою бабушку безъ огорченія, не забывай милой Саша три года съ половиною бабушка твоя пеклася о тебѣ а теперь любезнаго моего не вижу и не слышу твоего голосу, тошно бабушки безъ тебя; я тебѣ пришлю двѣ азбуки картинькамии я знаю, что ты любишъ еще кренделей любимыхъ твоихъ, а ты поделися съ Катинькою и съ Николинькою а я за то опять пришлю. Молися Богу, мысленно цалую, прощай мой голубчикъ, кланися няни, Минѣ Федоровнѣ, скажи няни Дунюшка здорова и кроват ей отдали. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою. Бабушка Н: М: П. Сей часъ пришла Дунюшка.

*) Милостивая Государыня Маминька Наталья Григорьевна молю Всевышняго создателя чтобъ вы были здоровы а объ насъ хотите знать то мы слава Богу здоровы и чувствительно Васъ благодарю за ваше малое писаніе. Сердечно я обрадоваласъ когда я получила и увидила что вы здоровы и прошу у васъ родительскаго благословѣнія. Сашинька вамъ кланееться и цалуетъ ручьки ваши затемъ прощайте остаемся дѣти ваши Кузьма и Авдотья Олмазовы.

Милостивой Государынѣ Варваре Александровнѣ свидѣтельствую свое рабское почтеніе и цалую ихъ ручьки.

1825-го Года Іюня 10-го дня.

Теперь уже должна быть въ своей деревнѣ другъ мой Варинька скажи мнѣ какъ доѣхала съ милыми дѣточками, здоровы ли вы все? Получила ли мое письмо,—покойнѣе ли стала, съ нетерпѣніемъ желаю знать объ о всѣмъ. Иванъ Петровичь съ Татьяною Петровною, Калошина Марья Николаевна, Елена Ивановна Фонмендина тебѣ кланіются. Завтрѣ ѣдитъ Кроткая Агафья Вилгемовна въ дальную въ свою деревню и будетъ около васъ близско то я съ нею къ тебѣ посылаю золотую табатерку, золотое кальцо, серебренной приборъ столовой Саши, и ему книшку Путь къ благонравію, и двѣ азбуки картиньками; я забыла толшину кольца уже сдѣлала 9 № и просила ихъ тебя не оставить. Вотъ ето уже

*) Писано другой рукой.

третіе письмо пишу къ тебѣ и для того нонче пишу по почтѣ боюсь естьли Кроткая замѣшкается доставить тебѣ мое письмо съ посылкою ты будешъ въ сумнѣніи объ о мнѣ я благодаря Бога кромѣ кашлю здорова и по покойнѣе стала пожаласта береги себя у тебя же въ глазахъ твои дѣти и тебѣ напоминаютъ сколь нужна ты въ сдѣшнемъ светѣ сдѣлай милость меньше себя пакой гуляй больше я боюсь, чтобъ ты съ лишкомъ не растолстѣла,—притомъ отъ огару берегися не хорошо быть молодой женщинѣ толстой и черной какъ циганки. Парменъ Ивановичь не оставляетъ меня своимъ посѣщеніемъ пожаласта побольше пиши для меня большое утѣшеніе читать твои письмы. Скажи Натальи Дунюшка здорово и письмо съ Кроткой отъ нея получить время. У насъ теперь оченъ нехорошо холодно и дозжи съ недѣлю продолжаются. Родныя и знакомыя все тебѣ кланіются прощай мой другъ будь здорова обще съ милыми дѣтьми мысленна васъ всѣхъ цалую буди Божіея и мое благословеніе надъ вами. Мать Настасья

Мусина Пушкина.

Другъ мой Саша, мысленна цалую скажи мнѣ утѣшаешъ ли свою маминьку; забавляй ея чтобъ не скучала; молися Богу; чтобъ онъ васъ сохранилъ въ утѣшеніе мое играешъ ли сестрицею и съ братцомъ не соритесь ли вы будь добръ за что еще больше буду любить прощай мой голубчикъ будь здоровъ не забывай ту бабушку которая не перестанетъ тебя много любить буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою.

Бабушка Настасья М. Пушкина.

Натальи не забудь три раза стараться миромъ помазать Сашу отъ грижы есть ли ему лутче когда оное сдѣлаете дайте мнѣ знать.

1825-го Года Іюня 14-го дня.

Любезнѣйшій Другъ Варинька какъ пріятно получать отъ тебя письмы; естьли ты меня любишъ то пожаласта заготовляй прежде твои письмы ко мнѣ не торопясь описывай мнѣ какъ время проводишъ, объ дѣтей оссобо по больше объ Саши. А ты напротивъ ничего не пишешъ онымъ огорчаешъ меня. Писемъ получила отъ тебя изъ Володимера, изъ Кузнецова, да 3-іе съ места изъ Кузнецкъ. А я къ тебѣ уже пишу 3-іе письмо по почтѣ а 4-ое писала съ Кроткой которая выѣхала изъ Москвы 12 число не много по занемогла два дни промешкала противъ моего письма и поѣхала въ деревню надолго, естьли будетъ здорова: но она пологаетъ, чуть ли она не брюхата тогда уже пріѣдитъ въ Москву въ Генварѣ родить. Вообразіи ея мадамъ получала 3000 р. и для того, что въ дальную деревню поѣхала еще тысячу рублей 4000 р.—каково. Будь ласкова, занимайся гостями и все тебя полюбятъ: а что ты пишешъ мой другъ, что ты простудилась: а я думаю отъ безпакойства съ тобою оное случилось ради Бога ты береги себя помни, что ты окружена дѣтьми. Въ черашней день была дома до

шести часовъ выѣхала къ Фонменденой, къ Калошиной Марьи Николаевнѣ а ко мнѣ пріѣжаетъ Яковъ Павловичь съ женой Гладкой такъ досадно, что я еще съ нею незнакома. Бываю часто у Кожевниковой, у Волынской, у протчихъ кто въ Москвѣ занимаюся своимъ домомъ какъ много денегъ идѣтъ другъ мой, никто какъ Богъ онъ меня устроитъ. Еще повторю и прошу не торопясь ко мнѣ писать естьлибъ ты видила какъ я получаю твои письмы; и съ радостными слѣзами читаю конечно бы исполнила мою прозьбу. Настасья Дмитревна оченъ больна, братъ пріѣхалъ больной и я ѣду ихъ навестить. Гагарины уѣхали въ деревню. Мнѣ хочется съ Денисьевой видится Марьи Петровной она хотѣла въ местѣ со мною ѣхать къ Гагаринымъ въ деревню. Другъ мой ты мнѣ не пишешъ ничего каковъ у васъ домъ; просила тебя дать мнѣ знать хороши ли булки и пирогъ домашней. Сколько дѣлъ ты мнѣ оставила гдѣ ета красильщица живѣтъ почему отдала окрасить платья признаюсь нонче скучаю хлопотать. Анна Николаевна съ дочерью тебѣ кланіются и все родныя знакомыя прощай мой другъ будь здорова, покойна мысленна цалую обще съ дѣтьми буди Божіея и мое благословеніе надъ вами.

Мать Настасья Мусина Пушкина.

Другъ мой Саша ты меня уже забылъ не вспомнишъ бабушку которая до сѣхъ поръ скучаетъ о тебѣ кланися няни, Минѣ Федоровнѣ, молися Богу, будь здоровъ, веселъ, проси маминьку, чтобъ она тебя учила по французски дай знать объ успехѣ своемъ прощай мысленна цалую буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою. Бабушка Н: М: Пушкина.

1825-го Года Іюня 24-го дня.

Любезнѣйшій Другъ Варинька письмо твое отъ 13 дня получила благодарю Всевышняго, что ты семействомъ своимъ здорова, покойна, и весела дай Богъ чтобъ оно продолжалось навсегда. Съ третьяго Іюня пишу къ тебѣ каждую почту то есть каждую Середу да еще особо съ Кроткой писала я съ нею тебѣ послала Сашинъ приборъ которой Наталья забыла взять собою. Еще повторю тебѣ пожаласта естьли ты меня любишъ докажи мнѣ тѣмъ заготовляй письмы твои прежде а не тотъ день какъ отсылать на почту; спѣшишъ, ошибокъ много дѣлаешъ, мало пишешъ; для меня твои письмы на то время когда я ихъ читаю кажется мнѣ, что я съ тобою лично говорю; уведомляй меня отъ котораго числа получила мое письмо тѣмъ узнаю все ли ты мои письмы получаешъ; не описала мнѣ свой домъ можно ли безнужно въ немъ жить зимою хороши ли печи; тсперь уже ты осмотрѣлась занимаеся ли хозяйствомъ каковъ у васъ хлѣбъ будущей: нонче вездѣ хвалютъ хлѣба; досталась ли вамъ стараго хлѣба и много ли его сѣютъ ли у васъ ленъ нужно ли тебѣ его прислать; заставила ли дѣвочку шить въ пяльцахъ и что шьютъ нитокъ кружевныхъ пришлю; сама что работаешъ ли

занимаеся ли Сашою учить его по французски и по рузски по разнымъ днямъ хотя каждой день по два слова выучи все въ передъ пойдетъ только пожаласта съ терпѣніемъ особливо оттучать его заикатся кротостію, шутя, Богъ милостивъ ето пройдетъ. Гагарины въ деревнѣ; а у насъ все поговариваютъ, что Государь со всею фамиліею будетъ въ Москву и не на одинъ годъ. Хлопочу, спѣшу скорѣя коньчить свой домъ для сушки половъ а то все полы перепортютъ когда сыры будутъ; денегъ много идетъ естьли за хорошую цену отдамъ въ наймы тогда не жаль будетъ сей убытокъ; да ты мнѣ ничего не пишешъ хороши ли мои булки домашныя, хорошо ли я уклала eau de Cologne не разбилось ли уведомъ меня объ о всемъ. Третьяго дни Губаревъ съ женою уѣхали въ деревню въ местѣ съ ея родителями и у отца въ деревнѣ будетъ жить и по возвращеніи въ Москву особо будутъ жить мнѣ кажется онъ на свою матушку сердится, что не даетъ ему подмосковную въ которой онъ желалъ жить, а она ея продаетъ только необъятную цену проситъ. Мальчикъ вашъ башмашникъ проживши мѣсицъ въ больницѣ выздоровѣлъ нонче придетъ пошлю къ Заину а Алексашка еще у меня хоша ей гораздо лутче: но все еще не много шолудей есть. Занимайся чтеніемъ, писаніемъ, что нибудь списывай для ортографіи, переводи съ франц: на рузской съ рузскаго на франц: большую пользу себѣ сдѣлаешъ послушайся меня; время много у тебя на все достанетъ ежели захочешъ онымъ занятся. Что Мина Федоровна и Наталья не скучаютъ ли въ деревнѣ уведомъ меня и я имъ кланіюсь. Все кто тебя знаитъ родныя знакомыя помнютъ и кланіются дай Богъ и молю ежедневно чтобъ Богъ тебя съ дѣтьми сохранилъ буди Божіея и мое благословеніе надъ вами мать Настасья

Мусина Пушкина.

Любезный другъ Саша здоровъ ли ты? Помнишъ ли свою бабушку, старайся тише говорить и не будешъ заикатся напомни своей маминьки лѣкарство отъ грыжи три раза миромъ помазать. Утѣшай родителей своихъ съ сестрицею не ссорся а мнѣ безъ тебя скучно разцалуй родителей твоихъ сестрицу и братца молю Богу чтобъ онъ васъ всѣхъ сохранилъ буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою бабушка Н: М: Пушкина.

1825-го Года Іюля 8-го дня. Середа.

Любезной Другъ мой Варинька въ Петровъ день въ понедѣльникъ была въ подмосковной у Гагариныхъ на именинахъ и приказала къ себѣ верхомъ привесть твое письмо съ тѣмъ чтобъ въ Середу въ местѣ къ тебѣ писать съ Гагариными; планъ мой разрушился письма твоего не получила и почту съ огорченіемъ пропустила. Три дни тамъ прогостила пріѣжаю домой нахожу твое письмо, обрадовалась; была оказія къ Гагаринымъ писала Кнѣжнамъ отъ тебя, что ты ихъ поздравляешъ съ имениникомъ и просила ихъ писать къ тебѣ, тотчасъ при-

слали; до сѣхъ поръ окуратно все твои письмы получила щетомъ пять: и я къ тебѣ пишу съ онымъ письмомъ пятое по почтѣ да съ Кроткой шестое письмо такъ ли ты получила. У Гагар: гостили Денисьевы все семейство мать съ дочерью и съ дочерью замужною съ зятемъ Степановымъ и ихъ малютки четыре дочки а ей внучки. Марья Петровна съ братомъ Денисьевы; агличанинъ съ женою все тебя помнютъ кланіются цалуютъ. У Степановой точно такая табатерка какъ я къ тебѣ послала заплочено сто сорокъ рублей. Спасибо тебѣ мой другъ о твоемъ попеченіе объ о мнѣ; просишъ Кнѣженъ чтобъ онѣ мною занимались я ими оченъ довольна Hélène носила мнѣ розаны а милая Annette земляникою кормила меня, одну меня никогда не оставляли. Какъ я обрадовалась пишу къ тебѣ и почталіонъ приноситъ твое письмо и ты меня успокоила, что любезныя дѣточки твои здоровы. Пожаласта ты себя береги какъ ты мнѣ не напомнила объ лѣтучій мази но я тебѣ пришлю. Пожаласта за меня поблагодари Наталью Ниловну за ея ласки къ тебѣ и поклонися ей отъ меня не знавъ ея люблю съ Городецкимъ. Естьли есть мнѣ знакомыя кланися имъ отъ меня, Богъ столь милосердъ до меня вездѣ тебѣ подаетъ друзей, Татьяна Николаевна, Елена Павловна Афрасимова, Кожевниковы, родныя и все знакомыя помнютъ тебя кланіются и цалуютъ тебя; твои фортопіано много удовольствіе приносютъ, ахъ какъ жаль, что сама не играешъ. Вообразіи что сдѣлалъ Александръ Васильевичь Юрьевъ своею тетушкою Елиз: Мих: онъ ея только по губамъ помазалъ тремя стами тысячами, онъ съ дяди взялъ бумагу, что въ его волѣ дать или не дать оныя деньги, онъ ей объявилъ, что она не въ правѣ располагать оными деньгами и что онъ ей только будетъ давать проценты 15,000 тысячь, а не захочетъ и ничего не дастъ. Елиз: Мих: пріѣхавши изъ Ростова сидитъ въ гостиной у окошка и сбиралася ѣхать съ Тимерязовыми къ ихъ отцу. Только какъ она худа блѣдна жалько ея видить. Другъ мой между гостями занимайся хозяйствомъ, ѣздила ли въ полѣ видила ли ты свой хлѣбъ. Мнѣ кажется и дѣтьми мала занимаеся ничего не пишешъ сама читаешъ ли французскія книги пишешъ ли, переводишъ ли, боюсь чтобъ ты совсемъ не забыла франц: языкъ. Успокоилась ли Катер: Петровна оставила ли она вамъ землю которую хотѣла у васъ отнять не пишешъ есть ли у васъ ягоды для дѣтей, грыбы я ничего не знаю кажется рѣка у васъ есть ловишъ ли рыбу объ хозайствѣ ни слово не пишешъ. Послѣднѣе письмо получила отъ 24 Іюня милая ты не пишешъ гдѣ же вы будите теперь жить когда вы будите строится подробно ничего не пишешъ корову твою насила отправила въ деревню, Алексашку отвезла къ портному, мальчикъ изъ больницы вышелъ и у хозаина живѣтъ, дѣвкамъ по двѣ пары бошмаковъ шила. Ты не пишешъ когда Никашка къ вамъ поѣдитъ. Шью теперь Катиньки бошмаки хоша и велѣла побольше шить: но какъ онъ еще долго поживѣтъ и бошмаки не годны будутъ ты виновата не пишешъ ничего а я боюсь когда вы его потребуете а бошмаки

не готовы, вотъ и Саши надобно шить, отъ пиши какъ ты думаешъ долго ли онъ у насъ поживѣтъ и можно ли съ нимъ прислать Катину коляску для дѣтей хорошо въ ней кататся. Христосъ съ вами, день и ночь молю Бога чтобъ онъ васъ сохранилъ буди Божiея и мое благословенiе надъ вами. Мать Настасья М.-Пушкина.

Другъ мой Саша еще не видалъ картиньки а благодаритъ бабушку; взглянула бы на тебя, разцаловала бы васъ всѣхъ ахъ прощай мой другъ.

1825-го года Iюля 15-го дня. Середа.

Другъ мой Варинька письма нѣтъ отъ тебя не знаю на что подумать; ты извѣстна съ какимъ восхищенiемъ ожидаю вторникъ: вся тутъ жизнь моя, радость и спокойствiе: грѣхъ тебѣ меня сего лишить: можетъ быть и виновата предъ тобою завтрѣ почталiонъ принесетъ мнѣ твое письмо. 10 Iюля была въ театрѣ въ Загоскина ложѣ тошно мнѣ было безъ тебя играли новою оперу Волшебной Стрѣлокъ музыкантовъ 60 челов: прелесть какая музыка была пiеса сама по себѣ ничто: но второе дѣйствiе чудесное представляющая Волчью долину, окруженную горами съ водопадами, появленiя страшилищъ нарисованныхъ, полеты Дракона занимающаго большую часть сцены; ночныхъ птицъ и лѣтучихъ мышей, движенiе волшебной совы, воздушныхъ охотниковъ, собакъ и звѣрей, воздушная охота, появленiя ползущихъ по горамъ змѣй, разрушенiя скалъ и движенiе потока вообразiи чтобы оную оперу играть употребили на машины, рысунки и костюмы тритцать тысячь уже собрали въ четырѣ раза, что играли за всемъ разсходомъ петнатцать тысячь и всегда полонъ театръ тогда когда Москва пуста и до тѣхъ поръ ея будутъ играть чрезъ спектакель пока перестанутъ ѣздить описать нельзя какъ хороша музыка и второе дѣйствiе надобно видить и слышеть музыку. Сей часъ была у меня молодая Алекс: Павл: Дельсаль онѣ тебѣ кланiются и вся была въ розовомъ и въ блондахъ.

Ты знаешъ Андрѣеву которая близска живѣтъ. Владыкина идѣтъ замужъ за Майкова за штатскаго и за ней 500 душъ. Дураковъ поѣхалъ въ деревню на шесть недѣль: а прiѣхавши въ Москву думаю займется свадьбою за его дочь сватается женихъ Полковникъ Кузминъ. Чаплина богатая вышла замужъ за полковаго командира Любимова; оченъ рада, что Андрѣева хорошинькая идѣтъ замужъ. Обольянинова Петра Крисанфовича племяникъ Обольяниновъ женился на К. Горчаковой ты знаешъ ее сестру хорошинькую Хвощинскую и онъ будетъ богатъ наслѣдникъ послѣ дяди. Платье твое мериносовое голубое получила и двѣ лентачки кажется платье хорошо выкрашено пять рублей ей отдала. Марья Николаевна Калошина тебѣ кланiится тоже Марья Ивановна Чернапятая и все родныя знакомыя помнютъ тебя. Грустно мнѣ письма нѣтъ отъ тебя буди Божiея и мое благословенiе надъ тобою съ милыми малютками. Мать Н: М: Пушкина.

Другъ мой Саша здоровъ ли ты? Хоша бы ты напоминалъ Матушки, что когда нѣтъ писемъ отъ нея бабушки твоей скучно: цалую тебя обще съ братомъ и сестрою, помни бабушку прощай милой мой дай знать, что твоя грыжа проходетъ или нѣтъ.

Сей часъ былъ у меня Парменъ Ивановичь Владыкинъ и сказывалъ мнѣ, что онъ имѣетъ письмо отъ васъ Христосъ съ тобою будь здарова, покойна, береги дѣтей.

1825-го года Іюля 22-го дня. Середа.

Виновата любезной другъ Варинька, что я усумнилася въ твоей любви ко мнѣ; полагала, что ты почту пропустила воображіи въ место вторника я получила твое письмо въ четвергъ; какъ мнѣ было досадно на почталіона; естьлибъ можно было, въ состояніи была его прибить; ты хочешъ знать какъ я время праважу. Проводя тебя въ деревню десить дней не могла быть въ своемъ домѣ; не осушались мои глаза, тоска меня мучила, боялась сумма не сойти; сна, пищи не имѣла, только что на ночь пріѣжала домой; дѣвокъ заставляла себѣ скаски говорить. По благости Божіей по немногу стала успокоиваться; привыкать къ уединенію къ тишинѣ которая теперь у меня и теперь благодарю Создателя моего съ удовольствіемъ одна сижу дома до шести часовъ вечера слушая своихъ птичекъ потомъ поѣду въ гости поговорить во рту сохнетъ отъ молчанія поутру естьли не поленюсь поѣду къ обѣдни по обыкновенію занимаюсь рукодѣліями; ежели мнѣ нечего дѣлать вѣжу Саши чулокъ уже третію пару и такъ окуратна всякой день проважу мои дни. Вотъ тебѣ новость Евгенья Прохоровна идѣтъ замужъ и Воскресенья свадьба будетъ за Федора Петровича Аронова дворянинъ служитъ въ Коммиссіи въ концеляріи; приданнаго не требуетъ, молодой человѣкъ 24-ой годъ играетъ на розныхъ инструментахъ; хорошъ только не много храмаетъ и она оченъ весела, жалѣетъ, что тебя въ Москвѣ нѣтъ на оный случій, еще слышела, что Мирановской просилъ денегъ у Катер: Петровнѣ на поправку дому; она отвѣчаетъ къ нему, что денегъ у нея нѣтъ: а естьли станутъ покупать домъ, что можно отдать за 28 тысячь уже въ место 35 тысячь. Была у вашей молодой Делсаль никакъ не могу привыкнуть за кого она вышла: а весела весъ домъ раставленъ розанами; у свекра живѣтъ въ оссобомъ малинькомъ домѣ. Ахъ какъ мнѣ грустно когда вспомню что Саши со мною нѣтъ я бы ему все помочи подала къ его облегченію; у меня онъ былъ лутче, я иногда забывала, что у него.....*) онъ бѣгалъ, плясалъ и никогда скученъ не бывалъ кромѣ.....**) можетъ; жаль мнѣ его сердечно: а помочь не могу. У Николиньки животикъ тугъ; можетъ отъ того, что вѣтры заперлися давать ему пить кажется я покупала анисной воды отъ вѣтровъ; Наталья должна знать. Бога ты не боися другъ мой увезла отъ меня

***) Бумага истлѣла.

всѣхъ дѣтей: а никто не знаетъ, помочь подать имъ; ахъ какъ мнѣ ихъ всѣхъ жаль. Крылова въ Москвѣ: но онѣ ищутъ другой домъ ихъ оченъ сыръ; потомъ хочетъ ѣхать къ матери своей. Иванъ Петр: и братъ мой уѣхали въ деревню; у Якова Павловича не успѣла быть онѣ скоро уѣхали въ свой полкъ; а я съ ея матерью и съ меньшою ея дочерью познакомиласъ прелюбезныя и преласковыя. У Саши Калошиной бабушка Марья Ивановна умерла; Елизав: Андрѣ: со всѣмъ семействомъ тебѣ кланіются и оченъ тебя помнютъ; Селифонтова уѣхала въ деревню малинькой ея оченъ милъ; признаться мнѣ самой досадно, что до сѣхъ поръ ты не получила посылку мою; ты бы на нѣсколько время онымъ повеселилася. 2-ой Ришардъ пріѣхалъ и во вторникъ танцовалъ еще не слыхала какъ противъ своего брата онъ танцуетъ; я поѣду съ Еленою Ивановною его смотрѣть тогда тебѣ отъ пишу. Елена Иван: Надѣжда Васил: тебѣ кланіются и все родныя помнютъ тебя; оченъ рада милая, что ты занимаеся хозяйствомъ привикнишъ и самой послѣ полюбится. Смотри по запискѣ моей всего надѣлай, чтобъ я не даромъ трудилася писавши. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою и надъ дѣтьми твоими. Мать твоя Настасья Мусина М: Пушкина.

Другъ мой и милой Саша какъ мнѣ жаль, что до сѣхъ поръ ты не получилъ мои картиньки; ты бы имъ занелся и выучилъ азбуку и онымъ порадовалъ свою бабушку а послѣ сталъ учить Катю поцалуй за меня братца и сестрицу любезной мой Саша пожаласта носи бандажъ до тѣхъ поръ пока совсѣмъ пройдетъ твоя болѣзнь ради Бога ни сымай молися Богу Всевышній тебя сохранитъ для утѣшеніе твоей бабушки. Скучно опять письма нѣтъ вторникъ прошелъ устала. Прощай милой мой цалую тебя мысленна тысячу разъ буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою. Бабушка твоя Настасья М: Пушкина.

Ахъ какъ я обрадовалась пріѣхавши домой нашла твое письмо вижу, что ты съ дѣтьми здорова на прошедшей почтѣ грусно было читать объ дѣтяхъ какъ ты описывала о ихъ болѣзни еще повторю напрасно ихъ взяла ты ничего не знаешъ и окружающія тебя мало сведеніе имѣютъ а у меня пожили я бы ихъ вынянчила и тебѣ побольше и здоровыхъ отдала. Приписываю тебѣ 11 часовъ ночи а завтрѣ письмо доставлю къ Пармену Ивановичу. Скажи Натальи, что Дунюшка у меня была все онѣ здоровы не пишетъ отъ того что на прошедшей почтѣ она писала. Еще забыла къ тебѣ написать у жениха Аронова есть дядя которой имѣетъ въ ламбардѣ деньги и въ Москвѣ домъ и дѣлаетъ его наслѣдникомъ а онъ уже старикъ въ 70 лѣтъ. Не хочется спать все бы писала. Жаль Аннушку и такъ старается меня успокоить рано встаетъ и дремитъ дожидается меня. Отъ 11 Іюля письмо твое а посылку все еще не получила. При оказіи льну пришлю охотно, учися прясть. Прощай мой другъ мысленно цалую будь покойна. Получила твое письмо я весела только давно Сашу не ласкала, не цаловала.

1825-го Года Іюля 29-го дня. Середа.

Другъ мой Варинька здорова ли ты съ милыми дѣтачками? Я по благости Божіей довольна пакойна. 25 числа въ суботу была послѣ обѣда у Гагариныхъ поздравить имениницу Княжну Анну Павловну; а воскресенья была на свадьбѣ у Евгеньѣ Прохоровнѣ Ароновой въ своей четвераместной каретѣ съ двумя лакѣями въ новыхъ сертукахъ и въ новыхъ хомутахъ и мой екипажъ у нихъ казался пренарядной и я у нихъ играла первую ролю со стороны невѣсты; я ей достала серги брильянтовыя, на шею земчугъ съ фермуаромъ, белую шаль; вѣнчалася она въ беломъ матеревымъ платьѣ оченъ хорошо отделанно шила ей на Петровкѣ по моему совѣту которая тебѣ шила приданная портниха порикмахаръ ея убиралъ въ волосахъ и зелень наколона хорошо я ея отвезла къ венцу певчи встрѣтили привезла ее домой музыканты встрѣтили, потомъ стали танцовать и я другъ мой два раза прошла польской кажется весела въ самомъ же въ моемъ весельѣ Саша въ головѣ моей вертѣлся, что его нѣтъ со мною и все было оченъ хорошо. На другой день нанели онѣ четверню лошадей двуместной лондонъ 20 руб: заплатили визиты дѣлать къ первой ко мнѣ пріѣхали въ моихъ вещахъ что я ей достала и въ шалѣ белой; и въ розовой матеревое платьѣ тоже оченъ мила отделанна все одна ей шила на головѣ розаны повершить тебѣ она оченъ весела, авантажна была у меня шили ей корсетъ и коленкоровой чехолъ. Она партію прекрасную сдѣлала какъ сравнять съ Городецкой свекровь ея мнѣ сказывала у дяди которой его дѣлаетъ наслѣдникомъ у него въ ламбардѣ 50000 тысячь домъ въ Москвѣ; и теперь хочетъ имъ у себя флигель построить пять комнатъ, чтобъ онѣ у него жили; а теперь она живетъ у своей матери и ея свекровь не налюбуится, не наглядится на ея; а Евгеньѣ мужъ какъ къ ея матери ласковъ только и твердитъ что онъ ея больше своей матери родной любитъ; во вторникъ ея мать приходила ко мнѣ, принесла мнѣ вещи мои и оченъ меня благодарила и просила меня къ себѣ обѣдать все еще свадьбешное празднество все подробно описала тебѣ и сей часъ ѣду къ нимъ обѣдать.

Въ понедѣльникъ ѣздила къ Гагаринымъ за письмомъ къ тебѣ; Hélène не здорова: но я думаю она засарила себѣ желудокъ потомъ простудилася однако я ея нашла гораздо лутче. Теперь скажу о своемъ домѣ котораго коньчила, только еще не высохъ гораздо лутче сталъ и веселѣе: жалѣю что сама не могу въ немъ жить; ты знаешъ дѣла Алябьева, Шатилова, Глѣбова, Давидова что убили Временова, у нихъ караулъ сняли онѣ и думали, что ихъ дѣло коньчилось въ пользу ихъ; Шатиловъ хотѣлъ мой домъ съ флигелемъ нанять на годъ: но въ место того ихъ всѣхъ посадили по разнымъ сьѣжамъ; мой домъ такъ остался въ предъ кому будетъ угодно. Скоро три мѣсица какъ я съ тобою розна; ты мой другъ не занимаеся письмомъ, переводомъ ничего не пишешъ. МолодыяАроновы хотѣли къ тебѣ на будущей почты писать,—я твое письмо отъ 17 числа

получила поздно буду отвѣчать на него будущую почту доканчиваю письмо во второмъ часу ночи спать хочу а что ты пишешъ объ Саши я знаю, что онъ меня любитъ за то какъ я страдаю объ немъ какъ мнѣ тошно объ немъ прощай буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою и надъ дѣтьми твоими мать твоя

Настасья Мусина Пушкина.

Другъ мой, ангелъ мой Саша здоровъ ли ты? Какъ мнѣ досадно, что до сѣхъ поръ ты не получилъ мои картиньки. Ты бы игралъ ими, веселился и сказалъ бабушка прислала Н: Ник: Молися Богу утѣшай родителей люби сестру Катиньку и брата Николиньку за меня поцалуй ихъ. Лажусь, встаю прося Всевышняго чтобъ онъ васъ всѣхъ сохранилъ прощай мой любезной Саша мысленно цалую помни бабушку которая по гробъ не перестанетъ много любить.

1825 . . . . . .*)

Другъ мой Варинька крайне..... Елиз: Андр: Кожевникова сказывала..... верхо..... ѣзды выкинула и была оченъ больна, Боже избави, чтобъ съ тобое оное не случилось, безъ помощи, страшусь и... ты меня не послушаеся оставить сію забаву; за то я..... кажется чего веселѣе быть съ дѣтьми и ими заниматься.... съ милымъ Сашою быть кажется довольно. Привезли больнаго..... Ивановича въ Москву и живѣтъ въ вашемъ домѣ; Елиз: Ива..... съ нимъ же пріѣхала на неделю, опять на етихъ лошадяхъ поѣдитъ Катер: Петровнѣ какъ дешево нанели за 120 ру. за об.... Кожевникова къ Троицы нанела на 3 дни сто рублей 10 ло..... да у нихъ тройка только. Милая забыла написать число... письма которое ты получила я отъ 1-го Августа получила... письмо; другъ мой спѣшишъ писать много ошибокъ дѣлаешъ ты бы прочитывала свои письмы, поправляла бы ошибки. Еще... что ты со мною не посовѣтовалась какъ одѣть твоихъ дѣвокъ отдавая ихъ въ ученіи, что ты покупала у Кроткой имъ на платья гнилое и платила по 1 ру. арш: у обѣихъ по платью уже худо; портному отдавая деньги ему за дѣвку, просили у меня ей на платья, дѣвка молодая, которая растетъ и толшетъ а ты ей шила въ обтяшку и по росту ея на ростъ не оставила я сама ея видила, платье у ней худо, узско, коротко; еще милая бѣжала отъ хлапотъ: но никакъ не ушла, я твоего мальчика бошмашника вылѣчила отдавая его въ больницу, потомъ съ Алексашкою больше мѣсицу возилась съ нею, отъ шолудей вылѣчила, дала имъ по двѣ пары бошмаковъ, прачки три фартука, ты бы мнѣ за все оное хоша спасибо сказала, точно какъ ты объ ономъ и не знаешъ. Шапочку постараюсь тебѣ сдѣлать; атласу естьли найду куплю. Вчерасъ Крылова переѣхала на другую квартеру къ прудамъ. Спрашиваешъ объ Катер: Дмитр: она въ Москвѣ;

*) Письмо плохой сохранности, бумага истлѣла во многихъ мѣстахъ.

ты ея знаешъ сидитъ дома, послѣ обѣда поѣдитъ съ дѣтьми гулять и каждой день все одно. Кожев: тебѣ кланіются поѣхали къ Троицы хотѣли за насъ за всѣхъ помолится Богу. Парменъ теперь здоровъ и шью вамъ всѣмъ бошмаки для отсылки по почтѣ. Меня безпакоютъ чтобъ я съ наружи домъ мой отдѣлала а денегъ нѣтъ, писала къ Равинскому прошу его до весны терпѣніе..... испортилась безпрестанно... Театру нѣтъ а 16-го Августа.... съ Еленою Ивановною выбираемъ..... тогда и поѣдимъ, опишу тебѣ которой.... танцуетъ. Ахъ какъ досадно до сѣхъ поръ Кроткая не присылаетъ тебѣ мои вещи! Не знаю въ которой деревни... живѣтъ; она хотѣла въ двухъ деревняхъ пожить а то... къ тебѣ отписала ты бы и сама могла къ ней послать... сама къ ней поѣхала, что дѣлать терпѣніе не.... о воспитательномъ домѣ. Христосъ съ тобою, ... здорова, пакойна и весела обще съ дѣтьми и.... Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми.

Мать твоя Наст: М. Пушкина.

Ангелъ мой Саша, благодарю тебя другъ мой, что ты меня еще помнишъ; по твоимъ годамъ думала, что давно забылъ бабушку которая день и ночь помнитъ тебя и молитъ Бога за тебя; досадую, что еще мои картиньки не получилъ которымъ бы ты забавлялся по охотѣ твоей: а мнѣ осталось только утѣшатся вашими портрѣтами. Прощай мой любезной ласкайся къ отцу, къ матери, люби сестру и брата, поцалуй ихъ за меня, будь здоровъ, мысленно тысячу разъ цалую; много пришлю полусапожекъ; а маминьку проси, чтобъ не кидала старыя твои полусапожки; можно изъ нихъ сдѣлать Николиньки бошмачки. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою. Бабушка твоя

Настасья Мусина Пушкина.

Въ черасъ мимо меня прошелъ Карлъ Ивановичь я его никакъ не узнала по Ивану Лукьянову увѣрилась, что ето онъ, какъ худъ сталъ, какъ дурно ходитъ съ тростью, боялась за него какъ бы онъ не упалъ. Родныя знакомыя все тебѣ кланіются, Небольсинъ оченъ помнютъ и любятъ тебя. Вчерасъ была у меня Полугарская которая соскучалась объ о мнѣ, что давно меня не видала и говоритъ, что объ о мнѣ тужитъ Катер: Дмитре. Признаюсь я ей сказала лжетъ Кат: Дм: потому, что могла бы пріѣхать ко мнѣ узнать причину, что меня давно не видать такъ какъ Елена Ивановна сдѣлала тотчасъ пріѣхала ко мнѣ; а я занелась разными работами и для того сидѣла больше дома, послѣ узнаешъ какія работы; прощай другъ мой занимайся больше дѣтьми. Хоша я устала писать, коньчить .....хочется хотѣла ко мнѣ пріѣ... Ивановна еще ея не видала.... поцалуй за меня дѣтей твоихъ, милаго Сашу; Дунюшка зд..... нета париками нонче и.... много выработали приш.... модной парикъ еще.... негдѣ писать Хр.....

1825-го Года Августа 27 дня. Четвергъ чежелая почта.

Любезнѣйшій Другъ Варинька благодарю Всевышняго, что вы все здоровы; я устала до смерти отъ работы, отъ хлопотъ отправленіемъ посылку къ тебѣ; руки не пишутъ: но душевно желаю чтобъ оно тебѣ все пондравилось тѣмъ отдохнў,—поздравляю съ милымъ имениникомъ и посылаю другу моему Саши шапочку которою готовою купила нѣкогда и нѣкому было шить естьли велика можно ушить и въ передъ годится не знаю не фальшивой ли голунъ дешева заплатила фасонъ годится; жаль, что въ именины не обновитъ, ему же 12 паръ полусапожекъ трехъ сортовъ по четырѣ пары которыхъ старыхъ прошу не бросать годятся на малинькія бошмаки; а въ рожденіе ему моей работы косынку поласатую. Катиньки Николиньки въ именины по косынки моей же работы; Катиньки 10 паръ бошмаковъ уже болѣе не проси бошмаковъ ни лоскута не имѣю кожи и для себя надобно будетъ купить. Тебѣ мой другъ посылаю въ именины матери 11 арш: къ нему же атласу 4½ арш: аграманту и снурку по 15 арш: къ нимъ же завяски; сперва хотѣла тебѣ салопъ сдѣлать которой нынѣ называется *Альмавива*: но такъ какъ ты будешъ на свадьбѣ у Гладкихъ то лутче матери а послѣ можешъ шить капотъ и для того я тебѣ купила 11 арш: и обшить етимъ аграмантикомъ, что дѣлать завяски останутся и воротники посылаю къ капоту, то есть выкройку. Двѣ косынки кисейныя шитыя и къ одной на живую нитку пришиты ленты какъ хочешъ сама; середнихъ лентъ 3 арш: широкихъ два арш. шапочку и косынку моей работы, барокъ; ты оставила свою кожу то тебѣ 4 пары бошмаковъ,—куклу кружевныхъ нитокъ для обводки домашныхъ пять мотковъ, атласу масака 4 арш: мериносовое платье, бисиру на 20 ру. Анна Львовна ѣздила со мною покупать шелку фунтъ 20 ру. Аннушка и . . . . . . *) посылаютъ по парику новомодныя.

Естьли будешъ аграмантикомъ отдѣлывать то шнурокъ къ краю, отступя не много по вкусу своему аграмантикъ пришить. Отъ 15 августа письмо твое получила и шалонъ писала, что съ Кроткой послала ахъ какъ мнѣ досадно, что до сѣхъ поръ къ тебѣ не пришлетъ. Только скажи дикій тѣни бисеровъ совсѣмъ нѣтъ, что лутче то выбрали. Ты смешна силою учить и 4-хъ лѣтъ нельзя шуткою играючи, бывало у меня онъ самъ мнѣ скажетъ баба белую книгу которою ты взяла и почитаемъ. Не стыдно тебѣ мой другъ отговариваться, что лексиконъ не полонъ лутче скажи, что не хочешъ онымъ заниматься жаль имѣвши дѣтей пригодилось бы тебѣ. Я думала взявши у меня дѣтей ето будетъ первое удовольствіе и верховая ѣзда, я тебѣ напередъ писала, что не послушаеся меня вотъ твоя любовь ко мнѣ вспомни каретная лошадь и все ѣздютъ съ осторожностію а сколько бываетъ нещастя. Я видила милую Анну Павловну которая надѣится,

*) Бумага истлѣла.

что ты будешъ на свадьбѣ у ея сестры и много у нихъ будетъ, и сказывала мнѣ, что она слышела какъ тебя все сосѣди любятъ,—и онѣ таропются ѣхать домой а приданное послѣ нихъ привезутъ. Николинька отъ того не здоровъ, что зубы дѣлаетъ. Елена здорова и была уже въ деревнѣ и опять прiѣхали въ Москву для меньшаго брата которой занемогъ: но такъ какъ я спѣшила везать косынки никуда не ѣздила и онѣ мнѣ не дали знать о своемъ прiѣздѣ; пославши твое письмо къ нимъ приказываютъ мнѣ сказать, что онѣ завтрѣ ѣдутъ въ деревню, когда я молчу онѣ и не пишутъ къ тебѣ, вотъ что про нихъ могу сказать. За дѣвку оставалась мнѣ должна 17 ру. отъ бисиру осталось семъ рублей которыя включаю за дѣвку ты уже имъ отдай свои деньги теперь осталось на . . . . *) итого 30 ру, естьли бы ты ихъ . . . . . . потому, что у меня денегъ . . . . толсто страстить шелкъ ст . . . . по 10 золот: на косынку на пр . . . . . не взвесила а я не помню, ... я думаю отправленiе посыл . . . . . около 15-ти рублей. Татьяна . . . . . уѣхала въ Москву: но я еще ея не видала. Въ черасъ была въ Театрѣ съ Еленою Ивановною и пригласила двухъ старшихъ Кожевниковыхъ смотрѣть новыхъ танцовщицъ сестеръ Бернадели, которыя изрядно танцуютъ, пiеса была драма Невидимый свидѣтель или Пустыня въ лѣсу; а балѣтъ былъ Щастливая дикая, или Торжество любви; не много было въ Театрѣ. Елизав: Андрѣевна семействомъ тебя цалуютъ и желаютъ какъ можно больше веселится на свадьбѣ. Прощай мой Другъ будь здорова, весела, покойна, Христосъ съ тобою, буди Божiея и мое благословенiе надъ тобою обще съ дѣтьми. Мать твоя Настасья Мусина Пушкина.

Все родныя и знакомыя тебѣ кланiются.

Здравствуй милой другъ Саша поздравляю тебя съ днемъ Ангела твоего мысленна цалую а ты за меня поцалуй братца и сестрицу, буди Божiея и мое благословенiе надъ тобою всегда молю за тебя. Бабушка Н: М: П:

. . . . Нельзя найти хорошой . . . . . спѣшила не . . . . было начинать въ дв . . . . тонка шерсть за . . . . . гибается руки не движ . . . . . отстать не хочется. Воспитательной домъ не забывай что должны тамъ. Прощай еще разъ. Карлъ Ивановичь безпрестанно ѣздитъ на извощикѣ, хотѣлъ къ вамъ писать.

1825-го Года Сентября 2-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшiй Другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣточками? Я все Сашу съ Николинькою вижу во снѣ какъ прiятно; грустно когда проснуся; для чего тогда сонъ мой не продолжается; кажется не проснулся бы естьлибъ отъ меня зависило время. У насъ такъ дурно все дожжи съ холодью; а 30-го Авгу-

*) Часть письма оторвана.

ста съ утра до 5-ти часовъ вечера прелестное время было; потомъ пошолъ дожжикъ, громъ и молонья и продолжалось до ночи, такъ люменаціи не было, оставленна до 5-го Сентебря ежели время будетъ хорошо. Татьяна Петровна была у меня которая тебѣ кланіится и сказывала мнѣ о деревнѣ что ея отецъ купилъ съ акціону для своей невестѣ ахъ какъ дешево вообразіи заплатилъ со всѣмъ съ пошлинами и съ разсходомъ 86 тысячь тѣмъ начать отъ Москвы 60 верстъ, 220 душъ, одного лѣсу на 500 десятинъ, домъ большой каменной два флигеля каменныя, однимъ словомъ вся усадьба прекрасна отдѣланна, два сада, ранжерея, вотъ когда наличныя деньги имѣешъ всегда кладъ купишъ! Катерину Павловну Бутурлину опять обокрали на 8 тысячь свои столеры но ихъ поймали, 6 тысячь уцелѣли а двѣ тысячи промотали. Въ черасъ я слышела что Кроткая наша сосѣдка въ Генварѣ въ Москву будетъ; притомъ былъ разговоръ о Кнѣгинѣ Лобановой которая подавала прозьбу о разводной, Синодомъ рѣшили можетъ она розно съ мужемъ жить: а замужъ за другаго не выходить; и ему не женится. Саша Калошина брюхата; Елиз: Васильевна пріѣхала въ Москву у нихъ домъ большой и прекрасно построенной. На половинѣ письмѣ приносютъ твое письмо ахъ какъ я обрадовалась какъ стала читать дошла до Николинькѣ слѣзы полились, ахъ какъ мнѣ жаль Николиньку монастыръ запертъ ту минуту не смотря на погоду поскакала къ Иверской Божіей Матери отслужила молебинь а къ вечернѣ поѣду въ Алексѣевской монастырь тамъ отъслужу молебинь; причастила ли ты его ето первое лѣкарство, ахъ другъ мой какъ допустить до такой слабости рабенка; тебѣ должно было давно послать за докторомъ и Наталья знала красное вино къ животику прикладывать отъ поносу она ето въ Москвѣ дѣлала; я тебя хотѣла избавить другъ мой сихъ огорченій естьлибъ оставила обѣихъ сыновей у меня, меня бы утѣшила . . . . .*) бы съ помощію Божіею тебѣ ихъ сохранила, не послушалась и нав . . . . .*) огорченіе, что о томъ говорить; тяжко мнѣ, что не могу заочно помочь ахъ какъ мнѣ его жаль; оченъ рада, что погода не пускаетъ тебя ѣздить верхомъ; повѣрь мнѣ не дамская ѣзда еще же на каретной лошади ѣздить, удивляюсь тебѣ пишешъ ко мнѣ и не возмешъ письмо мое на которое слѣдуетъ отвѣчать тогда не забудешъ; что я сама дѣлаю читавши твое письмо на каждой пунктъ отвѣчаю тебѣ. Я къ тебѣ писала Алексашка говоритъ будьто гнило, рукава я сама видила на ней въ обтяшку. Спасибо милая за чепчикъ которой отдѣлаю и любя тебя буду носить; ради Христа уведомъ меня о Николинькѣ обрадуй меня что ему гораздо лутче ахъ какъ онъ для меня милъ былъ и меня любилъ Господи спаси тебя и Николиньку не простуди другихъ дѣтей въ сырую погоду пускаешъ ихъ гулять безъ помощи страшусь и думать можно имъ что нибудь разсказывать умнинькую сказочку будутъ смирно сидѣть и

---

*) *) Бумага истлѣла.

слушать. Себя побереги надѣйся на Милость Божіею,—дѣти съ болѣзнями растутъ; естьли у васъ хорошъ докторъ и упованіе на Бога можно надѣится что будетъ здоровъ; ахъ не поздно ли покажешъ его доктору, будущую почту съ нетерпѣніемъ буду ожидать. Милая Анна Павловна просила меня помочь ей въ ея прозьбѣ къ тебѣ, онѣ станутъ тебя звать на свадьбу не откажи имъ поѣзжай тѣмъ и меня утѣшишъ только и тамъ ко мнѣ пиши. Христосъ съ тобою и съ дѣтьми буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою и дѣтьми твоими. Мать твоя Настасья М. Пушкина.

Другъ мой Саша береги себя не простудися тѣмъ огорчишъ свою бабушку цалую тебя а ты за меня поцалуй братца и сестрицу.

1825-го Года Сентебря 11-го дня.

Любезнѣйшій Другъ Варинька сразила меня письмомъ своимъ отъ 28-го Августа уведомляя объ нещастномъ положеніе твоемъ; ты должна себя берѣчь и помнить что у тебя еще двое дѣтей я бы молчала: но слезы мои и двое дѣтей заставляютъ не скрывать отъ тебя мое мнѣніе. Я бы вѣчно благодарна была тогда Натальи Николаевнѣ естьлибъ она тебя заставила послать за лѣкаремъ котораго ты сама мнѣ его хвалила что онъ оченъ хорошъ; какъ ты имѣла духу доверить его лѣчить опасную болѣзнь поносъ съ рвотою; другъ мой какая ты мать, вотъ что меня заставляетъ огорчатся и страшится за другихъ дѣтей; вспомни свои слова когда у меня жили твои дѣти невидима была опасность: а ты мнѣ говорила, что я уморю, для чего я за докторомъ не пошлю; ко мнѣ довеpіе не имѣла а тутъ повѣрила чтобъ . . . . . не въ силахъ писать слезы мѣшаютъ мнѣ Аннушкина болѣзнь стоитъ 94 р. прости мнѣ за мою правду; ты знаешъ какъ я тебя люблю и дѣтей твоихъ хоша не я родила твоихъ дѣтей: но мнѣ ихъ не менѣе твоего жаль буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя Настасья Мусина Пушкина.

Другъ мой Саша такъ какъ ты выросъ изъ твоихъ платьевъ посылаю одно платья съ карманами на фасонъ да былъ остатокъ шалону $6^1/_4$ арш: проси маминьку, чтобъ тебѣ шили съ карманами, аршинъ коленкору на подкладку, кренделей почивай сестрицу свою Катиньку, цалую душевно прощайте голова болитъ буди Божіея и мое благословеніе надъ вами.

Бабушка Н: М. Пушкина.

Хоша бы Наталья выплакала у тебя лѣкаря на васъ всѣхъ затменіе пришло. Забыла тебѣ написать понемногу вольномъ духу крендели подогрѣть булушникъ меня училъ. Объ о мнѣ не безпакойся надѣйся на милость Божіею онъ меня сохранитъ. Естьли что наврала теперь немудрено.

1825-го Года Октября 7-го дня. Середа.

Любезнѣйшій Другъ Варинька съ нетерпѣніемъ жду твоего письма узнать здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Я по благости Божіея изрядна въ своемъ здоровьѣ: а все еще на лѣкарствахъ; о Гагариныхъ ничего не знаю; гдѣ онѣ сдѣсь ли онѣ или еще въ деревнѣ. Твое письмо къ нимъ давно доставила, отвѣту отъ нихъ не имѣю, я сердита на нихъ. А теперь только и новости, что критика на попадей говорятъ многія слѣгли въ постѣль съ горя о переменѣ ихъ одеждѣ. Стихи глупыя сдѣланы которыя тебѣ посылаю отъ скуки прочти. Евгенья Прохоровна была у меня и сказывала мнѣ претензія попадей для чего нашимъ дѣвкамъ не сдѣлаютъ особою одежду имъ глупо съ кѣмъ равняются. Сколько разъ просила тебя писать ко мнѣ гораздо ранѣе а не въ день почтовой въ которой день спѣшишъ и мало пишешъ знавши только мое удовольствіе что твои письмы. Ѣздила съ Катер: Дмит: съ Еленою Иван: и съ Надеждою Васил: въ безумной домъ къ Ивану Яковлеву: но насъ не пустили. Душевно жалѣю, что я безъ тебя веселюся довольно часто ѣзжу въ театръ по ласки Еленѣ Ивановнѣ, она беретъ ложу у Загоскина. Какъ хороша піеса Финъ чудесна какія машины опишу тебѣ въ чѣмъ она состоитъ—въ 3-хъ частей.

Часть первая волшебной комедіи въ стихахъ съ прологомъ, вмѣщающимъ въ себѣ поклоненіе Вайжгинтосу (чудскому божеству растѣній) и праздникъ Лады (соотвѣтствующій рускому Семику) составленный изъ народныхъ обрядовъ, пѣсенъ, плясокъ и игръ съ вѣнками представляющихъ выборъ невѣстъ. Гришаевъ и Божанова пѣли чудскую пѣсню.

Часть вторая волшебной комедіи съ интермедіею, изображающею: жертвоприношеніе Гордоайтису (покровителю кораблей) составленною изъ хоровъ и плясокъ около возженнаго корабля и прыганія по Финскому обычаю чрезъ огонь.

Часть третія съ окончательнымъ праздникомъ въ волшебномъ вертоградѣ и дивертисманомъ все одѣты по Финскому костюмы оченъ хорошы, машины чудныя; одна я тебѣ напишу кажется Загоскина ложа близска къ сцены; вообразіи Сабурова была духъ поета должна была два раза лѣтать только недоставало крыльевъ, прелесть какъ хорошо; потомъ на облакахъ спускалась невеста Львова Синецкая въ местѣ Сабуровой ихъ было не видать волшебникъ тронулъ тростью облака верхнія открылись онѣ выходютъ или опять Щепкинъ изъ дерева вышелъ однимъ словомъ сказать жаль, что ты не видала еще много штукъ волшебныхъ прелесть какъ хорошо. А письма твоего все еще не имѣю какъ грустно не знаю о васъ ничего. Неболсины Евгенья Прохор: родныя знакомыя все тебѣ кланіются. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою и дѣтьми твоими. Мать твоя Настасья М.-Пушкина.

Кожевниковы все тебѣ кланіются; стихи Василій переписалъ прочтешъ ли.

Все друга моего Сашу цалуютъ помнишъ ли бабушку Настю я рада естьли

онъ меня онъ спокоенъ будетъ. Саша скажи мнѣ нравится ли тебѣ кафтанъ съ карманами. Поцалуй за меня сестрицу Катиньку а я тебя мысленно цалую Христосъ съ вами будьте здоровы, веселы еще разъ прощайте.

1825-го Года . . . . . . *) Москва.

Любезнѣйшій Другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣточками? Мое здоровьѣ по благости Божіей изрядно: все еще я на лѣкарствахъ. Елена Ивановна безъ меня никакъ не ѣдитъ въ Театръ; довольно часто меня возитъ; но мы выбераемъ піесы хорошія или балѣтъ хорошой; былъ бенефисъ Петровой: Два сержанта или великодушные друзья. Оченъ хорошо; потомъ Прекрасной Пажъ, или Арестантъ крѣпости Шпандау. Въ заключеніе спектакля Вечеръ Артистовъ или кто во что гораздъ; оченъ пріятно. Еще мы были въ бенефисъ первой разъ данъ былъ Ворониной и Ивановой, Волшебной носъ, или Талисманы и финики, шуточная опера водевиль въ шести дѣйствіяхъ; ну ето скаска для народу презабавная. А балѣтъ чрезвычайной взято изъ Донъ-Жуана. Нѣкоторые твои знакомые кланіются мнѣ съ удивленіемъ, что меня одну видютъ въ Театрѣ; одинъ не выдержалъ спрашиваетъ у меня гдѣ ты? Отвѣчаю ему въ Симбирской деревнѣ. Душевно променяла мое весельѣ быть съ тобою въ местѣ или хоша бы съ другомъ моимъ Сашою тогда бы я была здорова, весела, и покойна. Осень сухая, время прекрасное, говорятъ дорога оченъ хороша; а письмы твои получаю по середамъ не знаю отъ чего такъ грустно ждать долго. Катер: Дмитр: Граф: Толстой Богъ далъ дочьку Вѣрочку. Узнала, что Гагарины уже въ своей въ подмосковной какъ не досадно на нихъ, что онѣ не прислали узнать о тебѣ и между тѣмъ какъ не отвѣчать на твое письмо которое онѣ точно получили знавши твою любовь къ нимъ, какое бы онѣ доставили тебѣ удовольствіе, видно одно щастьѣ намъ съ тобою; не любить намъ много никого, и лутче. Какъ скучаю перьями уже хочу просить Анну Львовну она хорошо чинитъ перья невозможно писать. Домъ мой большой еще пустой. Получила ли ты отъ Кроткой вещи дай знать нравится ли тебѣ табатерка, и кольцо, шалонъ. Терпѣніе . . . . . *) не знаю ничего объ васъ. Что я къ тебѣ писала о деревнѣ К: Кропоткинъ купилъ своей невестѣ отказался велено опять сдѣлать переторжку, Бахметьевъ Никол: Алекс: покупаетъ оною деревню. Христосъ съ тобою будь здорова, весела, покойна, прощай, буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою обще съ дѣтьми. Мать твоя Настасья Мусина Пушкина.

Другъ мой Саша здоровъ ли ты? Вотъ уже пять мѣсицовъ голосу твоего не слышу, что новаго знаешъ уведомъ бабушку повесели ея ей скучно. Милую сестрицу Катиньку поцалуй за меня дружно ли съ нею играешъ; прощай голубчикъ

---

*) *) Бумага истлѣла.

мой; будь здоровъ веселъ родителямъ въ утѣшеніе тѣмъ бабушку утѣшишъ а я остаюсь прося Всевышняго о твоемъ здоровьѣ; буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою. Бабушка твоя Настя.

Родныя и все знакомыя усердно кланіются и оченъ тебя помнютъ. Варинька еще разъ прощай мысленно цалую васъ всѣхъ.

1825-го Года Октебря 21-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій Другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣточками? Я по благости Божіей изрядна въ своемъ здоровьѣ: но все еще лѣчусь; на лѣкарствахъ. Ты будешъ смѣяться на вопросъ, которой я тебѣ сдѣлаю 12, 13, 14, 15, 16 до 17-го Октебря изъ оныхъ чиселъ одинъ день плакала вспомни дай мнѣ знать о чемъ плакала, или сердита была или весьма скушна. А ты все спѣшишъ писать какія ошибки дѣлаешъ и мало ко мнѣ пишешъ для чего за два дни почты не пишешъ не торопясь болѣе напишешъ только и утѣшеніе имѣю твои письмы. Отъ 3-го Октебря письмо твое и деньги 20 руб. получила. Какъ ты забыла исторію Новосильцова съ Черновымъ въ С: Петербургѣ ета Новосильцова бывшая Графиня Орлова у нея только и дѣтей было, что одинъ сынъ и прекрасной прелюбезной котораго убили на дуѣли и его мать до сѣхъ поръ въ отчаиніи. Саша Калошина и Елизав: Степан: оченъ ко мнѣ ласковы желали бы, чтобъ я къ нимъ пріѣхала а я хочу чтобъ ко мнѣ преждѣ пріѣхали и отъ того къ нимъ не ѣзжу: объ тебѣ много разспрашиваютъ и обѣ просютъ тебѣ кланится. Неизвѣстно будетъ ли Елена Семеновна родить въ Москву; а Калошина еще не скоро родитъ. Приказала на вашемъ дворѣ когда вашъ мужикъ Беречинской пріѣдитъ дать мнѣ знать съ удовольствіемъ съ ними пришлю тебѣ льну; не пишешъ ко мнѣ много ли у тебя пряхъ. У меня въ Москвѣ немного льну могу прислать пока пять пудъ нечесаннаго льну естьли скоро будетъ оказія; я писала въ деревню, чтобъ по первому пути прислали бы мнѣ весь старой ленъ ежели его мало то чтобъ купили 20 пудъ тогда могу больше прислать. Милая моя много хлопочу съ хозяйкою портнихою одинъ разъ у меня съ нею былъ крупной разговоръ теперь хоша она и хвалитъ Алексашку а я хочу съ нею бранится Алексашка все у нее на посылкахъ дѣвочкѣ по Москвѣ шетатся нехорошо; прачькою я довольна она твою дѣвку уже заставляла мыть матерію, кружева блонды чистить и чинить кружева, блонды; есть надежда, что у тебя будетъ хорошая прачька и я ето сказывала портнихи, какая добрая, честная прачька въ местѣ отдана съ Алексашкою: а она уже все моетъ. Можетъ быть ето подѣйствуетъ что нибудь. Нѣтъ мой другъ не буду пенять Гагаринымъ потому, что я ихъ не увижу; пріѣхавши изъ резанской деревни онѣ уже два раза были въ Москвѣ отъ другихъ знаю: а онѣ мнѣ и не даютъ знать о своемъ пріѣздѣ. Была въ театрѣ смотрѣть новой балѣтъ: была комедія Страсть сватать а балѣтъ Рауль де Креки или Воз-

вращеніе изъ Крестовыхъ Походовъ. Единственной балѣтъ, декораціи чрезвычайныя; полной Большой Театръ былъ для балѣту, при оказіи пришлю онаго балѣту Программу. Старшій сынъ Кубарева пріѣхалъ въ Москву и всякой день бываетъ у своей матери. Былъ у меня Парменъ Ивановичь которой тебѣ свидѣтельствуетъ свое почтеніе и онъ былъ на малое время въ Саратовѣ въ новокупленной имъ село Липовки около 700-тъ душъ. Въ декабрѣ мѣсицѣ хочетъ опять ѣхать въ оное село и у васъ будетъ въ деревнѣ. Прощай другъ мой Христосъ съ тобою буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя Настасья Мусина Пушкина.

Любезный Ангелъ мой Саша ты веселися шапочкою моею видишъ бабушка знаетъ чѣмъ тебѣ угодить утѣшай родителей, молися Богу; дай знать нравится ли тебѣ кафтанъ съ карманами и ето дѣти любютъ. Прощай милой мой поцалуй за меня сестрицу Катю.

Бабушка Настя.

1825-го Года Ноября 4 дня. Середа. Москва.

Жду съ нетерпѣніемъ твоего письма любезной Другъ мой Варинька хочу знать здоровы ли вы все! Нѣтъ ничего для меня пріятнѣе онаго; я знала, что тебѣ не пондравится лиловой цвѣтъ; зимою правда теряетъ много виду, за то весною съ онымъ аграмантикомъ прелесть какъ хорошо я видила у Селифонтовой, на ней оной капотъ и пожелала тебѣ послать къ тебѣ идетъ оной цвѣтъ; въ протчемъ милая моя старалась сдѣлать къ лутчему; у тебя же все цвѣта были въ платьѣ. Когда буду имѣть оказію то я тебѣ пришлю для везанія чулокъ бумаги. Послѣднѣе письмо твое отъ 17-го Октеб: получила наканунѣ моихъ имянинъ благодарю тебя за поздравленіе; ты пожаласта занимайся больше дѣтьми не будешь скучать: а ты мало мнѣ про нихъ пишешъ. Гладкія мѣшкаютъ своею свадьбою можетъ быть къ лутчему для тебя сдѣлается вдругъ зима; тебѣ покойнѣе будетъ ѣхать нѣтъ ли къ нимъ рѣки тогда вели попробовать ледъ на мостахъ выходи сдѣлай милость, ради самаго Бога прошу береги себя я тебя знаю ты ничего не боися и съ лишкомъ смѣла все до случій. Annette желаетъ чтобъ ты у нихъ была на свадьбѣ; какъ меня просила тебя убѣдить къ нимъ ѣхать. 2 Ноебря была свадьба К: Елизав: Петров: Крапоткиной. Теперь уже она Протасова. И мнѣ Татьяна Петровна съ мужемъ прислали со свадьбѣ цѣлую бумагу канфетъ; жаль, что тебя нѣтъ; ты бы ихъ скушала: а я теперь буду заѣдать лѣкарство. Катер: Дмитр: отпустила свою мадамъ Надежду Васильевну......*) французиньку къ дѣтямъ.

Благодарю Мину Федоровну и Наталью, что меня вспомнили. Скажи Натальи ежели бы она въ место поздравленіе больше объ Саши писала тогда бы мнѣ

*) Бумага истлѣла.

пріятнѣе было и совершенно угодила бы; и я передъ нею виновата на прошедшей почтѣ не отправила письмо отъ Дунюшки уже мое письмо было запечатано я бы засунула въ письмо: но она на такой мерской бумаги пишетъ ни какъ онаго нельзя было сдѣлать ужасно скупа. Родныя, знакомыя все кто только тебя знаютъ все кланіются и помнютъ тебя. Добрая наша Агафья Васильевна кончила жизнь. Восхищаюсь въ надеждѣ что ты уже перешла въ новой домъ радуюсь воображая какъ ты пакойна съ дѣтьми въ немъ живѣшъ. Поздравляю съ новымъ домомъ дай Богъ вѣчно въ немъ прожить благополучно, щастливо съ любовію. Христосъ съ тобою; буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя Наст: М. Пушк.

Другъ мой Саша здоровъ ли ты? Бѣгаешъ ли въ новомъ домѣ за тебя веселюсь, что вамъ покойно есть гдѣ съ сестрицею въ местѣ играть. Нравится ли тебѣ кафтанъ съ карманами. Устала писать Христосъ съ тобою мысленно цалую а ты за меня поцалуй Катю. Бабушка Настя.

Забыла тебѣ сказать милая Варинька, что я съ хозайномъ портнымъ все бранюся вообразіи она твою дѣвочку по всей Москвѣ посылаетъ шататся я твоей......*) запретила ходить.......*)

1825-го Года Ноебря 11-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій Другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Какъ я обрадовалась морозу ожидая скоро зимы; теперь опять тепло стало. Ты меня просишъ купить иголокъ бисерныхъ, въ оную сырую погоду не смѣла пустится съ моимъ здоровьѣмъ боялась простудится и больше себѣ прибавить болѣзни; а просила Евгенью Прохоровну пославши ей мою коляску и она мнѣ купила сотню иголокъ бисерныхъ и съ лишкомъ фунтъ бумаги посылаю тебѣ Кати на чулки иголки въ бумагу сунула завтрѣшней день пошлю по чежелой почты: а то тебѣ всю зиму нечего будетъ дѣлать и Катя безъ чулокъ; я Саши вѣжу пятую пару: естьли хороша или дурна купленна благодари или брани Евгенью Прох. Отъ 24-го Окт: получила твое письмо, нѣсколько разъ милая писала я къ тебѣ, что посланно съ обозомъ, приданнымъ милой Софьи Павловнѣ и онѣ какъ не доставили тебѣ до сихъ поръ: вотъ какого съ оказію посылать къ тебѣ, что нибудь, кромѣ досады ничего нѣтъ; и милая Анна Павловна о семъ знала я ея лично просила, чтобъ позволили принять и послала съ ихъ обозомъ, приданная отправляла Марья Ивановна Пашкова которая и призывала моего человѣка, сказавъ ему въ точности будетъ доставленно. Знаю другъ мой Саша безцѣнной, безподобной и въ Москвѣ все восхищались имъ кого можно съ нимъ сравнять. А что я сердита на К: Гагариныхъ естьли Богу угодно будетъ, чтобъ я тебя еще увидила тогда лично скажу. Какъ жалько семейства Ген: Гусара Кологривова онъ ударомъ

*) Бумага истлѣла.

коньчилъ жизнь; дѣлалъ духовную не успѣлъ ея довершить именіе разстроенное— мать ихъ говорятъ дѣтей не равно любитъ, и оченъ много ударомъ умираютъ, больныхъ въ Москвѣ тьма безпрестанно консиліюмъ, немудрено погода такая сырая; пожаласта ты себя и дѣтей побереги не простудитесь. Косынки дѣтямъ везала, начну 400 петель обвежу рядъ потомъ стану спускать каждой рядъ по коньцамъ и въ серединѣ и выходитъ три петли, спустить онымъ манеромъ 200 петель, а другія 200 петель спускала каждой рядъ начиная спицу и въ серединѣ и такъ дѣлаетъ 2 петли продолжать пока останется одна петля закрѣпить и косынка кончена. Христосъ съ тобою будь покойна, здорова, веселися обще съ дѣтьми буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя

Настасья М. Пушкина.

Милой Саша до сѣхъ поръ кафтанчика моего не имѣешъ проси маминьку послать къ Гладкимъ: оно тамъ. Мысленно цалую ежеминутно прошу Бога чтобъ онъ васъ всѣхъ сохранилъ. Поцалуй сестрицу Катю, утѣшай родителей, молися Богу, прощай буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою.

Бабушка Настя.

1825-го Года Декабря 30-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Я думаю сіе мое письмо тебя не застанетъ; по письму твоему; но ты мнѣ не пишешъ, чтобъ я перестала къ тебѣ писать и для того пишу коротинькое письмо на случай естьли еще застанетъ оное мое письмо; увѣрить тебя, что я изрядна въ своемъ здоровьѣ нахожусь по благости Божіей. Кромѣ траура нечего сказать 31 Генваря привезутъ въ Москву тѣло покойнаго Государя Алекс: Павлов: и пробудетъ до третьяго Февраля повезутъ въ С: Петербургъ. Родныя, знакомыя все тебя ждутъ разцаловать; дай знать когда выѣдишъ изъ деревни и сколько ты думаешъ пробыть въ дорогѣ, чтобъ я могла васъ у себя встрѣтить. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ любезными дѣтьми. Мать твоя Настасья Мусина Пушкина.

Другъ мой Саша когда етотъ щастливый день для меня придетъ, и ты будешъ въ объятіяхъ моихъ и я тебя разцалую; радъ ли ты мнѣ будешъ такъ, какъ я тебѣ; обрадуй меня будь таковъ, какъ у меня жилъ. Сестрицу Катю за меня поцалуй будь здоровъ, веселъ, я ежедневно прошу Бога о сохраненіи твоего здоровья и чтобъ ты былъ въ утѣшеніи родителямъ своимъ прощай буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою. Твоя бабушка Настя.

Я скорѣя думаю, что она отменила съ людьми послать какъ потерять она отвѣчаетъ Кроткой въ Москвѣ нѣтъ она въ Новгородской деревни живетъ, я къ тебѣ писала ея деревни адресъ. Когда вы поѣдите въ Москву не блиско ли къ ней бы заѣхала; удивляюсь я ей для чего почтою къ тебѣ не доставить она не

такъ далеко живетъ отъ васъ какъ я. Много вѣстей: но писать страшно и ето неправда Аракчѣевъ въ полномъ умѣ и онъ отъ всего отставленъ кромѣ, что онъ надсматриваетъ надъ поселеніемъ. Флигель посмотрю уже нѣкогда будетъ отвѣчать тебѣ поздравляю съ новымъ годомъ. Всего лучше когда будите въ Москвѣ такъ и расположитесь. Ужастно досадно на Кроткою жалѣю что я съ нею послала уже не воротишъ сплю и пишу. Прощай будь здорова. Кнѣг: Трубецкая Елизав: Никола: точно умерла посылала въ ихъ домъ спрашивать жаль какая добрая была ея родителей жаль особенно отца которой ея чрезвычайно любилъ. Христосъ съ тобою.

1828-го Года Февраля 1-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій Другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Саша благодаря Всевышнаго здоровъ, рѣзвится, играетъ! Ахъ какъ онъ милъ, вообразіи когда я лягу отдохнуть, чтобъ скорѣя меня усыпить, то онъ по своей охотѣ вместо сказокъ читаетъ мнѣ книшку, онъ думаетъ такъ, вместо того онъ мнѣ мѣшаетъ спать потому, что онъ дѣлаетъ ошибки въ чтеніи я его поправляю и сонъ прогуляю: но мнѣ не хочется его отучить отъ онаго: а напротивъ пріучить его къ чтенію благо начелъ безъ меня читать и входитъ во вкусъ къ чтенію и даже желаетъ скорѣя кончить, чтобъ другую книшку начинать читать. Какъ онъ добръ; напр: онъ читалъ, что добрая сестра приготовила подарки своему брату и несла въ фартукѣ, попался ей шалунъ ея братъ которой приставалъ узнать, что сестра несетъ: а она прежде времени не хотѣла ему сказать: а онъ изъ любопытства выдернулъ ея фартукъ все и уронилъ на полъ. Сестра съ огорченіемъ пошла въ свою комнату и плачетъ, братъ ея первое, что поднелъ ленту на которой написанно подарокъ брату въ день его рожденія. Братъ почувствовалъ свою глупость со слезами у сестры просилъ прощенія и послѣ онаго исправился: а Саши была жалка его сестра объ ней онъ плакалъ. Потомъ придетъ ко мнѣ на изусть складывать, безъ ошибочно очень много вещей; знаетъ умножать до 10-ти напр: 2—2—4—2—3—6 итакъ далѣе не чувствительно прибавляется его познаніе. У Алекс: Дмитр: Черткова братъ умѣръ какъ онъ современемъ будетъ богатъ *4 тысячи душъ*, множество денегъ; мои деньги Мещерскія оставляютъ у себя съ етой стороны я покойна. Вотъ другую почту мой Осипъ ничего не пишетъ; не знаю, что онъ тамъ дѣлаетъ, досадно мнѣ на него, учитъ меня терпѣнію. Какъ я обрадовалась твоимъ письмомъ увидя, что вы все здоровы дай Богъ, чтобъ оно продолжалось на всегда. Анна Павловна дѣлаетъ визиты и очень мила, мужъ ей подарилъ свой портретъ осыпанъ брильянтами въ браслѣтъ и браслѣтъ отдѣланъ съ брильянтами очень хорошо. Забыла тебѣ написать 26-го Генваря въ день рожденія кнѣжны Еленѣ Павловнѣ для молодой обще для обѣихъ было у отца ихъ вечеръ до 3-хъ часовъ танцовали я не была а слышела, что очень весела была. Вчерасъ я дѣлала визитъ Аннѣ Павловнѣ онѣ сбира-

лись ѣхать съ кнѣж: Еленою съ Шишковыми въ маскарадъ маскированныя; видила ея дочку очень мила, истинно пріятно смотрѣть на Анну Павловну мнѣ кажется она съ нова родилась въ щастіи; и для кнѣж. Еленѣ какое убѣжище, помощь, дай Богъ, чтобъ оно продолжалось всегда такъ; молодая извинялась, что она виновата предъ тобою, что давно не писала и обѣщала къ тебѣ писать. Все тебѣ родныя, знакомыя кланіются Саша у отца и у тебя цалуетъ руки и проситъ родительскаго благословенія и обще съ о мною обнимаемъ цалуемъ Катиньку и Лизиньку прощай будь здорова, покойна, весела занимайся дѣтьми буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми мысленна цалую мать твоя

Настасья М. Пушкина.

Дунюшка семействомъ своимъ здорова.

На оборотѣ: Милостивой Государынѣ моей Варварѣ Александровнѣ Ея Высокоблагородію Толстой. Въ Саратовской Губерніи въ уѣздной Городъ Кузнецкъ: въ село Каранино.

1828-го Года Апреля 11-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Саша здоровъ каждое утро гуляетъ пешкомъ Поднавинскимъ и очень доволенъ собою: но преждѣ поучится. Сознаюсь тебѣ письмо твое отъ 24 Марта заставила меня поплакать; неужели ты сумнѣваеся во мнѣ я которая по нынѣ доказываю тебѣ сколько я тебя люблю, что же дѣлать естьли нещастныя обстоятельства насъ разлучили; Богъ тому свидѣтель чего оно мнѣ стоитъ лучше прекратить оной разговоръ. Лорив: Алекс: въ Петербургѣ ищитъ защиты себѣ у К: Долгорукова: но мнѣ кажется напрасное а ему дѣлать нечего какъ старатся примирится съ бабушкою; посмотримъ что будетъ далѣе. Другъ мой когда Лиза о сею пору понимаетъ различать хорошое отъ дурнаго, что же въ передъ и для того надобно приготовить для будущаго времени, чтобъ было чѣмъ и утѣшать дѣтей. 8-го Марта была престрашная гроза и громъ послѣ онаго вотъ другой день какъ очень холодно, вѣтеръ и дожжикъ; хлопотъ у меня много порѣдила внутри въ большомъ домѣ ощекатурить, крышки всѣ по одному тѣсу свѣрхъ стараго тѣсу покрыла и порѣдила красельщика; теперь дрова на берегу купила 20 саж: и все должна была сама торговатся тяготно да нѣкимъ перемѣнить. Жду съ нетерпѣніемъ твоего письма въ которомъ напишешъ, что все кончила дѣла и присягнула; часто въ судѣ мѣшкаютъ отсылкою дѣлъ; то ты пошли человѣка навѣдатся и просить ихъ, чтобъ скорѣя онѣ отправили дѣло въ Мологу. Тогда ты меня совершенно успокоишъ. Родныя и знакомыя все тебѣ кланіются Саша у отца и у тебя руки цалуетъ и проситъ родительскаго благословенія и обще съ о мною Катиньку, Лизиньку обнимаемъ, цалуемъ буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя Настасья М. Пушкина.

Сію минуту кровельщика порѣдила желѣзную крышку починить отъ тѣчи.

Христосъ Воскресе!

Покорнѣйше благодарю любезнѣйшій Василій Александровичь за приглашеніе меня къ себѣ въ деревню; къ сожаленію моему потерявъ здоровьѣ не смѣю и боюсь предпринять такой дальной путь; по любви моей къ дѣтямъ; на крыльяхъ полѣтѣла взглѣнуть на нихъ, и Саша оченъ проситъ меня ѣхать къ вамъ желаетъ васъ всѣхъ видить: но слабое здоровьѣ препятствуетъ сему еще повторю чувствительнѣйше благодарю и остаюсь съ искреннымъ моимъ разположеніемъ.

Настасья М. Пушкина.

1828-го Года Маія 2-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій Другъ Варинька. Здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Саша здоровъ, рѣзвится, гуляетъ; единственное мое удовольствіе ето твои письмы съ какимъ нетерпѣніемъ жду; я весьма разстроина, должники мои замѣшкались отдачею мнѣ проценты, подрятчики просютъ денегъ: а у меня нѣтъ; голову свертѣли мнѣ, тошно притомъ твое дѣло долго не дѣлается: а меня все ето безпакоитъ ужастно какъ нервы разстроины; мнѣ надобно самую покойную жизнь вести; чтобы не о чемъ не думать; можно ли въ сдѣшнемъ светѣ оное сдѣлать и съ глупыми моими людьми которыхъ сколько не учу, ничего не понимаютъ и я должна сама объ о всемъ хлопотать. Лорив: Алекс: пріѣхалъ изъ С: Петербурга 14-го Апреля. Осипъ пишетъ ко мнѣ, что онъ пріѣхалъ въ телѣшкѣ и лица на немъ нѣтъ; съ чѣмъ поѣхалъ то и привезъ съ собою; Князь Долгоруковъ ему сказалъ жить смирнѣе и не слушатся людей; вообразіи наканунѣ его пріѣзда 13-го Апреля съ вечера его люди 11 человѣкъ отправились воровать, на двухъ лодкахъ въ ономъ числѣ староста Гаврила Алексѣевъ и Гаврила Залыгаловъ пріѣхали ночью на Селища чужіе мерды поднимать изъ рѣки; какъ скоро подняли и рыбу вытащили и у Залыгала на Максимовкѣ варили и пили вино; между тѣмъ какъ онѣ онымъ занимались, то крестьянѣ деревни Селища лодки ихъ и мерды къ себѣ увезли: и такъ вынужденны домой прійти пешкомъ: а барина своего поздравили съ неудачею; онѣ же воры подали прошеніе на крестьянъ и произходитъ слѣдствіе. Лорив: Алекс: ожидаетъ дворянскаго заседателя принимать присягу объ уракѣ въ трактирѣ мологскіе дворянѣ подали на Лор: Алекс: объявленіе *). . . . несправедливости; не острамился ли *). . . . . и замарать себя на вѣкъ; какая жалость Рынкевичева что за Пушкинымъ была, умерла; какъ щастлива была мужемъ своимъ. Саша у отца и у тебя цалуетъ руки и проситъ родительскаго благословенія обще съ о мною обнимаемъ и цалуемъ Катиньку и Лизиньку родныя знакомыя все тебѣ кланіются. Прощай мой другъ будь здорова, покойна, зани-

*) *) Здѣсь бумага истлѣла.

майся милыми дѣтьми буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя Настасья Мусина Пушкина.

Еще повторю пожаласта поспѣши своимъ дѣломъ меня крайно оное безпакоитъ; уже другой мѣсицъ какъ посланно *дѣло изъ Мологи въ Сызранскъ:* а ты еще отъ судей не уведомленна и надобно самой ѣхать въ Городъ Сызранъ: а то продолжится долго теперь время хорошо; можно прокатится въ место прогулки.

1828-го Маія 30-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій Другъ Вариныка здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Саша благодареніе Всевышнему здоровъ, рѣзвится, гуляетъ всякой день; Князь Андрей у меня живѣтъ и онъ часто съ Сашою гуляетъ; только какъ милъ Саша безъ позволенія моего ни какъ не пойдетъ съ нимъ гулять. Послѣднѣе письмо твое какъ меня обрадовало, что ты думаешъ осенью пріѣхать въ Москву; мнѣ не вѣрится, пожаласта повтори мнѣ оное, что такое значитъ; я думаю ты меня только онымъ утѣшаешъ; потомъ найдешъ причину и останеся въ деревнѣ а я напрасно радовалася и радуюсь ахъ какъ бы я рада была еще тебя видить и обнять. Объ Еленѣ только узнала, что она писала къ отцу и къ матери просила дѣвичьи свои платья мать ей въ ономъ отказала и ето ужастно секретно. Варвара Павловна переѣхала въ Петровское куда и Высоцкой семѣйствомъ своимъ переѣхалъ и взялся Варв: Павл: лѣчить. Иванъ Петров: уѣхалъ въ деревню; Катерина Дмитревна ждетъ лошадей тоже ѣдитъ въ Танбовскую деревню; Елизав: Михайл: все ипохондритъ; Шишковы гуляютъ ѣздили въ Косино, въ Кусково, въ Останькино съ ними товарищемъ Наталья Петровна Зубкова. Объ тебѣ всегда спрашиваютъ, здорова ли ты своимъ семѣйствомъ, веселися ли ты; кланіются а когда ѣдутъ въ деревню неизвѣстно я думаю никогда ей надобно по крайнѣ мерѣ 10 тысячь рублей исправить въ деревнѣ домъ; чтобъ можно было тамъ жить а братъ не даетъ. Забывши все въ Москвѣ проживутъ. Была у меня Елизавета Ивановна которая тебѣ кланіитса она теперь живѣтъ въ Шереметьевской больницы занела мѣсто матери своей которая умерла и очень довольна только говоритъ одинъ недостатокъ, что имъ чаю не даютъ; а Евгенья Прохоровна осталась жить въ Москвѣ потому что тетушка ихъ не приглашаетъ къ себѣ. Андрѣй Петровичь еще на прошедшей нѣдѣли уѣхалъ въ деревню въ пятницу, то есть 25 Маія. Я тебѣ пришлю кружева съ Катериною Михайловною; ты пишешъ не безпакойся, что долго не получаю отъ должниковъ проценты; съ лишкомъ великое мое терпѣніе до чего меня довели и лишили меня удовольствія, что я не могу тебѣ купить даже на пять рублей отъ своихъ денегъ; тягостно: отпиши какъ широки оборки. Узнаю напишу жениха Левшиной. Какъ Саша радовался увидя Лизину руку прощай мой другъ будь здорова, покойна. Саша у отца и у тебя цалуетъ руки и проситъ родительскаго

благословенія и обще съ о мною обнимаемъ и цалуемъ Катиньку и Лизиньку все тебѣ знакомыя кланіются батюшка съ матушкою то есть нашъ священникъ тебѣ кланіится буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя

Настасья Мусина Пушкина.

Дунюшка семѣйствомъ своимъ здорова.

1828-го Года Іюня 13-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Саша здоровъ всякой день гуляетъ, рѣзвится; я ужастно разстроина, скучаю, что ты такъ мѣшкаешъ своимъ дѣломъ и досадно мнѣ на тебя; целое утро мѣшали мнѣ къ тебѣ писать была у меня Кубарева которая мнѣ такъ надоѣхала; проситъчтобъ я ея дочь посватала за Князя Андрѣя; потомъ пріѣхала Елиз: Андрѣе: Кожевникова тебѣ кланіится и проситъ тебя когда за нее Богу помолится такая скука въ Москвѣ все разѣжаются по деревнямъ; Катер: Дмитр: уѣхала въ Танбовскую деревню. Осипъ ко мнѣ пишетъ, что съ Лор: Алекс: требовали деньги по письму имъ писанное, что по тремъ обязательствамъ онъ тебѣ долженъ въ письмѣ сознался; а увѣряетъ судей, что онъ лично тебѣ отдалъ деньги; доказать не чѣмъ стало пустыя его слова въ дѣло не пойдутъ. Ты до тѣхъ поръ промѣшкаешъ дѣломъ, что онъ успѣетъ между тѣмъ продать деревню у него Графъ Иванъ Алексѣевичь Пушкинъ торгуетъ деревню даетъ ему 460 ру. за душу: но его теперь въ деревнѣ нѣтъ его по дѣламъ вытребовали въ Ярославль и онъ за неимѣніемъ денегъ поѣхалъ въ лодкѣ вотъ до чего дожилъ надобно было ему отправить свою любовницу въ Москву за пашпортомъ вынужденъ былъ продать шесть коровъ за 106 ру. и на оныя деньги отпустилъ ея въ Москву и самъ отправился въ Ярославль въ лодкѣ. Признаюсь жаль мнѣ Часково; просила Дмитрія Петровича купить у него деревню, отказался грустно получа въ ономъ отказъ. Отъ пиши когда ты кончишъ дѣло замучилася ждавши истинно не бережешъ меня ничего не могу писать такъ замѣшана голова. Сей часъ узнала, что Hélène Ротчева въ Москвѣ живѣтъ и мать ни какъ не прощаетъ ея; она была у Марьи Петровнѣ Денисьевой. Саша у отца и у тебя цалуетъ руки и проситъ родительскаго благословенія и обще съ о мною цалуемъ и обнимаемъ Катиньку и Лизиньку. Вотъ какого не слушаться маминьки до сѣхъ поръ засѣдатель не бывалъ у вáсъ и еще пройдетъ три мѣсица и не будетъ у тебя а ты его жди годъ; войди въ мое положеніе я какъ дуракъ не смотря на слабое свое здоровьѣ въ дурную погоду скакала къ дѣловому человѣку просить его написать мнѣ бумагу, чтобъ тебя только не затруднять торопилась скорѣя послать, и просила тебя дай мнѣ здоровьѣ скорѣя кончи дѣло и естьлибъ ты въ Маіѣ сама поѣхала давно бы кончила дѣло и я чрезъ оное была бы покойна; а теперь мучіюсь онъ же продаетъ деревню и ты доведешъ можетъ быть съ Графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ будемъ имѣть дѣла.

Истинно тошно, грустно мнѣ, что ты никакого довѣрія не имѣешъ ко мнѣ буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя

Настасья М. Пушкина.

Дунюшка семѣйствомъ своимъ здорова.

1828-го Года Іюня 20-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій Другъ Варинька здорова ли ты съ милыми дѣтьми? Саша здоровъ; вчерась я была въ местѣ съ Сашою у Катеринѣ Васильевнѣ Шишковой онѣ переѣхали за Пресненскими прудами и Саша оченъ много бѣгалъ и гулялъ, какъ былъ доволенъ и я съ нимъ ужинали и видили тутъ Анну Павловну Сафонову съ мужемъ; какъ она похудѣла говорятъ, что она брюхата. Ахъ какъ ты меня мучишъ своимъ дѣломъ; мнѣ кажется ты меня проводишъ и не хочешъ занятся дѣломъ; гдѣ твоя любовь ко мнѣ; послушаніе, сожалѣніе къ слабой матери истинно грустно я для тебя не щадя себя хлопочу, сколько могу стараюсь тебя успокоить ты для моего спокойствія ничего не хочешъ дѣлать. На дняхъ была у Марьи Петровнѣ Денисьевой, которая сказывала мнѣ, что у ней была Hélène Ротчева она бы была весела: но скучаетъ, что ея родители не прощаютъ нѣсколько писемъ писала и отвѣту не получаетъ отъ нихъ, груститъ, что она не можетъ ни къ кому ѣхать. Живѣтъ въ Москвѣ; но никто не знаетъ ея квартеру. Вѣньчалась она въ Можайскѣ: а не въ Смоленскѣ оное солгала. Катер: Васил: съ семействомъ своимъ оченъ помнютъ тебя кланіются и цалуютъ и все знакомыя тебя не забываютъ. Наконецъ успокоилъ меня Князь Алексѣй Павловичь отдалъ мнѣ проценты осталось еще на немъ пять сотъ рублей хотѣлъ изъ деревни прислать. Благодаритъ тебя Князь Андрѣй, что ты его помнишъ какой сталъ солидной молодой человѣкъ хозаинъ прекрасной; ты его не узнаешъ онъ меня такъ къ себѣ пріучилъ, что мнѣ теперь безъ него скушно; онѣ поѣхали въ Орелъ къ бабушки взять отъ нее вѣрющее письмо на продажу ея деревни иначе имъ нельзя дѣлить имѣнія; хотѣли скоро пріѣхать: у меня остановится. Александра Васильевна Протасова съ братомъ пріѣхали закупать приданная онъ самую меньшую дочь помолвилъ за Кормилицына говорятъ триста душъ за нимъ за ней еще неизвѣстно что дадутъ. Саши такъ понравилось у Шишковой, что и нонче пристаетъ ѣхать къ нимъ правда есть гдѣ побѣгать и семѣйство большое и любезное. Саша у отца и у тебя цалуетъ руки и проситъ родительскаго благословенія и обще съ о мною обнимаемъ и цалуемъ Катиньку и Лизиньку. Насилу пишу голова оченъ болитъ а хочется Сашу потѣшить можетъ быть на воздухѣ мнѣ лутче будетъ. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми. Мать твоя Настасья М. Пушкина.

Не понимаю какъ ты хочешъ дѣла дѣлать дома безъ судей надобно засвидѣтельствовать твои бумаги иначе не повѣрютъ какъ хочешъ у меня такъ голова болитъ уже толкъ потеряла писавши къ тебѣ. Ты пошлешъ заседателемъ которой

можетъ быть еще два мѣсица проѣздитъ да и въ городѣ пролежитъ годъ, надобно, чтобъ ходили за дѣломъ просили скорѣя отправить въ Мологу и чтобъ человѣкъ твой видилъ подъ какимъ номеромъ пошлютъ а ты хочешъ покойно жить въ деревнѣ и для тебя все угодное сдѣлаютъ. Ей ей голову потеряла отъ дурацкихъ дѣлъ. Гладкимъ кланися отъ меня.

1828-го Года Іюля 11-го дня. Середа. Москва.

Любезнѣйшій Другъ Варинька здорова ли ты съ Лизинькою? Благодареніе Всевышнему Саша здоровъ, бѣгаетъ со двора не сходитъ; рѣзовъ до чрезвычайности, пора дядьку имѣть хорошаго: но къ нещастію теперь у меня ни гроша денегъ нѣтъ. Теперь я узнала гдѣ живетъ Hélène Гагарина у сестры своей Сафоновой въ подмосковной секретно и Сафонова ея съ ногъ до головы одѣла и бельемъ снабдила то есть малинькое приданная сдѣлала. Какъ добръ ея мужъ Сафоновъ; родители еще ея не простили; Шишковы, Гагарины съ гостьми своими послѣ Петрова дни поѣхали все къ Сафоновой въ подмосковною, какъ были хорошо угощенны; а Hélène уѣхала за три версты въ оное время. Говорятъ Толстой Андрей умѣръ. Прасковья Дмитревна въчерасъ поѣхала въ Орловскую деревню за дѣтьми, еще у Катерынѣ Павловнѣ Бутурлиной сынъ умѣръ котораго она лишила своего имѣнія. Какія у васъ люди негодяи еще за мѣсицъ Никаноръ говорилъ мнѣ, что скоро его пашпорту срокъ; я сказала ему принеси деньги тогда дамъ пашпортъ, проходѣтъ срокъ пашпорту является ко мнѣ проситъ пашпортъ, а деньги принесъ, нѣтъ; и пашпорту нѣтъ; вообразіи получа отъ хозяина 200 ру. а вамъ не хочетъ платить 50 ру. Приходѣтъ его хозаинъ съ нимъ вместѣ проситъ меня его хозаинъ, чтобъ дала время, что онъ самъ за него заплотитъ и убѣдительно просилъ. Я ему повѣрила и дала Никанору пашпортъ, целой мѣсицъ онъ меня проводилъ наконецъ объявляетъ моему человѣку, что онъ не состоитъ долженъ Никанору и не плотитъ мнѣ; вынужденна просить въ его части частнаго, которой у меня самъ онъ былъ и очень хорошой человѣкъ и я его просила, чтобъ онъ заставилъ хозаина мнѣ заплатить; Никаноръ былъ сутки въ части; требовали его хозаина чрезъ хожалаго для рѣшенія дѣла: но онъ ко мнѣ съ хожалымъ пришелъ и убѣдилъ меня взять терпѣніе около мѣсицу, что онъ мнѣ заплотитъ непременно; уже я взяла съ него расписку, что онъ обязуется мнѣ заплатить около мѣсицу оныя деньги и послала съ ними вместѣ моего человѣка съ оною распискою къ частному. Спасибо частному какъ пригрозилъ Никанору говоритъ благодари барыню, что она закончила оное дѣло; только бойся попасть опять сюда я тебя обрѣю и строго будешъ наказанъ и хозаину его потвердилъ, чтобъ онъ остерегся попасть въ другой разъ къ нимъ въ часть и чтобъ онъ Никанору никогда денегъ не давалъ: а что выработаетъ отдавалъ бы мнѣ; что будетъ не вѣдаю; а только скучно хлопотать. Жду съ нетерпѣніемъ твоего письма и отъ

Осипа. Саша у отца и у тебя цалуетъ руки и проситъ родительскаго благословенія, обще съ о мною обнимаемъ и цалуемъ Лизиньку. Прощай мой другъ будь здорова, покойна, весела, родныя, знакомыя все тебѣ кланіются; а я все хлопочу съ малеромъ; насила нонче одинъ взялся гостинную голубою краскою выкрасить кажется доброй и знающій въ своемъ мастерствѣ. Еще разъ прощай мысленно цалую устала писать. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми.

Мать твоя Настасья М. Пушкина.

1828-го Года Августа 29-го дня. Середа.

Любезнѣйшій Другъ Вариньха здорова ли ты съ милою Лизою? Саша благодареніе Богу здоровъ; рѣзвится и все воюитъ; поздравляю тебя завтрѣшнемъ имяниникомъ которой завтрѣ пріобщается святыхъ Тайнъ и угощаетъ 10 нищей просилъ къ себѣ на обѣдъ а вечеръ поѣдитъ смотрѣть лименацію. Теперь у насъ становится холодно; вотъ уже третій день походитъ на осень; я радуюсь скоро тебя увижу; ахъ только какъ ты доѣдишъ, жалка ты мнѣ и меня оное крайно безпокоитъ, Господи помоги тебѣ доѣхать благополучно. Другъ мой напрасно шьѣшъ блѣдныя лицы; одну тѣнь оставъ въ Москвѣ дошьѣшъ; также обременяешъ меня одну палочку шерсти купить и по почтѣ послать Бога ты не боися можно ли одну палочку послать все на почтѣ будутъ смѣятся надъ о мною сама виновата для чего съ прежними шерстями не написала уже получила бы съ Катериною Михайловною да она тебя застанетъ на пути ѣхать въ Москву. Не печался можно въ Москвѣ дошить. Съ нетерпѣніемъ желаю видить милую Лизу.

Юлія Петровна Гусятникова вышла замужъ за Сергѣя Ивановича Кашкарова. Еще мой другъ удивися какую я имѣю переписку чрезъ газеты; по пріѣздѣ твоемъ въ Москву все узнаешъ; молчала отъ того, хочу видить чѣмъ оно откроется, желаю сдѣлать онымъ сюрпризъ. Въ Москвѣ поговариваютъ, что съ Австріею война и еще будетъ наборъ съ 500-тъ душъ 3 рекрута и лошадь. Саша у отца и у тебя цалуетъ руки и проситъ родительскаго благословенія. Родныя, знакомыя все тебѣ кланіются а Hélène бывшая Гагарина и не думаетъ просить прощенія у родителей, съ начала писала къ нимъ а теперь занимается чтеніемъ книгъ и какъ угощать своихъ гостей, больше мущины къ нимъ ѣздютъ, какого тебѣ сіе покажется. Дунюшка семействомъ своимъ здорова. Прощай мой другъ постарайся пріѣхать въ Сентябрѣ чѣмъ много успокоишъ меня; а письма твоего еще не получала жду съ нетерпѣніемъ, мысленна цалую обще съ Сашою и Лизу. Буди Божіея и мое благословеніе надъ тобою съ дѣтьми.

Мать твоя Настасья Мусина Пушкина.

За Гусятниковой дали приданное на двѣсти тысячь рублей. А Кашкаровъ бѣдной человѣкъ. Какъ огорчена Варвара Федоровна объ сынѣ своемъ и все семейство.

Воспоминанія П. И. Щукина.

Я родился въ Москвѣ 18 февраля 1853 года. Отецъ мой, Иванъ Васильевичъ Щукинъ, изъ купеческаго званія, занимался торговлей.*) Былъ онъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Боткиной. У меня сохранилось слѣдующее печатное приглашеніе, относящееся до помолвки моей матери:

„Петръ Кононовичъ Боткинъ извѣщаетъ о помолвкѣ дочери своей Екатерины Петровны за Ивана Васильевича Щукина и покорнѣйше Васъ проситъ пожаловать къ нему́ на балъ, сего января 27 дня 1849 года."

4 февраля того же года состоялась свадьба моихъ родителей, въ приходѣ Ризъ Положенія, за Калужскими воротами.

Всѣхъ дѣтей у моихъ родителей было 11; перечислю ихъ по старшинству: Николай (умершій въ младенчествѣ), Александра, Николай (†), я, Сергѣй, Дмитрій, Надежда, Антонина, Ольга, Владиміръ (†), Иванъ (†).

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ мои родители жили на Мясницкой, въ приходѣ Архидьякона Евпла, въ Милютинскомъ переулкѣ, въ домѣ Херодинова. Этотъ домъ съ двумя отдѣльными флигелями существуетъ и понынѣ и принадлежитъ г-ну Фульда. Не знаю какъ внутри, а снаружи онъ почти не измѣнился. Домъ двухъэтажный, каменный, съ двумя двухъэтажными же каменными флигелями. Переднимъ фасадомъ домъ выходитъ въ Милютинскій переулокъ, отъ котораго отдѣляется садомъ, обнесеннымъ каменной оградой съ желѣзной рѣшеткой. Ограда, рѣшетка, а также и ворота съ барельефными орнаментами въ стилѣ Имперіи, остались все такими же, какими помню ихъ въ дѣтствѣ. У воротъ была сторожка и при ней огородъ, гдѣ росли подсолнухи и разныя овощи. Ни прежней сторожки, ни огорода давно уже нѣтъ. Мои родители нанимали главный домъ-особнякъ. Въ одномъ флигелѣ жило семейство Блюмберга, а въ другомъ—самъ домовладѣлецъ Херодиновъ. Дворъ былъ обширный. Иногда зимой изъ деревни пріѣзжали Херодиновскіе крѣпостные, и тогда дворъ наполнялся множествомъ крестьянскихъ саней. Изъ оконъ дѣтской, выходившей на задній дворъ, видѣнъ былъ садъ гостинницы „Венеція", находившейся на Мясницкой и теперь

*) Родъ отца идетъ изъ гор. Боровска.

несуществующей. Лѣтомъ въ этомъ старомъ тѣнистомъ саду устраивались гулянья; на горѣ въ бесѣдкѣ игралъ военный оркестръ;*) въ деревянномъ театрѣ давались представленія; въ палаткахъ, разбитыхъ по саду, были накрыты столы для публики. Близъ горы съ бесѣдкой, гдѣ играла музыка, была поставлена высокая, гладкая мачта, намазанная саломъ, на вершину которой, къ горизонтально прикрѣпленному обручу, привѣшивались рубахи, сапоги, платки и другія вещи. Желающіе карабкались вверхъ по мачтѣ, но рѣдко кому удавалось снять что-нибудь изъ этихъ призовыхъ вещей; большею частью съѣзжали съ мачты съ пустыми руками, не добравшись до ея вершины. Зимой ежедневно къ вечеру слетались стаи воронъ и галокъ и садились на самое большое въ саду дерево, и потомъ эти стаи птицъ вдругъ поднимались и куда-то улетали. Все это было отлично видно изъ оконъ дѣтской.

Въ дѣтской мы не знали другого освѣщенія кромѣ сальныхъ свѣчей, для снятія копоти съ коихъ употреблялись съемцы. Даже тогда, когда я подросъ, и меня стали брать на Нижегородскую ярмарку, употребленіе сальныхъ свѣчей было еще довольно распространено. На ярмаркѣ мальчишки продавали въ разноску сальныя свѣчи, причемъ пѣли:

Свѣчи, свѣчи сальныя,
Свѣтильни бумажныя,
Горятъ онѣ ясно,
Очень прекрасно.

А купцы подпѣвали:

Горятъ онѣ, ноютъ,
Ничего не стоютъ.

Въ то время Москва вообще плохо освѣщалась**). Уличные фонари горѣли очень тускло. Пожарные исполняли также обязанности фонарщиковъ, и конопляное масло, служившее для освѣщенія уличныхъ фонарей, они часто воровали, чтобы потомъ ѣсть его съ кашей. Поэтому въ масло стали прибавлять скипидаръ. Впослѣдствіи вошло въ употребленіе освѣщеніе домовъ свѣтильнымъ газомъ,

---

*) Лучшимъ военнымъ духовымъ оркестромъ считался въ Москвѣ въ то время Карабинернаго полка, подъ управленіемъ капельмейстера Гадевальда; лучшимъ струннымъ—Сакса. Лѣтомъ оркестръ Сакса обыкновенно игралъ въ саду „Эрмитажъ", который содержалъ тогда Морель. Объ этомъ оркестрѣ упоминаетъ Д. Т. Ленскій въ своемъ четверостишіи по случаю приглашенія на Щепкинскій юбилейный обѣдъ:

Заиграетъ оркестръ Сакса,
И заискрится Аи,
И заплачетъ старый плакса,
А съ нимъ—денежки мои.

У Мореля также пѣлъ знаменитый цыганскій хоръ Петра Соколова.

**) М. П. Погодинъ, будучи гласнымъ московской городской думы, былъ того мнѣнія, что ночью не нужно освѣщать улицъ, такъ какъ порядочные люди сидятъ дома, а для гулякъ не стоитъ.

называвшимся *переноснымъ,* потому что его развозили по городу. Часто можно было видѣть на улицѣ большой, длинный желѣзный фургонъ и выходящую изъ него каучуковую кишку, которая лежала поперекъ тротуара и наполняла газомъ домовый резервуаръ; причемъ газъ давалъ себя знать прохожимъ своимъ непріятнымъ запахомъ.

Со времени моего дѣтства многое измѣнилось, многое исчезло безвозвратно. Московскіе дома были преимущественно одно или двухъэтажные, рѣдко трехъэтажные, и болѣе скромной архитектуры, чѣмъ теперь. При прежнихъ низкихъ домахъ, несмотря на узкія улицы, днемъ было свѣтлѣе; въ настоящее же время, при постройкѣ высокихъ домовъ, стало темнѣе, такъ какъ улицъ не расширили. Число садовъ весьма поубавилось: одни значительно уменьшены, другіе совсѣмъ уничтожены.

Когда не было саннаго пути, извощики возили сѣдоковъ на неудобныхъ дрожкахъ, называвшихся „калибрами“, на которыя мущины садились верхомъ, а женщины бокомъ. Въ наше время извощичій калибръ, подобно алебардѣ будочника, можно причислить къ музейнымъ рѣдкостямъ.

Подъ сводчатыми воротами нѣкоторыхъ домовъ, выходившими на улицу, обыкновенно торговали книгами, литографіями и лубочными картинами, что придавало мрачнымъ воротамъ веселый видъ. Это были своего рода уличныя народныя картинныя галлереи. А какія забавныя картинки встрѣчались иногда подъ воротами! Вотъ, напримѣръ, одна, о которой не упоминаетъ Ровинскій: на англизированной бѣлой лошади сидитъ верхомъ рыцарь въ шлемѣ и кольчугѣ, съ андреевской лентой черезъ плечо; подпись:

Государь и царь Иванъ Васильевичъ Грозный,
Человѣкъ справедливый, но сурьезный.

Иногда подъ воротами можно было купить и рѣдкую книжку.

Вывѣски парикмахерскихъ особенно бросались въ глаза своими изображеніями банокъ съ піявками и невѣстъ, убранныхъ къ вѣнцу. На вывѣскѣ одной пивной была изображена бутылка, изъ которой вылетаетъ вмѣстѣ съ пивомъ пробка, и написано: „эко пиво!“ На входныхъ дверяхъ одного трактира красовалась надпись: „милости просимъ!“ на выходныхъ: „досвиданья!“ Въ Охотномъ ряду, на трактирной вывѣскѣ была изображена ворона, держащая въ клювѣ блинъ и написано: „Здѣсь воронины блины.“ Въ Кусковѣ у цирюльника была вывѣска съ такой надписью: „Здѣсь брѣютъ и стригутъ козловъ изъ Москвы.“

Табачныя лавочки назывались „музыкальными,“ потому что кромѣ табаку въ нихъ продавались гармоніи, гитары, струны, а также маски.

Пассажей въ Москвѣ былъ всего одинъ, и назывался онъ „Голицынской галлереей“ или просто „галлереей“ (нынѣшній Голофтѣевскій пассажъ). Самый большой магазинъ былъ „Магазинъ русскихъ издѣлій,“ помѣщавшійся на Куз-

нецкомъ мосту, въ домѣ кн. Гагарина. Этотъ магазинъ состоялъ собственно изъ нѣсколькихъ магазиновъ, расположенныхъ въ амфиладѣ залъ. Изъ болѣе крупныхъ торговцевъ въ „Магазинѣ русскихъ издѣлій“ были бр. Сапожниковы и Павелъ Ивановичъ Гучковъ.

На Никольской, въ кондитерской Савицкаго продавалось отличное кіевское сухое варенье. Большою популярностью пользовался шоколадъ и пряники изъ кондитерской Педотти. Послѣ взятія въ плѣнъ Шамиля, въ кондитерскихъ появился пирогъ въ видѣ бѣлой черкесской папахи, носившей названіе „Шамилевой шапки“. Греки торговали на улицахъ халвой и рахатъ-лукумомъ. На улицахъ же продавали пѣтушковъ изъ леденца краснаго цвѣта, по копѣйкѣ за штуку, до которыхъ мы, дѣти, были большіе охотники. Около торговыхъ бань, на улицѣ, продавали большія четырехъугольныя конфекты въ бумажкахъ съ раскрашенными картинками; въ составъ этихъ конфектъ входило больше муки чѣмъ сахару, и называли ихъ „банными“. У прислуги было обыкновеніе наклеивать такія конфектныя картинки и вообще картинки на внутреннюю сторону крышки своихъ сундуковъ. Бывало, какое удовольствіе испытывали мы, когда кто-нибудь изъ прислуги открывалъ свой сундукъ, и мы могли любоваться картинками. Существовала яблочная пастила, называвшаяся „муфтовой“, потому что имѣла форму муфты и продавалась въ картонныхъ коробкахъ, въ какія укладываютъ муфты.

Одинъ изъ первыхъ московскихъ фотографовъ былъ Мебіусъ на Лубянкѣ, но въ домахъ встрѣчалось еще много дагерротипныхъ портретовъ.

Входныя двери даже въ первоклассныхъ трактирахъ*) и торговыхъ баняхъ имѣли блокъ съ веревкой, къ которой привязывался обыкновенный кирпичъ, отчего, когда отворяли или затворяли дверь, слышался скрипъ какъ бы вертящагося колеса. О благоустроенныхъ торговыхъ баняхъ, вродѣ нынѣшнихъ Сандуновскихъ и Центральныхъ, въ то время и понятія не имѣли. Такъ, въ прежнихъ Сандуновскихъ баняхъ мужское „дворянское“ отдѣленіе, куда мы ѣздили съ отцомъ, состояло всего изъ трехъ небольшихъ комнатъ: раздѣвальной, предбанника и парильни. Въ раздѣвальную велъ съ улицы нетопленный корридоръ, вслѣдствіе чего въ зимнее время, при открытіи двери, изъ корридора въ раздѣвальную врывался столбомъ холодный паръ. Диваны въ раздѣвальной были покрыты простынями сомнительной чистоты. Висящая посрединѣ потолка лампа немилосердно коптила. Для общаго пользованія на подоконникѣ стояла помадная банка безъ крышки, и можно было видѣть, какъ мальчишка-слуга грязными ру-

---

*) Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго трактира былъ музыкальный органъ, называвшійся „машиной“. Великимъ постомъ въ трактирахъ было запрещено играть на органахъ. Мой дядя, докторъ П. Л. Пикулинъ, все же ухитрился, чтобы Великимъ постомъ въ трактирѣ заводили органъ, такъ какъ заставлялъ играть „Боже, царя храни“, въ чемъ ему отказать не смѣли.

ками напомаживалъ голову какому-нибудь купцу. Персіяне въ баняхъ красили себѣ хной бороды и ногти въ красный цвѣтъ. Зато въ отдѣльныхъ номерахъ Сандуновскихъ бань московскому генералъ-губернатору князю В. А. Долгорукову, Козьмѣ Терентьевичу Солдатенкову и богатымъ невѣстамъ подавали серебряные тазы и шайки.

Изъ московскихъ уличныхъ типовъ совершенно исчезъ типъ подростка-подмастерья; въ полосатомъ халатѣ, безъ шапки, стриженый, босикомъ, онъ часто встрѣчался на улицахъ, обыкновенно неся красный глиняный кувшинъ и прыгая съ одной тумбы на другую.

Нѣтъ болѣе и похоронныхъ факельщиковъ, которые въ своихъ черныхъ, круглыхъ, съ широкими полями, шляпахъ и черныхъ мантіяхъ, съ горящими факелами, казались намъ страшными. Насъ водили въ сосѣдній польскій костелъ, когда тамъ бывали какія-нибудь богатыя похороны. Однажды одинъ изъ моихъ братьевъ, разсказывая о видѣнныхъ имъ похоронахъ какого-то генерала, въ коихъ участвовали войска съ музыкой и пушками, въ заключеніе добавилъ: „а самъ покойникъ сидѣлъ на козлахъ и правилъ лошадьми.“ Братъ очевидно принялъ кучера, сидѣвшаго на козлахъ погребальной колесницы и одѣтаго по обыкновенію въ костюмъ факельщика, за самого покойника.

Ночью будочники, стоявшіе съ алебардами у своихъ будокъ, окликали прохожихъ, и на ихъ вопросъ: „кто идетъ?“ надо было отвѣчать: „обыватель“. Иначе забирали въ часть.

Я хорошо помню чрезвычайно яркую, съ громаднымъ хвостомъ, комету (Донати), бывшую въ 1858 году.

Изъ времени послѣдняго Польскаго возстанія сохранилась въ моей памяти отправка повстанцевъ изъ Тверской части въ Сибирь. Видѣлъ я эту отправку, стоя у воротъ части. Ссылаемые поляки были все молодые люди, въ полушубкахъ и ножныхъ кандалахъ. Они курили папиросы и ихъ сажали въ сани жандармы-конвоиры. Къ тому же времени относится памятный мнѣ большой проходъ войскъ черезъ Москву; полки, тянувшіеся по Садовой: солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ и фуражкахъ безъ козырька, въ видѣ блина; привалъ солдатъ въ Милютинскомъ переулкѣ, поставившихъ свои ружья въ козлы.

Вижу, какъ теперь, сидящаго въ кабинетѣ отца, за ломбернымъ столомъ и играющаго съ другими гостями въ карты, одного изъ севастопольскихъ героевъ— Михаила Өедоровича Бѣлкина,*) который тогда былъ уже въ отставкѣ, носилъ партикулярное платье, а въ петлицѣ георгіевскій крестъ. Другой воинъ, про-

*) М. Ө. Бѣлкинъ въ 1857 г., по болѣзни вслѣдствіе полученныхъ ранъ и контузій, вышелъ въ отставку. Черезъ 23 года онъ вновь поступилъ на службу. Бѣлкинъ умеръ въ 1909 году, въ чинѣ контръ-адмирала, на 84-мъ году своей жизни. Онъ имѣлъ за Синопское сраженіе Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, а за оборону Севастополя—Георгія 4-й ст. Во время осады Севастополя Бѣлкинъ командовалъ люнетомъ, который назывался Бѣлкинскимъ.

славившійся болѣе своими стихами, чѣмъ на полѣ брани, Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ, приходился мнѣ дядей.*) Онъ тоже бывалъ у насъ, и когда вышелъ въ отставку (въ 1858 г.), то подарилъ мнѣ свои серебряные съ бахромой штабъ-ротмистрскіе эполеты и уланскій киверъ съ бѣлымъ султаномъ.

Иногда пріѣзжалъ изъ Петербурга пріятель отца, Михаилъ Тимоѳеевичъ Лавровъ (Въ Петербургѣ на Островахъ были его извѣстныя дачи), который всегда останавливался у насъ. Михаилъ Тимоѳеевичъ былъ большой чудакъ и очень веселаго нрава. Однажды онъ повелъ насъ, дѣтей, въ галлерею; тамъ въ игрушечномъ магазинѣ онъ купилъ намъ по барабану, а для себя скрипку; затѣмъ, поставивъ насъ въ рядъ, заставилъ идти вдоль всей галлереи и бить въ барабаны, самъ же шелъ впереди, играя на скрипкѣ; понятно, что прикащики выбѣгали изъ магазиновъ смотрѣть на это шествіе. Впослѣдствіи дѣла Лаврова разстроились. Въ концѣ 60-хъ годовъ я встрѣтилъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ жилъ и имѣлъ въ Демидовомъ переулкѣ магазинъ мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ, подъ названіемъ „Бузенто." Изъ Демидова переулка Лавровъ переѣхалъ потомъ со своимъ магазиномъ на Пески.

Часто бывалъ у моихъ родителей швейцарскій консулъ, старикъ, Осипъ Николаевичъ Гееръ, который жилъ въ своемъ домѣ близъ Алексѣевскаго монастыря, гдѣ имѣлъ прекрасный садъ-паркъ и водочный заводъ. Въ саду созрѣвали груши-дюшесы, а гееровскія водки и наливки пользовались заслуженной славой.**) Гееръ былъ женатъ на нашей родственницѣ, Натальѣ Петровнѣ Постниковой, довольно чопорной дамѣ. Къ намъ на вечера Осипъ Николаевичъ являлся такъ рано, что ему приходилось обыкновенно ходить одному по комнатамъ.

Ходилъ къ моему отцу армянинъ Соломонъ Степановичъ Мирзоевъ, который умѣлъ хорошо приготовлять армянскія кушанья, но не зналъ ни читать, ни писать ни по русски, ни по армянски. Обыкновенно Мирзоевъ поутру вставалъ рано, отправлялся въ Охотный рядъ за провизіей, самъ готовилъ обѣдъ, а вечера проводилъ въ Купеческомъ клубѣ, гдѣ славился уксусъ его приготовленія, называвшійся „Соломоновскимъ." Соломонъ Степановичъ посѣщалъ и моего дядю, доктора П. Л. Пикулина. Бывало, придетъ онъ къ дядѣ, котораго застанетъ за чтеніемъ газеты. „Что пишутъ новенькаго?" спроситъ Мирзоевъ. Тогда Пикулинъ въ шутку, зная, что онъ не умѣетъ читать, передаетъ ему газету и говоритъ: „на, прочти." Вообще надъ Мирзоевымъ немало трунили. Въ пріятельскомъ кружкѣ его называли просто „Соломонъ." Н. Х. Кетчеръ въ лицо говорилъ Мирзоеву: „хотя тебя и зовутъ Соломономъ, но ты все же дуракъ." Неоффиціальное заня-

*) Сестра моей матери, Марья Петровна, была за нимъ замужемъ.

**) Однажды отецъ, стоя у закусочнаго стола, представилъ О. Н. Геера какому-то гостю. „Пивалъ", сказалъ гость, вѣроятно вспомнивъ объ гееровскихъ водкахъ.

тіе Мирзоева было давать взаймы деньги подъ большіе проценты, причемъ Мирзоевъ принуждалъ должника покупать у него же чубукъ.

Изрѣдка насъ возили въ Большой театръ, гдѣ, сидя въ ложѣ и имѣя съ собой запасъ яблоковъ, мятныхъ пряниковъ и разныхъ сластей, смотрѣли балеты: „Наяда и рыбакъ“, „Аладинова лампа или Багдадскій пирожникъ“, „Вотъ такъ пилюли, что въ ротъ, то спасибо“, „Робертъ и Бертрамъ или два вора“, „Корсаръ“, „Сатанилла“, „Мельники“, и оперы: „Жизнь за царя“, „Громобой“ и „Аскольдова могила“ *). Величественная зрительная зала Большого театра, а въ особенности писанный профессоромъ Дузи въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія и до сихъ поръ сохранившійся художественный занавѣсъ, изображающій въѣздъ князя Пожарскаго въ Московскій Кремль (въ 1612 г.),—производили на меня чарующее впечатлѣніе.

Изъ другихъ зрѣлищъ сохранилось въ моей памяти—театръ-балаганъ Лаврентія Казанова на Лубянской площади, гдѣ давали „Взятіе крѣпости Гаэты“ и другія піесы, гдѣ главными дѣйствующими лицами были обезьяны. Для насъ были интересны, не говоря уже о самыхъ представленіяхъ, даже афиши съ лубочными картинками, изображавшими наряженныхъ обезьянъ, сидящихъ за обѣденнымъ столомъ съ подвязанными салфетками, или обезьянъ въ костюмахъ бедуиновъ, верхомъ на лошадяхъ, выѣзжающихъ изъ воротъ крѣпости. Театръ Казанова просуществовалъ недолго, сгорѣвъ дотла со всѣми животными. Знаменитую Юлію Пастрану я не видалъ, но хорошо помню афиши съ ея портретами. Потомъ, не помню уже гдѣ именно, показывали панораму рѣки Миссиссипи. Въ темной залѣ, въ которой была освѣщена лишь сцена, тянули картину-декорацію, писанную на безконечно длинномъ холстѣ, причемъ какой-то господинъ давалъ объясненія картины. На Рождественкѣ показывали въ видѣ рѣдкостей верблюда и пуделя, играющаго въ домино.

На Мясницкой, въ Кривомъ переулкѣ, въ домѣ Борхгардта (пріятеля отца), мы бывали на елкѣ, получали тамъ подарки отъ радушнаго хозяина и смотрѣли туманныя картины, которыя показывали въ залѣ на простынѣ, посредствомъ волшебнаго фонаря. Елка бывала и у насъ.

По заведенному обычаю, на Масляницѣ катались подъ Новинскимъ, на Вербной недѣлѣ—на Красной площади, а 1-го мая—въ Сокольникахъ. Не пропускали также иллюминацій въ торжественные дни.

Дома играли мы въ бирюльки, въ лото и въ другія игры и пускали волчекъ. Между уличными мальчишками была тогда очень распространена игра въ бабки, въ которыя играли обыкновенно на бульварахъ; впослѣдствіи эту игру на буль-

---

*) Въ то время опера „Вильгельмъ Телль“ шла подъ названіемъ „Карлъ Смѣлый,“ опера „Гугеноты“—„Гвельфы и Гибеллины,“ опера „Нѣмая изъ Портичи“—„Фенелла“.

варахъ запретили. Игрушки покупались для насъ въ галлереѣ, въ „Магазинѣ русскихъ издѣлій“ во время дешевки,*) да еще въ двухъ или трехъ игрушечныхъ лавкахъ. Изъ автоматическихъ игрушекъ къ числу излюбленныхъ принадлежали: заяцъ, играющій на барабанѣ и „Ѳомичъ-обжора,“ глотавшій одинъ кусокъ за другимъ. На Кузнецкомъ мосту, въ окнѣ одного магазина, долго можно было видѣть играющій автоматическій оркестръ изъ куколъ-обезьянъ, въ костюмахъ XVIII столѣтія. Покупались намъ также деревянные раскрашенные солдаты, кухонная жестяная посуда, стадо, птичій дворъ, складныя картинки, миніатюрныя колоніальныя или кондитерскія лавки, картонные театры и т. д. Вообще игрушки отличались простотой и дешевизной. Уже потомъ открылся на Кузнецкомъ мосту магазинъ Тріака съ дорогими и изящными игрушками.

Книжки моего дѣтства, которыя въ особенности остались мнѣ памятны,— были: иллюстрированныя изданія—„Сказка объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ“**), „Робинзонъ Крузе“ и „Степка-растрепка,“ „Новый завѣтъ“ на французскомъ языкѣ (парижское изданіе 40-хъ годовъ, Кюрмера, съ гравюрами, рѣзанными на стали), иллюстрированное изданіе 1843 года того же Кюрмера Сказокъ Перро, Басни Крылова съ литографированными картинками (изданіе 1847 г.), Исторія Наполеона, съ прекрасными картинками Horace Vernet, рѣзанными на деревѣ, иллюстрированная исторія Суворова—Полевого (изд. 1843 г.), Повѣсти Марко-Вовчка, съ хромолитографированными картинками, историческій романъ для дѣтей П. Фурмана „Александръ Даниловичъ Меньшиковъ“, съ литографированными картинками, (изд. 1847 г.) и „Приключенія маленькаго барабанщика или гибель французовъ въ Россіи въ 1812 году“, (съ 8-ю раскрашенными литографированными картинками). Всѣ эти изданія стали теперь библіографическими рѣдкостями.

Въ повѣстяхъ Марко-Вовчка нравилась мнѣ въ особенности повѣсть: „Какъ поймать солнечный лучъ“, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ сапожникъ Ѳедотычъ, жившій въ подвалѣ, что было изображено на приложенной къ повѣсти картинкѣ, вмѣстѣ съ солнечнымъ лучомъ, проникающимъ черезъ окно въ подвалъ.

Первая глава „Приключеній маленькаго барабанщика“ начиналась такъ: „Дочь сѣдельнаго мастера Вунша, 18-ти мѣсячная Эмилія лежала въ жестокой лихорадкѣ, грозившей положить конецъ ея нѣжной жизни“.... О великой арміи Наполеона въ этой же книжкѣ между прочимъ говорилось: „Тамъ блистали разноцвѣтные мундиры Австрійцевъ, Пруссаковъ, Баварцевъ, Вестфальцевъ, Виртембергцевъ, Саксонцевъ, Голландцевъ и Итальянцевъ“....

Такъ какъ я питалъ большую любовь ко всему военному, то мнѣ дарили оловянныхъ солдатиковъ, сабли, ружья, кивера, книжки съ картинками военнаго

*) На дешевкѣ продавались игрушки, большею частью сломанныя.

**) Сочиненіе В. Жуковскаго, съ рисунками Н. Анненкова, изд. М. О. Вольфа.

содержанія и т. п. Если по улицѣ шли солдаты, то отецъ, указывая на нихъ, всегда говорилъ мнѣ: „вотъ идутъ твои игрушки“. Въ одномъ подаренномъ мнѣ альбомѣ, съ раскрашенными изображеніями русскихъ войскъ, имѣлось подъ каждой картинкой четверостишіе; напримѣръ, гусаръ, гарцующій на конѣ и замахивающійся саблей, со стихами:

Не зная отдыха, ни страха,
Какъ вихорь носится гусаръ
И непріятелю съ размаха
Готовъ рѣшительный ударъ.

О гренадерѣ въ походѣ, въ двухъ послѣднихъ строкахъ четверостишія (двухъ первыхъ не помню) говорилось:

Чарку водки выпиваетъ
И опять готовъ идти.

Послѣ итальянской кампаніи 1859 года, отецъ привезъ мнѣ изъ Парижа превосходно исполненныя цвѣтныя литографіи сраженій при Палестро, Маджентѣ и Сольферино.

Учились мы дома у гувернантокъ. Изъ нихъ помню лишь Варвару Ардальоновну Эйнвальдъ, изъ смолянокъ. Въ качествѣ бонны жила у насъ добродушнѣйшая старушка нѣмка, которая поила насъ своимъ кофеемъ и читала намъ нѣмецкіе разсказы Франца Гофмана. Звали ее Ѳедосьей Егоровной. Мужъ ея былъ драпировщикъ и работалъ у насъ, когда не былъ пьянъ. Къ моей матери ходила презлая старуха француженка, Марья Ивановна Кандріянъ, которую мы очень боялись. У матери Кандріянъ занималась гаданьемъ, спиритизмомъ и верченьемъ столовъ, но когда происходили эти сеансы,—насъ выгоняли изъ комнаты.

На уроки гимнастики ѣздили мы къ французу Билье, содержавшему гимнастическую залу на Большой Дмитровкѣ. Танцамъ училъ насъ танцмейстеръ Вишневскій, пріѣзжавшій къ намъ въ домъ вмѣстѣ со своимъ скрипачемъ. Выдѣлывать подъ звуки скрипки разныя па было для меня сущимъ наказаніемъ; танцовать такъ я и не научился, несмотря на всѣ старанія Вишневскаго.

Лѣтомъ жили мы на дачѣ, сперва въ Сокольникахъ, потомъ въ Кунцевѣ. О жизни въ Сокольникахъ помню смутно, потому что былъ тогда слишкомъ малъ. Въ Кунцевѣ мои родители жили подъ-рядъ 25 лѣтъ и все на одной и той же дачѣ. Эта дача до сихъ поръ цѣла и находится въ той части Кунцева, которою владѣютъ наслѣдники Василія Ивановича Солдатенкова. Въ первые годы, когда мы жили въ Кунцевѣ, оно принадлежало Льву Кирилловичу Нарышкину, который самъ въ немъ не жилъ, а имѣніемъ управлялъ Павелъ Антоновичъ Дейеръ. Мы нанимали первую дачу съ лѣвой стороны, если ѣхать отъ Кунцевской церкви къ главному дому. Дача была деревянная, со старинной мебелью конца XVIII и начала XIX ст. Въ столовой висѣли двѣ большія бумажныя обойныя картины.

очень недурной работы, начала XIX в., представлявшія охоту: лѣсъ, охотниковъ на лошадяхъ съ вальторнами, своры собакъ, бѣгущихъ оленей и т. д. Эти картины потомъ куда-то исчезли, старинная мебель тоже, и замѣнилась болѣе новой. Первоначальный видъ дачи потомъ тоже измѣнился вслѣдствіе пристроекъ и надстроекъ.

Въ главномъ каменномъ домѣ съ бельведеромъ жилъ московскій военный губернаторъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ*), старикъ, ходившій въ генералъ-адъютантскомъ сюртукѣ и съ костылемъ. У дома стояли двѣ полосатыя будки съ двумя часовыми, въ киверахъ съ лошадиными хвостами.

Потомъ жили въ главномъ домѣ: откупщикъ Иванъ Алексѣевичъ Кононовъ, послѣ него фабрикантъ Иванъ Ивановичъ Бутиковъ**), затѣмъ Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ, который въ 1865 г. купилъ Кунцево у Нарышкина, за двѣсти тысячъ рублей.

Въ 1861 году вечеромъ 26 мая Кунцево посѣтила царская фамилія. На нижней площадкѣ главнаго дома, откуда открывается видъ на Москву-рѣку и на дальнія окрестности, былъ накрытъ столъ, и мы, дѣти, стоя на террасѣ главнаго дома, сверху смотрѣли, какъ ихъ величества пили чай. Въ той части Кунцева, которою владѣли въ то время два брата Солодовниковы, и понынѣ сохранилась бесѣдка, снаружи которой прибита бѣлая мраморная доска съ надписью золотыми буквами: „Его Величество Государь Императоръ Александръ II и Ея Величество Государыня Императрица Марія Александровна изволили быть въ сей бесѣдкѣ Маія 26 дня 1861 года“.

Солодовниковы были скопцы. Часть Кунцева, принадлежавшая имъ, была менѣе красивой, чѣмъ Солдатенковская. Жили они вмѣстѣ со своей сестрой Анной Герасимовной. Впослѣдствіи она умерла отъ обжоговъ, полученныхъ во время пожара, на дачѣ въ Кунцевѣ, отъ загорѣвшихся ночью въ ея комнатѣ занавѣсокъ. Въ Кунцевѣ братья Солодовниковы занимались главнымъ образомъ уженьемъ рыбы въ собственномъ пруду, находившемся близъ берега Москвы-рѣки подъ горой, куда велъ особый спускъ, съ запертой на ключъ деревянной калиткой.

К. Т. Солдатенковъ жилъ въ Кунцевѣ***) весело: задавалъ лукулловскіе обѣды и сжигалъ роскошные фейерверки съ громадными щитами, снопами изъ ракетъ, бенгальскими огнями. Фейерверки эти привозились изъ артиллерійской лабораторіи на нѣсколькихъ возахъ, въ сопровожденіи солдатъ фейерверкеровъ, и пускались на берегу Москвы-рѣки, напротивъ главнаго дома.

---

*) Графъ С. Г. Строгановъ былъ московскимъ военнымъ губернаторомъ съ 1859 по 1860 годъ.

**) Библіотекарь Румянцевскаго Музея, острякъ Евгеній Θедоровичъ Коршъ, сказалъ объ И. И. Бутиковѣ: „не *тонкій* знатокъ винъ, а толстый“. Бутиковъ былъ не изъ худенькихъ и любилъ хорошія вина.

***) Вмѣстѣ съ К. Т. Солдатенковымъ жилъ сынъ его покойнаго брата, Ивана Терентьевича, юноша, котораго звали Васей. При Васѣ состоялъ нѣмецъ-гувернеръ—Рейманъ.

Отъ Нарышкинскаго имущества сохранились въ главномъ домѣ картины и мебель XVIII и начала XIX в. Изъ картинъ помню лишь гуашь, представлявшую императора Павла верхомъ на бѣлой лошади, со свитой тоже верхами.

Кунцевскимъ праздникамъ и украшенію его парка немало способствовалъ жившій у Солдатенкова художникъ Иванъ Егоровичъ Раевъ*). Раевъ былъ человѣкъ восторженный и увлекающійся. Во время Раева въ Кунцевѣ появились новыя бесѣдки, пьедесталы съ вазами въ древне-греческомъ стилѣ; каменную бабу, бывшую до тѣхъ поръ въ лѣсу, въ такъ называемомъ „Проклятомъ мѣстѣ",—перевезли и поставили въ саду при главномъ домѣ. Къ сожалѣнію, во время того же Раева были куда-то убраны изъ Кунцевскаго парка старинныя мраморныя статуи.

У Солдатенкова жилъ еще въ качествѣ библіотекаря Иванъ Прокофьевичъ Филипченко, который былъ горбатый.

По воскресеньямъ и праздникамъ, до Петрова дня, передъ главнымъ домомъ, гдѣ возвышается колонна съ вензелемъ императрицы Екатерины II,—парни и дѣвки, изъ деревни Мазилова и села Крылатскаго, водили хороводы, за что получали отъ Солдатенкова платки, пряники, орѣхи и другіе подарки.

По близости главнаго дома находились: фруктовый садъ, большая оранжерея, парники и грунтовый сарай; въ послѣднемъ росли шпанскія вишни, персики и сливы. Во фруктовомъ саду созрѣвали между прочимъ превосходныя наливныя яблоки (бѣлый наливъ). Въ 60-хъ годахъ, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, эти яблони погибли.

Въ липовой рощѣ, называвшейся „Чайниками", потому что въ ней пила чай пріѣзжавшая изъ Москвы публика**) устраивались дачниками по подпискѣ балы, для чего на площадкѣ въ рощѣ разбивалась большая палатка. Иногда бывали балы и въ оранжереѣ. Въ деревняхъ по ту сторону Москвы-рѣки—Гнѣвникахъ и Тереховѣ, квартировала конная артиллерія, офицеры которой являлись на эти балы и приводили съ собою своихъ музыкантовъ. Устраивались также по подпискѣ балы въ Мазиловѣ, Давыдковѣ, Волынскомъ, на Филяхъ и въ другихъ сосѣднихъ деревняхъ и селахъ.

Въ дѣтствѣ нашими большими друзьями были служившіе у насъ лакеи, повара и кучера. Съ ихъ помощью мы строили себѣ шалаши, ловили рыбу и пускали фейерверки. Послѣдніе покупали у разнощиковъ, приходившихъ изъ Москвы, а иногда я самъ ѣздилъ за Рогожскую заставу, въ артиллерійскую лабораторію, и покупалъ въ тамошнемъ складѣ ракеты, римскія свѣчи, колеса, бураки, шутихи, бенгальскіе огни и т. п. До сихъ поръ не постигаю, какъ мнѣ,

---

*) Ученикъ Ступинской рисовальной школы, бывшей въ Арзамасѣ.

**) Какъ-то случилось, что въ липовой рощѣ къ К. Т. Солдатенкову привязались какіе-то пьяные гуляки, и съ тѣхъ поръ онъ запретилъ пить чай въ этой рощѣ. Самоварщицамъ пришлось перейти со своими столами въ болѣе отдаленный отъ главнаго парка лѣсокъ.

маленькому мальчику, отпускалъ этотъ не совсѣмъ безопасный товаръ—офицеръ, завѣдывавшій складомъ. Купленные фейерверки держалъ я обыкновенно подъ своей кроватью. Однажды это узнала моя родительница, за что мнѣ порядкомъ досталось. Пускали мы фейерверки у Кунцевскаго пруда, находящагося близъ нашей дачи.

Карасей ловили мы въ Мазиловскомъ пруду и довольно примитивнымъ способомъ: посредствомъ большой плетеной корзины. Раздѣвшись донага, съ корзиной влѣзали въ воду; корзину тащили подъ водой двое изъ насъ, ухватя ее за края. Прудъ изобиловалъ карасями, и иногда вытаскивали довольно крупную рыбу. У береговъ Москвы-рѣки ставили верши, въ которыя заползали раки, а также попадали налимы, щучки, ерши, пискари и другая мелкая рыба.

Жить въ Кунцевѣ было привольно, потому что было мало дачъ, не такъ какъ въ другихъ мѣстахъ подъ Москвой, гдѣ множество дачъ дѣлаютъ впечатлѣніе города, выстроеннаго въ лѣсу. Въ Кунцевѣ росли громадные дубы, липы, березы, сосны и ели, даже нѣсколько сибирскихъ кедровъ. Въ зной, въ тѣни вѣковыхъ деревъ, чувствовалась прохлада, и Москва-рѣка, не загрязненная фабриками, дѣлала купанье въ ней пріятнымъ удовольствіемъ. Вначалѣ лѣта въ Кунцевскомъ паркѣ благоухали ландыши и бѣлая и лиловая сирень, а въ серединѣ лѣта воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтущихъ липъ. Въ лѣсу мы собирали землянику, малину, костянику, бруснику, чернику, бѣлые и березовые грибы и орѣхи. Пѣвчихъ птичекъ было изобиліе, по ночамъ пѣли соловьи, и даже кукованье кукушекъ и лягушечьи концерты придавали своего рода прелесть Кунцеву.

Въ Кунцевѣ не было тропинки, которая не была бы намъ извѣстна. Съ отцомъ мы дѣлали прогулки въ ближайшую деревню Мазилово, гдѣ крестьяне занимались изготовленіемъ деревянныхъ птичьихъ клѣтокъ, въ деревню Давыдково, крестьяне которой разводили много клубники, въ болѣе отдаленное село Крылатское, славившееся малиной, и въ другія мѣста.

На Кунцевскихъ дачахъ жили многіе изъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ: двѣ семьи Боткиныхъ (Дмитрія и Петра Петровичей), семья И. А. Сусорова, Вл. Дм. Коншина, Ѳед. Ив. Буслаева, Абр. Абр. Морозова, актера Шумскаго, Керцелли и другихъ. Дача Крестовниковыхъ была напротивъ нашей и отдѣлялась отъ нашей двумя лужайками и тремя проѣзжими дорогами. Потомъ на Крестовниковской дачѣ жила извѣстная московская красавица Марья Семеновна Пустовалова. *)

Въ концѣ лѣта 1863 года меня отдали въ Бемскую школу**), находившуюся въ гор. Выборгѣ, гдѣ уже учился мой старшій братъ, и куда повезъ меня отецъ. Изъ Петербурга въ Выборгъ отправились мы на пароходѣ Финляндскаго общества.

---

*) Жили также въ Кунцевѣ хорошенькія барышни Летковы; одна изъ нихъ вышла замужъ за Николая Владиміровича Султанова.

**) Behmsche Schule.

Въ Кронштадтѣ въ первый разъ увидалъ я стоящіе на рейдѣ деревянные двухъ-трехъ и четырехдечные военные корабли съ множествомъ торчащихъ изъ люковъ пушекъ и съ массой матросовъ въ бѣлыхъ фуражкахъ на верхнихъ палубахъ. Миновавъ Транзундъ, мы вошли въ Выборгскій портъ. Въ Выборгѣ остановились въ самомъ центрѣ города, недалеко отъ пристани, въ гостинницѣ „Або". Помнится, въ занимаемомъ нами номерѣ, на каминѣ стояли вазы съ искусственными цвѣтами подъ стеклянными колпаками и бѣлая гипсовая кошка съ качающейся головой. Въ гостинницѣ въ первый разъ попробовалъ я мамуру и наливку изъ этой ароматической ягоды.

Бемская школа находилась не въ самомъ городѣ, а вблизи Петербургскаго форштадта, и помѣщалась въ большомъ, выстроенномъ покоемъ, одноэтажномъ бревенчатомъ, на гранитномъ фундаментѣ, домѣ, выкрашенномъ въ свѣтложелтый цвѣтъ. Посреди дома надъ крышей возвышалась башня. Школа была выстроена въ мало населенномъ предмѣстьи „Папула". Къ ней, т. е. къ школѣ примыкалъ съ одной стороны садъ съ огородомъ, а съ другой разныя службы: баня, сараи и амбары. Съ передняго фасада школа имѣла три крыльца: среднее, внутри небольшаго двора, отдѣленное отъ шоссейной дороги деревянной рѣшоткой, служило для учениковъ, и надъ входной дверью была прибита доска съ надписью:

Unsern Eingang segne Gott,
Unsern Ausgang gleichermassen.

Крыльцо, бывшее въ лѣвомъ флигелѣ, ближе къ двору со службами, вело въ квартиру директора, а крыльцо въ правомъ флигелѣ—въ квартиры учителей. Имѣлось еще два боковыхъ крыльца: одно вело изъ праваго флигеля въ садъ съ огородомъ, другое изъ кухни, помѣщавшейся въ лѣвомъ флигелѣ, на дворъ со службами. Позади школы находился обширный рекреаціонный дворъ, въ который спускались по лѣстницѣ задняго крыльца. Этотъ дворъ былъ отдѣленъ невысокою, изъ гранитныхъ камней, оградою отъ усадьбы генерала Филиппеуса. Черезъ ограду воспитанники тайкомъ перелѣзали въ старый паркъ Филиппеуса съ хищническими цѣлями: весной для добыванія сока изъ березъ, а въ концѣ лѣта—полакомиться крыжовникомъ и малиной.

Въ Бемской школѣ всѣ науки преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, и вообще весь школьный обиходъ былъ нѣмецкій. Будучи ученикомъ низшаго класса (сексты)*), меня, какъ и прочихъ нѣмцевъ и русскихъ, заставляли учить нѣмецкій катехизисъ, который преподавала г-жа Ида Бемъ, вдова основателя и владѣлица школы. Это была уже пожилая дама, ходившая всегда въ траурѣ. На ней лежало все хозяйство школы и у нея находились ключи отъ кладовой, гдѣ хранились: мука, хлѣбъ, сахаръ, бочки съ брусничнымъ вареньемъ и разная другая провизія.

*) Всѣхъ классовъ было шесть: sexta, quinta, quarta, tertia, secunda и prima.

Въ своей небольшой, чрезвычайно опрятно содержавшейся, комнатѣ г-жа Бемъ учила насъ нѣмецкому катехизису, причемъ за невниманіе или за неудовлетворительные отвѣты била по рукамъ четвероугольной линейкой. Русскіе, равно съ нѣмцами, обязаны были ходить на богослуженіе въ лютеранскую церковь, находившуюся въ городѣ. Въ школьной залѣ, утромъ и вечеромъ, ученики пѣли нѣмецкія молитвы. Нѣкоторыя изъ вечернихъ молитвъ какъ будто сейчасъ слышу. Стоишь, бывало, въ залѣ, передъ тѣмъ какъ идти ложиться спать; отъ утомленія подкашиваются ноги, слипаются глаза, и усталые голоса учениковъ поютъ*):

Komm, verschliess die Kammer
Und lass allen Jammer
Ferne von uns sein.
Sei du Schloss und Riegel;
Unter deine Flügel
Nimm dein Schäflein auf.

Или:

Müde bin ich, geh' zur Ruh,
Schliesse beide Äuglein zu;
Vater, lass die Augen dein
Über meinem Bette sein.

Передъ обѣдомъ и ужиномъ директоръ говорилъ краткую молитву: „Komm Herr Jesu, sei unser Gast und segne was du uns bescheret hast“ и послѣ оныхъ: „Gott sei Dank für Speise und Trank“.

Русскіе воспитанники, соблюдая нѣмецкіе праздники, праздновали также и свои. Послѣднему завидовали нѣмцы, которые должны были учиться, когда русскіе гуляли. На Страстной недѣлѣ, во время говѣнья, русскіе тоже не учились. На говѣнье каждому давали по пяти рублей, изъ коихъ нѣкоторые ученики клали на блюдо священнику за исповѣдь мѣдный пятакъ, завернутый въ бумагу; большая же часть денегъ проѣдалась и пропивалась. Ходили тайкомъ въ городскую кондитерскую, гдѣ ѣли пирожки и пили шоколадъ или ликеры; обѣдали въ одной гостинницѣ Петербургскаго форштадта, гдѣ давали обѣдъ съ рюмкой ликера за 35 копѣекъ; пили медъ въ чухонской пивной, находившейся въ томъ же форштадтѣ, близъ русской церкви. Въ Петербургскомъ же форштадтѣ существовала харчевня, которую держалъ очухонившійся русскій, прозывавшійся „дядей Андреемъ“; мы забирались въ комнату самого хозяина, въ комнату, въ которой едва можно было повернуться, такъ она была мала, и тамъ ѣли пироги съ гречневой кашей и грибами. Въ Пасхальную заутреню ходили въ городской соборъ,

*) Нерѣдко послѣ ужина кто нибудь изъ учениковъ, чтобы поспать, тайкомъ забирался въ большой шкафъ, стоявшій въ каждомъ классѣ, прося товарища разбудить его передъ молитвой.

переполненный солдатами, потомъ разгавливались въ столовой школы пасхой, куличемъ, красными яицами и ветчиной. Пасху дѣлали намъ въ казармахъ мѣстнаго батальона.

День основанія школы праздновался особенно торжественно. Къ этому дню приготовлялись за мѣсяцъ. Подъ руководствомъ нѣмцевъ-учителей готовили къ постановкѣ „Лагерь Валленштейна“ Шиллера или „Юлій Цезарь“ Шекспира (въ нѣмецкомъ переводѣ): разучивались роли и шились костюмы. Всѣ роли, какъ мужскія, такъ и женскія, исполняли воспитанники. Такъ, напримѣръ, Кальпурнію въ Юліи Цезарѣ игралъ старшій Гебауеръ (изъ Москвы) и игралъ притомъ весьма женственно. Учитель русскаго языка Дегло репетировалъ съ воспитанниками „Лакейскую“ Гоголя, или сцену мальчиковъ, сидящихъ у костра, изъ разсказа Тургенева „Бѣжинъ лугъ“; эту сцену играли ученики младшаго класса, между прочимъ и я. Подъ наблюденіемъ учителя рисованія (прежде Шпренгеля*), потомъ Хасельблата, затѣмъ Іогансона) ученики писали въ залѣ на полу декораціи. Учитель пѣнія и музыки Фальтинъ со школьнымъ хоромъ разучивалъ какую-нибудь кантату. За нѣсколько дней до торжества въ столовой устраивали сцену; стѣны убирали гирляндами изъ еловыхъ вѣтокъ; пекли вкусные пряники и т. д. На утренній актъ и вечернее представленіе пріѣзжали мѣстныя власти и родственники учениковъ.

Зимой, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, насъ водили кататься на конькахъ, на свой собственный или городской катокъ. Или, когда не было снѣгу, а ледъ относительно толстъ,—катались по Выборгской бухтѣ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. При этомъ случалось иногда, что воспитанники проваливались въ воду, хотя и безъ серьезныхъ послѣдствій. Катались также близъ школы на лыжахъ. На дворѣ строили изъ снѣгу укрѣпленія, играли въ снѣжки, а весной и осенью играли въ лапту; катались на лодкахъ подъ парусами или на веслахъ. У школы имѣлась собственная большая лодка, которую называли „Kanonenboot“; стояла она у Папуловскаго моста. У этого же моста ученики удили салаку, а зимой устраивался свой катокъ. Осенью ходили въ лѣсъ собирать грибы, которые намъ потомъ давали къ ужину. Въ лѣсу же собирали бруснику, голубику и чернику, коими изобилуетъ Финляндія. Въ Троицынъ день ученики съ директоромъ и учителями отправлялись пѣшкомъ за 60 верстъ на водопадъ Иматру. Выступали изъ школы рано утромъ, съ нѣмецкими пѣснями. У самаго водопада была тогда небольшая деревянная гостинница, гдѣ мы ужинали: ѣли laксъ-форели изъ Иматры и пили пиво и медъ съ сосѣдняго завода Лаурицаля. Ночевали въ сараѣ на сѣнѣ. Съ Иматры возвращались съ натертыми мозолями и уже не пѣшкомъ, а въ двухъ-колесныхъ таратайкахъ. Водили насъ также въ великолѣпный паркъ барона

*) У Шпренгеля, на его квартирѣ, бралъ я частные уроки рисованія.

Николаи „Monrepos“ и на ярмарку, которая бывала каждую осень, на полѣ между городомъ и Выборгскимъ форштадтомъ. На ярмарочныя покупки выдавали намъ каждому по рублю. Зимой иногда предпринимались поѣздки въ саняхъ верстъ за 30, на какую-нибудь почтовую станцію, гдѣ пили кофей. Изрѣдка водили насъ на концерты, даваемые заѣзжими артистами, и на любительскіе спектакли, устраиваемые гарнизонными офицерами и ихъ женами, въ первой гостинницѣ города „Societetshus“.

Помню пріѣздъ императора Александра II на открытіе Сейма. Пароходъ, подходящій къ пристани, и государь, стоящій на капитанскомъ мостикѣ, съ блестящей свитой; государь и генералы съ развѣвающимися перьями на каскахъ, въ эполетахъ, лентахъ, орденахъ и красныхъ штанахъ. Потомъ, какъ—при проѣздѣ государя по главной улицѣ, ученики Бемской, Фагестремской и другихъ школъ стояли шпалерами и пѣли гимнъ на финскомъ языкѣ. Затѣмъ разводъ въ присутствіи государя на площади передъ лютеранской церковью, участіе въ коемъ принимали мѣстный батальонъ и Донскіе казаки.

Часто мы ходили смотрѣть, какъ возводились земляныя и гранитныя укрѣпленія, близъ Петербургскаго форштадта, для защиты дороги въ Петербургъ, причемъ взрывали порохомъ гранитныя скалы, находящіяся около самыхъ укрѣпленій.

Недалеко отъ школы, гдѣ брали песокъ, было разрыто кладбище еще петровскаго времени, и изъ земли торчало множество череповъ, костей и даже цѣлыхъ скелетовъ.

Въ Петербургскомъ форштадтѣ, вблизи русской церкви, находящейся на горѣ и окруженной кладбищемъ, лѣтомъ разбивалъ свой лагерь мѣстный батальонъ. Въ концѣ лѣта, послѣ каникулъ, мы еще заставали этотъ лагерь; потомъ палатки снимались и солдаты уходили въ городскія казармы, оставляя послѣ себя лишь канавки съ тьмою блохъ.

Помню еще, какъ насъ возили въ Транзундъ, гдѣ мы спускались въ трюмъ паруснаго судна, наполненнаго бѣлою, какъ снѣгъ, солью.

По субботамъ мы ходили съ учителями въ городъ, причемъ намъ выдавались такъ называемыя карманныя деньги. Я получалъ всего 10 коп., а братъ, бывшій въ старшемъ классѣ, 25 коп. На эти деньги обыкновенно покупались лакомства.

Директоромъ Бемской школы былъ при мнѣ сперва Ахиллесъ, котораго ученики звали между собою „сапожникомъ“, потомъ Цейдлеръ, носившій прозвище „старика“. Госпожу Бемъ звали „старой кобылой“. Учителя и ученики имѣли тоже свои прозвища. Изъ нихъ помню только нѣкоторыя. Такъ, учителя латинскаго и греческаго языковъ Шредера*) (Peter Schröder) называли „Петькой“; учителя

*) Не могу не вспомнить безъ признательности о Шредерѣ, всегда съ любовью и заботливостью относившемся ко мнѣ. Шредеръ былъ хорошій преподаватель латинскаго и греческаго языковъ, хотя

нѣмецкаго языка Шрека*) звали „канонеркой“; учителя русскаго языка Дегло—„Деглишкой“. Ученика Дружинина, изъ Фридрихсгама, звали „Der grosse Laban“; Миллера, изъ Москвы,—„Милоркой“; москвича Острита—„устрицей“; москвича Борисовскаго (старшаго)—„головастикомъ“; меня и брата—„щучкой“, если говорили ласково, и „щукой“,—если ругались.

Исторію преподавалъ Рульманъ, который лицомъ напоминалъ Шиллера. Учителемъ французскаго языка былъ швейцарецъ Фавръ; физики и математики—Пагель. Раньше Шрека преподавалъ нѣмецкій языкъ Альтмансбергеръ, уѣхавшій потомъ въ Москву и поступившій въ Петропавловскую школу. Шпренгель тоже оставилъ впослѣдствіи Бемскую школу и перешелъ въ Ревельскую гимназію.

Бемская школа была настолько помѣстительна, что всѣ учителя, за исключеніемъ Фавра, квартировавшаго въ городѣ, жили въ ней и нѣкоторые даже съ женами (Шпренгель и Фальтинъ).

У школьнаго врача, старика Хольціуса, жившаго въ городѣ, была молоденькая, хорошенькая дочка, по имени Молли. Нѣкоторые ученики изъ старшихъ классовъ были въ нее влюблены, и имя „Молли“ кто-то изъ нихъ высѣкъ на гранитной скалѣ, имѣющей форму сахарной головы**) и находившейся недалеко отъ школы, на противоположной сторонѣ Папуловскаго моста. Когда старикъ Хольціусъ умеръ, его хоронила вся школа. Это было зимой. Какъ теперь вижу стоящую передъ вырытой могилой, въ которую опускали гробъ,—плачущую Молли.

У воспитанниковъ Бемской школы не было формы, носили лишь синюю фуражку съ бѣлымъ и краснымъ околышкомъ, вродѣ нѣмецкой студенческой. При школѣ имѣлась на дворѣ собственная баня, куда разъ въ недѣлю ученики-пансіонеры ходили мыться; зимой многіе ученики выбѣгали изъ бани голые на дворъ, чтобы поваляться въ снѣгу. Зимой же играли въ снѣжки, катались на конькахъ, или на лыжахъ, безъ теплой одежды, въ фуражкахъ, въ длинныхъ кожаныхъ сапогахъ и надѣвали лишь на шею шерстяной шарфъ. Школьныя ретирады не отапливались. Несмотря на все это, ученики не простужались и хворали рѣдко; ложились въ лазаретъ чаще по лѣности и быстро изъ него выходили, ибо сидѣть на пищѣ святого Антонія (давали одну лишь овсянку) скоро надоѣдало.

Освѣщалась школа газомъ, проведеннымъ изъ города. Кухня отличалась образцовою чистотою; деревянные некрашеные полы, бывшіе во всей школѣ, часто мыли. Прислуга была чухонская и преимущественно женская. Женщины прислуживали за столомъ и внѣ его, только сапоги чистили чухонцы-мущины.

строгій и вспыльчивый, но въ сущности добрый и сердечный. Часто во время прогулокъ онъ заходилъ съ нами въ какой-нибудь загородный ресторанъ, гдѣ, несмотря на свои скудныя средства, угощалъ насъ кофеемъ, медомъ и сладкими пирожками.

*) Шрекъ, злой и раздражительный, былъ нелюбимъ всѣми учениками.

**) Въ школѣ называли эту скалу „Zuckerhut.“

Всѣ служанки, за исключеніемъ одной, были некрасивы; за этой одной ухаживали нѣкоторые холостые учителя и волочились ученики старшихъ классовъ, не давая ей покоя, пока она не вышла замужъ за какого-то чухонца. Какія иногда обязанности исполняла въ школѣ женская прислуга, можно судить по тому, что одной чухонкѣ было поручено вычесывать частымъ гребнемъ головы учениковъ меньшаго класса, каковую операцію она производила въ спальнѣ, нагнувши голову мальчика подъ струю холодной воды, вытекавшей изъ крана рукомойника. Будучи вмѣстѣ съ другими подверженъ этой ческѣ, до сихъ поръ не могу забыть, какъ немилосердно больно драла гребнемъ наши головы эта чухонка.

Почти всѣ овощи для стола были свои, изъ школьнаго огорода. Свои были телята и свиньи, для закалыванья коихъ приглашался мясникъ; когда убивали свинью, то мясникъ тутъ же приготовлялъ ветчину и колбасу. Телятину давали намъ только въ праздники. Еще рѣже ѣли мы мясо сѣвернаго оленя, глухарей, тетеревей, куропатокъ и другую дичь. Въ будни по утрамъ служанки приносили въ классныя комнаты подносы со стаканами молока и ломтями ситнаго хлѣба; молоко давали по желанію—сырое холодное или кипяченое теплое. По праздникамъ по утрамъ получали мы по стакану кофея съ молокомъ. Обѣдали и ужинали всегда въ столовой. Кромѣ того въ 4 часа дня приносили въ классы ломти ситнаго хлѣба, намазаннаго вареньемъ, или чернаго съ масломъ, колбасой, говядиной, ветчиной или сыромъ. Иногда ученики-именинники угощали свой классъ или всѣ классы шоколадомъ и выборгскими кренделями. Первыми пекарями выборгскихъ кренделей въ то время считались Вайти 1-й и Вайти 2-й. Ихъ пекарни помѣщались въ простыхъ деревянныхъ избахъ, въ Петербургскомъ форштадтѣ, недалеко отъ бойни. Въ той же комнатѣ, гдѣ пекли кренделя, ихъ и продавали. У каждаго Вайти одна комната была занята большою печью; на доскахъ лежали кренделя еще изъ сырого тѣста, а въ сундукахъ хранились уже испеченные. Кренделя мы возили съ собою въ Москву родителямъ. Разъ какъ-то зимой, когда мы ѣхали домой на Рождественскія каникулы, на почтовыхъ лошадяхъ, гдѣ-то между Выборгомъ и Петербургомъ, къ нашему немалому горю, украли у насъ изъ корзины почти всѣ кренделя.

Въ Петербургскомъ форштадтѣ кромѣ кренделей мы покупали ливерную колбасу, сладкіе пирожки изъ песочнаго тѣста и другіе съѣдобные предметы, и покупали ихъ обыкновенно не входя въ лавку, а черезъ оконную форточку, выходящую на улицу.

Ученіе въ Бемской школѣ скорѣе можно было назвать зубреніемъ, потому что все большею частію заучивалось наизусть. Такъ, учитель рисованія Шпренгель, кромѣ своего спеціальнаго предмета, преподавалъ еще географію и зоологію, и какъ преподавалъ! Напримѣръ, преподаваніе зоологіи состояло въ томъ, что

Шпренгель показывалъ ученикамъ раскрашенныя изображенія разныхъ животныхъ, называя ихъ, и нужно было ученикамъ запомнить эти названія и потомъ самимъ ихъ называть учителю. Это было все. Вообще естественныя науки находились въ загонѣ. Школьная библіотека была бѣдна книгами. Еще бѣднѣе былъ обставленъ физическій кабинетъ. Собственно физическаго кабинета вовсе не существовало, а въ библіотекѣ находилось небольшое собраніе физическихъ приборовъ. Химической лабораторіи совсѣмъ не было. Зато латынью и греческимъ занимались усердно, въ особенности въ старшихъ классахъ, ибо знаніе этихъ языковъ требовалось при поступленіи въ Дерптскій университетъ, куда преимущественно и приготовляла Бемская школа своихъ учениковъ. Русскимъ ученикамъ преподавалъ законъ Божій соборный священникъ. Приходилъ также изъ города обучать переплетному ремеслу какой-то старичекъ-нѣмецъ, фамиліи коего не помню, и у котораго былъ въ городѣ свой магазинъ письменныхъ принадлежностей. Въ этомъ магазинѣ нашъ директоръ покупалъ для школьнаго обихода тетради, линейки, стальныя перья, карандаши, перочинные ножи и т. п. По желанію обучали также шведскому языку. Гимнастика была обязательна.

За маловажные проступки провинившихся заставляли выучивать наизусть нѣмецкіе стихи, или оставляли безъ обѣда и ужина; за болѣе важные сажали въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, или даже подвергали наказанію палкой, что исполнялъ самъ директоръ. Случалось, что разъяренные учителя за дерзкіе отвѣты награждали учениковъ пощечинами.

Между учениками было въ обычаѣ мыть снѣгомъ новичковъ. Фискальства не терпѣли и фискаловъ били.*) Многіе учителя курили въ длинныхъ трубкахъ табакъ. Когда учитель отлучался хотя бы ненадолго изъ класса и оставлялъ свою трубку, ученики пользовались этимъ случаемъ, чтобы покурить изъ его трубки. Тоже дѣлалось и съ кофеемъ, и со сливками, которые подавали въ классъ учителю: ученики отпивали часть кофея и сливокъ.

Въ Бемской школѣ мы были ближе къ природѣ, такъ какъ школа находилась за городомъ, недалеко отъ воды и лѣса. Пробужденіе природы отъ зимняго сна намъ было хорошо наблюдать: мы видѣли прилетъ утокъ, гусей, лебедей и другихъ пернатыхъ**); видѣли, какъ бѣгаютъ по лужамъ, образовавшимся отъ растаявшаго снѣга, водяные жуки; ловили саламандръ и т. д. Весна была намъ пріятна еще тѣмъ, что вначалѣ ея появлялись русскіе разнощики мороженаго. Взявши незамѣтно изъ буфетнаго шкафа стаканы, ученики тайкомъ убѣгали изъ школы за большой гранитный камень, находившійся по близости, гдѣ уже поджидали расположившіеся со своими кадками разнощики, и за 20 копѣекъ наполняли стаканъ сливочнымъ или шоколаднымъ мороженымъ.

*) Съ учениками шведской Фагестремской школы мы были въ постоянной враждѣ и при случаѣ съ ними дрались.

**) Приманцы имѣли право держать у себя ружья и ходить на охоту.

Въ Бемской школѣ мы съ братомъ пробыли до лѣта 1867 года, пріѣзжая въ Москву на Рождественскія и лѣтнія каникулы. Ѣздили мы изъ Москвы до Петербурга, туда и обратно, съ другими товарищами-москвичами, зимой въ нетопленомъ вагонѣ третьяго класса. Въ дорогу надѣвали бараньи шубы и валенки. Вагонъ промерзалъ насквозь, и часто случалось, что къ скамьѣ или полу примерзали наши вещи. Билеты Николаевской желѣзной дороги были тогда въ видѣ длинной бумажной ленты, съ перечнемъ всѣхъ станцій. Въ Петербургѣ мы останавливались на Васильевскомъ островѣ, въ 18-й линіи, въ гостинницѣ Кайзера, гдѣ хранилась наша кибитка, въ которой отправлялись въ Выборгъ, ибо желѣзная дорога еще не существовала. Надо было проѣхать на почтовыхъ 140 верстъ, съ перемѣной лошадей на каждой станціи, для чего имѣли подорожную. Первая станція отъ Петербурга была Парголово, вторая Бѣлоостровъ, затѣмъ первая финляндская станція Раіоки и другія станціи съ чухонскими наименованіями. Между этими послѣдними, состоящими изъ нѣсколькихъ избушекъ съ сараями, какъ оазисъ въ пустынѣ, встрѣчалось большое русское село называвшееся Краснымъ Селомъ, съ каменными церковью и острогомъ и порядочнымъ станціоннымъ домомъ. Послѣдняя станція передъ Выборгомъ называлась Лильперо. На чухонскихъ станціяхъ, кромѣ самовара, ничего нельзя было достать, поэтому мы брали съ собою вино, чай, колбасу, сыръ, сардинки, хлѣбъ и разную другую провизію. Въ Бѣлоостровѣ былъ русскій станціонный домъ, хорошо меблированный, и находилась русская таможня, гдѣ спрашивали паспорта и происходилъ таможенный осмотръ. Такъ какъ учениковъ Бемской школы не осматривали, то чухонцы провозили въ нашихъ саняхъ контрабанду: табакъ, сахарныя головы и т. д.

Помню, какъ разъ, передъ разсвѣтомъ, не доѣзжая Петербурга, мы подъѣхали къ освѣщенному, довольно большому, двухъэтажному дому. Это былъ какой-то трактиръ, у котораго стояло множество крестьянскихъ саней. Въ нижнемъ этажѣ трактира толпились хозяева этихъ саней, слышался говоръ на русскомъ и чухонскомъ языкахъ, было сильно накурено табакомъ и пахло спиртными напитками. Мы поднялись во второй этажъ, гдѣ находилось чистое отдѣленіе съ диванами и зеркалами, и гдѣ намъ подали бифштексъ съ картофелемъ и лукомъ.

140-ка верстное зимнее путешествіе, иногда въ сильную стужу, закаливало учениковъ, хотя эти путешествія не всегда благополучно сходили съ рукъ. Такъ однажды мой братъ, его товарищъ по классу—Остритъ и я возвращались въ своей кибиткѣ въ Выборгъ. Дѣло было къ вечеру; стемнѣло; мы приближались уже къ школѣ: ѣхали Петербургскимъ форштадтомъ. Какъ вдругъ, недалеко отъ общественнаго колодца, налетѣла на насъ мчавшаяся водовозная бочка и сшибла сидящаго, свѣсивши ноги изъ саней, Острита. Наши лошади испугались и понес-

лись, но ихъ удалось остановить. Острита, выброшеннаго изъ саней, подняли съ облитымъ кровью лицомъ, и стонавшаго. Доставленный въ школу, онъ нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ лазаретѣ, пока не поправился*).

На лѣтнія каникулы мы отправлялись изъ Выборга въ Петербургъ на пароходѣ Финляндскаго общества и тѣмъ же путемъ возвращались опять въ Выборгъ.

Вотъ нѣкоторые изъ учениковъ, которые остались въ моей памяти: Дружининъ (изъ Фридрихсгама), Фрицъ Вааль**), Баклундъ, Сѣдовъ и Зеземанъ (всѣ изъ Выборга), Лихонинъ, два брата Зуевы, Петерка, Бостремъ и Серксъ (всѣ изъ Петербурга), два брата Гебауеръ, два брата Борисовскихъ, Остритъ и Миллеръ (всѣ изъ Москвы), два брата Кронгельмы (изъ Тифлиса), баронъ Унгерніптернбергъ (изъ Остзейскаго края), Меляръ-Топеусъ, Хасельблатъ, Паляндръ и два брата Кемпе.

Дружининъ былъ большого роста и довольно туповатый, почему его и прозвали „Der grosse Laban". Отъ своихъ родителей изъ Фридрихсгама онъ получалъ довольно часто разную провизію, между прочимъ миноги, которыми насъ угощалъ. Отецъ Баклунда жилъ близъ школы и былъ горшечникъ; мы ходили смотрѣть, какъ онъ дѣлалъ на станкѣ глиняные горшки. Зуевы принадлежали къ семьѣ, въ которой насчитывалось двадцать два сына. Старшій изъ братьевъ Борисовскихъ, прозванный „головастикомъ" за странную форму головы, — отлично рисовалъ, а младшій искусно показывалъ фокусы. Братья Кронгельмы ходили зимой въ папахахъ и буркахъ. Сѣдовъ памятенъ мнѣ тѣмъ, что укралъ у меня изъ пульта коллекцію серебряныхъ монетъ***) и продалъ ее въ городѣ одному часовщику, гдѣ она была отыскана вся въ цѣлости и мнѣ возвращена.

По смерти госпожи Бемъ, владѣльцемъ школы сталъ директоръ Цейдлеръ. Въ 1878 году Бемская школа праздновала 25-ти-лѣтіе своего существованія, а въ 1883-мъ Цейдлеръ принужденъ былъ школу закрыть, вслѣдствіе малочисленности учениковъ.

Черезъ 30 лѣтъ (въ 1897 году) я посѣтилъ опять Выборгъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги форштадты значительно разрослись, но самъ городъ мало измѣнился. Предмѣстье Папула прежде состояло лишь изъ небольшаго числа деревянныхъ домиковъ (огородника Сѣдова, горшечника Баклунда и др.), а передъ Бемской школой мѣстность была покрыта большими гранитными камнями. Теперь все это застроилось. Зданія школы я не могъ сразу найти, хотя оно и уцѣлѣло; нѣтъ только школьной башни, на которой развѣвался русскій флагъ. Въ квартирѣ директора помѣстилась колоніальная лавка. Среднее крыльцо, надъ дверью коего

*) Въ послѣднюю турецкую войну Остритъ служилъ артиллерійскимъ офицеромъ и участвовалъ въ осадѣ и взятіи крѣпости Карса, за что получилъ георгіевскій крестъ. Къ сожалѣнію, жизнь свою онъ кончилъ самоубійствомъ.

**) Первые коммерческіе дома въ Выборгѣ были: Вааль, Хаккманъ, Диппель и Роте.

***) Монеты дарилъ мнѣ отецъ. Воспитанники въ Бемской школѣ собирали преимущественно стальныя перья разныхъ фабрикъ и почтовыя марки разныхъ государствъ, и у нѣкоторыхъ учениковъ были значительныя собранія.

была доска съ нѣмецкою надписью, сохранилось. Заглянулъ я на заднiй дворъ, гдѣ играли въ былое время воспитанники: ограда, сложенная изъ гранитныхъ камней, во многихъ мѣстахъ поразвалилась; въ сосѣднемъ паркѣ, принадлежавшемъ генералу Филиппеусу, теперь выстроены домики для солдатъ; самый паркъ большею частiю вырубленъ. За Папуловскимъ мостомъ стоитъ еще гранитная скала (Zuckerhut), но имя хорошенькой Молли, когда-то высѣченное на этой скалѣ, стерлось. Существуетъ ли въ настоящее время зданiе Бемской школы,—не знаю.

Весной 1867 года*) меня и брата взяли изъ Бемской школы, а осенью того же года я былъ отданъ въ пансiонъ Гирста въ Петербургѣ.

Пансiонъ Гирста, теперь не существующiй, находился на Васильевскомъ островѣ, въ 5-й линiи, и помѣщался въ домѣ, въ которомъ, по преданiю, родился Аракчеевъ. Домъ былъ каменный двухъэтажный и имѣлъ форму буквы Г; на дворѣ былъ еще отдѣльный небольшой двухэтажный каменный флигель.

Владѣлецъ и директоръ пансiона—Дмитрiй Ѳомичъ Гирстъ—былъ очень добрый, образованный человѣкъ, превосходно знавшiй русскiй, англiйскiй, французскiй и нѣмецкiй языки. Некрасивый и рябой, съ длиннымъ носомъ, среднихъ лѣтъ, болѣзненный и флегматичный, онъ ходилъ всегда щегольски одѣтымъ; выраженiе его лица обыкновенно было грустное, я никогда не видалъ его веселымъ. Въ обращенiи со всѣми Дмитрiй Ѳомичъ былъ чрезвычайно вѣжливъ.

Русскiй языкъ преподавалъ Василiй Петровичъ Геннингъ, математику и физику—Ростиславъ Николаевичъ Гришинъ, географiю—Петръ Ѳедоровичъ Обломковъ (всѣ трое изъ 7-й гимназiи), всеобщую исторiю—Анонимовъ (переводчикъ Герберштейна Rerum Moscovitarum), коммерческiя счисленiя—Рейнботъ (изъ коммерческаго училища), товаровѣдѣнiе—Лесгафтъ, ботанику—Мелiоранскiй, англiйскiй языкъ—мистеръ Harrisson (изъ Морского корпуса) и др.

При пансiонѣ было особое приготовительное отдѣленiе для поступающихъ въ Морской корпусъ. При мнѣ въ этомъ отдѣленiи учились: Бутаковъ, Мофетъ, Шкоттъ и др. Преподавали преимущественно учителя изъ Морского корпуса: Божеряновъ, Рождественскiй и др. Будущiе моряки**) уже въ пансiонѣ Гирста

---

*) Въ 1867 году отецъ купилъ домъ у Ватсона, въ Колпашномъ переулкѣ, на Покровкѣ, куда мы и переселились изъ дома Херодинова. Въ 1874 г. отецъ продалъ этотъ домъ и купилъ другой, двухъэтажный каменный, у Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинскаго переулка. Въ настоящее время на мѣстѣ этихъ двухъ домовъ выстроены новые: въ Колпашномъ переулкѣ—4-хъ этажный (надстроено два этажа) а въ Лопухинскомъ—7-ми этажный.

**) Какъ видно изъ писемъ (въ 1872 и 1873 годахъ) ко мнѣ Р. Н. Гришина, самъ Д. Ѳ. Гирстъ былъ о своемъ морскомъ классѣ плохого мнѣнiя. Такъ, 12 мая 1872 г. Гришинъ пишетъ мнѣ:

„Пансiонъ Гирста все существуетъ на прежнемъ основанiи, только высшихъ классовъ (съ ничтожными знанiямя) не существуетъ; зато открытъ все еще знаменитый морской съ прежними матросскими рубахами и ничего-недѣланiемъ.“

10 сентября того же года:

„Отъ моряковъ онъ (Гирстъ) не знаетъ какъ отдѣлаться. Болѣе буйныхъ помѣстилъ въ извѣстный Вамъ флигель (старшiе классы (V и VI) закрыты: боится держать взрослыхъ).“

носили голландки, которыя заказывали въ швальнѣ Морского корпуса; а по вступленіи въ корпусъ навѣщали насъ въ полной кадетской формѣ, при палашахъ. Такъ какъ родственники учившихся въ этомъ отдѣленіи занимали большею частію высшія должности во флотѣ, то въ пансіонъ Гирста пріѣзжали разные контръ, вице и полные адмиралы. Одинъ контръ-адмиралъ, фамилію котораго я позабылъ, преподавалъ въ отдѣленіи географію, и его почему-то прозвали „каретой".

В. П. Геннингъ имѣлъ обыкновеніе говорить ученику, дающему несообразный отвѣтъ: „батюшка, это сапоги въ смятку", и называлъ „несчастнымъ" ученика, сдѣлавшаго какую-нибудь ошибку. У Геннинга бралъ я частные уроки русскаго языка, для чего ходилъ къ нему на квартиру, находившуюся въ 13-й линіи, въ домѣ, принадлежавшемъ 7-й гимназіи. Геннингъ былъ видный, молодой, красивый брюнетъ, съ бородой, и имѣлъ красивую, молодую жену. Квартира была очень небольшая, и я занимался въ комнатѣ, гдѣ была ихъ спальня, раздѣленная перегородкой. Самъ Геннингъ былъ человѣкъ довольно лѣнивый, всегда курилъ папиросы и часто жаловался на головную боль.

Меліоранскій—хорошій зоологъ, отличался своею неряшливостью въ одеждѣ; всегда что-нибудь было у него въ безпорядкѣ: или торчала изъ брюкъ сорочка, или виднѣлась бичевка, которою онъ былъ подпоясанъ, или растегнутъ жилетъ.

Учитель-нѣмецъ былъ, кажется, психически не совсѣмъ здоровый человѣкъ. На учениковъ, дѣлавшихъ ошибки или не знавшихъ урока, онъ неистово кричалъ, выходя изъ себя, и говоря свои обычныя изреченія: „чокъ, чокъ, чокъ, дурачокъ", или: „ah, warum, warum ist das Schaf so dumm, so dumm". Во время рекреаціи, когда ученики играли на дворѣ, и онъ былъ дежурнымъ,—ходилъ или бѣгалъ по двору, размахивая руками и говоря самъ съ собою, или декламируя стихи.

Учитель-французъ, лысый, съ нѣсколькими клоками бѣлыхъ волосъ, добрѣйшій старичокъ, когда-то преподававшій французскій языкъ въ Морскомъ корпусѣ, безпрестанно повторялъ: „Quand j'étais au corps de la marine"…..

Мистеръ Harrisson—высокій, рябой, съ рыжими волосами и бакенбардами, училъ англійскому языку по руководству, составленному имъ самимъ.

Физическаго кабинета и химической лабораторіи въ пансіонѣ не было, а ходили мы въ 12-ю линію, въ 7-ю гимназію, гдѣ Р. Н. Гришинъ*) показывалъ и объяснялъ намъ физическіе приборы и дѣлалъ химическіе опыты.

---

10 іюня 1873 года:

„Бѣдняга (Гирстъ) жалуется на замѣтно-разстроившееся здоровье; а между тѣмъ отлучиться ему на лѣто, говоритъ, нельзя: въ домѣ остаются 40 человѣкъ-головорѣзовъ, готовящихся въ морское училище. Поручить же ихъ чужому надзору, будто, невозможно."

Въ 1876 году Гирстъ продалъ свой домъ вмѣстѣ съ пансіономъ, за 40 тысячъ рублей, а въ 1884 году на мѣстѣ этого дома построенъ громадный домъ нѣкіимъ Бремеромъ.

*) У Гришина на квартирѣ бралъ я частные уроки математики. Впослѣдствіи между нами завязались дружескія отношенія, продолжавшіяся 15 лѣтъ и прекратившіяся только со смертью Гришина.

Когда Д. Ѳ. Гирстомъ былъ приглашенъ Лесгафтъ читать намъ товаровѣдѣніе, то былъ заведенъ особый шкафъ, и по списку, составленному Лесгафтомъ, были куплены образцы разныхъ продуктовъ и нѣсколько приборовъ для изслѣдованія ихъ.

Ученики Гирстовскаго пансіона принадлежали къ разнымъ національностямъ. Учился японецъ Танака, возрастъ котораго, какъ вообще у японцевъ, трудно было опредѣлить; грекъ Карали, уже взрослый мущина, котораго странно было видѣть на школьной скамьѣ; англичанинъ, родственникъ адмирала Керна, чистенькій и бѣленькій юноша, каждое утро и вечеръ мывшійся съ головы до ногъ холодной водой; маленькій, худенькій французикъ Лавинь; два объангличанившіеся нѣмца—братья Кумингъ; нѣмецъ Бецъ*), сынъ булочника, у котораго брали хлѣбъ для пансіона; Веселовскій, готовившійся въ Кронштадтское штурманское училище и бойко рисовавшій военные корабли, зная хорошо рангоуты фрегата, корвета, клипера и другихъ судовъ; угреватый Филимоновъ, два брата Перозіо, Хилькевичъ, Бруни, Кормилицынъ, два брата Корниловы (сыновья извѣстнаго фарфороваго заводчика), Эповъ изъ Читы, С. Н. Мамонтовъ изъ Москвы и др.

Поначалу жилъ я въ пансіонѣ, какъ и всѣ прочіе ученики: спалъ въ общей спальнѣ и подчинялся всѣмъ пансіонскимъ правиламъ; впослѣдствіи же сталъ спать въ отдѣльной комнатѣ, съ воспитанникомъ Авдѣевымъ изъ Москвы, и пользоваться относительно большей свободой.

Кормили пансіонеровъ недурно: утромъ и вечеромъ давали чай въ большихъ фарфоровыхъ чашкахъ, съ бѣлымъ хлѣбомъ; но такъ какъ въ чашки клали сахарный песокъ, то чай былъ мутный; зато всего давали вдоволь. Въ 12 часовъ полагался завтракъ, въ 6—обѣдъ. За столомъ прислуживали татары; швейцарами были отставные гвардейскіе солдаты.

По воскресеньямъ и праздникамъ я ходилъ въ гости къ старому пріятелю отца, нѣмцу Александру Яковлевичу Фаренгольцу, жившему на Михайловской площади, въ домѣ рядомъ съ Дворянскимъ Собраніемъ. Иногда въ субботу или наканунѣ праздника я ночевалъ у Фаренгольца. Въ прежнее время онъ былъ участникомъ въ набивной кисейной фабрикѣ Менда,**) находившейся близъ Петербурга. Когда я учился въ Петербургѣ, Мендовская фабрика была уже закрыта, и Фаренгольцъ жилъ доходами со своего капитала. Александръ Яковлевичъ былъ женатъ на нѣмкѣ Минѣ Осиповнѣ; дѣтей у нихъ не было, зато они любили вообще собакъ, а своихъ комнатныхъ собачекъ „Мосю“ и „Амишку“ въ особенности. Портреты этихъ собачекъ, писанные масляными красками, висѣли въ золоченыхъ рамахъ въ кабинетѣ Александра Яковлевича.

---

*) Булочная Беца находилась напротивъ пансіона.

**) Фридрихъ Мендъ и К°.

Самъ Фаренгольцъ былъ очень аккуратный человѣкъ: онъ не терпѣлъ, чтобы валялись бумажки, ниточки, веревочки и т. п., все тщательно подбиралъ, и всюду былъ у него образцовый порядокъ. Мина Осиповна хотя была женщина довольно простая, но неглупая, добрая и хорошая хозяйка. Помню, какъ-то мой отецъ спросилъ ее, любитъ ли она какое-то кушанье, на что она наивно отвѣтила: „наша невѣстка все трескаетъ". Потомъ отецъ говорилъ, что эту поговорку Мина Осиповна, должно быть, слышала отъ своей кухарки. Знакомыхъ у Фаренгольцовъ было немного. Встрѣчалъ я у нихъ доктора 8-го флотскаго экипажа Александра Александровича Менда (брата бывшаго фабриканта—Менда), отставного чиновника Павла Ивановича Рейслера, художника Клиндера и контръ-адмирала Истомина. Все это были люди уже пожилые. Столъ у Фаренгольцовъ былъ очень хорошій; къ завтраку и обѣду подавалось немного блюдъ, но зато все было отлично приготовлено; я никогда не ѣдалъ такихъ вкусныхъ рябчиковъ и сельдей, какъ у нихъ.

Во время концертовъ въ Дворянскомъ Собраніи, изъ оконъ квартиры Фаренгольцовъ были видны вереницы экипажей, подъѣзжавшихъ къ Собранію, и какъ выходили изъ нихъ элегантно одѣтые дамы и кавалеры—военные и статскіе.

Ходилъ я также къ своей теткѣ, вдовѣ Александрѣ Петровнѣ Визгиной*), которая жила вмѣстѣ со своею дочерью Александрой Никитишной, на квартирѣ противъ Маріинскаго театра. Александра Петровна была старая, скупая, недалекая женщина; дочь ея, уже не первой молодости, образованная и любезная, любила свѣтскую жизнь. Визгины держали извощичью карету, въ которой Александра Никитишна дѣлала визиты и ѣздила въ театры. Лѣтомъ Визгины переѣзжали на дачу въ Петергофъ, гдѣ я у нихъ тоже бывалъ. Въ Петергофскомъ дворцѣ тогда можно было покупать у придворнаго кондитера конфекты, пирожки и мороженое. Мы съ Александрой Никитишной не разъ ѣдали во дворцѣ у этого кондитера прекрасное мороженое, которое подавали на хрустальныхъ блюдцахъ съ серебряными золочеными ложечками, на ручкахъ коихъ были рельефные двуглавые орлы.

Помню, какъ Александра Никитишна стала невѣстой одного чиновника, Котельникова, подарившаго мнѣ агатовую ступку и два или три платиновыхъ тигля, которые скоро потомъ онъ потребовалъ обратно, вѣроятно по настоянію моей скупой тетушки.

Изрѣдка навѣщалъ я своего дядю, профессора Сергѣя Петровича Боткина, жившаго у Пяти Угловъ. Тамъ встрѣчалъ я Пеликана, Сѣченова, Бѣлоголоваго, Виктора Александровича Крылова, на сестрѣ котораго Сергѣй Петровичъ былъ женатъ, и другихъ извѣстныхъ лицъ.

Иногда бывалъ я въ театрѣ. Въ то время въ Петербургѣ процвѣтала оперетка. На Александринской сценѣ играла граціозная Лядова, а на Михайловской—изящ-

*) Сестра моей матери.

ная Деверіа. Той и другой актрисой увлекались молодые и старые. Мой товарищъ по спальной комнатѣ въ пансіонѣ Гирста—Авдѣевъ, благодаря знакомству съ суфлеромъ, смотрѣлъ Лядову въ „Прекрасной Еленѣ“ изъ суфлерской будки*). Одновременно въ театрѣ Берга давали піесу „Островъ Калипсо“, въ которой являлась въ роли Калипсо, въ одномъ трико, красивая, но безголосая блондинка Eugénie de Forêt.

Въ Артистическомъ клубѣ у Пяти Угловъ посѣщалъ я вечернія лекціи русской исторіи Николая Ивановича Костомарова, который, хотя уже старый и беззубый, читалъ увлекательно. Въ Николаевской Военной Академіи также слушалъ вечернія лекціи, устраиваемыя Военно-Техническимъ Комитетомъ; читали: Киттары, Ходневъ и Лесгафтъ—о питательности разныхъ консервовъ, причемъ послѣ лекцій давали пробовать слушателямъ тутъ же варившіеся щи, бульоны и въ томъ числѣ извѣстную въ германской арміи гороховую колбасу.

На Масляницѣ устраивались балаганы и ледяныя горы на Адмиралтейской площади, на которой въ то время еще не разбивали сквера. Тамъ въ одномъ насквозь промерзшемъ балаганѣ смотрѣлъ я піесу съ оглушительной стрѣльбой, сюжетъ которой былъ заимствованъ изъ Кавказской войны. На Масляницѣ же пріѣзжали въ Петербургъ чухны на своихъ быстрыхъ лошадкахъ, съ колокольчиками подъ дугой, и катали по городу публику за дешевую плату, дѣлая подрывъ русскимъ извощикамъ.

Весной, съ открытіемъ навигаціи, ходилъ я въ биржевой скверъ, куда съ первыми пароходами привозили изъ-за-границы попугаевъ, пѣвчихъ птичекъ, обезьянокъ, черепахъ, саламандръ, рыбокъ для акваріумовъ, разныя раковины, нѣмецкіе пряники и т. п. Скверъ содержался очень опрятно, дорожки были посыпаны краснымъ пескомъ; гуляла элегантная публика. Жаль, что скверъ былъ потомъ уничтоженъ.

Осенью бывалъ я на праздникѣ въ Таврическомъ саду, гдѣ между прочимъ принималъ участіе военный хоръ пѣсенниковъ. Помню, какъ запѣвала хора, указывая на гвардейскихъ солдатъ разныхъ полковъ, находившихся между зрителями, пѣлъ:

А большіе каблуки —
Кирасиры дураки.

Или:

Егеря, егеря—
Рать любимая царя.

---

*) На Александринскомъ театрѣ я засталъ еще Василія Васильевича Самойлова, игрою котораго восхищался, въ особенности въ Аверкіевской „Комедіи о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей, Нардынъ-Нащокина, дочери Аннушкѣ“.

Или:

Вотъ гренадерскій полкъ,
А свяжись съ нимъ—будетъ толкъ.

И такъ далѣе, а хоръ подпѣвалъ:

Ахъ ты ка̀лина, ахъ ты ма̀лина.

Хотя въ пансіонѣ Гирста недурно кормили, все же иногда заходилъ я въ трактиры и кафе-рестораны. На Васильевскомъ островѣ, въ 1-й линіи, въ трактирѣ „Лондонъ“, обыкновенно заказывалъ себѣ жаренаго въ сотейникѣ рябчика и омлетъ съ вареньемъ; на Большой Морской, въ „Маломъ Ярославцѣ“, спрашивалъ обѣдъ въ рубль; на Васильевскомъ островѣ, близъ Морского корпуса, существовалъ кафе-ресторанъ Вильдпрета, куда ходило много флотскихъ офицеровъ и куда закусить хаживалъ и я; иногда я бывалъ и на Невскомъ, у „Доминика“*).

Зимой 1870 года въ Петербургѣ стояли жестокіе морозы: въ термометрахъ замерзала ртуть; птицы падали мертвыми; во дворцахъ извощикамъ давали даромъ чай и калачи. Въ эту зиму мой отецъ пріѣзжалъ въ Петербургъ на совѣщанія Таможенной Тарифной Коммиссіи, и останавливался на Михайловской, въ гостинницѣ Клея, теперь „Европейской“. Послѣ занятій я приходилъ къ отцу и ночевалъ у него въ номерѣ. Тогда у Клея завѣдывалъ буфетомъ извѣстный Іонъ, и кормили отлично.

Въ іюнѣ 1871 года я оставилъ пансіонъ Гирста, и незадолго передъ тѣмъ предпринялъ поѣздку на Валаамъ. Пароходъ, зайдя въ Шлиссельбургъ и выйдя изъ Невы въ Ладожское озеро, направился къ острову Коневецъ, куда пришли вечеромъ. Поужинавъ въ монастырской гостинницѣ, пошелъ я посмотрѣть, какъ монахи вытаскивали изъ озера сѣти, наполненныя множествомъ блестящей какъ серебро рыбы. Всю ночь провелъ я на берегу, и было свѣтло почти какъ днемъ. Поутру пароходъ пошелъ дальше, зашли въ Кексгольмъ, а къ вечеру пришли на Валаамъ. Здѣсь помѣстили меня въ кельѣ вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ на пароходѣ молодымъ дьякономъ, который оказался пьяницей и ловеласомъ: запасшись въ Кексгольмѣ водкой, онъ сталъ ее пить въ кельѣ, а на другой день, на возвратномъ пути, волочился за молодыми пассажирками.

По моемъ возвращеніи изъ Петербурга въ Москву, отецъ повезъ меня (вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ братьевъ) къ живущему на дачѣ въ Соколовѣ, близъ Химокъ, извѣстному педагогу Владиміру Яковлевичу Стоюнину, бывшему тогда инспекторомъ Московскаго Николаевскаго Сиротскаго Института. Стоюнинъ проэкзаменовалъ меня изъ нѣсколькихъ предметовъ, нашелъ недостаточно подготовленнымъ, чтобы поступить въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе, и

*) Посѣтители этого кафе-ресторана назывались „доминиканцами“.

посовѣтовалъ продолжать учебныя занятія. По рекомендаціи Стоюнина я сталъ дома брать уроки русскаго языка у Павла Ефимовича Басистова*) и математики—у преподавателя гимназіи Ступина. Кромѣ того былъ приглашенъ давать мнѣ уроки французскаго языка французъ Дюфоръ, изъ Коммерческаго училища, что на Остоженкѣ. Послѣ моего милаго Ростислава Николаевича Гришина—Ступинъ не особенно пришелся мнѣ по вкусу. Некрасивый и рябой, всегда угрюмый, желчный, онъ преподавалъ математику какъ-то сухо. Напротивъ, Дюфоръ былъ ласковый, веселый и предупредительный. Зная, что я интересуюсь технологіей**), Дюфоръ сталъ возить меня на заводы и фабрики. Такъ, съ нимъ я осматривалъ: сахаро-рафинадный заводъ бр. Борисовскихъ въ Сокольникахъ, набивную фабрику Майкова подъ Дѣвичьимъ, на которой набивали платки еще ручнымъ способомъ, и парфюмерную фабрику Ралле, гдѣ видѣлъ на рѣшетахъ, покрытыхъ слоемъ сала, лежащія вѣточки резеды.

Уроки физики и химіи давалъ мнѣ студентъ-медикъ Константинъ Николаевичъ Никитинъ, отецъ котораго былъ прозекторомъ Московскаго Университета и жилъ въ одноэтажномъ домѣ на Моховой противъ Манежа, нынѣ не существующемъ.

К. Н. Никитинъ былъ завзятый химикъ, можно сказать, не выпускавшій изъ своихъ рукъ учебника Менделѣева „Основы химіи". Къ Никитину я ходилъ на уроки. Онъ занималъ у своего отца комнатку съ низкимъ потолкомъ и въ одно окно, выходившее на дворъ. Вся мебель состояла изъ кровати, стола, двухъ или трехъ стульевъ и шкафа; шкафъ былъ наполненъ книгами, физическими и химическими приборами и банками съ разными веществами. На столѣ лежали: человѣческій черепъ, препарированная кисть руки безъ кожи со всѣми артеріями, венами и нервами, колбы, реторты и т. п. Тутъ же у себя въ комнатѣ Никитинъ показывалъ мнѣ разные опыты.

Еще въ Петербургѣ, у Штоля и Шмидта, купилъ я нѣсколько химическихъ элементовъ: калій, натрій, бромъ, іодъ, фосфоръ и др., а затѣмъ пополнилъ это собраніе элементовъ въ Москвѣ. Имѣлись у меня также нѣкоторые алкалоиды (теинъ, коффеинъ, никотинъ и др.) и разныя благовонныя эфирныя масла. Уѣзжая за-границу, я отдалъ Никитину всѣ опасныя и ядовитыя вещества. Эфирными же маслами, послѣ моего отъѣзда, долго душилась вся наша прислуга.

Сталъ я иногда заходить въ городъ, въ лавку отца, который торговалъ тогда въ Богоявленскомъ переулкѣ, на Чижовскомъ подворьѣ, мануфактурнымъ товаромъ. У отца въ лавкѣ служилъ его братъ—Павелъ Васильевичъ. Отецъ

---

*) Басистовъ преподавалъ тогда въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

**) Въ то время я читалъ съ большимъ интересомъ Муспратта и другія книги по технологіи, мечтая поступить въ петербургскій Технологическій Институтъ, или Политехникумъ въ Карлсруэ.

былъ очень строгъ, и всѣ служащіе, въ томъ числѣ и мой дядя, его боялись. Отецъ не любилъ, чтобы въ лавкѣ кто-либо изъ служащихъ курилъ, хотя самъ курилъ очень много сигаръ; онъ также не любилъ, чтобы служащіе читали газеты или книги, вообще не терпѣлъ, чтобы въ лавкѣ занимались постороннимъ дѣломъ, и если кто попадался въ такихъ проступкахъ, того отецъ порядкомъ отчитывалъ. Прикащики получали въ лавкѣ хозяйскій чай и сахаръ, а ѣли на свои деньги, покупая все у разнощиковъ. Разнощики въ городѣ носили въ скоромные дни горячіе мозги, сосиски, почки, ветчину*), а въ постные—рыбу; также носили пироги на скоромномъ и постномъ маслѣ. Одинъ поваръ носилъ въ горшкѣ горячія щи, а одна баба носила въ лукошкѣ горячіе блинчики съ сахаромъ. Много лѣтъ ходилъ въ городѣ разнощикъ со сдобными сухарями, пискливымъ голосомъ выкрикивая: „сахарные сухари“.

Контора отца всегда находилась въ домѣ, гдѣ мы жили; притомъ, когда мы еще жили въ домѣ Херодинова, то нашъ бухгалтеръ Дмитрій Петровичъ Матвѣевъ и его помощникъ Павелъ Ивановичъ Голубковъ**) удостоивались завтракать и обѣдать вмѣстѣ съ моими родителями. Д. П. Матвѣевъ жилъ у насъ въ домѣ Херодинова и держалъ у себя кота, котораго очень любилъ; занимался Дмитрій Петровичъ также музыкой и даже написалъ романсъ, начинавшійся такъ:

Вино даетъ намъ вдохновенье,
Вино насъ грѣетъ и живитъ....

Съ дядей Павломъ Васильевичемъ ѣздилъ я на Нижегородскую ярмарку. Жили мы тамъ въ лавкѣ отца (бывшей Матіаса), на Царской улицѣ, въ Панскомъ гуртовомъ ряду, почти напротивъ трактира Бубнова. Лавка находилась въ общемъ каменномъ двухъэтажномъ корпусѣ. Изъ такихъ корпусовъ состоитъ вся ярмарка, выстроенная Бетанкуромъ. Въ нижнемъ этажѣ обыкновенно торгуютъ, а въ верхнемъ помѣщаются конторы и жилыя комнаты. Въ продолженіи ярмарки служили у насъ два татарина: старикъ Велитъ съ сыномъ Сабиромъ, пріѣзжавшіе изъ своей деревни Сергачскаго уѣзда***) (Нижегородской губ.).

Ярмарочные нравы были еще довольно патріархальные. Пріѣзжіе покупатели, входя въ лавку, крестились и троекратно цѣловались съ дядей и съ главными прикащиками. Нѣкоторые покупатели привозили подарки. Такъ, казаки, братья

---

*) Разнощики варили ветчину въ городѣ, въ общемъ котлѣ, и за варку ничего не платили; зато въ пользу хозяина котла оставалась часть ветчиннаго жира.

**) Впослѣдствіи одинъ изъ директоровъ Московскаго Трехгорнаго пивовареннаго завода.

***) Въ гор. Сергачѣ существовало для дрессировки медвѣдей особое заведеніе, въ шутку называвшееся „медвѣжьей академіей“. Въ этомъ заведеніи былъ устроенъ каменный полъ, который сильно нагрѣвали подвальною печью, а медвѣдю на заднія лапы надѣвали валенки; вслѣдствіе накаленности пола медвѣдю невольно приходилось поднимать переднія лапы. Послѣ того какъ запретили водить медвѣдей, „медвѣжья академія“ закрылась. Иногда съ медвѣдемъ водили и козу, сопровождаемую барабанщикомъ, отчего и произошла поговорка: „отставной козы барабанщикъ“. Въ 1904 году, будучи въ гор. Тулузѣ, я видѣлъ, какъ по улицамъ водили медвѣдей.

Абрамовы изъ Новочеркасска, дарили балыки или цымлянское вино, кавказскіе армяне—кахетинское вино въ бурдюкахъ или сушеные фрукты. Ходебщики или „Ходьба“, какъ ихъ короче называли, считались одними изъ лучшихъ покупателей, такъ какъ покупали за наличныя деньги, на довольно значительную по тогдашнему времени сумму. У насъ покупали ходебщики: Селиверстовъ, Чаяновъ, Богомоловы, Малышевы, Телѣгинъ и др. Каждый хозяинъ „Ходьбы“ приходилъ въ лавку съ десятью или болѣе прикащиками, долго торговался, потомъ каждый изъ его прикащиковъ въ отдѣльности отбиралъ товаръ; послѣ отборки товара, по заведенному обычаю, „Ходьбу“ угощали въ трактирѣ Бубнова, куда отправлялись въ такомъ порядкѣ: впереди шли хозяинъ „Ходьбы“ съ моимъ дядей, а за ними попарно прикащики-ходебщики.

На ярмарку съѣзжалось множество нищихъ калѣкъ и уродовъ. По рядамъ днемъ разъѣзжали въ колясках разряженныя въ платья яркихъ цвѣтовъ женщины и прелюбезно раскланивались съ торговцами: это были обитательницы Кунавинскихъ притоновъ, пріѣзжавшія на ярмарку изъ Москвы, Казани, Рыбинска и другихъ городовъ. Пьянство на ярмаркѣ процвѣтало; пилъ также и мой дядя, и нѣкоторые изъ нашихъ прикащиковъ. Иногда ночью дядя возвращался въ лавку въ такомъ состояніи, что татаринъ Сабиръ принужденъ былъ втаскивать его на своей спинѣ по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Но какъ только пріѣзжалъ на ярмарку мой отецъ,—пьянство у насъ прекращалось, и впродолженіи двухъ недѣль, до отъѣзда отца, всѣ вели себя хорошо.

Кормили на ярмаркѣ превосходно. Первымъ ресторанομъ считался ресторанъ Никиты Егорова. Въ то время Волгу и Оку еще не отравляли нефтью, какъ нынѣ, и потому рыба имѣла чистый вкусъ; раки были крупные, не такая мелочь, какую видишь теперь; въ окрестностяхъ Нижняго въ изобиліи водились утки, дупеля, бекасы, рябчики.

Съ ярмарки ходилъ я пѣшкомъ въ Нижній, гдѣ, не помню въ какой библіотекѣ, бралъ старые номера С.Петербургскихъ Вѣдомостей съ фельетонами А. С. Суворина (Незнакомца), которыми зачитывался. Потомъ уже въ Москвѣ сталъ посѣщать Чертковскую библіотеку, находившуюся на углу Мясницкой и Фуркасовскаго переулка*), библіотекаремъ которой былъ тогда Петръ Ивановичъ Бартеневъ. Помню, что на стѣнѣ входной лѣстницы висѣлъ портретъ фаворита Екатерины II—Ланского, и что въ библіотекѣ я читалъ „Письмовникъ“ Курганова.

Весной 1872 года отецъ поѣхалъ за-границу и взялъ меня съ собой.

---

*) Въ домѣ Черткова библіотека была открыта для публики съ 1861-го по 1872-й годъ; въ настоящее же время она находится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

Письма, стихотворенія и нѣкоторые матеріалы къ біографіи П. В. Шумахера.

Тихая могила
Отъ начала вѣка
Много схоронила
Жизней человѣка.

Сгнили всѣ до кости,
Иль съ водой умчались,
Кой-гдѣ, скаля зубы,
Остовы остались.

Цѣли жизней новыхъ
Видны въ тусклой дали. . . .
Мудрецы людскіе
Ихъ не разгадали

Н. Огаревъ.

Написано Огаревымъ въ Женевѣ, послѣ многихъ бутылокъ выпитыхъ съ Мальчинскимъ, служащимъ нынѣ въ Кременчугѣ, въ банкѣ.

Мальчинскій мнѣ отдалъ оригиналъ, написанный на лоскуткѣ, а я его подарилъ Праск. Фед. Перфильевой, рожд. Граф. Толстой.

Москва. 80 года.

A Tear, a Smile, a Sigh,—
Soft blooms of souled ground!
Their perfumes smell around
Since born,—and till we die.

from Your reveret, fullfraught of sympathy, to You.

P. Schumacher,
grateful for ever.

2 January 1881.
Moscow

Еленѣ Ивановнѣ Брантъ другу П. Ф. Перфильевой. Я ей послалъ стихи: *a Tear*. Она мнѣ прислала свою карточку съ надписью „A Smile for a Tear.“ А Пр. Фед. Перфильева, при этомъ, подарила мнѣ свою фотогр. карточку, съ надписью—*A Sigh for a Smile*. Я и написалъ вышеознач. стихи.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ,

Сегодня я на похоронахъ сестры Кетчера и послѣ погребенія буду на поминкахъ: вотъ почему я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи у васъ обѣдать.

Что за прелесть Руместанъ!

Въ Пятницу буду у Павла Лукича*) и былъ бы очень радъ съ вами тамъ увидаться.

Душевно вамъ преданный

П. Шумахеръ.

Среда.

На оборотѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Пречистенка, близъ Депо свой домъ.

Забылъ я Васъ просить принести мнѣ что нибудь для чтенія, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Эти дни я рѣшилъ провести въ своей кельѣ и буду пробавляться Вольтеромъ. Въ пятницу надѣюсь увидать Васъ у Павла Лукича. Если можно подберите хотя нѣсколько номеровъ Evénement. Къ досадѣ моей забылъ газеты у П. Л. Передайте мое почтеніе вашимъ; желаю имъ всѣмъ счастливаго пути, добраго здоровья и благополучнаго возвращенія.

Вашъ П. Шумахеръ.

Выпишите книгу: Oeuvres de Maximillien Robespierre, avec une notice historique, des notes et des commentaires—par Laponneraye, précédées de considérations générales—par Armand Carrel. 3 tomes. A Paris. Chez L'Editeur (?) Faub-g S-t Denis. 13. 1840.

Книга—дивная.

На конвертѣ: Пречистенка, близъ Депо.

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Свой домъ.

Думалъ въ пятницу встрѣтить Васъ у Павла Лукича; но долженъ провести вечеръ въ другомъ мѣстѣ. Очень сожалѣю, любезный и уважаемый Петръ Ивановичъ, что желаніе мое видѣть Васъ не исполнится. Но aufgeschoben ist nicht aufgehoben. Надѣюсь быть у Васъ на сихъ дняхъ, о чемъ извѣщу Васъ заблаговременно.

Книгами Вашими наслаждаюсь и скоро ихъ Вамъ доставлю съ благодарностію.

Вамъ душевно преданный

П. Шумахеръ.

Четвергъ.

На конвертѣ: Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Пречистенка—уголъ Лопухинскаго переулка, близъ Депо, въ своемъ домѣ.

*) Пикулинъ.

Іюнь, 1883.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ,

Нарочно поѣхалъ я въ амбаръ къ Вамъ раньше, чтобы только сдать книги и не отвлечь Васъ отъ *дѣловъ*.

Не будете ли такъ добры и любезны прислать мнѣ какихъ нибудь книгъ? Если есть газеты, то ублаготворите.

Въ Субботу, завтра, Вы будете конечно въ Клобѣ. Не зайдете ли оттуда? Если же почему бы то ни было, это будетъ для Васъ не удобно, то перешлите пакетъ съ лакеемъ къ нашему швейцару.

У Пикулина надѣюсь Васъ увидѣть.

Сегодня ночью сложилъ стишки, genre Ronsard.

Сердечно Вамъ кланяюсь.

П. Шумахеръ.

На конвертѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Пречистенка. 13. Свой домъ.

Сегодня мнѣ было еще хуже; я не только не сходилъ къ обѣду, но не подымался съ дивана. Не знаю что будетъ завтра. У меня приготовлены къ отсылкѣ:

Козловой Альбомъ.

Огаревъ, съ отмѣтками.

Heine—Selden. Глава XV хороша.

У меня останутся недочитанными

Un parisien dans les Antilles

и непочатыми

Le Monde Slave

и Viel Castel.

Если Вамъ Viel Castel нужно, то пришлите за нимъ; тогда я возьму у Пр. Ф.,*) которая себѣ его купила какъ только онъ вышелъ.

Благодарю за сообщеніе письма Бера, которое положилъ въ книжку Огарева.

Если завтра выйду то пришлю Вамъ съ посыльнымъ Козлову, Огарева и Гейне. Посылать же кого нибудь для передачи посыльному, не рѣшаюсь.

Будьте здоровы. Большое спасибо за газеты. Не найдется ли 1-я половина Le vice dévoilé, Шолля? Вторая часть въ Événement отъ 4 Янв. № 4302.

1, Au soleil—Мопассана.

На оборотѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Пречистенка, свой домъ 13.

*) Прасковья Федоровна Перфильева.

1884.

Что̀ это, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, Вы какъ будто заграницей или въ Нижнемъ. Никакъ до Васъ не доберусь. Выйду какъ нибудь до ближняго бульвара и домой назадъ: все неможется. И къ Павлу Лукичу попасть не могу. Увѣдомьте строчкой—здоровы ли?

Я писалъ Іостамъ и въ Теплицъ. Поклонитесь отъ меня вашимъ.

Жму руку.

4 сент.

На оборотѣ:

Пречистенка. 13.

Господинъ Петръ Ивановичъ Шукинъ.

Спасибо за стихи и за газеты, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Книги Вы Ваши конечно получили. У меня *Menard;* а изъ другихъ двухъ я дѣлаю извлеченія. Не посѣтуйте, что задержалъ.

Въ пятницу вышелъ изъ дому и теперь каждый день гуляю. Сбираюсь на Пречистенку; но не знаю какой день.

На конвертѣ: Пречистенка близъ Депо.

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Свой домъ.

Васъ и Дм. Ив. поздравляю съ Праздникомъ. Благодарю за книги.

Не можете ли Вы мнѣ сегодня прислать рублей *тридцать* мелкихъ бумажекъ, а остальныя до ста какими нибудь; а при свиданіи я Вамъ дамъ Екатерину.

Мнѣ получше. Девятаго Янв. переѣзжаю. Ужъ дано знать.

Und also Gott befohlen!

Благодарю, что меня выручили, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. По старческому и болѣзненному безпамятству запряталъ бумажку подальше, чтобы ближе найти, и не знаю куда. А сегодня у меня большой расходъ, надо прислугу въ домѣ надѣлять: noblesse oblige.

Вездѣ все перешариваю и переворачиваю; это со мной не впервые.

Сегодня Der heilige Christ подсунулъ мнѣ записочку, въ которой сказано, что Графъ С. Д. Шереметевъ увѣдомленъ о моемъ переѣздѣ*) на 9 января.

Желаю Вамъ праздники провести весело и пріятно. Привѣтствую милую Антонину Ивановну и добрѣйшаго Дмитрія Ивановича.

25 дек. 86.

На конвертѣ: Пречистенка близъ Депо.

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ. Свой домъ.

*) Въ странноприимный домъ.

Выпустили меня на волю. Въ пятницу ѣздилъ къ своимъ; сегодня сдѣлалъ кое-какіе визиты и завтра, въ Воскресенье, надо ихъ закончить; какъ ни хотѣлось бы повидаться съ Вами, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Въ предчувствіи Вашего посѣщенія считаю нужнымъ извѣстить Васъ, что дома не буду. Очень желалъ бы къ Вамъ во вторникъ на грибы, чтобы повидать Васъ и Вашихъ. Буду ждать извѣщенія отъ Васъ. Или въ понедѣльникъ? Мнѣ все равно,—какъ удобнѣе для Васъ?

По видимому, я укрѣпляюсь.

Суббота.

На конвертѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Пречистенка, близъ Депо, свой Домъ.

Съ пріѣздомъ! Читаю Вагнера и ругаю гравюры Fantin-Latour 'a. Текстъ—прелесть. Хочу покинуть рай во вторникъ или въ среду. До свиданія, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Письмо, переданное Маклаковымъ, одно изъ тѣхъ, которыми, за неимѣніемъ лучшей бумаги, подтираютъ. . . . . .

Здоровье мое, какъ будто, ничего, а все года свое берутъ.... Машина ветшаетъ сильно.

На конвертѣ: Москва. Пречистенка, близъ Депо. Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ. Свой домъ.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, я былъ очень боленъ послѣднее время въ Кусковѣ и меня вчера оттуда вывезли въ экипажѣ. Ноги разболѣлись и глаза. Простите, что книги задержалъ. Онѣ уложены болѣе мѣсяца и я до Васъ ихъ держалъ у себя; а тутъ пошли было дожди. Прошу Вашего снисхожденія. Очень, очень Вамъ благодаренъ. Книги Дм. Ив. туть же.

Хочу лечиться баней. Сердечно Вамъ кланяюсь. Гдѣ Екатерина Петровна и какъ ея здоровье? Прошу ей засвидѣтельствовать мое душевное почтеніе.

Понедѣльникъ.

На конвертѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Шуйское подворье, Юшковъ переулокъ.

Ящикъ съ книгами.

Отъ П. В. Шумахера, изъ Шереметевской больницы.

Поздравляю Васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, съ Новымъ Годомъ, желаю вамъ всего хорошаго. Передайте мои сердечныя поздравленія и привѣтствія всѣмъ вашимъ. Меня не выпускаютъ и самъ чувствую что надо сидѣть.

Графъ С. Д.*) прислалъ мнѣ для передачи Вамъ Вяземскаго и Бобринскаго. Японскія сказки прелесть. Адольфъ выдавилъ у меня слезу; а Чуйко съ Казамбекомъ меня напугали. Незеленовъ тупъ; но книга его очень полезна. Венеція очень хорошее изданіе, особенно по описанію художественной стороны.

Будьте здоровы и благополучны.

31 дек. 88.

Благодарю за книги, бумагу и конверты. Сейчасъ получилъ отъ С. Д.*) письмо изъ Кускова, гдѣ онъ на чистомъ воздухѣ отдыхаетъ отъ городскаго чада. Вотъ настоящая картина; а ту, которую я Вамъ далъ въ воскресенье—уничтожьте.

Кланяюсь Вамъ и желаю быть здоровымъ.

23 янв. 89.

Lemercier. Онъ хорошъ въ комич. родѣ; а это—сволочь.

Un bal—взрослымъ дѣвицамъ подарите (у Мерцъ).

Aphrodites—мѣста не пролежитъ.

Грошевикъ и экономъ,
Видитъ онъ во всемъ наживу;
Дермопрятъ и агрономъ,—
Онъ сухимъ своимъ . . . .
Унавоживаетъ Ниву.

Вкоренителей рутинъ,
Нашимъ школьникамъ знакомыхъ,
Древнихъ грековъ и латинъ—
Перевелъ въ одинъ притинъ,
Какъ морильщикъ насѣкомыхъ.

Стихопашецъ и маклакъ,
Издержать копѣйку труся,
Онъ на плѣшь наводитъ лакъ:
Издалъ Фауста, какъ кулакъ,
У Максима отнялъ гуся.

Наглъ и подлъ, какъ всѣ льстецы,
Посвятилъ онъ разнымъ принцамъ
Сельской музы образцы;
И пролѣзъ къ нимъ во дворцы,
Угождая челядинцамъ.

---

*) *) Графъ С. Д. Шереметевъ.

Въ юбилей свой за̀далъ фетъ,
Трубачей направилъ къ пиру,
Подписной сожралъ обѣдъ,
И остатки отъ котлетъ
Взялъ съ собою на квартиру.

29 Января 1889.

Moscou.

Варіантъ:

Маговъ Рима и Аѳинъ,
Нашей юности тирановъ,
Древнихъ грековъ и латинъ—
Перевелъ въ одинъ притинъ,
Какъ морильщикъ таракановъ.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, четыре конверта въ одномъ пятомъ переданы мнѣ отъ Васъ. Что Вамъ написать? Скажу при свиданіи.—А что? Вы понимаете.—Прошу передать мою глубокую признательность за вниманіе и помощь Екатеринѣ Петровнѣ, Сергѣю Ив. и Дм. Ив. Желаю всѣмъ Вамъ всего лучшаго и крѣпко жму Вашу руку.

5 апр. 89.

На конвертѣ: Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

21-го Іюля 1890.

*) *Есть хорошія мѣста.*	Annales du salon des oeuvres de Marseille.
Прелестно.	Journal du voyage de Cherémétéff.
Оч. хорошо.	Margeret.
Хоть бы теперь.	Théatre à la mode. *Юморъ хорошъ.*
Дрянь.	Le roman d'un enfant.
Хорошо.	Mémoires historiques de la cour de France.
Старина въ родѣ писемъ Карамзина.	Voyage au Mont d'or.
Ново и не задумано для печати.	Journal d'un étudiant.
Для Ліона можетъ быть интересно.	Lyon sous la Révolution.
Началъ читать и бросилъ.	Les Larrons (Hugues Le Roux.)
Не казенно и не скучно.	Paris voici Paris.

*) Напечатанное курсивомъ—написано рукой П. В. Шумахера.

Ни одной живой личности.	Un petit-neveu de Mazarin.
Меня заняло, особ. ст. Mazarin. Въ нѣсколько часовъ понялъ я гербовыя названія.	Nouvel armorial du Bibliophile.
10 ориг. мыслей на всю книгу.	Pensées de J. Roux.
Удивленіе какъ событіе и какъ разсказъ.	Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne. 2 тома.
Дрянь. Съ Музея списалъ.	La Chine et les chinois.
Очеркъ г. Онеги. Очеркъ г. Каргополя.	*Промышл. Никольской улицы.*
Памятная книжка Смоленской губерніи на 1859 г.	*Не важна для библ. и не интересна.*

Вы не поставите мнѣ въ вину, что три книги Mélanges d'Archéologie еще не вполнѣ просмотрѣлъ и прочелъ?

28-го Сентября 90 г.

Записки Толубѣева—*)*прелесть.*

Представители Европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. *Читалъ въ какомъ то журналѣ—довольно любопытно.*

Цыганы. *Интересно, хотя безтолку составлено.*

Иваново-Вознесенскъ—*замѣчательно хорошо.*

Н. В. Рукавишниковъ—*по заказу; но память о хорошемъ сынѣ скверного отца.*

Г. В. Гладинъ—*изъ сыновъ отечества, память о которыхъ дорога.*

Н. Н. Бантышъ-Каменскій—*очень любопытно.*

Дневникъ Пѣшкова—*прекрасенъ своей простотой. Я съ нимъ еще разъ проѣхалъ отъ Благовѣщенска.*

Снотолкователь—*картинки хороши. Текстъ дрянь.*

La campagne de 1812.—*Очень интересно и написано хорошо и правдиво.*

Les folles ballades—*въ Клобъ.*

La terre provençale—*прочелъ, что надо; а гдѣ фелиберы—тошнитъ.*

M-elle Clairon—*сухо, скучно, а не оторвешься. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ лучше.*

Le théatre à Lyon au XVIII siècle. *Мастерски написано.*

Souvenir d'une campagne au Caucase. *Недурно. Лица набросаны и картины нарисованы съ натуры.*

---

*) Напечатанное курсивомъ—написано рукой П. В. Шумахера.

Благодарю Васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за подкрѣпленіе. Книги Ваши я всѣ прочелъ съ большимъ наслажденіемъ и прошу не оставить, а то придется умирать голодною смертію, сидя въ одиночествѣ. И рукой махнулъ, будь что будетъ! Пришлите мнѣ, пожалуста, адресъ Ольги Ивановны. А я Вамъ очень кланяюсь и еще разъ благодарю.

7 окт. 1890.

Сухар. келья.

Очень, очень благодарю Васъ за хорошій чистаго вкуса чай, которымъ наслаждаюсь. Возвращаю прочитанныя книги и спасибо за вновь присланныя. Изъ прежнихъ недочитаны—M-me Campan, Le roi chez la reine и Петровскій Сборникъ, которыя скоро кончу.

Несмотря на подлѣйшую погоду, чувствую себя довольно сносно.

Кланяюсь Вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ и всѣмъ вашимъ.

Le parfum далъ читать Аннѣ Мих. Барсуковой.

Прасковья Федоровна проситъ передать Вамъ этотъ списокъ. (?) Это значитъ отъ библіофила библіофилу. При этомъ она желала бы знать,—гдѣ *теперь* Жакольо? Она ему писала, по данному Вами адресу; но до сихъ поръ никакого отвѣта не получила, хотя письмо послали *рекомендованнымъ*. Не уѣхалъ ли онъ куда въ дальнія странствованія?

Благодарю Васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за присылку книгъ. Изъ прежнихъ у меня осталась только Исторія С. П. Бурга. Очень радъ, что Вы освѣжитесь, но я бы на вашемъ мѣстѣ къ братчикамъ не поѣхалъ: ошибкой за шпіона сочтутъ, въ часть возьмутъ и выпорютъ. Я бы съѣздилъ въ Швецію или въ Парижъ.

Желаю Вамъ добраго здоровья и благополучнаго пути.

Позвалъ истопника Павла; онъ сказалъ, что дѣйствительно взялъ въ Четвергъ вечеромъ письмо съ камина; прочелъ адресъ—П. И. Щукину и такъ-какъ шолъ къ Дорогомиловскому мосту къ дровянику, то и взялъ письмо и положилъ его въ почтовый ящикъ у Глазной больницы. Значитъ почта виновата.

Посылаю Вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, списокъ книгъ на—авось. Вы конечно всѣ ихъ знаете, но могли изъ нихъ кое что запамятовать. Очень радъ, если могъ чѣмъ либо Вамъ услужить.

Комизмъ *складчины* на кровать—прелесть! Все таки источникъ—искренность, и за это Гомзину спасибо. Видно, что онъ расположенъ ко мнѣ, а это дороже

всякихъ пустыхъ фразъ. Самое желаніе его мадамы навѣстить меня—меня тронуло. Тутъ видно чувство, которое я всегда цѣню. Что̀ я имъ? Я компаніи съ ними не вожу и въ годъ разъ заѣду обѣдать.

Послѣ Вашего ухода я сталъ складывать банную пѣсню; въ народномъ стилѣ. Вино и сигары воспѣлъ,—надо же и баню прихватить. Авось слажу.

Посылаю Вамъ *Etrennes* и двѣ книжки Ретифа, которыя прошу передать Дмитрію Ивановичу.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Прасковья Федоровна проситъ Васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ,—узнать, если можно, черезъ Вашего корреспондента въ Берлинѣ: тамъ ли находится въ настоящее время *Бремъ* (Зоологъ); а если выѣхалъ, то не извѣстно ли куда и когда его ожидаютъ обратно?

Въ случаѣ, еслибы Вамъ пришлось писать къ Беру,—не можете ли Вы задать этотъ вопросъ? Вы этимъ очень обяжете П. Ф.

До свиданія пріятнаго въ Пятницу.

Посылаю Вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, билетъ 1-го ряда № 10 и прошу пожаловать 20-го числа.

При этомъ—сдѣлайте одолженіе потрудитесь передать прилагаемые конверты Екатеринѣ Петровнѣ и Николаю Ивановичу; а такъ же *два* билета 1-го ряда №№ 13 и 14 Сергѣю Ивановичу съ супругой и билетъ № 9—Дмитрію Ивановичу.

Еслибы кому нибудь изъ Вашихъ знакомыхъ угодно было посѣтить мой вечеръ,—сообщите мнѣ и я Вамъ билеты доставлю.

Сегодня сижу дома и отогрѣваюсь отъ вчерашней стужи.

Среда.

У меня остались:

M-me Eloffe. . . . . 1.
Le vieux Paris. . . . . 1.
Géographie artistique. 1.
Плѣнъ у Шамиля. . . . . 1.
Монсъ. . . . . 1.
L'art japonais. . . . . 1.

Думаю, что кромѣ Physiologie du plaisir было бы интересно милому цѣлителю моему, Г. А—чу,*) прочитать и Une journée à Madère, какъ этюдъ.

Отъ искренняго сердца желаю Вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, весело съѣздить и вернуться здоровымъ. Благодарю Васъ за истинно дружескую помощь и душевное расположеніе. На меня хандра нашла.

---

*) Докторъ Густавъ Адольфовичъ Каспари.

Demain B. C.*) part pour la campagne. Je suis encore faible et je sors à peine. Книжку Хвостовой доставлю завтра къ Вамъ въ подворье. Благодарю за газеты и очень Вамъ всѣмъ кланяюсь.

На оборотѣ: Господину Петру Ивановичу Щукину.

Благодарю сердечно. Если хляби не будутъ разверсты—съ удов. завтра буду у васъ.

Сегодня жду своихъ пріятелей и хозяевъ. Извините, что пишу на лоскуткѣ. Поклонъ вашимъ.

Только-что хотѣлъ послать Вамъ пакетъ съ Алексѣемъ. Благодарю за провизію. Вчера отдыхалъ отъ разъѣздовъ и былъ въ банѣ. Сегодня сижу. Здоровъ.

За Хмырова большое спасибо.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ,

Случайно собрался въ Москву Андрей Ивановичъ, съ которымъ посылаю Ваши книги. Оставилъ только англійскіе разсказы, которые думалъ не читать; а теперь возжелалъ. Если можно пришлите съ А. И. пищи, если не отсылали къ Карпенко.

Очень вамъ кланяюсь и всѣмъ Вашимъ; и еще разъ поздравляю Васъ съ Ангеломъ.

Мнѣ пишите въ Воскресенскъ, Моск. Губ., *до востребованія*. Будьте здоровы и благополучны.

Съ 24 на 25-е іюня. А. И. ѣдетъ чуть свѣтъ.

На оборотѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Близъ Биржи, Шуйское Купеческое подворье, собств. амбаръ. Москва.

При семъ тючекъ съ книгами.

Поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ и благодарю за память. Очень былъ бы радъ видѣть Васъ сегодня, да схватилъ простуду и третій день не выхожу изъ дому. Надо будетъ въ баньку съѣздить. Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ, а такъ же и добрѣйшему Козьмѣ Терентьевичу.**)

Надо подождать когда лѣто настанетъ; а теперь пока все знобъ беретъ и сырость одолѣваетъ.

Не знаете ли Вы *въ чьемъ домѣ* въ Тепломъ переулкѣ живетъ Митр. Нилычъ***) и близъ какого бульвара? До свиданія!

На оборотѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

*) Перфильевъ.

**) Солдатенковъ.

***) Ремезовъ.

Примите обратно книги Ваши съ благодарностью моею, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Прасковья Фед. говоритъ, что стихи Грунау ей извѣстны. Она вечеромъ вчера очень захворала горломъ не знаю, лучше ли ей сегодня.

Думалъ попробовать выйти, да 13-е число пугаетъ. Отложу до завтра.

Очень Вамъ кланяюсь.

На конвертѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Пречистенка, близъ Депо, свой домъ.

И Толстаго книгу возвращаю. Статьи объ охотѣ не занимаютъ меня.

Орла *) разыщу. Посылаю книги и пледъ. Маклаковъ былъ вчера и сказалъ, чтобы я и думать не смѣлъ выѣзжать изъ дому еще нѣсколько дней. Сегодня мнѣ то легче, то хуже. Вообще—скверно.

Очень кланяюсь Павлу Лукичу, не удалось лично пожать ему руку и поблагодарить за чудесный ужинъ.

На оборотѣ:

Господинъ. П. И. Щукинъ.

Пледъ и книги.

Меня очень безпокоитъ обстоятельство, что изъ вашихъ книгъ, мнѣ посланныхъ, Вы не получили Энгельгардта, Physiologie du Coiffeur, M-me Petipa u Robert Houdin. Я писалъ къ Пр. Фед. и получилъ съ Максимомъ въ Новый Годъ отвѣтъ, что всѣ книги эти Вамъ отосланы. Чтó тутъ такое—понять не могу и сильно безпокоюсь. Съ почтой ничего не имѣю, такъ-какъ Андрей Ив. въ Воскресенскъ въ эти праздники не ѣздилъ.

Плохо послѣ болѣзни поправляюсь; сильно вдругъ перевернуло всего.

Благодарю за книги; Th. de Banville—прелесть. Я его въ первые два дня новаго года проглотилъ. Кланяйтесь Павлу Лукичу: очень благодаренъ ему за газеты. Гдѣ онъ Новый Годъ встрѣчалъ, гдѣ вы? Будьте здоровы! До свиданія, надѣюсь, до скораго. Обнимаю Васъ.

Я вамъ писалъ два письма. Писалъ и къ Павлу Лукичу.

Не могу я въ четвергъ къ Вамъ пріѣхать, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ; позвольте въ среду, если только не будетъ ненастнаго дня.

Скороспѣлку, которую я Вамъ далъ, похерьте. Я ее передѣлалъ, и въ новомъ видѣ она лучше. Посылаю Вамъ ее на оборотѣ.

---

*) Стихи „Старый орелъ“ Я. П. Полонскаго.

Книги Ваши я кончилъ, кромѣ Менара, и привезу Вамъ ихъ, съ двумя номерами Gaulois.

Павлу Лукичу напишу замѣчаніе за *кацевейку* и конечно онъ Вамъ сообщитъ мое письмо конфиденціяльно, такъ же каждому изъ своихъ знакомыхъ пóрознь.

Я сижу наверху и не двигаюсь изъ дому: однимъ рискованнымъ выѣздомъ можно испортить все, что наладилось мѣсяцами.

Будьте здоровы, поклонитесь отъ меня Катеринѣ Петровнѣ и передайте мое сердечное привѣтствіе и поздравленіе Сергѣю Ивановичу и поблагодарите Михаила Ивановича за присылку газетъ.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ,

Каталогъ и l'art en Espagne я самъ привезу. Если для васъ все равно, позвольте мнѣ у васъ обѣдать *5-го числа* въ Сочельникъ? Т. е. во вторникъ, вмѣсто понедѣльника. Кажется въ этотъ день бываетъ постное, до котораго я весьма охочъ.

На оборотѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Пречистенка, свой домъ.

Стихотворенія Н. И. Грекова.

Гдѣ ни разверните книгу, непремѣнно найдете слова изъ списка (на оборотѣ). Мысли самыя мелкія и забитыя. Крестомъ отмѣтилъ, по моему мнѣнію, лучшіе стихи. Все вообще—лирическій онанизмъ.

Стр. 130— *проножка*—связь у стола или стула внизу.

Лучи. Облака.
Весна.
Окно.
Садъ.
Березы—грезы.
Соловей.
Сонъ.
Ночь.
Луна.
Звѣзды.
Очи—глаза.
Слеза.
Ландышъ. Сирень.
Волна.
Розы.
Заря.

La femme:

Параграфы: 148. 317. 354. 498. 536. 605. 922. 1178. 1600.

Ни въ одной картинкѣ и вообще въ текстѣ нѣтъ вкуса въ выборѣ. Длиннота и скука. *Большинству* книга должна нравиться.

У меня:

Le roi chez la reine.

Dernières années du règne de Louis XVI.

M-me Campan.

Строгановы. Не объяснено, что̀ за картинка?

С. Д. *). прислалъ мнѣ вчера напеч. для его семьи памятный очеркъ о его отцѣ, въ 2-х экземплярахъ: одинъ для Васъ.

Мнѣ привезъ изъ Петерб. Барсуковъ *Лѣвшу.* Хочу подарить С. Д—чу.*) Каншинъ въ Петерб. лекціи о кухнѣ читаетъ. Прислалъ мнѣ поклонъ и трубку, un brûlegueule.

До свиданія.

На конвертѣ: Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.

Мнѣ очень жаль, любезнѣйшій Петръ Ив., что Вы не у меня обронили брошюры; иначе я бы ихъ Вамъ прислалъ. Если онѣ того стоятъ, то объявите въ Моск. Листкѣ: палка моя нашлась.

Каншину не писалъ и отъ него ничего не получилъ—Вы меня надоумили и пошлю ему письмо, на которое конечно получу отвѣтъ и Вамъ сообщу. Онъ очень хорошій и интересный господинъ.

У меня распухли десны и начинается зубная боль.

Не поможетъ ли Eudel?

Завтра посылаю Митр. Нилычу**) свою рукопись. Еслибы можно было устроить, чтобы онъ ее передалъ Г. П—ву, хорошо бы.

На оборотѣ: Господину Петру Ивановичу Щукину.

Карточки сейчасъ передамъ. Третьяго дня получилъ еще письмо отъ Каншина, которое сообщу лично. Прошу снисхожденія за *шмаузъ:* онъ мнѣ принесъ много пользы. Я совершенно здоровъ и закончилъ леченіе въ субботу сильнымъ пареньемъ въ банѣ.

Будьте здоровы. Кланяйтесь вашимъ.

На конвертѣ: Господину П. И. Щукину.

---

*) *) Графъ С. Д. Шереметевъ.

**) Ремезовъ.

Изъ присланныхъ Вами мнѣ на просмотръ газетъ прошлаго года, у Васъ остававшихся, я прочелъ нумера съ 12 октября по 1-е января. Остались у меня затѣмъ 11 нумеровъ,—(9 сентябрскихъ и 2 октябрскихъ).

Все, достойное примѣчанія, отмѣчено мною краснымъ карандашомъ.

Книгъ Вашихъ у меня находится:

Менаръ.
Malon.
Droz.
Giffard.
Colomb.
Pascal.

Возвращаю—Геннади и Божича-Савича.

Кр—на проживаетъ въ семействѣ графа Васильева. Дѣвица скромная. Выѣзжаетъ не иначе *на вечера,* какъ съ семействомъ Масловыхъ. Ясно, что это не *она.*

Будьте здоровы, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

На оборотѣ:

Господинъ Петръ Ивановичъ Щукинъ.
Пречистенка, близъ Депо, свой домъ.

У меня остались:
Menard
Костомаровъ
и Гежезиппъ Моро.

Сарафанчикъ—Полежаева
Стихи Сары Толстой } въ книгѣ—Madame Alphonse.

Мнѣ теперь жаль, что я не выписалъ изъ Фурнье, Ecole Classique,—нѣкоторыя вещи. Дюма-отца: *Le Sylphe, A toi;* Нодье—La Napoléone и Madame Amable Tastu: *La chambre de la Chatelaine.* Я не хотѣлъ задерживать новую книгу. Когда ее просмотрите—будьте добры пришлите какъ нибудь въ другой разъ. Я лучшія вещи, по моему понятію, отмѣтилъ.

Тенъ—наказаніе за преступленіе. Нельзя повѣрить, что тотъ же человѣкъ написалъ Англійскіе этюды. Рисунки еще увеличиваютъ тощищу содержанія.

Кромѣ книги Тена возвращаю Les Amoureux du Livre; les Fêtes de bois; Этнографич. Сборникъ II (интересный); Fêtes patronales,—и *Росинки* (ерническая спекуляція).

У меня: Фобласъ; Сборникъ III и IV; Рафаилъ Зотовъ; Афанасьевъ; Княжна Меншикова.

Какая пѣсня дѣл. фуроръ: *C'est le mois de Marie, c'est le mois le plus beau?* кажется поютъ въ Variétés. Въ Альказарѣ Lucie Béliat пѣла *Les fraises des bois* и *Le porteur des baisers.* А Тереза— *Voici le printemps.*

Comtesse Dash—*была ли фрейлиной Маріи Антуанетты?* Она много писала о XVIII вѣкѣ. Какая эта Dash, о которой говор. Viel-Castel? Мнѣ помнится она начала появл. въ печати съ 40-х годовъ? Вообще *писеѣ* Дашъ сколько было бы теперь лѣтъ? Не жива ли она еще?

3., Записки, вед. во вр. пут. Имп. Елис. Алекс. по Германіи 1813, 14 и 15. В. Ивановымъ. 2 ч. СПБ. Типогр. Ив. Глазунова 1833. Зам. Гейдельбергъ. *Придворная книга.*

5., О Христіанск. супружествѣ бесѣда высокопр. Никанора противъ графа Л. Т. Крейц. Соната—*„печи мажетъ и сапоги точаетъ“:* это не дѣло проповѣдника и къ бесѣдѣ нейдетъ осмѣивать личные вкусы автора. Для этого есть *Шутъ* и *Листокъ* и т. п.

6., La litterature grecque par Emile Egger. P. 1890, Victor et Max. Выборъ изъ 40 л. трудовъ . . . . . Исторія греч. литер. 40 лѣтъ читалъ. *Прелесть!*

8., Путеш. къ Татарамъ и другимъ вост. народамъ въ XIII, XIV и XV вѣкѣ. 1. Плано-Карпини. 1246. Папа Иннок. IV. 2. Асцелинъ. 1247. СПБ. Тип. Д. Нар. Просв. 1825. Д. Языковъ. Лат. текстъ—in 4-о—*видѣли русскихъ въ ордѣ. Интересно и поучительно.*

Книга

П. Ив. Щукина.

Отправить на Пречистенку къ нему въ домъ, вмѣстѣ съ прочими книгами его, лежащими на двѣнадцати стульяхъ.

Пашино былъ человѣкъ добрѣйшій; но слабый; ерникъ и лгунъ. Еслибы онъ вращался въ кругу людей порядочныхъ,—онъ былъ бы порядочнымъ, но къ сожалѣнію онъ втирался въ общество газетныхъ редакцій и заискивая у этихъ хамовъ, самъ себя ронялъ даже ниже ихъ. Сначала онъ пользовался вниманіемъ Наслѣдника и Воронцова, но жульническія выходки и поступки, неоднократно обнаруженные, заперли ему двери къ этимъ истинно добрымъ и просвѣщеннымъ людямъ.

Пашино паралель Микѣшину: оба ерника съ тою разницею, что Пашино простодушнѣе. Микѣшинъ мечталъ стать во Главѣ художественнаго Славянскаго возрожденія; но какъ-то неловко передернулъ карту и его поймали. Затѣмъ онъ остался вѣренъ своему всегдашнему призванію—ростовщичеству; но отъ жадности наживы иногда много терялъ.

Приходитъ ко мнѣ Пашино и проситъ написать ему стихи на рожденіе сына Воронцова-Дашкова, Романа. Князю онъ похвасталъ, что принесетъ ему, по слу-

чаю этого событія, свой экспромптъ. Воронцовъ ему замѣтилъ, что очень было бы недурно, еслибы Пашино, въ своихъ стихахъ, упомянулъ, что это *послѣднее* произведеніе Воронцова.

Я написалъ слѣдующее:

Для Князя Воронцова-Дашкова.

Я врагъ иллюзій и обмановъ,
Я чистой правды партизанъ,
И лишь одинъ изъ всѣхъ романовъ—
Мнѣ милъ послѣдній твой *Романъ*.

П. Пашино.

За эту бездѣлицу Воронцовъ подарилъ Пашино драгоцѣнный хронометръ въ 1800 рублей. (Пашино собирался въ Индію.)

До сей поры тайна сохранена; но весьма можетъ быть, что Пашино мнѣ навралъ и о сынѣ Романѣ, и о хронометрѣ.

Въ Пашинѣ хоть дрянная—да натура; а въ Микѣшинѣ все дѣланое: отъ русскаго духа до кудрей, завитыхъ щипцами.

А. И. Пущиной.

Желалъ бы очень посмотрѣть я
Какъ вы, прабабушка, семидесяти лѣтъ,
На рубежѣ двадцатаго столѣтья
Съ нѣмою грустію возьмете мой портретъ....
И если на него съ улыбкой дѣтской глядя
Вашъ баловень, любимый внукъ
Васъ спроситъ: бабушка, кто этотъ толстый дядя?
Скажите—это былъ мой другъ.

1861.
Нижній-Новгородъ. (На моей фотогр. карточкѣ.)

Хорошіе дни.

Туча мрачная, туча грозная
Бурей съ запада подымалася,
Злобой бранною, силой вражеской
На святую Русь опускалася!
Громы грянули, затряслась земля,
Всколыхалося море Чорное
Полилася кровь христіанская
Завязалася брань упорная.

(Хоръ—Слава!)

То не зоринька зарумянилась,
То не солнышко встало красное,—
На престолъ вошолъ милосердный Царь
И разсѣялась мгла ненастная.
(Слава.)
Онъ раздоръ смирилъ—сердца кротостью,
Побѣдилъ врага—миролюбіемъ,
Залечилъ онъ намъ раны тяжкія,
Подарилъ онъ насъ жизнью новою.
(Хоръ—Слава.)
Гости дальніе, вѣнценосные
Изъ далекихъ странъ къ намъ съѣзжалися,
Со привѣтами дружелюбными
Къ Царю-Батюшкѣ обращалися.
И внималъ онъ имъ съ сердцемъ искреннимъ,
Онъ вознесъ мольбы ко Всевышнему,
И, въ залогъ любви, Князю юному
Гостю милому отдалъ дочь свою.
(Слава.)
И пришли для всѣхъ дни хорошіе,
Дни веселые, дни прекрасные
Озарилъ онъ насъ лучомъ счастія
Царь нашъ Батюшка, красно солнышко.
(Хоръ—Слава.)
Мартъ 1874.
(Читалъ на вечерѣ 18 марта. Списывать никому не давалъ.)
Послѣ смерти—сжечь прошу.

У Гроба Незабвеннаго Царя Освободителя.

Съ благоговѣніемъ, слезами и мольбой.
Мы преклоняемся, Страдалецъ, предъ Тобой;
Ты отдалъ все странѣ своей родной,
Заботы, тяжкій трудъ, покой;
Ты родину любилъ, какъ мать родную;
Ты отдалъ ей и жизнь Твою святую
Но въ сердцѣ не умрешь Ты своего народа,
Которому Тобой дана свобода!
Въ исторіи ты засіяешь, какъ алмазъ.

Россіи жизнь съ тобою началась!
И вѣчныя тебѣ благословенья
Пройдутъ изъ поколѣнья въ поколѣнья!

Ѳ. Бурдинъ.

Обидно читать такіе жалкіе стихи на гробъ такого великаго Монарха.

15 Марта 81.
Москва.

Павелъ Лукичъ! *) У насъ сегодня былъ Павелъ Викторовичъ Трунинъ, читалъ свой переводъ Фауста.

Онъ далъ мнѣ списать стихотвореніе *на Гробъ.* Я списалъ и посылаю вамъ въ подарокъ: выучите наизусть и прочтите Кетчеру.

Знаете Вы малороссійскую пословицу: *Погано Гапка танцуе, та-й-ще и долго?*

Ѳедору Бурдину (и другимъ).

Утѣшимся хоть тѣмъ въ дни скорби и невзгоды,
Что воспаривъ горѣ, къ обители духовъ,—
Блаженный Александръ, нашъ мученикъ свободы,
Ужъ не прочтетъ твоихъ убійственныхъ стиховъ.

Клопъ (басня).

Прежирный Клопъ сидѣлъ на мѣдномъ пятакѣ
И страхъ какъ хвастался своимъ онъ капиталомъ:
„По моему вся суть—въ желѣзномъ сундукѣ;
„Я только золото считаю идеаломъ.
„За деньги я уменъ, и молодъ, и пригожъ;
„Ко мнѣ благоволятъ начальство, власти, баре;
„Всѣ женщины—мои! Ихъ пробираетъ дрожь,
„Какъ только лишь меня завидятъ въ будуарѣ...
„Сопротивленій я, конечно, не встрѣчалъ;
„Въ Парижѣ, прошлый годъ, въ роскошнѣйшемъ отелѣ
„Съ принцессою въ одной кровати ночевалъ:
„Плутовка до зари вертѣлась на постели...“
Веселый Чижъ вблизи чиликалъ на тыну;
Услышавъ рѣчь Клопа, въ зобу досаду стиснулъ,
Вспорхнулъ и на торгу, въ отместку хвастуну,

*) Пикулинъ.

Сатирой мѣткою при всемъ народѣ свистнулъ.
Противный Клопъ и тутъ себя не уронилъ:
Лишь только стороной объ этомъ онъ провѣдалъ,
Сталъ всѣмъ разсказывать, что Чижъ его бранилъ
За то, что будто онъ Чижу въ долгъ денегъ не далъ.

Нравоученія при этой баснѣ нѣтъ,
И только потому, что „съ нравственностью тихо
Сплелись жиды въ союзъ, заполонили свѣтъ
И безъ оглядки такъ пошли сосать, что лихо!
Союзъ растетъ, онъ живъ, могущественъ, великъ,
Вездѣ сидятъ жиды съ червонцами подъ ж. . . .
И грабятъ подданныхъ въ глазахъ земныхъ владыкъ,
И правятъ какъ хотятъ развратною Европой.
(Изъ Гейне: „Der Wanzer.“)

Вар.
Союзъ растетъ, онъ живъ, могущественъ, великъ;
Вездѣ кишатъ жиды съ ихъ золотымъ кумиромъ,
И грабятъ подданныхъ въ глазахъ земныхъ владыкъ,
И правятъ какъ хотятъ развратнымъ нашимъ міромъ.

Подагра.

Одна изъ Гарпій, злющихъ дѣвъ,
Подагра—снюхалась съ Зефиромъ,
И отъ него отяжелѣвъ
Предъ всѣмъ честнымъ Эллинскимъ міромъ
Метнула пару жеребцовъ.....
(Такъ намъ повѣдано Омиромъ)
Съ тѣхъ поръ порода бѣгунцовъ
Частенько хлябаетъ ногами:
Ужъ нѣтъ ли тутъ, въ концѣ концовъ,
Чего-то общаго межъ нами?

Мартъ 1879.

Въ великомъ посту.

А у Гаврилы Кузмича
Какой жестокій евтотъ хересъ!
—Мы налокались сгоряча;
Переложили, значитъ, черезъ....
Тощища, братецъ,—хоть топись!
Не подбодрятъ ли насъ мамзели?
Закатимъ въ Пильниковъ....
—Очнись!
Въ посту, да на шестой недѣлѣ?
Ну, въ Сандуновскія махнемъ....
Тамъ отхвостаютъ насъ, распарятъ....
—Да чтожъ ты прежде думалъ,—днемъ?
Теперь причастниковъ тамъ жарятъ.
Коли неможно залестить
Тебя ни нѣмками, ни банькой,—
По красной что-ли прошутить?...
Давай, въ Базаръ пошлемъ за Ванькой?....*)

Съ малороссійскаго.

Я ли во полѣ не травка была?
Я ли въ чистомъ не зеленая была?
—Взяли меня, подкосили
И въ копенки уложили.
Вар. Какъ былинку изсушили.
Така доля моя.

Я ли въ лѣсѣ не калинка была?
Я ли въ темнымъ не красная была?
—Взяли меня, заломали
И въ пучечки завязали.
Така доля моя!

Я ль у батюшки не дочка была?
Я ль у матушки не рòдная была?
—Взяли меня, заручили,
Свѣту Божьяго лишили.
Така доля моя!

---

*) И. Ф. Горбуновъ.

Что бы съ милымъ солюбиться тебѣ?
Что бы въ рѣчкѣ утопиться тебѣ?
—Друга милаго не стало,
Рѣчка въ море убѣжала.

Така доля моя.

П. Ш.

Насъ давно Полонскій маетъ,
Промежъ двухъ сѣвъ на-голѣ:
Цензоръ онъ—на костылѣ,
Да и стихъ его хромаетъ.

1885.

Нашъ затрапезный Аполлонъ
Носилъ въ столахъ поэта маску;
Теперь личину сбросилъ онъ.
Велѣть подать ему „Коляску“!

. . . . Въ собраніи художниковъ, въ воскресенье же, даетъ вечеръ П. В. Шумахеръ, многія стихотворенія котораго публика знаетъ наизусть, хотя эти стихотворенія никогда не были изданы отдѣльною книжкою. Кто не помнитъ, напримѣръ, появившагося въ 1859 году, въ памятное время коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ стихотворенія, начинающагося такъ:

Чортъ возьми, совсѣмъ не спится....
Отъ клоповъ покою нѣтъ.
Чуть заснешь—исправникъ снится,
Депутаты, комитетъ.....
Что тутъ дѣлать—самъ не знаю....
Видно, слѣдуетъ вставать.
Ванька, трубку! Федька, чаю!
Мишка! Повара позвать!
Протрубили англичане,
Что у нихъ, молъ всѣ равны
И что баре, что крестьяне
Для свободы рождены.
И у насъ пошли драть глотки—
И печатать и писать.
Филька, трубку! Фомка, водки!
Степка, кушать накрывать и пр. и пр.

Далѣе слѣдуетъ еще три или четыре строфы. Я и первыя двѣ привелъ на память, можетъ быть даже что нибудь и перепуталъ, въ чемъ и извиняюсь передъ почтеннымъ поэтомъ. Странная судьба г. Шумахера, какъ поэта! Стихотворенія его, всегда оригинальныя по формѣ, иногда исполнены глубокаго юмора, многія изъ нихъ имѣютъ въ высшей степени серьезное общественное значеніе, какъ рѣзкія сатиры, по большей части въ изящной, всѣмъ доступной пѣсенной формѣ. Между тѣмъ, вы не найдете даже его имени въ числѣ русскихъ поэтовъ, хотя бы въ сборникѣ г. Гербеля, гдѣ красуются такіе никому неизвѣстные поэты, какъ, напримѣръ, гг. Кореневъ или Кусковъ. Г. Шумахеръ не искалъ извѣстности, когда его стихотворенія печатались въ журналахъ (преимущественно въ „Искрѣ“ шестидесятыхъ годовъ); года два тому назадъ онъ попробовалъ издать ихъ отдѣльною книжкою—увы! имъ не суждено было увидѣть бѣлый свѣтъ „по обстоятельствамъ, отъ автора не зависѣвшимъ.“ Несмотря на краснорѣчивую и убѣдительную защиту г. Соколовскаго, судъ наложилъ свое veto на всю книжку изъ-за нѣсколькихъ стиховъ, пожалуй, дѣйствительно двусмысленныхъ. Этихъ стиховъ, по настоящему, не слѣдовало бы вовсе печатать—книжка отъ этого ничего бы не потеряла. Но г. Шумахеръ никогда не былъ присяжнымъ литераторомъ: онъ писалъ стихи между дѣломъ, въ свободныя минуты такъ называемаго вдохновенія,—онъ привыкъ ихъ читать и друзьямъ, и въ обществѣ, присылалъ для печатанія рѣдко и даже будто неохотно. Отъ этого, какъ оно ни покажется страннымъ, г. Шумахеръ совершенно не зналъ условій нашей печати, ни внѣшнихъ, цензурныхъ, ни даже, такъ сказать, внутреннихъ, негласно принятыхъ литераторами.

Я не считаю себя конечно, въ правѣ ему совѣтовать, но я искренно сожалѣлъ на судѣ, что онъ не посовѣтовался передъ печатаніемъ книжки съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ ему, понимающимъ это дѣло, журналистовъ. Книжка навѣрно не встрѣтила бы особенныхъ затрудненій со стороны цензуры,—конечно, не безъ нѣкоторыхъ пожертвованій. Но г. Шумахеръ большую часть жизни провелъ въ провинціи, въ Сибири или за границей; онъ зналъ только снисходительную цензуру друзей и знакомыхъ. Я какъ теперь помню ту истинно комическую наивность съ какою онъ удивлялся, что его книжка задержана.

Въ послѣднее время г. Шумахеръ постоянно читаетъ свои стихи въ собраніи художниковъ. Многіе, конечно, знаютъ его, какъ замѣчательнаго поэта-сатирика, многіе, равнодушные къ литературѣ, я увѣренъ вполнѣ, смѣшиваютъ его съ чтецами чужихъ стиховъ и куплетцевъ—имя же имъ легіонъ. Поэтъ, съ неоспоримымъ талантомъ, постоянно читающій свои стихи на клубной эстрадѣ, рядомъ съ знаменитостями всякаго рода—положительными и отрицательными—явленіе, конечно, странное и исключительное, но оно вполнѣ объясняется, во-первыхъ, исключительнымъ положеніемъ его, какъ *неизданнаго поэта* (poète inédit), во-вторыхъ—нашимъ вообще страннымъ временемъ.

Мы слышали, что въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ собраніе стихотвореній П. В. Шумахера, съ частью которыхъ самъ авторъ познакомилъ петербургскую публику своими чтеніями въ клубѣ художниковъ. Большинство этихъ остроумныхъ стихотвореній написано на случай и уже успѣло распространиться въ рукописяхъ, несмотря на то, что самъ авторъ не всегда повѣрялъ ихъ бумагѣ. Къ несчастью лучшимъ изъ этихъ произведеній едва ли суждено появиться въ печати въ неискажонномъ видѣ, хотя, въ сущности, въ нихъ нѣтъ ничего, достойнаго порицанія относительно благонамѣренности. Сверхъ этихъ, бо́льшею частью, экспромтовъ, касающихся жгучихъ вопросовъ дня, появленіе которыхъ въ печати нѣсколько сомнительно, г. Шумахеръ написалъ нѣсколько юмористическихъ, въ цензурномъ отношеніи совершенно невинныхъ, стихотвореній, въ которыхъ очень живо схвачены смѣшныя черты нашихъ нравовъ и осмѣяны разныя глупыя притязанія. Собраніе такихъ стихотвореній составило бы довольно объемистую книжку, еслибъ самъ авторъ, по свойственной всѣмъ поэтамъ безпечности, не растерялъ и не перезабылъ ихъ на половину. У г. Шумахера свой особенный жанръ; въ его произведеніяхъ нѣтъ и тѣни того пошлаго, дешоваго либерализма, которымъ угощаютъ публику Ювеналы нашихъ сатирическихъ журналовъ; онъ не проливаетъ „гражданскихъ слезъ“ по гривеннику за стихъ, а выхватываетъ свои сюжеты прямо изъ жизни, предоставляя самому читателю произнесть приговоръ надъ извѣстнымъ фактомъ. Тѣмъ не менѣе, субъективныя воззрѣнія автора проглядываютъ въ каждомъ его стихѣ, можетъ быть, и помимо его желанія. Серьезныя стихотворенія г. Шумахера согрѣты истиннымъ чувствомъ, любовью къ человѣчеству и искреннимъ патріотизмомъ, чуждымъ всякой квасной примѣси. Можно пожалѣть лишь объ одномъ, что авторъ, слишкомъ строгій къ самому себѣ, не призналъ достойнымъ печати многія шуточныя свои стихотворенія, блещущія неподдѣльнымъ остроуміемъ. Считаемъ излишнимъ много распространяться о талантѣ г. Шумахера: Петербургу онъ довольно извѣстенъ: но считаемъ нужнымъ извѣстить о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ собранія его стихотвореній, которое дастъ возможность и провинціи познакомиться съ писателемъ, извѣстнымъ до сихъ поръ лишь въ сравнительно небольшомъ кружкѣ его пріятелей.

Въ С. Петербургскую Судебную Палату.

Титулярнаго Совѣтника Петра
Васильевича Шумахера

Апелляціоный отзывъ.

С. Петербурскій Окружной Судъ (по III Отдѣленію) въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 4-го сего Мая, признавая меня виновнымъ въ приготовленіи къ преступленію, указанному въ 1001 ст. Улож. о наказ. опредѣлилъ книгу мою подъ

заглавіемъ „Для всякаго употребленія"—„какъ явно противунравственную признать неподлежащую выпуску въ свѣтъ."

Таковое рѣшеніе я считаю неправильнымъ на основаніи нижеслѣдующаго:*)

1) Я никогда не намѣревался издавать книгу мою „тайно отъ цензуры" напротивъ того она была отпечатана въ количествѣ 10 экземпляровъ,**)—единственно для представленія въ цензуру. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ нѣтъ признаковъ преступленія, указаннаго въ 1001 ст. Улож. о нак., а если нѣтъ признаковъ преступленія, то не можетъ быть рѣчи о признакахъ приготовленія къ нему.

2) Обвинительная власть указала тѣ именно стихотворенія, которыя она считаетъ противонравственными. На сколько обвинительная власть ошибочно понимала свою задачу, доказательствомъ служитъ то, что мою безнравственность обвинительная власть отыскала въ точкахъ, поставленныхъ мною въ концѣ строкъ нѣкоторыхъ стихотвореній. Судъ, какъ оказалось изъ приговора, согласился со взглядомъ обвинительной власти. Не распространяясь на сколько неправиленъ подобнаго рода взглядъ, я скажу только, что при послѣдовательности проведенія его авторы будутъ обвиняться въ безнравственности бѣлыхъ полей, оставляемыхъ въ книгахъ. Если возможно обнаружить „преступное обнаруженіе мысли" (1045 ст.) въ знакахъ препинанія, то въ равной степени это „преступное обнаруженіе мысли" можетъ сказаться въ каждомъ бѣломъ мѣстѣ книги. Только спрашивается: какимъ образомъ будутъ защищаться авторы?

3) Окружной Судъ въ своемъ приговорѣ пошелъ дальше обвинительной власти; обвинительная власть указала только нѣкоторыя стихотворенія, какъ противонравственныя, Окружной Судъ, не довольствуясь этимъ, призналъ всю мою книгу явнобезнравственной и опредѣлилъ изъять ее изъ обращенія***). Книга моя состоитъ изъ рода отдѣльныхъ стихотвореній, между собой не имѣющихъ ни малѣйшей связи, напечатанныхъ подъ отдѣльными рубриками. Но если такъ безнравственны точки моихъ стихотвореній, что могутъ произвести развращающее вліяніе, то спрашивается: кому же грозитъ опасность, гдѣ нѣтъ рѣчи ни о точкахъ, ни о любви? За что уничтожать такія стихотворенія, какъ напр. значеніе искусства, Буска и т. д.? Если художникъ нарисовалъ 10 картинъ, изъ которыхъ 5 безнравственны по сюжету,—то за что же предавать уничтоженію остальныя—пять. Развѣ безнравственность можетъ перейдти отъ первыхъ на вторыя? Не придавая особаго значенія своимъ стихотвореніямъ, я полагаю, что если взглядъ, выраженный Окружнымъ Судомъ, будетъ проводиться впослѣдствіи, то авторамъ придется еще хуже, чѣмъ за точки: лучшія произведенія будутъ уничтожаться за двѣ, три нецензурныхъ строки.

*) Карандашемъ поправлено: „Противу таковаго рѣшенія имѣю честь объяснить слѣдующее."

**) Карандашемъ поправлено: „она была отпечатана не въ 2000 экз., какъ было сказано въ обв. актѣ Окр. Суда, а въ количествѣ лишь 10 экземпляровъ."

***) Карандашемъ поправлено: „не допускать ее въ обращеніе."

Такимъ образомъ, на основанiи вышеизложеннаго, признавая приговоръ Окружнаго Суда неправильнымъ, я имѣю честь почтительнѣйше просить Судебную Палату оный отмѣнивъ, выпустить книгу мою подъ заглавiемъ „Для всякаго употребленiя“—въ обращенiе. Мая дня 1872 года.

Судебная хроника.

I.

Петербургская судебная палата.

Въ засѣданiи петербургской судебной палаты, по уголовному департаменту, 11-го ноября, разсматривалось въ аппелляцiонномъ порядкѣ дѣло о титулярномъ совѣтникѣ П. Шумахерѣ, обвиняемомъ въ нарушенiи правилъ о печати. Предсѣдательствовалъ членъ палаты Маркевичъ; присутствовали члены: Гераковъ и Шуйскiй; обвинялъ товарищъ прокурора Александровъ; подсудимаго защищалъ присяжный повѣренный Соколовскiй. Подсудимый, по словамъ петербургскихъ газетъ, былъ преданъ суду по слѣдующимъ основанiямъ. 1872 года, 3-го января, г. Шумахеръ представилъ въ цензурный комитетъ отпечатанную книгу своего сочиненiя, подъ заглавiемъ: „Для всякаго употребленiя“, стихи; цензурный комитетъ нашелъ, что нѣкоторыя стихотворенiя отличаются полною безнравственностью, а другiя содержатъ въ себѣ крайне неблагопристойныя и циническiя выраженiя. Окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что книга, во всемъ ея содержанiи, противна нравственности, и, признавая, что со стороны Шумахера не было совершено преступленiя, а было только одно приготовленiе, опредѣлилъ: Шумахера личному взысканiю не подвергать, но книгу всю запретить къ выпуску въ обращенiе. Шумахеръ принесъ аппелляцiонную жалобу, въ которой, между прочими доводами, указывалъ на то, что книга отпечатана всего въ числѣ 200 экземпляровъ, а не тысячъ, какъ говоритъ цензурный комитетъ.

Товарищъ прокурора палаты, въ своей обвинительной рѣчи, между прочимъ, высказалъ относительно того довода жалобы, что окружный судъ пошелъ дальше обвинительной власти, которая преслѣдовала только нѣкоторыя мѣста книги, и запретилъ къ выпуску всю книгу,—что, на основанiи 1,045 ст. Улож. о наказ., окружный судъ имѣлъ на это полное право, причемъ г. обвинитель сослался на рѣшенiе уголовнаго кассацiоннаго департамента Правительствующаго Сената по дѣлу Павленкова, гдѣ разсматривалось сочиненiе Писарева, статья „Бѣдная русская мысль“, въ которой хотя были только нѣкоторыя мѣста преступнаго содержанiя, но книга была запрещена къ выпуску въ полномъ ея объемѣ. Сверхъ того, по мнѣнiю г. обвинителя, въ цензурномъ уставѣ выражено то „мудрое“ начало, которое было провозглашено и въ рѣшенiи Правительствующаго Сената и котораго судебная практика постоянно держалась, именно, что, при обсужденiи преступности книги, необходимо обращать вниманiе на цѣль и предполагаемый

кругъ ея читателей. Книга Шумахера, большею частью, заключаетъ въ себѣ очень краткія и очень легкаго содержанія стихотворенія, начинающіяся съ обыкновенныхъ эротическихъ темъ и оканчивающіяся серьезными цѣлями: объ историческихъ судьбахъ народа. И этихъ серьезныхъ предметовъ онъ касается въ шутливомъ тонѣ. Стихъ его иногда не лишенъ остроумія, но не глубокаго, а того остроумія, которое бываетъ въ застольной бесѣдѣ послѣ ужина въ знакомомъ кружкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній были пропущены цензурой, а нѣкоторыя изъ нихъ, сколько извѣстно г. обвинителю, были читаны въ общественныхъ собраніяхъ. Книга эта, по мнѣнію г. обвинителя, не могла имѣть читателей изъ круга молодежи; но для подростающихъ младенцевъ, которые спѣшатъ извѣдать жизнь въ извѣстномъ направленіи, и для старцевъ, нуждающихся въ подогрѣваніи застывающей крови, отказывающейся служить реальному наслажденію—книга эта драгоцѣнная. Книги подобнаго направленія, по мнѣнію г. обвинителя, появлялись въ различныя времена у многихъ народовъ, и особенно въ періодъ нравственнаго ихъ упадка, какъ напримѣръ, у римлянъ и французовъ послѣдняго времени, понесшихъ такой тяжкій историческій урокъ; вначалѣ подобныя сочиненія являются подпольнымъ образомъ,—такъ напримѣръ, кто не знаетъ сочиненій Баркова?—но впослѣдствіи оказалась возможность сочиненіямъ этого рода выступить наружу; такъ мы видѣли сочиненія Всеволода Крестовскаго и т. п. Въ подтвержденіе того взгляда, что въ книгѣ Шумахера въ шутливомъ тонѣ разсказывается о вещахъ серьезныхъ, г. товарищъ прокурора, между прочимъ, привелъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Пруссофобія“, въ которомъ сначала говорится, что „старикъ Вильгельмъ“ вмѣстѣ съ Бисмаркомъ желаютъ сдѣлать насъ нѣмцами, и которое оканчивается слѣдующими стихами:

„Хоть мы не противъ иноземцевъ,
Но ѣсть сосисекъ не хотимъ,
И нашихъ всѣхъ чиновныхъ нѣмцевъ
Ему безъ боя отдадимъ.“

Потомъ другое стихотвореніе, подъ названіемъ „Славянофильскія мелодіи“, гдѣ въ концѣ авторъ говоритъ о нѣмцахъ:

„Двѣсти лѣтъ вы, бродяги, кудесили
Со царемъ со Петромъ начудесили,
Что бояръ воеводъ онѣмечили,
Православный народъ искалѣчили“.

Далѣе, въ стихотвореніи подъ заглавіемъ „Мой другъ Трезоръ“ вначалѣ говорится, что, сидя въ хандрѣ надъ Дарвиномъ, авторъ находилъ большое сход-

ство между собой и Трезоркой; сходство это, между прочимъ, выразилось въ томъ, что

„Судьба даритъ насъ наравнѣ
Благами въ видѣ балаболокъ:
Когда на шею дали мнѣ,
Я и ему взялъ ожерелокъ“.

Г. товарищъ прокурора видитъ въ этихъ стихотвореніяхъ неприличное осмѣяніе, вопервыхъ національности, многіе представители которой стояли и стоятъ въ высшихъ сферахъ; во-вторыхъ—великихъ реформъ Петра, и наконецъ, награды орденами, исходящей отъ Высочайшей власти. Потомъ, товарищъ прокурора прочелъ нѣкоторыя стихотворенія скабрезнаго содержанія, которыхъ мы не приводимъ, и между ними даже кощунственныя, въ которыхъ есть намекъ на апостола Петра и неуваженіе къ священному сану, какъ напримѣръ, въ стихотвореніи, подъ названіемъ „Народная притча“, въ которой говорится:

„Монахъ стучитъ въ ворота рая;
Апостолъ Петръ ему въ отвѣтъ:
Куда грядешь, не разбирая?
Здѣсь вашей братьѣ быть не слѣдъ!
Вишь, словно боровъ, разжирѣлъ:
Должно быть, въ санѣ архірейскомъ
Ты всласть курятины поѣлъ.“

Наконецъ, г. обвинитель указалъ на нѣкоторыя стихотворенія, которыя хотя прямо не подходятъ подъ 1,001-ю ст. Улож. о наказ., но, тѣмъ не менѣе, не приличнаго и скабрезнаго свойства. Въ заключеніе, онъ просилъ палату выключить указанныя имъ стихотворенія, а книгу дозволить къ выпуску въ свѣтъ. Защитникъ подсудимаго, не распространяясь о значеніи подобной литературы, не разбирая: характеризуетъ ли она періодъ упадка народовъ и т. п., указалъ лишь на то, что подобныя сочиненія существуютъ въ каждомъ періодѣ литературной жизни, и что у всякаго изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ и геніальнѣйшихъ поэтовъ всегда есть стихотворенія эротическаго свойства, какъ напримѣръ, такого рода стихотворенія извѣстны у Пушкина, Жуковскаго и т. п.; подобнаго рода произведенія вносятъ извѣстную живость въ общество и препятствуютъ формализму; цѣль ихъ не безнравственность, а просто желаніе вызвать улыбку. Впрочемъ, и защитникъ согласенъ съ г. обвинителемъ, что нѣкоторыя стихотворенія до нѣкоторой степени, такъ-сказать, нечистоплотны, и онъ готовъ уступить ему въ этомъ, соглашаясь на исключеніе слѣдующихъ стихотвореній. „На смерть . . . . ова“, „Рецептъ отъ любви“, „Вчера и сегодня“ и „Повѣяло весной“. Затѣмъ, г. защитникъ вполнѣ

отрицалъ какъ глумленіе надъ великими событіями русской исторіи, такъ и осмѣяніе нѣмецкой національности. Относительно стихотворенія „Пруссофобія“ г. защитникъ замѣтилъ, что еслибъ прочесть его самому Бисмарку, то онъ бы только улыбнулся. Наконецъ, относительно стихотворенія „Осторожный и умѣренный“, которое обвинительная власть преслѣдуетъ за выраженіе „у меня глисты“, защитникъ сказалъ, что слово „глисты“ можно сказать въ какомъ угодно обществѣ. Судебная палата, въ виду того, что необходимо просмотрѣть всю книгу, отложила объявленіе резолюціи до слѣдующаго засѣданія.

Сегодня, 18-го ноября, спб. судебною палатою объявлено рѣшеніе по дѣлу Шумахера объ изданномъ имъ сборникѣ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Для всякаго употребленія“. Книга эта, какъ извѣстно, рѣшеніемъ окружнаго суда была запрещена къ выпуску въ обращеніе въ цѣломъ ея составѣ. Судебная палата опредѣлила: Шумахера не подвергать личному взысканію, а въ напечатанной имъ книгѣ, на основаніи 1001 ст. Улож., уничтожить слѣдующія мѣста: „Посвященіе“, „Изъ дневника стараго армейца“ на 30 стр. 2, 3 и 4 строки; на 31-й стр.—2, 3 и 4-ю строки; на 39 стр. всѣ четыре строки „Пруссофобія“, на 78 стр. 7, 8, 9 и 10 строки. Изъ 4-го отдѣленія 1, 2, 3 и 4-е стихотворенія; „Эпитафія блюдолизу“, ...„На смерть . . . . ова“, „Рецептъ отъ любви“, „Вчера и сегодня“, „Къ стихотвореніямъ Р—ой“, „Маша, политикъ“ и „Народная Притча“.

Рукой Шумахера написано карандашемъ: *„Но я основывалъ свое право ставить точки на подобныхъ же точкахъ, встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ, одобр. цензурою, какъ напр. въ соч. Д. Д., изд. въ 1832 г. Книгопр. Салаевымъ.“*

Судное дѣло. Книгу сожгли. Я понесъ 412 р. убытку.

Три письма графа Влад. Александр. Соллогуба П. В. Шумахеру.

6-го Марта 74.

Давно, почтенный Петръ Васильевичъ привыкъ я къ полученію камня, тамъ гдѣ я просилъ хлѣба,—но я такъ уважаю тонко-эстетическія свойства вашей Природы и такъ люблю Вашъ простодушный Лафонтеневскій характеръ,—что, признаюсь, меня сильно огорчило Ваше язвительное глумленіе не надъ формою а надъ сущностью моихъ стиховъ. Для меня и Россія и даже клубъ художниковъ ничто иное какъ запакощенная святыня. Какъ только святыня очищается, я радуюсь какъ ребенокъ и восторгаюсь какъ женщина. Я самый плохой царе-

дворецъ и не отдамъ вершка правды и моихъ убѣжденій никакому сильному міра сего. Во дворцѣ я никогда не бываю,—однакоже поѣхалъ на Царскую свадьбу, какъ ходятъ старухи въ церковь поставить отъ усердія свѣчку къ мѣстному празднику. Самое событіе меня умилило какъ умилило впрочемъ и Васъ. Кромѣ того моему патріотическому чувству роль нашего Государя въ современной политикѣ чрезвычайно пріятна. Уваженіе къ его честности и стремленію очевидное и заслуженное. Онъ не виноватъ что родился Самодержцемъ въ краѣ недостойномъ другаго правленія. Спасибо ему и за то что онъ сдѣлалъ. Nil admirari et omnia rougari не мой девизъ. Я и въ Треповѣ вижу замѣчательнаго Полицмейстера, а если онъ рисуется и не знаетъ правописанія, я смотрю на это какъ на мелочь вовсе не затемняющую его заслугъ. У насъ Русская натура такова. Покажите ей лучшую парчу. Если она увидитъ пятно, ей парча не почемъ, а пятно ее занимаетъ, тѣшитъ, бѣситъ, Некрасовитъ, иногда даже и Шумахеритъ. Вы Поэтъ, будьте безпристрастны. Ищите солнца а не мрака. Лермонтовъ написалъ прекрасные стихи въ этомъ смыслѣ и не посмѣлъ ихъ напечатать. Онъ былъ человѣкъ безхарактерный и жертвовалъ своимъ убѣжденіемъ въ угоду нашей грамотной челяди. Меня же всякая несправедливость возмущаетъ, и съ верха въ низъ и съ низа вверхъ. Что же касается до моихъ стиховъ они тѣмъ особенно плохи что въ нихъ нѣтъ Русскаго пошиба, Русскаго сердечнаго звука. Они риторичны и я представилъ ихъ Вамъ какъ къ Поэту народному призванному не къ однимъ юмористическимъ куплетамъ, а и къ высшему настроенію. Я съ радостью изорву свои вирши, если Вы ихъ замѣните настоящими Русскими стихами въ духѣ Русскаго чувства не къ Русской грязи а къ Русскому величію. Я увѣренъ что Вы безсознательно укоряли меня въ нечистосердечности. Оно меня не обидѣло, а опечалило. Я думалъ что Вы поняли нѣкоторыя мои добрыя качества при изобиліи недостатковъ. Неужели я ошибся?

Душевно преданный
Гр. Соллогубъ.

Второе стихотвореніе прелестно я бы его назвалъ не примѣрный случай а что это такое?

Позволю себѣ еще прибавить что стихотвореніе такъ поэтично и дидактично что щегольство знаніемъ простонароднаго языка ему нѣсколько вредитъ. Я вижу, я чувствую, я такъ сказать нюхаю три граціозныя акварели. Оригинальность непривычныхъ выраженій мѣшаетъ мнѣ предаться безсознательно, механически,—прелести чувства звука и картинъ. Вниманіе наталкивается на слова,—тамъ гдѣ оно не хотѣло бы даже быть вниманіемъ, а просто убаюкивающимъ впечатлѣніемъ.

Что касается до Облачка не находите ли что лучше бы было разбить его на куплеты въ 8 стиховъ съ припѣвомъ въ родѣ Чтожъ дѣлать Матушка Москва!

Напр.

Недаромъ я живу въ столицѣ.

Или

Знай Петербургское житье!

Или

Я не глухихъ провинцій житель

Я Петербургскій гражданинъ

Или и пр. свѣтскій франтъ

Можно бы задѣть еще поглубже показать равнодушiе хлыща Петерб. къ семейному быту, къ Гражданству, къ Наукѣ и пр.

Не довольно ясно за что получается съ купчихи Быловой кушъ.

Извините меня за завистливую критику. Она дань Вашему замѣчательному таланту.—Я боленъ сижу дома, съ К. Д. разлученъ; ко мнѣ пріѣхала дочь Гагарина. Я живу въ коридорѣ и очень бы былъ радъ Вашему дружелюбному посѣщенію.

Душевно Вашъ

Сол . . . . .

Вы взваливаете на меня, старшій братъ, работу непосильную. Зачѣмъ вы отъ меня до сего времени прятались. Что можно устроить въ одну недѣлю и въ Понедѣльникъ на Святой, когда отъ визитовъ и обжорства у всѣхъ болятъ ноги и животы. Въ настоящее время концертные тузы выдохлись. 22 числа Рубинштейнъ утромъ и вечеромъ игралъ передъ пустыми стульями. Теперь онъ уѣхалъ. Для Делапортъ наступила пора служебная. Кромѣ программы казенной, я ничего не предвижу. Надо только раздавать билеты. Пришлите мнѣ на первый десятокъ для раздачи.

На вашемъ мѣстѣ я устроивалъ бы юмористически-этнографическія чтенія о Сибири съ волшебно-фонарными картинами. Успѣхъ можетъ быть огромный, но надо поработать и подготовиться. Иначе выйдетъ всегда винигретъ изъ одолжительныхъ нумеровъ съ авоськой и безъ подготовленія. Кромѣ того крупныхъ одолжителей не предвидится, да и время не сподручное.

Душевно Вашъ

Соллогубъ.

Письмо И. С. Тургенева Ковалевскому, 1879 года.

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)
Пятница, $\frac{17}{5}$-го Окт. 79.

Любезнѣйшій Ковалевскій,

Недѣль шесть тому назадъ, мнѣ было доставлено Гаррисономъ Ваше письмо, въ которомъ вы упоминали о памятникѣ Гоголю. Я немедленно отвѣчалъ Вамъ по Вашему Лондонскому адрессу—но Вы вѣроятно моего отвѣта не получили, такъ какъ Гаррисонъ, прежде чѣмъ передать мнѣ Ваше письмо, совершилъ довольно продолжительное путешествіе по Италіи—и Вы, ко времени прибытія моего письма въ Лондонъ, уже уѣхали оттуда. Пишу Вамъ теперь въ Москву—„seulement pour tater le terrain"—и убѣдиться что Вы уже снова тамъ находитесь; какъ только Вы откликнитесь, я Вамъ тотъ-часъ пошлю проэктъ воззванія ко всѣмъ пишущимъ Русскимъ людямъ—вообще къ Русской публикѣ—на счетъ этаго памятника. Я ухватился за эту мысль обѣими руками—и твердо рѣшился сдѣлать все возможное, для того чтобы она осуществилась. И такъ жду отъ Васъ нѣсколько строкъ съ обратной почтой.

Я остаюсь здѣсь до конца Ноября, а въ Декабрѣ ѣду въ Россію—въ Петербургъ и въ Москву. Мы конечно увидимся—а пока прошу передать мой поклонъ всѣмъ хорошимъ знакомымъ и крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Виноватъ—забылъ какъ Васъ по батюшкѣ—напишите мнѣ.

Три письма И. С. Тургенева кн. Мещерскому, 1875 и 1876 гг.

Буживаль.
Bougival.
(près Paris.)
Les Frènes.
Пятница, 10-го Сент. 75.

Любезнѣйшій Князь,

Пишу Вамъ всего два слова: не потому, что не имѣлъ бы о чемъ писать—или не желалъ бы; но сильно сомнѣваюсь въ томъ, дойдетъ ли до Васъ это письмо. Я находился у Н. А. Герценъ, когда пришла телеграмма извѣщающая объ опасной болѣзни Сатина (въ Швейцаріи)—и долженствующая быть напра-

вленной къ Вамъ въ Варшаву—телеграмма, въ слѣдствіи которой Вы должны были немедленно уѣхать. И такъ ограничусь слѣдующими фактами:

1.) Письмо я Ваше получилъ.

2.) Употребивъ значительное количество времени, разобралъ его настолько, чтобы понять, о чемъ шло дѣло.

3.) Постарался представить Н. А. Г. надлежащіе доводы, которые, кажется, цѣли достигли—ибо она въ Ниццу не поѣхала.

4.) А теперь ожидаемъ Васъ въ Парижѣ—а до тѣхъ поръ крѣпко жму Вашу руку и желаю всего хорошаго.

Парижскій адрессъ: Преданный Вамъ
50, Rue de Douai. Ив. Тургеневъ.

Bougival
Les Frènes
Châlet
Пятница, $\frac{25}{13}$-го Авг. 76.

Любезнѣйшій Князь,

Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ Ваше письмо—и если не тотъ-часъ отвѣчалъ Вамъ—то во 1-хъ) потому, que j'avais de la marge en fait de temps, а во 2-хъ) мнѣ хотѣлось быть въ состояніи съ бо́льшей достовѣрностью опредѣлить, какъ надо было понимать слова брата, обращенныя къ Вамъ. Онъ не пріѣхалъ сюда и не пріѣдетъ, денегъ мнѣ онъ никакихъ за мое имѣніе, ни подъ залогъ моего имѣнія, не дастъ—и выходитъ „que je reste gros Jean comme devant"— то-есть, что по милости моей глупости и другихъ, столь же трудно исправимыхъ обстоятельствъ, я не имѣю никакихъ свободныхъ денегъ—и придти на помощь бѣдному М. Маклаю—не могу.

Около Февраля будущаго года я надѣюсь быть въ состояніи располагать 3000-и рубл.—и если эта моя надежда сбудется, то я съ истиннымъ удовольствіемъ предоставлю эту сумму въ Ваше распоряженіе—но что дѣлать до тѣхъ поръ и чѣмъ М. М. будетъ существовать?

Тутъ я ничего не могу сказать положительнаго.

М. М. прислалъ мнѣ небольшую нѣмецкую статейку*) о дѣйствіи опіума, которую я прочелъ съ удовольствіемъ, такъ какъ она показалась мнѣ весьма правдивой.

Я здѣсь живу, запершись какъ улитка—и съ остервененіемъ переписываю

*) Ein Opiumrauchversuch (physiologische Notiz) von N. von Miklucho-Maclay". (Batavia, Ernst et C°. 1875.) (Имѣется въ собраніи П. И. Щукина.)

свой романъ, что продлится еще съ мѣсяцъ или болѣе. До 15-го Окт. я никуда не тронусь.

Извѣстите меня о полученіи сего—мало отраднаго письма.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Искренне Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)
Понедѣльникъ, 28-го Авг. 76.

Любезнѣйшій Князь,

Сейчасъ получилъ Вашу телеграмму и вижу что Вы въ Карлсбадѣ. А я, сообразуясь съ Вашими инструкціями, написалъ Вамъ обстоятельное письмо во Флоренцію, Villa Herzen. Повторю вкратцѣ содержаніе этаго письма, которое впрочемъ представляетъ мало утѣшительнаго:

a) Братъ мой сюда не пріѣхалъ и не пріѣдетъ.

b) Имѣнія моего онъ не покупаетъ и не купитъ.

c) Денегъ у меня теперь, по милости канальи управляющаго, нѣтъ ни гроша.

d) Въ началѣ Февраля я могу располагать 2500 р. или даже 3000 рублями, которые я дамъ въ займы Вамъ и Миклухѣ-Маклаю.

Вотъ и все.

Прибавляю къ этому что я до 1-го Окт. отсюда не выѣзжаю и сижу надъ перепиской своего романа и здоровьемъ своимъ доволенъ.

За симъ желаю Вамъ всего хорошаго и дружески крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Матеріалы для біографіи Ник. Ник. Миклухи-Маклая и письма его, 1869, 1870, 1871, 1873 и 1874 гг.

Въ Новгородской губ. село Рожеств. род. 1846 г. Миклуха-Маклай (Малороссъ). Былъ очень здоровъ до 3-хъ лѣтъ, но послѣ лихорадки, полученной въ С. П. б. весной, остался хворымъ. Неохотно, но скоро выучился грамотѣ у матери, до 11 лѣтъ, балуемый отцемъ, учился языкамъ и рисованію дома, но по смерти отца поступилъ въ школу Св. Анны, (преподаваніе шло на нѣмецкомъ языкѣ) хорошо занимался, но очень шалилъ. Въ одно лѣто приготовился подъ руковод-

ствомъ студента С. П. б. Универ. (В. В. Микляшевскаго) въ 4-тый классъ 2-рой С. П. б. гимназіи. Въ гимназіи плохо учился и даже избѣгалъ ходить въ классы, хотѣлъ поступить въ Ак. Худ., но по просьбѣ матери, никогда не стѣснявшая свободу его, отложилъ это намѣреніе на нѣкоторое время. Будучи въ 6-мъ классѣ, онъ получилъ воспаленіе въ легкихъ, остался въ 6 классѣ и перешелъ осенью 63 г. въ Универ. на Ест. Ф. и при этомъ посѣщалъ нѣкоторыя лекціи въ М. Акад. Въ концѣ 63 г. вслѣдствіи неудовольствій въ Ун. и совѣтовъ докторовъ выѣхалъ изъ Пет., отправился въ Гейдельберг. Ун., въ которомъ въ теченіи двухъ семестровъ и одного въ Лейбцигѣ усиленно занимался историческими и соціальными науками. Перешелъ въ Іену, гдѣ сейчасъ же не только началъ слушать курсъ Ест. Наукъ, но даже поступилъ на практическіе курсы Профес. Геймбауера и Гекеля; эти занятія продолжалъ $2^1/_2$ года. Въ это время отъ усиленныхъ занятій микроскопомъ и анатоміею (сравн. анат. людей) онъ получилъ легкій параличъ лѣвой стороны лица и пролежалъ въ клин. въ Іенѣ 2 мѣсяца. Осенью 67 года отправился на К. ос. съ Пр. Гекелемъ, у котораго онъ уже состоялъ въ то время ассистентомъ, и съ Фолемъ Шв.

На К. остр. онъ преимущественно занимался разработкою Морф. на животныхъ, губокъ и коралловъ. Съ Кан. остр. онъ ѣздилъ въ Марокко черезъ Магодоръ въ арабскомъ костюмѣ и вернулся черезъ Испанію снова въ Іену гдѣ пробылъ лѣто и зиму.

Осенью 69 года онъ отправился въ Мессину, гдѣ пробылъ зиму и рано весною уѣхалъ къ Кр. морю, откуда вернулся черезъ Одессу по Волгѣ, въ Москву и въ Петер. (съѣздъ въ Москвѣ).

Зимою 70 года онъ пробылъ въ Іенѣ и въ Іюлѣ 71 года вернулся въ Петербургъ, откуда въ Октябрѣ уѣхалъ въ Новую Гвинею. Къ этой экспедиціи онъ готовился болѣе года. Отправившись на кор. Витязѣ, Маклай заѣзжалъ еще разъ въ Германію и Англію и въ кругосвѣтномъ плаваніи дольше останавливался у береговъ Юж. Америки, но миновалъ Австралію. Въ Сентябрѣ 71 года онъ оставленъ былъ въ Н. Гв., гдѣ пробылъ 15 мѣсяцевъ. 24-го Декабря 72-го года клиперъ Изумрудъ прибылъ въ Н. Гв. и отвезъ Н. М. Маклая въ Батавію, гдѣ онъ пробылъ 6 мѣсяцевъ и оттуда отправился снова въ Декабрѣ 73 года въ Н. Гв., но на Югъ, куда Голланд. прав. обѣщало во всякомъ случаѣ послать за нимъ военное судно.

Messina $\frac{6}{14}$ 69. Суббота.

Напрасно сомнѣвались что я не исполню намѣренія ѣхать къ Красному морю Вчера уже я долженъ былъ быть въ море но не успѣлъ уложиться—много времени теряешь съ этой укладкой—*ѣду въ четвергъ* и прямо въ Александрію гдѣ недолго пробуду потомъ черезъ Каиръ и Зуецъ куда нибудь. Мать прислала мнѣ на дняхъ около 300 р. с. На эти деньги я надѣюсь добраться до Смирны, или

Константинополя или Одессы—qui ne risque rien—n'a rien! Я надѣюсь для моихъ изслѣдованій на интересныя результаты. Конечно при послѣдней присылкѣ не обошлось безъ негодованія на мои занятія которыя стоятъ деньги портятъ глаза и не приносятъ никому пользы—но все же спасибо матери что прислала столько что можно рискнуть—что я и сдѣлаю. Послѣднія 3 недѣли были для моихъ работъ очень удачны. Это и не присылка денегъ были причиной что оставался все еще въ Messin'ѣ.

Четвергъ 1/2 1 часа ночи.

Завтра ѣду—досвиданья во 2-ой разъ выѣзжаю изъ Европы и все на короткій срокъ.

Пишите, такъ какъ не знаю адресса то адрессуйте письмо до полученія новаго: Messina M-r G. de Baranowsky. Agence russe pour M-r M. Maclay.

Кланяйтесь всѣмъ буду писать изъ Зуеца.

На конвертѣ: Germania-Berlin. Via Verona-Inspruck. Prince Alex. Mechtersky. Berlin. Unter den Linden 34 bei Bensia.

СПБургъ $\frac{24}{IX}$ 70.

Сейчасъ вернулся изъ Кронштадта—и узналъ что не выйдемъ ранѣе 10-го или даже 15 Окт. въ море. Дня два передъ тѣмъ увѣряли меня что выйдемъ 2 или 3-го. Спѣшу сообщить Вамъ эту перемѣну—хотя ожидаю Вашего пріѣзда каждый день. На корветѣ работаютъ днемъ и ночью.

На дняхъ видѣлся я съ Вел. Кн. Конст. Ник. и успѣлъ устроить что хотѣлъ—т. е. Витязь отвезетъ меня въ Н. Гвинею. Обо всемъ сообщу обстоятельно при свиданьѣ.

Я думаю устроить слѣд: пріѣду на корветѣ въ Копенгагенъ а оттуда проѣду черезъ Германію и Голландію въ Англію гдѣ опять сяду на „Витязь".

Что я *вѣроятно* такъ сдѣлаю очень возможно и представляетъ много выгодъ но все это *еще* не окончательно рѣшено.

Примите и эту возможность въ расчетъ!

Жду Васъ! и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Вчера пріѣхалъ Сужщинскій съ женою и сыномъ!

Въ случаѣ если я не вернусь изъ предстоящаго путешествія *желаю* чтобы *все* что мнѣ слѣдуетъ или придется *перешло* сестрѣ моей Ольгѣ.

„Витязь" Н. Миклухо-Маклай.

27 Окт. 1870 г.

На конвертѣ:

Открыть если не вернусь.

18$\frac{27}{XI}$70. М. Маклай.

Gnädiges Fräulein,

Sie werden erstaunen diese Zeilen zu erhalten, aber Ich habe kleine Bitte an Sie: Könnten Sie mir nicht Ihre Photographie als Andenken des heutigen Tages zuschicken!?..

Durch unsere kurze Bekanntschaft wißen Sie in welche Hände Ihr Bild kommt und Ich darf hoffen dass Sie mir diese Kleinigkeit nicht abschlagen werden.

Sobald Ich Ihre Photographie erhalte, werde Ich mir erlauben Ihnen die meinige zu übersenden.

Schreibe auf dem Bahnhofe in Hamburg, weiß nicht ob Ich bleiben oder weiter reisen soll..

Ich bitte jedenfalls um eine Antwort mit, oder ohne Photographie...

Sie werden aber doch nicht einem künftigen Einsiedler Neu-Guinea's, diese kleine dänische Erinnerung abschlagen wollen!

Meine Adresse:

Herrn von Maclay

Berlin in der Buchhandlung von Mitschel und Röstell Leipzigerstrasse 112 abzugeben

. . . . .

Warte! . .

Kiel d 19 Novr 1870

Hochgeehrter Herr!

Es gereicht mir zum Vergnügen Ihnen einliegend die gewünschten Karten*) zu überreichen. Mit Freude werden meine Tochter und ich an unser kurzes Zusammenleben im Eisenbahn—Wagon denken, und mit den besten Wünschen für Sie zu Ihrem großen Unternehmen hoffe ich zu Gott, daß er Sie gesund zurückkehren läßt:

Wird es mir vergönnt Sie alsdann, nach 8 Jahren, sehen zu können, soll es mir besonders angenehm sein und in dieser Erwartung zeichne ich mit besonderer Hochachtung

Andr. Schmidt.

На конвертѣ:

Herrn N. von Maclay

Herren Mitschel und Röstel Buchhandl.

Berlin

Leipzigerstrasse.

Valparaiso $\frac{23}{5}$ 71.

Безъ дальнѣйшаго предисловія разскажу Вамъ какъ это случилось что я ставлю Васъ можетъ быть въ трудное положеніе. Вы знаете что на основаніи слова Вел. Князя „Витязь“ долженъ былъ зайти въ Австралію передъ Нюв. Гвинеею.

*) Къ письму приложены двѣ визитныя карточки: на одной напечатано: Andrea Schmidt; на другой—Consul Andr. Schmidt и приписано: des Niederlandes Kiel.

1871 Copenhagen.

Деньги мои я взялъ въ видѣ кредитива на Melbourne и Sydney. Измѣненная программа плаванія опять оказалась востановленною въ Вальпарайзо, гдѣ Назимовъ получилъ инструкцію *прямо* идти въ Н. Гвинею *не* заходя въ Австралію—что было дѣлать? Мой кредитивъ можетъ быть только мною лично размѣненъ въ Австраліи, другихъ денегъ нѣтъ—не у кого взять—съ Назимовымъ я въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ; а безъ денегъ нельзя ѣхать. Думалъ я много и долго—совѣтовался со знатоками и порѣшилъ дать Назимову на Васъ вексель, не имѣя кромѣ матери и сестры болѣе близкаго чѣмъ Васъ. Пишу также и матери объ этомъ же дѣлѣ. Надо было рѣшится на эту крайность или оставивъ „Витязь" отправится въ Австралію за деньгами. Послѣднее мнѣ показалось нераціональнымъ.

Чѣмъ и какъ я занимаюсь прочтете какъ нибудь въ Извѣстіяхъ Геогр. Общества. Замѣчу мимоходомъ что жизнь на военномъ суднѣ и съ такими субъектами какъ Назимовъ не особенно пріятно, однакожъ возможно.

Мы здѣсь въ Вальпарайзо 3 недѣли. Между дѣломъ я заинтересовался (!!) очень одной дѣвочкой лѣтъ $14^1/_2$—и отчасти иногда скверно справляюсь съ этимъ интересомъ. Она просила меня между прочимъ вчера достать ей русскихъ марокъ, пришлите ей пожалуйста штукъ 12 разныхъ, но уже употребленныхъ марокъ со слѣдующимъ адресомъ: Valparaiso, Chile via England. M-r Miguel G. Cunich pour remettre à M-lle Emma.

Буду очень благодаренъ! Не забудьте!

Вы можетъ улыбнетесь при чтеніи этой просьбы—но мнѣ такъ рѣдко встрѣчаются люди, которые мнѣ нравятся что для нихъ я готовъ на многое и даже готовъ безпокоить Васъ этими пустяками.

Мое положеніе теперь очень хорошо выяснилось: мѣсяца черезъ 3 я буду въ Нов. Гвинеѣ, одно только нѣтъ у меня еще ни однаго человѣка прислуги.

При случаѣ узнайте у П. В. у Ост.-Сак. или у Бар. Раденъ намѣренъ ли Вел. Князь черезъ 1 или $1^1/_2$ года прислать что нибудь за мною въ Гв. Я напишу ему объ этомъ изъ Отаити.

Что Вы творите? Жалѣлъ я уже много разъ что *Васъ* со мною нѣтъ!... жалко.... Что Н?.... Извините что безпокою Васъ этимъ векселемъ но знали бы мое положеніе сказали бы: *er hat recht!* Поклонъ Всѣмъ не забудьте Раденъ Зубову. Адресса не могу дать—получу письма слѣдующія *только по возвращеніи* изъ Новой Гвинеи.

$\frac{8}{20}$ Сентября приблизились къ заливу Astrolob который вовсе не описанъ, а опредѣлены только его входные мысы капитаномъ Дюпере.

Путешественникъ Миклуха-Маклай, избравъ эту мѣстность для своего первоначальнаго пребыванія, просилъ вдаться въ заливъ и избрать мѣсто для его

жительства. Заливъ оказался весьма углубившимся во внутрь острова, заселенный дикарями Папуа по всему протяженію своихъ береговъ. Избравъ болѣе удобное и безопасное для корвета якорное мѣсто, въ 3 часа по полудни бросилъ якорь на глубинѣ 26-ти саженъ, въ 75-ти саженяхъ отъ берега. У самаго берега глубина оказалась 6 саженъ.

Напротивъ мѣста якорной стоянки корвета, г. Маклай избралъ мѣсто на берегу для своего жительства. Отъ корвета были даны всѣ средства къ устройству жилья и защиты его отъ нападеній дикарей. Въ теченіи пяти дней было употреблено 110 человѣкъ рабочихъ, не считая гребныхъ судовъ. Расчистили мѣстность кругомъ его дома на 30 саж. въ діаметрѣ отъ дѣвственнаго непроницаемаго лѣса. Сдѣлали кругомъ дома въ нѣкоторомъ разстояніи шесть минъ и вполнѣ вооружили и зарядили ихъ на случай нападенія дикарей; проводники провели всѣ въ его домъ и научили какъ ими дѣйствовать. Г. Маклай прибылъ на Новую Гвинею совершенно безъ всякихъ средствъ для устройства и существованія своего и его двухъ наемныхъ слугъ, изъ которыхъ одинъ шведскій подданный, другой дикарь острова Нице.

Мѣстность, избранная имъ для жилья, по общему нашему убѣжденію неудобная; въ случаѣ крайности ему отрѣзаны всѣ пути для отступленія, и имѣетъ всѣ данныя для развитія лихорадки. Переночевавшій одну только ночь въ домѣ Маклая инженеръ-механикъ прапорщикъ Богомоловъ получилъ лихорадку перемежающуюся 16 сентября и боленъ по сіе время; слуга шведъ остался тамъ уже пораженный лихорадкой, и самъ г. Маклай уже ощущалъ припадки лихорадки. Черезъ пять дней по уходѣ корвета лихорадка начала развиваться въ командѣ корвета. Кромѣ этихъ губительныхъ обстоятельствъ для г. Маклая, онъ не можетъ изъ своего жилья усмотрѣть ни одного проходящаго корабля, и, обратно, ни одинъ корабль, проходя мимо, никогда не будетъ въ состояніи разсмотрѣть мѣстопребываніе европейца и флагъ, который я ему устроилъ на мачтѣ. Г. Маклай не озаботился пріобрѣсти никакой лодки, чтобы имѣть возможность дѣлать наблюденія на водѣ или ловить морскихъ животныхъ или имѣть возможность удалиться въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій жителей. А потому я рѣшился отдать ему имѣющійся при корветѣ 4-хъ весельный ялъ со всѣми принадлежностями.

9-го Сентября, въ день рожденія Вашего Императорскаго Высочества, была отслужена литургія и молебствіе; корветъ разсвѣтился флагами и салютовалъ 21 выстрѣломъ. Это былъ первый пушечный громъ, раздававшійся эхомъ по горамъ Новой Гвинеи; въ ознаменованіе чего я назвалъ бухту, мѣсто нашей якорной стоянки—бухта Великій Князь Константинъ.

Всего я оставался на якорѣ семь дней. Во все время якорной стоянки партія гардемаринъ, подъ руководствомъ старшаго штурманскаго офицера капитана Бенземана, производила гидрографическія работы для составленія карты залива. Подробная карта заканчивается въ работѣ и будетъ представлена мною.

Жители окружающихъ насъ береговъ въ первые дни нашего пребыванія пріѣзжали на корветъ, но потомъ, замѣтивъ, что на берегу, кромѣ рубки дровъ, производится постройка жилья, начали смотрѣть на насъ съ подозрѣніемъ и удалились отъ всякихъ сношеній съ нами. Тогда мы сами отправились партіями къ нимъ въ селенія съ разными подарками, чтобъ завести съ ними дружбу и укрѣпить ее для будущаго времени въ пользу г. Маклая. Но они не обращали вниманія на подарки и съ каждымъ днемъ деревни ихъ пустѣли, наконецъ хижины ихъ были покинуты совершенно; бывшіе по берегамъ пироги исчезли и дома, обозначающіе мѣста ихъ жительства, перестали быть видимы. Съ самаго перваго появленія дикарей на берегу и на корветѣ мы видѣли ихъ безъ оружія, и во все время пребыванія никогда они не приближались къ намъ вооруженные. Изъ всего окружающаго ихъ имущества, мы не нашли никакихъ признаковъ, которые показали бы о посѣщеніи этихъ береговъ европейцами. Желѣзо имъ не было извѣстно. Когда я имъ показалъ два прута желѣзные, то они смотрѣли равнодушно, но увидя его гибкость, а потомъ услыша звукъ при ударѣ желѣза о желѣзо, они были удивлены такому матеріалу и приняли этотъ подарокъ съ удовольствіемъ. Лодки жителей Новой Гвинеи безобразны, едва выдолбленныя кривыя деревья; мы видѣли даже недолбленныя бревна съ заостренными концами, что замѣняетъ лодку, тогда какъ лодки жителей Томбара или Новой Ирландіи сдѣланы весьма искусно, красиво, легко, съ украшеніями и выкрашенныя. У Гвинейцевъ Папуа парусъ, грубо сдѣланный изъ травы, веревки кокосовыя, или бамбукъ, или ліяны, виды которыхъ весьма разнообразны въ лѣсахъ въ Новой Гвинеи. Климатъ опредѣлить трудно по краткости времени пребыванія, но можно замѣтить, что онъ скорѣе нездоровый. Во все время перехода отъ Соломоновыхъ острововъ до Новой Гвинеи имѣли такіе ливни дождя, что надо было мѣрить не дождемѣромъ (котораго на суда не отпускается), а черезъ полчаса времени шлюпки на боканцахъ, закрытыя чехлами, наполнялись водой такъ, что выливали изъ нихъ воду ведрами, а если это случалось ночью, и койки были розданы, то коечныя сѣтки наполнялись водой.

—

Въ № 3-мъ „Морск. Сборн.“ помѣщены весьма интересныя „Путевыя впечатлѣнія во время плаванія на корветѣ „Витязь“, принадлежащія перу г. В. Перелешина. Между очерками мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и природы, мы встрѣтили тамъ слѣдующія свѣдѣнія о нашемъ молодомъ натуралистѣ, г. Миклухѣ-Маклаѣ. „7 сентября 1871 года, разсказываетъ г. Перелешинъ,—мы увидѣли на горизонтѣ Новую Гвинею, а 8 сентября, въ три часа, стали на якорь въ бухтѣ Астролябія. Бухта углубляется въ берегъ миль на двѣнадцать, а шириною еще больше, и потому правильнѣе ее назвать маленькимъ заливомъ. Мы стояли недалеко отъ

берега, имѣющаго видъ маленькой бухточки, край которой песчанымъ мыскомъ выдавался довольно далеко въ заливъ берега; бухточка покрыта густою растительностью. Вѣтви многихъ деревьевъ и тѣнистыхъ кустарниковъ свѣшиваются прямо въ воду. Такъ какъ мы пришли наканунѣ дня рожденія Великаго Князя Константина Николаевича, то и назвали эту бухточку: „Портъ Великій Князь Константинъ". Не зная, какъ примутъ насъ дикари и не желая помѣшать г. Миклухѣ-Маклаю, мы не съѣзжали съ корвета, и ему первому предоставлено было право отправиться со своими людьми на берегъ. Надо сказать, что цѣль нашего захода въ Новую Гвинею состояла въ томъ, чтобъ высадить пассажира Миклуху-Маклая, который, нанявъ въ Самуа двухъ слугъ: одного шведа, говорящаго по нѣмецки, а другаго мальчика съ острова Ніу, говорящаго только на родномъ языкѣ, рѣшился остаться на Новой Гвинеѣ для ученыхъ изслѣдованій. Цѣль его—пройти поперекъ острова для ознакомленія съ нравами, обычаями и типами Папуасовъ и характеромъ мѣстности—предпріятіе въ высшей степени интересное, но трудное. Итакъ, онъ первый отправился на берегъ за мысокъ, но скоро вернулся, не побывавъ на берегу; опасаясь угрозъ дикихъ, не допустившихъ его пристать. Командиръ на вельботѣ поѣхалъ вдоль бухты осмотрѣть мѣстность, и нашелъ нѣсколько деревень, стоящихъ на берегу, жители которыхъ пантомимами просили пристать къ берегу. Въ скоромъ времени и нашъ путешественникъ поѣхалъ туда же, выходилъ на берегъ и привезъ съ собой на корветъ четырехъ дикарей, которые, выйдя наверхъ, дрожали отъ страха всѣмъ тѣломъ. Дикари эти не особенно кротки, потому что въ нѣкоторыхъ избахъ висятъ въ углу, или просто валяются человѣческіе черепа.... Мы желали пробраться во внутреннюю деревню... Мы уже видѣли изъ за пальмъ крыши домовъ, но въ это время явились пять человѣкъ, стали поперекъ дороги и стали стращать, показывая, что въ деревнѣ насъ съѣдятъ.

„Г. Миклуха-Маклай, рѣшившись остаться на Новой Гвинеѣ, выбралъ себѣ мѣсто въ портѣ „Великій Князь Константинъ", на одномъ мыскѣ, возлѣ рѣчки. Наши столяры и плотники соорудили ему прехорошенькій маленькій домикъ на сваяхъ; команда очистила мѣсто возлѣ дома и сдѣлала большую площадку, кругомъ которой, изъ срубленныхъ деревьевъ, кустарниковъ и колючаго хвороста, устроили ограду, такъ что дикари ни съ которой стороны не могутъ подойти близко къ дому, не бывъ замѣченными. Кромѣ того, кругомъ дома, въ приличномъ отъ него разстояніи, закопали нѣсколько небольшихъ минъ или, правильнѣе, устроили для него шесть фугасовъ, по различнымъ направленіямъ. Взорвать каждый онъ можетъ не выходя изъ дома; это будетъ хорошая защита, а главное—острастка въ случаѣ нападенія дикарей. Въ виду его исключительнаго положенія, командиръ нашелъ необходимымъ оставить въ его полное распоряженіе одну изъ шлюпокъ, именно четверку съ полнымъ вооруженіемъ; въ случаѣ безвыходнаго

положенія, онъ можетъ переправиться на ней въ другое мѣсто; снабдили его также провизіей и вообще всѣмъ, чѣмъ только было возможно, и что было для него необходимо. Для храненія вещей и провизіи были вырыты погреба; маленькій шалашъ возлѣ дома будетъ служить ему кухней, мальчикъ съ острова Ніу предназначенъ быть поваромъ, а другой, шведъ Вильсонъ, какъ болѣе смышленый, будетъ находиться при г. Маклаѣ. Всѣ безъ исключенія принимали въ немъ самое живое участіе, и каждый помогалъ по возможности въ устройствѣ его новаго жилища. Нарубивъ порядочное количество дровъ, мы распрощались съ г. Миклухой-Маклаемъ, пожелавъ ему успѣха въ его предпріятіи и всякаго благополучія; развели пары, дали ходъ. Маклай салютовалъ намъ русскимъ купеческимъ флагомъ, который развѣвался на длинномъ флагштокѣ, привязанномъ къ высокому дереву, стоящему на самомъ мыскѣ".

За день до ухода Маклай перевезъ всѣ свои вещи, которыя всѣ закупорены всѣ хорошо въ ящики, на которыхъ почти на всѣхъ красовалась надпись *Маклай.* Всѣ въ этотъ день свободные отъ службы были на берегу; всякій старался что либо сдѣлать на память для Маклая,—такъ капитанъ устроилъ флагъ-стокъ, на которомъ былъ поднятъ русскій комерческій флагъ; штурманскій офицеръ—солнечные часы, другіе офицеры—мѣсто для шлюпки; остальные разчищали мѣсто и вырѣзывали свои имена на деревьяхъ. Ему оставили четырехъ-весельную шлюпку, 15 ф.(?) длины, которая со всѣми принадлежностями въ частныхъ рукахъ стоитъ 100 р., а въ казнѣ—600 р., что было очень дорого для него и потому офицеры хотѣли подарить ему ее отъ себя. Капитанъ, видя желаніе офицеровъ, приказалъ ее сдать Маклаю безвозмѣздно, что онъ напишетъ въ М—ое м—во, что онъ сдѣлалъ это на томъ основаніи, что Маклай иначе не могъ остаться. Провизіи у него очень мало—5 пуд. рису, 10 ф. сахару, чаю 3 ф., 1 баночка жиру съ надписью „жиръ для пищи" и еще нѣсколько мелочей, что составитъ на троихъ не болѣе какъ на $^1/_2$ года и то все это дали отъ корвета; объ этомъ ему нѣсколько разъ говорили на корветѣ еще далеко до Новой Гвинеѣ, а онъ на это отвѣчалъ, что тамъ есть люди и ѣдятъ что нибудь, ну и я то буду кушать, ну, а тутъ-то оказалось совсѣмъ другое, хорошо если онъ сойдется съ ними, тогда онъ можетъ хорошо прожить, кушая тора и свиней, ну а если они ему ничего не будутъ давать.

Между тѣмъ М. накупилъ себѣ разной мебели, которую даже негдѣ поставить, да еще такую галантерейно-роскошную, которой прилично стоять въ какомъ ниб. салонѣ, а никакъ не въ баракѣ, да еще въ Новой Гвинеѣ.

Послѣдніе часы пребыванія
въ Гонгконгѣ.
Апрѣля не помню котораго.
1873 г.

Чѣмъ сильнѣе я чувствую что я почти ни съ кѣмъ въ жизни не сошелся такъ близко, какъ съ Вами, тѣмъ труднѣе становится писать..... Я бы такъ много могъ бы передать Вамъ.... но писать положительно трудно при моей дѣятельной жизни, которую веду со времени ухода изъ Гвинеи. Хотѣлось бы очень провести бы хотя бы денекъ съ Вами!... Писемъ отъ Васъ давно уже не получалъ.... Я какъ то объ Васъ думалъ: хотѣлъ угадать что теперь съ Вами, какой путь избрали! куда идете или гдѣ покоитесь!... Когда мы растались Вы стояли на перепутьи—не рѣшилъ вопроса не могъ угадать..... Пишите! Моя участь *рѣшена:* я иду, не скажу по извѣстной дорогѣ (дорога это случайность) но по извѣстному направленію, и иду на *все,* готовъ на *все.* Это не юношеское увлеченіе идеею, а глубокое сознаніе силы, которая во мнѣ растетъ не смотря на лихорадки. Про удовлетвореніе этаго стремленія говорить нечего—его нѣтъ, и быть не можетъ. Приходится довольствоваться тѣмъ что можешь сдѣлать . . . .
. . . .

Время нѣтъ писать теперь объ этомъ, черезъ нѣсколько час. снимаемся у меня еще куча дѣла. Перехожу къ дѣламъ:

1) Перешлите *сейчасъ* письмо приложеное матери.

2) Пошлите нѣсколько томиковъ нѣмецкаго перевода Тургеньева издан. въ Либавѣ (или Митавѣ). Его расказы *(не* записки охотника) и *какъ можно скорѣе.* Unter Kreuzband, и съ адрессомъ Hongkong via Brindisi M-r Pustau and C-o. Madame Madame S. Cordes. И если не затруднитъ.

Кланяйтесь всѣмъ! Что Н. Г. кланяйтесь ей.... Нельзя ли намъ увидаться въ Батавіи—подумайте! А то врядъ ли увидимся..... Пришлите вашу фотографію. Пришлю свою изъ Батавіи.

..... Приложите небольшой фотографическій снимокъ съ картины не помню кого *Княжна Тараканова въ тюрмѣ.* Я пользовался у Г-на Cordes очень радушнымъ гостепріимствомъ въ Гонконгѣ и поэтому мнѣ хотѣлось бы чтобы это порученіе было исполнено!

3) Безъ отлагательствъ пишите мнѣ! Много! объ себѣ и обо всѣхъ знакомыхъ, объ моихъ также объ кружкѣ Ораніенбаумскаго Двора и объ Іенскихъ знак. если что знаете.

Я предприму въ концѣ 1873 г. 2-ую Экспедицію въ Гвинею. Объ подробностяхъ узнаете изъ газетъ.

Пришлите мнѣ вырѣзки изъ русскихъ газетъ объ моей смерти, говорятъ что гдѣ-то помѣщали мой некрологъ.

Адрессъ Batavia Hotel de la Marine. Извините Братъ Мещерскій что стѣсняю!...

Опять съ просьбой: я обѣщалъ Петерманну нѣмецкій переводъ моего „Краткаго Сообщ. о пребыв. въ Нов. Гвинеѣ“, которое находится у Гр. Литке Секретаря Геогр. Общ. Возмите у него отпечатокъ и если Ольга можетъ то пусть переведетъ сообщеніе, *но* подъ Вашей редакціею; или устройте иначе, какъ найдете лучше но перешлите переводъ D-r Петерманну. Потомъ пожалуйста узнайте отъ моихъ высланы ли деньги. У меня нѣтъ болѣе ни гроша, къ тому здѣсь хотя всѣ и кланяются и увѣряютъ въ уваженіи, почтеніи, удивленіи и симпатіи ко мнѣ, но обращаться за деньгами мнѣ было бы крайне трудно и прискорбно. Я къ тому же болѣнъ (лихорадка, ревматизмы), я живу во дворцѣ Генералъ-Губернатора и пользуюсь большимъ комфортомъ и даже нахожусь въ особенномъ расположеніи всего здѣшняго общества, что странно по случаю моихъ фантазій и пренебреженія многихъ установленныхъ обычаевъ.

Жду помощи и письма. *Ни однаго* (кромѣ отъ Петерманна) не получилъ еще изъ Европы.

Адрессъ мой Buitenzorg près Batavia. Java.

На оборотѣ: St Petersbourg Russie. Son Altesse Prince Alexandre Mechtersky. Rue Sergieffskaja, maison Fadieff.

Отвѣтъ на Ваше письмо 1-го Мая стр. ст.
полученное въ Бюйтенцоргѣ 29-го Іюня нов. ст.

Buitenzorg. $\frac{30}{VI}$ 1873.

Около мѣсяца тому назадъ прибылъ я наконецъ сюда, гдѣ могу немного отдохнуть, что мнѣ очень полезно, и освободиться, можетъ быть, отъ непокидающей меня лихорадки. Въ концѣ Мая „Изумрудъ“ ушелъ въ Россію; я остался здѣсь, отдохнуть, заняться редакціею моихъ Н. Гвинейскихъ замѣтокъ и выждать письма и деньги изъ Россіи. Письма и деньги я вчера получилъ—спасибо за письмо, оно мнѣ было очень интересно, хотя надо было прочесть еще раза 3, чтобы понять, много словъ было неудобочитаемыхъ! Также деньги пришли очень кстати—отъ моихъ Австралійскихъ векселей осталось у меня не болѣе 100 голанд. флориновъ. Экскурсіи въ Целебессѣ, въ Тидорѣ, на Филипинскихъ ос—хъ, въ Китаѣ, покупка необходимаго бѣлья и платья въ Гонг-Конгѣ, жизнь въ отеляхъ въ Сингапурѣ, въ Батавіи и Буйтенцоргѣ, одно за другимъ облегчили мою кассу и я уже думалъ занять денегъ у кого нибудь, когда присланные Вами векселя избавили меня отъ хлопотъ и одолженій.

Объ моихъ пушешествiяхъ я не пишу Вамъ, когда нибудь случится, можетъ быть, переговоримъ о нихъ. Скажу пару словъ о теперешней моей жизни. Я былъ встрѣченъ здѣсь какъ и въ Китаѣ очень любезно и почтительно. Здѣсь еще болѣе чѣмъ тамъ, вслѣдствiи письменныхъ рекомендацiй отъ Голандск. правительства здѣшнему Генералъ-Губернатору, который играетъ здѣсь роль Короля и дѣйствительно имѣетъ власть болѣе неограниченную чѣмъ Король Нидерландовъ. В. К. Алексiй Ал. и Адмир. Посьетъ много говорили также обо мнѣ Г. Губернатору, когда „Свѣтлана“ заходила сюда. Kurz und Gut Губернаторъ принялъ меня „mit besonderer Auszeichnung“, что мнѣ было бы совершенно индифферентно, если бы онъ и его семья не оказались бы людьми очень симпатичными, что меня отчасти удивило такъ какъ его въ Колонiяхъ здѣсь очень боятся и онъ кажется дѣйствительно очень строгъ въ служебныхъ дѣлахъ. На остатки моихъ капиталовъ нанялъ я небольшой домикъ и думалъ прожить мѣсяца два, три, въ Бюйтенцоргѣ. Оказалось это однакоже неудобно—комнаты маленькiя, низкiя, душно, приходилось ходить обѣдать въ отэль, посылать за завтракомъ, то то, то другое недоставало!... Къ тому же лихорадка и ревматизмы. Я не измѣнялъ однакоже образа жизни—надоѣло хлопотать и переселятся изъ худаго въ немного лучшее! Я даже никого не видалъ, т. е. не отдавалъ еще рекоменд. писемъ (которыя получилъ въ Гагѣ въ 1870 г.) и не дѣлалъ визитовъ. Дней 8 спустя Губернаторъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта съ настоятельною просьбою переселиться къ нему, передавая мнѣ что я буду совершенно также свободенъ какъ живя дома и если это меня стѣсняетъ, то я могу вовсе не видаться ни съ кѣмъ въ домѣ. Онъ мнѣ предоставлялъ выборъ помѣщенiя. Дворецъ Бюйтенцоргскiй обширенъ и раскинутъ. Я принялъ приглашенiе, зная что могу подъ какимъ нибудь предлогомъ въ каждое время уѣхать; я осмотрѣлъ и выбралъ самыя простыя и отдѣльныя комнаты, въ совершенно отдѣльномъ павильонѣ, оставивъ кромѣ того мой маленькiй домикъ за собою. Теперь я живу у Губернатора около мѣсяца, и мнѣ дѣйствительно хорошо; соотвѣтственно названiю Buitenzorg (Ohne Sorgen) у меня нѣтъ никакихъ „Sorgen“ относительно помѣщенiя, стола, прислуги и т. п. и т. п. Кромѣ того много Европейскаго комфорта, коляска или карета въ каждое время къ услугамъ, верховая лошадь. Кромѣ семьи Г. Губернатора (его имя Лаудонъ) я ни съ кѣмъ незнакомъ—сижу дома цѣлый день, забралъ много книгъ изъ Батавiйской библiотеки и наслаждаюсь тишиною (дворецъ окруженъ большимъ паркомъ и ботан. садомъ), воздухомъ, а главное полною беззаботностью касательно ежедневныхъ потребностей, которыя подчасъ одолѣвали меня въ Н. Гвинеѣ. Къ обѣду въ 7-мь часовъ приходится однакоже надѣвать фракъ, бѣлье, галстугъ и перчатки, но это неудобство окупается хорошимъ очень обѣдомъ, а главное послѣ обѣда музыкою дочерей Губернатора, которыя очень сносно играютъ. Въ 8 ч. гости, если были приглашеные къ обѣду, удаляются, все происходитъ съ соблюденiемъ

очень строгаго этикета—но эти формальности *не* касаются *меня*. Я остаюсь съ дамами часовъ до 10 или до 11. Кромѣ музыки я предложилъ чтеніе вслухъ, чтобы не поддерживать разговоръ. Такимъ образомъ вечера проходятъ сносно. Передъ обѣдомъ катаюсь, когда не лѣнь, верхомъ. Эта перемѣна обстановки послѣ Гвинеи мнѣ полезна но по временамъ чувствуется что скоро пожалуй, мнѣ сдѣлается потребностью удалится въ страны безъ фраковъ и бѣлыхъ перчатокъ... Работа моя несмотря на всѣ удобства не идетъ быстро—подчасъ я чувствую себя крайне, до *полной* апатіи, усталымъ, индифферентнымъ ко всему... Очень скверное чувство при работѣ... Но оно *не* постоянно...

Пока я еще останусь здѣсь, если ничего не случится особеннаго—хочу подождать письма отъ Матери отвѣтъ на мое письмо изъ Гонг-Конга—мнѣ оно важно, чтобы знать „à quoi m'en tenir“.

Спасибо большое за уплату моего долга Фолю, онъ меня тяготилъ.

1) Вы мнѣ посылаете какіе то деньги какого то Г. Нарышкина, я желаю знать объ этомъ подробнѣе. Такъ какъ дѣло сдѣлано и деньги пришли кстати, то мнѣ хотѣлось бы дать этому Г-ну росписку что деньги его, которыя я принялъ съ благодарностью, я желаю ему возвратить при возможности (что мнѣ можетъ быть еще когда нибудь удастся!). Я желалъ бы знать кто этотъ Г-нъ и адрессъ его.

2) Меня очень удивило что Вы заплатили Г-жѣ Назимовой 1500 а не 1000 р. т. к. я былъ долженъ Г-ну Н. 1000 р. въ чемъ далъ росписку. Какимъ образомъ и почему было приплачено 500 р.?!..

3) Я пишу книгопродавцу Dabis'у въ Іенѣ о высылкѣ мнѣ разныхъ книгъ и дамъ ему Вашъ адрессъ чтобы онъ могъ бы обратиться къ кому нибудь за уплатою.

4) Я обѣщалъ Петерманну въ Готѣ переводъ моего сообщ. И. Р. Геогр. Общ. и въ письмѣ къ Вамъ просилъ похлопотать объ исполненіи обѣщанія.

5) Узнайте пожалуйста у Непр. Секретаря Ак. Наукъ что сдѣлалось съ моею статьею О Губкахъ Красн. Моря?

Радъ что Ваши дѣла немного устроились, но скверно, что климатъ СПБургскій Вамъ вреденъ, я убѣжденъ что если Вы захотѣли бы то могли бы многое сдѣлать въ Россіи. Но для этаго надо многимъ пожертвовать и втянуться въ скучную работу. Совѣтывать и уговаривать впрочемъ не мой обычай, да притомъ Вы лучше все это знаете. Будучи въ Германіи Вы навѣстите Гегенбауера и Бётлинга, я съ ними остался (кажется?) въ хорошихъ отношеніяхъ. Послѣднюю ($\frac{1869}{70}$) зиму въ Іенѣ Общество Бётлинга было для меня очень цѣннымъ и пріятнымъ. Узнайте у Проф. Аббе объ Дорнѣ—гдѣ и что онъ?... Я Вамъ уже писалъ что Гильдебранды, совершенно безъ повода съ моей стороны, (можетъ вслѣдствіи глупейшихъ и нелѣпыхъ слуховъ) обошлись со мною не совсѣмъ деликатно—если увидитесь съ ними, что вѣроятно, то лучше всего не упоминайте о моемъ существованіи. Гергарду кланяйтесь отъ меня.

Я сомнѣваюсь что мы скоро увидимся, но если это случится то мы ухитримся какъ нибудь прожить мѣсяцъ или два вмѣстѣ гдѣ нибудь въ Южной Европѣ, такъ какъ кажется Вы не намѣрены навѣстить меня въ моемъ *настоящемъ* отечествѣ—странахъ тропическихъ.

2 Іюля 1873.

Сегодня ночью былъ у меня сильнѣйшій пароксизмъ, вотъ цѣлый мѣсяцъ какъ я здѣсь—и все *не* лучше—здоровье мое *сильно* пострадало да иначе и быть не могло—я бы *серьезно* желалъ чтобы Мать и сестра готовы были бы ко *всякой случайности!..*

Мнѣ дѣлается совершенно яснымъ что мнѣ не придется жить болѣе въ Европѣ, и это по двумъ причинамъ. Природа, воздухъ, обстановка жизни подъ тропиками, мнѣ положительно болѣе по характеру и вкусу. Вторая причина и еще болѣе непреодолимое препятствіе жить въ Европѣ, будетъ невозможность устроить себѣ тамъ независимую и конфортабельную жизнь, которая, какъ мнѣ кажется, будетъ для меня въ Европѣ положительною необходимостью. Если бы я имѣлъ порядочное состояніе (я же не имѣю никакого) то и оно вѣроятно не хватило бы на устройство, по моимъ понятіямъ, сносно-удобной жизни. Вы можетъ быть улыбаетесь, припоминая мою студенческую жизнь, а особенно Красно-Морскую и Ново-Гвинейскую, но это положительно, я такъ измѣняюсь въ этомъ отношеніи когда попадаю въ цивилизованныя страны, что самъ удивляюсь своимъ потребностямъ (?) и прихотямъ—а въ Европѣ будетъ хуже.

Закабалить себя кафедрою, связать съ какимъ нибудь захолустьемъ, хотя бы и СПБургомъ, на то у меня не было и не будетъ никогда желанія.

Итакъ я поселюсь гдѣ нибудь здѣсь въ Благословенныхъ странахъ тропическихъ, но также не вблизи Европейцевъ — около нихъ все страшно дорого и скучно. Можетъ быть если финансы и охота позволятъ пріѣду заглянуть на годикъ въ Европу, но это не прежде какъ лѣтъ черезъ нѣсколько! Были-ли Вы между проч. уже въ *Южной* Италіи, неужели все странствуете по этой Германіи (я думаю Нѣмцы очень напустили на себя важности послѣ своей солдатской дѣятельности) проживете въ Соренто, въ Искіи, или Капри, и если найдете клочекъ земли съ хорошимъ видомъ на море, горы—купите!!... Какъ купите (положительно *не* дорого) напишите, я пришлю вамъ фасадъ и планъ Вашей будущей виллы!... Кланяйтесь кое-какимъ друзьямъ въ Германіи, также передайте мой искренно-дружескій поклонъ Н. Г.!!...

4 Iuli Morgen.

Получилъ увѣдомленіе что въ Бат. Общ. пришло письмо отъ Васъ съ извѣстіемъ, что И. Р. Г. Общ. посылаетъ письмо съ документами и деньгами—жду его сегодня. Выберите пожалуйста разл. *ноты Бетховена*, *Шумана* и пожалуй *Шопена* тол. на *15* или *20* хорошихъ изданій, *не* черезчуръ трудныхъ, а для

порядочно-играющихъ и имѣющихъ хорошаго учителя. Также приложите къ нотамъ 2 портрета *Бетховена* (тотъ же снимокъ что у Васъ кот. я присл. изъ Берлина въ 1870 г.) средняго формата (кабине). Между проч. нотами и „Манфреда“ Шумана. Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Адр.: Buitenzorg. Au palais de S. E. le Gouverner-General p. M. de M.

На конвертѣ:

Via Brindisi.
The imperial geographical society,
St. Petersburg,
Russia.
Его Сіятельству
Александру Александровичу
Князю Мещерскому.
Franco.

NB. Въ случай отсутствія прошу покорно переслать *немедля* пакетъ по оставленному адрессу.

Отъ Н. Миклухо-Маклай.

Buitenzorg 20 Nov. 1873.

„Wenn auch die Sonne im Westen aufginge,
„Der Berg Meru erzitterte, das Feuer kalt
„Würde, der Lotos auf Bergesgipfel auf einem
„Felsen blühete: die Rede edler Menschen
„Würde kein leeres Wort sein.“
(94. Indische Sprüche übersetzt von Otto Böhtlingk.)

„Wer genau weiß, was er zu thuen hat, der bringt das Schicksal zur Ruhe.“
(163. Indische Sprüche.)

5 мѣсяцевъ тому назадъ получилъ я Ваше единственное письмо, я ждалъ другаго но видно не дождусь; сегодня пришла англійская почта и изсключая письма Р. Вирхова ни однаго другаго не получилъ!

Я снова отправляюсь въ Нов. Гвинею. Пора, почти годъ какъ покинулъ ее, надо пока еще есть кое-какіе силы одолѣть ее, неподатливую! Къ тому же тамъ не требуется денегъ, которые здѣсь испаряются быстро.

Я часто хворалъ, немного работалъ и „en somme“ прожилъ хорошо эти 5 мѣсяцевъ въ Бюйтенцоргѣ у Е. Превосходительства, къ семьѣ котораго я очень привыкъ. Досадно что здоровье хромаетъ (доктора стращаютъ все нарывами печени!) а то было бы все изрядно.

Я снова думаю прожить въ Гвинеѣ годъ, если здоровье не позволитъ полгода, потомъ къ концу 1874 года вернусь сюда въ Яву, потомъ необходимо мнѣ

будетъ (ради здоровья опять!) отправиться подышать болѣе холоднымъ воздухомъ—отправлюсь въ Австралію или Тасманію.

Я такъ рѣдко получаю (всего 1 письмо во время пребыванія на Явѣ) извѣстія отъ сестры и матери, что даже не могу отгадать гдѣ онѣ теперь.

Вотъ $^1/_2$ года какъ я просилъ мать написать мнѣ объ нѣкоторыхъ важныхъ для меня обстоятельствахъ, и *все еще нѣтъ* отвѣта!

По возвращенію изъ Нов. Гвинеи черезъ $^1/_2$ или $^3/_4$ года я снова буду нуждаться въ деньгахъ и не могу и не хочу надѣяться что Геогр. Общ. опять доставитъ мнѣ нежданно 2000 р. с.

Мнѣ необходимо будетъ однакоже получить приблизительно эту сумму. Письмо матери важно для меня „pour voir claire“ и чтобы планы не разошлись бы со средствами.

Узнайте объ этомъ что можете и *передайте ей что пишу Вамъ если найдете это возможнымъ*. Мнѣ иногда приходитъ на умъ тяжелая мысль что живу насчетъ сестры и матери! Нѣсколько строкъ отъ матери (отвѣтъ на мое письмо) устранили бы ее опредѣливъ для меня какой нибудь исходъ, я бы нашелъ навѣрно возможность выпутатся изъ каждаго положенія!

Впротчемъ эти мизерные аксесуары не помѣшаютъ пока исполненію, или по крайнѣй мѣрѣ попыткѣ разрѣшить нѣкоторые интересн. научные вопросы.

Будь что будетъ, я отправляюсь въ Гвинею какъ бы имѣя впереди по возвращеніи всякія матерьяльныя благополучія!

Итакъ снова до свиданья!

Надѣюсь получить отвѣтъ по возвращенію, что можетъ случится (если здоровье будетъ слишкомъ плохо) въ Іюнѣ 1874. Къ тому времени пишите! Адрессъ: Via Suez-Batavia. Amboina. M-r M-r le Resident d'Ambon. Pour M-r N. de Maclay.

Получили-ли фотографіи и передали-ли ихъ??...

Buitenzorg, 11 Дек. 1873.

Вчера получилъ Ваше письмо изъ Граубюндена, оно пришло во время потому что черезъ 4 дня я отправляюсь въ Н. Гвинею и могъ бы получить это письмо только по возвращенію. Я по болѣзни долженъ былъ отложить отъѣздъ на цѣлый мѣсяцъ, дней 20-ть пролежалъ въ постелѣ. Здоровье начинаетъ хромать. Почти всѣ здѣсь совѣтуютъ мнѣ вернуться въ Европу и отправиться въ Австралію. Я же предполагаю что выдержу еще и этотъ разъ, но постараюсь не остаться въ Н. Гвинеѣ болѣе $^1/_2$ года. Что Вы мнѣ пишите о дѣлахъ матери меня далеко *не* обрадовало, но я знаю что имѣніе было всегда ее „idée fixe“ желаю только чтобы она не раскаялась бы. Я буду писать ей и Олѣ изъ Сурабаи или Макасара. Теперь я очень занятъ: укладка, разныя корректуры статей напечатанныхъ мною въ здѣшнемъ журналѣ Общества Ест. Наукъ. Боясь опечатокъ, осо-

бенно *потери* Манускрипта я ихъ не захотѣлъ посылать въ Европу хотя знаю, или предполагаю что шокирую тѣмъ „патріотовъ“, печатая статьи на немѣцкомъ и французкомъ языкахъ, въ голандскомъ журналѣ! Всякій мыслящій не упрекнетъ меня. Я не забываю также и Извѣстія Г. Общ. Послѣ моего сообщенія о пребываніи въ Новой Гвинеѣ (переведено-ли оно на немѣцкій языкъ и послано-ли Петерману? какъ я просилъ) я послалъ сообщеніе о негритосахъ Люцона (изъ письма Ак. Ф. Бэру), затѣмъ сообщ. объ „Кэу“. На дняхъ высылаю статью „объ нѣкоторыхъ этнологически-важныхъ обычаяхъ Папуасовъ Бер. Маклая въ Н. Гвинеѣ“. Затѣмъ еще сообщ. „о Результатахъ Метеорологич. наблюденій на Берегу Маклая“. Нельзя требовать чтобы я путешествовалъ въ странахъ мало извѣстныхъ и трудно достижимыхъ и писалъ бы цѣлые тома! Это успѣется потомъ—я не сижу сложа руки. Если Общество могло бы давать мнѣ каждый годъ (до возвращенія въ Европу) около 1500 или 2000 р. с. я былъ бы вполнѣ доволенъ. Мнѣ надо въ годъ 250 или 300 Анг. фунт. Я готовъ отдать потомъ всѣ мои колекціи этнологическія Обществу. Неужели меня заставятъ предложить свои работы и изслѣдованія Голандскому или другому какому Правительству. Изъ дому мнѣ, какъ Вы пишите, трудно или невозможно ждать поддержки. Пока (нѣсколько мѣсяцевъ до Мая или Іюня) мнѣ не надо денегъ какъ я писалъ Вамъ и поэтому я объ нихъ не думаю, къ тому есть болѣе шансовъ совсѣмъ не вернуться, климатъ тамъ убійственный да и Папуасы не любезны. Такъ пока объ этомъ не стоитъ и думать, по возвращенію, при *крайнѣй* необходимости я пришлю телеграмму и надѣюсь тогда что найдутся какія нибудь средства для продолженія путешествія. Я думаю также послать въ СПБ. въ Редакцію Вѣстника Европы которая даетъ мнѣ (у меня письмо отъ Редактора Стасюлевича) 100 р. за листъ, мои замѣтки во время пути изъ Батавіи, черезъ Самарангъ, Сурабаю, Тиморъ, Банду въ Амбоину. Наберется можетъ быть листа 2 или 3! Пришлю рукопись Вамъ, Вы пересмотрѣвъ или давъ пересмотрѣть кому нибудь, передадите Редакціи.

Что меня крайнѣ и странно удивило что Вы заплатили Г-жѣ Назимовой 1500, между тѣмъ какъ я долженъ былъ Г-ну Назимову 1000! 500 рублей за столъ отъ Января—Сентябрь 9 мѣсяцевъ) были включены въ счетъ 1000. Я не думаю чтобы Г-нъ Назимовъ хотѣлъ бы воспользоваться этой мелочью которая для моихъ путешествій можетъ еще пригодится! Пусть М-ръ Н. напишетъ объ этомъ Г-ну Н. Я увѣренъ въ томъ что 500 р. за столъ были включены въ 1000 руб. долга, въ записной книгѣ 1871 г. у меня записано объ этомъ подробно и ясно! Узнайте и не дарите 500 Г-ну Н.

Если Вамъ удастся послать мнѣ денегъ посылайте *не* Ген. Губернатору (зачѣмъ его стѣснять этими пустяками, у него крайнѣ много важныхъ дѣлъ на рукахъ) а моему агенту по денежн. дѣламъ M-r Dümmler et C° Batavia. Я его предупредилъ и даже взялъ впередъ около 500 ged.

Г. мнѣ врядъ ли придется увидѣть ранѣе 1876 года, пока передайте ей мой поклонъ и скажите ей что фотографія ея которую получилъ кажется въ 1869 году и кот. со мною совсѣмъ пожелтѣла.

Итакъ до отъѣзда моего изъ Амбоины Вы и мои получатъ еще обо мнѣ извѣстіе.

Спасибо за послѣднія строки Вашего послѣдняго письма! И живите какъ можно лучше и пожалуй хоть во Флоренц.

Путешествіе до Амбоины продолжится 20 дней, на пароходѣ буду писать кое что обо мнѣ и также рискну дать Вамъ нѣкоторые совѣты! Какіе увидите или лучше сказать прочтете. Сегодня 6 мѣсяцевъ какъ прожилъ въ семьѣ Г. Губернатора—жаль мнѣ оставить этотъ спокойный и милый Sans-Souci??!

Amboina $18\frac{5}{1}74$.

Дѣло серьезное: Доктора здѣсь (т. е. Батавіи Сурабои) сомнѣваются что я выдержу 2-ю Экспедицію въ Н. Гв. для (чего?) я прибылъ вчера сюда, послѣ 19 дневнаго плаванія.

И я чувствую себя крайнѣ нездоровымъ но отправляюсь.

Если удастся вернуться мнѣ *необходимо надо* будутъ деньги, я и занялъ около 1000 flor. для этой Экспедиціи.

Мнѣ надо уплатить этотъ долгъ и отправиться, для здоровья, (какъ писалъ уже) въ Австралію. Мнѣ необходимо будетъ (до Мая) около 2-3000 рублей.

Матеріаловъ и работъ у меня довольно. Географическое Общество можетъ быть поможетъ, если захочетъ взять въ соображеніе что побывать 2 раза въ Нов. Гвинеѣ можно быть больнымъ и нуждаться въ грошахъ!

Конфидентіально (относительно матери и сестры).

Если можно было бы обойтись *безъ* Геогр. Общ. было бы гораздо лучше!

Гесаръ 23 Февр. 1874.

(Отправляюсь *сегодня* въ Гвинею).

Отправляюсь, потому что если теперь не рѣшусь, пожалуй вторая экспедиція въ Нов. Гвинею *никогда* не удастся.

Вслѣдствіи *здоровья* которое уходитъ и средствъ кот. все болѣе и болѣе стѣсняютъ.

Постараюсь вернуться потому что *главныя* результаты (этнологическія) 1-го путешествія почти не разработаны мною, и никто это за меня сдѣлать не можетъ.

Не забывайте и пишите!

М. М.

На оборотѣ: Его Сіятельству
Александру Александровичу
Князю Мещерскому
въ СПБургѣ.

1) Прошу отнестись снисходительно къ погрѣшностямъ противъ русскаго языка и непривычки обращаться многоч. собранію Европейцевъ!

2) Извѣстно Вамъ М. Г. что желаніе познакомиться съ жизнью и нравами однаго изъ остававшихся первобытныхъ племенъ была главная цѣль моихъ путеш. кот. я предприн. на Ос-ва Т. О. и кот. продолжилось 11 лѣтъ.

3) Выборъ мой палъ на Ос. Нов. Гвинею кот. хотя и будучи уже 300 лѣтъ тому назадъ Португальцамъ оставался весьма мало извѣстнымъ.

Тоже самое можно было *тогда* сказать о *„папуаской“ расѣ* отъ которой отличали Негритосовъ а между тѣмъ включали Австралійцевъ.

4) Отправляясь въ Н. Гвинею я имѣлъ намѣреніе имѣлъ главною задачею познакомиться к. сказалъ съ *примитивн.* племенемъ. Программа изслѣд. всей Меланезійской расы представилась мнѣ уже *послѣ* въ 1872 г.

5) О моихъ странств. я к. ч. сообщ. Чл. И. Г. Общ. Русской Публикѣ въ 4 чтен. и 4-хъ демонстр. въ 2 прошл. недѣли въ СПБ. Сегодня вечеромъ я избралъ к. значится въ прог. . . . . берега Мк.

6) Знанія о берег. кот. я избралъ и на котор. я пробылъ $3^{1}/_{2}$ года жизни кот. теперь наз. Бер. Маклая была *tabula rasa* т. ч. всѣ рѣшили наблюденія кот. я могъ сдѣлать и сдѣлалъ предст. дѣйств. результ. въ Наукѣ, *вкладъ* въ нее.

Я сообщу ихъ сдѣлавъ въ антр. отношеніи не вступая въ полемику съ уже сущ. описаніями и замѣтками. Не могъ слѣдить за литерату.—а друг. теоріи не выдерж. критики.

Миклухо-Маклай.

15 окт. 1882 г.

Москва.

Прошу прислать мнѣ *непремѣнно* корректуру 1-ой части! Еще очень слабъ, но пришлю скоро вторую.

Пришлите *прямо: на Выборгской сторонѣ* въ Михайловскую Клинику Бар. Виліе, въ 11-ую палату, кров. № 29.

Мик. Маклай.

15-го марта

1888.

На оборотѣ: Его Превосходительству Профессору Анатолію Петровичу Богданову. Москва, на Арбатѣ, собств. домъ.

Письмо Н. Карамзина импер. Маріи Ѳедоровнѣ, 1818 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Имѣю счастіе представить Вашему Императорскому Величеству мою Исторію, полагаясь на Ваше милостивое расположеніе къ Автору гораздо болѣе, нежели на достоинство книги.

Съ сердечною радостію слышали мы отъ Государя Императора и великаго Князя о добромъ здоровьѣ Вашего Императорскаго Величества. Москва не престаетъ восхищаться своими Августѣйшими Гостями, а мы не престаемъ чувствовать нашего сиротства. Весна будетъ веселить насъ только мыслію о близости лѣта. Павловское всегда прекрасно: надѣюсь около половины Мая гулять въ садахъ его съ пріятностію, но не безъ грусти: тамъ еще не будетъ Той, Которою все ожило и расцвѣло въ сихъ нѣкогда дикихъ мѣстахъ!

Повергаю себя со всѣмъ семействомъ къ Вашимъ стопамъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

Николай Карамзинъ.

С. Петербургъ,
24 Генваря 1818.

Письма В. Жуковскаго.

Съ нѣкотораго времени пакеты мои валятся на тебя какъ бомба, мой милый Константинъ. Вотъ тебѣ еще бомба; когда она лопнетъ подъ рукою твоею, то благоволи раздать обломки кому они назначены и увѣдомь меня хотя полумерочкою о полученіи. Письмо въ Москву перешли немедленно. О себѣ скажу въ двухъ словахъ: воды нѣсколько мнѣ помогли. Теперь живу въ Швейцаріи, на берегу Женевскаго озера, по сосѣдству Веве, въ совершенномъ затворничествѣ и жду что будетъ мнѣ отъ зимы и весны. Вѣроятно, отправлюсь отъ сюда въ концѣ Мая; а въ Іюнѣ надеюсь быть въ Петербургѣ. Очень бы ты порадовалъ меня въ моемъ уединеніи, когда бы написалъ строкъ нѣсколько о томъ что у васъ дѣлается. Естьлибы ты былъ твой братъ, который писать охотникъ, то я бы могъ надеятся исполненія моей просьбы; но ты Константинъ Яковлевичь, великой лѣнтяй и мнѣ отъ тебя письма не видать. Но вотъ что худо. Тургеневъ охаетъ, что не имѣетъ отъ тебя писемъ: онъ безъ денегъ въ Римѣ; это плохо. Поспѣши его обезпечить. Прости другъ, обними за меня Полетику и поздравь его съ синею полосою на брюхѣ. Дружески поклонись . . . . . .

Преданный тебѣ

Жуковскій.

$\frac{1}{13}$ Февраля 1833.
Верне близъ Веве.
Canton de Vaud.

*) Вотъ вамъ списокъ Автографовъ, которые мнѣ особенно нужны. Похлопочите отыскать ихъ сами и попросите въ особенности о томъ Кеппена; онъ человѣкъ аккуратный и всегда былъ ко мнѣ дружески расположенъ: конечно не откажется одолжить меня.

Императрицы Екатерины I.
„ Анны.
„ Елизаветы.
Меншиковъ.
Кн. Яковъ Долгорукій.
Биронъ.
К. Кантеміръ.
Бестужевъ.
Потемкинъ.
Румянцевъ.
Репнинъ.
Каменскій.
Державинъ.

Очень, очень буду вамъ обязанъ если вы мнѣ означенные автографы добудете. Впрочемъ можете прибавить и отъ себя напримѣръ Автографы нашихъ Академиковъ, и нѣкоторыхъ ученыхъ живыхъ и мертвыхъ.

Прошу васъ не забывать
Преданнаго вамъ
Жуковскаго,
весьма благодарнаго за пріязнь ему оказанную вами во время его двудневнаго пребыванія въ Штутгартѣ.

$\frac{17}{29}$ Ноября 1846.

Приложенную книжку прошу васъ отдать Князю Горчакову. Незабудте отдать книгу Великой Княгинѣ.

Я заходилъ къ тебѣ, Константинъ Яковлевичъ и заходилъ въ ужаснѣйшую мятель; а тебя нелегкая куда то унесла на эту пору. Вотъ моя просьба—Варвара Петровна Барыкова ѣдетъ въ Орелъ. Черезъ Москву нельзя—карантины; а черезъ Смоленскъ ей нехочется: дорога пустая, лѣсная, безпріютная; а съ нею ребяты. Нѣтъ ли какой другой дороги по лучше, скажи прошу тебя, почтдиректоръ. Очень ты одолжишь меня, естьли пришлешь маршрутъ; но поскорѣе; она ѣдетъ черезъ два дни. Обнимаю тебя.

Жуковскій.

*) Вверху на письмѣ надпись другой рукой: „Получено отъ Н. Ѳ. Аделунга изъ Штутгарта $\frac{16}{28}$ Февр. 1847.“

Маршрутъ написанъ чрезъ Тверь Зубцовъ Вязьму Юхновъ Калугу и Болховъ въ Орелъ и отправленъ къ Его Пре-ву Василью Андрѣевичу Жуковскому*).

На оборотѣ: Его Превосходительству Константину Яковлевичу Булгакову.

Письмо Т. Н. Грановскаго.

Письмо Ваше давно получено мною любезный Б....ъ. Вы знаете какой я лѣнивый корреспондентъ и потому поймете сами причину моего долгаго молчанія. Вообще я какъ то облѣнился въ нынѣшнемъ году и работалъ менѣе чѣмъ когда нибудь. Даже въ вакаціонные мѣсяцы почти ничего не сдѣлалъ. Кое что прочелъ, но это не называется трудомъ. За то теперь ко мнѣ возвратилась потребность дѣятельности и возможность работать. На зиму у меня много цѣли. Въ Университетѣ у меня будетъ 10 часовъ въ недѣлю, потому что я взялъ на себя древнюю исторію, да сверхъ того буду читать отдѣльно для 4-го курса филологовъ новую исторію по два часа въ недѣлю, цѣлый годъ. Публичныя лекціи сами по себѣ. Теперь взялся за чтеніе. Экзамены начались: ваши питомцы идутъ недурно. Шестаковъ будетъ читать латинскій языкъ для перваго курса, въ качествѣ приватъ доцента. Соловьевъ также начнетъ читать Русскую исторію и также приватъ доцентомъ. Отъ Ефремова Вы избавлены. Вотъ всѣ Университетскія новости.

Изъ письма Вашего вижу что Вы не тратите времени и радъ этому. Не лѣнитесь. Здѣсь все благополучно. Герценъ и его колонія процвѣтаютъ въ здравіи и веселіи. Я бываю у нихъ почти всякую недѣлю. Павловъ Ив. В. былъ также два раза и едва ли возвратится, потому что велъ себя самымъ непристойнымъ и глупымъ образомъ. Напился оба раза пьянъ, буянилъ и говорилъ глупости, сквозь которыя проглядывала самолюбивая до наглости и довольно грязная натура. Что онъ чрезвычайно уменъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но какъ человѣкъ онъ не стоитъ ни любви ни уваженія. Впрочемъ, всѣ эти горькія истины выслушалъ онъ отъ Кетчера, который не смягчилъ даже выраженій. Я вѣрю въ талантъ Пав. но не вѣрю въ его сердце, поэтому въ ожиданіи того что онъ впереди сдѣлаетъ для науки, отъ человѣка я буду держать себя подалѣе. Богъ съ нимъ. На Татар. и Мак. вліяніе его было нехорошо. При свиданіи я разскажу Вамъ все и Вы увидите что я правъ.

Лиза Вамъ кланяется. Прощайте.

Вашъ Грановскій.

---

*) Написано другой рукой.

Письма Ник. Плат. Огарева, 1854—1855 гг.

17 Декабря 1854 г.
Симбир. Губ. Корсунскаго уѣзда,
Тальская писчебумажная фабрика.

Конечно ты не ожидалъ, любезный Б....ъ, что получишь отъ меня письмо, да еще дѣловое. Но такъ какъ это фактъ, то сомнѣнье не имѣетъ мѣста. Вотъ видишь ли: я думалъ, думалъ, да и вздумалъ, что конечно поможетъ Б....ъ мнѣ и, основываясь на этой увѣренности, посылаю тебѣ два образца газетной или печатной бумаги, и всепокорнѣйше прошу похлопотать продать оной для Университетской или Губернской типографіи и количество, большой форматъ не менѣе 2 р. сер., а малый форматъ 1 р. 75 к. сер. не менѣе (а болѣе сколько хочешъ). Этимъ ты мнѣ страшно поможешъ. Можешъ даже, если не въ дурныхъ отношеніяхъ, напомнить обо мнѣ Симонову и попросить его отъ меня о годовой закупки для университета, а если нужно по другимъ образцамъ, то можно прислать мнѣ образцы и я сдѣлаю точь въ точь и дешевле другихъ. Также имѣются разные сорты писчей бумаги. Ну! вотъ и sufficit о дѣлѣ. Теперь хочется поболтать о себѣ и о тебѣ. Вотъ уже давно какъ мы свидѣлись на Нижегор. ярмаркѣ, такъ давно, что я вдругъ и не припомню сколько лѣтъ прошло. Что съ тѣхъ поръ стало съ тобой не знаю. Работаешъ ли ты? Удовлетворяютъ ли труды?... Послѣдній вопросъ весьма тяжелъ, потому что положительный отвѣтъ едва ли возможенъ; а если бы и случилось, что отвѣтъ положителенъ, то это было бы больше счастливо, чѣмъ раціонально. Не подумай, чтобъ я байронизировалъ,—это просто относится къ твоей спеціальности, которая едва ли можетъ удовлетворить гдѣ нибудь, а въ Казанѣ еще менѣе. Кой кто мнѣ разсказывалъ о тебѣ и твоихъ лекціяхъ, и я вздохнулъ, полагая, что жизнь твоя проходитъ въ антиноміи. Но все же твоя жизнь не можетъ проходить въ такой безпощадной антиноміи, какъ моя. Нужда заставила меня сдѣлаться практическимъ индустріиломъ. Я ничего не сказалъ бы, еслибъ индустрія не сливалась въ одно гадкое цѣлое съ управленіемъ; я могъ бы, если не съ любовью, то съ любознательностью заняться индустріей. Но управленіе устроило мнѣ образъ жизни такъ, что я для себя ни минуты не имѣю времени. Много любимыхъ трудовъ начато, но заняться я могу такими дифференціальными урывками, что ты себѣ и вообразить не можешъ. Остальное время поглощено: торговцами, поставщиками, рабочими и все это одинъ другаго безчестнѣе и нелѣпѣе. Ежеминутная мѣлкая война,—ради того, чтобъ отстоять себѣ возможность to be,—вотъ въ чемъ проходитъ время. И изъ за всего этаго встаетъ какъ призракъ коммандора въ донъ-Жуанѣ—мысль о *платежахъ*. (Изъ этаго ты можешъ заключить какъ ты можешъ мнѣ быть по-

лезенъ запродажей бумаги для газетъ или книгопечатанія). Главное утѣшеніе мое—больные, которые стекаются ко мнѣ со всѣхъ сторонъ; но и тутъ рѣдко удается слѣдить болѣзнь такъ какъ бы хотѣлось, т. е. со всей страстью къ народному вопросу. Живемъ мы дружно и мирно; рѣдко является какой либо собѣседникъ разсѣять наша одиночество а due. Я полагаю скоро съѣздить къ Сатину, у котораго скоро будетъ новый Сатиненокъ. А то бы я попросилъ тебя пріѣхать къ намъ на святки. Но ты можешъ это сдѣлать на масляницу. Кажется тоже 2 недѣли ваканцій. Отсюда въ Казань верстъ 350 (изъ Казани сюда: idem, замѣчаетъ одинъ очень умный человѣкъ); отъ чего же этаго и не сдѣлать бы?

Отвѣчай на сіе посланіе съ 1-й почтой.

Обнимаю тебя крѣпко.

Твой Огаревъ.

1855 г. 21 Мая.

Любезный Б....ъ, хотѣлъ посылать тебѣ и прозу и стихи, но пришлось послать Константина Евдокимова Волгина, который и самъ не знаетъ, что говоритъ прозой. Дѣло въ томъ, что страхъ нужно квасцовъ для фабрики и денегъ. Если можно продать въ казну газетную бумагу обѣихъ сортовъ по тѣмъ цѣнамъ какъ сказано, то помоги въ этомъ случаѣ Волгину; если нельзя, то продай съ уступкою. Дешевле 1 р. 30 к. сер. за стопу кругомъ я не могу взять, и то это безъ барыша. Такъ, что ты и моему Волгину не вдругъ сказывай этой цѣны, а спускай отъ 2 р. понемножку; а то я боюсь, что купцы (если въ казну или типографщикамъ не продашъ) собьютъ на эту дешевую цѣну, между тѣмъ какъ они у меня *на мѣстѣ* дешевле 5 р. 40 коп. ассигн. не покупывали. Вотъ тебѣ всѣ элементы для настоящей цѣны. Сдѣлай дружбу помоги; крайность заставила меня послать въ Казань на махъ. Захлопотался я, Б...., скучно и досадно. Недавно пріѣхалъ съ ярмарки Карсунской, гдѣ продалъ на деньги, рублей на 100, а рублей на 700 сер. намѣнялъ. Денегъ нѣтъ, а расходу на фабрикѣ 30 т. сер. въ годъ. Я съежился, проживаю почти 0, стараюсь платить долги и на это уходитъ большая часть дней моихъ. Иногда кое что пишется, теперь готовлю кое что; когда кончу пришлю тебѣ. Кланяйся Березину; когда нибудь судьба еще можетъ насъ познакомить. Крѣпко жму тебѣ руку. Будь здоровъ и помоги мнѣ въ продажѣ.

Твой Огаревъ.

Берегись, чтобъ типографщики не купили въ кредитъ; primo—они дурно платятъ, а secondo мнѣ нужны деньги, деньги и деньги.

1855 г. 21 Іюня.

Любезный Б....ъ, пишу къ тебѣ на скоро. Новый ударъ судьбы обрушился на меня, не разрушивъ впрочемъ меня ни на волосъ. Съ 14-го на 15-е Іюня фабрика моя сгорѣла (впрочемъ извѣстіе не распространяй въ Казани, ибо купцы развезутъ его, возстановятъ кредиторовъ, между тѣмъ какъ я и безъ гвалту расплачусь честно). Теперь я quasi нищъ. Хлопочу устроиться съ кредиторами. Самъ переѣзжаю къ Сатину. Ergo пиши и *присылай деньги* (что весьма нужно) въ Саранскъ, Пензен. губ. на имя Н. М. Сатина. Такъ нужно. Обнимаю тебя. Больше писать нѣкогда.

Твой Огаревъ.

1855 г. 12 Іюля. Старое Акшено.

390 р. сер. получилъ я, любезный Б.....ъ, за что приношу тебѣ великую благодарность. Деньги пришли очень кстати; погорѣлому онѣ нужны, да впрочемъ и непогорѣлому нужны. Впрочемъ не пугайся—я не намѣренъ писать диссертаціи о деньгахъ, хотя и полагаю что онѣ ложно введенная цѣнность въ обороты, ибо сами по себѣ ничего не стоятъ. Напиши мнѣ пожалуйста—кто тебѣ изъ Казанскихъ сказывалъ о моемъ пожарѣ и откуда онъ получилъ столь быстрое извѣстіе? Этотъ вопросъ важнѣе чѣмъ тебѣ кажется, ибо я имѣю de facto и внутреннее убѣжденіе, что фабрика была *сожжена нарочно;* даже за недѣлю до пожара меня кто то въ городѣ спрашивалъ—правда ли, что моя фабрика сгорѣла? Ergo *быстрое* извѣстіе переданное въ Казань меня очень интересуетъ. *Кѣмъ*— оно передано? вотъ что главное. Ты купца то спроси обинякомъ, а то онъ пожалуй не скажетъ. Странное дѣло, человѣкъ я добрый, никогда не дрался и разпоряжался тихо и скромно:—а подожгли! Ты спросишъ за что̀? Это очень мудрено сказать: за то ли, что я насколько возможно добивался отчетности и слѣдственно не давалъ случая красть, что̀ рабочіе любили по привычкѣ и по охотѣ? За то ли именно, что я не дрался? Къ сожалѣнію я смахиваю на послѣднее мнѣніе....

Le peuple c'est la fille de taverne
Qui aime dans son amant un bras qui la gouverne.

Результатомъ же всего этаго, что потеря моя огромна, но что я дышу свободно и безконечно доволенъ съ тѣхъ поръ какъ не вижу ни фабрики, ни конторщиковъ, ни ословъ, ни подлецовъ, съ которыми работать—радъ каторги. Покамѣсть живу у Сатина; дальше не знаю что будетъ. Крѣпко жму тебѣ руку.

Твой Огаревъ.

17 Сентября.

Милый Б.....ъ! Въ самомъ дѣлѣ ты можешъ ругать меня за молчаніе и сказать, что я чортъ знаетъ что такое. Но съ пожара пропала у меня фактурная книга; ищу и все не могу добиться толку сколько именно въ Казанѣ бумаги. Найду—извѣщу. А покамѣсть продай что у тебя на лицо и деньги вышли моему тестю Алекс. Алекс. Тучкову въ Саранскъ, приложивъ записочку, что продано де столько то на такую то сумму. Я же самъ на дняхъ (вѣроятно) ѣду въ Москву. Въ Москву пиши мнѣ на имя Ея Превосходительства Марьи Алексѣевны Тучковой, въ старой Конюшенной въ Никольскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ. Спасибо тебѣ за разныя литературныя новости. Да! другъ мой! Времена странныя и серьозныя! Стоишъ какъ корова передъ новыми воротами и не знаешъ что изъ этаго выйдетъ. Больше ничего не придумаю тебѣ сказать. А желалъ бы тебя видѣть и поговорить. Удастся ли это? и когда? Чортъ знаетъ! А покамѣсть крѣпко обнимаю тебя и ѣду, если не встрѣтиться препятствій. А о препятствіяхъ совѣтую тебѣ прочесть Jacques le fataliste Дидерота. Старо — но просто объяденье.

Твой Огаревъ.

Письма И. С. Аксакова.

Любезнѣйшій И.... К....

Ѳ. В. Чижовъ еще до Святой недѣли, бывши у меня въ деревнѣ, говорилъ мнѣ о предположеніи издавать газету, которая была бы, между прочимъ, органомъ настоящихъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ Россіи. По его словамъ, капиталъ для газеты собранъ и онъ предлагалъ мнѣ взять на себя редакторство. Теперь изъ Пбурга пишетъ онъ мнѣ снова объ этомъ, и такъ какъ дѣла и болѣзнь ноги задерживаютъ его въ Петербургѣ, то онъ проситъ меня повидаться съ Вами. Но я живу въ деревнѣ и пріѣзжать въ Москву рискуя не видаться въ Вами неудобно. Поэтому, если дѣло о газетѣ не пустыя слова,—то потрудитесь условиться со мною въ днѣ и часѣ свиданія. Для меня было бы всего удобнѣе утромъ; прямо съ желѣзной дороги я бы заѣхалъ къ Вамъ. Я бы попросилъ Васъ къ себѣ, въ Абрамцево, но при такой красавицѣ-погодѣ совѣстно звать въ деревню: надобно подождать тепла и солнца. Потрудитесь отвѣчать мнѣ тотчасъ же, адрессуя отвѣтъ на имя Николая Васил. Павлова, въ Правленіе Троицкой желѣзн. дороги, для передачи мнѣ. Это самый скорый способъ сношеній со мною. И такъ жду отъ Васъ отвѣта.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

11 Мая
1866.

P. S. Правда ли что Побѣдоносцевъ принимаетъ званіе Товарища Толстаго?

СПб. Суббота 22 Окт. 1866.

Любезнѣйшій И.... К....

Во Вторникъ надѣюсь я получить всѣ нужныя разрѣшенія, свидѣтельства и квитанціи изъ Главнаго Управленія. „Каждый законъ имѣетъ свою механику", сіяя какъ Аполлонъ, объявилъ мнѣ Валуевъ, когда я просилъ его ускорить это дѣло, тѣмъ не менѣе оказалось возможнымъ поторопить и механику. Надѣюсь во Вторникъ же или въ Среду получить разрѣшеніе на выписку газетъ, журналовъ, книгъ и брошюръ иностранныхъ, безъ цензурныхъ вырѣзокъ: послѣ Каразовскаго выстрѣла въ этомъ отношеніи произошли разныя стѣснительныя измѣненія; именно требуется представить Мр-у Вн. Д. предварительный регистръ, а потомъ на всякую газету или книгу испрашивать отъ него же разрѣшеніе. Я нашелъ это неудобнымъ, особенно для политическихъ брошюръ, и М-ръ приказалъ подать ему о томъ записку, обѣщая исполнить по моему желанію. Все остальное устроивается порядочно, а сдѣлка съ Телеграфнымъ Агентствомъ даетъ возможность получать депеши политическія и торговыя изъ-за-границы, равно депеши съ Русскихъ ярмарокъ и извнутри Россіи—совершенно даромъ.

Но какъ быть съ Красильниковымъ. Лично мнѣ, по давнему его доброжелательству, онъ готовъ кое-чѣмъ содѣйствовать, но это *кое-чѣмъ* недостаточно, да и не имѣетъ характеръ непремѣннаго обязательства. Онъ ни за что не хочетъ прекращать Торг. Сборникъ и уже объявилъ о подпискѣ на будущій годъ; по его мнѣнію еженедѣльная газета необходима даже при ежедневной, чему доказательствомъ служитъ Economist и пр. Но онъ готовъ, издавая Торг. Сборникъ, быть обязательнымъ, дѣятельнымъ сотрудникомъ „Москвы", постояннымъ корреспондентомъ и пр., готовъ однимъ словомъ—взять на себя всю часть экономич. отдѣла, имѣющую дѣло съ Петербургомъ, если ему дадутъ шесть т. р. сер.! „Я знаю, говоритъ онъ, что мое сотрудничество, по совѣсти, не стоитъ и 2-х т. р., но я смотрю на эти 6000 р. какъ на поддержку Торг. Сб., который поддерживать Моск. Купечество обязалось, заставивъ его, Красильникова, еще недавно напечатать въ своей газетѣ письмо за подписью Лямина, Морозова и еще 40 человѣкъ,— письмо, въ которомъ они называютъ Торг. Сборн. своимъ истиннымъ о́рганомъ". Онъ весьма золъ на купечество—и говоритъ, что нечего жалѣть ихъ карманы, потому что они тратятъ въ десять разъ болѣе на разные пустяки и пр. и пр. и пр. Такъ какъ на 6000 р. с. вѣроятно никто не согласится, то приходится искать кого-нибудь другаго. А это-то и трудно. Кто есть—тѣ завербованы Краевскимъ и другими газетами и не представляютъ благонадежной гарантіи. Какже тутъ быть? Я не могу взять на свою отвѣтственность устроить это дѣло.

Красильниковъ получаетъ и печатаетъ отдѣльными афишами, разъ пять въ недѣлю, телеграммы изъ Лондона, Ливерпуля, Амстердама и Гамбурга, телеграммы

о хлѣбѣ, салѣ и хлопкѣ. У него есть человѣкъ 10 или 15, которые платятъ ему за полученіе этихъ афишъ рублей по 150 въ годъ. Собственно онъ получаетъ только изъ Лондона, о хлѣбѣ и салѣ, а есть на биржѣ другой агентъ торгов. домовъ, который получаетъ изъ прочихъ вышепоименованныхъ городовъ телеграммы, о хлопкѣ и кажется о шерсти, и они другъ съ другомъ мѣняются. Въ этихъ телеграммахъ есть иногда разница съ телеграммами Телеграфнаго Агентства,—въ цѣнѣ проданнаго товара, хотя и не очень рѣзкая; я самъ сличалъ. Красильниковъ берется пересылать мнѣ эти телеграммы въ Москву—телеграфомъ же, что составитъ (по 40 р. въ м-цъ), 480 р., положимъ 500 или 600 р. Если наши купцы найдутъ эти телеграммы (5 разъ въ недѣлю) достаточными, такъ что полученіе новыхъ телеграммъ изъ Лондона и пр. будетъ признано излишнимъ,—то почти вся сумма, ассигнованная по бюджету, останется въ экономіи. Изъ 8 т. р. назначенныхъ на телеграммы, употребится въ расходъ не болѣе 1000 р. Конечно надобно будетъ изъ этой суммы прибавить что-нибудь на моихъ сотрудниковъ; но все же сумма значительная—примите это въ соображеніе. Если Вы напишете мнѣ въ Понед. или даже во Вторникъ, то письмо Ваше меня еще застанетъ. Адресуйте въ СПб., въ Гостинницу Францiя, ходъ съ Мойки, № 63.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Любезнѣйшій И.... К....

Нехудо, даже весьма нужно, чтобъ Вы укротили Шиповыхъ. Вообразите, эта почтенная пара впряглась въ Москвича, или какъ-то припуталась съ боку. Бѣдный П. И. Андреевъ каждый день получаетъ письменные *выговоры* то отъ Сергѣя П., то отъ Алекс. Павловича, выговоры за *мои* статьи. Какъ будто они не знаютъ, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ Андреевъ къ газетѣ, какъ будто они не знаютъ, что это статьи *мои.* Я очень сожалѣю, что впутали Шиповыхъ въ дѣла Москвича, т. е. брали отъ нихъ рекомендательныя письма, и проч.

Что министръ золъ, это понятно. Шиповы и Андреевъ увѣрили его, что Москвичь будетъ самый благонравный мальчикъ, чувствительный къ великодушію Валуева, исполненный благодарности, чуть не союзникъ. Но всѣ эти угрозы—*смѣнить* редактора, вздоръ. Валуевъ *ничего не можетъ* сдѣлать иного, какъ дать предостереженіе.

Алекс. П. Шиповъ пишетъ вчера Андрееву, что и III Отд. *недовольно* Москвичемъ, и что онъ скачетъ по этому случаю въ III Отд.

Скажите ему, чтобъ онъ въ дѣла редакціи Москвича не совался, что Андреевъ не редакторъ, а редакторъ я.

На нынѣшней недѣлѣ пускаю все статьи самыя невинныя. Но можетъ быть и панславизмъ не въ видахъ Валуева и III Отд.?

Вообще постарайтесь устранить Шиповыхъ отъ заботъ о Москвичѣ. Народъ робкій, и Похвисневъ старается дѣйствовать на нихъ интимидаціей. А чтоже статьи?

Вашъ Ив. Аксаковъ.

1868. Янв. 10.

Любезнѣйшій И.... К....

Вы, конечно, немало удивитесь, увидавъ вдругъ предъ собою Вл. Петровича. Но онъ былъ такъ добръ, что самъ предложилъ замѣнить переписку личнымъ объясненіемъ. Надо Вамъ сказать, что послѣ Вашего отъѣзда, подъ вліяніемъ Кокоревскихъ рѣчей, я написалъ къ Чижову письмо, копію съ котораго я Вамъ посылаю и прошу прочесть. Мнѣ необходимо было выяснить мои отношенія къ купцамъ и вызвать ихъ на рѣшительное заявленіе. Чижовъ отдалъ имъ письмо и предоставилъ имъ полную свободу обсужденія *внѣ* своего присутствія. Результатомъ было то, что Ляминъ, Малютинъ, Солдатенковъ явились ко мнѣ депутатами отъ всего собранія пайщиковъ: на сей разъ перорировалъ уже не Кузьма Тер., а Ляминъ. Они объявили, что если я отказываюсь, то они закрываютъ газету, но не желая закрыть ее, просятъ меня вести ее попрежнему, ничѣмъ не смущаясь, *никакими* соображеніями, ни денежными ни политическмми. Объясненіе было съ обѣихъ сторонъ вполнѣ откровенное. Они просили и настаивали на томъ, чтобъ Москва была непремѣнно возобновлена мною, и чтобъ я уже потомъ отправился лѣчиться. Я уступилъ. Теперь, любезный другъ, все дѣло въ Васъ. Можете ли Вы взять на себя обузу редактора съ 1 Мая по 1-ое Сентября? Можетъ, я возвращусь и раньше, но на всякій случай полагаю этотъ срокъ. Передача эта должна сдѣлаться оффиціально, на Ваше имя. За отсутствіемъ Главнаго Редактора газета имѣетъ полное право вестись нѣсколько слабѣе, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ газеты вообще издаются полегче, чѣмъ осенью и зимой. Передовыя статьи политическія заставьте писать Попова (онъ писалъ ихъ въ М. Вѣдом.; онъ обязанъ ихъ писать и мнѣ, но я не помѣщалъ ихъ, потому что онъ пишетъ скучно), Трачевскаго; затѣмъ имѣется Корсакъ; по нѣкоторымъ вопросамъ Перцовъ,—наконецъ Чижовъ, пока не уѣдетъ. Наконецъ, и я буду присылать Вамъ или передовыя или корреспонденціи. Нечего и говорить, что все мое содержаніе за эти мѣсяцы переходитъ въ распоряженіе лица меня замѣняющаго.

Обо всемъ этомъ подробнѣе поговоритъ Влад. Петровичь. Мы сочли нужнымъ потороппться для того, чтобъ Вы не успѣли связать себя какимъ-либо инымъ обѣщаніемъ на лѣто, напр. сопровождать В. Князя въ путешествіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вы собственно, своими передовыми статьями, поддержите газету на надлежащемъ уровнѣ, а по возвращеніи я примусь съ удвоенными силами и тѣ изъ подписчиковъ, которымъ мое отсутствіе изъ газеты не нрави-

лось, будутъ вознаграждены моею ревностью. Мнѣ ужасно совѣстно обращаться къ Вамъ съ такою просьбою. Я знаю, какъ каждому дорого отдохнуть лѣтомъ; знаю, что если Вы и останетесь лѣтомъ въ Москвѣ, то все же у Васъ и безъ газеты будетъ немало дѣла съ однимъ институтомъ. Разумѣется, я прошу Васъ только въ такомъ случаѣ, если для Васъ исполненіе моей просьбы возможно. Въ противномъ случаѣ—придумайте и присовѣтуйте мнѣ иную комбинацію.

Благодарю Васъ за любопытныя извѣстія. Они пришли какъ нельзя болѣе кстати; именно когда ко мнѣ явилась сія депутація, вдругъ какъ снѣгъ на голову, Третьяковъ прямо съ желѣзной дороги, съ письмами. Я тутъ же распечаталъ и прочелъ Ваше письмо. Эффектъ такой, что въ эту минуту и милльона бы не пожалѣли для поддержки газеты.

А каковы „Моск. Вѣдомости" съ исторіей Университета? Это возмутило всю Москву.

Обнимаю Васъ крѣпко и жду отъ Васъ рѣшенія моей участи. Да неизвѣстно ли Вамъ—не замышлено ли чего-нибудь впередъ противъ „Москвы"?

24 Ф. Вашъ Ив. Аксаковъ.

1868. Москва.

На Ваше милое письмо, любезнѣйшая Александра Николаевна, могу отвѣчать я только однимъ: непростительно такъ долго заживаться въ деревнѣ и лишать насъ удовольствія Васъ видѣть. Право, это не комплиментъ и не любезность. Мнѣ же въ особенности, въ моемъ трудномъ дѣлѣ (а о трудности его Вы и понятія составить себѣ не можете), часто бываетъ полезно и нужно видѣть и слышать дружеское одобреніе или указаніе, порицаніе и привѣтъ. Я признаюсь не разъ думалъ о томъ, какъ будете Вы съ Петромъ Владиміровичемъ читать День. Сдѣлайте милость, пріѣзжайте поскорѣе и возобновляйте свои Понедѣльники.

Нечего и говорить, что я очень радъ, что газета моя Вамъ нравится. Она вообще имѣетъ успѣхъ, но уже накопливаются грозныя бурныя тучи на горизонтѣ—политическія и литературныя. Графиня Саліасъ заявила себя моимъ отъявленнымъ врагомъ по поводу статьи о студентахъ и написала мнѣ огромное письмо, à cheval sur les grands mots et les grands sentiments. Австрійское Посольство, Нѣмецкая партія и Поляки также стараются мнѣ подставить ножку въ Петербургѣ.

Я страшно занятъ и потому не стану больше распространяться въ письмѣ, тѣмъ болѣе, что Вы сами скоро будете. Деньги 10 р. сер. на Слав. Комитетъ получены и сданы мною сестрѣ Любинькѣ, которая взялась быть казначейшею жертвоприношеній.

Передайте мой поклонъ Петру Владиміровичу. Досвиданія.

Преданный Вамъ
Ив. Аксаковъ.

Вторникъ вечеромъ.

Такая ужъ образуется редакторская привычка, что читая Ваше письмо, и именно то, что Вы пишете о школахъ, я чуть было машинально не отмѣтилъ карандашомъ: „выписать для печати". Надѣюсь, что Вы не отложите долѣе своего пріѣзда?

Чтожь это значитъ, И.... К...., отъ купцовъ ни слуху, ни духу. Я писалъ Лямину, и онъ отвѣчалъ черезъ нашего бухгалтера, что снесется съ Морозовымъ и дастъ знать, но до сихъ поръ ничего не далъ знать.

Императрица сказала Катеринѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, что о пріостановкѣ „Москвы" Валуевъ прислалъ увѣдомить ее старика Вяземскаго, который между прочимъ объявилъ, что купцы будутъ очень рады этому обстоятельству, ибо желаютъ избавиться отъ Аксакова, какъ отъ безпокойнаго человѣка и онъ редакторомъ не останется. Разумѣется Катерина Ѳедоровна очень горячо протестовала, объявивъ это ложью и прибавивъ, que les marchands ne gagneraient rien au change,—но каковъ же Валуевъ? Поэтому не худо бы, можетъ быть, устроить такъ, чтобъ скрѣпить узы довольно явно, какъ нибудь пообѣдавъ вмѣстѣ или иначе. Но нужно ли это? Подумайте объ этомъ. Какъ будете въ нашихъ мѣстахъ, заѣзжайте къ женѣ, она желаетъ Васъ видѣть.

Вашъ И. А.

Ночь на 31 Марта.

Перцову лучше.

Понед.

Дорогой И.... К....

Вчера вечеромъ пришло письмо отъ П. И. Андреева. Онъ пишетъ, что дѣло кончено. Но пугаетъ меня то, что онъ не послушался моей инструкціи и имѣлъ свиданіе съ Министромъ (Вал.), отъ котораго пришелъ *въ восхищеніе* (какъ самъ пишетъ). Боюсь не взялъ ли Андреевъ на себя какихъ-либо обѣщаній и обязательствъ. Такъ они условились—въ сомнительныхъ случаяхъ, чтобъ Андреевъ обращался прямо къ Министру!! Вѣдь это чортъ знаетъ что такое. Какъ Порф. Ив. не понимаетъ, что первый же № Москвы разсѣетъ всѣ иллюзіи Вал. и Пох-ва.

Объявленій о Москвичѣ я не стану дѣлать заранѣе, а наканунѣ выхода №.

Но не знаете ли Вы будетъ ли амнистія къ 1 Январю? Такъ можетъ быть лучше подождать съ Москвичемъ.

Пожалуйста сдерживайте Андреева. Посылаю письмо Семенова.

Если возобновится Москва или Москвичь, то вѣдь надо бы кое-что помѣстить. Какъ быть тогда съ экономич. статьями?

Ив. А.

Новостей! Подробностей!

А мнѣ еще нужнѣе Васъ видѣть. Есть дѣло, о которомъ нужно переговорить— „дверямъ затвореннымъ“. По Вторникамъ Вы въ Университетѣ: я буду Васъ ждать до часу.

И. А.

Понед.

Почтеннѣйшій И..... К.....

Очень жалѣю, что не удалось мнѣ съ Вами видѣться. Будьте такъ добры, передайте прилагаемые пакеты Блудовой и Тютчевой, и ругните Оболенскаго,— потому что онъ болѣе или менѣе приписанъ теперь къ Валуеву, а Валуевъ душитъ мой журналъ, что есть у него мочи. Добрый путь!

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Воскр. 17 Февр.

Письмо А. Аѳанасьева, 1853 года.

Москва 1853 года Ноября 11.

Милый Б....., спасибо тебѣ и за письмо и за Чувашскія сказки. О дѣлѣ твоемъ говорилъ съ Грановскимъ; онъ сказалъ, что Вернадскій навѣрно выходитъ изъ Университета, а чтобы Шевыревъ мѣтилъ помѣстить на его мѣсто Львова—объ этомъ нѣтъ ни слуху, ни духу — и безпокоиться не о чемъ*). Шевыревъ о тебѣ отзывается по прежнему хорошо. Грановской сказалъ: „когда будетъ что-нибудь очевидное, я самъ напишу о всемъ Б......“ Новости наши невелики: Вечка все еще собирается отъѣхать въ Питеръ, но увы Дубенскій неуловимъ, да и финансы не удерживаются въ карманѣ; если онъ также будетъ собираться въ Сибирь, какъ въ Питеръ, то ты его увидишь въ Казани не ранѣе 5 лѣтъ. Здѣсь Вечка сочиняетъ и вретъ очень мило. Соловьева объвертѣли и увы! и сей господинъ—теперь отрѣзанной ломоть! На свадьбѣ было весело: укокошили 17 бутылокъ шамп. отъ 2-хъ до 10 часовъ, кромѣ другихъ напитковъ. Сегодня я, съ старшимъ моимъ братомъ и Вечкою, обѣдаю у молодыхъ. Варвара Сергѣевна Голицына была просто объяденье на свадьбѣ; втюрилась въ Кетчера и назвала своего мужа ска-а-тиной и объявила, что она по опыту узнала, какъ ненадежны мужья въ 80 лѣтъ! Петруха постарому любилъ полоскать ротъ, въ ожиданіи мѣста оберъ-секретаря; Костиньонъ постарому остритъ пошло и глупо; Алек. Влад—а постарому не благоволитъ къ тебѣ за твои стычки съ ея благовѣрнымъ—словомъ все идетъ, какъ и должно. Донъ-Базиліо над..... въ Современ-

*) Объ этомъ будетъ писать тебѣ Фроловъ.

никѣ статью о писателяхъ до Шекспира; Шумахеры, Сережа и Иванъ Ѳедоровичь тебѣ кланяются и благодарятъ за память. Что касается исторіи съ Островскимъ, то я объ ней ничего положительнаго не знаю, какъ не знаютъ о томъ и другіе. Теперь слухи стали умолкать, а то ходили довольно странные и шумные. Тѣнь, явившаяся предъ Островскимъ, есть нѣкто Горевъ-Тарасенковъ, провинціальный актеръ и пьяница, котораго можно заставить молчать 50-ью цѣлковыми. Одно только вѣрно, что комедія: „Свои люди сочтемся“ писана никакъ не однимъ Островскимъ, а обоими ими вмѣстѣ, потому что въ городскомъ Московскомъ Листкѣ была напечатана изъ 3-го дѣйствія ея сцена, подписанная буквами: *А. О. и Д. Г.* Другихъ доказательствъ пока не имѣется. Погодинъ предлагалъ Островскому хлопотать въ Москвитянинѣ вызовъ Гореву (только не на дуель), чтобы онъ явился на судъ публики съ доказательствами или заклеймить себя именемъ подлеца, въ противномъ случаѣ. Но Островскій отказался, объявивши письменно Погодину, что иначе сдѣлается съ Горевымъ и уговоритъ его не распускать слуховъ. Кстати о дуеляхъ. Вообрази, Ленскій на имянинахъ (въ пятницу) до того подгулялъ, что возревновалъ брата къ Елизаветѣ Васильевнѣ и кричалъ, что онъ жаждетъ его крови. Изъ сего вышла пресмѣшная исторія, а Ленскій разъигралъ намъ препорядочнаго шута: это, по моему мнѣнію, его настоящее амплуа.

Твой А. Аѳанасьевъ.

Елена Густавовна получила отъ мужа письмо изъ Ялуторовска.

Письмо К. Д. Кавелина.

2-го Декабря.

Сегодня я былъ вытребованъ Кн. Вяземскимъ. Недоумѣвая, что бы это значило, я явился къ нему не совсѣмъ спокойный. Послѣ извѣстныхъ общихъ мѣстъ о гриппѣ, урокахъ Наслѣдника et coetera, Князь перешелъ къ дѣлу. „Вы дружны съ Б....?“—Какъ же очень.—„Читали Вы его статью о книгѣ Ершова и рѣчи Китарры въ Московскихъ Вѣдомостяхъ?“—Нѣтъ еще.—„Въ ней есть мѣста неловкія за которыя слѣдовало бы сдѣлать Б.... выговоръ, но мнѣ не хотѣлось писать Попечителю о Профессорѣ и потому прошу Васъ передать ему, отъ моего имени, замѣчаніе на его статью въ цензурномъ отношеніи“. Тутъ мы усѣлись за столъ и Князь сталъ мнѣ читать мѣста изъ конца статьи (№ 141). Главное, классическое мѣсто есть слѣдующее: „покуда въ общественномъ мнѣніи трудъ *поселянина, рабочаго,* фабриканта не будетъ считаться столь же почтеннымъ, какъ *составленіе бумагъ* въ департаментѣ, или *командованіе полкомъ*“ и т. д. Вяземскій выразилъ опасеніе, что при существующемъ распоряженіи, чтобъ всѣ

министры представляли, каждый по своей части, Государю, замѣчанія свои на статьи неблагонамѣренныя, кто нибудь не указалъ на эту статью, съ прибавленіемъ, что ее написалъ профессоръ, а не кто нибудь. Такъ какъ у насъ придираются не къ мыслямъ, а къ выраженіямъ, то писателямъ, особенно передовымъ людямъ, надобно быть какъ можно осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ. Конечно приведеннымъ мѣстомъ разборъ не ограничился. Оно было corpus delicti. Но были и другія мѣста, заслуживающія неодобренія, хотя и не цензурнаго, а частнаго, не оффиціальнаго. Крѣпко не нравится мысль проведенная въ цѣлой статьѣ, о необходимости общаго образованія для низшихъ классовъ; а гдѣ говорится о купцахъ, то дѣлалось замѣчаніе: это другое дѣло; стало быть не всѣ же классы народа. Не нравится, что ремесленныя школы порицаются въ статьѣ. Понявъ въ чемъ дѣло, именно что въ статьѣ хотятъ видѣть затаенную будто бы мысль о равенствѣ всѣхъ сословій, которая на нашемъ языкѣ называется коммунизмомъ, я старался дать понять Князю, что въ статьѣ проводится мысль Петра Великаго, который охуждалъ презрѣніе къ промышленнымъ занятіямъ, отъ которыхъ и по сію пору отворачивается дворянская спѣсь; что общее образованіе необходимо для успѣховъ спеціально-техническаго. „Все это такъ, да не такъ выражено; въ этомъ вся сила, чтобъ выразить мысль съ тактомъ“. Далѣе: очень и очень не понравились мѣста о Бѣлинскомъ и сопоставленіе его съ Пушкинымъ. Вы чувствуете, что этими мѣстами Вяземскій былъ оскорбленъ лично, и я не счелъ нужнымъ возражать ему. Пушкинъ былъ его другъ, и съ нимъ поставить на ряду кого же? Бѣлинскаго, имѣвшаго корреспонденцію съ Гоголемъ, слишкомъ извѣстную!

Сколько я могъ замѣтить, Вяземскій объясненіями моими былъ доволенъ. Можетъ быть они послужатъ матеріаломъ къ оправданію, въ случаѣ надобности. Но меня поразила видимая боязнь анти аристократическаго начала, боязнь идей равенства сословій. Это было интересно, какъ откровеніе тѣхъ опасеній, которыя не высказываются, но озабочиваютъ и даютъ направленіе мѣрамъ. Вы знаете, что тремъ Губерніямъ: Виленской, Гродненской и Ковенской дозволено приступить къ обсужденію освобожденія крестьянъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) земля остается за помѣщикомъ; уступается дворъ, огородъ, которые д. б. выкуплены въ 12 лѣтъ; 2) на 12 лѣтъ крестьяне не имѣютъ права перехода; 3) всѣ дѣла крестьянскаго управленія переходятъ къ крестьянскому обществу; браки свободны; дворовые уничтожаются; помѣщику оставляется полицейскій надзоръ надъ крестьянами. Наконецъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ они должны опредѣлить, на какихъ основаніяхъ должны быть заключены сдѣлки между ними и крестьянами. И такъ, замѣтьте, освобожденіе безъ земли, а между тѣмъ нѣтъ перехода; полицейскій надзоръ помѣщика и заключеніе между имъ и крестьяниномъ договора! Управленіе переходитъ на крестьянскую общину, т. е. разумѣй, что вся отвѣт-

ственность за крестьянъ помѣщика, всѣ обязанности послѣдняго въ отношеніи къ крестьянамъ изчезаютъ. Не знаю какъ Вы, а я такъ вижу глубокое соотвѣтствіе между сегодняшнимъ разговоромъ съ Вяземскимъ и этимъ способомъ освобожденія крестьянъ! Начинается аристократическая реакція. Изъ туманнаго смѣшенія языковъ, послѣдовавшаго послѣ несчастной войны и смерти Николая Павловича, начинаютъ вырѣзываться съ нѣкоторою опредѣленностію аристократическія sourdes menées. Исполать имъ! По крайней мѣрѣ знаешь что такое. Положительное сходство съ эпохой послѣ Іоанна IV. Тогда какъ и теперь безуміе бояръ загубило насъ было совсѣмъ и отдало Михаила Ѳеодоровича въ ихъ руки съ головою и ногами. Спѣшу прибавить, что этотъ способъ освобожденія рекомендуется всей Россіи какъ образцовый—печатными циркулярами къ Губернаторамъ!

Все суета суетъ и всяческая суета! Міръ движется по механическимъ или если хотите физіологическимъ законамъ: начало, середина и конецъ; рожденіе, жизнь и смерть; глупость массы, подлость аристократическихъ элементовъ; лежачаго всегда бьютъ, умъ и сила всегда служатъ къ угнетенію,—право смѣшно говорить о нравственности политической, о прогрессѣ, объ идеяхъ, развивающихся въ исторіи. Бросимте эти ребяческія мечты, будемте взрослыми людьми, не станемъ chercher midi à quatorze heures. Пропоемте de profundis сначала литовскому, а потомъ и русскому мужику, потому что и онъ долженъ же когда нибудь разыграть роль пасхальнаго агнца; да здравствуетъ дворянство, остзейскіе рыцари и бароны съ ихъ премудрой системой оскотѣнія простаго народа! Всѣ такъ жили и дѣлали отъ начала вѣковъ. Чѣмъ же мы лучше другихъ!

Хорошо сдѣлали Грановскій, Бѣлинскій, Петръ Кирѣевскій, Валуевъ, Андросовъ, что умерли во время! А то бы и съ ними тоже случилось, что съ нами сдѣлается: дожили бы до того, что не стоитъ больше жить.

Пожалуйста, не пускайте этого письма по рукамъ, кромѣ самыхъ близкихъ. Не то пожалуй изъ моихъ словъ выведутъ, что я злоумышляю противъ Государской чести и Его Государева здоровья.

Крѣпко жму Вашу руку.

Весь Вашъ

К. Кавелинъ.

P. S. Совсѣмъ было забылъ нравоученіе, безъ котораго никакъ нельзя. Смыслъ басни сей таковъ: будьте осторожны, выбирайте осмотрительно Ваши выраженія, памятуя, что общее образованіе есть комунизмъ, а тѣмъ паче для простаго народа; что равная почтенность всѣхъ промысловъ и занятій есть соціализмъ (Вы смѣетесь? Такъ мнѣ было сказано, съ ссылкою на Фурье); что если Дубельтъ не Управляющій III-мъ Отдѣленіемъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ оно не имѣло своего Управляющаго; что въ мірѣ все коловратно, включительно до мысли, что надобно намъ прежде всего образованіе. Et coetera, et coetera!

Три письма А. Корсакова, 1866 года.

Спб. 7 Апрѣля 1866.

Многоуважаемый И..... К....!

Извините, что такъ поздно отвѣчаю на Ваше письмо. Я хотѣлъ тотчасъ же исполнить Ваше порученіе — достать Отчеты Скопинскаго Городскаго Банка, но въ Министерствѣ на праздникахъ трудно было отыскать ихъ. Теперь я ихъ добуду, но не раньше какъ на будущей недѣлѣ, потому что они теперь нужны зачѣмъ-то Кредитной Канцеляріи, гдѣ сосредоточивается вся отчетность по банкамъ.

Сообщу Вамъ неожиданную для меня новость: въ прошлое воскресенье я получилъ предложеніе отъ Юридическаго Факультета здѣшняго Университета занять каѳедру Финансовъ, конечно, доцентомъ. Отвѣтъ просили скорый—на третій день. Я отвѣчалъ согласіемъ и предлагалъ только, чтобы мнѣ дали время подготовиться. Передъ тѣмъ баллотировались Вернадскій и В. П. Безобразовъ (какъ академикъ, на основаніи будущаго (!) устава); но дѣло ихъ не выгорѣло. Это дало возможность мнѣ сильнѣе обратиться къ Министерству Финансовъ съ требованіемъ помощниковъ по редакціи, —и результатъ оказывается удачный: половину (особенно черной) работы можно сложить съ себя и соединить такимъ образомъ два дѣла, надѣюсь, къ выгодѣ того и другаго. Видно мнѣ на роду написано занимать каѳедру финансовъ: я отъ нея бѣжалъ, но она пришла сама.

Вы, конечно, уже много слышали о покушеніи на жизнь Государя. Здѣсь носятся самые разнообразные слухи о личности преступника; говорятъ даже, что это какой-то Остзейскій баронъ. Вчера вызывали въ III Отдѣленіе прикащика Книжнаго Магазина Базунова посмотрѣть на преступника и сказать, не бывалъ-ли онъ въ магазинѣ съ кѣмъ-нибудь изъ людей извѣстныхъ магазину или не знаютъ ли его вообще, такъ какъ преступникъ принадлежитъ къ породѣ людей, посѣщающихъ Книжные Магазины. Прикащикъ передавалъ мнѣ, что видѣлъ онъ въ III отдѣленіи. Преступникъ держалъ себя не дерзко, но очень спокойно, говорилъ твердо; знаетъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, говоритъ по-французски и по-нѣмецки; на вопросъ, не принадлежитъ ли онъ къ какой партіи или литературному направленію, онъ отвѣчалъ — какъ Вы думаете — что? — „Я принадлежу къ Катковской партіи!“ Достаетъ у человѣка духа шутить! Судить его будутъ гражданскимъ судомъ, но еще неизвѣстно какимъ—старымъ или новымъ. Я слышалъ, что членамъ новаго суда не хочется обновлять его такимъ дѣломъ.

Итакъ, до будущей недѣли, когда я постараюсь Вамъ выслать отчеты. За 1865 г. я надѣюсь сдѣлать самый подробный сводъ всѣхъ отчетовъ городскихъ

банковъ; жаль, что далеко не всѣ они во́время представляютъ свои отчеты и что отчеты эти составляются по разнымъ формамъ, такъ что трудно сдѣлать одинъ общій сводъ.

Будьте здоровы и не забывайте преданнаго Вамъ А. Корсакова.

Спб. 30 Ноября 1866.

Многоуважаемый И.... К....!

Дорого я поплатился за обѣщанное мною участіе въ Вашей газетѣ: меня уволилъ Министръ отъ службы и я остался ни причемъ, съ семействомъ и долгами. Сегодня я былъ у Министра и онъ объявилъ мнѣ, что будто бы я сообщаю Аксакову свѣдѣнія, которыя беру для Сборника, и потому увольняюсь отъ службы въ Министерствѣ Финансовъ. Очевидно, что мои или Ваши письма были перехвачены на почтѣ, такъ какъ мнѣ говорили, будто Министръ получилъ извѣстія о моихъ сношеніяхъ чрезъ 3-е Отдѣленіе. Чтоже это такое? Неужели служа въ Министерствѣ Финансовъ, нельзя говорить о финансахъ, торговлѣ и пр.? Вотъ Вамъ фактъ, изъ котораго Вы можете вывести заключеніе, какимъ страшилищемъ кажется „Москва“ Министру Ф. А у насъ еще толкуютъ о гласности въ финансахъ. Гласность эта простирается отчасти только до 1861 г. для доказательства, что виновато дескать прошедшее.

Но какъ бы то ни было, надо подумать о томъ, чѣмъ жить съ семьей. Въ Петербургѣ я ни на что не разсчитываю; поступить на государственную службу и трудно, и нежелательно послѣ такихъ уроковъ, каковы даны мнѣ Министерствами Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ. Подумаешь, нашли опаснаго человѣка! Не придумаете-ли Вы что-нибудь для обезпеченія мнѣ средствъ къ жизни? Потрудитесь сообщить И. С. Аксакову о такомъ неожиданномъ репримандѣ. Само собою разумѣется, что для меня, какъ человѣка семейнаго, необходимо что-нибудь опредѣленное и прочное; трудиться, какъ Вы знаете, я привыкъ и готовъ работать сколько угодно, лишь бы трудъ вознаграждался. Впрочемъ подробнѣе обо всемъ этомъ я переговорю съ Вами лично, такъ какъ на дняхъ хочу съѣздить въ Москву, лишь только сдамъ дѣла по редакціи.

Искренно преданный Вамъ А. Корсаковъ.

2 Марта.

Многоуважаемый И.... К....!

Я слышалъ въ Петербургѣ и теперь мнѣ пишутъ оттуда, что тамъ обо мнѣ кто-то распустилъ самыя гнусныя сплетни, которыя многими, и въ томъ числѣ профессорами Петерб. Университета, принимаются за истину. Такъ, говорятъ, что я будто бы сообщалъ какія-то финансовыя наши тайны заграничнымъ газетамъ

(указываютъ на Ind. Belge), имѣлъ сношенія съ нашими заграничными эмигрантами и т. п. Я бы плюнулъ на всѣ эти слухи, еслибы они не вредили мнѣ очень серьезно. Дѣло въ томъ, что въ Іюнѣ выходитъ Горловъ, а Бестужевъ меня теперь увѣдомляетъ, что на мѣсто Горлова меня навѣрное не выберутъ (о чемъ была рѣчь прежде), такъ какъ тѣ профессора, которые были за меня при выборѣ на кафедру Финансовъ, теперь вѣрятъ упомянутымъ сплетнямъ. Тоже самое мнѣ говорили въ Петербургѣ люди, близко знающіе Университетскія дѣла. Эти же сплетни могутъ вредить мнѣ и въ будущемъ. Кто ихъ распускаетъ я не знаю, но думаю, что они идутъ изъ М—ва Фин., а также отъ людей, которые видятъ во мнѣ соперника по Университету. Во всякомъ случаѣ необходимо какъ-нибудь выдти изъ такого положенія и разоблачить всѣ эти сплетни. Но какъ это сдѣлать—въ этомъ обращаюсь къ Вамъ за совѣтомъ. Еслибы была возможность обратиться къ суду, я не задумался бы это сдѣлать. Я думаю также написать письмо къ Рейтерну и показать ему, къ какимъ послѣдствіямъ повелъ этотъ административный произволъ и къ какимъ слухамъ и сплетнямъ далъ онъ поводъ. Мнѣ говорилъ въ Петербургѣ одинъ извѣстный Вамъ человѣкъ, что поводомъ ко всей этой исторіи послужило письмо Ив. Серг., которое, по словамъ А. П. Заблоцкаго, было даже читано въ Гос. Сов. и въ которомъ упоминались я и Зарудный. Я не знаю содержанія этого письма; но мнѣ кажется, что если это такъ, то разъяснить это дѣло предъ кѣмъ слѣдуетъ—есть нравственный долгъ Ив. Серг.

Вообще не откажитесь дать мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать. Отъ этого зависитъ вся моя судьба. Я не безпокоился бы такъ о ней, еслибы во 1-хъ былъ одинъ и во 2-хъ еслибы имѣлъ что-нибудь въ будущемъ, кромѣ газетной работы, которая притомъ завтра же можетъ покончиться. Дѣло очень серьезное: оно погубило навсегда здоровье моей жены, а что вынесъ я во все это время, то мнѣ одному извѣстно.

Я хотѣлъ у Васъ побывать сегодня самъ, но счелъ за лучшее сначала написать Вамъ, а потомъ переговорить.

Пишутъ мнѣ также изъ Петербурга, что ваша Унив. исторія на дняхъ должна разъиграться благополучно, что за васъ троихъ (Чич. и Сол.) вступились чрезвычайно высоко стоящія лица. Дай Богъ!

Преданный Вамъ А. Корсаковъ.

Два письма М. Г. Черняева, 1867 года.

Милостивый Государь
И...... К.......

Божіею милостью я получилъ наконецъ свою отставку съ 430 р. сер. пенсіона и съ запрещеніемъ ѣхать въ Сербію и другія Славянскія земли Турецкой Имперіи.

Заботясь теперь пріискать себѣ какое нибудь частное мѣсто я былъ у В. А. Кокорева и онъ посовѣтовалъ мнѣ хлопотать объ должности управляющаго дѣлами компаніи для торговли съ Средней Азіей. Позвольте обратиться къ Вамъ, И..... К....., съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ свѣдѣнія объ этой компаніи: ея составѣ, средствахъ и намѣреніяхъ, хотя признаюсь откровенно я не надѣюсь чтобы при настоящемъ положеніи дѣла можно было ожидать хорошихъ результатовъ.

Позвольте при этомъ случаѣ рекомендовать Вашему вниманію подателя этаго письма Г. Шредера моего вѣрнаго сослуживца по Ташкенду. Если бы Вы взяли на себя трудъ содѣйствовать ему въ отысканіи какого либо мѣста то оказали бы большое одолженіе Вашему покорному слугѣ. М. Черняевъ.

27 Мая 1867 г.

$\frac{4}{16}$ Іюля 1867.

Съ сей пустынной скалы*), выходящей изъ моря-океана пишу къ Вамъ настоящее посланіе, Многоуважаемый И.... К...., заключающееся въ нижеслѣдующемъ: сегодня прочелъ я въ Indépendance Belge о продажѣ Николаевской желѣзной дороги и имѣя желаніе пристроиться по управленію оной, покорнѣйше прошу Васъ удѣлить время чтобы увѣдомить меня осуществимо ли мое желаніе и какія условія для этого требуются. Если мое присутствіе необходимо для хлопотъ—немедленно, то напишите съ первою почтою и по письму Вашему я пріѣду сейчасъ же. Настоящее мѣстопребываніе свое я избралъ для здоровья жены, а также и въ томъ убѣжденіи что хлопотать лѣтомъ, когда всѣ въ разъѣздѣ равносильно переливанію изъ пустаго въ порожнее. Во всякомъ случаѣ я расчитываю воротиться въ Россію въ началѣ Августа, если по Вашему мнѣнію мое присутствіе теперь не необходимо.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я обращаюсь по тому же дѣлу съ просьбою о содѣйствіи и къ Ѳеодору Васильевичу. Съ настоящею почтою получилъ я изъ Одессы письмо, при семъ прилагаемое, которое прошу Васъ передать вмѣстѣ съ поклономъ Ивану Сергѣевичу—быть можетъ оно къ чему нибудь ему послужитъ.

---

*) На первой страницѣ письма—гравированная картинка, изображающая островъ Гельголандъ.

Вамъ извѣстно уже въ какое положеніе угодно было офиціальнымъ лицамъ поставить меня въ отношеніи къ Славянскому дѣлу, которому я думалъ посвятить себя съ полнымъ самоотверженіемъ. Больно видѣть какъ упущено золотое время, почти ничѣмъ не вознаградимое.

Въ ожиданіи отвѣта остаюсь съ уваженіемъ и преданностью Вашимъ покорнымъ слугою.

М. Черняевъ.

Адрессъ: S. Ex. le general Tcherniaieff.
Черезъ Берлинъ
à l'île de Helgoland.

Письмо отправляйте не франкированнымъ.

Письмо С. Шевырева кн. М. А. Оболенскому.

Почтеннѣйшій Князь
Михаилъ Андреевичь,

Многіе ученые и литераторы Москвы собрались дать вечеръ В. А. Жуковскому и Графу Веліегорскому. Не угодно ли Вамъ быть въ числѣ участниковъ? Вечеръ будетъ завтра, 3-го Августа, во вторникъ, въ Сокольникахъ, на дачѣ Погорѣльскаго, которая находится какъ въѣдете въ заставу, на правой рукѣ, не доѣзжая до Шипова дачи и рядомъ съ нею. Васъ, какъ издателя образцовой лѣтописи, мы приглашаемъ участвовать въ вечерѣ, который дается главѣ нашихъ литераторовъ современныхъ. Въ 8 часовъ Васъ ожидаемъ, если Вы изъявите согласіе.

Вашъ
покорнѣйшій слуга
С. Шевыревъ.

2-го Августа.
Понедѣльникъ.

Письма В. П. Боткина А. П. Ефремову.

Милостивый Государь
Александръ Павловичь!

Посылаю Вамъ книги, не знаю тѣ ли, о которыхъ Вы мнѣ пишете. Фихте я больше частей не нашелъ.

Вашъ В. Боткинъ.

15 Мая
1839.

Миръ, тишина и благоденствіе дражайшему Маркизу, взываю изъ тьмы царства эскулаповъ къ тебѣ, мужественный герой комплиментовъ. Дѣло вотъ какое: я купилъ себѣ Соч. Гегеля. Северинъ прислалъ мнѣ ихъ безъ 6 и 7 частей и говоритъ будто онѣ не выходили еще. Посмотрите пожалуста есть ли у васъ эти части. Если есть, то пришлите мнѣ, а если нѣтъ то увѣдомте какъ оно и что.

Будте здоровы любезный Александръ Павловичь.

Вашъ В. Боткинъ.

На оборотѣ: Его Благородію Александру Павловичу Ефремову.

Повѣсть начинается съ 237 страницы, а я къ вамъ посылаю съ 239-й полагая, что вы уже перевели начало. До окончанія недостаетъ 6 страницъ. Когда окончите переводомъ все, что я теперь посылаю вамъ, то скажите тогда я пришлю и остальное. Я потому не прислалъ вамъ всей книги Fantasienstücke etc., что самъ началъ тамъ переводить,—и потому принужденъ былъ вырвать.

Прощайте. Спасибо за Гете.

В. Боткинъ.

На оборотѣ: Его Благородію Александру Павловичу Ефремову.

Любезный Александръ Павловичь, мнѣ Богъ знаетъ какъ досадно, что вы не заставали меня. Такъ нетерпѣливо хотѣлось мнѣ поговорить съ вами, вспомнить кое-что. Всѣ эти дни и вечера провелъ я съ Бѣлинскимъ, и вотъ причина, что вы не застали меня дома. Пожалуста заверните ко мнѣ, я вечеромъ нынче дома. Относительно Memoires de Las Casas, я теперь не могу вамъ рѣшительно сказать, надо ихъ пересмотрѣть всѣ ли части цѣлы. Это я сдѣлаю нынче и васъ увѣдомлю.

В. Боткинъ.

Теперь вашего Гете у меня нѣтъ, но черезъ два часа я его получу—и если вы не заѣдете сами, то завтра утромъ я пришлю къ вамъ все.

Не знаю что будетъ ужо, а теперь не чувствую ни малѣйшей охоты идти въ театръ. Вы заѣзжайте уже хотя на полчаса, если вздумаете, то вѣдь и вечеромъ можно еще взять билеты. А что посланіе?

В. Боткинъ.

*) *Непремѣнно должно заѣхать и увлечь Боткина: піесы чудесныя.*

---

*) Писано другой рукой.

Мой милый Александръ Павловичь, вѣрте, что я съ радостію услужилъ бы вамъ, но теперь плохо. Я самъ сижу по уши въ долгахъ. Виссаріонъ*) знаетъ мои обстоятельства. Я къ вамъ самъ завтра заѣду. Мы объ этомъ поговоримъ.

В. Б.

Да благо, о Маркизъ Глаголь! ти будетъ,—и да утучнѣетъ животъ твой! Думаете сегодня идти въ театръ? Если да,—то нельзя ли какъ нибудь вмѣстѣ. Я поѣду брать билеты для себя и Каткова. Не взять ли для васъ.

В. Б.

......Ефремову не пишу, чтобъ не уронить своего достоинства,—и униженно прошу тебя: оттаскай его хорошенько за волосы. Впрочемъ у меня начато ему письмо, мѣсяца два спустя послѣ его отъѣзда—и теперь лежитъ неконченное; все ждалъ отъ него вѣсти,—а онъ какъ въ воду канулъ. Ефремовъ! шельма! Маркизъ Глаголь! Неужели ты вылѣчился? Тогда увы! Новый Атилла угрожаетъ Италіи—конечно ты дашь высокое (или лучше сказать *длинное*) понятіе о русскихъ,—но каково же будетъ имѣющимъ идти по *широкимъ* слѣдамъ твоимъ? Ефремовъ,—напиши хоть пару строкъ—какъ ты живешь и хорошо ли тебѣ? Кажется въ Москвѣ послѣ тебя ничего не измѣнилось—все таже вѣтошь. Напиши пожалуста—я тебя часто, часто вспоминаю—прощай мой милый Александръ Павловичь.

Твой Василій Боткинъ.

**) Боткинъ глупѣйшій мужъ подъ луною написалъ тебѣ двѣ страницы—да и взялъ назадъ „дай перепишу". Пропали письмо и Боткинъ. Посылаю окончаніе. Впрочемъ—онъ тебя любитъ какъ и всѣ мы. Странно кажется за что бы такую гнусную харю любить. Ужъ я кажется всѣмъ лучше—и дородствомъ и умомъ и ловкостію, а все предпочитаютъ тебя. Дискать—деликатнѣе ведетъ себя и болѣе приличія соблюдаетъ.

Виноватъ ли я что у меня Wilde Genialität.

Нашлось и первое письмо Боткина. Читай!

---

*) Бѣлинскій.

**) Приписка Т. Н. Грановскаго.

Воспоминанія П. И. Щукина.

Часть вторая.

Пріѣхавъ съ отцемъ въ Берлинъ, остановились мы въ Hôtel d'Angleterre, теперь несуществующей и считавшейся тогда одною изъ лучшихъ берлинскихъ гостинницъ. Содержалъ ее нѣкій Зибелистъ. Обѣдали мы за табль д'отомъ. Меню обѣда состояло не менѣе какъ изъ 14—15 блюдъ, но всякаго блюда давали понемногу. Съ перваго раза страннымъ показался мнѣ нѣмецкій столъ послѣ русскаго. Копченую лососину, которую даютъ у насъ на закуску, у Зибелиста подавали въ серединѣ обѣда; сладкіе компоты подавались къ жаркому, а не въ концѣ обѣда, какъ у русскихъ.

По рекомендаціи знакомаго отца—Арнольда Макаровича Розентауера, главы берлинской экспедиторской конторы Ignatz Rosenthal's W-we и K°, меня приняли волонтеромъ, т. е. безъ жалованья, въ торговый домъ Абельсдорфа и Мейера, магазинъ коихъ находился на площади Werderscher Markt. Какъ Абельсдорфъ, такъ и Мейеръ были евреи и торговали оптомъ скупными бумажными и шерстяными матеріями. Бумажный товаръ они покупали у фабрикантовъ: Кехлина и Баумгартнера въ Лёрахѣ, Дольфуса Мига въ Мюльгаузенѣ, Blech frères въ Sainte-Marie-aux-Mines и у другихъ эльзасскихъ фабрикантовъ; а шерстяной товаръ—у разныхъ фабрикантовъ въ Саксоніи. Дѣло Абельсдорфа и Мейера было довольно значительное: кромѣ того, что они продавали товаръ въ Берлинѣ, отъ нихъ ѣздило еще нѣсколько комми-вояжеровъ по Германіи, а одинъ комми-вояжеръ Кауфманъ ѣздилъ даже по Россіи. Многіе изъ служащихъ у Абельсдорфа и Мейера были офицерами запаса и по праздникамъ гуляли въ разныхъ военныхъ формахъ: прусской, баденской, баварской, саксонской и другихъ.

Въ продолженіи всего времени, что я пробылъ въ Берлинѣ, т. е. съ весны 1872 года по весну 1874 года, я трижды мѣнялъ свою квартиру, состоявшую всегда изъ одной меблированной комнаты. Первая моя квартира была на площади Spittelmarkt, у какихъ-то бюргеровъ, мужа съ женой, пожилыхъ и скучныхъ. Помню, что съ ними я ходилъ въ одинъ пивной садъ, какихъ въ Берлинѣ много, гдѣ играла военная музыка. На площади Spittelmarkt бывалъ рынокъ, на который торговки, въ соломенныхъ шляпахъ съ большими полями, привозили въ телѣж-

кахъ, запряженныхъ собаками, овощи и фрукты. Въ зной и непогоду торговки раскрывали свои огромные зонтики и сидѣли подъ ними. На Spittelmarkt'ѣ оставался я недолго и переселился въ Dorotheenstrasse, гдѣ прожилъ еще меньше чѣмъ на первой квартирѣ, потому что жившія рядомъ со мною неизвѣстныя актрисы по ночамъ не давали мнѣ спать: играли на фортепьяно, пѣли, танцовали, хохотали и вообще шумѣли. Третья и послѣдняя квартира находилась въ Niderwallstrasse, въ старомъ трехъэтажномъ домѣ, и состояла изъ одной низкой, хотя и относительно большой, но бѣдно меблированной комнаты. Отапливалась комната голландской печью и зимой было въ ней тепло. Большое неудобство этой квартиры заключалось въ томъ, что ретирады, весьма примитивнаго устройства, помѣщались на заднемъ дворѣ, и надо было туда спускаться съ третьяго этажа, по довольно крутой лѣстницѣ, и потомъ идти черезъ весь темный дворъ, гдѣ бѣгали крысы. Хозяева, у которыхъ я снималъ комнату, были ремесленники, мужъ съ женой, простые и добрые люди. Какъ и въ двухъ прежнихъ квартирахъ, съ хозяевами и этой квартиры было условлено, чтобы мнѣ давать по утрамъ кофей. Обѣдать я ходилъ въ ресторанъ Ценнига, *) Подъ Липами. Имѣя ключъ отъ своей комнаты, я не имѣлъ ключа отъ домовой двери, которая была открыта лишь до извѣстнаго часа ночи; ключъ же отъ домовой двери былъ у ночнаго сторожа, ходившаго всю ночь взадъ и впередъ вдоль улицы со связкой ключей отъ всѣхъ домовъ Niderwallstrasse и отпиравшаго двери запоздавшимъ квартирантамъ за незначительную плату.

Напившись кофею, въ 8 часовъ утра приходилъ я въ дѣло Абельсдорфа и Мейера; отъ 12 до 2-хъ полагалось время для обѣда, а вечеромъ, часовъ въ 7, оканчивались мои занятія, и я былъ свободенъ до слѣдующаго утра. Занятія мои у Абельсдорфа и Мейера были исключительно конторскія. Въ конторѣ я видѣлъ счета фабрикантовъ и образцы ихъ товаровъ, но ходить въ помѣщавшійся рядомъ съ ней магазинъ, гдѣ на полкахъ лежали самые товары, мнѣ не приходилось.

Знакомыхъ семейныхъ домовъ, кромѣ семьи А. М. Розентауера, въ Берлинѣ у меня не было, но и туда ходилъ я очень рѣдко, и то лишь съ моимъ отцомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Берлинъ. Изъ моихъ патроновъ—Абельсдорфъ былъ женатъ, а Мейеръ холостой: Абельсдорфъ жилъ въ одной изъ лучшихъ улицъ—Bellevuestrasse (близъ Тиргартена) и изрѣдка приглашалъ къ себѣ своихъ высшихъ служащихъ: бухгалтера Hausen'а, его помощника Цейтлера, комми-вояжеровъ и старшихъ продавцевъ; низшіе же служащіе, къ коимъ принадлежалъ и я,—не удостоивались этой чести. Какъ-то Абельсдорфъ затѣялъ костюмированный вечеръ, съ участіемъ своихъ высшихъ служащихъ. Для этого вечера бухгалтеръ Hausen

---

*) Нынѣ несуществующій.

сочинялъ въ конторѣ, между дѣломъ, стихи, которые долженъ былъ прочесть одинъ изъ комми-вояжеровъ, начинавшіеся такъ:

Kaufet, kaufet, furchtbar nett
Wolle, Seide, Jaconnet
Oder auch Taffet royal,
Was nur immer euer Fall.

Арнольдъ Макаровичъ Розентауеръ былъ очень бойкій и дѣловитый еврей. Въ присутствіи своей важной супруги Іоганны онъ иногда напѣвалъ арію изъ Оффенбаховской „Синей Бороды“: „Niemals war ein Wittwer so, wie der Ritter Blaubart froh“. Отчего Іоганна сердилась*).

Арнольдъ Макаровичъ имѣлъ брата Макса, который, нѣсколькими годами моложе его, былъ совершенной ему противоположностью: насколько Арнольдъ былъ живой, настолько Максъ вялый.

Моими товарищами были: молодой москвичъ—Владиміръ Ивановичъ Гучковъ, занимавшійся въ качествѣ волонтера въ конторѣ Розентауера, и нѣкоторые изъ конторщиковъ у Абельсдорфа и Мейера. По совѣту товарищей-конторщиковъ записался я въ члены двухъ ферейновъ: ремесленниковъ (Berliner Handwerker-Verein**) и молодыхъ купцовъ (Verein junger Kaufleute***). Эти два ферейна были для меня особенно интересны тѣмъ, что по вечерамъ тамъ читали лекціи извѣстные ученые и спеціалисты изъ всѣхъ областей наукъ****). Такъ въ ферейнѣ ремесленниковъ, гдѣ годичный членскій взносъ былъ всего 4 марки 80 пфениговъ, я слышалъ Вирхова, Шпильгагена, Отто Уле, Эдуарда Ласкера, Франца Дункера*****) и др. Во время этихъ лекцій можно было пить и ѣсть: между стульями стояли столы и подавали пиво, кофей, бутерброды, сосиски, торты и т. д. Женщины тоже бывали на лекціяхъ и обыкновенно вязали чулки. Около каѳедры стоялъ ящикъ, куда бросали записки съ вопросами, которыя послѣ лекціи вынимались, и лекторъ давалъ на нихъ отвѣты. Въ ферейнѣ ремесленниковъ, кромѣ безплатныхъ лекцій по средамъ и субботамъ, устраивались ежегодно въ пользу библіотеки и преподаванія шесть платныхъ лекцій. Изъ сохранившихся у меня двухъ билетовъ на эти послѣднія лекціи видно, что въ 1873 году читали:

16-го Января г-нъ депутатъ д-ръ Леве-Кальбе: О политическихъ партіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

23 „ г-нъ депутатъ Ласкеръ: Способности и воспитаніе.

---

*) Незадолго до послѣдней русско-турецкой войны А. М. Розентауеръ переселился въ Москву и открылъ экспедиторскую контору, гдѣ у него былъ главнымъ довѣреннымъ Löwe, о которомъ онъ шутя говорилъ: „Mein Löwe ist ein Ochse“.

**) Основанный въ 1844 году.

***) Основанный въ 1839 году.

****) Въ ферейнахъ бывали и балы, которые назывались Kränzchen.

*****) Книгопродавецъ Ф. Дункеръ былъ въ мое время предсѣдателемъ ремесленнаго ферейна.

30 „ „ г-нъ Обербюргермейстеръ депутатъ Микель: Къ исторіи земельной собственности.

6 „ Февраля г-нъ д-ръ Отто Уле изъ Галле: Новѣйшія открытія въ Африкѣ.

13 „ „ г-нъ тайный почтовый совѣтникъ д-ръ Фишеръ: О телеграфномъ дѣлѣ во всемірномъ сообщеніи.

20 „ „ г-нъ Фридрихъ Шпильгагенъ: Границы романа.

Въ 1874 году читали:

15-го Января г-нъ старшій учитель д-ръ Фишеръ изъ Грейфсвальде: Современные идеальные интересы.

22 „ „ г-нъ литераторъ А. Бернштейнъ: Знаніе и наука.

29 „ „ г-нъ д-ръ Юліусъ Роденбергъ: Берлинъ и Вѣна.

5 „ Февраля г-нъ д-ръ Отто Уле изъ Галле: Новѣйшее о солнцѣ.

12 „ „ г-нъ проповѣдникъ д-ръ Нестлеръ: Іеремія Готгельфъ.

19 „ „ г-нъ профессоръ д-ръ Бруно-Мейеръ: Достовѣрность въ костюмѣ.

О лекціяхъ въ ферейнѣ молодыхъ купцовъ у меня сохранилось печатное росписаніе на октябрь, ноябрь и декабрь 1873 года, изъ коего видно, что всѣхъ лекцій было двадцать двѣ и между прочимъ двѣ лекціи директора берлинскаго городскаго статистическаго бюро д-ра Германа Швабе: „О кочевничествѣ въ берлинскомъ населеніи“. Со Швабе я познакомился въ городскомъ статистическомъ бюро, помѣщавшемся въ ратушѣ, и скоро съ нимъ подружился. Швабе интересовался русской литературой, въ особенности И. С. Тургеневымъ, отъ произведеній котораго былъ въ восторгѣ. Послѣ франко-прусской войны, вначалѣ 70-хъ годовъ Берлинъ началъ быстро рости и развиваться, чтобы потомъ сдѣлаться всемірнымъ городомъ. Этому росту и развитію немало способствовалъ Швабе своими трудами*), а также Эрнстъ Энгель**), выдающійся статистикъ, директоръ прусскаго статистическаго бюро. Къ сожалѣнію, въ 1874 году, 19 октября, Швабе умеръ отъ тифа.

Въ Берлинѣ познакомился я также съ извѣстнымъ картографомъ Эмилемъ Сидовымъ, который находился въ перепискѣ съ тогдашнимъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ фонъ-Кауфманомъ. Дѣятельность послѣдняго въ Туркестанѣ Сидовъ очень хвалилъ. Сидовъ былъ полный, небольшого роста, и носилъ прусскій полковничій мундиръ. Когда я познакомился съ Сидовымъ, онъ редактировалъ воспоминанія, писанныя на нѣмецкомъ языкѣ, русскаго генералъ-лейтенанта фонъ-Бларамберга: „Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen

---

*) См.: „Berlin und seine Entwickelung. Stättisches Jahrbuch für Volkswirthschaft und Statistik“ (1872, 1873 и 1874 гг.) и брошюры Hermann Schwabe „Betrachtungen über die Volksselle von Berlin“ и „Berliner Südwest und Centralbahn“ (1873).

**) См. Ernst Engel „Die moderne Wohnungsnot“. Энгель умеръ въ 1882 году.

General-Lieutenant Iohann von Blaramberg (Nach dessen Tagebüchern von 1811—1871)“. Въ 1873 году Сидовъ умеръ отъ холеры*).

Въ мою бытность въ Берлинѣ Нѣмецкій Промышленный Музей (Deutsches Gewerbe-Museum), основанный въ 1867 году, началъ быстро увеличиваться, чтобы потомъ сдѣлаться однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Въ 1879 году онъ былъ переименованъ въ Королевскій Художественно-Промышленный Музей (Königliches Kunstgewerbe-Museum). Своему росту Музей всецѣло обязанъ энергической дѣятельности Юліуса Лессинга. Съ Лессингомъ я познакомился вскорѣ послѣ его поѣздки въ Москву, откуда онъ привезъ для Музея нѣсколько ювелирныхъ вещей художественной работы Чичелева**), сдѣланныхъ изъ золота, съ пестрой эмалью и жемчугомъ, которыя и въ настоящее время украшаютъ одну изъ витринъ этого Музея. Между прочимъ Лессингъ былъ того мнѣнія, что для основательнаго изученія стариннаго нѣмецкаго серебрянаго дѣла обязательно надо ѣхать въ Москву, гдѣ въ Оружейной Палатѣ находится богатѣйшее собраніе художественныхъ серебряныхъ вещей лучшихъ нѣмецкихъ старинныхъ мастеровъ.

Временемъ, которое давалось въ конторѣ Абельсдорфа и Мейера на обѣдъ, съ 12-ти до 2-хъ, я воспользовался для слушанія лекцій Гельмгольца. Въ лѣтнемъ семестрѣ 1872 года онъ читалъ въ университетѣ экспериментальную физику. Деканомъ философическаго факультета былъ тогда метеорологъ, старикъ Дове, привѣтствовавшій всѣхъ вновь поступавшихъ студентовъ краткою латинскою рѣчью и рукопожатіемъ. Деньги за слушаніе лекцій внесъ я въ университетскую канцелярію и съ полученною оттуда квитанціей явился на квартиру Гельмгольца, который принялъ меня весьма любезно, сказавъ, что я первый, пришедшій къ нему за билетомъ на его лекціи экспериментальной физики, и выдалъ мнѣ билетъ***) за первымъ номеромъ, на коемъ написалъ: „für Herrn Stschukin“.

Итакъ я сталъ ходить на лекціи экспериментальной физики, которую Гельмгольцъ читалъ мастерски, показывая при этомъ физическіе приборы и дѣлая опыты съ помощью лаборанта. Экспериментальную физику Гельмгольцъ читалъ только въ лѣтнемъ семестрѣ, въ зимнемъ же онъ читалъ теоретическую физику, для чего требовалось знаніе высшей математики.

За университетомъ находился ботаническій садикъ, гдѣ росли преимущественно разныя аптекарскія травы, и куда любилъ я заходить.

---

*) Въ томъ же году умеръ отъ холеры астрономъ Донати, комету котораго я видѣлъ въ Москвѣ въ 1858 году.

**) У покойнаго Чичелева былъ ювелирный магазинъ на Лубянкѣ. Въ 1878 году, по возвращеніи моемъ въ Москву, я познакомился съ этимъ талантливымъ ювелиромъ. Это былъ почтенный и скромный старичекъ.

***) Этотъ билетъ у меня уцѣлѣлъ: на одной сторонѣ его напечатано: „Vorlesung über Experimental-Physik im Sommer 1872 № 1 H. Helmholtz“, а на другой рукою Гельмгольца написано: „für Herrn Stschukin“.

По вечерамъ посѣщалъ я часто театры. Въ королевскомъ драматическомъ смотрѣлъ піесы Гете, Шиллера, Лессинга, Шекспира и др. классическихъ писателей, съ превосходными актерами и актрисами; въ королевской оперѣ слушалъ Лукку, Малингеръ, Нимана, Беца и др. извѣстныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Бывалъ и въ частныхъ берлинскихъ театрахъ. Въ Валлнеръ-театрѣ игралъ тогда замѣчательный комикъ Гельмердингъ, который своею безподобною игрой не только смѣшилъ, но и трогалъ до слезъ. Вмѣстѣ съ Гельмердингомъ въ этомъ театрѣ очаровывала своей прекрасной игрой миловидная Эрнестина Вегнеръ, бывшая прежде въ гамбургскомъ Талія-театрѣ.

Изрѣдка бывалъ я въ циркѣ Ренца и смотрѣлъ въ пассажѣ (Подъ Липами) фокусника Белахини.

Съ В. И. Гучковымъ посѣщали мы изъ любопытства кафе-шантаны, называвшіеся тингель-тангелями, и бальныя заведенія. Одинъ такой тингель-тангель, пользовавшійся особенною популярностью, былъ Салонъ Мецнера. На сцену въ мецнеровскомъ Салонѣ выходили: поблекшія красавицы, пѣвшія подъ аккомпаниментъ фортепьяно двусмысленныя пѣсенки, посредственные разсказчики, чревовѣщатели и т. п. Публика этого Салона сидѣла за столами, пила пиво или вино, подпѣвала, пѣла, шумѣла и часто скандалила.

Бальныя заведенія, изъ коихъ наиболѣе извѣстное было „Орфеумъ“, порядочными женщинами не посѣщались, а только дамами полусвѣта.

Посѣщали мы также знаменитыя берлинскія пивныя, между прочимъ пивную Зихена (Siechen) на Königstrasse, куда имѣли обыкновеніе ходить Гельмердингъ и другіе актеры Валлнеръ-театра. Хозяева этихъ пивныхъ, для возбужденія жажды своихъ кліентовъ, ставили на столы корзинки съ кренделями, осыпанными солью, которые можно было ѣсть безплатно. Въ спеціальныхъ пивныхъ (Weissbierstube) пили мы бѣлое пиво, напоминавшее мнѣ чухонскій квасъ (kalia). Въ ресторанахъ и гостинницахъ считаютъ недостойнымъ подавать бѣлое пиво, между тѣмъ въ жаркое время это пиво, немного кисловатое, безъ хмѣля,—очень пріятный, прохладительный напитокъ.

Новый годъ встрѣчали мы въ ремесленномъ ферейнѣ, гдѣ ѣли такъ называемые берлинскіе блины (Berliner Pfankuchen)—шаровидные пирожки, начиненные черносливомъ, и запивали ихъ пуншемъ.

Весной заходили въ какой-нибудь винный погребокъ, чтобы выпить стаканъ холоднаго ароматическаго майтранка, а лѣтомъ въ тѣхъ же погребкахъ пили прохладительный напитокъ, называемый „Bowle“ и приготовляемый изъ бѣлаго вина съ прибавкой сахара и ягодъ или фруктъ.

На улицахъ Берлина я видѣлъ нѣсколько разъ проѣзжавшихъ въ экипажахъ—стараго императора Вильгельма, кронпринца, Бисмарка и Мольтке, и гулявшаго пѣшкомъ, не по лѣтамъ бодраго старика—фельдмаршала Врангеля,

за которымъ бѣгали уличные мальчишки и кричали: „Papa Wrangel!“ Престарѣлый фельдмаршалъ любезно со всѣми раскланивался, а въ особенности съ красивыми дамами.

$\frac{12}{24}$ іюня 1872 года состоялась въ Берлинѣ свадьба моей старшей сестры, вышедшей замужъ за г-на Густава Люціуса, представителя фабрики Кехлина и Баумгартнера въ Лёрахѣ, и жившаго въ Лейпцигѣ, гдѣ на улицѣ Брюль находился магазинъ этой фабрики. Такъ какъ женихъ былъ католикъ, а сестра православная, то вѣнчали въ двухъ церквахъ: сперва въ русской посольской, а потомъ въ католической (Hedwigskirche). На свадьбѣ присутствовали мои родители, моя сестра Надежда, два двоюродныхъ брата жениха, изъ которыхъ одинъ потомъ былъ прусскимъ министромъ земледѣлія (Freiherr von Lucius-Balhausen), а другой, д-ръ Карлъ Люціусъ изъ Ахена, былъ долго депутатомъ въ рейхстагѣ; пріятель отца Леонтій Викторовичъ Варанго*), Абельсдорфы и всѣ Розентауеры. Свадебный обѣдъ происходилъ въ Hôtel Royal.

На Рождественскіе праздники ѣздилъ я въ Лейпцигъ**), гдѣ у сестры бывала елка, а въ городѣ—ярмарка. Въ ярмарочное время улица Брюль кишѣла типичными евреями: съ пейсами, въ цилиндрахъ или бархатныхъ картузахъ и длиннополыхъ лапцердакахъ. За неимѣніемъ свободныхъ лавокъ, евреи торговали въ темныхъ дворахъ и подъ воротами—сукнами, шерстяными, бумажными и другими товарами.

Въ лейпцигскомъ городскомъ театрѣ слушалъ я въ оперѣ „Почтальонъ изъ Лонжюмо“ извѣстнаго тенора Вахтеля.

Такъ какъ отецъ не зналъ достаточно иностранные языки, то кому-нибудь изъ насъ, сыновей или дочерей, или отцовскихъ пріятелей приходилось сопровождать его заграницей. Въ томъ числѣ и мнѣ часто пришлось быть его спутникомъ. Такъ, осенью 1872 года поѣхали мы въ Парижъ и остановились тамъ въ Hôtel de Bavière, на улицѣ du Conservatoire. Эту небольшую, довольно плоховатую гостинницу содержалъ тогда Дейнингеръ, бывшій служитель при дворѣ императора Наполеона III, скопившій на службѣ деньги, давшія ему возможность открыть гостинницу.

Парижъ на первый разъ показался мнѣ нѣсколько мрачнымъ. Недавнія событія—осада***) и коммуна были свѣжи въ памяти парижанъ: вспоминали о крысахъ и мышахъ, которыхъ ѣли во время осады, и объ уличной войнѣ между

---

*) Л. В. Варанго былъ коммиссіонеромъ въ Парижѣ.

**) До моего отъѣзда въ Берлинъ вернулся въ Москву изъ заграницы мой старшій братъ, который по оставленіи Бемской школы былъ отданъ въ коммерческое училище въ Мюльгаузенѣ, гдѣ, окончивъ курсъ до франко-прусской войны, поступилъ волонтеромъ въ торговый домъ Кальманна и Эйзнера въ Лейпцигѣ.

***) Во время осады Парижа Л. В. Варанго служилъ въ національной гвардіи. Онъ много разсказывалъ о своей службѣ въ одномъ изъ парижскихъ фортовъ и о жизни осажденныхъ.

коммунистами и версальцами. Отъ Тюльерійскаго дворца, Ратуши и зданія Почетнаго Легіона оставались лишь обгорѣлыя стѣны.

Съ отцомъ ѣздилъ я въ городъ Glauchau, гдѣ онъ покупалъ на фабрикахъ шерстяной товаръ, и гдѣ мы останавливались въ маленькой уютной гостинницѣ на Ратушной площади, сохранившей свой средневѣковой характеръ. Старинные ратушные часы звучно били четверти и играли каждый часъ разныя піесы.

Отецъ покупалъ также товаръ у лейпцигскихъ торговцевъ и берлинскихъ и эльзасскихъ фабрикантовъ. Былъ я съ нимъ въ Мюльгаузенѣ и Вессерлингѣ. Въ Мюльгаузенѣ, помню, остановились мы въ гостинницѣ Романа „Lion rouge“, потомъ обѣдали у фабриканта-старика Жоржа Штейнбаха, у котораго былъ фруктовый садъ. Дѣло было въ концѣ лѣта: на деревьяхъ висѣли спѣлыя яблоки, груши и сливы. Штейнбахъ когда-то жилъ въ Москвѣ и поэтому силился говорить съ отцомъ по-русски, но у него ничего не выходило, такъ какъ въ его памяти сохранились всего два слова: „я подумаю“. Послѣ обѣда мы съ отцомъ ходили въ Танненвальдъ, любимое мѣсто для прогулокъ жителей Мюльгаузена.

Въ Вессерлингѣ обѣдали мы у фабриканта Морозо, одного изъ членовъ фирмы „Гро, Романъ и Морозо“. Изъ Мюльгаузена поѣхали черезъ Базель въ Лёрахъ, на фабрику Кехлина и Баумгартнера, директоромъ которой былъ тогда Фавръ. Въ Лёрахѣ остановились въ гостинницѣ „Zum Hirsch“, гдѣ былъ хорошій, хотя и простой столъ.

Весной 1873 года отецъ, я и московскій торговецъ Николай Гавриловичъ Синицынъ*) сопровождали моего брата Сергѣя, который заикался, въ городокъ Бургштейнфуртъ, гдѣ жилъ старикъ докторъ Денгартъ (Denhardt), лѣчившій отъ заиканія. Изъ Берлина поѣхали мы по желѣзной дорогѣ до Мюнстера, а оттуда на лошадяхъ до Бургштейнфурта. Докторъ Денгартъ очень помогъ брату. Скоро потомъ братъ мой Сергѣй поступилъ въ коммерческую академію въ Герѣ, куда я съ отцомъ ѣздилъ навѣстить его. Объ этомъ городкѣ осталось у меня только одно воспоминаніе, что въ гостинницѣ, гдѣ мы стояли, замѣчательно плохо кормили. Изъ Геры братъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Берлинъ.

Лѣтомъ 1873 года мои родители отправились на всемірную выставку въ Вѣну, куда взяли съ собой и меня. Самостоятельно сдѣлалъ я изъ Берлина три поѣздки: въ Гамбургъ, Штетинъ и Прагу.

Гамбургъ мнѣ очень понравился своими двумя большими бассейнами въ центрѣ города, по которымъ бѣгали пароходики и плавали бѣлые лебеди. Лучшій тогдашній гамбургскій ресторанъ былъ „Wilkens Keller“ и помѣщался въ подвалѣ, въ который спускались по лѣстницѣ; передъ спускомъ въ ресторанъ лежала куча

---

*) Н. Г. Синицынъ, покупавшій товаръ у моего отца, имѣлъ магазинъ модныхъ матерій на Никольской, и его главными покупательницами были актрисы Малаго театра.

пустыхъ устричныхъ раковинъ*). Омары, копченое мясо, цыплята, супъ изъ угрей и красная каша**) (Rothe Grüze) были и остались до сихъ поръ спеціальностями гамбургской кухни. Памятенъ мнѣ еще одинъ гамбургскій ресторанъ, гдѣ я завтракалъ: онъ помѣщался вблизи Юнгфернштига подъ Альстеръ-Аркадами, въ подвальномъ этажѣ. Низкая столовая напоминала каютъ-компанію; столы были накрыты бѣлоснѣжными скатертями, и окна выходили на рѣку Альстеръ; сидишь, бывало, въ этой уютной столовой, слышишь плескъ отъ проходящей лодки, или видишь проплывающаго мимо окна бѣлаго лебедя.

Штетинъ въ то время только начиналъ развиваться и мало представлялъ интереснаго.

Въ Прагѣ помню мостъ святаго Яна Непомука черезъ Молдаву; хорошій ресторанъ Чвертачека съ національными чешскими кушаньями, и прекрасный загородный паркъ, гдѣ слышалъ отличный австрійскій военный оркестръ и видѣлъ гулявшаго тогдашняго намѣстника Богеміи графа Коллера.

Весной 1874 года, съ согласія отца, я отправился въ Ліонъ, чтобы тамъ, по рекомендаціи Л. В. Варанго, поступить волонтеромъ къ фабрикантамъ Севену и Барралю. Я отлично помню день моего пріѣзда въ Ліонъ вмѣстѣ съ Л. В. Варанго: это было 21 марта $\frac{\text{н.}}{\text{ст.}}$, погода стояла чудесная, совершенно лѣтняя; деревья на площади передъ желѣзнодорожной станціей Перрашъ (Perrache) были уже покрыты густою листвой.

Варанго познакомилъ меня съ моими будущими патронами Севеномъ и Барралемъ, а также представилъ меня г-ну Камфору (Cambefort), у котораго была коммиссіонерская контора, и черезъ котораго я сталъ получать отъ отца деньги. Въ гостинницѣ жилъ я недолго, такъ какъ скоро нашелъ небольшую меблированную комнату у одной старушки, за Роной, въ кварталѣ Brotteaux, на улицѣ Cours Morand, въ нижнемъ этажѣ. Старушка жила со своею дочерью-вдовой.

Оба мои новые патрона были протестанты. Севенъ уже пожилыхъ лѣтъ, видный, съ умнымъ лицомъ, мужчина, занималъ въ Ліонѣ разныя почетныя должности***). Барраль былъ маленькаго роста, непредставительный и очень болтливый. Севенъ и Барраль имѣли магазинъ въ rue de Lyon. Они покупали шелковую суровую пряжу, которую отдавали красить, а потомъ эту крашеную пряжу давали мастерамъ для тканья изъ нея тафты, фая, атласа и другихъ гладкихъ матерій.

Мои занятія у Севена и Барраля заключались въ слѣдующемъ. Изъ магазина я носилъ небольшіе мотки шелковой суровой пряжи разныхъ сортовъ, для

*) Въ Гамбургѣ было обыкновеніе передъ входомъ въ ресторанъ насыпать кучу пустыхъ устричныхъ раковинъ, чтобы показать, что имѣются устрицы.

**) Красная каша очень напоминаетъ нашъ клюквенный кисель.

***) Севенъ писалъ во французскомъ экономическомъ журналѣ (L'Economiste français). Въ 1882 году онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ Ліонской торговой палаты.

опредѣленія процентной влажности шелка и другихъ его качествъ, въ учрежденіе, называвшееся Condition publique des soies и находившееся въ улицѣ Saint-Polycarpe; или же относилъ довольно тяжелыя партіи шелковой суровой же пряжи въ красильню, находившуюся въ кварталѣ Brotteaux. Въ самомъ магазинѣ я просматривалъ доставляемые ткачами куски шелковыхъ матерій, по краямъ которыхъ нитками отмѣчалъ встрѣчавшіяся пятна (по французски это называется faire des sonnettes), послѣ чего куски относились въ пятновыводное заведеніе. По возвращеніи кусковъ изъ этого заведенія, я вторично ихъ просматривалъ, чтобы удостовѣриться, насколько выведены пятна. Къ кускамъ матерій я пришивалъ ярлыки и т. д. Съ моими патронами мнѣ мало приходилось имѣть дѣла. Обыкновенно Севенъ занимался въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, отдѣленномъ отъ магазина перегородкой, а Барраль расхаживалъ по магазину, ведя безконечные разговоры съ нашимъ главнымъ продавцомъ, не менѣе болтливымъ, чѣмъ онъ. Севенъ вызывалъ меня въ свой кабинетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ почему-то нужнымъ сдѣлать мнѣ выговоръ. Вообще какъ Севенъ, такъ и Барраль были люди черствые и гордые. Доставалось мнѣ очень часто отъ нашего главнаго продавца, крикливаго и придирчиваго, то и дѣло повторявшаго: „sac à papier!“ Всѣ остальные служащіе у Севена и Барраля были со мною болѣе или менѣе ласковы.

По утрамъ гарсонъ изъ кофейни Гизольфи, находившейся на Cours Morand, приносилъ мнѣ на квартиру кофей или шоколадъ. Столовался же я въ пансіонѣ госпожи Раго, въ улицѣ Puits-Gaillot, гдѣ за 60 франковъ въ мѣсяцъ давали завтракъ и обѣдъ съ краснымъ или бѣлымъ виномъ à discrétion. Въ пансіонѣ вмѣстѣ со мной столовались: торговецъ шелковой пряжи пьемонецъ Солдати, коммиссіонеръ полякъ Яловичъ и девять швейцарцевъ изъ разныхъ кантоновъ: Штернбауеръ, Макъ, Турнейзенъ, Бишовъ, Швейцеръ, Зальцманъ, Мейеръ, Гетингеръ и Ватвиль. Штернбауеръ изъ Гларуса служилъ бухгалтеромъ въ коммиссіонерскомъ домѣ Камфора; умный и добрый, онъ много читалъ, но къ сожалѣнію порядкомъ пилъ и страдалъ подагрой. Со Штернбауеромъ я сошелся очень близко, и наши отношенія стали самыя дружескія. Макъ изъ Цюриха былъ кассиромъ въ коммиссіонерскомъ домѣ Арлесъ Дюфура. Зальцманъ изъ Женевы имѣлъ въ улицѣ de L'Hôtel de Ville часовой магазинъ; онъ же заводилъ большіе наружные часы въ городской ратушѣ на площади Terreaux. Гетингеръ былъ однимъ изъ главныхъ продавцовъ въ коммиссіонерскомъ домѣ Р. Д. Варбурга и К°. Турнейзенъ, Бишовъ и Ватвиль недолго оставались въ Ліонѣ и вернулись въ Швейцарію. Впослѣдствіи у госпожи Раго къ прежнимъ пансіонерамъ нашего стола еще прибавились: французъ, главный продавецъ фабрикантовъ Durand frères—Auguste Balme,*) французъ, продавецъ фабриканта A. Rosset—Desthieux, и фран-

*) Впослѣдствіи Бальмъ открылъ въ Ліонѣ, вмѣстѣ со Стокеромъ, свое фуляровое дѣло, подъ фирмой A. Balme et P. Stocker, въ улицѣ Pizay.

цузъ коммиссіонеръ—Léon Perret. Прислуживали за столомъ сама хозяйка, госпожа Раго, уже пожилая вдова, и двѣ служанки. Между послѣдними была одна молоденькая, недурная собой, наивная, недавно пріѣхавшая изъ деревни, которую звали Mélanie и которую пансіонеры госпожи Раго усердно награждали поцѣлуями, что ей повидимому очень нравилось. Въ концѣ концовъ Mélanie доцѣловалась дотого, что сбилась съ пути и сдѣлалась маленькой кокоткой.

Послѣ завтрака и обѣда мы ходили въ кофейню, гдѣ обыкновенно играли въ домино, и проигравшійся платилъ за консоммаціи*) всѣхъ остальныхъ товарищей.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Ліонъ, я сталъ брать уроки французскаго языка у преподавателя ліонскаго лицея—Аніеля, къ которому ходилъ на квартиру. Аніель жилъ въ кварталѣ Brotteaux и собиралъ всѣ изданія сочиненій Мольера, какъ французскія, такъ и переводныя, а также всю литературу объ этомъ писателѣ.

Лѣтомъ, во время моего пребыванія у Севена и Барраля, я предпринялъ съ Гакопемъ (Gacogne), однимъ изъ ихъ служащихъ, экскурсію въ Парижъ. Денегъ у насъ обоихъ было мало; поневолѣ пришлось намъ быть экономными. Изъ Ліона отправились мы въ третьемъ классѣ и остановились въ Парижѣ вблизи Центральнаго рынка, въ плохенькой гостинницѣ, хотя и носившей громкое названіе „Гостинницы герцоговъ Бургундскихъ“ („Hôtel des ducs de Bourgogne“). Въ этой гостинницѣ мы заняли невзрачную комнатку; чистили сами свои ботинки, что впрочемъ дѣлали и всѣ другіе постояльцы, для чего на входной лѣстницѣ стояла вакса со щетками. По утрамъ мы ходили пить кофей въ ближайшую кофейню; завтракали и обѣдали въ „бульонахъ“ Дюваля и осматривали городъ по способу пѣшаго хожденія**).

Въ 1875 году я оставилъ Севена и Барраля и сталъ заниматься теоріей фабрикаціи шелковыхъ тканей у г-на Пейо (F. Peyot), почтеннаго и добродушнѣйшаго старика, бывшаго фабриканта жилетныхъ матерій и написавшаго руководство по ткацкому дѣлу. Одновременно со мной занимались у Пейо еще четверо молодыхъ людей: нѣмецъ Шульцъ изъ Кельна, итальянецъ Гаэтано Команди изъ Сіены, французъ изъ Москвы Ипполитъ Петровичъ Гужонъ***) и еще одинъ французъ ліонецъ, фамилію котораго я не помню. Здоровенный Шульцъ имѣлъ на правой рукѣ чрезвычайно короткіе пальцы и постоянно дразнилъ тщедушнаго Команди, называя его „pifferari“ и „porco di Siena“; итальянецъ горячился, отругивался, но ничего не могъ подѣлать, потому что былъ слабѣе нѣмца. Гужонъ,

*) Consommations de luxe у насъ считались ликеры.

**) Въ Парижѣ я засталъ еще, доживающій свой вѣкъ, пресловутый „Bal Mabille“ въ Елисейскихъ Поляхъ и видѣлъ въ Café de la Paix творца оперетки Жака Оффенбаха.

***) Отецъ Гужона былъ выходецъ изъ Ліона и ткацкій мастеръ, какъ Жиро и Мусси, которые тоже переселились изъ Ліона въ Москву и впослѣдствіи открыли фабрики шелковыхъ матерій.

очень красивой наружности, всегда франтовато одѣвавшійся, ходилъ два раза въ день къ куаферу, почему его прозвали „маркизомъ". Во время отлучекъ Пейо изъ комнаты, гдѣ мы занимались, Гужонъ заставлялъ своего бѣлаго пуделя Тома прыгать черезъ стулья, или напѣвалъ аріи изъ разныхъ оперетокъ, а ліонецъ, недавно отбывавшій воинскую повинность, басилъ солдатскія пѣсни: „Portons gaiment, portons gaiment l'as de carreau"*), или „Ma tunique à trois boutons, marchons, marchons". У самыхъ шикарныхъ дамъ полусвѣта Гужонъ имѣлъ успѣхъ; будучи французскимъ подданнымъ, онъ, послѣ пройденнаго у Пейо курса, поступилъ волонтеромъ въ драгунскій полкъ, квартировавшій въ Шамбери.

По окончаніи курса теоріи у Пейо, я занялся практикой: сталъ ткать бархатъ у одного мастера (contre-maître) въ кварталѣ Saint-Clair**), у котораго было нѣсколько станковъ, помѣщавшихся въ неприглядной, съ каменнымъ поломъ, мастерской. Работалъ я у этого мастера съ мѣсяцъ, причемъ бархатъ, который я ткалъ, былъ очень широкій, вслѣдствіе чего выработка подвигалась весьма медленно. Моя работа состояла въ томъ, что я приводилъ въ движеніе челнокъ съ升уткомъ, пропускалъ желѣзный прутикъ съ жолобкомъ и разрѣзалъ сплетеніе нитокъ особымъ ножомъ, называемымъ rabot. По мѣрѣ выработки бархата, онъ укладывался, чтобы не мялся, въ деревянный цилиндръ, придѣланный къ станку. Этотъ цилиндръ называется у ткачей „уткой" (canard), и такъ какъ при работѣ цилиндръ касается живота работающаго, то мой мастеръ острилъ, говоря, что ткачи бархата каждый день ѣдятъ утку.

Мастеръ, у котораго я работалъ бархатъ, повелъ меня однажды вечеромъ въ клубъ ткачей, находившійся въ кварталѣ Croix-Rousse. Дома въ Croix-Rousse, какъ и вообще въ старыхъ ліонскихъ кварталахъ,—высокіе, мрачные и грязные, построены на горѣ. Можно подняться въ этотъ кварталъ и на элеваторѣ, который носитъ въ Ліонѣ странное названіе „La ficelle". Днемъ обыкновенно въ этомъ кварталѣ слышенъ былъ характерный трескъ, происходившій отъ работающихъ нѣсколькихъ тысячъ ручныхъ ткацкихъ станковъ***). Самыя лучшія и дорогія шелковыя ткани работались, въ мою бытность въ Ліонѣ, именно въ кварталѣ Croix-Rousse. Въ клубѣ ткачей ничего интереснаго я не увидалъ: посѣтители пили вино или играли въ карты. Самое помѣщеніе клуба оказалось порядкомъ грязновато. Распростившись со своимъ мастеромъ, я отправился домой, причемъ неожиданно попалъ подъ сильный ливень, и, не имѣя съ собой ни пальто, ни зонтика, промокъ, какъ говорится, до костей. Чувствуя голодъ, я зашелъ поужинать въ ресторанъ. На другой день мое правое колѣно какъ-то отяжелѣло и мнѣ стало трудно ходить; чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже; наконецъ моя

*) L'as de carreau, т. е. бубновый тузъ, на солдатскомъ жаргонѣ называется ранецъ.
**) Въ кварталѣ Saint-Clair жили тогда бархатщики (veloutiers).
***) На ліонскомъ жаргонѣ ткацкій станокъ называется bistenclaque.

правая нога совсѣмъ отказалась двигаться. Врачъ, за которымъ я послалъ, нашелъ у меня острый ревматизмъ и поставилъ мнѣ на правое колѣно мушку, которая быстро нарвала, и образовался водяной пузырь; послѣ разрѣза пузыря вышло съ полстакана воды. Такимъ образомъ я избавился отъ ревматизма и сталъ попрежнему ходить.

Въ 1876 году два главные довѣренные коммиссіонерскаго дома Р. Д. Варбурга и К°—Вейгертъ и Фридлендеръ предложили мнѣ поступить къ нимъ на службу, съ жалованьемъ въ двѣ тысячи франковъ въ годъ. Я согласился. Какъ хозяева этого дома, такъ и два главные ихъ довѣренные были нѣмецкіе евреи; сами хозяева жили въ Гамбургѣ, гдѣ у нихъ тоже былъ коммиссіонерскій домъ и фабрика зонтиковъ. Кромѣ гамбургскаго и ліонскаго коммиссіонерскихъ домовъ, Варбурги имѣли такіе же дома въ Парижѣ, Сентъ-Этьенѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Крефельдѣ и своихъ агентовъ въ другихъ городахъ. Въ Ліонѣ, въ rue de Lyon, надъ однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ ресторановъ, Казати (Casati),—помѣщались контора и магазинъ Варбурговъ. Магазинъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: матерій (rayon des étoffes) и фуляровъ*) (rayon des foulards). Посреди отдѣленій была контора. Отдѣленіемъ матерій завѣдывалъ Вейгертъ, а фуляровъ—Фридлендеръ. Я поступилъ въ отдѣленіе фуляровъ, и моимъ главнымъ патрономъ сталъ Фридлендеръ. Занятія у Варбурга начинались въ восемь часовъ утра и кончались въ семь вечера, причемъ два часа давалось на завтракъ. По утрамъ читались покупательскія письма и выписывались изъ нихъ заказы на разные товары; потомъ надо было ходить къ фабрикантамъ и раздавать имъ эти заказы. Послѣ завтрака приходилось просматривать товаръ, предназначенный къ отправкѣ, вѣшать его, писать декларацій для таможни, провѣрять счета фабрикантовъ, которымъ платили ежемѣсячно, и т. д. Товары, проходившіе чрезъ мои руки, были весьма разнообразны: фуляровые платки, ленты, бахрома, галуны, косынки изъ крепъ-де-шина, мужскіе и дамскіе галстухи, кашемировыя шали, вуали, кружевныя мантильи, шитье, траурныя отдѣлки изъ крепа, мѣховые бордюры, рюши, разныя plissés, balayeuses, обувь и т. д. Ліонскій домъ Варбурга имѣлъ покупателей во всѣхъ частяхъ свѣта: посылали товаръ въ Калькутту, Монреаль, Каиръ, Константинополь, Буэносъ-Айресъ, Монтевидео, Кельнъ, Бухарестъ, Бѣлградъ, Москву, Тифлисъ и другіе города. Товаръ, который шелъ моремъ въ дальнія страны, укладывался въ ящики, всегда обитые внутри жестяными листами. Листы эти сверху запаивали, для чего приходили паяльщики.

Въ узкой, темной, со старинными домами, улицѣ Гриффона (montée du Griffon) сосредоточивались магазины однихъ изъ первыхъ ліонскихъ фабрикантовъ: Bonnet, работавшій лучшій черный фай и вообще исключительно матеріи чернаго

---

*) Въ отдѣленіи фуляровъ занимались не только фулярами, но и всевозможными другими товарами.

цвѣта, Schultz et Beraud, работавшіе дорогія фасонныя ткани и лучшій цвѣтной фай, A. Rosset—фабрикантъ крепъ-де-шина и газовъ, и другіе. Но не въ одной улицѣ Гриффона находились магазины крупныхъ фабрикантовъ, были они и на площади Tolozan и въ другихъ центральныхъ улицахъ. Одними изъ крупныхъ фабрикантовъ набивныхъ фуляровъ платковъ считались Durand frères въ rue de Lyon; Tapissier работалъ черныя фаевыя и атласныя ленты разной ширины, и магазинъ его находился на площади Tolozan; Montessuy et Chomer работали разные крепы, между прочимъ англійскій крепъ, Mathevon Bouvard и Josserand, Févrot et C-ie—фасонныя плательныя и мебельныя матеріи, и т. д.

Въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія вошла въ моду чрезвычайно плотная матерія, лицевая сторона которой имѣла видъ шелковаго стеганаго одѣяла, называвшаяся matelassé. Эту матерію разнообразныхъ рисунковъ и цвѣтовъ въ особенности хорошо работали въ Ліонѣ Шульцъ и Беро и A. Lamy, Giraud et C-ie, и цѣна ея доходила до 50 франковъ за метръ. Матерія matelassé ткалась въ XVIII вѣкѣ преимущественно для юбокъ; въ семидесятыхъ же годахъ XIX столѣтія изъ нея шились дамскія кирасы (корсажи), долманы, бальныя накидки (sortie de bal), казакины (casaque). Durand frères нѣкоторое время работали эластичную, пріятную на ощупь, шелковую матерію нѣжныхъ цвѣтовъ, называвшуюся crêpe d'été, которая шла на дамское бѣлье. Нигдѣ не ткали такъ хорошо бархатъ, какъ въ Ліонѣ. Тканье бархата въ особенности требуетъ деликатныхъ рукъ, и ткачи, у которыхъ дрожатъ руки, для такой работы непригодны. Ліонскіе парчевые фабриканты производили парчу для католическихъ церквей не только всей Франціи, но и для католическихъ церквей другихъ государствъ. Парчевыя ткани съ серебромъ дѣлались также для жилетовъ арабовъ. Вообще для Востока Ліонъ работалъ дешевыя полупарчевыя ткани. Шелковыя газовыя матеріи, брошерованныя золотомъ или серебромъ, отправлялись изъ Ліона въ Индію, гдѣ изъ нихъ шилась одежда баядеркамъ. Спеціальныя матеріи ткали въ Ліонѣ для обивки экипажей, зонтиковъ и деревянныхъ пуговицъ; работались также галстучныя и подкладочныя матеріи, суровые шелковые тафта и газъ для патроновъ ружей Шасспо (Chassepot),*) кашемировыя шали и т. п. Вывозилось заграницу громадное количество бѣлыхъ шелковыхъ съ бумагой дешевыхъ платковъ „mossoul," которые работали почти всѣ ліонскіе платочные фабриканты. Однажды видѣлъ я въ коммиссіонерскомъ домѣ Камфора кусокъ шелковой съ шерстью матеріи „sicilienne," цвѣта gris-perle, по особому заказу сработанный для русской императрицы. Муаре работали трехъ родовъ: antique, à reserve и à chemins. Когда было въ модѣ отдѣлывать дамскія платья галунами, въ Ліонѣ ткали галуны самыхъ разнообразныхъ образцовъ. Потомъ стали обшивать платья бахромой, и Ліонъ сталъ производить шелковую

*) Работалъ Josserand, Févrot et C-ie.

бахрому разныхъ цвѣтовъ и фасоновъ, между прочимъ съ чернымъ стеклярусомъ (jais) и стальнымъ бисеромъ (clair de lune). Помню, въ Парижѣ, въ русской церкви видѣлъ я красивую госпожу Бенардаки въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, обшитомъ серебряной металлической бахромой, которая при малѣйшемъ движеніи звенѣла. Вообще ліонскіе фабриканты быстро примѣнялись къ требованіямъ моды: если выходилъ изъ моды одинъ артикулъ, то его немедля замѣняли другимъ, болѣе моднымъ; все для этого было приспособлено: имѣлись талантливые рисовальщики, превосходныя красильни и аппретурныя заведенія, искусные мастера и мастерицы.

У моего отца была вообще страсть покупать, а потому, когда онъ пріѣзжалъ въ Ліонъ, то и здѣсь покупалъ товаръ, притомъ такой, которымъ собственно онъ не торговалъ. Такъ, разъ онъ купилъ нѣсколько десятковъ кусковъ дорогого бархата, въ другой разъ партію фуляровыхъ съ атласными полосами набивныхъ платковъ (pékin), а въ третій—партію небольшихъ кашемировыхъ шалей.

Со швейцарцами, столовавшимися у госпожи Раго, я скоро сошелся, и большинство изъ нихъ стало иногда по вечерамъ бывать у меня на квартирѣ въ Cours Morand. Вечеръ проводили въ разговорахъ и играли въ домино. Угощалъ я ихъ чаемъ съ лимономъ и кондитерскими пирожками; между ними были такіе любители чая, что выпивали по шести и болѣе стакановъ.

Въ Ліонѣ была значительная колонія швейцарцевъ, которые служили бухгалтерами, кассирами, конторщиками и продавцами, преимущественно въ коммиссіонерскихъ домахъ. Многіе изъ швейцарцевъ жили со своими семьями. Въ Ліонѣ же швейцарцы имѣли свои общества: пѣнія и музыки (harmonie suisse), гимнастики и обоюдной помощи (secours mutuels). Случалось, что лѣтомъ по воскресеньямъ эти общества дѣлали загородныя экскурсіи, въ коихъ и я принималъ участіе. Чаще же проводилъ я время лишь съ тѣми швейцарцами, съ которыми столовался у госпожи Раго. Въ воскресные дни, зимой или лѣтомъ, въ плохую погоду мы посѣщали городскіе рестораны и пивныя. Ходили въ рестораны, называвшіеся „Au Rosbif“, которые были основаны крупнымъ ліонскимъ мясникомъ Шарлемъ Гальетономъ (Gailleton), на манеръ парижскихъ „Бульоновъ“ Дюваля. Въ этихъ „Розбифахъ“ кормили хорошо, недорого, и прислуга была женская*).

Каждое первое января бывалъ я со Штернбауеромъ на превосходномъ обѣдѣ въ гостинницѣ негоціантовъ (Hôtel des Négociants), въ улицѣ Quatre-Chapeaux, гдѣ останавливались преимущественно комми-вояжеры. Обѣдъ этотъ стоилъ для постороннихъ съ разными винами, шампанскимъ и ликерами пять фран-

*) Нѣкоторыя изъ болѣе красивыхъ служанокъ „Розбифовъ“ и пивныхъ сдѣлались впослѣдствіи элегантными дамами полусвѣта.

ковъ*). Своихъ же постоянныхъ кліентовъ молодая хозяйка гостинницы угощала въ этотъ день даромъ. Разодѣтая, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, она обходила столъ и чокалась со всѣми присутствующими.

Лѣтомъ бывали мы въ ресторанѣ на берегу Соны (Quai des Etroits) у „Mère Guy“, славившемся рыбными блюдами, въ особенности мателотами (matelottes) и жареными пескарями. Въ ресторанѣ „La Cressonnière“, недалеко отъ бойни, въ кварталѣ Vaise, мы ѣли отличныя мясныя кушанья. Назывался этотъ ресторанъ „La Cressonnière“ потому, что въ саду протекалъ ручей, по берегамъ котораго росъ крессъ-салатъ. Отправлялись также за городъ, въ мѣстечко Chasselay, куда ѣздили по желѣзной дорогѣ до станціи „Les Chères“, а потомъ шли пѣшкомъ. Въ Chasselay былъ маленькій ресторанъ; содержалъ его „père Villard“, у котораго была одна нога деревянная; но это не мѣшало ему стоять у плиты и отлично готовить. Въ столовой у него висѣлъ въ рамкѣ подъ стекломъ похвальный листъ, въ коемъ Вилларъ назывался „королемъ поваровъ“ („roi des cuisiniers“). Заказавши обѣдъ у этого „короля поваровъ“ и сыгравши на проѣзжей дорогѣ передъ рестораномъ нѣсколько партій въ boules**), мы садились пить вермутъ, а потомъ принимались за обѣдъ, который запивали хорошимъ старымъ виномъ. Кормилъ Вилларъ на славу; въ особенности вкусно приготовлялъ онъ куропатокъ съ капустой, ліонскія клецки изъ рыбы (quenelles de Lyon) и раковыя шейки въ соусѣ. Штернбауеръ и я возили въ Chasselay и моего отца, и онъ остался очень доволенъ этой поѣздкой.

Однажды вечеромъ съ нѣмцемъ Шульцемъ, который занимался вмѣстѣ со мной у Пейо, предпринялъ я прогулку въ мѣстечко „Les Charpennes“, гдѣ жилъ его знакомый фермеръ. При фермѣ былъ садъ съ тутовыми, абрикосовыми и другими деревьями. Поужинавъ запросто, мы легли спать въ пустой комнатѣ

---

*) Вотъ меню одного изъ этихъ обѣдовъ:

Hôtel des Négociants.

Potage Fin velours
Hors d'oeuvre Boudins Richelieu.
Relevé Turbots aux queues d'écrevisses.
Entrées Chapons de Bresse truffés.
Filet Flamande.
Salmis de Bécasses aux truffes.
Froid Mayonnaise de Homards à la gelée.
Légumes Petits Pois Française.
Haricots panachés.
Rôti Faisans truffés.
Salade.
Entremet Bombes à l'Américaine.
Pièces montées
Dessert.

Lyon, le 1-er Janvier 1876.

**) Эта игра съ шарами очень распространена въ Ліонѣ и на югѣ Франціи.

на сѣнѣ. Проснувшись рано утромъ, чтобы идти обратно въ городъ, умылись въ саду подъ колодцемъ, причемъ воду качалъ то Шульцъ, то я.

Зимой по вечерамъ ходилъ я иногда въ Большой Театръ (Le Grand Théâtre) слушать оперу. Опернымъ оркестромъ дирижировалъ тогда Іосифъ Luigini. На лѣто Большой Театръ закрывался, оркестръ же со своимъ талантливымъ дирижеромъ продолжалъ играть, но уже не въ душномъ театрѣ, а на чистомъ воздухѣ: по вечерамъ, четыре раза въ недѣлю*), оркестръ давалъ концерты въ саду, на громадной площади Bellecour, одной изъ красивѣйшихъ площадей Франціи. На эти концерты собиралась элегантная публика, между которой можно было видѣть первыхъ ліонскихъ дамъ полусвѣта: Ma mère m'attend**), La Pite en Char, Pâquerette, Hélène Courtois, Meyer, Jeanne la folle и др.***)

По смерти старушки хозяйки, у которой я снималъ комнату на Cours Morand, дочь-вдова переѣхала на другую квартиру, на площади Terreaux, куда перебрался и я. Но недолго я пожилъ на этой новой квартирѣ: пріѣхалъ въ Ліонъ отецъ и увидавъ, что я живу въ четвертомъ этажѣ и занимаю небольшую комнату, посовѣтовалъ мнѣ поискать другую получше. Скоро нашелъ я себѣ такую въ кварталѣ, гдѣ я уже раньше жилъ, Brotteaux, у одного бывшаго и обѣднѣвшаго торговца шелкомъ, въ улицѣ Tronchet, въ первомъ этажѣ; комнату вродѣ салона, съ альковомъ, съ паркетнымъ поломъ, съ мраморнымъ каминомъ, съ зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, съ мебелью, обитой пунцовой шелковой матеріей, и съ пьянино. Кромѣ ключа отъ моей квартиры, мнѣ дали еще громадный ключъ отъ воротъ дома, вродѣ ключа отъ какой-нибудь крѣпости, который было не особенно удобно носить съ собой****). Опять мнѣ пришлось ежедневно переходить черезъ старинный, прекрасный *дубовый* мостъ Моранъ,*****) перекинутый черезъ Рону. По утрамъ меня обыкновенно будила игра на рожкѣ баска въ синемъ беретѣ и блузѣ, съ большимъ зонтикомъ за спиной; въ сопровожденіи черной собаки онъ гналъ за городъ свое небольшое стадо черныхъ козъ. На звуки рожка выбѣгали изъ домовъ женщины съ разной посудой, и баскъ тутъ же на улицѣ доилъ козъ и за нѣсколько су наполнялъ молокомъ подаваемые ему сосуды. По утрамъ же раздавался протяжный голосъ скупщика стараго платья: „arrr'chand d'habits". Если вечеръ я проводилъ дома, то слышалъ лѣтомъ въ девятомъ, а зимой въ восьмомъ часу военную зарю;******) бара-

*) По воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ, отъ 8 до 10 часовъ.

**) Прозвана такъ потому, что когда ее приглашали куда-нибудь ѣхать, то она сначала отказывалась, говоря, что ее „ждетъ мать".

***) Нерѣдко эти дамы въ жаркую погоду послѣ концерта отправлялись купаться въ компаніи мущинъ, въ купальни на Ронѣ.

****) На ліонскомъ жаргонѣ ключъ отъ воротъ называется loquetière.

*****) Этотъ чрезвычайно прочный мостъ былъ выстроенъ въ 1774 году архитекторомъ Мораномъ, и сломанъ въ 1889 году. Въ настоящее время на его мѣстѣ—новый каменный мостъ.

******) Теперь вечерняя военная заря въ Ліонѣ отмѣнена.

банщики и горнисты собирались на площади Моранъ, откуда, раздѣлившись на нѣсколько небольшихъ отрядовъ, шли по разнымъ направленіямъ, барабаня и играя на трубахъ, а мальчишки, сопровождавшіе отряды, пѣли:

De la retraite, voici l'heure! Allons, troupier,
Allons, troupier, faut rentrer au quartier!
И т. д.

По мѣрѣ приближенія отрядовъ, звуки музыки все усиливались, а потомъ, по мѣрѣ удаленія, слабѣли и наконецъ совсѣмъ замирали.

По заграничному обычаю, круглый годъ, въ хорошую погоду, всѣ окна въ моей квартирѣ по утрамъ открывали настежь и вывѣшивали на улицу для провѣтриванья матрацы, пуховики, одѣяла и подушки. Въ морозы въ квартирѣ приходилось мерзнуть: двойныхъ рамъ не существовало; случалось, хотя и рѣдко, что на поверхности воды въ кувшинахъ образовывалась ледяная кора. Каминъ мало согрѣвалъ комнату, притомъ топливо было дорого (топилъ я еловыми шишками). Впослѣдствіи я поставилъ у себя термостатъ, который топилъ коксомъ, и въ морозы сидѣлъ около него въ тепломъ пальто и шапкѣ, закутавши ноги въ пледъ. Зимой кромѣ одѣяла накрывался еще пуховикомъ. Помню, зима 1877 года была очень теплая: ни разу не выпадалъ снѣгъ, и я всю зиму ходилъ въ лѣтнемъ пальто. Вообще холодныя зимы въ Ліонѣ были рѣдки и всегда непродолжительны; зато осенью бывали такіе сильные туманы, что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего разглядѣть, а лѣтомъ такія страшныя грозы, какихъ я нигдѣ не видывалъ.

Въ дѣло Варбурга отправлялся я рано утромъ. Дорогой встрѣчались мнѣ эскадроны кирасиръ*), которые вели поить своихъ лошадей на Рону.

Въ ресторанѣ Казати**) пилъ я кофей, а потомъ поднимался къ Варбургу.

У Варбурговъ служилъ между прочимъ французъ Феликсъ Дарго, который ѣздилъ отъ нихъ комми-вояжеромъ въ Испанію, Румынію, Россію и другія европейскія государства (онъ говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, между прочимъ и по-русски). Кромѣ того Дарго изучалъ спеціально накожныя болѣзни, о которыхъ написалъ диссертацію, за что получилъ степень доктора медицины. Дарго былъ женатъ на бельгійкѣ и имѣлъ брата Казиміра, который служилъ у

---

*) Въ кварталѣ Brotteaux находились громадныя казармы „De la Part-Dieu“ и квартировало много войскъ: кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи. Кофейни Cours Morand въ извѣстные часы дня переполнялись офицерами всѣхъ родовъ оружія, и на улицѣ близъ кофеенъ стояли деньщики, держа за поводья осѣдланныхъ лошадей. При мнѣ былъ ліонскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ Бурбаки.

**) 24 іюня 1894 года, когда въ Ліонѣ итальянецъ, анархистъ Caserio, закололъ кинжаломъ президента Карно,—разъяренная толпа разгромила ресторанъ Казати, хозяинъ котораго былъ итальянецъ. Кромѣ Казати, съ коего начался погромъ, пострадали тогда и другіе, ни въ чемъ неповинные итальянцы, живущіе въ Ліонѣ. Въ настоящее время на мѣстѣ ресторана Казати кондитерская.

Варбурговъ въ отдѣленіи матерій.*) Впослѣдствіи Феликсъ Дарго оставилъ Варбурговъ и переселился въ Москву, гдѣ вступилъ въ компанію съ фабрикантомъ шелковыхъ матерій Жиро, и жилъ на его фабрикѣ въ Хамовникахъ, гдѣ Жиро выстроилъ для него небольшой деревянный домъ. Этотъ прекрасный человѣкъ, съ которымъ я очень подружился, къ сожалѣнію, умеръ отъ рака въ 1904 году, въ Женевѣ, куда онъ, оставивъ Жиро, переѣхалъ изъ Москвы.

Въ Ліонѣ мнѣ рѣдко приходилось встрѣчаться съ русскими. Разъ только пріѣхалъ изъ Нижнетагильскаго завода инженеръ Николай Ивановичъ Алексѣевъ и съ нимъ человѣкъ десять молодыхъ русскихъ. Алексѣевъ познакомился со мной и былъ со своей молодежью у меня, въ улицѣ Tronchet, гдѣ я ихъ угощалъ чаемъ. Вскорѣ всѣ они уѣхали въ Terre Noire, близъ Сентъ-Этіена, чтобы изучать тамъ бессемеровскій способъ закаливанія стали.

Отецъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Ліонъ, между прочимъ указалъ мнѣ на пожилую даму, остановившуюся, какъ и онъ, въ Grand Hôtel de Lyon, сказавши, что это дочь бывшаго московскаго военнаго генералъ-губернатора Закревскаго—Лидія Арсеньевна.

Въ Ліонѣ сталъ я собирать французскія книги, чѣмъ положилъ начало своей библіотекѣ французскихъ книгъ. Книги покупалъ преимущественно у букиниста, торговавшаго подъ перистилемъ Большого Театра.

Во время карнавала, по субботамъ бывали маскарады въ кварталѣ Brotteaux, въ Альказарѣ, въ бывшемъ прежде циркѣ. На аренѣ танцевали дамы полусвѣта въ нарядныхъ костюмахъ пьеретъ, коломбинъ, арлекинокъ, folie и др., со своими кавалерами. Вокругъ арены гуляла публика. На эстрадѣ игралъ оркестръ, музыканты котораго одновременно и пѣли. Нѣкоторые изъ менѣе скромныхъ дамъ иногда пускались въ канканъ, причемъ находились кавалеры, которые ходили на рукахъ. Изъ маскарада отправлялись мы ужинать въ ресторанъ на площади Моранъ, гдѣ ѣли сырный супъ (soupe au fromage). За конторкой въ этомъ ресторанѣ сидѣла разодѣтая, молодая, стройная дама, къ сожалѣнію, на одинъ глазъ кривая.

Въ канунъ Рождества мы ходили въ соборъ Saint-Jean слушать полуночную мессу (messe de minuit), въ превосходномъ музыкальномъ исполненіи, причемъ оперный баритонъ пѣлъ:

Minuit, Chrétien, c'est l'heure solonnelle
Où l'Homme-Dieu descendit jusqu'à nous
Pour effacer la tâche originelle
Et de Son Père apaiser le courroux.**)

---

*) Казиміръ Дарго женился на дочери ліонскаго маклера Бутелье, занимавшагося продажей шелковой пряжи, и я присутствовалъ на свадьбѣ. Свадебный обѣдъ былъ въ отдѣльномъ помѣщеніи ресторана Казати. Оба брата Дарго были брюнеты, но Казиміръ отличался одной особенностью: брови у него сходились на лбу вмѣстѣ, такъ что надъ глазами была одна черная полоса.

**) Музыка Adam.

Изъ собора шли въ ресторанъ, гдѣ ѣли традиціонную индѣйку съ трюфелями, запивая ее шампанскимъ.

Въ праздникъ jour des rois у госпожи Раго подавали къ обѣду пирогъ, въ который запекали бобъ, и кому онъ доставался, тотъ былъ „королемъ" и долженъ былъ угощать остальныхъ пансіонеровъ бургонскимъ.

При мнѣ вошло въ моду катанье на конькахъ съ колесиками, и повсюду стали устраивать skating-ring'и, которые въ насмѣшку прозвали casse-reins. Въ ліонскомъ скэтингъ-рингѣ бѣгали, не считая мущинъ, исключительно дамы полусвѣта, и если какая-нибудь изъ нихъ падала, то въ утѣшеніе мущины говорили ей: „madame, c'est le premier pas, qui coute."

„Борцы" уже и тогда не были новостью. Борцовъ ходили смотрѣть въ Casino или El-Dorado.

При мнѣ въ паркѣ „de la Tête d'or" была устроена превосходная выставка разнообразнѣйшихъ сортовъ розъ и всевозможнѣйшихъ плодовъ.

Пришлось мнѣ также пережить въ Ліонѣ музыкальный конкурсъ, на который понаѣхали изъ городовъ, городковъ и деревень чуть ли не всей Франціи разныя музыкальныя общества. Нѣсколько дней они разгуливали по улицамъ со своими знаменами и штандартами, барабаня, трубя или играя на другихъ инструментахъ. Этими музыкантами были переполнены всѣ пивныя, кофейни и рестораны. Въ концѣ концовъ они такъ надоѣли, что многіе ліонскіе жители обрадовались, когда кончился конкурсъ, и всѣ пріѣзжія музыкальныя общества разъѣхались.

Затѣмъ появились несносныя трещетки, называвшіяся кри-кри (cri-cri). Трескотня этихъ трещетокъ довольно продолжительное время раздавалась по улицамъ Ліона, да и повсюду во Франціи.

Теперь въ Ліонѣ запрещены всѣ религіозныя процессіи на улицахъ. Не такъ было въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія. Особенно торжественны были процессіи въ праздникъ Fête Dieu не только въ Ліонѣ, но и въ другихъ провинціальныхъ городахъ Франціи.*) Церковными приходами устраивались на многихъ ліонскихъ площадяхъ престолы (reposoirs). По улицамъ, гдѣ должны были идти процессіи, стѣны домовъ затягивали бѣлыми простынями, къ коимъ прикрѣпляли розаны, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Шествіе каждой процессіи открывали дѣвочки въ бѣлыхъ платьицахъ съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головахъ. Дѣвочки несли корзиночки, наполненныя лепестками цвѣтовъ, которые разбрасывали по дорогѣ. Подъ богатымъ балдахиномъ шло духовенство, за нимъ слѣдовали пѣвчіе, оркестръ военной музыки и толпа народа. Пѣвчіе пѣли, оркестръ игралъ. Въ процессіи шелъ даже маленькій мальчикъ, одѣтый Іоанномъ Крестителемъ.

---

*) Процессіи въ праздникъ Fête Dieu видѣлъ я также въ Виши.

Похороны ліонскаго архіепископа Женуліака (Genoulhiac), умершаго 17 ноября 1875 года, я смотрѣлъ, стоя на площади Terreaux. Монахи и монахини не были тогда еще разогнаны, и потому въ похоронномъ шествіи участвовали разные монашескіе ордены: траписты, картезіанцы, бенедиктинцы, доминиканцы, капуцины, маристы, кармелитки, сестры S-t Vincent de Paul, монахини ордена Sacré-Coeur и др.

Завтраки и обѣды у госпожи Раго были уже потому хороши, что столовалось немного пансіонеровъ. Вообще у нея кормили вкусно, и только въ великую пятницу давали невкусную треску. По крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю пансіонеры спрашивали бургонское вино, за бутылку котораго платили по пяти франковъ. Свой пансіонъ госпожа Раго потомъ закрыла, находя, что ей невыгодно его держать, и я сталъ ходить въ одинъ маленькій ресторанъ на площади Terreaux. Въ этомъ ресторанѣ столовался со мною вмѣстѣ старикъ, отставной французскій полковникъ, принимавшій участіе въ осадѣ Севастополя. Впослѣдствіи полковникъ уѣхалъ изъ Ліона, и его мѣсто за моимъ столомъ занялъ торговецъ готоваго дамскаго платья, маленькій, толстенькій, большой любитель покушать; передъ завтракомъ или обѣдомъ онъ всегда растегивалъ пряжку своего жилета.

Оба мои патрона у Варбурговъ, женатые на еврейкахъ и жившіе въ кварталѣ Brotteaux, приглашали меня иногда къ себѣ пить чай; чаще приглашалъ меня мой главный патронъ—Фридлендеръ. Съ удовольствіемъ бывалъ я у радушнаго Ф. Дарго, жившаго въ небольшомъ особнякѣ съ садомъ. Камфоръ, жена котораго была американка, урожденная Дамбманъ, пригласилъ меня однажды къ себѣ обѣдать. На этомъ довольно церемонномъ обѣдѣ присутствовалъ предсѣдатель ліонскаго коммерческаго суда Brölemann (такъ же, какъ и Камфоръ, изъ протестантовъ). Одинъ изъ главныхъ продавцовъ, служившій у Камфора, Firmin, былъ ко мнѣ очень расположенъ и любилъ, чтобы я его посѣщалъ. Firmin жилъ близъ Ліона, въ небольшомъ разстояніи отъ Соны, въ мѣстечкѣ Collonges-aux-Mont-d'or, гдѣ онъ меня угощалъ ужинами, состоявшими изъ вкусныхъ блюдъ ліонской кухни. Глубокой осенью, уходя отъ него ночью, мнѣ приходилось идти черезъ мѣстечко до станціи чуть ли не ощупью, такъ было темно: улицу не освѣщали, а жители уже спали, и ни въ одномъ домѣ не было видно огня; лишь порой слышался собачій лай.

Въ конторѣ Камфора познакомился я также съ конторщикомъ, молодымъ человѣкомъ Motte'омъ, отецъ котораго служилъ на желѣзной дорогѣ Paris-Lyon-Mediterranée и во время одной желѣзнодорожной катастрофы на этой линіи—погибъ, за что вдовѣ, матери Motte'a, было дано право торговать на станціи Перашъ книгами и газетами. Motte бралъ книги у матери и ухитрялся читать ихъ, не разрѣзывая страницъ, такъ какъ непроданныя разрѣзанныя книги не принимаются обратно издателями. Впослѣдствіи Motte поступилъ комми-вояжеромъ въ

одинъ торговый домъ*) въ Парижѣ и сталъ ѣздить въ Россію. Помню, однажды въ Москвѣ онъ пришелъ ко мнѣ, несмотря на жестокій морозъ, въ лѣтнемъ пальто и цилиндрѣ.

Фридлендеръ давалъ мнѣ не разъ отпуски для моихъ поѣздокъ. Такъ, на Пасху ѣздилъ я обыкновенно въ Марсель. Въ это время въ Марселѣ на рынкахъ уже появлялись земляника, спаржа и много цвѣтовъ. Землянику продавали въ круглыхъ продолговатыхъ глиняныхъ баночкахъ. Торговки цвѣтами сидѣли въ своихъ высокихъ бесѣдкахъ, напоминающихъ проповѣдническія каѳедры въ католическихъ церквахъ. Вообще Марсель было куда оживленнѣе, чѣмъ Ліонъ. На улицѣ Saint-Ferréol, гдѣ модные магазины, гуляла элегантная публика. На улицѣ Paradis, въ окнахъ первой марсельской кондитерской Кастельмуро, были выставлены нарядныя корзиночки съ засахаренными фруктами, а въ окнахъ колоніальныхъ лавокъ—антильскіе ананасы, алжирскіе апельсины, тунисскіе финики, крупныя алеппскія фисташки, португальскіе бананы, и т. п. Въ узкой улицѣ De la Glace, полной тѣни и прохлады, въ которой находятся склады льду и молочныя лавки, можно было наблюдать по утрамъ, какъ уличные торговцы мороженымъ и гарсоны кофеенъ запасались льдомъ, а кухарки—молокомъ. Въ старомъ портѣ въ полдень нельзя было ходить: солнце страшно пекло, лучи его падали отвѣсно, больно было смотрѣть и ломило голову.

Вотъ узенькая улица Mayousse, улица рыбаковъ, спускающаяся ступенями въ старый портъ; она напоминаетъ итальянскую улицу: на веревкахъ, протянутыхъ поперекъ улицы, просушивается бѣлье; у порога дверей сидятъ женщины южнаго типа; посреди улицы бѣжитъ ручей грязной воды, въ которомъ полощутся дѣти. А вверху, высоко надъ крышами, видишь клочокъ синяго неба. Изъ этой улицы рыбакамъ видны ихъ лодки, качающіяся на водѣ въ старомъ портѣ.

Если завернуть за уголъ улицы Mayousse и подняться по каменной лѣстницѣ, то выйдешь на площадку, называющуюся по старинной, до сихъ поръ сохранившейся, башенкѣ—Esplanade de la Tourette; съ этой площадки открывается видъ на полосатый, въ романо-византійскомъ стилѣ, новый соборъ**), на новый портъ и на море. На площадкѣ плетутъ канаты, а мальчишки играютъ въ весьма распространенную въ Марселѣ игру въ батальонъ (jeu du bataillon), напоминающую нашу игру „въ стѣнку“, легко переходившую тогда въ драку, особенно между лицеистами и учениками такъ называемыхъ „христіанскихъ школъ“.***)

*) Dollfus-Mieg et Cie.

**) Этотъ соборъ былъ заложенъ въ 1852 году французскимъ президентомъ — принцемъ Наполеономъ.

***) Между учениками лицеевъ и христіанскихъ школъ существовала такая вражда, что, для избѣжанія всякихъ конфликтовъ во время ихъ прогулокъ, было рѣшено, что послѣдніе будутъ выходить по средамъ, чтобы не встрѣчаться съ лицеистами, выходъ коихъ бывалъ по четвергамъ.

Игра въ батальонъ была опасна не только для принимавшихъ въ ней участіе, но и для прохожихъ, такъ какъ въ дѣло часто пускались камни.

Интересно было смотрѣть, какъ выгружаютъ въ старомъ портѣ барки съ апельсинами, которыми наполняютъ мѣшки, причемъ порченые апельсины выбрасываютъ за бортъ, а мальчишки, рискуя упасть въ воду, вылавливаютъ ихъ.

Въ старомъ же портѣ или близъ Café Turc встрѣчался старикъ, ходившій въ прусской каскѣ и съ ящикомъ. Этотъ старикъ родился въ 1811 году и его звали „Mort-aux-Rats", потому что онъ съ большимъ успѣхомъ истреблялъ крысъ и мышей въ корабельныхъ трюмахъ, товарныхъ складахъ и жилыхъ домахъ. Расхаживая по улицамъ, старикъ выкрикивалъ: „Voilà, voilà, celui qui fait mourir les souris et les rats, voilà le marchand de Mort-aux-Rats!"

Въ первые дни мая или даже вначалѣ апрѣля можно было видѣть на той или другой улицѣ Марселя такую картинку: хорошенькая дѣвочка, въ бѣломъ платьицѣ, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ, сидѣла на высокомъ стулѣ, за столомъ, покрытымъ бѣлой скатертью; это такъ называемая „Майская Красавица" (по провансальски „Bello de Maio"). По старинному обычаю, дѣвочки бѣднаго населенія выставляли на показъ болѣе красивыхъ своихъ товарокъ и обращались къ прохожимъ, прося ихъ дать что-нибудь на „Майскую Красавицу". Собранныя такимъ способомъ незначительныя деньги шли на покупку лакомствъ, которыя онѣ дѣлили между собою.

Въ концѣ аллеи Прадо, недалеко отъ моря, въ пріютившемся подъ тѣнью платановъ кабачкѣ Гонтара (cabaret du père Gontard) подавали превосходные буябесы (bouillabaisse).

Въ Марселѣ слышалъ я въ первый разъ оперу Аиду, но, будучи очень усталымъ, почти все время спалъ подъ звуки музыки Верди.

Насколько было пріятно проводить въ Марселѣ время въ тихую погоду, настолько же было несносно пребываніе тамъ, когда дулъ мистраль. Порывы этого вѣтра такъ сильны, что не только трудно устоять на ногахъ, но даже иногда онъ срываетъ домовыя трубы. Жутко становится въ комнатѣ, когда мистраль начинаетъ завывать въ каминѣ.

Изъ Марселя ѣздилъ я въ Тулонъ. Желая тамъ осмотрѣть морской арсеналъ, обратился за разрѣшеніемъ къ морскому префекту, вице-адмиралу Jauréguiberry; но какъ иностранецъ—получилъ отказъ. Позавтракавъ въ портѣ свѣжими жареными сардинками, отправился на пароходѣ въ морской госпиталь Saint-Mandrier. Въ этомъ госпиталѣ осмотрѣлъ ботаническій садъ съ богатой тропической растительностью и цистерну, въ которой эхо повторяется двадцать два раза. Хозяева маленькой гостинницы, гдѣ я ночевалъ, на прощанье поднесли мнѣ вѣтку съ нѣсколькими большихъ размѣровъ цедрами (cédrat). Изъ Тулона*) поѣхалъ въ Ниццу.

*) Въ Тулонѣ случайно встрѣтилъ на улицѣ московскаго фабриканта Альберта Осиповича Гюбнера, дочь котораго была замужемъ за французскимъ морякомъ, сыномъ адмирала Тушара.

Въ это время въ Ниццѣ апельсинныя деревья были въ полномъ цвѣту, и весь берегъ благоухалъ флеръ-доранжемъ. Гостинницы большею частью были закрыты и улицы малолюдны. Между прочимъ побывалъ я на виллѣ Бермонъ, гдѣ видѣлъ часовню въ память нашего покойнаго наслѣдника цесаревича.

Изъ Ліона сдѣлалъ я еще двѣ поѣздки на югъ Франціи. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ посѣтилъ Авиньонъ, Арль, Нимъ и Montpellier, а въ другую — Бордо, Аркашонъ, Байону и Біаррицъ.

Въ Авиньонѣ видѣлъ дворецъ папъ, въ Арлѣ древній римскій амфитеатръ и любовался красивыми арлезіенками, а въ Нимѣ смотрѣлъ другой римскій амфитеатръ.

Пріѣхавъ въ Montpellier днемъ и остановившись въ гостинницѣ, я неожиданно почувствовалъ слабость, спросилъ себѣ обѣдъ въ комнату, но не могъ ни до чего дотронуться, не раздѣваясь легъ въ постель и проспалъ какъ убитый до слѣдующаго утра. На другой день проснулся какъ ни въ чемъ не бывало, и удивился, увидавъ на столѣ нетронутый обѣдъ. У меня сохранилось воспоминаніе о роскошныхъ кофейняхъ въ Montpellier съ множествомъ сидящихъ въ нихъ нарядныхъ дамъ, и о прекрасномъ городскомъ паркѣ „Le Peyrou“.

Въ Бордо выѣхалъ изъ Ліона наканунѣ Троицына дня и пробылъ тамъ двое сутокъ. Въ памяти у меня остались: площадь Quinconces съ двумя ростальными колоннами-маяками и набережная Гаронны.

Въ Аркашонѣ познакомился съ хозяиномъ одного устричнаго парка. Съ нимъ на его лодкѣ отправился я на разсвѣтѣ, во время морского прилива, къ мѣсту, гдѣ находился его устричный паркъ. Пришедши туда, мы стали ждать морского отлива. Какъ только море ушло и обнажилось дно, хозяинъ занялся своимъ дѣломъ, а я тѣмъ временемъ, разувшись, сталъ вытаскивать гарпуной (fouane) рыбу соль, которая во время отлива не вся успѣваетъ уйти въ море и часть ея остается въ пескѣ. Съ приливомъ дно стало покрываться водой. Мы сѣли въ лодку и стали завтракать крутыми яйцами, хлѣбомъ и краснымъ виномъ. Между тѣмъ приливъ кончился, и мы отправились въ обратный путь. Наловленную мною рыбу оставилъ гостепріимному хозяину устричнаго парка.

Изъ Аркашона поѣхалъ въ Байону. Солнце немилосердно пекло и въ вагонѣ было ужасно жарко; я сидѣлъ, обливаясь потомъ, и только въ Байонѣ свободно вздохнулъ.

Изъ Байоны на лошадяхъ поѣхалъ къ устью Адуры, а оттуда черезъ лѣсъ морскихъ пиній въ Біаррицъ. Въ этомъ лѣсу, къ стволу каждаго дерева былъ прикрѣпленъ глиняный горшокъ для сбора вытекающей изъ дерева смолы. Въ Біаррицѣ оставался я недолго и вернулся въ Байону, потому что большая часть гостинницъ и магазиновъ была закрыта, и сезонная публика еще не пріѣзжала.

Изъ Ліона ѣздилъ я также въ Женеву, Туринъ, Геную, Vienne, Гренобль и Uriage-les-bains.

Въ Женевѣ, въ кварталѣ Каружъ (Carouge) жилъ тогда одинъ изъ главныхъ дѣятелей парижской коммуны—Gaillard père, бѣжавшій изъ Парижа. По ремеслу былъ онъ башмачникъ, а во время коммуны былъ полковникомъ и завѣдующимъ всѣми парижскими баррикадами*). У меня сохранилась его фотографическая карточка, гдѣ онъ изображенъ въ мундирѣ, въ кэпи на головѣ, при саблѣ и съ револьверомъ за поясомъ. Въ Каружѣ Гальяръ открылъ башмачный магазинъ, и я видѣлъ въ окно магазина, какъ онъ примѣрялъ ботинки какому-то господину. На видъ Гальяръ былъ сутуловатый старикъ съ безцвѣтными глазами, курчавыми волосами, съ усами и бородой.

Туринъ, столица бывшаго Сардинскаго королевства, вслѣдствіе своихъ широкихъ улицъ, громадныхъ площадей, большихъ, высокихъ кофеенъ,—показался мнѣ слишкомъ малолюднымъ. Зато все было хорошо и дешево: прекрасный сдобный хлѣбъ panetone и хлѣбъ въ видѣ тоненькихъ палочекъ—grisini, отличный вермутъ братьевъ Кора, хорошія, хотя и очень крѣпкія, красныя вина Barolo, Barbera и др., превосходный ресторанъ „Cambio“ и т. д.

Въ Генуѣ существовалъ еще на улицѣ Гарибальди кафе-ресторанъ, „Concordia“, помѣщавшійся въ старинномъ палаццо съ внутреннимъ садикомъ, гдѣ давали замѣчательное апельсинное мороженое и кормили вообще отлично. Къ сожалѣнію, теперь этого славнаго кафе-ресторана уже нѣтъ.

Въ фабричномъ городѣ Vienne, на Ронѣ, въ то время какъ я обѣдалъ въ лучшемъ ресторанѣ,—помню, вошли въ ресторанъ два солдата въ полотняной рабочей казарменной одеждѣ, т. е. какъ будто въ одномъ грязномъ нижнемъ бѣльѣ, заказали себѣ тонкій обѣдъ, и, какъ были въ грязной одеждѣ, въ кэпи на головахъ,—сѣли за столъ.

Изъ Гренобля ѣздилъ въ дилижансѣ по живописной долинѣ Graisivaudan въ Uriage-les-bains, гдѣ останавливался въ гостинницѣ Monnet.

Вмѣстѣ съ ліонскими товарищами сдѣлалъ я нѣсколько экскурсій.

Такъ, зимой 1876 года со Штернбауеромъ предпринялъ поѣздку въ Парижъ. Остановились мы въ Hôtel de Bavière, гдѣ, по случаю морозовъ, ночью спали въ фуражкахъ и накрывались пуховиками. Осматривая кладбище Père-Lachaise, мы проваливались въ снѣжныхъ сугробахъ. Чтобы отогрѣться, часто забѣгали въ кофейни. Выходя изъ театра Vaudeville, увидѣли мы, что люди и лошади падаютъ: оказалось, что, пока мы были въ театрѣ, сдѣлалась гололедица. По дорогѣ въ гостинницу встрѣтился намъ господинъ, спускавшійся на конькахъ съ Монмартровскаго бульвара. Съ трудомъ дошли мы до своей гостинницы. Въ эту по-

---

*) По приказу Гальяра была устроена въ Парижѣ, на площади Согласія, двухъэтажная баррикада.

ѣздку мы посѣтили, по совѣту И. П. Гужона, балъ Laborde, въ улицѣ Victoire: въ небольшой залѣ потолокъ и всѣ стѣны были въ зеркалахъ, и танцевали богато одѣтыя и сильно раздушенныя дамы полусвѣта, которыя пріѣзжали на балъ въ своихъ маленькихъ каретахъ.

Въ монастырѣ Grande-Chartreuse былъ я съ нѣсколькими товарищами. Изъ Ліона до Вуарона ѣхали мы по желѣзной дорогѣ. На поляхъ въ окрестностяхъ этого послѣдняго города были разложены для бѣленія знаменитыя вуаронскія полотна. Поужинавъ въ Вуаронѣ, взяли мы дилижансъ до Saint-Lorant-du-Pont. Потомъ отправились ночью пѣшкомъ до самаго монастыря Grande-Chartreuse. Живописная дорога шла между горъ; свѣтила луна и было чрезвычайно сыро отъ множества небольшихъ водопадовъ и бьющихъ родниковъ съ прекрасной водой. Въ монастырь пришли рано утромъ, сильно утомленные. Старикъ привратникъ въ бѣлой рясѣ, съ бритой головой, босоногій и въ сандаліяхъ, отперъ ворота и повелъ насъ въ общую спальню для пріѣзжающихъ, предварительно, по нашей просьбѣ, давъ намъ въ трапезной выпить по рюмочкѣ желтаго шартрёза*). Хотя мы сильно устали, но спали плохо, потому что насъ немилосердно кусали блохи. На другой день, послѣ плохого монастырскаго завтрака, отправились въ обратный путь той же дорогой и тѣмъ же способомъ,—пѣшкомъ, въ дилижансѣ и по желѣзной дорогѣ.

Съ товарищами же былъ я въ Савойѣ, откуда вернулись черезъ Швейцарію въ Ліонъ.

Путешествіе по Савойѣ мы начали съ Aix-les-bains. По озеру Bourget, самому большому во Франціи и воспѣтому Ламартиномъ, сдѣлали днемъ прогулку на пароходѣ, посѣтивъ аббатство Hautecombe, а вечеръ провели въ Казино. Въ Aix-les-bains невольно вспомнился мнѣ романъ Ламартина „Raphaël".

Въ городѣ Шамбери заглянули въ ткацкую мастерскую, въ которой работали шелковый газъ, называемый „gaze de Chambery", а за городомъ побывали въ усадьбѣ „Les Charmettes", гдѣ когда-то жилъ Жанъ Жакъ Руссо, у красивой M-me Warens. Затѣмъ изъ Шамбери по желѣзной дорогѣ доѣхали до городка Аннеси, при озерѣ того же имени. Это озеро вмѣстѣ съ горными озерами во французскихъ Пиринеяхъ—одно изъ красивѣйшихъ во Франціи. Въ Аннеси сѣли въ дилижансъ, который довезъ насъ до подошвы Монблана въ Шамони. Побывавши на нѣкоторыхъ глетчерахъ, тронулись въ путь пѣшкомъ въ Мартини, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Bex. Изъ Bex, мимо Женевскаго озера, вернулись въ Ліонъ.

---

*) Шартрёзъ—бѣлый, желтый и зеленый, дѣлался въ Греноблѣ, гдѣ у картезіанцевъ былъ заводъ. 23 апрѣля 1903 года картезіанцы были изгнаны изъ своего монастыря; потомъ они поселились въ монастырѣ Farneta, близъ Лукки.

Зимой 1878 года мой знакомый по пансіону госпожи Раго,—Леонъ Перре сталъ меня уговаривать вступить съ нимъ въ компанію и открыть въ Ліонѣ коммиссіонерскій домъ. Перре имѣлъ кліентовъ въ Испаніи, куда онъ иногда ѣздилъ. Съ своей стороны я былъ не прочь вмѣстѣ съ нимъ заняться коммиссіонерскимъ дѣломъ и сталъ писать объ этомъ отцу. Въ концѣ-концовъ доводы отца и совѣтъ вернуться въ Москву и вступить въ его дѣло побудили меня отказаться отъ предложенія Перре.

Лѣтомъ 1878 года я оставилъ Варбурговъ и, пробывъ нѣсколько дней въ Парижѣ, чтобы посмотрѣть всемірную выставку, вернулся въ Россію.

Дополненія къ первой части «Воспоминаній».

Въ дѣтствѣ носили мы, мальчики, черные плисовые полушубки, отороченные сѣрымъ бѣличьимъ мѣхомъ, и черные плисовые же сапожки, какіе носили тогда и дамы. Я очень обрадовался, когда мнѣ дали первые кожаные сапожки съ красными сафьянными отворотами; до тѣхъ же поръ мы носили кожаные или прюнелевые башмаки дамскаго фасона.

Утромъ намъ въ дѣтскую давали по чашкѣ чаю съ молокомъ и по круглой сдобной булочкѣ съ кускомъ бѣлаго хлѣба; обглодавши верхнюю корочку булочки, мы опускали булочку въ чашку, предварительно отпивъ немного чаю; затѣмъ клали въ чашку бѣлый хлѣбъ, придавивъ его ложкой; чашку потомъ опрокидывали на блюдце, и получался пирожокъ, называвшійся у насъ тюрей.

Когда обѣдало у родителей много гостей, то насъ, дѣтей, сажали за отдѣльный столъ, что называлось „обѣдать съ музыкантами“.

Отецъ насъ баловалъ. Въ домѣ Херодинова кабинетъ отца находился во второмъ этажѣ, и окно выходило въ садъ. Бывало, весной или осенью, когда мы гуляли въ саду, отецъ бралъ нѣсколько конфектъ, завертывалъ ихъ въ бумагу, привязывалъ на веревочку и опускалъ изъ окна въ садъ, гдѣ мы ихъ подбирали. Возвращаясь изъ гостей, съ обѣда или бала, отецъ всегда привозилъ намъ гостинцы: конфекты, завернутыя въ серебряныя или золотыя бумажки съ картинками или какими нибудь украшеніями, и фрукты. Со свадебъ отецъ привозилъ конфекты въ бѣлыхъ атласныхъ бонбоньеркахъ, украшенныхъ искусственными букетиками флеръ-доранжа.

Изъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя давали намъ въ дѣтствѣ,—только дѣвья кожа и ячменный сахаръ были намъ по вкусу; съ отвращеніемъ принимали мы касто-

ровое масло, которое заѣдали малиновымъ вареньемъ; кастороваго масла въ капсюляхъ тогда еще не знали*). Не менѣе противнымъ былъ рыбій жиръ, которымъ находили нужнымъ насъ пичкать, и который мы запивали мятой. Нашимъ домашнимъ врачемъ былъ докторъ Кноблохъ. Въ 80-хъ годахъ, за однимъ изъ субботнихъ обѣдовъ въ Англійскомъ клубѣ, я увидалъ сидящаго за столомъ старика, очень напоминавшаго канцлера Горчакова. Оказалось, это былъ докторъ Кноблохъ.

Въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ глупыя няньки пугали насъ трубочистами и будочниками. Боялись мы и темныхъ комнатъ, а также боялись подходить къ дядѣ Ивану Петровичу Боткину, у котораго была скверная привычка щипать насъ, дѣтей. Позднѣе отъ матери мнѣ часто доставалось, въ особенности за ошибки, которыя я дѣлалъ въ русскомъ и французскомъ диктантѣ; она диктовала намъ сама. Мать я боялся, потому что она больно била и притомъ куда попало. Отца мы всѣ очень любили; онъ дѣлалъ намъ выговоръ только тогда, когда кто его заслуживалъ, но никогда рука его не поднималась на дѣтей. Плохое отношеніе ко мнѣ матери отчасти побудило отца отдать меня, 10-ти лѣтняго мальчика, въ Выборгъ, въ Бемскую школу, а затѣмъ, 14-ти лѣтняго, — въ Петербургъ, въ пансіонъ Гирста. Я не помню, чтобы отъ матери когда-либо получилъ какой-нибудь подарокъ. Игрушки, картинки, книжки дарилъ мнѣ отецъ или его пріятели (М. Т. Лавровъ, Борхардтъ) и ближайшіе родственники. Дядя Николай Петровичъ Боткинъ дарилъ обыкновенно деньгами. Когда я учился со старшимъ братомъ въ Выборгѣ, то передъ отъѣздомъ нашимъ туда отецъ всегда заѣзжалъ со мною въ Охотный рядъ къ Егорову, гдѣ покупалъ всевозможныя сласти, которыя мы брали съ собою въ школу, и которыми тамъ лакомились. На Пасху отецъ опять присылалъ намъ въ школу большой запасъ разныхъ сластей.

Изъ жизни въ Херодиновскомъ домѣ вспомнились мнѣ два случая.

Однажды насъ, дѣтей, М. Т. Лавровъ повезъ сниматься къ фотографу Мебіусу. Это было первый разъ, что насъ снимали. Передъ самымъ открытіемъ камеръ-обскуры Мебіусъ сказалъ намъ: „вниманіе,—сейчасъ вылетитъ птичка“, вслѣдствіе чего мы открыли рты и вышли на фотографіи съ открытыми ртами.

Какъ-то у насъ всѣ дѣти, кромѣ меня, захворали корью или скарлатиной, и поэтому меня отправили гостить къ дядѣ П. Л. Пикулину, который тогда жилъ съ своей женой Анной Петровной**) на углу Петровскаго бульвара и 3-го Знаменскаго переулка, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ, гдѣ занималъ верхній

---

*) Я зналъ двухъ лицъ, которыя съ удовольствіемъ принимали касторовое масло: товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда Владиміръ Сергѣевичъ Абакумовъ и Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ. Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ Козьма Терентьевичъ послѣ пріема касторовaго масла облизывалъ серебряную столовую ложку.

**) Урожденной Боткиной.

этажъ. Домъ этотъ*) съ садомъ сохранился въ томъ же видѣ и понынѣ. Помню, изъ оконъ этой пикулинской квартиры я видѣлъ иногда эскадронъ жандармовъ, выѣзжавшій изъ сосѣднихъ казармъ, жандармовъ, носившихъ въ то время кивера съ лошадиными хвостами.

Съ отцомъ мы часто ходили въ церковь; отецъ былъ очень набожный. Когда мы жили въ Колпачномъ переулкѣ, отецъ ходилъ къ ранней обѣднѣ въ церковь Успенія (на Покровкѣ) и бралъ насъ съ собой; для этого заставлялъ насъ будить. Въ кунцевскую церковь мы ходили съ отцомъ и матерью, по воскресеньямъ и праздникамъ, къ поздней обѣднѣ. Въ этой церкви обыкновенно читалъ Апостолъ Илья Алексѣевичъ Сусоровъ, товарищъ предсѣдателя московскаго коммерческаго суда, для чего онъ выходилъ на середину церкви.

Въ Кунцевѣ, какъ я уже говорилъ, жила семья Керцелли. Семья эта состояла изъ четырнадцати человѣкъ. Помню, Александръ Ивановичъ Постниковъ (сынъ московскаго врача) вырѣзалъ на скамейкѣ одной кунцевской бесѣдки слѣдующія вирши:

„На скамейкѣ здѣсь сидѣли
Всѣ четырнадцать Керцелли“.

Жила еще въ Кунцевѣ семья Медвѣдниковыхъ. Сама Медвѣдникова была очень полная особа и курила трубку съ длиннымъ чубукомъ. Одна барышня Леткова (какъ я уже сказалъ) вышла замужъ за Н. В. Султанова; другая вышла за художника Константина Егоровича Маковскаго, которому часто служила моделью въ его картинахъ.

Только разъ въ жизни видѣлъ я своего дядю Василія Петровича Боткина, и это было именно въ Кунцевѣ, куда онъ пріѣхалъ къ намъ на дачу. Авторъ „Писемъ объ Испаніи“ жилъ большею частью заграницей, а послѣдній годъ своей жизни въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ. Другой мой дядя, художникъ Михаилъ Петровичъ Боткинъ**), тоже пріѣзжалъ въ Кунцево и, поправляя на берегу Москвы-рѣки мою картинку, показывалъ мнѣ, какъ должно писать масляными красками съ натуры пейзажи. Въ то время Михаилъ Петровичъ жилъ обыкновенно въ Римѣ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, художникомъ Сергѣемъ Петровичемъ Постниковымъ.

Посѣщалъ насъ въ Кунцевѣ Гаврила Павловичъ Прохоровъ, мущина большого роста и тучный. Помню, какъ мы съ отцомъ навѣстили его зимой въ гостинницѣ „Венеція“, помѣщавшейся на Мясницкой, въ домѣ Нилуса***), и какъ

*) Малюшина.

**) Михаилъ Петровичъ былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ Боткиныхъ. На свадьбѣ моихъ родителей онъ несъ образъ.

***) Нилусъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ, какъ игрокъ въ карты, и за свою игру въ карты былъ высланъ Закревскимъ изъ Москвы.

Гаврила Павловичъ разсказывалъ отцу, что утромъ этого дня кто-то зарѣзался въ сосѣднемъ номерѣ. Г. П. Прохоровъ весьма часто повторялъ въ разговорѣ слово: „поняли“, на что отецъ обыкновенно отвѣчалъ: „еще бы“. Однажды на какомъ-то обѣдѣ П. Л. Пикулинъ нарочно устроилъ такъ, что Прохоровъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ, вслѣдствіе чего „поняли“ и „еще бы“ слышались впродолженіе всего обѣда.

Еще припоминаю навѣщавшихъ насъ въ Кунцевѣ: слезливаго старика Акулова, служившаго когда-то въ уланахъ, и пѣвца Булохова.

Въ нашемъ кунцевскомъ саду передъ террасой росла большая липа, подъ тѣнью которой въ хорошую погоду мы завтракали, обѣдали и пили чай. Въ Кунцево приходили изъ Москвы разнощики съ фруктами, игрушками и фейерверками, шарманщики и „петрушка“. Представленія послѣдняго насъ очень занимали. Приводили и медвѣдей. Въ Кунцевѣ не было никакихъ лавокъ, какъ въ другихъ дачныхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются булочныя, колоніальныя, мясныя, зеленныя и другія лавки. Булочникъ отъ Савостьянова изъ Дорогомиловской слободы, впродолженіе всего лѣта, аккуратно каждое утро, несмотря ни на какую погоду, приносилъ на своихъ плечахъ корзину, наполненную разнымъ хлѣбомъ. Въ Кунцево онъ приходилъ, обливаясь потомъ, и отпускалъ дачникамъ хлѣбъ на книжку. Раза два въ недѣлю пріѣзжали изъ Москвы на телѣгахъ со своими припасами мясникъ и зеленщикъ. Рыболовы съ Москвы-рѣки приносили рыбу и раковъ, а крестьяне и крестьянки изъ сосѣднихъ селъ и деревень—цыплятъ, ягоды, яйца, сливки, масло, грибы.

Отецъ держалъ пару извощичьихъ лошадей, на которыхъ ѣздилъ съ дачи въ будни по утрамъ въ Москву, откуда возвращался вечеромъ. Иногда онъ бралъ съ собою кого-нибудь изъ насъ, что доставляло намъ большое удовольствіе. Воскресные и праздничные дни отецъ проводилъ въ Кунцевѣ.

Изъ жизни въ нашемъ домѣ въ Колпачномъ переулкѣ сохранилось въ моей памяти слѣдующее.

Разъ мой отецъ устроилъ обѣдъ исключительно изъ армянскихъ блюдъ, которыя готовилъ у насъ на кухнѣ С. С. Мирзоевъ. На этотъ обѣдъ были приглашены: И. Е. Забѣлинъ, Н. Х. Кетчеръ и П. Л. Пикулинъ. Обѣдъ удался какъ нельзя лучше.

Въ одинъ изъ нашихъ обѣдовъ съ гостями присутствовалъ также пріятель отца, нѣмецъ, фабрикантъ Гильдебрандтъ, изъ Берлина. Услышавъ разговоръ сидѣвшаго въ клѣткѣ попугая, Гильдебрандтъ, хотѣвшій должно быть показать передъ гостями свое знаніе французскаго языка, сказалъ: „c'est le Papagei qui parle“. Отчего многіе изъ гостей едва удержались отъ смѣха.

Въ Колпачномъ переулкѣ бывалъ у насъ также Егоръ Егоровичъ Гикишъ, имѣвшій агентуру шампанскаго, извѣстнаго подъ названіемъ „шампанскаго съ

бѣлой головкой"*). Несмотря на то, что Гикишъ уже 30 лѣтъ какъ жилъ въ Россіи, онъ зналъ по-русски только одни ругательныя слова. Не лучше зналъ русскій языкъ и другой московскій старожилъ, основатель ситцево-набивной фабрики, Альбертъ Осиповичъ Гюбнеръ**). Напримѣръ, онъ говорилъ моему отцу: „ти була тамъ", что означало: „ты былъ тамъ".

Выходящій изъ ряда случай произошелъ въ томъ же Колпачномъ переулкѣ. Дѣло было зимой, и у насъ въ залѣ обѣдали гости. Разговоръ шелъ о директорѣ Мазуринской фабрики—англичанинѣ Сейксѣ, сошедшемъ съума. Разсказывали, что онъ разъѣзжаетъ по Москвѣ. Во время этого разговора раздался звонокъ и вскорѣ неожиданно вошелъ въ залу самъ Сейксъ. Всѣ испуганно переглянулись. Сейксъ же преспокойно подсѣлъ къ нашей родственницѣ Елизаветѣ Васильевнѣ Чичериной, молодой дамѣ цыганскаго типа,—и вдругъ чмокнулъ ее въ щеку. Испуганная Чичерина выскочила изъ за стола и побѣжала прятаться, а за нею побѣжалъ и Сейксъ; повыскочили изъ за стола и всѣ остальные. Не помню уже, какимъ маneромъ выпроводили потомъ непрошеннаго гостя.

Дополню еще о жизни въ Бемской школѣ. Вспоминается мнѣ довольно рискованная шалость, продѣланная однажды нѣкоторыми воспитанниками въ классной. Пустую стеклянную бутылку наполнили свѣтильнымъ газомъ и подожгли, отчего послѣдовалъ взрывъ и осколки бутылки разлетѣлись во всѣ стороны, къ счастію, не причинивъ никому вреда. На шумъ вбѣжалъ въ классную учитель Шрекъ и, разъяренный, бросился на испуганныхъ воспитанниковъ, награждая всѣхъ пощечинами.

На Страстной недѣлѣ, въ хорошую, теплую погоду, подъ начальствомъ примацца Кронгельма старшаго, мы, русскіе, отправлялись на нашей школьной лодкѣ Kanonenboot на какой-нибудь островъ Выборгской бухты, гдѣ пекли картофель и ѣли его съ чухонскимъ масломъ, запивая пивомъ. Картофель пекли по шведскому способу: выкапывали яму, въ которой устраивали костеръ, потомъ на горячіе уголья клали картофель и засыпали его дерномъ; черезъ нѣкоторое время снимали послѣдній и вынимали испекшійся картофель.

Никогда я не пивалъ съ такимъ наслажденіемъ чаю, какъ въ Бемской школѣ, но только не того, который намъ всѣмъ давали, а который мы сами покупали въ лавкѣ вмѣстѣ съ сахаромъ. Этотъ чай пили мы тайкомъ въ классѣ, для чего изъ буфета потихоньку брали стаканы, а чайникъ имѣли свой; кипятокъ приносили сами изъ кухни, и все хранили въ своихъ пультахъ; чай пили въ прикуску.

Послѣ моего посѣщенія Выборга въ 1897 году, я опять пріѣхалъ туда 2 іюля 1911 года. За четырнадцать лѣтъ Выборгъ поукрасился и сталъ походить на

*) Отъ бѣлой смолы, которою было залито горлышко бутылки.

**) А. О. Гюбнеръ былъ эльзасецъ и лицомъ очень напоминалъ маршала Мортье. Альбертъ Осиповичъ былъ женатъ на г-жѣ Алланъ, братъ которой, маленькаго роста и косой, часто сопровождалъ моего отца заграницу. Отецъ называлъ Аллана „паукомъ".

европейскій благоустроенный городокъ; выстроено много домовъ въ новомъ стилѣ, который такъ идетъ къ финляндской природѣ. Впрочемъ, въ центрѣ города сохранились еще узкія улицы и много старыхъ каменныхъ низкихъ домовъ. Старинный городской замокъ на островѣ, старинная круглая городская башня напротивъ рынка, соборъ, русская церковь въ Петербургскомъ форштадтѣ, лютеранская церковь, городскія казармы, Societetshus, Фридрихсгамскія ворота съ крѣпостными валами и рвами, также „Monrépos“—напомнили мнѣ Выборгъ 60-хъ годовъ. Только башня городского замка оказалась покрытою куполообразной желѣзной крышей. Въ мое время эта башня стояла совсѣмъ безъ крыши. На эспланадѣ, противъ городскихъ казармъ, теперь разбитъ прекрасный паркъ съ цвѣтниками: тѣнистыя аллеи липъ, дубовъ, каштановъ и другихъ деревьевъ, а на лужайкахъ клумбы съ цвѣтущими гортензіями, левкоями, штамбовыми розами, шиповникомъ и съ другими цвѣтами. Въ паркѣ выстроенъ кафе-ресторанъ, гдѣ прислуживаютъ гарсоны въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, и гдѣ лѣтомъ по вечерамъ играетъ оркестръ музыки. Въ предмѣстьи Папула прибавилось много новыхъ домовъ. Отъ Бемской школы уцѣлѣло нѣсколько зданій, занятыхъ солдатами стрѣлковаго батальона. Но только изъ главнаго зданія школы, имѣвшаго форму буквы П, сдѣлано три дома: средній и два боковыхъ. Передъ среднимъ домомъ все еще существуетъ прежняя деревянная рѣшетка, отдѣляющая дворъ отъ проѣзжей дороги. На мѣстѣ, гдѣ находился принадлежавшій школѣ садъ съ огородомъ, увидалъ я въ первый разъ недавно выстроенную деревянную полковую церковь. Въ Папулѣ сохранился также домъ Веземана*), деревянный, на гранитномъ фундаментѣ. Домъ этотъ строился еще при мнѣ, и я помню, какъ мы, ученики, лазили въ немъ во время стройки. У сына Зеземана, учившагося въ Бемской школѣ, была сестра, вышедшая замужъ за учителя Рульмана. Припоминаю еще, что за Папуловскимъ мостомъ, близъ гранитной скалы Zuckerhut, была вырыта землянка, въ которую зимой на ночь запирались охотники, и изъ окошечка стрѣляли въ волковъ, для чего неподалеку отъ землянки клали какую-нибудь падаль.

Отъ хозяина гостинницы „Бельведеръ“—К. Эренбурга**) (бывшаго ученика Бемской школы) я узналъ, что вдова директора школы Фердинанда Цейдлера живетъ въ настоящее время близъ Выборга, въ Лавола; учитель Фальтинъ живетъ въ Гельсингфорсѣ, а учитель Дегло умеръ лѣтъ пять тому назадъ, и что въ Выборгѣ живутъ бывшіе ученики Баклундъ и Лихонинъ***). Эренбургъ же сообщилъ мнѣ, что Ида Бемъ въ 1870 году открыла въ Выборгѣ женскій пансіонъ, въ

---

*) Не знаю, кому принадлежитъ этотъ домъ въ настоящее время.

**) Отецъ К. Эренбурга содержалъ въ Выборгѣ гостинницу „Societetshus“, а дядя его былъ врачемъ у Бисмарка.

***) Бывшіе ученики Бемской школы—Альбертъ Альбертовичъ и Петръ Альбертовичъ Кемпе тоже здравствуютъ: первый—одинъ изъ директоровъ Трехгорнаго пивоваренного завода въ Москвѣ, а второй—оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената.

коемъ въ 1875 году числилось 55 воспитанницъ и между прочимъ воспитывалась въ этомъ пансіонѣ сестра Эренбурга. У Эренбурга имѣется шведская книга, гдѣ сказано, что въ 1856 году школа Ивана Бема считалась самой извѣстной въ Выборгѣ; съ 1857 по 1859 годъ директоромъ въ ней былъ Цимсенъ; съ 1860 по 1863 годъ—Ахиллесъ; съ 1864 года—Фердинандъ Цейдлеръ; что въ 1875 году училось у Цейдлера всего 75 учениковъ, и что онъ получилъ отъ финляндскаго правительства субсидію въ 20 тысячъ марокъ.

Бывшій ученикъ Бемской школы Эдвинъ Ивановичъ Спарро былъ такъ любезенъ прислать мнѣ литографію, изображающую виды Выборга и его окрестностей, рисованную съ натуры учителемъ рисованія Бемской школы А. Шпренгелемъ; литографія сдѣлана Гансомъ Вилліардомъ (Hans Williard) и напечатана въ Дрезденѣ у Іоганна Вилліарда. На литографіи изображены слѣдующіе виды съ нѣмецкими надписями: Бемская школа („Das Behmsche Erziehungsinstitut in Papula bei Wiburg"), городъ Выборгъ („Wiburg von den Papula-Felsen"), Папуловскій мостъ („Papula-Brücke bei Wiburg"), скала Zuckerhut („Der Zuckerhut"), Выборгскій замокъ („Wiburgs-Schloss"), мостикъ въ городскомъ саду („Im Stadtgarten") и замокъ „Monrépos" („Schloss Monrépos"). Вверху литографіи надпись: „Zur Erinnerung an Wiburd in Finnland". Издана литографія въ Выборгѣ Вехтеромъ (H. Wächter). Всѣ эти виды нарисованы очень тщательно и, какъ видно, до 1863 года, потому что на литографіи нѣтъ еще сада съ огородомъ, примыкавшихъ къ правому флигелю школы.

У меня также имѣется маленькій фотографическій снимокъ Бемской школы болѣе поздняго времени, подаренный мнѣ сыномъ*) Ф. Цейдлера. На этой фотографіи видѣнъ заборъ, за которымъ находились садъ съ огородомъ.

Холостымъ учителямъ въ Бемской школѣ полагалось по одной комнатѣ, а женатымъ по двѣ. Такъ, у Шредера была комната рядомъ со столовой; Шрекъ имѣлъ комнату въ правомъ флигелѣ, недалеко отъ Шпренгеля. Шпренгель давалъ мнѣ частные уроки рисованія въ своей квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ: спальной и мастерской. У Шпренгеля я рисовалъ первоначально углемъ, а потомъ сталъ писать масляными красками.

Добавлю, что учителя Бемской школы курили изъ бѣлыхъ фарфоровыхъ нѣмецкихъ трубокъ съ длинными чубуками шведскій табакъ, называвшійся „Іевлевапенъ". Многіе воспитанники школы носили на поясѣ финскіе ножи (по чухонски „puko"). Ликеръ изъ мамуры называется по шведски „Akerbärslikör", а по чухонски „Mesimarya likööria". Фамилія первыхъ булочниковъ выборгскихъ кренделей собственно Вайттиненъ, а мы въ школѣ называли ихъ сокращенно Вайти.

---

*) Былъ однимъ изъ директоровъ Трехгорнаго пивовареннаго завода, въ Москвѣ, нынѣ умершій. Другой сынъ Ф. Цейдлера—извѣстный хирургъ, живетъ въ Петербургѣ.

Булочники Вайттиненъ существуютъ и понынѣ въ Выборгѣ, но уже продаютъ свои крендели не въ простыхъ избахъ, какъ прежде, а въ благоустроенныхъ булочныхъ.

Во время моего пребыванія въ пансіонѣ Гирста, встрѣтился я въ Петербургѣ съ двумя бывшими учениками Бемской школы: Хасельблатомъ и Гебауеромъ младшимъ. Оба они работали для практики на машинномъ заводѣ Берда и жили вблизи его, въ грязной квартирѣ; ихъ нельзя было отличить отъ простыхъ рабочихъ, такъ они огрубѣли.

Вспомнилась мнѣ также относящаяся къ тому же времени моя неудачная поѣздка въ Ораніенбаумъ черезъ Кронштадтъ, на дачу къ Фаренгольцамъ. Осмотрѣвъ Кронштадтъ, отправился я въ Ораніенбаумъ, гдѣ не засталъ Фаренгольцовъ: оказалось, что они наканунѣ уѣхали въ Петербургъ. На бѣду, дорогой я издержалъ всѣ свои деньги, а въ Ораніенбаумѣ у меня не было ни одной знакомой души. Хозяинъ, у котораго Фаренгольцы снимали дачу, куда-то отлучился; нѣсколько часовъ пришлось мнѣ ждать его возвращенія; къ тому же я проголодался. Наконецъ онъ явился, сжалился надъ моимъ положеніемъ и далъ мнѣ взаймы немного денегъ, на которыя я могъ купить себѣ бѣлый хлѣбъ и доѣхать до Петербурга въ третьемъ классѣ.

По примѣру учениковъ, готовившихся у Гирста въ Морской корпусъ, вздумалъ и я заказать себѣ въ швальнѣ этого корпуса, у закройщика, голландку изъ синяго, тонкаго сукна и бѣлую полотняную, съ голубымъ воротникомъ. Кромѣ того купилъ я себѣ въ шляпномъ магазинѣ на Васильевскомъ островѣ морскую офицерскую фуражку. Въ этомъ костюмѣ пріѣхалъ я на каникулы домой, въ Колпачный переулокъ. Увидя меня въ офицерской фуражкѣ, нашъ старый чудакъ-лакей отдалъ мнѣ честь.

Перечитывая письма ко мнѣ Р. Н. Гришина, я нашелъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Д. Ѳ. Гирстѣ, В. П. Геннингѣ и П. Ф. Обломковѣ.

Такъ, 14 іюня 1881 года Гришинъ пишетъ:

„Преемникъ Гирста, Гумбертъ, окончательно закрылъ свое заведеніе съ долгами, не расплатившись даже съ учителями (напримѣръ съ Обломковымъ)“.

23 ноября 1882 г.:

„На дняхъ я встрѣтилъ на Невскомъ г. Гирста (онъ занимается какимъ-то коммиссіонерствомъ). Его двѣ племянницы (кажется) misses Tomson*) выросли въ прехорошенькихъ, преаппетитныхъ дѣвицъ, которыхъ я встрѣчаю въ одномъ пріятельскомъ домѣ“.

5 января 1880 г.:

„В. П. Геннингъ получилъ Владиміра 4-ой ст.“.

---

*) Я помню ихъ маленькими дѣвочками, жившими со своей бабушкой въ пансіонѣ Д. Ѳ. Гирста.

26 марта 1882 г.:

„В. П. Геннингъ инспекторствуетъ и толстѣетъ“.

19 октября 1887 г.:

„Геннингъ уволенъ въ отставку (выслужилъ пенсію 800 руб. за 25 л.). Обломковъ пребываетъ весьма бодрымъ и очень медленно старѣетъ“ *).

Благодаря напечатанію первой части моихъ „Воспоминаній“, я узналъ, что у нашей гувернантки Варвары Ардальоновны Эйнвальдъ были сестры, и что бывшій преподаватель псковскаго кадетскаго корпуса, глубокоуважаемый протоіерей Александръ Космичъ Березскій—приходится мнѣ своякомъ.

Вотъ что сообщилъ мнѣ Борисъ Львовичъ Модзалевскій **) о сестрахъ В. А. Эйнвальдъ:

„М. б. Вамъ небезъинтересно будетъ узнать, что сестра упоминаемой Вами гувернантки Вашей В. А. Эйнвальдъ—Полина Ардальоновна—была много лѣтъ компаньонкою и близкимъ человѣкомъ къ А. М. Раевской, рожд. Бороздиной; о ней часто упоминается въ печатающемся теперь IV томѣ „Архива Раевскихъ“; а о другой сестрѣ—Маріи Ардальоновнѣ, впослѣдствіи, по мужу, Гулевичъ,—упоминается въ прилагаемомъ при семъ оттискѣ моего сообщенія изъ дневника А. П. Кернъ (Марковой-Виноградской).“

Александръ Космичъ Березскій написалъ мнѣ слѣдующее:

„Приношу Вамъ свою глубокую сердечную благодарность за память обо мнѣ и за присланную Вами мнѣ свою автобіографію, которую я съ большимъ удовольствіемъ читаю и изъ которой узналъ, что Вы, дорогой мой Петръ Ивановичъ, доводитесь мнѣ родственникомъ не только по Адаму и по племени, но и по свойству. Оказывается, что Вашъ дѣдъ, Петръ Кононовичъ Боткинъ, имѣлъ сестру Пелагію Кононовну Боткину, вышедшую замужъ за Псковскаго купца Семена Ивановича Васильева, отъ которыхъ родился сынъ Николай Семеновичъ—отецъ моего старшаго зятя,—потомственнаго почетнаго гражданина, Леонида Николаевича Васильева. Однимъ словомъ Вашъ дѣдъ былъ роднымъ братомъ родной бабки моего зятя, слѣдовательно Вы ему двоюродный дядя.

„Я радъ, что это открытіе принадлежитъ мнѣ,—давно Вамъ извѣстному лицу, привыкшему издавна любить и уважать Васъ, какъ своего родственника. О своемъ открытіи я заявилъ своему зятю Леониду Н. Васильеву и его семейству, при этомъ Л. Н. заявилъ, что его бабка, Пелагія Семеновна, родомъ дѣйствительно была изъ Москвы, и всѣ заинтересовались моимъ заявленіемъ.

Семенъ Ивановичъ и Николай Семеновичъ Васильевы, купцы 1-вой гильдіи, одинъ послѣ другаго въ теченіи 24 лѣтъ были головами города Пскова ***)“.

---

*) Д. Ө. Гирстъ, В. П. Геннингъ и П. Ф. Обломковъ давно уже умерли.

**) Письмо Б. Л. Модзалевскаго отъ 3 сентября 1911 года.

***) Письмо А. К. Березскаго отъ 14 сентября 1911 года.

Мой братъ Дмитрій Ивановичъ получилъ отъ Дмитрія Николаевича Арцыбашева письмо отъ 25 іюня 1911 года, съ весьма интересными свѣдѣніями о старой Москвѣ.

„Воспоминанія Вашего братца“, пишетъ Д. Н. Арцыбашевъ,—„прочелъ два раза подрядъ съ величайшимъ интересомъ. Начиная съ первой страницы, встрѣтилъ все мнѣ хорошо знакомое, начиная съ дома Херодинова, гдѣ я бывалъ, имѣя дѣла съ управляющимъ. Имѣніе Херодинова недалеко отсюда въ Елецкомъ уѣздѣ. Гостинница Венеція помѣщалась въ домѣ Нилуса, про котораго я слышалъ отъ моего учителя Александра Платоновича Кетова (побочный сынъ Платона Петровича Бекетова), что Нилусъ былъ извѣстный по Москвѣ игрокъ въ карты. Карабинерный оркестръ Гадевальда слыхалъ, а Сакса зналъ лично. На калиберахъ, которые назывались также и гитарами, ѣзжалъ. О будочникахъ, стоящихъ около своихъ будокъ въ киверахъ съ алебардами, и говорить нечего. Читая и перечитывая прекрасныя воспоминанія Петра Ивановича, переселяешься мысленно въ то время, о которомъ говорится. Всѣ записки и воспоминанія всегда интересны для изученія эпохи, обычаевъ тогдашняго времени, костюмовъ, описанія улицъ, домовъ и т. д. На Собачьей площадкѣ былъ домъ, во флигелѣ котораго жилъ А. С. Пушкинъ, потомъ тамъ была портерная, а теперь, пожалуй, вмѣсто флигеля громадный домище. Я съ братомъ, живши въ 1849 году на Молчановкѣ, ѣзжали на своей тройкѣ съ кучеромъ (крѣпостнымъ Дмитріемъ Захаровымъ. Вотъ образецъ стариковской памяти, которая все помнитъ, что было за 62 года тому назадъ и ничего, что было чуть не вчера). Итакъ мы съ братомъ ѣзжали за игрушками къ Ваханскому на Лубянской площади. На Арбатѣ не было не только магазиновъ, но и гдѣ нибудь пріютившейся табачной лавочки. На Арбатской площади, почти противъ булочной Савостьянова, стояла будка *). Гуляя съ нашимъ гувернеромъ В. Ф. Керковымъ ежедневно, будочникъ насъ призналъ и всегда раскланивался. Помню очень хорошо, что древко его алебарды было окрашено въ красный цвѣтъ сурикомъ, а сама желѣзная алебарда очень зазубрена отъ различнаго употребленія. Говорили, что будочницы кололи ими уголь и рубили капусту. Киверъ будочники носили низкій, сѣраго сукна, съ орломъ надъ большимъ козырькомъ. Одна акушерка (Елизавета Васильевна Титова) ѣзжала на практику такъ: садилась на калиберныя дрожки (какъ сама выражалась) *à cheval* т. е. верхомъ, какъ ѣзжали мущины, лѣвую руку упирала въ бокъ, а правая вооружалась большой клистирной трубкой. Это было въ 1866 году. Старческая память удивительна, ее можно сравнить съ прочнѣйшей ручной позолотой, теперь почти оставленной, и съ новѣйшей гальванопластической, которая стираясь не оставляетъ по себѣ даже воспоминанія.

*) У меня хранятся планы церкви св. муч. архидьякона Евпла (что на Мясницкой улицѣ) съ погостомъ и дворами священно и церковнослужителей, 1829 и 1836 гг. На этихъ планахъ видно, что рядомъ съ церковью, на углу Милютинскаго переулка и Мясницкой улицы, была будка. П. Щ.

Например, укажу на картинную галлерею графа Ростопчина, которую я помню выставленную на Садовой, гдѣ теперь дѣтская больница. Какъ странно, я помню даже отдѣльно нѣкоторыя картины. Помню много голландцевъ, маленькихъ, тщательно написанныхъ. Покойный мой отецъ, помню, очень хвалилъ Бергемовъ, которыхъ было нѣсколько картинъ. Много было большихъ итальянцевъ. Все это только и осталось въ памяти. Галлерея эта погибла при перевозкѣ моремъ".

Письма И. Саврасова, 1810 года.

Павловскъ, 1810, Августа 30 дня.

Можешь вообразить, любезной Николай Васильевичь! какое удовольствіе было для меня получить письмо твое отъ 22-го Августа, а особливо узнать изъ онаго что вы доѣхали благополучно; мы весьма много заботились о положеніи любезной Софьи Андреевны; теперь же остается желать щастливаго окончанія ея труда, и какъ мы искренно того желаемъ, то, надѣюсь, ты ето легко представить можешь. Касательно вашихъ молодыхъ людей думаю я, что они и прежде таковы бывали, когда хаживали не à la Titus или Caracalla, а съ Катоганомъ; и виноватъ думаю, что мнѣніе твое о ихъ исправленіи тѣмъ справедливѣе, что основано на собственномъ твоемъ опытѣ. Жаль только, что таковыя стрижи могутъ причинять тебѣ непріятности: всего легче избѣжать ихъ, неуважая ихъ грубости. Я очень хвалю планъ твоей жизни и намѣреніе твое удерживать себя отъ критики; правила сіи основаны на благоразуміи и могутъ быть достаточны къ спокойной и слѣдственно щастливой жизни. Я не знаю никого въ Москвѣ, а люблю ету старуху, какъ родину всякаго Русскаго, и посему завидую твоему тамъ пребыванію; живучи здѣсь, нельзя вообразить, что живешь въ Россіи; куда ни пойдешь больше слышишь иностранной языкъ; поѣдешь, вмѣсто *Богъ въ помочь,* говоришь мужику *Гюве пейве*; возлѣ православной церкви видишь пѣтуха на колокольнѣ; самое даже прекрасное здѣсь строеніе напоминаетъ болѣе Италію, нежели мать святую Русь и белокаменную Москву, гдѣ всякой шагъ представляетъ воображенію какое нибудь знаменитое произшествіе изъ нашей Исторіи. На твоемъ бы мѣстѣ я употребилъ бы послѣдніе лѣтніе дни на пѣшеходство ко всѣмъ таковымъ мѣстамъ, сходилъ бы къ Николѣ на Столбахъ поклониться праху Боярина Матвѣева и пр. а вечера провелъ бы въ чтеніи отечественной Исторіи. Бывши недавно на дачѣ у вдовы В. И. Маркова, мы познакомились съ извѣстной всей почти Москвѣ Галицкою поповною, которая у насъ часто бываетъ, и будучи, противъ обыкновенія, ни мало не злорѣчива весьма мнѣ понравилась своими розказнями; она очень знаетъ матушку твою, тетушку Настасью Петровну, Баркову и всѣхъ про

кого ни спросишь. Не знавши моей связи съ тобой, она мнѣ разсказывала, что сынъ Кат. Петр. женатъ на Немкѣ, и что ета барыня добрая и у всѣхъ въ великомъ уваженіи; я думаю, что ета похвала полститъ тебя тѣмъ болѣе, что она не знала, что говорила сіе лучшему твоему другу; мнѣ по крайней мѣрѣ было сіе весьма пріятно. Изъ нашихъ новостей скажу тебѣ, что мы около половины Сентября поѣдемъ въ Петербургъ, гдѣ пробудимъ цѣлой мѣсяцъ до отъѣзду В-кой Кг-ни въ Тверь; а что дѣлать съ нашими хозяйками, то по сіе время не знаемъ, и сія неизвѣстность крайне насъ мучитъ; думаемъ однакоже, что онѣ получатъ позволеніе ѣхать прямо въ Гачино, куда и Дворъ нашъ прямо изъ Петербурга отправится. Не повѣришь, что дѣлаетъ одна особа; какъ бывала прежде пріятна таковая поѣздка въ городъ, такъ нынѣ я равнодушно туда ѣду. У насъ недавно умерла жена П. П. Ушакова. Въ конной Гвардіи былъ четвертаго дни пожаръ, и говорятъ, что нѣкоторыя изъ комнатъ Ян.... згорѣли. Бабанинъ по сіе время у мѣня не былъ, и я его съ того времяни не видалъ. Васинька мой по пословицѣ: на бѣднаго Макара и шишки валятся. У него бѣжалъ Сенька и унесъ денегъ 175 ру.; однакоже пойманъ и сидитъ въ рабочемъ домѣ; а деньги я ему далъ, когда онъ пожаловалъ ко мнѣ въ Павловскъ. Прощай, болѣе нѣтъ мѣста. Мое почтеніе любезной Софьѣ Андрѣевнѣ и Елиз. Карловнѣ. Дѣтокъ поцѣлуй и пиши чаще вѣрному тебѣ другу И. С.

*) Присемъ и я васъ любезная Софья Андреѣвна благодарю за ваше приписанію, радуюсь очень о благополучномъ вашемъ приезде въ Москву, и отъ души желаю благополучного разрешенія. Совѣтую въ гуляньяхъ вашихъ наблюдать умеренность дабы карабль при спуске не зацѣпился, какъ то со мною случилось. Засимъ пожелавъ вамъ и любезному Ник. Вас. и с малютками добраго здаровья; лишнимъ почитаю просить васъ о не забвеніи меня потому что любя васъ надѣюсь что и вы мне тем же плотите. Поцаловавъ васъ

Преданная къ вамъ П. С.

NB. Я не пишу тебѣ о политическихъ новостяхъ, потому, что ими во все не занимаюсь; читаю Гамбурскія газеты по одной привычкѣ. А скажу только, что молодая Государыня возвратилась изъ вояжа и, по обыкновенію своему, оставила всѣхъ въ восхищеніи. Я ее не видалъ, а говорятъ, что употребленіе морскихъ бань было для нее не безъ пользы. Дай Богъ! Марья Ивановна Карсакова зговорена за Гвар. Драг. Подполковника Лорера.

Душевно поздравляю васъ, любезные друзья! съ новорожденною, которой и желаю во всемъ походить на свою маминьку; а любезной Софьѣ Андрѣевнѣ желаю скораго оправленія отъ слабости и труднаго перехода.

---

*) Приписка другой рукой.

Естьли ты полагаешь, что я писавъ къ тебѣ о Москвѣ, разумѣлъ ея жителей и образъ ихъ жизни, то совершенно справедливо называешь ето химерою; однакожъ будь увѣренъ, что я нимало о нихъ и не думалъ, потому, что нельзя думать, а тѣмъ болѣе судить и писать о томъ, чего не знаешь. Писалъ же тебѣ о Москвѣ въ отношенiи къ ея древности и къ тѣмъ воспоминанiямъ, кои невольно въ умѣ каждаго, свое Отечество любящаго человѣка, рождаются, и писалъ съ тѣмъ, чтобы ты занимаясь сими предмѣтами, могъ не столько тѣрпеть отъ жителей сей Столицы. Въ прочемъ мнѣ кажется, что ты слишкомъ генерально судишь, и я увѣренъ, что въ Москвѣ, какъ и здѣсь, можно составить себѣ небольшой хотя кругъ людей, одинаково съ тобою мыслящихъ, слѣдственно можно и тамъ довольно оградить себя отъ скуки.

Наши молодые В-кiе К-зья не ѣдутъ въ П.бургъ, а отправляются прямо въ Гачино на зиму; Государыня же ѣдитъ съ Вк. К-нею во вторникъ въ Петербургъ; долго ли тамъ пробудетъ, то неизвѣстно. Мы были 15-го Сентября въ городѣ, гдѣ отправляемо было благодарственное молебствiе о побѣдѣ, одержанной надъ Турками, и предъ разводомъ вѣзены были трофеи состоящiя изъ болѣе нежели 200 знаменъ, булавы и ключей города Систовы (кажется). Вѣдя уединенную жизнь, не могу тебѣ сообщить никакихъ новостей; Бабанина виделъ во Дворцѣ на минуту, и онъ мнѣ сказывалъ, что дѣла его довольно хорошо идутъ. Засимъ желая тебѣ всякаго благополучiя, и цѣлуя милыхъ твоихъ малютокъ, остаюсь навсѣгда вѣрной твой другъ И. Саврасовъ.

Павловскъ

Сентября 23, 1810.

*) Величайшее беру участiе любезные Николай Васильичь и Софья Андрѣевна! въ вашей радости и усерднейше поздравляю съ благополучнымъ разрешенiемъ милой Софье Андрѣевны, которой после здѣланной компанiи желаю скораго выздоровленiя, а малютачки добраго здаровья и чтобъ расла на утешенiе своихъ родителей. За симъ желаю вамъ всякаго благополучiя и деточакъ вашихъ цалую а Катю мою фаворитку особено пребуду преданная вамъ

П. Саврасова.

Любезной Николай!

Два твои письма отъ 3-го и 10 Октября мною получены, перьвое въ Петербургѣ, а другое здѣсь. Я былъ въ городѣ съ Пр. Ник. днѣй съ пять отъ 11-го до 16-го Октября, и по благоразумному ращоту пристали у Бибиковыхъ; они намъ были очень рады и угостили насъ всѣмъ, а особливо Ан. Ал., отъ которой я увертывался разными маневрами, и жертвуя, какъ хорошiй мужъ,

*) Приписка другой рукой.

Прасковьею Николаевною, которой головѣ и ушамъ порядочно досталось. Бабанина видалъ я всякой день и познакомилъ съ Пр. Ник.; онъ былъ раза два у Биб. только весьма остороженъ и чливъ; за то у Ян. вымѣщалъ за все; вообрази, я у него нашолъ всѣ Еккартсгаузеновы сочиненія и тому подобныя, которыя онъ не довольно не понимаетъ, да я думаю и не читаетъ. Дѣло его все въ прежнемъ положеніи, и съ етой стороны онъ мнѣ крайне жалокъ. 14-го Октября былъ въ городѣ передъ Дворцомъ на Невѣ великолепной фейерверкъ; а въ Ермитажѣ давали въ перьвой разъ Cendrillon, оперу, музыка Стейбелта и Николо. Въ Персіи мы одержали весьма знатную побѣду, коея обстоятельства мнѣ еще неизвѣстны; знаю только, что Генералъ Маіоръ Паулучи произвѣденъ за сіе дѣло въ Генералъ Лейтенанты. Изъ знакомыхъ нашихъ въ городѣ никого не видалъ почти; а слышалъ, что П. П. Челищеву начало наконецъ щастіе улыбаться; онъ получилъ въ задатокъ за свои деревни, кои, говорятъ, покупаютъ въ казну, 10 т. рублей; и теперь платитъ свои долги. Между прочими присылалъ къ Янковичу узнать, сколько онъ долженъ ему, и очень разсердился, когда тотъ ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ никакого на немъ долга; Бабанинъ же тотчасъ исправилъ все, подавъ ему благой совѣтъ, послать Янковичу въ заменъ долгу одного снигиря. Знавши характеръ П. П. легко вообразить можешь, какъ онъ такой совѣтъ принялъ! Прощай, любезной другъ! Пр. Ник. свидѣтельствуетъ обще со мною свое почтеніе любезной Софьѣ Андрѣевнѣ и почтенной Елисаветѣ Карловнѣ. Дѣтокъ твоихъ цѣлую. Преданной тебѣ другъ И. Саврасовъ.

Гачина.

22 Октября 1810.

Гачина, Ноября 24, 1810.

Извини, что такъ долго тебѣ не отвѣчалъ, любезной Николай! на твое письмо отъ 3-го Ноября, не хотѣлось тебѣ отвѣчать не выполнивъ твоихъ порученій. Изъ оныхъ касательно Вит. скажу тебѣ, что какъ мнѣ въ городъ нельзя было ѣхать, то я рѣшился писать къ нему и получилъ отъ него въ отвѣтъ, слѣдующее: „въ разсужденіи Ник. Вас. скажу вамъ, что дѣло его такого рода, успѣхъ котораго „со всемъ не отъ меня зависитъ, по обстоятельствамъ, довольно ему самому „извѣстнымъ. Однако не мѣнѣе того забочусь я сдѣлать ему угодное посредствомъ „другихъ, и какъ скоро получу, что либо рѣшительное, увѣдомлю его самъ о „томъ“. Итакъ ты долженъ пребыть въ ожиданіи, тѣмъ болѣе, что изъ остальнаго письма его видно, что онъ къ тебѣ совершенно въ тѣхъ добрыхъ разположеніяхъ, какъ и всѣгда былъ. Въ разсужденіи газетъ, по неимѣнію теперь дѣнегъ, я приказывалъ сказать Василью, чтобъ онъ подписался на ихъ, а что я ему заплачу; однако ему не разсудилось здѣлать мнѣ кредитъ; почему и совѣтую тебѣ отписать ему о томъ, а я ему при перьвыхъ деньгахъ отдамъ; мнѣ очень жаль, что я

теперь не могу тебя въ семъ удовлетворить. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Москвы Дьяковъ, и привезъ отъ тебя поклонъ. Муханова и Варвару Дмитріевну видѣлъ, онѣ здѣсь бываютъ пріѣздомъ; у насъ къ Николину дню приготовляется дѣтской балетъ, въ которомъ и Николай мой фигурируетъ; ты не повѣришь, какъ его всѣ фрейлины и придворные любятъ и балуютъ; и онъ съ ними со всемъ безъ чиновъ; такъ какъ репетиція бываетъ всякой день въ Арсеналѣ, то послѣ оной, онъ подходитъ къ Головкину, и просто говоритъ ему, я хочу картофелей, масла съ хлебомъ и сливокъ; а тотъ всѣгда ему велитъ ето все давать. Я думаю, что я тебѣ уже писалъ, что онъ и въ Михайловъ день былъ уже на сцѣнѣ, и когда послѣ оной, Государыня взяла его за руку, и цѣловала, то онъ взявши у нее конфеты, поклонился и сказалъ: я къ мамѣ хочу, и Государыня была такъ милостива, что Сама привела его къ Пр. Ник. и отдала ей съ лестнымъ отзывомъ. Жаль, что другихъ новостей нѣтъ, ибо всѣ другія ты знаешь изъ газетъ. A propos, Камеръ-Юнфера Цетлеръ вышла за мужъ за Гусарскаго офицера Графа Зотова, которой не слишкомъ хорошую имѣетъ репутацію. Прощай, любезной Николай! Любезной Софьѣ Андрѣевнѣ и всѣмъ твоимъ прошу отъ насъ кланяться. Pauline спитъ, и отъ того не пишетъ. Дѣтокъ цѣлую.

Письмо Ѳ. Ушакова изъ Тильзита, 15 марта 1807 года.

Тильзитъ Марта 15-го дня 1807-го.

Что бы мне тебе любезной другъ Николай Васильичь сказать, естли объ томъ что я раненъ, ето будетъ ужь очень старо—и ей ей мне самому правая моя рука до смерти надаела, что то долго очень тянется не туда не сюда. Объ арміи тоже ничего не знаю давно ужь очень отъ тудова, мочи нетъ какъ хочется опять туда, хотя зимнія биву-аки при двенатцати градосовъ мороза по колена на снегу, безъ шалашей и безъ дровъ—и не забавно, но иногда право имели некоторыя свои приятности, а такъ какъ теперь идетъ дело къ весне, то они могутъ быть и забавны. Скажу тебе объ Тильзите городъ очень недуренъ безъ изъятія всіо достать можно, не такъ какъ у насъ даже въ самыхъ лутчихъ губернскихъ городахъ. Объ жителяхъ кроме своего добраго доктора которой сію минуту бывъ у меня и перепугалъ и удивилъ меня, вообрази себе что у него на брюхи повешенъ большой жестяной фонарь потому что по улицамъ ходить темно, я советую тебе повесить трехъ фитильной кенкетъ гораздо святлѣя нежели его выпуклое стекло и сальная свеча въ протчемъ онъ предоброй и преискусной, руку мою мажетъ смолеными мазями—хотя ему и 70 летъ но лечитъ по новейшей методе. Не хотелъ бы но знакомъ съ хозяиномъ своимъ которой

только что по человечески обътесанъ, большой торгашъ лошадми, говоритъ такъ громко что у меня всегда отъ его забавныхъ разговоровъ въ голову стучитъ, онъ ещо имѣетъ даръ в неделю за тобку двухъ печей, съ меня брать по 42 флорина. Здесь жить очень дорого, со всемъ темъ что я более 4-х блюдъ у себя не имею, дневной расходъ мне стоитъ пять рублей, нота-бене серебромъ—изъключая притомъ уталеніе жажды, некоторыя прихоти, людей и лошадей. Здесь есть театръ труппа амбюлантъ, очень недурная, и по прускимъ денгамъ 45-ть копеекъ первое место, правда что въ сарае и безъ полу, и въ увертюръ онаго переднія лавка повалиласъ, дамы ногами къ верху, не одинъ однако пруской офицеръ не кинулся поднимать хотя и есть хорошенкія только носятъ чорныя отласныя плащи, съ большими воротниками на которыхъ насажено безъ щоту пуговицъ, вотъ тебе объ Тильзите, которой со всеми своими прелестями мне уже надоелъ. Мне Розенъ сказывалъ что ты получилъ место не умелъ расказать а назвалъ морскимъ ученымъ коммитетомъ, поетому ты любезной братъ и доволенъ. Такъ какъ вышли намъ всемъ кивера, здѣлай дружбу уведомъ меня пожалоста что стоитъ генеральской и оберъ офицерской киверъ, самой лутчей доброты съ хорошими султанами и со всемъ приборомъ у етова француза шляпника котораго имя я забылъ: то я тебе вышлю денги чтобъ мне и брату Дмитрею купить по киверу, уверенъ что ты моими коммисіями не поскучаешь. Зделай одолженіе напиши какъ вы оба поживаете весело ли вамъ, думаю что теперь пусто. Прощай душевно желаю чтобъ вы были здоровы, а я навсегда весь твой

Федоръ Ушаковъ.

Je baise la main à ma cousine.

Адресовать ко мне писма *такому то* Виленской Губерніи въ местечко Юрбургъ писма доходютъ верно и очень скоро надписывай только на пакетахъ оставлять на почте до присылки, отъ меня отъ сюда туда нарочно ездютъ всякую неделю. Прощай пожалоста не ленисъ и напиши побольше всемъ кто меня ещо вспомнитъ поклонисъ в чесле сихъ уверенъ я Иванъ Алексеичь Прозыревъ и Паликучіи.

Копія съ письма полковника Озерецкова, изъ Берлина, 7 мая 1838 года.

Суббота $\frac{7\text{-го}}{19}$ Мая 1838. Берлинъ.

Сегоднишній день есть одинъ изъ замѣчательныхъ дней моей жизни. Еслибъ я былъ помоложе, то безъ сомнѣнія написалъ бы преобширную статью въ свой дневникъ и даже въ какой нибудь журналъ, на жадное чтеніе любопытной руской публики. Но, къ добру или къ худу, съ отлетомъ лѣтъ бѣжитъ отъ насъ и

поэзія и охота безсмертить себя тисненіемъ своего имяни подъ плохими статьями. Не знаю имѣетъ ли время тоже дѣйствіе надъ всѣми, но надо мною да. И такъ сегоднишній день пусть останется только въ моей памяти и въ этомъ письмѣ, которое на-скоро пишу къ вамъ мои единственные добрые друзья, временные жители Дрездена.

Я видѣлъ сегоднишнею ночью пренепріятныя сны; между прочими вздорами грезъ, мнѣ видѣлось будто бы я плаваю въ тинастой мутной водѣ, очень мѣлкой, въ которой плавало множество мѣлкихъ змѣй. Я проснулся въ 6 часовъ утра. На дворѣ было сыро, дождь накрапывалъ. Противъ обыкновенія я почувствовалъ что желудокъ мой очень разстроенъ и долженъ былъ принять мѣры, чтобы чѣмъ нибудь остановить неумѣренное пищевареніе, такъ что часа черезъ два снова долженъ былъ лечь спать, ибо совсемъ потерялъ силы. Послалъ за краснымъ виномъ и по каплѣ пилъ съ бѣлымъ хлѣбомъ. Это мнѣ помогло немного. Вѣроятно и дурные сны происходили отъ разстройства желудка. *Таковъ человѣкъ.*

Въ 11-мъ часу служитель посольства принесъ мнѣ письмо, отъ Князя Суворова изъ Венеціи, отъ котораго мѣсяца и числа—я понять не могъ ибо Суворовъ написалъ: „$\frac{23\ \text{Мая}}{9\ \text{Іюня}}$“. Это какая-то чепуха; на конвертѣ однако увидѣлъ я печать почтовую съ надписью „Вѣна, 13-го Мая“. Впрочемъ и во всемъ письмѣ нѣтъ ничего дѣльнаго, но оно было для меня очень пріятно, ибо я убѣдился что Князь не забылъ меня и любитъ попрежнему.

Въ 1-мъ часу вошелъ въ комнату ко мнѣ прусской скороходъ съ книгой и спросилъ имѣетъ ли онъ честь говорить съ Полковникомъ Озерецковымъ. На утвердительный мой отвѣтъ онъ очень вежливо доложилъ мнѣ, что Его Величество Король приглашаетъ меня завтрешній день къ обѣду въ картинную галерею.

Между тѣмъ мой Федоръ десять разъ ѣздилъ повсюду узнавать въ которомъ часу изволитъ въѣхать въ городъ нашъ Императоръ, Императрица и Наслѣдникъ. Дождь не переставалъ, но толпы народа не сходили съ площади съ самаго утра. Я все хворалъ и лечился, во второмъ часу отобѣдалъ очень діэтно и часъ дремалъ. Наконецъ въ 3 часа узналъ я, что Государь съ Царицей и Наслѣдникомъ уже близь города. Я одѣлся, сколько могъ пригладился, прибодрился, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ во дворецъ Das alte Schloss. На площади, у подъѣзда и на крыльцѣ толпилось множество любопытныхъ, едва былъ проѣздъ и проходъ. Но русской мундиръ пропускная карта всюду. Я вошелъ во дворецъ и нашелъ тамъ посланника нашего Рибопіера, Свѣтлѣйшаго Князя Ливена, Князя Горчакова, пріѣхавшаго изъ Варшавы и еще четырехъ русскихъ Штабъ Офицеровъ. Всѣ мы прежде собрались въ одной залѣ, ждали тамъ съ полчаса; я познакомился съ Рибопіеромъ, поговорилъ съ Кн. Горчаковымъ какъ

уже съ прежнимъ знакомымъ, и потомъ со всѣми перешелъ въ большую залу, гдѣ были всѣ Прусскіе Генералы, придворныя дамы и офицеры. Русскихъ насъ было человѣкъ 10 или 12 не болѣе. Залы довольно хороши. По случаю сталъ я въ небольшой залѣ къ окну и разговорился по французски съ какимъ-то Прусскимъ Камергеромъ изукрашеннымъ множествомъ орденовъ, мы толковали довольно весело, какъ вдругъ подошелъ къ окну высокаго роста, очень дородный и очень неуклюжій Генералъ въ зеленомъ мундирѣ съ синимъ воротникомъ въ голубой лентѣ, лысый, съ головою убѣленною сѣдинами и ставъ между мною и Камергеромъ обратился ко мнѣ съ обыкновенными фразами о погодѣ. Я отвѣчалъ ему, что худая погода не мѣшаетъ народу стоять съ утра на площади въ надеждѣ увидѣть Императора и Короля. Онъ подтвердилъ это и сказалъ: посмотрите пожалуста какое множество смотритъ изъ оконъ, жаль очень жаль, что мокро. И еще послѣ нѣсколькихъ подобныхъ словъ Генералъ отошелъ отъ окна, а я спросилъ у Камергера: съ кѣмъ имѣлъ я честь говорить?—„Это Король Ганноверскій“ отвѣчалъ онъ мнѣ. Вотъ неожиданность! Думалъ ли я быть въ Берлинѣ и говорить съ Ганноверскимъ Королемъ! Знаю, знаю, вы уже упрекаете меня зачѣмъ не сказалъ Его Величеству о дѣлѣ Пашиньки и ея наслѣдствѣ. Но я не зналъ, что это Король. Простите.

Послѣ пяти часовъ отворились двери въ залъ и съ большаго подъѣзда вошелъ въ залу Его Величество Прусскій Король ведя подъ руку Свою Царственную дочь Русскую Царицу. Она была въ шалѣ и шляпкѣ. Минуты черезъ двѣ вошелъ за нею Государь въ Прусскомъ синемъ фелдмаршалскомъ мундирѣ съ желтой лентой черезъ плечо, а потомъ черезъ минуту Наслѣдникъ въ такомъ же мундирѣ. Царь разкланялся съ нами и Прусскими офицерами очень благосклонно и прошелъ въ другія залы для Него назначенныя. Не видавъ своего Графа я думалъ что просмотрѣлъ его, но совсѣмъ нѣтъ, его тутъ не было и потому я поспѣшилъ скорѣе изъ дворца, тотчасъ нашелъ свою коляску и поскакалъ въ домъ Посланника. Это сдѣлалъ я очень кстати, ибо вслѣдъ за мною когда только вошелъ я въ комнату Графа, онъ подъѣхалъ въ дорожной своей каретѣ къ воротамъ. Онъ поцѣловалъ меня три раза и замѣтилъ, что я будто бы похудѣлъ или остригся очень коротко. Я отвѣчалъ что здоровье мое точно плохо и что мнѣ надобно быть въ Маріенбадѣ. Поѣзжай и поѣзжай туда скорѣе сказалъ онъ, это тебѣ необходимо. Я замѣтилъ что у него нѣтъ ни кого изъ Адъютантовъ. Сахчынскій и Львовъ пріѣдутъ ко мнѣ сказалъ онъ, а тебѣ надобно быть на водахъ. Послѣ того Графъ осмотрѣлъ свою квартиру, въ которой будетъ жить съ нимъ и Графъ Нессельроде, раздѣлся, посадилъ меня и толковалъ со мною объ разномъ болѣе получасу. Въ короткое время многое сдѣлано и сказано. Завтра въ 9 часовъ я буду опять у него. Пока простился я съ моимъ безподобнымъ начальникомъ, онъ одѣвался и поѣхалъ къ Царицѣ а я возвратился до-

мой, довольный днемъ и всѣмъ и всѣми, даже желудокъ мой поправился. *Таковъ человѣкъ*. Представте мое удивленіе: только хотѣлъ сѣсть въ коляску, простившись съ Графомъ вдругъ передо мною—Кудрявскій! Вмѣсто Кн. Горчакова пріѣхалъ онъ курьеромъ, а Князь лежитъ больной его вдругъ сложилъ въ постѣли гиморой. Это ужасно. Когда я вошелъ въ свою комнату и началъ писать это письмо, то Кудрявскій вошелъ ко мнѣ потолковать и вручилъ мнѣ письмо, еще сюрпризъ—отъ Софьи Францовны. Она получила посылку отъ Струве—и все будетъ сдѣлано. У Ник. Иван. и Груши умерла дочь! У Иван. Иван. Голубова умерла жена въ родахъ! Когда Кудрявской ушелъ, то мнѣ принесли еще письмо —отъ Кн. Гор. изъ Вѣны. Бѣдный Князь, онъ очень встрѣвоженъ. О суета! суета! Князь точно болѣнъ. Вотъ мой сегоднишній день. Произшествій и новостей множество. Теперь уже 9 часовъ вечера, на площади передъ окнами моими множество народа и цѣлый полкъ военныхъ музыкантовъ собрались къ зорѣ. Сей часъ пріѣхалъ Гр. Орловъ. Завтра у него буду. Это письмо пошлю завтра къ вамъ а завтрешній день буду описывать завтра вечеромъ. Не двигайтесь съ мѣста. Я все сдѣлаю, ибо хочу чтобы все было хорошо, чтобы съ Божьей помощью дѣла наши пришли въ хорошій бытъ. Цѣлую васъ всѣхъ троихъ. Будте здоровы.

Кудрявскій пріѣхалъ хлопотать насчетъ дома, который мы видѣли въ Теплицѣ. Скажите пожалуста отъ чего отъ васъ не имѣю я еще ни одного письмеца—а я уже три дня въ Берлинѣ. Здоровъ ли Саша? Я боюсь когда онъ ѣздитъ въ коляскѣ, ибо часто дверцы бываютъ заперты худо и можетъ случиться бѣда. Буду писать послу и Кн. Гор. въ Вѣну.

Воскресенье еще любопытнее но я пошлю описаніе завтра или послѣ завтра; я имѣлъ счастіе быть представленъ Императору Императрицѣ и Наслѣднику. Послѣ раскажу. Здѣсь червонцы ходятъ очень худо 2 и 3 гроша—не болѣе. Съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда Сахчынскаго и Львова. Привезутъ ли они мнѣ денегъ? А безъ того бѣда; впрочемъ займу если нужно у Графа и поѣдемъ въ Маріенбадъ лечиться.

Письма Мих. Мерчанскаго къ отцу, во время Севастопольской кампаніи.

Ростовъ на Дону.

1854-го Года Февраля 25-го дня.

Вотъ и еще одинъ городъ Ростовъ на Дону, а отъ Васъ нѣтъ ни вѣсточки милый другъ мой Папаша, не знаю чему и приписать молчаніе Ваше; изъ писемъ Nastasie и Ивана Николаевича Кромина я узналъ, что Вы не ѣздили въ Петербургъ и Слава Богу здоровы—укрѣпи Создатель Ваше здоровье. Пишите пожалуйста

Папаша, Вы не повѣрите, какъ грустно, вдали отъ родины, не получать извѣстія, отъ дорогихъ сердцу.

Изъ письма моего послѣдняго къ Nastasie, Вы вѣрно знаете, что наша офицерская форма мало отличается отъ солдатской: у насъ бѣлыя фуражки и солдатскія шинели. Въ слѣдствіе этого полку велѣно было сдать каски въ Ростовѣ, я былъ посланъ въ передъ и очень довольный своею командировкой, въ Среду на Маслянницѣ, прибылъ въ Ростовъ и тотчасъ же нашелъ родныхъ князя—это прекрасный человѣкъ Иванъ Степановичь Короводинъ, отставный Кавказскій капитанъ, у него прекрасное семейство: двѣ дочери и сынъ. Они меня приняли какъ близкаго роднаго. Завтра я уѣзжаю, ибо полкъ выходитъ.

Намъ присланъ дополнительный маршрутъ до Тифлиса, немного ускоренный и вотъ города, въ которыхъ мы будемъ: Марта 14-го Ставрополь, 24-го Георгіевскъ, Апрѣля 5-го Владикавказъ, 14-го Душетъ, 17-го Тифлисъ.

Въ каждомъ изъ нихъ я буду ходить на почту, въ ожиданіи Вашихъ писемъ.

Недавно у насъ въ арміи разнеслось извѣстіе, которое можно считать формальнымъ, опишу Вамъ его какъ слышалъ: Турки не могли понять своего пораженія, для нихъ Кадыкларская битва окружена чудесами. Передъ нашимъ переходомъ чрезъ р. Арпачай, пограничные турецкіе жители видѣли сіяющій крестъ, въ самой срединѣ неба.

Теперь въ Карсѣ разсказываютъ, что во время сраженія передъ нашимъ войскомъ шла бѣлая женьщина, вся въ сіяніи съ пальмой въ рукѣ и по бокамъ ея два воина, тоже въ сіяніи: куда она не обращала свою пальму, вездѣ Турки, объятые страхомъ бѣжали. Въ Европейской Турціи тоже воинъ участвовалъ въ атакахъ нашихъ. Множество Турокъ бѣжитъ къ намъ и желаютъ креститься. Вотъ какія чудеса творитъ Богъ.

У насъ въ припасахъ неимовѣрная дороговизна по дорогѣ, я получаю 12 р. с. въ мѣсяцъ фуражныхъ на три лошади; а едва обхожусь 15-ю прокормить пару, а нужно купить другую верховую и я рѣшительно не знаю, что дѣлать. Если бы была возможность передать Вамъ мою верховую лошадь, Вы бы не разстались съ нею. Но мнѣ жаль ее, она не привыкла къ походамъ, дурному корму и быть безъ присмотра, а въ походѣ нѣтъ возможности лелѣять ее и чистить каждый день. Къ тому же у насъ никто не хочетъ идти въ деньщики, не желая отстать отъ фронта въ военное время, а на вѣстовыхъ и Якова, несмотря на стараніе ихъ, плохая надежда. Теперь только я убѣдился, что безъ двухъ человѣкъ опытныхъ людей—горе въ походѣ, имѣя двухъ лошадей. Да еще нужно купить другую верховую въ Ставрополѣ,—такъ слѣдуетъ по положенію.

26-е Февраля. Полкъ нашъ сейчасъ приготовился къ выступленію, но пріѣхавшій курьеръ привезъ извѣстіе, что полку велено остаться въ Ростовѣ и ожидать особаго разпоряженія, что будетъ неизвѣстно и мы будемъ ждать какія будутъ

приказанія. Сегодня я получилъ отъ Nastasie письмо, въ которомъ она пишетъ, что Вы 25-го Генваря выѣхали въ Петербургъ. Жду Вашего отвѣта адресуйте его въ Ростовъ, а ежели бы вышли то письмо перешлютъ къ мѣсту нахожденія.

До свиданія милый Папаша—благословите преданнаго Вамъ сына

Михаила.

Братьевъ цѣлую, а сестрицу Лизавету Львовну въ ручки. Спѣшу не опоздать на почту—это письмо взято мною съ почты,—съ цѣлію извѣстить Васъ о нашей новости.

Поздравляю Васъ Папаша съ наступившимъ постомъ и принятіемъ Св. Тайнъ. Увѣдомьте пожалуйста Папаша не говорилъ ли Вамъ Петръ Ив. Пановъ о желаніи своемъ взять меня въ адьютанты.

Екатеринодаръ.

1854-го года Апрѣля 3-го дня.

Суббота 6-й недѣли Великаго поста.

Поздравляю васъ съ наступающимъ Праздникомъ Святаго Воскресенія, Милый Папаша, дай Богъ Вамъ встрѣтить и провести Его въ совершенномъ здоровьѣ и счастіи.

Мы на походѣ теперь изъ Ростова въ постъ Андреевскій, гдѣ предназначено нашей Бригадѣ, въ полномъ составѣ стоять лагеремъ.

Богъ знаетъ долго ли мы можемъ простоять здѣсь, авось Богъ поможетъ и намъ найдутъ дѣло. Поговариваютъ, что намъ придется на Свѣтлый Праздникъ повстрѣчаться съ Горцами, солдаты наши горятъ нетерпѣніемъ доказать, что у насъ на Руси и резервные корпуса не хуже дѣйствующихъ. Жаль только, что съ этими хищниками не придется помѣряться силами въ чистомъ полѣ, а вѣрно какъ разбойники они будутъ изъ за куста бить насъ людей прямыхъ, идущихъ смѣло на опасность. Вся надежда на Всемогущаго, онъ намъ помощникъ.

Здѣшніе старожилы не запомнятъ такого года, какъ нынѣшній, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ у нихъ бывалъ сѣнокосъ, а вчера выпалъ у насъ снѣгъ въ четверть и завтра мы будемъ на бювуакахъ дневэть. Въ первый день Свѣтлаго Праздника намъ суждено придти въ постъ Андреевскій и разговляться будемъ на походѣ. Пишите пожалуйста мнѣ Папаша, адресуя въ Черноморье въ постъ Андреевскій и въ какой полкъ.

Вотъ Вамъ наше житье-бытье день въ походѣ, вѣчеръ въ хлопотахъ, ночь отдыхъ.

Яковъ цѣлуетъ Ваши руки и Слава Богу, по своимъ силамъ, служитъ хорошо и кланяется всѣмъ своимъ.

Въ письмахъ къ братьямъ поцѣлуйте ихъ за меня, а писать къ нимъ не могу, ибо нѣтъ минуты лишней.

Прощайте неоцѣненный папаша благословите нѣжно-любящаго и цѣлующаго Ваши ручки сына Михаила.

Грегоріусовымъ, Сулимовымъ, Боголѣповымъ и всѣмъ знакомымъ мой поклонъ и домашнимъ тоже.

У дѣдушки, Бабушки и Тетенекъ цѣлую ручки, а Дяденекъ цѣлую.

Виноватъ Папаша, что такъ мало пишу право нѣтъ времени.

Г. Тамань.

Мая 12-го дня.

Милый Неоцѣненный Папаша Христосъ Воскресе. Виноватъ, очень виноватъ предъ Вами въ моихъ рѣдкихъ письмахъ, но право не невниманіе или лѣнь были тому причиной, а незнаніе гдѣ Васъ найдутъ мои письма въ Петербургѣ или Рязани.

Отъ Nastasie я тоже два мѣсяца не получалъ писемъ и потому былъ въ страшномъ недоумѣніи на Вашъ и ея счетъ и вотъ причина что я медлилъ; но постараюсь исправиться и буду писать очень часто.

Съ Краснымъ яичкомъ Богъ послалъ мнѣ радость я произведенъ въ Поручики и назначенъ Бригаднымъ адьютантомъ. 3-го Мая пріѣхалъ къ намъ Бригадный Командиръ Ген. Маіоръ Любимовъ, а Леонидъ Яковлевичъ Щировскій произведенъ въ Маіоры. Генералъ спросилъ у Ген. Куртьянова кого бы назначить, онъ прямо сказалъ на меня, а Щировскій подтвердилъ, что это было желаніемъ Петра Ивановича. Любимовъ назвалъ меня и поздравилъ, а я его зналъ прежде: мы служили въ одномъ корпусѣ и онъ прежде служилъ въ Галицкомъ егерскомъ полку.

У Щировскаго я купилъ лошадь, 7-ми лѣтъ, Донской мѣринъ, 3-хъ вершковъ, рыжій, съ чрезвычайнымъ бѣгомъ и скачкой, да къ тому же новый мундиръ, Вальтрапъ, Чепракъ, Каску съ султаномъ, сюртукъ новый, аксельбанты, эполеты все съ лошадью за 225 р. с., а свою верховую продалъ Генералу Любимову. Теперь имѣю сносныхъ здоровыхъ лошадей, да кормъ дорогъ. Щировскій взялъ очень дешево все это новое, а оно стоитъ въ двое.

Мы теперь стоимъ въ Черноморьѣ въ Г. Тамани чрезвычайно дурномъ но приморскомъ почти при 2-хъ моряхъ Черномъ и Азовскомъ. Горцы насъ не трогаютъ, а мы ихъ, слѣдовательно—довольно тихо проходитъ время. Но мы ждемъ непрошенныхъ гостей Англичанъ и Французовъ вотъ этихъ мы примемъ радушно свинцовой солью и желѣзнымъ хлѣбомъ.

Прощайте милый Папаша благословите нѣжнолюбящаго Васъ Сына Михаила. Всѣмъ домашнимъ мой поклонъ. Роднымъ и знакомымъ тоже.

Адресъ мой: въ Черноморьѣ, въ Г. Тамань, Бр. адьютанту 1-й Бригады 17-й пѣх. дивизіи Мерчанскому.

Мая 26-го 1854-го Года.

Г. Тамань.

Письмо Ваше Неоцѣненный Папаша отъ 1-го Мая, получено было мною 22-го, не нахожу словъ выразить Вамъ, за него, мою благодарность, хоть заочно цѣлую крѣпко, крѣпко Ваши ручьки.

Не буду оправдываться предъ Вами, ибо изъ письма Вашего вижу, что, въ бытность Вашу въ Петербургѣ, Вы двухъ изъ моихъ писемъ не получили: одно, адресованное въ Рязань, на имя Петра Ивановича Боголѣпова, другое на имя Ѳеди въ Петербургъ. Теперь постараюсь поправить старое, частыми письмами,— перепискѣ моей вѣрно не помѣшаютъ враги нашего милаго Отечества: Французы, Англичане и Черкесы.

Въ прошломъ письмѣ я увѣдомлялъ Васъ о назначеніи меня Бригаднымъ Адъютантомъ, вчера прочелъ я въ Высочайшемъ приказѣ еще одну радость, для нашего семейства: 11-го Апрѣля Митя и Андрюша произведены въ Подпоручики,— теперь прошу насъ догонять у кого достанетъ силъ: я Поручикъ и Бригадный Адъютантъ, а они Гвардейскіе Подпоручики. Да это только цвѣтки, а ягодки будутъ, когда Богъ поможетъ намъ побѣдить враговъ Отечества. По милости Божіей я очень доволенъ, новою своей должностью. Бригадный Командиръ Иванъ Егоровичь Любимовъ, кажется очень хорошій начальникъ, очень ко мнѣ внимателенъ и ласковъ, рекомендовалъ меня недавно Атаману, который самъ Рязанскій уроженецъ—ему принадлежитъ Бѣлооснутъ. Теперь я вхожъ, къ такому многозначущему человѣку, какъ Наказный Атаманъ Войска Донскагό, Генералъ отъ Кавалеріи Михаилъ Григорьевичь Хомутовъ 1-й и не по службѣ, а какъ землякъ. Вообще Генералъ, кажется, не любитъ оставлять своего Адъютанта назади, а выдвигаетъ, при каждомъ удобномъ случаѣ впередъ.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я занимаюсь въ Канцеляріи одинъ, безъ милаго друга Леонида Яковлевича Щировскаго и Слава Богу дѣло идетъ, какъ нельзя быть лучше. Дай Богъ здоровья Михаилу Ивановичу Куртьянову онъ обо мнѣ далъ чудную атестацію Бригадному Командиру, сказавъ между прочимъ, что я лучшій офицеръ въ полку, для исполненія моей должности и потомъ, когда я его благодарилъ онъ сказалъ, что это была его обязанность сказать правду.

О военныхъ дѣйствіяхъ у насъ ничего не слышно и вѣроятно, ежели мы не дождемся незваныхъ гостей Англичанъ и Французовъ, то Осенью пойдемъ въ экспедицію въ Горы. Впрочемъ о насъ, въ военное время, такъ близкихъ къ театру Войны, ничего положительнаго сказать нельзя, каждый день нужно ожидать особыхъ приказаній. Во всякомъ случаѣ пока адресуйте въ Г. Тамань—въ Черноморье. Пожелавъ Вамъ Папаша всего лучшаго въ мірѣ и испросивъ Вашего драгоцѣннаго благословенія, цѣлуя Ваши ручки, остаюсь

Покорнымъ Вамъ сыномъ—Михаилъ.

Поздравляю Тебя съ пріѣздомъ Милый другъ и братъ Кокоша, большое merçi за благословеніе Твое, которое вмѣстѣ съ драгоцѣнной монеткой, мною получены. Награди тебя Господи за постоянную Твою нѣжно-братскую любовь и дружбу ко мнѣ. Дай Богъ, чтобы Твое здоровье поправилось и возвратясь, я бы могъ Папашу и Тебя и Nastasie, найти совершенно-здоровыми. Чтобы я далъ, чтобы теперь въ кругу Васъ моихъ душекъ обновить эксальбанты; но скажу откровенно долго не высидѣлъ бы съ Вами денька два, три да и поѣхалъ бы показать новую форму Дунечкѣ, пусть мой другъ, Милая Мамаша Nastasie, возьметъ на себя трудъ познакомить Тебя съ нею. Жду отъ Тебя съ нетерпѣніемъ слѣдующаго письма, чтобы слышать Твое мнѣніе о миломъ для меня предметѣ. Ты вѣроятно погостивъ въ Рязани познакомишься съ семействомъ милаго Ивана Николаевича Кромина и найдешь случай видѣть Eudoxie. Ежели мнѣ несуждено быть ея мужемъ, то пускай хоть братомъ, для такого брата, какъ Ты, можно уступить. Прости мнѣ бредъ, я разсуждаю, такъ какъ судятъ о вещи, а не о лицѣ, и притомъ такой, на которую имѣютъ несомнѣнныя права.

Поцѣлуй за меня Милыхъ друзей Nastasie и Эльку, въ эту почту не пишу къ нимъ—жду отъ нихъ грамотки. Меня отъ души радуетъ, что Nastasie исправилась и не болѣетъ.

Поклонись душа моя Боголѣповымъ, поздравь Кузину, Грегоріусовымъ, Сулимовымъ, Горетовскимъ и Кроминымъ. У Бабушки, Дѣдушки, Тетенекъ цѣлую ручки, дяденькамъ кланяюсь. Домашнимъ мой поклонъ и Якова тоже. Цѣлую Тебя Адъютантъ 1-й Бригады 17-й пѣхотной дивизіи Поручикъ Мерчанскій.

Прости *за шалость.*

1854-го Года Іюня 24-го.

Г. Керчь.

Сейчасъ только вернулся изъ командировки: ѣздилъ на Южный берегъ Крыма, безцѣнный Папаша и милый другъ Коко. Генералъ былъ назначенъ отряднымъ командиромъ изъ Феодосіи въ Тамань, а прежде того изъ Тамани въ Феодосію и я былъ командированъ для разныхъ казенныхъ порученій на курьерскихъ, въ Ялту. Очень жалѣю, что порученіе было дано мнѣ съ подорожной на курьерскихъ, а Южный берегъ Крыма такъ хорошъ, что право не усталъ бы и пѣшкомъ пройти эти 200 верстъ; какая разница опять эта Черноморія, съ своими песками и малообразованными казаками. Но что же дѣлать въ военное время, въ дѣлѣ войны, изчезаютъ частности,—утѣшая себя этимъ я безропотно иду на почту, два раза въ недѣлю, получать казенные конверты и каждый разъ является надежда получить что нибудь и для себя, съ милой родины.

Вотъ Вамъ милые друзья мои Папаша и Коля въ кратцѣ образъ жизни мой, что Богъ дастъ въ будущемъ, а теперь, по милости Божіей я очень счастливъ.

Вотъ жаль ни одной схватки не было, довольно часто въ морѣ видимъ непріятельскія суда, но наши негостепріимныя, чугунныя пушки, кажется служатъ имъ немалой помѣхой подойти къ берегу,—все кончается тревогой, къ которымъ намъ не привыкать стать.

Жаль, ежели до Осени не увидимъ джентелеменовъ, тогда пойдемъ въ горы—смерти не боюсь, но въ чистомъ полѣ пріятнѣе ее встрѣтить нежели изъ рукъ разбойника-Горца, стрѣляющаго изъ за куста. Впрочемъ зачѣмъ думать о будущемъ, когда настоящее такъ хорошо. Прощайте Милый Папаша—благословите на враговъ, покорнаго и нѣжно-любящаго сына—Михаила.

Коля, Тебя душка цѣлую безъ счету.

Душка милый дружочекъ Nastasie, прости меня милая Мамаша, что я не пишу Тебѣ больше, видитъ Богъ некогда, усталъ и жарко,—дай пріѣхать радость въ резиденцію мою Тамань, по полученіи отъ Васъ, напишу и Вамъ много. Цѣлую Тебя твой другъ и братъ Мишка. Embrasez donc mon frère et votre mari.

Недавно получилъ я отъ милаго Ивана Никол. письмо, онъ въ разлукѣ еще болѣе и дороже меня цѣнитъ, сказавъ, что грѣшно такъ много думать о Дунечкѣ, когда она этого не стоитъ. Жаль ее утопающую въ болотѣ.

Всѣмъ роднымъ и знакомымъ мой поклонъ и домашнимъ тоже. Адресуйте пока попрежнему въ Тамань. Яковъ цѣлуетъ Ваши ручьки.

На дняхъ ожидаю утвержденіе мое Адъютантомъ, форма у меня готова.

Іюля 23-го

1854 Года Д. Тубичекъ.

Третьяго дня мы перемѣнили квартиры, Милый Папаша и милый другъ Коля, т. е. въ военное время, когда съ нетерпѣніемъ ждешь непріятеля, о квартирахъ никто не заботится, а тѣмъ болѣе лѣтомъ въ Крыму, гдѣ степи необозримыя; а Генерала назначили Начальникомъ отряда, составляющаго главный резервъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму.

Лагерь нашъ расположенъ на большой полянѣ около деревни Тубичекъ. Штабъ стоитъ въ самой деревнѣ, которая по названію только русская, а тамъ русскихъ никого нѣтъ все татары. Генералу, мнѣ и дежурству отвели лучшія квартиры—это сырыя катухи и въ нихъ въ буквальномъ смыслѣ ни кола;—сегодня я ѣздилъ за 10-ть верстъ просить 8-мь штукъ мебели, для себя и Генерала.

Что сказать Вамъ о нашихъ дѣйствіяхъ: къ несчастію нечего, все ждемъ и недождемся. Каждый день придумываютъ новыя развлеченія, для незванныхъ гостей, на случай, ежели пожалуютъ, да что то тяжелы на подъемъ: хлѣба соли не хотятъ откушать. Вчера получено было извѣстіе со всѣхъ пунктовъ въ Крыму что непріятеля нигдѣ не видно въ Черномъ морѣ. Авось Богъ дастъ миръ, однихъ уже проучилъ Царь Батюшка. Прикажетъ идти на другихъ, намъ и это съ руки.

Мы теперь всего въ 46-ти верстахъ отъ Керчи, слѣдовательно письма Ваши адресуйте въ Керчь, а оттуда перешлютъ въ лагерь подъ Аргиномъ.

Что то Ваше межеваніе и постройка домика около Церкви—это все, безъ сомнѣнія, интересуетъ меня, такъ давно неполучавшаго Вашихъ писемъ.

Прощайте Неоцѣненный Папаша и Милый другъ Коля.

Благословите Папаша нѣжно любящаго Васъ сына

Михаила.

Лагерь при Аргинѣ.

1854-го Года Августа 11-го.

Поздравляю Васъ неоцѣненный Папаша съ принятіемъ Св. Тайнъ, Вы вѣроятно говѣли въ этотъ постъ, и съ наступленіемъ праздника Успѣнія Пресвятой Богородицы. Съ какимъ чувствомъ вспоминаю я прошлый годъ, какъ въ это время я съ Вами ходилъ въ церковь, говѣлъ, какъ провожалъ Васъ къ Аннѣ Григорьевнѣ—все это живо представляется въ моей памяти и служитъ мнѣ предмѣтомъ для единственной молитвы: о дарованіи Государю Императору побѣдъ и возвращеніи моемъ на родину, нашедшимъ всѣхъ здоровыми.

Какъ я Вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ нашъ отрядъ стоитъ въ 45-ти верстахъ отъ Керчи около почтовой станціи Аргинъ на срединѣ дороги между Феодосіей и Керчью. О непріятелѣ ничего не слышно, наши казацкіе разъѣзды нѣсколько дней уже не видали ни однаго непріятельскаго судна. Бываетъ иногда, что многіе изъ насъ ропчатъ на судьбу, недавшую намъ возможности состязаться съ врагомъ. Но теперь видимъ, что для наказанія нечестивыхъ поругателей Святыни должны быть избранные Богомъ и самая смерть воина есть Высшая степень награды, для христіанина, котораго ожидаетъ вѣнецъ Мученика, въ будущей жизни.

Вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ не получалъ писемъ ни отъ кого изъ Васъ дорогихъ моему сердцу.

Я не писалъ Вамъ еще, что 13-го Іюля послѣдовалъ Высочайшій приказъ о назначеніи меня Адъютантомъ 1-й Бригады 17-й пѣхотной дивизіи и къ новой должности едва привыкъ, какъ явилась еще къ прежней новая обязанность отряднаго Адъютанта, и только пошли Богъ здоровья, а дѣла довольно.

17-го Августа. Письмо было прервано въ половинѣ фразы и я былъ посланъ на слѣдствіе, вернувшись продолжаю. Я Слава Богу здоровъ, но Генералъ какъ то болѣетъ, нога болитъ, да и полѣчиться нѣтъ времени — все долженъ разъѣзжать.

Вотъ къ Вамъ Папаша моя просьба: помните ли Вы того солдата, который жилъ у Бориса Фил. Михайлова,—Евдокимова, онъ теперь смотритъ за моими

лошадьми и просилъ позволенія переслать свое письмо съ моимъ, а то его не доходятъ, къ Исленьеву передать, а тамъ найдутъ.

Яковъ мой цѣлуетъ Ваши ручки, онъ здоровъ. Пожелавъ Вамъ всего лучшаго и испросивъ Вашего благословенія, остаюсь

Вамъ покорный сынъ Михаилъ.

Всѣмъ знакомымъ мой поклонъ и домашнимъ тоже. Хоть бы Коля написалъ.

Бювуакъ
на рѣкѣ Качѣ, близь Бахчисарая.
1854-го Года Сентября 14—15-е.

Милый Неоцѣненный Папаша, 3-го Сентября мы вышли изъ Аргина или Тубичека гдѣ стояли лагеремъ, для соединенія съ главнымъ (резервомъ) отрядомъ войскъ, подъ командою Князя Меншикова, *стоящаго около С. Бурлюкъ на рѣкѣ Алмѣ.* 8-го въ день Рождества Пресвятой Богородицы у насъ было чрезвычайно жаркое дѣло съ Французско-Англійскими войсками и много не стало между нами храбрыхъ товарищей. Изъ Вашихъ знакомыхъ и рязанскихъ убиты Ив. Степ. Токошь, Перовъ отца его Вы знаете. Ранены командиръ полка Генералъ Куртьяновъ, двое Тютчевыхъ, Зоворзинъ, Исленьевъ. Вообще изъ строя выбыло въ Московскомъ полку раненыхъ и убитыхъ до 800 чел. Дѣло было чрезвычайно жаркое мы стояли подъ сильнымъ огнемъ ихъ морской артиллеріи и войска оказали столько мужества стоя болѣе двухъ часовъ подъ убійственнымъ огнемъ. Въ настоящее время стараемся отвлечь непріятеля отъ морскаго берега, что будетъ для нихъ весьма невыгодно, какъ неимѣющихъ подъемнаго обоза. Подъ о мной убили лошадь и другую только я сѣлъ ранили. Не смѣя приписывать силамъ человѣческимъ, которыя называютъ храбростью, ибо кто былъ хладнокровенъ совершенно, тотъ обязанъ особенному милосердію Божію. За то на другой день когда я подошелъ къ полку общая признательность товарищей и солдатъ была мнѣ полной наградой. Были минуты особенныя, когда пули, картечь и гранаты сыпались, какъ дождь, около меня, прежде три раза ранило убитую лошадь, а я цѣлъ,—*наконецъ осколкомъ оторвало* саблю. Но заступники мои Чудотворецъ Николай и Архистратигъ Михаилъ видимо спасали подъ кровомъ своимъ меня. Вотъ Вамъ въ кратцѣ дѣло которому подобнаго не запомнятъ старики. Каждую минуту мы готовы къ бою и ежели Вамъ суждено меня видѣть милый Папаша, то не иначе, какъ побѣдителемъ. Вѣрьте Папаша, что, въ подобную минуту, когда каждый думаетъ предстать предъ Высшаго судію, сердце открыто и оно билось всегда теплою сыновнею любовью къ Вамъ. Такъ благословите же меня на жизнь со славою или смерть благородную честную—воина-мученика, жертвующаго послѣдней каплей крови съ словами „отечество и Царь для меня все.“ До свиданія.

Вашъ сынъ
Михаилъ.

Дайте Nastasie прочесть съ Братомъ мое письмо обоихъ крѣпко цѣлую, грѣхъ имъ не писать ко мнѣ четыре м-ца.

Когда будете писать въ Питеръ поцѣлуйте братій. Коля вѣрно уѣхалъ.

Яковъ кланяется всѣмъ и я тоже. У матери Яковъ проситъ благословенія. Не знаю скоро ли дойдетъ мое письмо, посылаю на удачу.

Простите, что такъ дурно пишу, минуты нѣтъ свободной. Да и усталость много мѣшаетъ. Кудринскимъ грѣхъ молчать.

28-го Октября.

Г. Севастополь.

Въ ту же минуту отвѣчаю Вамъ, Безцѣнный Папаша на письмо Ваше отъ 2-го Октября. Не нахожу словъ выразить Вамъ мою радость, при полученіи этаго письма; Богъ услышалъ мою грѣшную молитву и я дождался радостнаго письма отъ Васъ, теперь я и умру, (ежели Богъ приведетъ за Отчизну) спокойно, зная, что я всѣми любимъ, а тѣмъ болѣе Вами.

Сраженіе на Альмѣ началось въ полдень и продолжалось до шести часовъ, по полудни. Съ 5-го Октября мы въ постоянной блокадѣ: непріятель устроилъ батареи на Южной сторонѣ Города и постоянно бьетъ храбрыхъ однослуживцевъ. Не думайте, чтобы мы терпѣли сложа руки, проказы заморскихъ гостей. У насъ тоже устроены батареи, которыя искуснѣе ихъ пускаютъ ядра и бомбы и смерть каждаго изъ нашихъ дорого стоитъ и имъ. Правда, что испортили городъ весьма красивый и богатый прежде и часто снаряды ихъ, ударяясь въ зданія наши, пробиваютъ крыши и наносятъ смерть камнями и осколками, но что же дѣлать,— во всякомъ случаѣ уничтожатъ насъ, на наше мѣсто явятся тысячи и имъ трудно тягатся нанимая войска, а безъ хорошаго жалованья они не поѣдутъ кушать крымскій виноградъ и яблоки. Вотъ уже 24 дня, какъ наша бригада не разувалась, въ Московскомъ полку людей немного болѣе половины, а все, есть случай такъ и пѣсенки поемъ—кормятъ славно и два раза въ день водку даютъ. Чего же лучше нашему Солдату.

14-го и 24-го были у насъ знаменитыя вылазки. Въ первой раненъ командующій бригадою, по болѣзни Генерала, Полковникъ Федоровъ, а во второй убитъ уже вмѣсто его командовавшій Полковникъ Приецлавскій, семейство покойнаго здѣсь и жена съ маленькимъ сыномъ пошла отъискивать трупъ мужа. Но нужно было видѣть, какъ она встрѣтила съ твердостью, драгоцѣнные останки храбраго и добрѣйшаго Николая Гелярича.

На дняхъ пришелъ къ намъ полкъ, которымъ командуетъ Адамъ Ос. Собашинскій—вообразите мою радость: я вчера видѣлъ его и сына его, Адъют. Начальника 11-й дивизіи. Дяденьки Ивана Федоровича нѣтъ при полку, онъ былъ сильно контуженъ въ дѣлѣ при Ольтеницѣ и теперь лѣчится въ Житомирѣ. Я

слава Богу живъ и здоровъ и мы съ милымъ другомъ *Щировскимъ* всегда впереди, но цѣлы пока. Прощайте Папаша цѣлую Ваши ручки— благословите, да буду, осѣненный Вашимъ благословеніемъ крѣпокъ и твердъ на враги Вѣры, Отечества и Великаго Государя.

Сынъ Вашъ Михаилъ.

Щировскій кланяется Вамъ, онъ командуетъ баталіономъ въ Бутырскомъ полку. Тетенковъ тоже поручилъ мнѣ передать его поклонъ.

Севастополь.

1854 Года Декабря 7-го дня.

Безцѣнный другъ мой Папаша письмо Ваше отъ 30-го Октября получилъ я 1-го Декабря и не отвѣчалъ до 7-го, потому что минуты не сидѣлъ дома,—сдѣлавъ до 200 верстъ и все вѣрхомъ, да по какой грязи просто чудо.

Во первыхъ скажу Вамъ, что Вы видите и изъ писемъ моихъ, что я Слава Богу здоровъ и въ доказательство скажу Вамъ радость я получилъ: за храбрость и мужество, оказанныя при бомбардированіи Г. Севастополя, орденъ Св. Анны III-й ст. съ бантомъ; а за 8-е Сентября представленъ въ Штабсъ-Капитаны. Неправда ли, что я здоровъ? больной того не выслужитъ. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

Орденъ я получилъ по представленію своего Генерала, а къ чину меня представилъ Василій Яковлевичь Кирьяковъ, дай Богъ ему здоровья, онъ всегда старается меня отличить передъ другими. Кромѣ всего Василій Яков. рекомендовалъ меня Начальнику Главнаго Штаба Крымской Арміи, въ Старшіе Адъютанты—это все равно, что въ Штатской службѣ Начальникъ Отдѣленія. Но Вы не думайте, что я такъ и буду съ перомъ за ухомъ ходить, нечуть не бывало, какъ тревога у меня конь готовъ. Я очень радуюсь этому мѣсту, оно очень важно, не одинъ Штабъ-Офицеръ желалъ бы занять его.

Получивъ три радости вдругъ я только что вернулся съ дороги, пошелъ тотчасъ въ Церковь и отслужилъ благодарственный молебенъ. Пошли Господи силы и крѣпость перенести достойно тѣ труды, которые будутъ сопряжены съ новою должностію.

Непріятель попрежнему ведетъ осаду Севастополя и вчера, въ незабвенный для всей Россіи день мы побезпокоили его, вылазки не было, но постоянная пальба съ батарей, по работамъ непріятельскимъ. Вечеромъ онъ задалъ намъ фейерверкъ пустивъ до 500 бомбъ въ городъ, но вреда никакого не нанесъ. Вотъ наше препровожденіе времени: дневное занятіе слегка прерывается пальбою, а ночью, которыя теперь довольно темны, славный видъ. Какъ дѣйствуетъ такая масса орудій,—никакой громъ не сравнится съ этой дивной дисгармоніей. Судите, какъ хотите: у всякаго свой вкусъ.

Но довольно объ этомъ, какъ то Ваше здоровье милый Папаша. Скоро ли это перестанетъ Васъ мучить геморой.

У насъ стоитъ прескверная погода, безпрестанные дожди и потому ужасная грязь,—трудно вѣрить въ Россіи, чтобы въ Декабрѣ не было снѣгу.

До свиданія Безцѣнный другъ мой Папаша благословите, нѣжнолюбящаго Васъ и покорнаго Вамъ сына воина Михаила.

Адресъ хорошъ, только вмѣсто Симферополя пишите въ Севастополь, а ежели будетъ какая перемѣна, то я тотчасъ Васъ увѣдомлю. Перешлите пожалуйста Папаша мое письмо Nastasie, которую вмѣстѣ съ Элькой и Колей крѣпко цѣлую, но не пишу, потому что мало времени.

Письма я всѣ получаю, только нѣкоторыя поздно. Пишите пожалуйста, хоть въ двѣ недѣли разъ или даже въ три; а я въ свою очередь сейчасъ отвѣчу.

Всѣмъ роднымъ, знакомымъ и домашнимъ мой поклонъ. Едва перо держу отъ усталости, а писать много. Яковъ цѣлуетъ Ваши ручки, но здоровье его плохо. Своимъ онъ кланяется.

Г. Севастополь.
1855 года
Генваря 8-го дня.

Безцѣнный другъ нашъ Папаша письмо Ваше, отъ 30-го Ноября получено мною 6-го Генваря. Слава Богу, что Ваше здоровье лучше прежняго. Поздравляю Васъ милый Папаша съ Новымъ Годомъ желаю Вамъ встрѣчать его многіе десятки лѣтъ въ совершенномъ здоровьи.

Вы вѣрно получили мои письма, въ которыхъ я увѣдомлялъ Васъ о полученной мною наградѣ: орденѣ Св. Анны III ст. съ бантомъ*) и о томъ, что я представленъ въ Штабсъ-Капитаны за сраженіе на р. Алмѣ. Послѣдней награды я еще не получилъ, но скоро ожидаютъ, что Свѣтлѣйшій подпишетъ награды.

Я Слава Богу здоровъ и по милости Божіей счастливъ ни въ чемъ теперь не нуждаюсь: содержаніе получаю приличное, да и деньги есть, лошади сносныя, но дорого стоятъ, каждый мѣсяцъ себя съѣдаютъ,—да что же дѣлать нельзя не держать.

Впрочемъ это все нипочемъ, жаль только, что я лишаюсь добрѣйшаго Начальника Ивана Егоров. Любимова; онъ очень болѣнъ и уѣзжаетъ на воды,—кто то будетъ вмѣсто его назначенъ бригаднымъ командиромъ.

На дняхъ поѣхали въ Рязань отъ сюда Обезьяниновы, я очень жалѣю, что не видалъ ихъ: хотѣлось послать поклонъ на родину. Такъ бы и полѣтелъ на почтовыхъ въ милую Рязань; впрочемъ теперь грѣхъ и думать о Рязани, каждый

---

*) за бомбардированіе Г. Севастополя 5-го и 1-го Октября.

изъ насъ необходимъ на своемъ мѣстѣ. Да и какъ поѣхать раненымъ, только тогда уволятъ: лучше же явлюсь предъ Вами въ полномъ мундирѣ, съ орденомъ на груди, здоровымъ, готовымъ на первый зовъ Царя Батюшки стать подъ знамена его.

Одно условіе милый Папаша, я уже буду изъ силъ рваться, (такая привычка), чтобы украсили мою грудь, за то пожалуйста тотчасъ меня жените, какъ Богъ дастъ явлюсь къ Вамъ.

Простите за болтовню, съ кѣмъ же не пооткровенничать, какъ не съ Вами. До свиданія Милый Папаша, благословите на враги сына Вашего воина Михаила.

О новостяхъ нашихъ военныхъ не пишу, потому что самъ ничего не знаю; говорятъ много, но я держусь русской пословицы „не всякому слуху вѣрь.“ Думаю, что скоро выгонимъ совсѣмъ непріятеля.

Письма Ваши, о коихъ Вы упоминаете, я получилъ всѣ,—за нихъ крѣпко цѣлую Ваши ручки.

О Юнкерѣ Зенинѣ я не могу сейчасъ увѣдомить, но сейчасъ велѣлъ написать въ полкъ Углицкій форменную бумагу и какъ получу отвѣтъ, то увѣдомлю Васъ. Углицкій полкъ 74 в. отъ Севаст.

Сѣверная сторона Севастополя.
1855 Года Генваря 25-го дня.
Бивуакъ въ укрѣпленіи.

Вотъ Вамъ и отвѣтъ на Ваше милое письмо отъ 17-го Генваря, которое я получилъ 20-го, безцѣнные друзья мои Папаша и Коля. Крѣпко, крѣпко цѣлую Ваши ручки Милый Папаша за гостинецъ, который въ настоящую минуту очень мнѣ пригодился.

На дняхъ получилъ я отъ Феди письмо и 25 р. денегъ, съ Флигель-Адъютантомъ Барономъ Мирбахомъ, Ваша посылка изъ Рязани, да двѣ изъ Харькова отъ скороспѣлыхъ друзей: эксельбанты и эполеты, а въ другой чай. Вотъ какъ милые друзья мои везетъ со всѣхъ сторонъ.

Вы вѣрно получили уже мое письмо, въ которомъ я писалъ Вамъ о полученной мною наградѣ орденѣ Св. Анны III ст. съ бантомъ и о томъ, что я представленъ въ Штабсъ Капитаны за Анну. Говорятъ недѣли чрезъ двѣ выйдетъ чинъ мой, это очень важно, потому что дано будетъ старшинство и я на 6 чел. подвигаюсь впередъ, а въ этомъ чинѣ это очень важно; а обгоню человѣкъ 12-ть.

Мы теперь стоимъ не въ самомъ Городѣ, а на С. сторонѣ, насъ отъ Города отдѣляетъ бухта и каждый выстрѣлъ лишній отдается въ сердцахъ нашихъ.

Писалъ бы Вамъ еще, да новаго ничего нѣтъ, и спѣшу на почту. До свиданія душею Вашъ, просящій Вашего благословенія, покорный Вашъ сынъ Михаилъ.

Колю цѣлую, Nastasie и Эльку тоже. Всѣмъ знакомымъ мой поклонъ и домашнимъ тоже.

2-го Февраля 1855-го года.
Бивуакъ на Сѣверной
сторонѣ Севастополя.

Безцѣнный Папаша письмо Ваше отъ 3-го Генваря получилъ я 30-го того же мѣсяца, благодарю Васъ за поздравленіе съ полученной мною наградою. Велика милость Всевышняго съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда выйдетъ другая и я вторично порадую Васъ; авось тогда Вы совершенно избавитесь отъ Вашихъ тяжкихъ страданій и тогда мнѣ награды будетъ еще пріятнѣе заслуживать.

Въ Севастополь мы пришли 11-го Сентября и простояли четыре мѣсяца слѣдовательно четыре. Всѣ войска въ Севастополѣ стоящія составляютъ Гарнизонъ его: для офицеровъ эта награда служитъ къ пансіону и знакамъ отличія безпорочной службы, также къ ордену Св. Георгія IV-й ст. за 25 лѣтъ; нижнимъ же чинамъ уменьшаетъ сроки службы, къ чистой отставкѣ, безсрочному отпуску и унтеръ офицерамъ къ производству въ Офицеры и въ кандидаты на одну и двѣ трети Прапорщичьяго жалованія.

Не помню хорошо, но къ Вамъ или Nastasie я писалъ объ этой Всемилостивѣйшей наградѣ.

Дѣлъ у насъ пока не было и что Богъ пошлетъ впередъ неизвѣстно, пошли Господи, только быть здоровымъ. Пальба въ Городѣ, то сильнѣе, то совсѣмъ замолкаетъ, смотря по надобности.

Вы интересовались о Дѣдушкѣ и Дяденькѣ. Адамъ Осиповичь командуетъ Селенгинскимъ полкомъ и представленъ въ Генералы за 24-е Октября. Дяденька контуженъ въ дѣлѣ при Г. Ольтеницѣ, въ Большой Валахіи, бывшемъ 23-го Октября 1853 года между Турецкими и Русскими войсками подъ командою Ген. Данненберга. Хотя теперь и лучше дяденькѣ, но онъ цѣлый годъ былъ въ Госпиталѣ, а теперь назначенъ старшимъ Смотрителемъ подвижныхъ Провіантскихъ магаз.

Я сегодня поѣду къ Дѣдушкѣ, ибо онъ стоитъ отъ насъ въ 5-ти верстахъ; но его постоянное вниманіе сокращаетъ и это разстояніе.

Досвиданія милый Папаша, благословите покорнаго Вамъ сына Михаила. Поздравляю Васъ съ принятіемъ Св. Тайнъ, Вы вѣрно говѣли на первой недѣлѣ. Всѣмъ знакомымъ мой поклонъ и домашнимъ тоже.

18-го Февраля 1855-го Года.
Сѣверная ст. Севастополя.

Безцѣнный Папаша изъ послѣдняго письма Nastasie я узналъ, что Вы собирались съ Колей ѣхать въ Москву, спѣшу нѣсколько словъ сказать Вамъ о себѣ, чтобы письмо мое встрѣтило Васъ въ Рязани.

Я Слава Богу здоровъ, время провожу довольно однообразно: небольшая

переписка съ полками и Дивизіей, а остальное время у меня кто нибудь, или я постоянно съ моими любимцами лошадьми. Бываю часто у милаго Дѣдушки Адама Осиповича, который непремѣнно желаетъ писать къ Вамъ, при первомъ, удобномъ случаѣ; а теперь полкъ его строитъ редутъ, въ близи отъ непріятеля. Въ ночи съ 11-го на 12-е этаго мѣсяца непріятель двинулся съ отборными войсками, состоящими: изъ трехъ баталіоновъ Зуавовъ*), 2-хъ б. Венсенскихъ стрѣлковъ, морскаго баталіона и другихъ охотниковъ, составившихъ значительный отрядъ, имѣя въ резервѣ артиллерію, на наши, еще неоконченныя работы, въ редутѣ. Несмотря на превосходство непріятеля и храбрость его наши приняли его батальнымъ огнемъ, а потомъ въ штыки. Три раза онъ пробовалъ броситься на брустверъ, но каждый разъ храбро отражаемый долженъ былъ отступить съ огромной потерей: 8 офицеровъ найдено убитыми, около редута и 4 раненыхъ, а тѣлъ оставалось до 200-тъ. Съ нашей стороны потеря немного болѣе половины непріятеля и 6 челов. офицеровъ ранено.

Вотъ что говоритъ Главнокомандующій въ приказѣ по арміи:

„Относя такой достославный отпоръ отчаяннаго непріятельскаго покушенія, „къ храбрости, хладнокровію и распорядительности общаго Начальника войскъ „въ редутѣ Г. М. Хрущева, мнѣ искренно пріятно поздравить его съ молодецкимъ „дѣломъ, въ которомъ всѣ ввѣренные ему чины оправдали ожиданія Государя „Императора. Объявляю Г. М. Хрущеву мою душевную признательность равно „и командиру Селенгинскаго полка Полков. Собашинскому, мужественно содѣйство-„вавшему успѣху, а также и всѣмъ Гг. Офицерамъ съ честью и достойно испол-„нившимъ долгъ свой, нижнимъ чинамъ мое русское солдатское спасибо.“

Тѣмъ болѣе это дѣло важно потому, что наши имѣли противъ себя цвѣтъ Француз. арміи.

Изъ прошлаго письма моего Вы вѣрно помните, что отъ Г. Севастополя я отдѣленъ бухтою. Но непріятель чрезъ городъ и бухту умѣетъ подчивать насъ ракетами, благодаря Бога безъ большаго вреда для насъ.

До свиданія милый Папаша, благословите нѣжно Васъ любящаго сына и просящаго Вашихъ молитвъ—Михаила.

Яковъ цѣлуетъ Ваши ручки и своимъ кланяется, дай Богъ ему здоровья, онъ служитъ хорошо. Всѣмъ домашнимъ мой поклонъ и знакомымъ тоже. Порученіе Ваше о Бурцовыхъ племянникѣ я не исполнилъ, два раза писалъ и безъ отвѣта, на дняхъ пошлю нарочнаго.

---

*) Африканскіе уроженцы Французы.

С. Коралесъ.

9-го Марта 1855-го Года.

Спѣшу поздравить Васъ безцѣнный Папаша со днемъ Вашего рожденія и Ангела, дай Богъ Вамъ встрѣчать и проводить эти дни въ совершенномъ счастіи, въ кругу насъ, такъ много Васъ любящихъ и старающихся Васъ утѣшать. Вы не повѣрите Милый Папаша, чтобы я далъ и на какой бы подвигъ не рѣшился, чтобы Васъ утѣшить чиномъ Штабсъ-Капитана, но Богъ судилъ иначе: награды за Алму вышли и только раненымъ, да и то не всѣмъ; а насъ, которые по милости Божіей остались невредимы никто и не подумалъ наградить, даже Генералъ Куртьяновъ ничего не получилъ пока. Не ропщу на Бога, онъ милостивъ и мое не пропадетъ, только другого дѣла подъ Алмой не будетъ.

Мы перешли изъ Севастополя въ *Коралесъ*, это въ 25-ти верстахъ отъ Севастополя, на отдыхъ. Въ Севастополѣ я провелъ ровно полгода и такъ, ежели Богъ благословитъ чрезъ 10 л. я кавалеръ ордена Св. Георгія IV-й ст. за 25 лѣтъ, ибо съ Высочайше дарованными правами, я на службѣ Его Императорскаго Величества 15-ть лѣтъ. 7-мь лѣтъ дѣйствительной, годъ кампаніи, годъ Св. Анна III ст. съ бантомъ и 6-ть лѣтъ за Севастополь. Вотъ милый Папаша какія у Васъ дѣти старые служивые.

На дняхъ мы потеряли отличнаго Контръ-Адмирала Истомина, прекрасный начальникъ и храбрый офицеръ; онъ поѣхалъ на новую батарею передъ Малаховымъ курганомъ—ядро ударило ему въ голову и въ моментъ не было и праха отъ нея. Жаль потерять такого прекраснаго Начальника. У него Адъютантомъ нашъ рязанскій Петръ Обезьяниновъ.

Поговариваютъ, что Турція убѣдилась въ неправдѣ своихъ союзниковъ и принимаетъ сторону Россіи,—пора бы за умъ взяться и видѣть, что черно и что бѣло; а то Турокъ и здѣсь два раза поколотили наши.

До свиданія милый Папаша, пишите мнѣ, хоть по нѣскольку строкъ, да пожурите Nastasie, другой мѣсяцъ, а отъ нея ни слова.

Прошу Вашего благословенія и цѣлую Ваши ручки, покорный Вашъ сынъ

Михаилъ.

Я и Яковъ поздравляемъ Васъ съ наступающими Праздниками Свѣтлаго Воскресенія и цѣлуемъ Ваши ручки, а всѣмъ кланяемся.

Христосъ Воскресе

Безцѣнный Папаша и милые друзья мои Nastasie и Элька, отъ души говорю Вамъ это святое привѣтствіе.

Много виноватъ предъ Вами, что не писалъ предъ Праздниками,—минуты не было свободной, теперь я командированъ по разнымъ дѣламъ въ Симферополь и улучшивъ минуту спѣшу поговорить съ Вами.

Я Слава Богу живъ и здоровъ, мы теперь стоимъ на Мекензіевой горѣ,— это въ 15-ти верстахъ отъ Севастополя, по прямой же линіи не болѣе 6-ти. Мѣсто это лежитъ въ густомъ лѣсу и у насъ прекрасные шалаши. Свѣтлый Праздникъ я встрѣтилъ въ общей Церкви: у насъ служили заутреню и обѣдницу, на прекрасномъ лугу и подъ открытымъ небомъ.

Отрядъ нашъ расположенъ почти на половинѣ дороги отъ Балаклавы въ Севастополь, но только въ сторону и непріятелю мы рѣшительно бѣльмо на глазу.

Какъ Пасхаліи въ этомъ году сошлись наша съ западной, то со втораго дня мы стали размѣниваться не яйцами, а ядрами и бомбами. У насъ шуму было очень много и отъ своихъ батарей и отъ непріятельскихъ; но Богъ былъ милосердъ, хранимый Имъ Севастополь устоялъ, выдержавъ, какъ гранитъ, бурю.

У насъ не стало Г. Кирьякова, почти оплаканный и офицерами и солдатами, онъ принялъ запасную дивизію 6-го корпуса. Дивизіон. начальникомъ Г. Веселитской, я прежде служилъ у него въ 2-мъ корпусѣ, онъ пріѣхавъ принялъ меня, какъ роднаго. Мало Генераловъ съ такимъ умомъ и самоотверженіемъ, какъ онъ: Богъ дастъ и дѣло пойдетъ скорѣе. Бригадный мой Г. Гриббе—старый служака и прекрасный человѣкъ, это письмо я пишу у его добрѣйшихъ родныхъ, которыхъ и самъ едва не включаю въ число своихъ за ихъ вниманіе.

4-го Апрѣля 1855 г.

Г. Симферополь.

Какъ только свободная минута напишу къ Вамъ, а теперь до свиданія. Цѣлую Васъ и прошу благословенія. Душею Вашъ Михаилъ.

Авангардъ
на Мекензіевой горѣ.
Апрѣля 20-го 1855-го года.

Христосъ Воскресе

Безцѣнный Папаша, Вы вѣрно получили прошлое мое письмо, въ которомъ я поздравлялъ Васъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ. Мы теперь съ Генераломъ стоимъ въ авангардѣ и ежели Богъ приведетъ намъ быть въ дѣлѣ, то первые вступимъ въ бой съ докучливыми сосѣдями. Мы очень близко стоимъ отъ непріятельскаго лагеря и укрѣпленій на Сапунъ горѣ, долина Черной рѣчки раздѣляетъ насъ; посматриваемъ другъ на друга, но идти одинъ къ другому не рѣшаемся, ибо позиціи обоихъ насъ очень сильны.

Давно я отъ Васъ безцѣнный Папаша не получалъ писемъ и о здоровьѣ Вашемъ ничего не знаю. Милый Дѣдушка Адамъ Осиповичь отличается съ своимъ

полкомъ въ Севастополѣ, сохрани и помилуй его Господи, а трудный крѣстъ онъ несетъ.

Прости милый Папаша, что я мало пишу, но столько времени достало, отправьте эту половину Nastasie, въ отвѣтъ на ея письмо и благословите покорнаго Вамъ сына Михаила.

21-го Апрѣля 1855-го года.
Авангардъ позиціи Мекензіи.

Христосъ Воскресе

Безцѣнные друзья мои Папаша и Коля, вотъ Вамъ и еще письмо, въ отвѣтъ на Ваше отъ 22-го Марта, полученное мною вчера, чрезъ часъ по отправленіи къ Вамъ письма. Отъ души благодарю Васъ за поздравленіе съ Праздникомъ, жаль, что не могу Вамъ послать лекарство отъ спазмъ. Богъ милостивъ, не одинъ я, а всѣ мы ничего не получили. Дня три тому назадъ я получилъ извѣстіе, что нашъ новый Главнокомандующій Кн. Горчаковъ приказалъ всѣхъ удостоенныхъ къ наградамъ представить къ Государю Императору; Царь-Батюшка милостивъ и авось мы получимъ. Награды за Алму вышли, только раненымъ и контуженнымъ.

Вы пишете дружочекъ Папаша, чтобы я не лѣнился писать къ Вамъ, каждая свободная минута и я пишу къ милымъ моему сердцу. Живу и я съ Генераломъ въ лѣсу между двухъ батарей, покрываетъ насъ съ Яковомъ солдатская палатка, слѣдовательно часто и дождь мѣшаетъ писать.

Вставши по утру приготовляю бумаги къ докладу Генералу, отправляю ихъ, читаю новыя и ѣду куда нибудь, почти всѣгда по службѣ. Послѣ обѣда и часть вечера для моихъ милыхъ друзей лошадокъ, изъ коихъ верховая, одинъ изъ первыхъ коней въ арміи; по своей добротѣ и силѣ бѣга. Извините безцѣнные друзья за всѣ эти подробности, любя меня Вы вѣрно съ удовольствіемъ услышите, что у меня такой чудный боевой товарищь-конь.

Новаго у насъ почти ничего нѣтъ: почти безпрерывная пальба и частыя вылазки къ непріятелю, изъ Севастополя, развлекаютъ насъ и даютъ часто случай порадоваться удали нашихъ. Позиція наша великолѣпна видами: съ лѣвой стороны Балаклавская бухта, съ правой Севастополь, передъ нами непріятель на Сапунъ горѣ; но все нельзя сравнить съ видами милой родины. Когда то Богъ дастъ увидѣть ее. Досвиданія Папаша благословите Вашего сына, готоваго пролить по каплѣ кровь за Царя и Отечество, Михаила.

Коко тебя душка тысячу разъ цѣлую, поцѣлуй Папашу за меня.

Яковъ кланяется матери и сестрѣ, а у Васъ цѣлуетъ ручки; онъ такъ привыкъ къ выстрѣламъ, что скорѣе просыпается по зову, нежели по выстрѣлу.

О Г. Пахомовѣ не могъ теперь узнать, а скоро сообщу.

7-го Мая 1855 года.

Позиція Мекензіева гора.

Безцѣнный другъ мой Папаша, вотъ Вамъ и еще письмо изъ окрестностей Севастополя отъ Мишки-воина.

Какъ я вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ, мы стоимъ на Мекензіевой горѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, но двѣ недѣли мы простояли особенно близко къ нимъ: Генералъ мой Николай Карловичь Гриббе былъ начальникомъ Авангарда и я тоже былъ въ авангардѣ. Колонны непріятельскія были постоянно слѣдимы нами, Яковъ видя движенія ихъ тотчасъ предупреждалъ меня. Теперь я стою опять на Мекензіевой горѣ, Генералъ заболѣлъ и вмѣсто его въ Авангардѣ Командиръ 2-й Бригады нашей дивизіи, а Бригадою командуетъ Командиръ Бутырскаго полка. Мекензіева гора лежитъ въ густомъ дубовомъ лѣсу и крутые скаты ея, обращенные къ непріятелю дѣлаютъ ее неудобовосходимою; точно также по другую сторону долины, чрезъ Черную рѣчку, Сапунъ гора, на которой лагерь непріятеля,—крута и всѣ тропинки, какъ и у насъ, обстрѣливаются съ батарей. Кажется нельзя взять, а велятъ возьмемъ, такъ надоѣли намъ нехристи. Стоя въ авангардѣ я только разъ попался подъ непріятельскій огонь изъ штуцеровъ, когда осматривалъ передовые посты казачьи. Но Богъ милостивъ и я невредимъ.

Скажите пожалуйста милый Папаша Тетенькѣ Катишь Левашевой, что Прапорщикъ Пахомовъ убитъ въ дѣлѣ на Алмѣ. Онъ служилъ въ егерскомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полку и за нѣсколько дней передъ дѣломъ его произвели въ Офицеры, но онъ не зналъ этаго и былъ какъ Юнкеръ въ дѣлѣ.

Я кажется писалъ Вамъ, что добрѣйшаго Василья Яковлевича Кирьякова нѣтъ у насъ, онъ командуетъ резервной дивизіей нашего корпуса; у насъ теперь тотъ самый Генералъ Веселитской, о которомъ такъ много говорилъ Вамъ Петръ Ив. Пановъ. Мнѣ опять судьба встрѣтится съ прежнимъ Начальникомъ и дай Богъ ему здоровья, онъ очень внимателенъ ко мнѣ; а я въ свою очередь употреблю всѣ силы заслужить это.

Досвиданія Милый другъ мой Папаша благословите нѣжно-любящаго Васъ сына

Михаила.

Авось я получу что либо за Алму, Главнокомандующій велѣлъ опять представить, ахъ, какъ лестна награда, которой видитъ Богъ вполнѣ стоишь.

Бабушкѣ, Тетенькамъ, Дѣдушкѣ цѣлую ручки, а дяденькамъ кланяюсь.

Всѣмъ знакомымъ мой усердный поклонъ, въ особенности: Сулимовымъ, Горетовскимъ и Грегоріусовымъ. Домашнимъ тоже. Яковъ цѣлуетъ Ваши ручки, а я цѣлую Фимушу.

31-го Мая
1855 года.
Г. Симферополь.

Безцѣнный Папаша и милый другъ и братъ Коля, послѣднее письмо Ваше, котораго нѣтъ со мною я получилъ 20-го Мая. Вы извѣщаете меня дорогой Папаша о производствѣ Мити въ Поручики, душевно радуюсь, дай Богъ; въ Гвардіи это важно, шагъ къ Полковому Командиру, каждый чинъ. А что касается до меня, то о производствѣ моемъ въ Штабсъ-Капитаны, ничего нѣтъ достовѣрнаго.

Вотъ уже третій день я въ Симферополѣ, командированъ съ Мекензіевой горы, по разнымъ служебнымъ обстоятельствамъ и только сегодня имѣю немного времени поговорить съ Вами.

Мы теперь очень въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля, онъ занялъ противоположный берегъ Черной рѣчки и рѣшительно не даетъ намъ покоя, но вѣрно подойдутъ войска и у насъ будетъ дѣло на славу. Недавно дивизіонъ непріятельской кавалеріи напалъ на секретъ Московскаго полка, состоящій изъ 25 чел. нижнихъ чиновъ и однаго офицера. Московцы, окруженные непріятелемъ, построились въ кучку и въ продолженіи часа отступали по немногу къ своимъ батареямъ. Трое убиты были на мѣстѣ, тринадцать челов. и офицеръ изранены; одинъ получилъ 22 раны и не однаго нѣтъ менѣе 6-ти. Нужно было видѣть ихъ геройское презрѣніе къ жизни, во время операцій, тогда только можно судить каковы эти молодцы. Орденъ Св. Анны III-й ст. украсилъ грудь героя офицера, 2 знака военнаго ордена и 75 руб. сер. розданы въ награду нижнимъ чинамъ.

Посылаю Вамъ грамоту на Высочайше пожалованный мнѣ орденъ, сохраните ее до моего прибытія.

Послѣднее время у меня чрезвычайно болятъ зубы, такъ что я не знаю, что дѣлать боюсь съума сойти, такъ сильна боль, что заниматься ничѣмъ не могу.

Разцѣловавъ Ваши ручки и цѣлуя Колю, остаюсь покорный Вашъ сынъ Михаилъ, просящій благословить его на враги.

Роднымъ, знакомымъ и домашнимъ мой усердный поклонъ.

17-го Іюня 1855-го года.
Авангардъ на Мекензіевой горѣ.

Вотъ уже третья недѣля, Безцѣнный Папаша, какъ я не бесѣдовалъ съ Вами: въ это время я очень много терпѣлъ отъ моихъ зубовъ. Въ прошломъ письмѣ моемъ изъ Симферополя я описывалъ Вамъ мои мученья, но при первой возможности я выдернулъ зубъ и въ эту же ночь былъ на службѣ простудился и ревматизмъ во всей лѣвой части головы не даетъ мнѣ покоя. Вчера я сталъ спать по ночамъ и сегодня взялъ перо, чтобы перемолвить съ Вами нѣсколько

словъ. Не думайте Папаша, чтобы рапортовался больнымъ, у насъ не въ модѣ иная болѣзнь, кромѣ раны и мы всѣ строго слѣдуемъ этой модѣ.

Мы съ Генераломъ опять въ авангардѣ, третій день какъ у насъ сильные дожди, едва можно писать все мокро и сыро.

Дѣла наши Слава Богу очень хороши, непріятель присмирѣлъ, такъ его отдѣлали подъ стѣнами Севастополя. У нихъ потери съ 26 Мая до 30 тысячь, а у насъ едва ли четвертая часть противу ихъ.

Прибывшія войска весьма порадовали меня ибо пришелъ полкъ, въ которомъ Григорій Петровичь Звегинцевъ. Говорить нечего, что мы встрѣтились какъ братья: я тотчасъ же заплатилъ ему старый долгъ и росписку, взятую у него обратно, посылаю къ Вамъ, для спокойствія Вашего. Теперь дышу спокойно никому и не гроша не долженъ. Несмотря на болѣзнь мою мы видаемся почти ежедневно съ Григоріемъ Петровичемъ и какъ вышло, то совсѣмъ не сомнѣніе получить съ меня долгъ заставляло его напоминать мнѣ, а добрые люди, кои всегда любятъ мѣшаться не въ свое дѣло.

Коротковъ дѣйствительно есть у насъ въ Московскомъ полку, при производствѣ его я издержалъ такъ мало на него, что совѣстно безпокоить его отца, котораго если увидите, то благодарите за его признательность.

Прощайте безцѣнный Папаша, поцѣлуйте за меня Колю, Федю, Митю и Андрюшу, цѣлуя Ваши ручки и прося Вашего благословенія, остаюсь

Вашимъ сыномъ
Михаилъ.

У Варвары Осип. и Екатер. Дмитр. цѣлую ручки и всѣмъ кто меня помнитъ кланяюсь.

Дана сія, 1850 Года Октября 7-го дня, Штабсъ-Капитану Полоцкаго Егерскаго полка Звегинцову, въ томъ, что я дѣйствительно остаюсь ему должнымъ 75 рублей серебромъ.

Прапорщикъ Мерчанскій.
Московскаго Пѣхотнаго Полка.

Деревня Сюртамъ въ
10 верстахъ отъ Мекензіевой
горы.
1855-го Года Іюня 26-го дня.

Никогда я не писалъ Вамъ безцѣнный Папаша такого грустнаго письма. Богу угодно было испытать меня слишкомъ тяжелою, для меня потерею: взять моего милаго Якова; въ 7-мь часовъ утра онъ заболѣлъ сильною холерою и въ ½ десятаго вечеромъ его не стало,—видитъ Богъ, какъ тяжело потерять того,

кто несмотря на молодость свою, былъ всѣмъ у меня и поваръ, и прачка, и казначей, а подъ часъ и кучеръ. Но да будетъ его Святая воля. У меня есть казенный деньщикъ, жившій въ Петербургѣ у Петра Дмитріевича Норова, кажется хорошій малый, но онъ собственно для лошадей, а я все таки безъ прислуги. Ежели можно безцѣнный Папаша пріищите купить собственно лакея, а я вышлю Вамъ деньги; ко мнѣ его легко переслать. Ежели найдете въ 200 р. с., то покупайте, а въ деньгахъ не станетъ съ моей стороны. Въ настоящее время нельзя имѣть прислуги болѣе однаго деньщика, которому съ тремя, а иногда четырьмя лошадьми очень трудно управляться. Вѣстовымъ, при безпрестанныхъ моихъ поѣздкахъ, трудно довѣрить свои вѣщи.

Вы вѣрно догадались, что за причина заставила меня за 10 верстъ уѣхать отъ Мекензіевой горы—зубы, которые въ послѣднее время я простудилъ и у меня сдѣлался ревматизмъ во всей лѣвой сторонѣ; но только будетъ легче уѣду отсюда, гдѣ все такъ напоминаетъ мою потерю.

Я обращаюсь къ прежнему опять своему горю: мой милый Яковъ 24-го въ 6-ть часовъ утра поставилъ самоваръ и приготовилъ мнѣ умыться; просыпаюсь онъ говоритъ „у меня животъ болитъ"; ему даны были капли, поили мятой, клали горчичникъ; ничего не помогло. Въ продолженіи дня испытали все, что медицина и искуство докторовъ могли придумать, но все безуспѣшно. Какъ во все время онъ былъ въ полной памяти, то я послалъ за священникомъ, но пріобщать Св. Тайнъ не могли, препятствовала рвота. Онъ исповѣдывался въ полной памяти, ему прочли отходную, онъ все понималъ и во все остальное время ни на минуту не забывался. За полчаса предъ смертью ему стало легче, я думалъ, что онъ заснулъ, только сталъ самъ дремать, фельдшеръ говоритъ, что онъ скончался; вообразите положеніе мое больнаго, нетерявшаго до послѣдней минуты надежды на его выздоровленіе. Помолясь отъ души Богу о его душѣ, я тутъ только понялъ, какъ я много лишился въ немъ. Не говорю о томъ, что я къ нему привыкъ, да и онъ вѣдь зналъ каждую мою мысль. Впрочемъ сожалѣю не я одинъ о немъ, но каждый, кто только знаетъ меня, каждый отъ души желаетъ ему Царствія Небеснаго, за его услужливость и кротость.

О дѣлахъ нечего писать, ибо послѣднее время ничего особеннаго не было; пальба, какъ съ нашихъ, такъ и съ ихъ батарей, день слабѣе, а когда они замышляютъ новыя работы, то сильнѣе. Кажется обѣ арміи, стоя одна противъ другой, глазами пожираютъ одна другую, готовясь по первому знаку вождей бросится другъ на друга. Но въ томъ то и вся сила, что вожди благоразумнѣе насъ и ежели ждутъ, то недаромъ, а ежели бой будетъ, то едва ли не послѣдній, въ этой войнѣ. Нашъ Главнокомандующій, своею осторожностію и дальновидностью, едва ли уступитъ Кутузову; а приказанія его съумѣемъ исполнить; въ остальномъ Богъ поможетъ тѣмъ, которые съ вѣрою въ Него стоятъ за правое дѣло.

Пожурите пожалуйста Папаша Nastasie, какъ ей не грѣхъ такъ долго не писать, я съ своей стороны несмотря на зубную боль, все пишу да пишу, и радость и горе все пополамъ.

Жду съ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта, увѣдомьте о человѣкѣ, а въ противномъ случаѣ, хоть нанимать, такъ круто приходится мнѣ теперь.

Прощайте Безцѣнный Папаша, цѣлуя Ваши (ручки) и прося Вашего благословенія, остаюсь Вашъ сынъ Михаилъ.

Колю, Nastasie и Elkou цѣлую, скоро буду писать къ нимъ.

Всѣмъ знакомымъ мой поклонъ и домашнимъ тоже. У Якова остались пять рублей серебр., теперь нѣтъ случая переслать мнѣ Вамъ ихъ, отдайте матери и сестрѣ пять рублей, а я какъ буду въ городѣ Вамъ перешлю ихъ.

22-го Августа 1855 года.
Мекензіева гора, близь
Севастополя.

Безцѣнный Папаша письмо Ваше отъ 23-го Іюля получено мною 20-го Августа; Слава Богу хоть поздно, а все таки я имѣю о Васъ вѣсточку.

Изъ письма къ Настеньки Вы вѣрно знаете, что 4-го Августа Богъ сподобилъ меня быть въ дѣлѣ съ Непріятелемъ и дѣлѣ весьма кровопролитномъ; но какъ и въ прошлыхъ дѣлахъ Богъ явилъ чудо, оставивъ меня по благости своей, совершенно невредимымъ; несмотря на то, что шинель моя вся въ крови и мозгахъ. Черепомъ ударило меня въ грудь и задѣло по бородѣ, раненаго Генерала Гриббе я вынесъ изъ страшнаго огня, которые несли его со мною ихъ убивало; а меня по милосердію своему Провидѣніе бережетъ къ чему нибудь важнѣйшему. Въ такихъ дѣлахъ, какія были въ Крыму, мало личной храбрости, здѣсь необходима вѣра въ св. Промыслъ и сознаніе собственнаго долга, что гораздо лучше умереть, нежели опоздать на одинъ моментъ въ передачѣ приказанія.

Здоровье мое Слава Богу хорошо и я постоянно на службѣ Его Императорскаго Величества. Очень благодаренъ Вамъ за лекарство отъ ревматизма, я и самъ, помня какъ Вы избавлялись отъ этой болѣзни, пользуюсь имъ же. Но могутъ быть случаи осенью въ грязи осенью на бивуакахъ, когда развести огня трудно не только достать зазженную свѣчу; то по совѣту опытныхъ людей я и хочу прикомандироваться къ Генералъ Интенданту въ Провіантскій Штатъ. Ежели Богъ благословитъ это удастся, то здоровье будетъ цѣлѣе, отъ службы не отстану, потому что буду при Арміи же, да и совѣсть покойна потому что я былъ въ жизни моей въ шести дѣлахъ. Ежели Богу угодно будетъ и это исполнится, я тотчасъ же Васъ увѣдомлю.

Что касается до человѣка, то ежели будетъ случай не упускайте его, это очень важно для меня.

Посылку я не получилъ она пропала на почтѣ вѣрно. Въ послѣдній разъ я писалъ Nastasie и послалъ 5 р. Якова матери.

Прощайте милый Папаша благословите Вамъ покорнаго сына

Михаила.

Леонидъ Яковл. Щировскій кланяется Вамъ, онъ раненъ въ обѣ ноги, но кажется неопасно. Колю, Nastasie и брата Илью цѣлую крѣпко.

Безцѣнный Папаша, отъ Nastasie причину по которой я молчалъ нѣсколько времени, а это письмо я не отсылалъ ожидая съ минуты на минуту приказа о наградахъ. За отличіе въ дѣлѣ на Черной *я произведенъ въ Штабсъ-Капитаны*. Дай Господи мнѣ силы и въ будущемъ Васъ утѣшать моими успѣхами по службѣ.

У насъ есть слухъ будто мы идемъ формироваться въ Россію, а людей своихъ сдаемъ въ другіе корпуса на укомплектованіе ихъ. Пошли Господи, чтобы это исполнилось, то то будетъ радость увидѣть Васъ: сколько я Вамъ разскажу о своихъ похожденіяхъ въ Крыму. Что то не вѣрится я такъ приготовилъ себя къ мысли умереть за милую родину, что право невѣроятной кажется возможность видѣть Васъ. Но Богъ милостивъ и мы еще разъ увидимся и никогда не разстанемся теперь мое пришло время ходить за Вами.

Григорій П. Звягинцевъ кланяется Вамъ онъ былъ тяжело раненъ въ руку, хотѣли отнять ее, но Слава Богу онъ неопасенъ теперь и рана хорошо идетъ.

Передайте Папаша мой поклонъ всѣмъ роднымъ, домашнимъ и знакомымъ и благословите Вашего сына Михаила.

Авангардъ Мекензіи.

22-го Августа 1855 года.

Посылку Вашу я не получилъ она пропала на почтѣ.

Мекензіева гора близь Севастополя.

1855 Года Сентября 8-го дня.

Безцѣнный Папаша письмо Ваше отъ 13-го Августа получено мною третьяго дня. Отъ всей души благодарю Васъ за человѣка, котораго Вы пріискали для меня; но скажу откровенно, что сумма эта хотя и небольшая, за хорошаго человѣка— вдругъ выслана быть не можетъ; а частями въ пять мѣсяцовъ я готовъ.

Вы пишете мой милый Папаша, что ежели у меня есть лишнія деньги, то чтобы я ихъ прислалъ къ Вамъ на сохраненіе; но на бѣду ихъ не болѣе 150-ти рублей сер., которые я берегу на случай раны или болѣзни, когда кромѣ жалованья всякое довольствіе прекратится. Было бы болѣе, да амундировка и уплата долговъ взяли у меня до 300-тъ руб. Будьте увѣрены, что каждый изъ насъ братьевъ готовъ отдать все, чтобы только Васъ успокоить.

Вы уже вѣрно знаете, что Севастополь нами оставленъ, но и непріятелю трудно въ немъ согрѣться—груда развалинъ и болѣе ничего. Вотъ, какъ Русскіе принимаютъ гостей непрошенныхъ. Что то Богъ дастъ далѣе, а мы готовы встрѣтить враговъ общественнаго порядка. *У меня времяннымъ начальникомъ Генералъ Маіоръ Гордѣевъ молодой прекрасный человѣкъ и храбрый Генералъ.*

Дождь мѣшаетъ мнѣ писать къ Вамъ письмо, вотъ третій день, какъ у насъ сильные дожди и землянка моя очень течетъ.

Я встрѣтилъ недавно Василья Николаевича Вердеревскаго, онъ теперь въ Крыму. Чрезъ него я и думалъ перейти въ Провіантскій Штатъ; но до пріѣзда Алексѣя Евграфовича, который скоро будетъ въ Крыму, Василій Николаевичъ ничего не будетъ предпринимать.

Миша Енишерловъ дивизіон. Жалонеровъ въ 16-й дивизіи, славный офицеръ; онъ кланяется Вамъ.

Досвиданія. Цѣлую Ваши ручки и прошу Вашего благословенія; сынъ

Вашъ Михаилъ.

Всѣмъ знакомымъ, роднымъ и домашнимъ мой поклонъ. Nastasie и братьевъ Илью и Колю цѣлую, хотѣлъ было писать, да дождь не даетъ.

30 Сентября 1855 года.

Авангардъ Мекензіевой горы.

На дняхъ Василій Титовичъ получилъ отъ Васъ письмо Безцѣнный Папаша. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ грустно было читать его, зная, что причиной этому невниманіе товарища. Снова посыпались на него упреки, да чтоже дѣлать нѣтъ никакой возможности, стоя въ авангардѣ отдать самому письмо на почту, которая отъ насъ въ 25 верстахъ.

Мы стоимъ попрежнему въ близкомъ сосѣдствѣ отъ всей заморской сволочи, въ ежеминутной готовности принять ихъ, какъ умѣемъ. Вы не можете себѣ представить милый Папаша, какъ утомительна авангардная служба, своимъ однообразіемъ, своею невыгодою съ ревматизмомъ и лихорадкою. Но это все бы ничего, только Богъ послалъ бы успѣхъ, въ нашихъ военныхъ дѣлахъ. Лихорадку перенесъ, противъ ревматизма есть фортель—сало; а только бы въ Рязань Иванъ Алексѣевичъ Поспѣловъ вылѣчитъ.

Непріятель ничего особеннаго въ это время не предпринималъ противъ насъ, но часть флота его, вѣроятно съ десантомъ отправилась къ берегамъ Одесы и третій день уже стоитъ въ двѣнадцати верстахъ противъ города.

Въ прошломъ письмѣ моемъ я писалъ Вамъ о томъ, что мы идемъ формировать новый 6-й корпусъ, оставляя нашихъ людей, кромѣ кадръ,—въ другихъ корпусахъ. Но это до сихъ поръ не рѣшено еще, пошли Господи, чтобы это исполнилось, авось удалось бы, хоть на 28-мь дней побывать въ Рязани.

Представьте Папаша недавно я узналъ, что въ Витебскомъ егерскомъ полку былъ сынъ покойнаго дяденьки Степана Федоровича юнкеромъ и въ дѣлѣ 4-го Августа тяжело раненъ, а чрезъ 3-и дня въ Симферополѣ въ Госпиталѣ умеръ. Отъ души жалѣю, что не зналъ я прежде объ этомъ, что онъ въ Витебскомъ полку. Теперь этою Бригадою командуетъ дѣдушка Адамъ Осипов. Собашинскій.

Вы вѣроятно получили теперь письмо мое, въ которомъ я извѣщалъ Васъ о производствѣ моемъ, за отличіе въ дѣлѣ 4-го Августа, въ Штабсъ-капитаны.

Досвиданія Безцѣнный Папаша—благословите покорнаго Вамъ сына

Михаила.

Колю, Nastasie и Илью цѣлую.

Домашнимъ мой поклонъ, роднымъ и знакомымъ тоже.

Авангардъ Мекензіевой горы.
28-го Октября 1855 года.

Несмотря на кучу хлопотъ во все это время Безцѣнный Папаша, спѣшу хоть нѣсколько словъ сказать Вамъ о себѣ: я Слава Богу здоровъ, завтра ждемъ Батюшку Царя къ себѣ, онъ хочетъ насъ осчастливить своимъ Высокимъ посѣщеніемъ. Дай Богъ, чтобы Онъ остался всѣмъ доволенъ. По проѣздѣ Государя мы смѣняемся съ Генераломъ съ Авангардной позиціи и присоединяемся къ нашей дивизіи на Мекензіевой горѣ.

На дняхъ получили мы Высочайшее повѣленіе сдать людей въ прочіе полки, а самимъ въ кадровомъ составѣ слѣдовать въ Россію, но неизвѣстно собственно куда: корпусный Штабъ будетъ въ Одессѣ, а о полкахъ еще ничего неизвѣстно.

Теперь Вы можете себѣ представить Безцѣнный Папаша, что моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы исполнить, какъ можно лучше свою обязанность въ Крыму, а потомъ употребить всѣ силы къ тому, чтобы видѣть Васъ. Съ какою бы радостію я обнялъ Васъ, зная что я достойно исполнялъ долгъ свой въ томъ порукой каждый солдатъ, не говоря о товарищахъ и пробывъ съ Вами недѣлю или болѣе съ новыми силами душевными опять ѣхать туда, куда призываетъ честь и долгъ.

На дняхъ я получилъ посылку Вашу, отъ души цѣлую Ваши ручки за нее и милыя строки Вашего письма.

Вы вѣроятно получили мое письмо, въ которомъ я писалъ Вамъ о полученной наградѣ.

Досвиданія, благословите покорнаго Вамъ сына Михаила. Домашнимъ мой поклонъ и знакомымъ тоже.

Колю крѣпко цѣлую и прошу передать мое привѣтствіе роднымъ.

О братѣ Фимуши я не узналъ ибо не имѣлъ времени. Вы не пишете мнѣ ни имени, ни прозвища его, а я самъ не помню. Пишите мнѣ по прежнему адресу.

10 Декабря 1855 года.

Г. Херсонь.

Вотъ и мы наконецъ на Руси Православной Безцѣнный Папаша. 23-го Ноября сдавъ нашихъ людей въ 3-й и 4-й корпуса мы выступили въ походъ: наша дивизія въ Г. Херсонь а корпусный Штабъ съ другой дивизіей 16-й въ Г. Николаевъ. Здѣсь должны мы принять людей изъ резервныхъ полковъ и сформировать новый корпусъ.

Не имѣя, до прихода въ Херсонь, ничего положительнаго о моей поѣздкѣ въ Рязань, я не писалъ къ Вамъ: отпуски неразрѣшены, а потому пріѣхать мнѣ не было никакой возможности. Я и забылъ Вамъ сказать, что я теперь Адъютантомъ у Начальника 17-й пѣхотной дивизіи Генералъ-Лейтенанта Павлова. Вчера Генералъ предложилъ Полковымъ Командирамъ командировать Офицера, для покупки офицерскихъ вѣщей, въ Москву и какъ всѣ полковые командиры ко мнѣ очень хороши, то выборъ ихъ палъ на меня. Боюсь радоваться своему счастію; но во всякомъ случаѣ увѣдомлю Васъ тотчасъ, какъ только будетъ это положительно извѣстно.

Давно я не получаю отъ Васъ писемъ и меня весьма интересуетъ здоровье Ваше, милой сестры и дѣла Коли; авось Богъ приведетъ Васъ скоро обнять,—то то будетъ радость. Дай Богъ, чтобы это исполнилось и въ одинъ прекрасный вечеръ я къ Вамъ какъ снѣгъ на голову.

У насъ въ Херсони, при совершенномъ безснѣжіи, стоятъ ужасные морозы, доходящіе до 22 градусовъ, а какъ дома здѣсь большею частію холодны, то рѣшительно не знаешь, что и дѣлать, едва рука держитъ перо.

Досвиданія безцѣнный Папаша, благословите Вамъ покорнаго сына Михаила.

Знакомымъ мой поклонъ и домашнимъ тоже.

Письма офицера л.-гв. Измайловскаго полка В. Андреева, 1877-1878 гг.

28 Августа.

Москва.

Дорогой Лева

Отчего ты не пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги, вѣрно проспалъ, какъ стыдно!

Сегодня ночью мы прибыли въ Москву; хоть насъ и везли, какъ какой нибудь товаръ, почти двое сутокъ, безъ 5 часовъ, но тѣмъ не менѣе время прошло незамѣтно, всѣ были очень веселы, какъ видно никто о Петербургѣ особенно не скучалъ да къ тому же и вагонъ попался прелестный, со всѣми удобствами. Въ Петербургѣ кромѣ Васи и мамаши, которая была очень спокойна, не только не плакала, но

даже весело болтала и смѣялась съ Гедеоновымъ, съ которымъ она пріѣхала на станцію. Кромѣ ихъ трехъ, меня никто не провожалъ, чѣмъ я безконечно доволенъ, только отсюда конечно надо выбросить тебя, папу и многихъ, тѣхъ кто уже раньше сказалъ мнѣ, что провожать не будетъ.

При проходѣ по городу Москвѣ, насъ дождь немилосердно вымочилъ. Москва и теперь мнѣ не нравится сама по себѣ, хотя отнять того, что обѣды прелестные нельзя, я обѣдалъ въ Эрмитажѣ и признаюсь вспоминалъ тебя уплетая кулебяку и уху изъ стерлядя. Хотѣлъ было найти Леонида, но очень трудно, а время нѣтъ, ночью уходимъ. Хотя намъ отвели даровыя квартиры въ Гост. Толмачева на бол. Мясницкой, но зато остальное все страшно дорого, положительно дерутъ, не говоря уже про купцовъ, церковныхъ, монаховъ и извощиковъ-подлецовъ. Поклонись папѣ, мамѣ, тетѣ Олѣ и всѣмъ. Если хочешь писать, то адресуй на станцію *Унгены* до востребованія, если напишешь раньше 5-го Сентября (въ этотъ день мы будемъ тамъ). Если же письмо не дойдетъ къ этому времени, то прибавь „по слѣдованію полка.“ Я забылъ твой адресъ—сообщи. Сейчасъ ѣду въ Малый театръ—идетъ „въ Осадномъ положеніи.“

В. Андреевъ.

Ст. Унгены.
6-й Сентябрь.

Я получилъ твое письмо, дорогой Лева, сегодня въ 4 часа утра; оказалось, что мы привезли его съ нашимъ поѣздомъ, такъ какъ къ намъ послѣднее время прицѣпили пасажирскіе вагоны. Теперь стоимъ на берегу Прута на самой границѣ, какъ Румыніи, такъ и нашихъ денегъ и русскаго языка. Мама говорила, что я разучусь французить, напротивъ вотъ уже цѣлый, хотя и первый, день приходится на многихъ станціяхъ говорить по французски, такъ какъ русскаго языка не понимаютъ, а дальше и окончательно русскаго языка не услышишь.

Наше назначеніе теперь кажется вполнѣ выяснилось и опредѣлилось: мы идемъ подъ Рущукъ (3 полка), а стрѣлковая бригада и Егерскій полкъ подъ Шипку и далѣе за Балканы, почему твоихъ порученій, относительно Петра Ивановича, исполнить не могу. 2-я дивизія идетъ подъ Плевно. Пока мы ѣхали очень весело, семейно и всю дорогу пѣли пѣсни, между прочимъ я переложилъ на хоровое пѣніе и разучиваемъ „Дунай мой Дунай“, во время же перехода черезъ Дунай будетъ совсѣмъ готово и исполнено нами,—передай тетѣ Олѣ. Слѣдующее мое посланіе къ тебѣ будетъ вѣроятно послѣ перваго сраженія или, по крайней мѣрѣ, изъ подъ стѣнъ Рущука, такъ какъ въ концѣ этой недѣли мы будемъ уже тамъ. Теперь мы очень медленно двигаемся и причина тому безпрестанные встрѣчные санитарные поѣзда, везущіе массу раненыхъ и больныхъ. Какіе, братъ, тутъ фрукты—прелесть, въ Питерѣ и думать нельзя. Арбузами и вино-

градомъ кормимъ лошадей, которыя оказались большими любителями подобнаго рода лакомствъ. Передай тетѣ Олѣ, что березовки я дѣйствительно не пилъ нигдѣ, но зато *хересъ* пьемъ всю дорогу, у насъ цѣлый запасъ съ собой. Тетя пишетъ, что у ней маленькая комната и что я не помѣщусь, неправда, маленькій диванчикъ вѣдь навѣрно помѣстится, а мнѣ больше ничего и не надо. Маркова я видалъ на нѣсколько минутъ только въ Москвѣ и Кіевѣ, такъ какъ онъ ѣдетъ въ другомъ эшалонѣ. Впрочемъ онъ въ грустяхъ, такъ какъ нѣтъ денегъ. Радуюсь за тебя и твое новое знакомство, не унывай, начинай съ брата, это самое лучшее средство; теперь постарайся войти къ нимъ въ домъ,—а тамъ ужъ дѣло сдѣлано, что называется „въ шляпѣ". Поклонись всѣмъ своимъ и пиши пожалуйста поподробнѣе и побольше, а то скучно получать такія посланія, въ 10 строкъ.

В. Андреевъ.

Письма посылай *безъ марокъ*, такъ какъ мы черезъ часъ будемъ въ Яссахъ. Мой адресъ: черезъ Унгенскую пограничную почтовую контору, для доставленія въ дѣйствующую армію Л. Гв. Измайловскаго полка Прапорщику В. И. Андрееву.

11 Сентяб.
Фратешти.

Я письмо твое получилъ, дорогой Лева, въ Унгенахъ и сейчасъ же отвѣтилъ тебѣ, но пере092вралъ адресъ и потому ты его не получилъ. Прежде всего мой адресъ новый: „Черезъ пограничную Унгенскую почтовую контору, для передачи Л. Гв. Изм. полка Пр. В. И. Андрееву." Затѣмъ радуюсь какъ твоему сосѣдству съ братомъ Петра Ивановича, такъ и знакомству новому, съ другимъ братомъ, это отлично, надо всегда начинать съ маменекъ, сестеръ или братьевъ и затѣмъ уже переходить.... Постарайся теперь войти къ нимъ въ домъ, а тамъ дѣло уже будетъ въ шляпѣ. Мы теперь подъ Рущукомъ, въ 10—11 верстахъ отъ него; завтра идемъ Систово, но куда именно, не знаю. Жара, надо отдать справедливость, страшная, но ночи далеко не холодныя. Дороговизны возмутительной также нѣтъ и слѣда, хотя вообще все дороже, такъ какъ дороже самыя деньги, а достать можно почти все. Я пока живъ и здоровъ, хотя очень многіе у насъ уже сильно расхворались и многіе лихорадкой. Виноградомъ и арбузами объѣдаюсь. Я первый разъ видѣлъ здѣсь бѣлый арбузъ, чего въ Питерѣ нѣтъ.

В. Андреевъ.

Царевица 16 Сент. Зимница. 15 Сент. Бригадаръ. 17 Сентября.

Дорогой Лева

Не знаю получилъ ли ты хоть одно мое письмо. Послѣднее было очень коротенько, но это потому, что я вмѣстѣ съ нимъ писалъ также тетѣ Олѣ, а два одинакихъ писать очень скучно да и читать было бы вѣроятно невесело.

Теперь, вотъ уже 4-й день, мы идемъ пѣшкомъ и впечатлѣній новыхъ, хотя исключительно непріятныхъ, очень много.

Первый день, какъ мы сошли съ желѣзной дороги, 11 Сентября, мы стояли на дневкѣ въ Фратешти въ 10 верстахъ отъ Рущука, который намъ отлично былъ видѣнъ, что я впрочемъ тебѣ уже писалъ. Дневка была отличная, день былъ теплый и ясный, въ Рущукѣ было спокойно, но какъ видно войска очень много, но около 12 ч. ночи у нихъ поднялась тревога, поднялись сигнальные огни и засуетились. На нашихъ батареяхъ также переполошились и открыли огонь по Рущуку, пользуясь ихъ волненіемъ. Съ города отвѣтили сейчасъ же. Пальба была слышна и видна ясно, но довольно скоро, часа черезъ 3 прекратилась.

12-го утромъ вышли; съ этого времени начались наши лишенія. Пошелъ ливень, дороги отвратительныя, почва глинистая, идти положительно невозможно. Ты знаешь какъ хорошо идти въ Красномъ изъ палатки въ столовую, съ горки, послѣ хорошаго дождя, а намъ приходится по такой дорогѣ дѣлать по 30 и 40 верстъ въ день. Дождь насъ вымочилъ до костей, наши непромокаемые пальто промокли. Переходъ былъ очень труденъ, люди промокли и устали, мое единственное спасеніе, что я верхомъ, а то хоть пропадай. На ночь остановились въ деревнѣ. Установивши лошадей въ кукурузный сарай, мы отправились съ батальоннымъ командиромъ въ деревню, гдѣ взяли силой хату, какъ потомъ оказалось почту, но блохи насъ положительно заѣли дотого что мы оттуда удрали и легли съ лошадями въ сараѣ, рядомъ со свинярникомъ, закутались и нѣсколько часовъ дѣйствительно хорошо заснули. Во весь переходъ ни одной деревни и ни капли воды на 30 верстахъ. Люди пьютъ изъ лужъ, мое счастье, что я привыкъ на походѣ ничего не ѣсть и не пить. На слѣдующій день, 13 Сентября, всѣ измокшіе и прозябшіе продолжали путь. Дорога еще хуже и переходъ слишкомъ великъ, дождь вымочилъ окончательно, люди изнемогали отъ усталости, и отставали массами. Меня назначили нанять подводу и везти больныхъ,—это положительно было мученіе, начиная съ того, что въ цѣлой деревнѣ не оказалось ни одной лошади или быка, при нашемъ приходѣ поторопились угнать ихъ въ поле, чтобы не заставили везти. Намъ пришлось самимъ загнать съ поля лошадей, запречь въ первую попавшуюся телѣгу и силой заставить везти; лошади малосильны и мелки до безобразія; все возятъ на волахъ, такъ какъ наши лошади не въ состояніи вывозить, дотого грязны дороги и скверны мосты. Въ Д. Бригадаръ, гдѣ мы и теперь еще стоимъ, мы дошли только въ 8 ч. вечера, выйдя въ 5 ч. утра; я положительно не зналъ, что дѣлать, больныхъ и отсталыхъ собралась масса, $^1/_3$ часть полка, а повозка одна и лошади чуть что не околѣваютъ, пришлось везти одни ранцы, а больныхъ заставить идти. Обозъ отсталъ, завязнувъ въ грязи, и пришелъ только сегодня (14 Сент.) днемъ, но лошади дотого замучились, что продолжать путь не было возможности, а такъ какъ нашъ батальонъ

былъ назначенъ сопровождать обозъ, то и остались въ Бригадарѣ на дневку, чтобы накормить лошадей.

Письмо это было писано 14 Сентября, но такъ какъ почтоваго Отдѣленія нигдѣ не оказалось по близости, а матерьяла очень много, то я продолжаю.

15 Сентября. День былъ хорошій, хотя ночь была страшно холодна. Дороги немного подсохли и при помощи нанятыхъ воловъ и буйволовъ мы доѣхали до Зимницы незамѣтно, тѣмъ болѣе, что разстояніе между Бригадаромъ и Зимницей 15 верстъ. Зимница на берегу Дуная, довольно большое селеніе но очень грязное. Около, при входѣ въ селеніе, нѣсколько лазаретовъ краснаго креста, въ одномъ изъ которыхъ, какъ мнѣ разсказывали наши офицеры, лежитъ Ливанскій—контуженъ, его видѣли. Мы стояли бивуакомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ производилась переправа, противъ самаго Систова, на хорошемъ сухомъ мѣстѣ, во время переправы днѣ Дуная, такъ какъ онъ сильно обмелѣлъ, сравнительно съ весной. Видъ изъ Зимницъ на Систово безподобенъ, такой рѣдко увидишь. Систово прилѣплено къ обрыву очень крутого берега Дуная и все покрыто садами, между которыми бѣлѣютъ домики и блестятъ церкви.

16 Сентября. Перешли сегодня Дунай. На видъ онъ оказался намъ не широкъ, но онъ усѣянъ островами и приходится переходить по 3-мъ мѣстамъ, такъ что въ общемъ онъ вдвое шире Невы. Вода совершенно мутная и очень невкусная. Видѣлъ одного моряка Гвардейскаго Экипажа, который перевозилъ во время переправы. У нихъ убито только 2 человѣка, такъ какъ они очень остроумно распорядились. Перевозили на паровыхъ катерахъ, поверхъ которыхъ устроены были желѣзные зонтики, покрытые мѣшками угля, а рулеваго закутывали нѣсколькими шинелями или же клали на спину также мѣшки угля, которые пули не пробиваютъ, а остаются въ нихъ, въ углѣ. У Систово и далѣе къ Царевицѣ дорога идетъ по горамъ и черезъ ущелья, дефиле, почему мнѣ странно, что турки такъ легко отдали Систово, вѣдь это обрывъ, неприступно.

Царевица раззорена окончательно, достать нельзя ничего, даже хлѣба, почему ѣдимъ консервы. Мѣсто гористое.

В. Андреевъ.

3 Октября
Д. Ральево.

Дорогой Лева

Какъ ты, такъ и тетя Оля, пишете слишкомъ рѣдко, вопреки Вашему обѣщанію, а между тѣмъ письма Ваши доставили бы мнѣ истинное, величайшее наслажденіе. Послѣ твоего перваго, общаго съ тетей Олей, письма, я не получалъ ни одной вѣсточки о Вашемъ здравіи и благоденствіи, хотя мнѣ это было бы крайне интересно знать, равно какъ и Петербургскія новости. Впрочемъ и я теперь

перестаю писать и вѣроятно на долго, такъ какъ мои письма все время противорѣчатъ одно другому, относительно нашего положенія, что положительно обидно. Теперь мы возлѣ Софійской дороги, на которой уже давно должны были стоять и окопаться, чѣмъ окончательно отрѣзать Плевно отъ Софіи. Но вотъ уже скоро 5 дней какъ мы не можемъ сдѣлать послѣднія, какія нибудь 40—50 верстъ. Во время постоянно продолжавшихся проливныхъ дождей нашему полку пришлось попасть въ аріергардъ и теперь стоимъ въ д. Ральево уже 4 дня, ожидая прибытія обоза дивизіи, который, благодаря до безобразія плохимъ дорогамъ, о которыхъ ты и понятія имѣть не можешь, отсталъ и до сихъ поръ не можетъ подтянуться. Горы на каждомъ шагу, мы дѣлаемъ иногда по 2 версты въ день, лошади падаютъ, дохнутъ и телѣги вывозятся на людяхъ. Итакъ нашъ полкъ обратился въ обозную команду, что крайне обидно, тѣмъ болѣе, что съ часу на часъ ожидаются транспорты въ Плевно изъ Софіи и почти безъ умолку слышится пальба по всѣмъ направленіямъ и въ самомъ близкомъ разстояніи.

Мы окружили Плевно и думаемъ, что моримъ ее голодомъ, но едва ли сами не больше ихъ голодаемъ. Хлѣба у насъ почти нѣтъ, а сухарей очень мало, дня по 2—3 мы вовсе не видимъ какъ того, такъ и другаго. Я выучился сельскому хозяйству, приготовленію хлѣба, такъ какъ болгаре намъ ничего не даютъ, а приходится самимъ ходить въ поле, брать пшеницу въ стогахъ, молотить ее, вѣять, молоть и самимъ печь себѣ хлѣбъ,—это единственный способъ полученія нами хлѣба. Мяса правда много, но и то или берется реквизиціоннымъ порядкомъ или же покупается за крайне дорогую цѣну, напр. за быка 10—15—20 золотыхъ, это безобразно. Я теперь положительно могу сказать, что вернутся живымъ отсюда только 10 процентовъ, а самое большее 25%, такъ какъ здѣсь и безъ сраженія пропадешь, а тѣмъ болѣе адъютантамъ, которыхъ гоняютъ немилосердно почти каждую ночь за приказаніями за 15—20 верстъ, по ночамъ, при здѣшней погодѣ, проливныхъ дождяхъ, невылазной грязи, безлунныхъ ночахъ, когда дальше своего носа не видишь,—не только моего носа, но даже Маркова, который до сихъ поръ еще боленъ и не испыталъ всѣхъ этихъ удовольствій; дороги изрѣзаны горами и оврагами, такъ что уѣзжая изъ лагеря, не знаешь, вернешься назадъ или останешься на дорогѣ, на которой теперь очень часто стали показываться башибузуки, а провожатыхъ намъ даютъ по казаку, только тогда, когда везешь изъ Штаба очень важную телеграмму или приказаніе, а то понтируешь солистомъ. Вотъ я уже съѣздилъ 3 раза при такихъ обстоятельствахъ, причемъ одинъ разъ провалились оба съ казакомъ, вмѣстѣ съ лошадьми въ канаву, въ рѣчку, берега которой около сажени высоты, но благодаря довольно глубокой водѣ не разбились; а послѣдній разъ накололъ лошади ногу, такъ что у ней сдѣлался нарывъ въ копытѣ. Трусовъ такъ тотъ хуже потерпѣлъ, чуть самъ не убился, оборвавшись съ обрыва сажень въ 6—7, также ночью ѣхалъ; лошадь пролетѣла въ оврагъ и

убилась тутъ же на смерть, а самъ Трусовъ едва удержался на краю оврага, ухватившись за кустъ. Корма лошадямъ совершенно нѣтъ, ѣдятъ одну солому, а изрѣдка ячмень перепадаетъ, почему ихъ узнать нельзя, дочего онѣ похудѣли и присмирѣли. Обозъ вообще мы видимъ послѣднее время очень рѣдко, почему приходится время проводить на открытомъ воздухѣ. Погода великолѣпная, зубъ на зубъ не попадаетъ, едва въ зимнемъ пальто въ пору.

В. Андреевъ.

7-е Октября.

Д. Беглышъ.

Твое письмо отъ 19 Сентября получилъ вчера. Ты радуешься, что я въ веселомъ расположенiи духа; вопервыхъ мнѣ о Петербургскомъ не о чемъ плакать, на что впрочемъ я и неспособенъ, а вовторыхъ здѣсь такъ круто приходится, что если бы начать заплакать разъ, то пришлось бы долго не кончить,—такъ ужъ лучше и не начинать. У насъ всѣ веселы и этимъ только немного смягчается невыносимо трудное наше настоящее положенiе. Я очень радъ, что выпускъ въ Февралѣ, наконецъ то ты также будешь имѣть нѣкоторое „свое“ положенiе въ свѣтѣ,—это будетъ совсѣмъ другая жизнь, другая обстановка. Не унывай, если не везетъ на репетицiяхъ,—еще все можетъ измѣниться. Но если, паче чаянiя, тебѣ не придется, такъ или иначе, выдти въ армiю, то, ради Бога, оставь свою идею идти въ дѣйствующую армiю, здѣсь черезъ-чуръ уже трудно, невыносимо трудно. Слово „дѣйствующая армiя“ и „война“ хороши только въ Питерѣ, сидя въ гостиной, или теплой комнатѣ за стаканомъ чистаго, свѣжаго чая, а не нашего, шеколаднаго, здѣсь же—совсѣмъ другое. Не такъ страшна самая война, какъ ее большая часть понимаетъ, т. е. сраженiе,—это сравнительно пустяки, страшенъ можетъ быть первый моментъ, а затѣмъ все забываешь, забываешь самого себя, —тамъ нѣтъ мѣста чувству, а страшны переходы и всѣ лишенiя, которыя ты испытываешь въ это время. Чтобы дойти до огня—надо пройти сквозь воду и мѣдныя трубы, что пожалуй потруднѣе. Я все это говорю только тебѣ, чтобы предупредить тебя и отвратить отъ того, что самъ испытываю, другимъ конечно я ничего подобнаго не скажу,—кто все это не испыталъ самъ, тотъ не повѣритъ, такъ какъ ничего подобнаго и представить себѣ не можетъ, а назоветъ меня же нѣженкой. Нѣтъ, братъ Лева, даже и мысленно старайся не переноситься въ ту жаркую страну, гдѣ я теперь; нечего сказать, хороша „жаркая страна“, въ которой въ тепломъ, зимнемъ пальто зубъ на зубъ не попадаетъ. Фуфайку не снимаешь въ теченiи цѣлаго дня (жаркаго). Ты знаешь ли, что каждый день, чтобы утромъ встать, я выпиваю по два глотка голаго рома, отъ которыхъ въ Питерѣ я бы могъ мертвецки опьянѣть, а здѣсь между тѣмъ я даже вкуса рома не чувствую, такъ холодно. Сегодня ночью у насъ замерзла вода и деревянное масло,—

суди самъ какъ холодно, и тѣмъ болѣе въ палаткѣ. Да гдѣ ты могъ испытать хоть долю того, что здѣсь приходится встрѣчать на каждомъ шагу. Что можетъ быть проще нашего перехода изъ Фратешты въ Парадикъ, который я тебѣ уже описалъ хотя не весь, а только до Бригадара, отъ котораго до Парадамы мы шли еще цѣлую недѣлю при той же погодѣ. Когда ты идешь цѣлыя 40—50 верстъ по глинистому вспаханному полю въ дождливую погоду, когда на каждой ногѣ несешь на 10 пудовъ грязи, скользя во всѣ стороны и подымаясь съ горы на гору. Дождь льетъ ливмя, непромокаемыя пальто промокаютъ до нитки вмѣстѣ съ поддѣтыми внизу драповымъ пальто и мундиромъ. Ноги хоть выжми. У верховыхъ ноги мерзнутъ до онѣмѣнія. На полдорогѣ часовъ въ 5—6 вечера, быстро смеркается и, ни зги не видя, бредешь на угадъ, натыкаясь на каждый камень. Наконецъ измученный, по лаю собакъ, узнаешь близость деревни и надѣешься отдохнуть, но....не тутъ то было. Въ деревнѣ болгары ничего не даютъ. На все у нихъ одинъ отвѣтъ: „ни́ма брату́шко, ни́ма; турокъ побиралъ, козацы побрали.“ Иногда спросишь какая деревня? какъ называется?—и на это получаешь отвѣтъ „нима братушко нима“. Болгары всѣ очень богаты, но живутъ нищими, боясь, что у нихъ отнимутъ. Деньги зарываютъ. При проходѣ войскъ всѣхъ быковъ и барановъ угоняютъ въ поле за нѣскол. верстъ, т. что на видъ дѣйствит. ничего нѣтъ.

Итакъ измокнувъ до нитки, иззябнувъ, ты долженъ голодать прежде всего, а затѣмъ опять-таки дрогнуть на улицѣ или же въ холодной избѣ (трубы вездѣ безъ задвижекъ), подвергнувъ себя съѣденію блохъ и вшей, которыхъ вездѣ миріады. Въ большинствѣ случаевъ, избирая первое, пристраиваешься къ костру и цѣлую ночь стоишь, гложа солдатскій сухарь. На слѣдующій день опять то же самое—и такъ нѣсколько дней. Кромѣ того адъютантамъ приходится, сплошь и рядомъ, цѣлую ночь проѣздить за приказаніями въ Штабы, а строевымъ офицерамъ, прямо съ дежурства, идти печь хлѣбъ, или чинить дороги, откуда сейчасъ же заступать въ караулъ. Видишь, какая прелесть. Какая каторжная служба. Обозъ отстаетъ постоянно и мы его почти не видимъ, а сегодня лишимся окончательно и быть можетъ навсегда. Велѣно его оставить, а солдатамъ снять ранцы. Мы въ отрядѣ Гурко.

Нѣтъ, Лева, выходи хоть въ послѣдній гарнизонъ, но только не въ дѣйствующую армію. Ты положительно не перенесешь. Ты слишкомъ избалованъ, чтобы пить ту воду, гдѣ валяется дохлый быкъ или внутренность убитаго козленка. Ко всему этому, у насъ теперь положительный недостатокъ хлѣба, даютъ по 1 ф. въ 2—3 дня, сухарей также нѣтъ, а скоро не будетъ и соли. Ѣдимъ „мамалыгу“,—кукурузный хлѣбъ, вродѣ холодной, густой пшенной каши, но хуже. Лошади также голодаютъ страшно. Больныхъ масса и очень много офицеровъ. Марковъ недавно выздоровѣлъ. Одному мнѣ только ничего не дѣлается; ты меня не узна-

ешь, я обросъ бородой, сравнительно большой, и, представь себѣ, пополнѣлъ, мундиръ разставилъ. Выходи, Лева, лучше куда нибудь въ Питеръ или недалеко отъ него, а тамъ удастся прикомандироваться и перевестись въ Гвардію. Папа и Дѣдушка устроютъ, а здѣсь слишкомъ скверно, чтобы идти добровольно. Я мамѣ написалъ сегодня и просилъ ее также отговорить тебя выходить на дѣйствіе. Поклонитесь имъ всѣмъ отъ меня, т. е. папѣ, мамѣ, тетѣ и братьямъ. Мы съ Марковымъ часто вспоминаемъ про Васъ. Скоро я еще напишу тебѣ, вмѣстѣ съ Марковымъ. Онъ хотѣлъ приписать сегодня, но я ему не дамъ, нѣтъ мѣста. Не думай о войнѣ.

В. Андреевъ.

15-го Окт.
Д. Гор. Дубнякъ.

Ты конечно уже знаешь, что мы 12-го Октября были въ дѣлѣ, и могу сказать, что въ дѣлѣ хорошемъ. Мы узнали объ этомъ наканунѣ въ д. Эпи-Баркачъ. Я очень обрадовался, что дѣйствительно мы пришли не даромъ. Если хочешь знать мое чувство наканунѣ сраженія, то оно очень похоже на то, что чувствуетъ молодая дѣвушка наканунѣ 1-го ея „большаго“ бала, куда ее везутъ. Мнѣ было какъ то весело на душѣ, я чего то ждалъ и не могъ какъ будто дождаться. Ночью въ 2 часа мы выступили и шли цѣлую ночь до 7—8 час. утра, когда услышали и вдали увидѣли завязавшееся дѣло 2 гвард. дивизіи. Мы были въ резервѣ и признаться многіе роптали, что насъ держатъ далеко такъ. Но вотъ стали подходить къ дер. Гор. Дубнякъ, выстрѣлы стали ясно слышны и все стало видно. Прискакалъ ординарецъ и потребовалъ 4 и 3 бат. нашего полка, мы встрепенулись. Черезъ нѣсколько мгновеній прилетѣлъ другой ординарецъ съ приказаніемъ нашему батальону какъ можно быстрѣе идти въ подкрѣпленіе Гренадерамъ. Мы вошли въ огонь. Замѣтивъ наше наступленіе, турки насъ „засыпали“ пулями, какъ горохомъ; мы легли, огонь уменьшился. Мы замѣтили, что передъ дерев. сильно укрѣпленный лагерь и очень большой лагерь. Намъ указали редутъ будто бы занятый Гренадерами, куда мы должны были идти; но разглядѣвши, мы замѣтили тамъ массу однихъ турокъ, осыпавшихъ насъ градомъ пуль, и ни слѣда Гренадеровъ. Мы ушли въ сторону немного, въ кусты, скрылись съ глазъ турокъ и выстрѣлы немного смолкли, но только немного. Тамъ мы нашли Московскихъ и гв. саперъ, съ которыми соединились и вмѣстѣ рѣшено было идти въ атаку,—по условному залпу съ батарей,—одновременно со всѣхъ сторонъ. Какъ только двинулись впередъ изъ кустовъ, насъ опять осыпали градомъ пуль, пѣвшихъ на всѣ голоса, и осыпали такимъ образомъ до 6—7 час. вечера, т. е. въ теченіи 7—8 часовъ. Мы лежали безъ выстрѣла, шагахъ въ 300 отъ крѣпости, такъ какъ турки всѣ были за закрытіями, даже съ головами, и только время отъ времени

высовывались красныя фески. Мы же были открыты на разстояніи около версты, не было ни ямочки. У насъ убитыхъ и раненыхъ масса. Въ нашемъ полку убитыхъ 119 чел. и 1 офицеръ, а ранено отъ 300—400 чел. и 7 офиц., между прочимъ Эсауловъ, Лашкевичъ, Гейнріусъ . . . . . . 1, Головановъ 1 и другіе. Наши солдаты стали уже падать духомъ, но кто-то вдругъ крикнулъ ура и солдаты съ ожесточеніемъ бросились на крѣпость, сначала наши, а затѣмъ всѣ другіе,— ворвались и пошло безпощадное избіеніе турокъ, чѣмъ попало. Картина была страшная. Въ деревнѣ были дома и бараки крытые соломой въ которыхъ прятались турки—ихъ моментально зажгли и какъ только показывалась оттуда феска, то моментально же убивалась. Взято въ плѣнъ около 2000 ч. со знаменемъ съ подписью „Константинопольская Гвардія“ и пашею. Убитыхъ и раненыхъ собирали 2 дня. У насъ самая малая потеря (кромѣ Преобр. и Семенов. пол., котор. не было въ дѣлѣ), въ полкахъ второй дивизіи не хватаетъ половины т. е. выбыло изъ строя отъ 1000—1500 чел. и по 20—30 офицеровъ въ каждомъ. Егеря были отдѣльно въ Телишѣ, потерпѣли неудачу и потеряли 1137 н. чин. и 27 оф. изъ котор. 7 чел. убито. На другой день когда я объѣзжалъ крѣпость съ Начальникомъ дивизіи, то поле было положительно усѣяно трупами, причемъ всѣ турки были биты или артиллеріей или штыками и прикладами, но не пулями. При вступленіи въ огонь (подъ пули) въ первый разъ я рѣшительно ничего не чувствовалъ, все шло какъ на маневрахъ, а второй разъ........ въ первый моментъ чувствовалъ то, что можетъ чувствовать игрокъ, ставя послѣдній золотой на карту,— но потомъ все прошло и я былъ совершенно спокоенъ. Теперь мы укрѣпляемъ (поспѣшно) Софійскую дорогу и ждемъ (говорятъ завтра) Османа пашу. Это его единств. путь отступленія. Стоимъ все время въ полной готовности и по ночамъ приходится слишкомъ жутко (холодно и сыро). Могу еще разъ сказать, ради Бога не выходи сюда, здѣсь слишкомъ скверно. Мы вотъ уже 2 день не раздѣваемся и безъ палатокъ, ѣдимъ кому что удастся. Я отбилъ 2 турецкихъ лошади, но одну бросилъ—вся изранена, и въ другую, хотя, уже подо мной, и закатили 5-ть пуль, но такъ удачно, что она отлично ходитъ, бѣгъ прелестный, хотя некрасива, худа и очень мала, какъ всѣ здѣш. лошади. Если она доживетъ до Питера—привезу Сюси.

В. Андреевъ.

Марковъ и Богдановъ живы. Кланяйся всѣмъ своимъ.

30 Октября.
Д. Дальній-Добникъ.

Ну-съ дорогой Левушка, Вы что то очень лѣнитесь мнѣ писать, а ты знаешь, что лѣнь мать всѣхъ пороковъ. Фисташки, дистилированныя въ уксусѣ, очень хороши, но при настоящей обстановкѣ я предпочитаю имъ твои письма, которыя

для меня рѣдкость. Фортуна тебѣ улыбается, ты можешь (я тебѣ это разрѣшаю) теперь, до поры до времени, совсѣмъ прекратить со мной кореспонденцію, что я и сдѣлаю въ свою очередь. Мы уходимъ изъ подъ Плевно и идемъ дальше въ глубь страны, куда нибудь за Балканы,—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ—нашей дѣятельности. Кромѣ войны съ Турками мы еще ведемъ ожесточеннѣйшую войну съ саперами, т. е. со вшами, которыя насъ заѣдаютъ, но зато мы ихъ избиваемъ безпощадно. На дняхъ мы устроили общее омовеніе, но замерзли страшно, такъ какъ погода была прехолодная, а мыться пришлось на воздухѣ. Какъ твои дѣла съ Фефочкой и M-lle Чертодымской—ты все ее еще не нашелъ и страдаешь. Мы съ Мишей Марковымъ все собирались настрочить тетѣ Олѣ письмецо и собрались, написали презабористое,—она его долго разбирала вѣроятно. Отчего ты до сихъ поръ не сходилъ къ моей мамашѣ за группой, кстати посмотрѣлъ бы, что она дѣлаетъ и сообщилъ бы мнѣ о ея житьѣ-бытьѣ. Мы очень часто тебя и всѣхъ твоихъ вспоминаемъ. Какъ идутъ твои дѣла въ Училищѣ. Если придется тебѣ выходить въ армію, то выходи куда нибудь поближе къ Питеру, а затѣмъ переведешься въ гвардію, къ намъ въ полкъ, при помощи дѣдушки и Графа Гейдена или кого нибудь другаго; выходить же прямо въ дѣйствующую армію не стоитъ,—здѣсь очень трудно жить, а отличиться еще труднѣе нашему брату мелкотравчатымъ. Если получаютъ хорошія награды, то только состоящіе при главной квартирѣ, ничего не видя, а нашъ братъ—шишъ или около этого. Поклонись всѣмъ твоимъ.

В. Андреевъ.

4 Ноября.
Д. Радолижце.

Дорогой Лева

Вчера я получилъ 4 письма: 2 отъ мамаши, отъ Тети Оли и тебя. Всѣ они оказались чрезвычайно нѣжнаго, чувствительнаго содержанія. Мы читали ихъ съ Марковымъ вмѣстѣ и чрезвычайно, отъ души смѣялись. Съ какой стати ты сталъ меня утѣшать и уговаривать не падать духомъ? Ты напрасно думаешь, что я *начинаю* падать духомъ. Вѣдь ты отлично долженъ знать, что я не гастрономъ, да и ко всему легко привыкаю,—такъ и теперь, я даже забылъ думать о Петербургѣ и меня ничто сильно туда не манитъ. Конечно Питеръ очень привлекателенъ сравнительно съ теперешней нашей жизнью, но чтобы туда стремиться, рваться—я этого не ощущаю. Духомъ я никогда не падаю, а тѣмъ болѣе теперь. Но если насъ постоянно будутъ заставлять разбивать лбомъ стѣну, что сдѣлали съ нами подъ Гор. Добникомъ и вслѣдствіе чего уложили 3—4 тысячи незачто,—когда могли выдвинуть артиллерію и разнести укрѣпленіе въ дребезги, безъ потерь съ нашей стороны, что мы и видѣли на Телишѣ, то я надѣюсь имѣю право

высчитывать процентъ имѣющимъ вернуться, ты же не имѣешь никакого уговаривать меня и утѣшать, обѣщая, какъ и тетя Оля, по возвращеніи лучшую жизнь. Я благодарю тебя за участіе и память обо мнѣ, но ради Бога не пиши впередъ подобнаго, а то выходитъ очень комично. Чтобы имѣть право увѣщевать мужаться и не падать духомъ надо быть здѣсь и по крайней мѣрѣ видѣть, если не испытать все, что здѣсь происходитъ, а то это выходитъ подобно газетному борзописцу, который сидитъ въ 5-мъ этажѣ на Пескахъ и пишетъ новости съ театра войны, о несостоятельности нашихъ санитарныхъ отрядовъ и т. п., ничего этого даже не видѣвши никогда. Утѣшься, я совершенно ко всему привыкъ и со всѣмъ свыкся, живу припѣваючи и ничего лучшаго не желаю (такъ какъ желать безполезно). Теперь мы идемъ на Софію и что дальше будетъ не знаю, а о томъ вернусь ли я или нѣтъ я даже и не думаю, мнѣ подобная мысль и въ голову не приходила, что будетъ—то и будетъ, не все ли равно, на то и военная служба,— „волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить". Я сѣтую не на то, что мало получаю писемъ отъ васъ вообще, нѣтъ,—но отъ тебя лично, это послѣднее (21 Октяб.) не болѣе, какъ 4 или 5-е, а я тебѣ послалъ больше 10-и, гораздо больше, хотя у меня новостей гораздо меньше, сравнительно съ тобой. Я очень радъ, что мои письма могутъ интересовать папу и постараюсь писать поподробнѣе. Ты пишешь „неужели лишенія земныхъ благъ такъ могутъ тебя разстроивать?" Я бы хотѣлъ тебя посадить хоть на два дня, на консервы изъ гороховой муки, сваренныя въ лошадиномъ ведрѣ съ солдатскими заплѣсневѣвшими сухарями (это еще роскошь, а то по недѣлямъ и такихъ сухарей нѣтъ), да и посмотрѣлъ бы, что ты запоешь тогда. Прощай. Будь здоровъ, кланяйся своимъ и пиши повеселѣй.

В. Андреевъ.

8-го Ноября 1877 года.
Д. Яблоница.

Дорогой Лева

Только вчера я отправилъ письмо тебѣ и тетѣ Олѣ, вмѣстѣ, приготовленное уже очень, очень давно, но почта отстала, а удобнаго случая не предвидѣлось. Сегодня еще представился случай для пересылки писемъ, еще лучше,—Капитанъ Косачъ, бывшій полковой Адъютантъ, теперь состоящій въ ротѣ гвард. конвоя при Государѣ, поѣхалъ въ Московскій полкъ, поздравить съ полковымъ праздникомъ, а возвращаясь оттуда заѣдетъ къ намъ за письмами, которыя и перешлетъ черезъ Главную квартиру и вѣроятно съ курьеромъ, такъ что это письмо придетъ къ тебѣ раньше очень многихъ, посланныхъ по почтѣ. Особенно интереснаго сообщить тебѣ ничего не могу,—развѣ то, что Марковъ сегодня имянинникъ, и что вотъ уже 5-ть дней скоро будетъ (завтра), какъ мы вступили въ отроги Балканъ,—да и горные-то проходы очень близко. Что за богатѣйшіе виды и роскош-

ная мѣстность, хотя на половину дикая. Софійское шоссе идетъ ущельемъ, по обѣ стороны котораго воздвигаются громадныя каменныя скалы, мѣстами обвалившіяся и тамъ видны совершенно правильные слои камня, известняка. На второй день нашего похода, около полудня, тучи разбило вѣтеркомъ и стало проглядывать солнце, переливаясь по отрогамъ, освѣщая ихъ постепенно, оживляя природу и насъ и придавая мѣстности восхитительный видъ, который мнѣ еще ни разу нигдѣ не удавалось видѣть. Вечеромъ того же дня я поѣхалъ къ стрѣлкамъ стоящимъ версты 3 впереди насъ и выше всѣхъ, на самой высокой вершинкѣ, по шоссе. Возвращаясь оттуда, я взглянулъ на окружающую мѣстность, желая опредѣлить направленіе къ нашему бивуаку, и мнѣ представилась картина еще лучше, еще великолѣпнѣй, чѣмъ видъ горъ при восходѣ солнца, утромъ. Представь себѣ видъ, съ высоты птичьяго полета, долины, по обѣ стороны которой возвышаются скалы. Все это усѣяно войсками, бивуаками, гдѣ по вечерамъ засвѣтились, 1000-ю огнями, костры, и это придало картинѣ видъ чудной иллюминаціи, съ которой всѣ петербургскія и сравниться не могутъ; этому сдва ли можетъ быть что нибудь подобное. Послѣдніе дни намъ стали отпускать отъ полка полное довольствіе солдата, ввиду того, что офицерамъ крайне трудно доставать что нибудь съѣдобное. Благодаря этому мы будемъ сыты и ожили всѣ вообще, а я въ особенности, такъ какъ наши деньщики гдѣ то раздобыли ячменю, сѣна и немолоченнаго овса, а то все время наши бѣдныя лошади ѣли одну пшеничную и ржаную солому, которая безбожно перерѣзала имъ рты. Теперь имъ праздникъ, хоть немного отдохнутъ и поѣдятъ какъ слѣдуетъ. Сегодня служили молебенъ по случаю взятія Карса. Сейчасъ буду пироги печь изъ муки (какой не знаю) привезенной деньщиками отъ болгаръ и выданной изъ роты говядины,—нѣтъ только дрозжей, но какъ нибудь обойдусь. Здѣсь братъ чему не научишься, и стряпать, и печи строить и топить, и сапоги шить,—все что хочешь. Тетя Оля писала, что вмѣстѣ съ ней Ледя и Саша писали и послали мнѣ письмо; я его до сихъ поръ еще не получалъ, хотя письмо Ольги Львовны уже около недѣли какъ пришло. Поклонись Папѣ, мамѣ, тетѣ и дѣтямъ.

В. Андреевъ.

7 Декабря.
Гор. Орханія.

Дорогой Лева

Въ настоящую минуту я благоденствую, стою въ теплой избѣ и хотя уже около 4 часовъ дня, но я еще (положительно) не вставалъ. Какъ ты проводишь время,—я не знаю..... Да кстати объ Орханіи—это городъ, но такой, что вѣроятно всякая русская деревня лучше его, а Петербургская сторона просто роскошь, сравнительно съ нимъ. Улицъ нѣтъ, а есть рѣчки, по которымъ путешествуютъ

по водѣ, яко посуху. Я тебѣ не шучу,—вода по улицамъ имѣетъ свое теченіе изъ одной въ другую. Вчера, обрадовавшись маркитанту пріѣхавшему въ городъ (Львову), мы пошли завтракать, ничего не съѣли, а сорвали съ насъ страшно дорого. Эффектно было, когда мы спускались внизъ съ горъ (Масляница на Балканахъ), когда все и всѣ кубаремъ летѣло внизъ, до того высоко, круто и скользко. Сегодня мы собираемся устроить баню, а то, братъ, вши совсѣмъ было заѣли. Я въ этомъ отношеніи счастливѣе всѣхъ, у меня ихъ почти нѣтъ, но у другихъ ихъ масса. (Отъ скуки) Ихъ ловятъ и десятками сожигаютъ на кострахъ. Если бы ты видѣлъ, что здѣсь за формы, ты бы удивился,—кто въ чемъ хочетъ, тотъ въ томъ и ходитъ,—все разорвалось и разлетѣлось. Пользоваться этимъ благополучіемъ, пожить въ избушкѣ, намъ придется вѣроятно не долго и вѣроятно насъ опять пошлютъ куда нибудь въ обходъ. Что подѣлываетъ Фефочка? Отчего ты пересталъ за ней ухаживать? А я подумывалъ уже, что вернувшись въ Питеръ ты меня познакомишь съ ней. Такъ какъ это письмо ты получишь около своего рожденья, то поздравляю тебя. Странно, какъ это я не буду у тебя въ этотъ день, это первый годъ. Ты совершенно напрасно думаешь, что я часто пью,—это бываетъ только тогда, когда слишкомъ холодно и удачно, дешево удастся купить ромъ или коньякъ (что слишкомъ дорого), а румынскую водку я не могу пить. Ты же совершенно начинаешь завинчивать; можно выпить въ компаніи, при случаѣ, да и то немного, но напиваться, искать компаніи и придираться къ случаю нехорошо—плохо будетъ, коли привыкнешь. Семеновцы были подъ Этрополемъ и Провецомъ вмѣстѣ съ Преображенцами, за что получили: Семеновскіе 20 наградъ, а Преображенцы-Захары 16 наградъ, на полкъ. Но вѣрнѣе будетъ, если сказать, что они „не за что“ получили эти награды. Семеновскіе били бѣгущихъ турокъ, а Преображенцы устроили намъ Шандарникъ, Арабоканакъ и т. п. неприступныя позиціи, вторую Плевно (можетъ быть), тогда какъ, пользуясь паникой турокъ, они могли все это занять почти безъ сопротивленія.

В. Андреевъ.

28 Декабря.
Гор. Софія.

Наканунѣ Рождества мы вошли въ Софію, которую турки бросили еще ночью, но наша кавалерія до полудня не знала объ этомъ, такъ какъ турки-прохвосты развели костры въ пустыхъ лагеряхъ, а на валахъ укрѣпленій, какія были, поставили чучелъ-часовыхъ, для аванпостовъ же оставили ничтожное количество кавалеріи, которая съ разсвѣтомъ удрала. И такъ они насъ надули и удержали нѣсколько часовъ передъ пустымъ лагеремъ. Софія паршивый городъ, вродѣ жидовскаго Бердичева. Множество жидовъ и замѣчательно типичныхъ. Интерес-

ные здѣсь наряды у женщинъ—платья внизу зашиты и оставлено по бокамъ только отверстіе для ногъ, такъ что путешествіе постороннимъ рукамъ если не невозможно, то слишкомъ трудно. Еще замѣчательно другое—женщины страшно перетягиваютъ себѣ груди и потому всѣ онѣ безъ грудей, которыя очень плоски, не то что у нашихъ женщинъ, щеголяющихъ своими грудями. Когда мы вошли въ городъ, то турокъ вовсе не было, всѣ они бѣжали за войскомъ, но затѣмъ подъ-вечеръ казаки ихъ вернули въ огромномъ количествѣ, причемъ вѣроятно сильно щупали (ихъ телѣги) и даже не столько казаки и солдаты, какъ сами болгары. Послѣдствіемъ этой щупки было то, что Никишовъ нашелъ на дорогѣ узелъ, гдѣ были носки, простыня, нѣсколько полотенецъ и между прочимъ женское ситцевое платье и хорошія, тонкія женскія панталоны, которыя я велѣлъ сберечь до Питера, но не знаю кому ихъ подарить—не придумаешь ли? Вчера былъ въ банѣ, настоящей восточной. Преинтересно; бани, сами по себѣ, паршивенькія, грязныя, но очень оргинальныя. Построены на томъ мѣстѣ, гдѣ бьютъ горячіе ключи, которыхъ здѣсь очень много. Прежде всего онѣ стоятъ возлѣ собора, гдѣ (въ соборѣ) я былъ въ 1-й день праздника у обѣдни, послѣ того какъ художникъ Ивановъ (кажется корреспондентъ Новаго Времени) снималъ группу нашего полка. Бани, какъ видно, выстроены только для лѣта, передбанникъ почти на открытомъ воздухѣ, такъ что раздѣваться черезъ чуръ холодно и такимъ образомъ приходится мыться, раздѣваться и одѣваться въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того мужчины, дѣти и женщины моются вмѣстѣ и въ одно время, а также тутъ же и бѣлье моютъ. Устройство бань таково: круглая комната со сводчатымъ потолкомъ, посрединѣ которой стоитъ нѣчто вродѣ мраморной колонны, изъ которой бьетъ множество ключей. Изъ этой круглой комнаты ведутъ нѣсколько маленькихъ дверокъ въ каморки, въ маленькія ниши или гроты; въ каждой изъ нихъ бьетъ по ключу или по два, изъ стѣны въ мраморный резервуаръ. Въ одной изъ этихъ каморокъ я помѣстился и признаться вымылся на славу на мраморномъ полу. Никишовъ ходилъ по банѣ и все разсматривалъ бабъ. У женщинъ впрочемъ надѣто нѣчто вродѣ нагрудниковъ, но не смотря на это, онъ успѣлъ разглядѣть у нѣкоторыхъ ихъ прелести. Холодной воды не полагается. При возвращеніи турокъ въ Софію я разглядывалъ ихъ и очень много замѣчательно хорошенькихъ, бѣленькихъ женщинъ, но подлыя всѣ позакрывали себѣ лица, оставивъ только одни глаза. Но это обстоятельство очень интриговало. Говорятъ, у васъ нѣтъ зимы, зато у насъ зима хорошая, русская, морозъ, сплошь и рядомъ, доходитъ до 17—20 градусовъ. Эхъ, помнишь прошлую зиму? Ну да что и вспоминать объ этомъ. Поклонись всѣмъ своимъ.

Твой В. Андреевъ.

7-е Января.
Гор. Софія.

Ты какъ провелъ праздники? Гдѣ былъ и что дѣлалъ?

Мы, какъ видишь до сихъ поръ стоимъ въ Софіи, хотя наши уже далеко, очень далеко. Можно надѣяться, что мы пробудемъ здѣсь и до заключенія мира, такъ какъ смѣна наша все еще нейдетъ,—ея и признака даже нѣтъ, какъ нѣтъ, а тамъ смотришь про насъ забудутъ и мы не увидимъ не только Константинополя, но даже и Филипополя. Жизнь наша отмѣнная, въ твоемъ вкусѣ, много спимъ, ѣдимъ и еще больше пьемъ—неправда ли это хорошо? Здѣсь очень дешевы вина, но они скорѣе (мѣстныя, виноградныя) похожи на баварскій квасъ, чѣмъ на вино. А здѣшняя водка (ракй)—сладенькій брандахлыстъ съ примѣсью аниса. Но впрочемъ есть въ изобиліи и шампанское, которое любителями уничтожается преисправно. По вечерамъ рѣжемся въ вистъ, преферансъ, а изрѣдка и въ штосикъ. Въ общемъ нельзя сказать, чтобы я проигралъ, но и не выигралъ. Вы хорошо праздновали взятіе Плевно,—какъ дома, такъ и въ училищѣ, но не надо забывать и про насъ, мы теперь праздновали взятіе ея, хотя нѣсколько иначе. На другой день, 29-го Ноября, нашъ батальонъ и 2 роты 1-го батальона были въ дежурной части на позиціи. Это было еще во время нашего долгаго стоянія на Шандарникѣ, противъ Арабоканака. Около 11 час. утра мы услыхали далекіе перекаты громкаго, непрерывнаго ура на правомъ флангѣ позиціи, все болѣе и болѣе приближаясь къ намъ. Намъ, такъ же какъ и Вамъ, при крикѣ ура 2-й ротой, почему-то показалось, что должно быть взята Плевно. Я поѣхалъ узнать причину этого громкаго ура. Когда вернувшись я сообщилъ, что дѣйствительно Плевно взяли, нашъ батальонъ крикнулъ долгое, оглушительное ура, такое ура, что турки массой высыпали изъ редутовъ; затѣмъ черезъ нѣсколько времени скрылись и отвѣтомъ на нашу радость, ликованье и громкое ура былъ градъ турецкихъ гранатъ, пришедшихъ, вѣроятно, поздравить насъ съ побѣдой. Въ теченіи болѣе чѣмъ $1^1/_2$ часовъ они насъ осыпали снарядами, но благодаря Бога и траншей никого не ранили, хотя многія гранаты рвались въ самомъ брустверѣ. Затѣмъ турки прекратили пальбу и опять высыпавъ массой изъ редутовъ принялись рыть новыя укрѣпленія, вѣроятно объяснивъ себѣ наше дружное, громкое ура прибытіемъ къ намъ сильныхъ резервовъ и ожидая на завтра атаку своей позиціи и безъ того уже неприступной во всѣхъ отношеніяхъ. По случаю побѣды этой солдатамъ дали по чаркѣ водки и по одному лишнему быку на батальонъ, а мы пили въ этотъ день чай въ накладку и съ чернымъ хлѣбомъ. Вотъ какъ мы отпраздновали Плевно. Вы гуляли вечеромъ по Невскому, но и у насъ есть свой Невскій проспектъ, Палкинъ, старый и новый и т. п.,—мы все окрестили нашими русскими, петербургскими именами. Ты говоришь, что Любовь Леонидовна дала слово не играть въ petits jeux и не играетъ. Да съ кѣмъ же теперь и играть-то? развѣ ты забылъ,

что разставшись съ нами, Вы разстались и съ весельемъ,—до нашего возвращенія. Пѣть Вы конечно также не поете, такъ какъ едва ли Вы можете найти тенора, могущаго хоть отчасти замѣнить меня. Да, кстати объ играхъ,—на нашей встрѣчѣ новаго года мы устроили, въ память твоего рожденія, игру въ petits jeux; очень многіе молодые офицеры приняли участіе, подъ предводительствомъ Маркова—Михаила. Устроивъ игру я самъ въ ней не участвовалъ. Вы конечно засмѣетесь, что боевые офицеры играютъ въ petits jeux. Вѣдь правда? Я уже теперь вижу, что ты улыбаешься? Затѣмъ, я очень часто вспоминаю Любовь Леонидовну. Съ моимъ сожителемъ Фроловымъ мы очень часто поемъ въ два голоса, такъ какъ онъ отлично вторитъ, и между прочимъ „Няню" любимую Любовь Леонидовны. Марковъ совсѣмъ не думаетъ сердиться на тебя, какъ ты предполагаешь. Онъ (какъ всегда) уже съ давнихъ поръ собирается писать тебѣ, но—собраться до сихъ поръ еще не могъ и когда именно онъ тебѣ напишетъ не знаю, но собирается уже давно, очень давно. Сейчасъ Болгары пекутъ намъ пирогъ, пирогъ роскошный съ лукомъ и творогомъ (сыромъ), а мы посылаемъ за Марковымъ и виномъ. Значитъ закусимъ, а потомъ выпьемъ,—вѣдь недурно, какъ ты думаешь? Вина здѣсь выпивается масса, такъ какъ оно на вкусъ кисловато, крѣпости никакой и послѣ обѣда довольно вкусно, а такъ какъ мы ѣдимъ 10 разъ въ день, то и вина выпиваемъ массу. Марковъ щеголяетъ дворникомъ въ красной фуфайкѣ и валенкахъ, такъ какъ онъ сильно отморозилъ ноги. Посылаю тебѣ мой портретъ въ походѣ,*)—на турецкой лошади. Поклонись папѣ, мамѣ, тетѣ и Ледѣ съ Сашей.

В. Андреевъ.

7 Марта.

Портъ С. Стефано.

Наконецъ, послѣ двухъ-мѣсячнаго ожиданія, я получилъ письма и между прочими нѣсколько твоихъ. Я самъ не писалъ тебѣ такъ долго потому, что не было почтоваго сообщенія вплоть до нашего прихода сюда. Описывать тебѣ наше путешествіе изъ Софіи сюда, черезъ Филипополь и Адріанополь, я не буду, если хочешь, то можешь узнать у тети Оли, а опишу тебѣ свою жизнь, начиная съ крестоваго похода въ „благословенный градъ Кюстендиль" и до сей минуты, она совсѣмъ иная, чѣмъ была прежде и вполнѣ въ твоемъ родѣ. До похода въ Кюстендиль я жилъ положительно монахомъ по части прекраснаго пола, а вернувшись въ Софію я перешелъ въ общество Мочихина и компаніи кумовей-егерей и съ тѣхъ поръ моимъ девизомъ стало: „пить, ... и веселиться." Правда, что не

*) Къ письму приложенъ клочекъ бумаги, на которомъ карандашемъ нарисованъ ѣдущій на лошади верхомъ военный въ шинели и башлыкѣ. Наверху написано: „Это я во время перехода черезъ главный перевалъ Балканъ, на турецкой лошади, которую везу для тебя и Саши."

пить краснаго, превосходнаго вина, такого какого въ Питерѣ не найдешь, изъ чистаго винаграднаго сока—даже грѣхъ, такъ какъ оно стоило 2—3 гроша око, т. е. 2 бутылки 10—15 коп. сер., что дешевле пареной рѣпы. Вина мы выпивали безъ счета, хотя оно крайне крѣпкое, пьяное, въ отличіе отъ обыкновеннаго краснаго вина. Въ Софіи мы.......

5 Апрѣля.
Д. Сафра-Кіой.

Скажи пожалуйста мнѣ, отчего отъ тебя такъ долго нѣтъ ни одного письма? Вѣдь кажется теперь жаловаться на почту нельзя, письмо бываетъ въ дорогѣ не болѣе недѣли. Быть можетъ ты сильно занятъ приготовленіемъ къ экзаменамъ, что весьма понятно, такъ какъ недавно мама твоя мнѣ писала, что Вашъ выпускъ предполагается около Пасхи. Но и въ этомъ случаѣ ты могъ бы написать мнѣ нѣсколько словъ, а то вотъ уже съ мѣсяцъ нѣтъ ни одного письма отъ тебя. То, гдѣ ты описываешь свою встрѣчу съ M-lle Оголейтъ было послѣднее. Сердиться на меня ты не можешь, нѣтъ къ этому повода у тебя, да наконецъ и не смѣешь. Чтоже можетъ быть причиной тому, что ты мнѣ совсѣмъ не пишешь? Быть можетъ, вмѣсто тебя, кто нибудь изъ офицеровъ Училища читаетъ мои письма,—но это едва ли, въ наше время этого не дѣлалось, не было ни одного примѣра, за всѣ два года моего пребыванія. Да и теперь, я не думаю, чтобы это могло быть,— они въ высшей степени люди порядочные, да и интересоваться письмами юнкера, который не сегодня, то завтра будетъ офицеромъ, едва ли кто будетъ. Я написалъ тебѣ три или четыре послѣднихъ письма въ Училище. Изъ нихъ половина была послана изъ Филипополя, гдѣ описывалась моя жизнь въ Софіи (послѣднее время) и въ Филипополѣ, а два послѣднія были писаны здѣсь, въ Сафра-Кіой, и описывалось наше препровожденіе время здѣсь. Всѣ они были игриваго содержанія, почему и были адресованы въ Училище, а не домой. Это письмо будетъ такого же содержанія, какъ и предъидущія, т. е. игриваго. Но на него ты долженъ, во что бы то ни стало, отвѣтить мнѣ, иначе я буду думать, что мои письма, адресованныя тебѣ въ Училище,—не доходятъ, и я буду опять писать, какъ прежде, домой и общаго, „до-Софійскаго“ характера.

Итакъ на это письмо я жду *немедленнаго отвѣта*. Перваго Апрѣля вечеромъ я ѣздилъ въ Константинополь и вернулся утромъ рано третьяго числа. Поѣздка наша составилась неожиданно, а что дѣлается неожиданно, то всегда выходитъ очень весело, такъ точно и тутъ вышло. Послѣ обѣда мы отправились въ „кафе-шантанъ“, въ „Конкордію“ и т. п., гдѣ встрѣтили нашихъ С. Стефанскихъ знакомыхъ, съ которыми немного опять выпили. Да, кстати, теперь я опять сталъ пить шампанское, поздравь меня, я могу составлять тебѣ компанію, но только не чистое, а съ половинной примѣсью портера. Какъ чистое шампанское,

такъ равно и портеръ я не могу пить, но вмѣстѣ оба мнѣ очень нравятся. Обходъ увеселительныхъ заведеній мы кончили около 2-хъ часовъ ночи и начали, приступили къ обходу богоугодныхъ заведеній и институтовъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для малолѣтнихъ дѣвицъ. Мы посѣтили домовъ семь или восемь и видѣли всѣхъ сортовъ и возрастовъ женщинъ, начиная отъ 10 лѣтъ и кончая 40—45 годами. Но цѣны на товаръ этого рода за послѣднее время поднялись очень высоко, такъ что ниже золотого ты нигдѣ ничего не найдешь, а все хотятъ 2, 3 и 4 золотыхъ,—безобразіе что такое. Вернувшись домой, мы легли (часовъ въ 6-ть утра) спать, на чудныя, мягкія, роскошныя кровати, какихъ я уже не видѣлъ около года. Что за удовольствіе, что за наслажденіе было раздѣться и лечь спать, но..... спать мнѣ удалось недолго,—часовъ въ 8 утра насъ разбудили и мы должны были встать, потому что въ 9 часовъ пріѣхала коляска (съ англійскою упряжью) и проводникъ, для того чтобы ѣхать осматривать самый городъ. Подробности нашего осмотра этого рода я тебѣ не стану описывать, скажу только, что городъ мнѣ очень понравился, вездѣ были, всюду заходили и видѣли все, что только можно. Гуляли въ городскомъ саду, на берегу Босфора. Насъ потѣшало то, что мы видѣли массу офицеровъ и генераловъ (такъ же въ статскомъ какъ и мы) и никто насъ не узнавалъ. Обѣдали въ этотъ день маленькой компаніей, человѣкъ въ семь, въ „Отелѣ Англетеръ", очень хорошо и весело, а вечеромъ кончали обходъ, начатый наканунѣ. Въ этотъ вечеръ мы увидѣли то, чего не видали наканунѣ. Спать также почти не удалось, такъ какъ легли опять около 5 час. утра, а встали въ 7 час. утра, потому что въ $8^1/_2$ ч. отходилъ поѣздъ въ С. Стефано и надо было поспѣть на ученье (у насъ ученье каждый день два раза). Но зато пріѣхавъ домой, я легъ спать часовъ въ 5 вечера, послѣ второго ученья, и всталъ только на другой день въ 11 час. утра (вчера), да и то разбудили, къ молебну.

Видѣлъ турецкихъ солдатъ, ротное ученье и познакомился съ нѣсколькими турецкими полковниками, какимъ то пашей и начальникомъ городской полиціи. Теперь подробно описать не могу, что я видѣлъ того нельзя „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать."

Досвиданья, будь здоровъ и кланяйся своимъ.

Твой В. Андреевъ.

15 Апрѣля.
Д. Сафра-Кіой.

Ну-съ дорогой Левушка, Христосъ Воскресъ, какъ живете, можете? Ты что-то совсѣмъ пересталъ мнѣ писать и я, совершенно не получая отъ тебя писемъ, сильно соскучился. Праздники желаю тебѣ провести, равно какъ и встрѣтить, въ офицерской формѣ и наивозможно весело. Въ концѣ Пасхи, вѣроятно, Архи-

повъ 1 пріѣдетъ къ Вамъ въ Петербургъ и зайдетъ къ мамѣ. Я просилъ его передать ей разныя глупости и между прочимъ тебѣ я посылаю складную трубку и шелковый кошелекъ, въ который я положилъ тебѣ на счастье нѣсколько турецкихъ монетокъ. Когда я уѣзжалъ сюда, то ты просилъ меня привезти тебѣ турецкаго табаку. Представь себѣ я вездѣ постоянно думалъ объ этомъ, но нигдѣ не могъ найти дѣйствительно хорошаго табаку; не говоря о томъ, что онъ очень дорогъ, но главное то что гораздо хуже нашего Россійскаго. Впрочемъ теперь я просилъ привезти мнѣ довольно порядочнаго табаку, но важно то, что совершенно другаго вкуса, чѣмъ всѣ наши русскіе табаки. Посовѣтуй мнѣ, въ какомъ бы духѣ и вкусѣ я могъ сдѣлать, по возвращеніи, папѣ подарокъ, чтобы онъ былъ ему пріятенъ и наиболѣе полезенъ. Я уже просилъ объ этомъ маму, но она можетъ быть будетъ стѣсняться сказать мнѣ откровенно, а ты, я думаю, это не сдѣлаешь и скажешь прямо. Теперь я почти постоянно сижу въ своей конурѣ, такъ какъ въ С. Стефано всѣ увеселенія закрыты, по случаю Страстной недѣли, да кромѣ того меня вмѣстѣ съ прикомандированнымъ къ Егерскому полку Мининымъ въ нѣкоторыя мѣста отказались пускать. Мининъ этотъ замѣчательный человѣкъ, замѣчательный всѣмъ, замѣчательный уже однимъ тѣмъ, что онъ женатъ на Евгеніи Соколовой. Я съ нимъ познакомился у П. И. Богданова, но послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ въ Стефано мы съ нимъ отлично сошлись, время большею частью проводили вмѣстѣ и вмѣстѣ странствовали. Ну досвиданья, будь здоровъ и поклонись своимъ.

В. Андреевъ.

16 Апрѣля.
Д. Сафра-Кіой.

Христосъ Воскресъ!

Дорогой Лева.

Вчера вечеромъ, послѣ очень долгаго ожиданія, я наконецъ получилъ твое письмо. Хотя я очень опечаленъ тѣмъ, что ты выкатилъ по 2 разряду, но тѣмъ не менѣе спѣшу тебя поздравить съ офицерскимъ чиномъ, котораго ты такъ страстно хотѣлъ и ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Но больше всего я тѣмъ доволенъ, что ты остался въ Петербургѣ, хотя и временно, такъ какъ съ приходомъ Гвардіи васъ угонятъ опять въ Новгородъ,—но впрочемъ лѣтомъ мы каждый годъ будемъ имѣть удовольствіе видѣть Ваше Благородіе въ Петербургѣ, такъ какъ Ваша дивизія будетъ по очереди или занимать караулы или же отдуваться вмѣстѣ съ нами въ лагеряхъ подъ Краснымъ селомъ и мы опять будемъ вмѣстѣ понтировать въ Стрѣльно..... да?

Скажи ты мнѣ пожалуйста, отчего ты мнѣ пишешь такія коротенькія письма? Мнѣ, кажется, уже совершенно нечего описывать, матерьяла нѣтъ рѣшительно

никакого, да и то набираю почти каждый разъ по два почтовыхъ листа, довольно мелкаго письма, а между тѣмъ живу безъ выѣзда въ Сафра-Кіой и жизнь до нельзя однообразная. Парадъ, назначенный на завтрашній день, всѣмъ войскамъ, стоящимъ около Константинополя, отказанъ, чему мы всѣ конечно очень рады. Было предложено послѣ этого парада сдѣлать общее предвиженіе войскъ и занять новую позицію, причемъ мы должны были остаться на нашемъ старомъ мѣстѣ и составлять правый флангъ, а лѣвый флангъ предполагался у Чернаго моря. Гвардейская стрѣлковая бригада отъ насъ отдѣлялась и присоединялась къ отряду Скобелева. Какъ ты встрѣчалъ Пасху? Дома или въ Училищѣ? Я думаю, рисую себѣ картину, что ты былъ въ Юридическомъ у заутрени, а оттуда поѣхалъ домой разговляться,—поѣлъ такъ вкусно, съ аппетитомъ, послѣ недѣльнаго поста,—да? правда? Впрочемъ, что же, и я былъ у заутрени, но совсѣмъ при другой обстановкѣ,—въ маленькой, бѣдной Греческой церкви, въ нашей деревнѣ, вмѣсто блестящей публики, разодѣтыхъ въ пухъ и прахъ дамъ, было много солдатъ, одѣтыхъ также въ новые мундиры и причесанныхъ. Чтоже касается разговѣнья, то тутъ я передъ тобой пасую,—я совсѣмъ не разговлялся, хотя думалъ разговѣться и очень даже порядочно, но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ,“ говоритъ пословица, такъ вышло и здѣсь, хотѣли разговѣться какъ слѣдуетъ, для чего офицеръ поѣхалъ отъ батальона, въ Константинополь для закупки и приготовленія всевозможныхъ яствъ для нашей артели. Но чтоже вышло,—ему приготовили-то все какъ слѣдуетъ и все то что онъ просилъ, но вывезти то изъ Константинополя и не позволяютъ, оказывается запрещено вывозить изъ города какъ хлѣбъ, такъ равно и вообще все съѣдобное. Вотъ такъ фунтъ!—такъ все тамъ и осталось пришлось или ѣхать въ Константинополь разгавливаться или же вовсе не разгавливаться или же разгавливаться у маркитанта. Я выбралъ первое и легъ спать. Да, впрочемъ, говорить правду, то намъ не-послѣ-чего было и разгавливаться-то, такъ какъ я, да и всѣ мы, ни одного дня не постились во всѣ семь недѣль. Праздники я провожу и проведу совершенно также какъ и всѣ вообще дни. Досвиданія, будь здоровъ и продолжай начинающуюся завтра твою службу хорошенько и съ успѣхомъ. Я тебѣ рекомендую явившись въ полкъ сдѣлать всѣмъ офицерамъ офиціальные визиты, затѣмъ быть со всѣми въ высшей степени вѣжливымъ и внимательнымъ, но ни съ кѣмъ коротко не сходиться, а держать себя какъ можно дальше ото всѣхъ и особенно старшихъ, но въ то же время любезно, просто и безъ намека на гордость. Рекомендую также оставить твой гвардейскій, яко-бы, шикъ,—онъ можетъ тебѣ сильно повредить не только во мнѣніи старшихъ чиновъ, но даже и у своихъ товарищей. О будущемъ твоемъ переводѣ въ Гвардію никто чтобы и думать не смѣлъ изъ офицеровъ полка и до послѣдней минуты никому и говорить не смѣй, а то тебя заѣдятъ, въ арміи гвардію не терпятъ, и о тебѣ будутъ думать, что ты вышелъ въ полкъ только

по необходимости и на время. Ты въ полку встрѣтишь такихъ артистовъ, комиковъ, о существованіи которыхъ ты едва ли и думалъ. Рекомендую съ ними какъ можно дальше себя держать, будучи въ то же время безгранично вѣжливымъ, ничѣмъ не оскорбляя ихъ комизма, недостатковъ и необразованія. Въ дежурную комнату заходи почаще, но не надолго подъ предлогомъ чтенія газетъ, книгъ и т. п. Человѣка имѣющаго хоть что нибудь кромѣ жалованья ты и не думай разыгрывать, а то тебѣ отъ однихъ нахаловъ не будетъ отбоя, будутъ тебѣ навязывать свою дружбу и требовать кутежъ на твой счетъ, а другіе будутъ тебя чуждаться, какъ люди бѣдные, и недолюбливать въ то же время. Также не хвастай родней. Ну, прощай и будь здоровъ.

В. Андреевъ.

28 Апрѣля.
Д. Сафра-Кіой.

Наконецъ мнѣ серьезно начинаетъ здѣсь надоѣдать, скука стала такая, что не знаешь что и дѣлать, что выдумать такое. Одно развлеченіе въ лодкахъ и лошадяхъ, на которыхъ отъ скуки рыскаешь по полямъ и лугамъ. Впрочемъ теперь и это удовольствіе уменьшилось, сегодня мою „гитару“ покусалъ сорвавшійся егерскій обозный жеребецъ, а на одной маленькой турчанкѣ далеко не уѣдешь, часто жаль гонять, тѣмъ болѣе что онъ очень горячъ и скоро черезъ это устаетъ. Да-съ, дорогой Левчикъ, мнѣ становится здѣсь сильно таки скучно, а Вы къ тому же не напишете ни одного письма. Теперь вѣдь ты офицеръ и, я думаю, показалъ себя? Пиши мнѣ, ради Бога, почаще и побольше (я не люблю коротенькихъ писемъ). У тебя теперь должно быть масса интереснаго для писемъ матерьяла. Какое, напримѣръ, произвели впечатлѣніе на тебя твои первые офицерскіе дни? и гдѣ ты отвелъ душу послѣ скучныхъ экзаменовъ. Тетя Оля мнѣ пишетъ (15 Апрѣля), что ты по нѣсколько разъ въ день примѣряешь свой офицерскій мундиръ,—правда это? Вотъ, я думаю, мама-то съ папой какъ рады и довольны твоимъ офицерствомъ, для нихъ Пасха была двойнымъ праздникомъ. Да, братъ, а вѣдь теперь тебѣ съ Ледей-то драться больше нельзя, развѣ подъ предлогомъ репетиціи войны русскаго съ туркой или вѣрнѣе съ англичаниномъ. Передай, между прочимъ, Ледѣ, что я всѣ его стихи спряталъ и берегу, какъ память писаки......

Сегодня у насъ опять было землетрясеніе и говорятъ довольно сильное,— это уже третіе втеченіи этихъ $1^1/_2$ мѣсяцевъ нашей здѣсь стоянки. Правда мы не замѣтили его, такъ какъ это было утромъ, когда всѣ мы были на ученьѣ и во время маршировки не знали, земля ли качается подъ нами или мы сами. Но денщики и одинъ нашъ больной офицеръ были дома въ это время и говорятъ, что домъ ходилъ ходуномъ. Гофштетеръ пришелъ въ гости въ это же время,

навѣстить больнаго, но замѣтивъ хожденіе дома, струсилъ за его устойчивость, схватилъ въ охапку пальто да шапку и маршъ безъ памяти на дворъ (ты не подумай только что нибудь дурное).

До свиданія, будь здоровъ и кланяйся своимъ.

Твой В. Андреевъ.

11 Мая.
Д. Сафра-Кіой.

Ну-съ дорогой мой Левчикъ, наконецъ-то вчера я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо. Я вижу, что ты совсѣмъ ошалѣлъ съ производствомъ въ офицеры. Что это значитъ „да и къ чему мнѣ выходить было по 1 разряду, если я думаю черезъ 3 года выйти въ отставку??“ Если бы я могъ, то непремѣнно высѣкъ бы тебя за это; зачѣмъ говорить глупости. Тебѣ надо думать не объ отставкѣ, а о томъ, чтобы составить о себѣ хорошее мнѣніе у начальства и хорошо идти впередъ; затѣмъ перевестись въ гвардію и идти въ Академію или по крайней мѣрѣ стараться всѣми силами. Что касается до твоихъ новыхъ знакомствъ, при ограниченныхъ средствахъ, то я бы тебѣ посовѣтовалъ положительно ихъ оставить,—изо всего этого путнаго ровно ничего не выйдетъ. Брось все это и подожди моего возвращенія, Богъ дастъ, это будетъ скоро, и тогда я тебѣ ручаюсь за хорошія и пріятныя знакомства. Маленькій антрактъ, иду купаться въ волнахъ Мраморнаго моря.

Сейчасъ пріѣхалъ съ купанья,—ты не можешь себѣ представить, что это за прелесть. Одно плохо,—что немного далеко; самая близкая часть моря у ст. желѣз. дороги „Кучукъ-Чекенеджи“, около 3 верстъ, но эта непріятность уничтожается тѣмъ, что я всегда ѣзжу на махонькой турчанкѣ и благодаря этому не замѣчаю дальности разстоянія. Я никогда не купался съ такимъ наслажденіемъ какъ здѣсь. Берегъ песчаный и довольно крутой, шагахъ на 50-ти выше шеи, вода довольно теплая (вѣроятно 14°), вслѣдствіе же того, что она соленая,—въ ней чрезвычайно легко плавать, ибо она гораздо плотнѣе обыкновенной, прѣсной воды. Но особенно пріятно купаться во время волнъ, когда тебя перебрасываетъ съ одной волны на другую и отъ времени до времени волна перекатывается черезъ тебя. Вообще на морѣ можно очень весело проводить время. Напр. на прошлой недѣлѣ, во время хорошаго вѣтра, я два раза катался съ Гейнрицiусомъ на лодкѣ. Такъ я катался въ первый разъ во всю мою жизнь. Мы ѣздили на парусахъ и на большой лодкѣ, но когда намъ приходилось ѣхать противъ вѣтра и волнъ, то часто наша лодка слегка черпала воду своимъ накренившимся краемъ или гребень разрѣзанной волны скатывался по носу нашей лодки, обтянутому на этотъ случай кожей, въ особенности когда мы заѣхали въ глубь моря. Мы вернулись на берегъ всѣ мокрые, обрызганные, но зато то удовольствіе, которое

мы получили отъ этой прогулки на парусахъ, я не могу тебѣ передать, это что-то особенное. У насъ произошло всеобщее передвиженіе войскъ и расположились всѣ боевымъ порядкомъ отъ Мраморнаго моря до Чернаго въ нѣсколько линій, такъ что Константинополь окруженъ нашими войсками. Благодаря отличному устройству нашего лазарета и бивуака и малаго числа больныхъ, мы остались на старомъ мѣстѣ и составляемъ частный резервъ 1-й линіи нашей дивизіи. У насъ въ полку чуть ли не наименьшее число больныхъ, около 180—120 чел., затѣмъ среднее число больныхъ въ полкахъ около 500—600 чел., но случается, что переваливаетъ и далеко за 1000 чел., не считая дивизіонныхъ лазаретовъ и госпиталей, куда уже давно перестали принимать больныхъ. Преимущественно болѣзнь тифъ всѣхъ родовъ и лихорадка возвратная. Ну да Богъ съ ними. У насъ каждый день производятся ученья и между нашей 1-й линіей и турками происходитъ много комичнаго. Уже очень давно турки, яко бы учась, вырыли нѣсколько линій громадныхъ редутовъ, обращенныхъ къ намъ фронтомъ. Теперь же турки обратились съ просьбой къ Генер. Тотлебену, чтобы онъ запретилъ производить ученья Преображенскому, Павловскому и Финляндскому полкамъ фронтомъ къ турецкой позиціи, а то они въ концѣ ученья ведутъ атаку на турецкія укрѣпленія, бросаются на ура и занимаютъ ихъ, (между ними и 1-й линіей турокъ около 1—1½ верстъ). Турки выразили боязнь, что въ одно прекрасное утро Павловцы, произведя учебную атаку, также шутя, учась, займутъ ихъ редуты, какъ они ихъ, учась же, выстроили; да и вообще каждое подобное ученье заставляло сильно тревожиться турокъ. Въ особенности Преображенцы смущаютъ ихъ, бросаясь съ громкимъ ура на лагерь безмятежно отдыхающихъ турокъ и останавливались только въ разстояніи какихъ нибудь 40—60 шаговъ отъ него. Съ передвиженіемъ войскъ и открытіемъ театра Итальянской Оперы Стефановская Конкордія опустѣла. Впрочемъ мы о ней и не жалѣемъ, такъ какъ у насъ, не далѣе какъ въ Субботу, у самихъ въ Сафра-Кіой, открывается такая же „шантанка“, если еще не лучше. Новаго ничего нѣтъ. Досвиданія. Собираюсь обѣдать, причемъ на третье блюдо сейчасъ купилъ великолѣпной земляники-викторіи. Она у насъ очень дешева и довольно вкусной и большой клубники корзинка фунта въ 2—3 стоитъ какихъ нибудь 2—3 франка. Кланяйся всѣмъ своимъ и будь здоровъ.

В. Андреевъ.

14 Іюля.
Д. Сафра-Кіой.

Дорогой Лева

Сейчасъ получилъ твое письмо, и такъ какъ ты не поздравилъ меня съ Ангеломъ, то я поздравляю тебя съ имянинникомъ (завтра 15-е и я имянинникъ).

.....Я не знаю отчего и почему, но у меня, съ того время, какъ мы пришли

сюда, стали сильно идти волосы, вылѣзать, чѣмъ я очень и очень недоволенъ, впрочемъ это дѣлается почти со всѣми, а не съ однимъ мной.

Сейчасъ нашелъ компанію и ѣду завтра, праздновать свои имянины, на островъ Принца. Какъ проведу тамъ время—не знаю, но думаю, что не скучно.

Такъ какъ предполагается, въ скоромъ времени, преподнести Государю альбомъ, который будетъ состоять изъ группъ (офицеровъ) всѣхъ полковъ, то сегодня пріѣзжалъ къ намъ фотографъ и мы снимались, и также сняли группу всѣхъ фельдфебелей и знаменщиковъ. Фельдфебельская группа удалась отлично и сразу, но нашу, по случаю вѣтра, качавшаго инструментъ, и офицерскаго смѣха, безъ котораго обыкновенно не обходится ни одна большая группа, долго неудавалось и вышла хорошо только послѣ 5-го раза. Не знаю какъ выйдетъ группа, но предполагаю, что хорошо, а главное эфектно, благодаря роскошной декораціи, которую представилъ собой лагерь и д. Сафра-Кіой, расположенная на горкѣ, у подошвы которой и мы расположились........

......Въ С. Стефано я почти не бываю; я нахожу, что тамъ только лишній переводъ золота, а путнаго нѣтъ ничего. Къ тому же у меня уже осталось больно мало денегъ. Сначала-то, съ „голодухи“, мы всѣ, въ томъ числѣ и я, сильно напустились на Стефано и тамошнюю Конкордію, но теперь они мнѣ совсѣмъ опротивѣли, хотя многіе еще до сихъ поръ продолжаютъ туда ѣздить преисправно. У насъ раздѣлились офицеры на двѣ партіи конкордистовъ: одни приверженцы нѣмокъ, членовъ оркестра, другіе же приверженцы француженокъ, въ томъ числѣ и я. Съ первыми, т. е. съ нѣмками, можно свободно разговаривать, любезничать, мѣшать имъ играть, наконецъ можно ихъ щупать, и за это поить франковымъ кофеемъ и пивомъ,—онѣ на этотъ счетъ невзыскательны, но зато дальше туго, даже совсѣмъ невозможно. Иная пожалуй бы сама-то и не прочь, но капельмейстеръ слишкомъ бдительно смотритъ за ними. Чуть какую-нибудь изъ нихъ зазовешь въ отдѣльную комнату, да продержишь тамъ немного, то и онъ сейчасъ же поспѣшаетъ явиться туда; однимъ словомъ ни-ни. А я, какъ ты знаешь, это сильно не долюбливаю и поэтому противъ нѣмокъ.

Француженки—народъ совсѣмъ иной. Они имѣютъ во всемъ перевѣсъ передъ нѣмками. Онѣ гораздо пикантнѣе, шикарнѣе, прелестно одѣваются, несравненно красивѣе, хотя не разыгрываютъ изъ себя угнетенныхъ невинностей, какъ первыя. Да наконецъ, уже одно то много значитъ, что онѣ француженки—понимаешь француженки. Я очень люблю изрѣдка поужинать съ ними. Часто надоѣдаетъ однообразный подобный персоналъ. Ужины бываютъ крайне оживленны и продолжаются всегда до утра, т. е. часовъ до 6—7 утра, начиная съ 8—9 часовъ вечера. Живутъ всѣ онѣ въ Константинополѣ, но имѣютъ также квартиры и принимаютъ очень любезно, когда зайдешь къ нимъ визитомъ, вечернимъ или

утреннимъ,—это все равно. Хотя я самъ ихъ навѣщаю крайне рѣдко, но вполнѣ уважаю ихъ за это,—я не люблю нѣмецкой неприступности. Ты не повѣришь,—я говѣлъ, постился съ выѣзда изъ Петербурга,—до Кіева, изъ Кіева—до Софіи, изъ Софіи—до Константинополя и Стефано. Но знаешь ли, наши русскія женщины незамѣнимы, я ихъ ставлю выше всѣхъ. Правда, что въ Питерѣ я не былъ членомъ ни одного изъ „благотворительныхъ домовъ" и даже никогда почти не посѣщалъ ихъ, а здѣсь приходится.

Копія съ завѣщанія Ѳ. П. Гааза (изъ архива моск. надворнаго суда).

Копія.

Я все размышляю о благодати, что я такъ покоенъ и доволенъ всѣмъ, не имѣя ни какого желанія, кромѣ того, чтобъ воля Божія исполнялась надо мною. Не введи меня во искушеніе, о Боже Милосердый. Милосердіе коего выше всѣхъ Его дѣлъ. На Него я бѣдный и грѣшный человѣкъ вполнѣ и единственно уповаю. Аминь.

Какъ я признанъ совершенно несостоятельнымъ, то родные мои не могутъ имѣть ни какой претензіи на то, что можетъ оставаться послѣ меня, равномѣрно и кредиторы мои раздѣливши все, что имъ по суду досталось и кажется не будутъ имѣть больше претензіи на то, что могло бы оказаться у меня; почему я осмѣливаюсь полагать, что не приведу начальство въ затрудненіе чрезъ покорнѣйшую мою просьбу, что все могущее оказаться послѣ меня, не подвергая опечатанію, по моему искреннѣйшему желанію и просьбѣ было бы представлено моему старинному искреннему пріятелю Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Андрею Ивановичу Полю, котораго я симъ прошу не отказать мнѣ быть душеприкащикомъ, при помощи нашихъ товарищей и друзей: Павла Яковлевича Владимірова, Ѳедора Михайловича Елецкаго, Василія Филипповича Собакинскаго, Христіана Ѳедоровича Поль, Льва Григорьевича Гофмана, Ивана Алексѣевича Нечаева и старинныхъ нашихъ друзей: Ивана Ѳедоровича Померанцева и Василія Ивановича Розенштрауха. Я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ для него не будетъ ни какого особеннаго затрудненія. Я предоставляю Андрею Ивановичу распорядиться безъ всякой отвѣтственности во всемъ томъ, что придется сдѣлать. Я прошу Андрея Ивановича подарить всякому, кто бы что желалъ имѣть на память.

Книги, кои способны и назидательны для библіотеки при Церкви нашей, всѣ дарю въ библіотеку Церкви нашей, равно фортопіаны и Латинскія пѣсни, какія

у меня окажутся. Два тома Лексикона Бланкарда оставить при конторѣ Полицейской больницы для безпріютныхъ больныхъ и нѣсколько книгъ медицинскихъ, сколько разсудится Андрею Ивановичу, такъ чтобы при больницѣ составилась маленькая медицинская библіотека.

Сверхъ того изъ другихъ медицинскихъ книгъ сколько Андрею Ивановичу разсудится подарить Николаю Агапитовичу Норшинъ; а всѣ прочія книги и вещи я желаю по продажѣ ихъ сумму раздѣлить на двѣ части; изъ коихъ одну Андрей Ивановичъ будетъ раздавать бѣднымъ при нашей Церкви, а другую часть предоставить раздавать другу моему Павлу Яковлевичу Владимірову при нашей больницѣ, какъ онъ прежде сіе дѣлалъ при большей моей благодарности и къ великому моему утѣшенію.

Книги Американскія о трезвости надобно переплетать и стараться продавать ихъ за 50 коп. серебромъ и заплатить г. Мерелису сколько я останусь должнымъ за полученныя отъ него для продажи книги.

Ежели бы оказались у меня остальныя наличныя деньги, то я желалъ бы всѣ другія находящіяся въ бѣлыхъ, т. е. А, Б, В, Христіанскаго благонравія и всѣ картоны азбукъ переплетать и такъ беречь ихъ, пока современемъ онѣ мало по малу будутъ продаваться или даромъ раздаваться какъ Павлу Яковлевичу сіе благоразсудится.

О милыхъ моихъ родныхъ я здѣсь не упоминаю, предоставляю Господу Богу, что онъ склонитъ сердце Царя и велитъ ему возвратить все, что чрезъ несправедливость 7-го Департамента Правительствующаго Сената они потеряли, а что они могли бы отъ Царской милости получить я желаю, чтобы они удовлетворили всѣхъ кредиторовъ, которые остались обижены чрезъ меня, при томъ я очень помню, что я остался долженъ моимъ братьямъ и сестрамъ пятнадцать тысячъ рублей ассигнаціями и сіи 15 тысячъ сперва надобно отдѣлить отъ денегъ, которыя могутъ быть по Царской милости пожертвованы для удовлетворенія случившейся мнѣ обиды и потери и 15 тысячъ рублей тогда будутъ выданы тѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые меня ссудили, а потомъ деньги, которыя останутся, какъ мнѣ принадлежащія, всѣ братья и сестры должны раздѣлить по равнымъ частямъ, а въ число братьевъ и сестеръ принять милаго племянника Якова, сына благодѣтеля моего отца Профессора Гааза. Я знаю, что всѣ мои милые и добрые родные раздѣлятъ со мною духъ повиновенія во всемъ волѣ Божіей и всегда съ искреннимъ сердцемъ скажутъ Ему слава и похвала во вѣки.

Всѣмъ, которые будутъ полагать, что они остаются мнѣ что нибудь должны, да будетъ извѣстно, что я имъ все прощаю.

Покорнѣйше прошу добрѣйшаго Алексѣя Николаевича Бахметьева иногда обратить око милосердія на жалкаго Филиппа Андріянова. Первая милость, которую показалъ ему Алексѣй Николаевичъ, сдѣлалась причиною всего того, что я послѣ

него дѣлалъ. Кажется очевидно, что Провидѣніе хотѣло вручить его обѣимъ нашимъ рукамъ.

На моемъ столѣ находится маленькій ящикъ, въ коемъ лежитъ чернилица, перо и мощи Св. Франциска Солезіуса. Сей ящикъ надобно передать Боголюбѣ Давыдовнѣ Боевской, которая современемъ такъ устроитъ, что сіи мощи можно хранить при Католической Церкви въ Г. Иркутскѣ. Въ верхнемъ ящикѣ комода находятся двѣ картины папеньки моего и маменьки, я ихъ передаю, чтобы она ихъ тихимъ образомъ хранила при себѣ.

Я прошу добрѣйшаго моего благодѣтеля Николая Алексѣевича Муханова, чтобы онъ продолжалъ нѣсколько времени мѣсячные десять рублей серебромъ, которые прошу чрезъ Андрея Ивановича передать бѣдной добрѣйшей Боевской, которая мнѣ какъ духовная дочь и сестра.

О какая твоя благодѣтельная для меня ручка мой почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ.

Еще имѣю нѣкоторыхъ бѣдныхъ, которымъ я отъ Г. Муханова всякой мѣсяцъ давалъ: Аннѣ Петровнѣ Тринклеръ два рубля, Г-жѣ Безсоновой одинъ рубль, Г-жѣ Рылѣевой одинъ рубль, бѣдной дѣвушкѣ въ Набилковской богадѣльнѣ Иринѣ одинъ рубль, Г. Медединой одинъ рубль, Матренѣ съ дочерьми одинъ рубль, кои прошу чрезъ Павла Яковлевича, ежели получится вспомоществованіе, продолжать выдавать.

Два портрета моихъ благодѣтелей Графа Зотова и Генерала Бутурлина передаю моему другу Андрею Ивановичу Полю, который раздѣляетъ объ нихъ мои чувства любви и преданности.

На счетъ картины Вандика, которую Почетный Гражданинъ Ѳедоръ Егоровичъ Уваровъ во время моей болѣзни подарилъ мнѣ, за что я не въ состояніи выразить чувства глубочайшей благодарности, я думаю, что этимъ подаркомъ сдѣлалъ онъ для меня самую пріятную вещь, которая могла быть сдѣлана для меня въ свѣтѣ. Молюсь Богу, чтобъ онъ возвратилъ Ѳедору Егоровичу во сто разъ то, что я чувствовалъ, что получилъ отъ него.

Я прошу Г. г. Священниковъ нашей Церкви, Г. Эларова, Г. Кампіони и Михаила Дормидоновича Быковскаго, чтобы они нашли приличный способъ помѣстить ее возлѣ Олтаря Божіей Матери въ нашей Церкви. Она должна быть поставлена на мраморномъ брускѣ и на семъ брускѣ написаны сіи слова, что Божія Матерь говорила всѣмъ въ Каннѣ Галилейской: сдѣлайте все, что онъ скажетъ (Quodcunque vobis dixerit, facite). Св. Іоан. Глав. 11 ст. 4.

Важность сей картины состоитъ въ томъ, что Божія Матерь всѣмъ молящимся Ей показываетъ младенца и всегда намъ говоритъ эти слова, которыя Она сказала въ Каннѣ Галилейской: сдѣлайте все, что онъ скажетъ. Quodcunque vobis dixerit, facite.

Вслѣдствіе сего наставленія Божіей Матери сдѣлано Спасителемъ нашимъ чудо, о которомъ онъ сперва объявилъ, что онъ не намѣренъ былъ въ тотъ день чудо дѣлать и что Провидѣніемъ отъ вѣка вѣковъ неназначено было, что оно должно быть сдѣлано въ тотъ день, однакожъ сіе единственное чудо сдѣлано чрезъ участіе, которое Божія Матерь приняла въ этомъ дѣлѣ, а участіе состояло въ томъ, что она научила людей исполнять все, что ея сынъ, нашъ Богъ, намъ скажетъ. Утѣшаетъ меня очень мысль, что чрезъ прибавленіе къ сей прекраснѣйшей картинѣ Материнскихъ словъ: „сдѣлайте все, что онъ скажетъ", во многихъ сердцахъ откроется настоящее отношеніе нашихъ молитвъ къ Божіей Матери, т. е. что наши молитвы къ Божіей Матери могутъ имѣть только успѣхъ, когда мы исполняемъ наставленіе ея исполнять все, что Онъ намъ скажетъ.

Не надобно жалѣть расходовъ, дабы это было сдѣлано очень прилично. Добрый мой Андрей Ивановичъ найдетъ уже на сей предметъ нужныя деньги.

Занимаютъ меня еще два предмета: 1, представленіе мое къ награжденію служащихъ при больницѣ. Я прошу покорно моего друга Александра Ивановича Овера, чтобъ онъ попросилъ Ивана Васильевича Капниста самому разсмотрѣть сіе дѣло, которое вѣрно тогда будетъ признано достойнымъ одобренія. 2, предметъ есть, что покорнѣйше прошу Комитетъ согласиться на мою просьбу препоручить нѣкоторымъ Членамъ сдѣлать справки о полученныхъ мною чрезъ Комитетъ отъ Губернскаго Правленія кандальныхъ денегъ, излишки которыхъ должны принадлежать мнѣ какъ подрядчику, но не желая имѣть отъ этого ни малѣйшей пользы, я просилъ Комитетъ дать шнуровую книгу для записи о расходѣ сихъ денегъ, кои я всегда писалъ въ шнуровую Комитетскую книгу.

Я бы желалъ, чтобы было разсмотрѣно подъ предсѣдательствомъ Члена нашего Комитета Дмитрія Ивановича Коптева, при Членахъ Г. Кондратьевѣ, Г. Шеншинѣ, при сынѣ Г. Розенштрауха Ѳедорѣ Васильевичѣ, при Правителѣ дѣлъ Комитета Ильѣ Ивановичѣ Захаровѣ. Я прошу пригласить для изъясненія сего дѣла Ивана Алексѣевича Нечаева, который одинъ лучше всего знаетъ, что тамъ на Воробьевыхъ горахъ всегда дѣлалось.

Кажется Комитетъ не будетъ отказывать мнѣ въ такой просьбѣ, чрезъ которую откроется важное для меня обстоятельство въ дѣйствіяхъ моихъ въ Пересыльномъ Замкѣ, ибо старшій писарь Полицейской больницы для безпріютныхъ больныхъ Петръ Андреевъ Игумновъ открылъ, что я передержалъ противъ полученнаго отъ Губернскаго Правленія значительную сумму; а сіе могло случиться слѣдующимъ манеромъ: часто меня просили, не угодно ли мнѣ изъ кандальной экономіи расходовать на это, это и это, на что я очень легко всегда соглашался, ибо истинно знали, что я желалъ расходовать всю экономію по кандаламъ и точно иногда затруднялся, что сдѣлать изъ остатковъ экономіи, которые въ прежнія времена иногда оставались значительны, то и легко могло случиться, что я, пола-

гая, что экономія есть, соглашался на разныя раздачи, но никогда не намѣренъ былъ изъ моихъ собственныхъ денегъ дѣлать ни какого пожертвованія. Я часто удивлялся, что пріобрѣтая иногда деньги, имѣвши тогда практику, не израсходывая для себя особеннаго ничего, все находилъ себя безъ денегъ и по открытіи писаремъ Игумновымъ я вижу теперь, что мои собственныя деньги пропали въ этихъ расходахъ, кои назывались кандальными, а за сіе ежели окажется истинно, то я прошу Андрея Ивановича выдать Игумнову сто рублей серебромъ.

Ежели окажется, что я по ошибкѣ въ пользу Комитета расходовалъ, то я надѣюсь, что онъ мнѣ возвратитъ сумму, которую предоставляю получить Андрею Ивановичу Полю, а его прошу ихъ употреблять для трехъ извѣстныхъ ему предметовъ.

Еще уповаю на добраго моего Андрея Ивановича, что онъ найдеть способъ наградить всѣхъ столь много трудящихся около меня, а книжки Problemes de Socrate я очень желаю, чтобы были напечатаны въ память дружбы моей къ Николаю Николаевичу Бутурлина сына, моего большого благодѣтеля Генерала Бутурлина. Я чувствую, что размышленія о системѣ Сократа могутъ быть многимъ полезны, но покорнѣйше прошу Г-на Пако, Г. Кроткаго, Г. Чедаева и Г. Цурикова принимать въ семъ дѣлѣ христіанское участіе и стараться совершить эти размышленія такъ какъ слѣдуетъ.

Я просилъ Г. Эларова, чтобы похороны были на счетъ Церкви, на одной парѣ лошадей безъ всякаго прибавленія.

Москва, Іюня 21 дня 1852 года.

Письма братьевъ Мухановыхъ, 1824-1827 гг.

14-го Марта 1824-го года.

Шесть недѣль мигомъ мелькнули—и завтра Александръ насъ оставляетъ. Онъ имѣетъ намѣреніе пробыть день въ Питербургѣ и спѣшить въ Гельзингъ Форсъ, ибо ѣдитъ въ то число, въ которое ему надлежало бы быть уже на мѣстѣ. Въ теченіи пребыванія его здѣсь, онъ проводилъ время свое съ друзьями, кружился въ вальсахъ съ красавицами, изъ которыхъ многія останавливали взоры его на себѣ, но не одна, кажется, не остановила сердце; впрочемъ Богъ вѣсть: сердце не открываетъ и не обнаруживаетъ своихъ тайнъ. Кружился съ красавицами, говорю я, и терялся въ толпѣ подъ качелями, въ разнообразіи которыхъ находилъ великое удовольствіе. И такъ, по видимому, онъ былъ, хотя не совсемъ, но частію доволенъ собою, а ты знаешь, любезный другъ, что доселѣ

обстоятельства не позволяли ему ни въ какомъ отношенiи улыбаться отъ души и отъ внутренняго довольства; почему я и радъ былъ его видѣть здѣсь разсѣяннымъ и занятымъ сими гулянiями, гдѣ разнообразiе людей его веселило. Сдѣлай одолженiе, удружи, любезный Николай, устрой такъ, чтобы вырваться сюда на лѣто; ты этимъ одушевишь бездушное одиночество наше. Я, по неосторожности, наѣлся пасхи и получилъ индижестiю; но теперь она проходитъ. Александръ, если ето не растроится, ѣдитъ съ К. Николаемъ Трубецкимъ, который везетъ брата своего—записывать въ вашъ полкъ; позавидуешь *счастiю* будущаго Гусара; на вопросъ: счастливъ ли онъ, что надѣваетъ киверъ и саблю? „*Я думаю что будешь счастливъ*", отвѣчалъ онъ мнѣ. Александръ поѣхалъ по прощальнымъ визитамъ, которыхъ у него куча. Всегда бы сожалѣлъ я объ его отъѣздѣ отсюда объ отъѣздѣ кого либо изъ васъ, его или тебя; но ты себѣ трудно представишь, сколь чувствуешь сей недостатокъ, какъ попадешь снова въ *домашнее наше общество;* ты разумѣешь, что я хочу сказать словомъ: *домашнее* и кого я называю онымъ: все это холодно, совершенно одеревенело. Прощай, любезный другъ, ты будешь обрадованъ прiѣздомъ Александра въ самое короткое время, равно какъ я огорченъ и смущенъ его отъѣздомъ. Братъ и другъ твой

В. Мухановъ.

1824. Москва. Марта 20.

Вотъ уже около недѣли, любезный другъ Николай, какъ я пустилъ къ тебѣ убѣдительную цидулу, умаливая и требуя твоего прiѣзда въ Москву. Теперь намѣренъ не только повторить все сказанное; но изложить тебѣ всѣ неоспоримыя истинны, требующия здѣшняго твоего присудствiя. Вспомни наши прежния сужденiя и разговоры, вспомни химеры, которыми льстили мы свое воображенiе; химеры сiи могутъ сбытся, а намъ уже пора доказать нѣкоторую зрѣлость въ мысляхъ и не оспаривать поступками и на дѣлѣ, то что утверждали на досугѣ и во всей свободѣ сужденiя. Женится не есть себя обремѣнить несносной каболою: это дѣло необходимое для всякаго и рано или поздно будетъ такова твоя участь. Ты часто сѣтовалъ на судьбу, часто винилъ ее въ томъ, что осуждаетъ насъ принести юной супругѣ тѣло дряхлое и студеную душу, судьба услышала твои упреки, она улыбается тебѣ; но страшись ее раздражить. Оставь безъсмысленные толки разврата, принебрѣгающаго сладчайшiя связи, для наслажденiй скотскихъ. Вспомни что умствованiи собъютъ тебя съ истиннаго пути и смотри на вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Мнѣ сердце твое извѣстно и я знаю, что ты имѣешь нужды, чтобъ сердце твое имѣло другое, которое бы тебя понимало; ты скажешь я ее не знаю: не ужели ты столько неопытенъ, что не знаешь, сколько много юная краса, не выходившая изъ скромности семейственнаго круга, привязывается къ существу, котораго позволено ей любить, неужели не знаешь, что

значитъ первая любовь,—любовь сопряженная съ долгомъ, для той, которая съ юныхъ лѣтъ приучена къ исполненію всѣхъ своихъ обязанностей. Я имѣю ясныя, неоспоримыя, всякой день подтверждаемыя доказательства, что тебя желаютъ, отъ С.... С.... безпрестанныя тебѣ похвалы, не только отцу твоему, но и посторонним людямъ, слышалъ отъ знакомыхъ, имѣвшихъ случай видѣть предлагаемыхъ, что они прелѣстны, очень милы; но застенчевы, а лучше похвалы быть не можетъ. У ней 1000 душъ, дядя Беке—овъ даетъ 500 душъ кромѣ того 200 тысячь наличныхъ денегъ и на 100 тысячь приданаго; невѣста богатая, красивая и благовоспитанная, что можетъ быть приманчивее и какой безсмысленной принебрежетъ такимъ случаемъ: это не значитъ себя продать: это значитъ себя ощастливить, устроить; значитъ приготовить наслажденія для молодости, пристань для старыхъ лѣтъ.

Я тебѣ совѣтчикъ, или пустомеля; другъ или наглой корыстолюбецъ: суди, какъ хочь; но я все сдѣлалъ для дружбы и ежели ты меня не послушаешь, если не употребишь все стараніе, чтобъ сюда пріѣхать немедля, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, то предаю главу твою нещастной звѣздѣ подъ которой ты родился и всѣ затруднительныя дѣла твои не заслужутъ моего соболѣзнованія.

Марта 21. Вчера я не успѣлъ кончить моего письма, я обѣдалъ у васъ и боялся опоздать.

Новаго здѣсь нѣтъ ничего, а съ утра до вечера толкуютъ объ убійствѣ Г-на Времева, Алябъевымъ, Шетиловымъ съ прочими, ожидаютъ П. Оранскаго, надѣются веселится а теперь скучаютъ. Мое здоровіе лучше, Оппель мнѣ много помогъ и я надѣюсь, что скоро совсѣмъ вылечитъ. Прощай, любезный другъ, цѣлую тебя и Александра, и прошу вѣрить истинной дружьбѣ

Ивана Муханова.

Москва. Генваря 19. 1825.

Вотъ уже три недѣли, какъ мы съ тобой разстались, любезный другъ Николай, и до сихъ поръ не могъ собратся къ тебѣ написать. Единообразіе моей жизни и размноженіе недуговъ распространили черную тень на будущность, настоящее тяготитъ, а прошедшее не веселитъ воображенія пріятными воспоминаніями. Съ твоего отъѣзда я почьти не оставлялъ скромной моей келіи и другомъ моимъ. утѣшителемъ были до сихъ поръ волтеровыя креслы, въ которыхъ въ сладкой лѣни текутъ дни мои; прибавь къ тому нездравіе Владимера, Александрину на болѣзненномъ одрѣ и перенесись воображеніемъ въ обитель скуки. Веселій здѣсь и для здоровыхъ мало: изрѣдка концертъ, маскерадъ, гдѣ московскіе умники напрегаютъ свою любезность и возбуждаютъ смѣхъ глупыхъ, и улыбку презрѣнія на устахъ благомыслящаго человѣка. Завтра я думаю съѣздить въ собраніе, можетъ быть пущусь въ оперу; но въ обширной, въ сырой

Театръ, гдѣ въ замѣну декораціямъ текутъ по стѣнамъ натуральныя ручьи, я показыватся не смѣю. Что скажешь ты о сочетаніи долголичьки съ одноухимъ Трубецкимъ? Богатые женихи сдѣлали монополію надъ богатыми невѣстами, это заговоръ, на которой слѣдовало бы обратить вниманіе.

Отъ Александра вчера получили письмо: онъ остается въ Финляндіи, съ своими Гиперборейскими красавицами и предаетъ забвенію долголичекъ и горбатыхъ, но хлѣбныхъ Армидъ родины своей. Надѣялся отъ тебя отвѣта, прошу объяснить мнѣ теперешнее состояніе твоего ума, изгладилась ли изъ онаго незримая красота, и посѣщаетъ ли до сихъ поръ тебя твой незримой геній, ибо кажется наша общая участь мечтать только о незримомъ и о несбыточномъ.

Прощай, любезнѣйшій другъ, помни меня и не унывай духомъ въ трудной стязѣ, по которой ты путешествуешь, авось достигнешь мирной пристани.

Многолюбящій тебя

И. Мухановъ.

P. S. Александрина тебя цѣлуетъ и не пишетъ сама, отъ того, что нездарова, у ней сильной кашель и простуда. Аббатъ тебя цѣлуетъ.

Сдѣлай дружбу доставь къ назначенію здѣсь прилагаемое письмо.

16-го Ноября 1825. Москва.

Я нѣсколько дней простуженый сидѣлъ у себя въ комнатѣ. 4-го дня вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Денисъ Вас. и Баратынской, которые просидѣли весь вечеръ; ты не можешь себѣ представить какъ первый былъ хорошъ. На другой день Барат. прислалъ мнѣ къ нему посланіе когда оно будетъ исправлено отъ погрѣшностей вкравшихся отъ поспѣшности я тебѣ перешлю его. Вчера утромъ выѣхалъ; былъ у Дмитрія Бибикова, а отъ туда проѣхалъ проститься съ Гр. Алексѣемъ; онъ вчера послѣ обѣда уѣхалъ въ Петербургъ. Дмитрій кажется счастливъ; говорилъ мнѣ съ удоволствіемъ о нравственной дѣвственности жены своей и проч. Звалъ меня вчера у себя обѣдать; я отказался отъ многолюдства а на дняхъ буду обѣдать съ нимъ въ 3-ёмъ или четверомъ не болѣе; завтра или послѣ завтра поѣду къ нему съ Иваномъ и повезу также Володю. Вчера вечеромъ провелъ съ Иваномъ, Володей и двумя Баратынскими у Дениса Васильевича; ты можешь себѣ представить какъ Володя краснѣя отмалчивался. Новаго у насъ въ семьѣ не много. Николай Иль. грустить безпрестанно, чему причиною ссора съ дочерью. Тетушка Нат. Влад. . . . все по прежнему къ намъ ко всѣмъ добра; Николавны ужасны! особенно Катерина! все выслушиваетъ, высматриваетъ; обо всемъ говоритъ такъ много; сердится и не можетъ переварить своей желчи. Серг. Ильича семейство безподобно: Маша лучше нежели когда нибудь! Ты не можешь себѣ представить что за живое воображеніе; что за нѣжность въ оттенкахъ разговора, чувствъ и мыслей! Сожалѣю душевно что до сѣхъ поръ ей

не пріискивается замужство. Успенскіе друзья наши горюютъ и точно съ молодымъ ихъ образомъ мыслей невесело жить въ деревнѣ; M-r l'abbé, которому этимъ попрекнуть нельзя и тотъ горюетъ. Снѣгъ началъ падать я жду перваго пути чтобъ скакать къ нимъ непремѣнно. Тебѣ должно быть очень скучно. Воспользуйся отсутствіемъ Егора Толстаго и Бибикова и обьѣзди своихъ знакомыхъ. Напиши, другъ, не затѣевается ли что у тебя съ Яковлевой? Извѣстіе тобою присланное что Пашковъ 5-ой или 6-ой меня со всѣмъ сбило съ панталыка. Моя жизнь въ Москвѣ могла мнѣ только быть полезна въ Адьютантскомъ мундирѣ; а то чортъ ли въ ней! До крайности скучна. Я надѣюсь, что ты уже отправилъ ко мнѣ книги. Прощай, душа моя. Пиши что съ тобою дѣлается и можешь ли ты пріѣхать въ Дѣкабрѣ; есть ли надѣжды. Я жду Gourgaud съ Рошфоромъ. Надѣюсь также, что ты взялъ мои книги у Опочинина, чего я жду съ нетерпеніемъ, поспѣши этимъ дѣломъ. Еще разъ, прощай!

17-е Марта 1826. С. Петербургъ.

Про васъ—двухъ.

Много и много благодаренъ вамъ Друзья мои Иванъ и Владиміръ за письма, которыя по длинѣ ихъ и торжественной побѣдѣ одержанной вами надъ сильною вашею лѣнью причитаю къ многимъ и сильнымъ доказательствамъ вашей дружбы. Я не стану вамъ отвѣчать по порядку; а стану писать то отвѣтами, то чѣмъ полѣзитъ въ голову. Что за мерзавецъ Американской Докторъ, которому вы ввѣрили здаровье милой сестры Александрины? Какъ можно было подъ болотистымъ и зас.... небѣ Русскомъ влить въ нее, по системѣ Американскаго лѣченія, нѣсколько гранъ Каломелю. Ради Бога, посадите ее поскорѣй въ ванну и лѣчите ее безпрестанно одними только горячими ваннами. Я страхъ боюсь за ее зубы; а, что всего хуже, за простуды, которыя совершенно могутъ разстроить ея здаровье. Напишите мнѣ скорѣй: что съ ней дѣлается? Какова Марья Сергіевна, лучше ли ей, вѣселѣе ли она? Воспоминаніе о грустномъ положеніи, въ которомъ я ее оставилъ меня горько здѣсь преслѣдуетъ. Ты говоришь, Володя, что боишься, *чтобы мы не навлѣкли себѣ горькаго неудовольствія* перепискою нашею съ Батюшкою; оно такъ, но можно ли быть безгласнымъ тамъ гдѣ дѣло идетъ о твоемъ здаровьи и коли сквозь слезы удастся вымолить твое путешествіе на Кавказъ то въ двойнѣ буду счастливѣе теперяшняго. Попроси Батюшку ничего и никому, ни въ Сенатѣ, ни въ семействѣ не говорить про то, что пишу о Кушниковѣ.

18-е Марта. Душевно желаю чтобы новые способы лѣченія удались сестрѣ Екатер. Александровны и придали бы ей силы къ перенесенію горести ее ожидающей. Какова Лиза Шаховская? Я слышалъ здѣсь вчера, что Воронцовъ на дняхъ сюда будетъ, что онъ выѣзжаетъ изъ Одессы 15-е тѣкущаго мѣсяца; за

чѣмъ же Валентинъ полѣтелъ туда и оставилъ въ Москвѣ больную жену свою и за чѣмъ смѣлъ онъ блудить ее въ качествѣ кормилицы своего ребенка? Дурень, дурень! Булгарина видѣлъ разъ съ пріѣзда и болѣе видѣть не буду. Галичь будетъ къ тебѣ отправленъ съ Сергѣемъ Иль. Радуюсь отъѣзду *излишней;* напишите, что сказали сестры при полученіи письма моего и что говорите вы о немъ естьли его читали? Благодарю за окуратную отсылку газетъ къ Вяземскому.

Премного благодаренъ Ивану за дневникъ его; кромѣ частнаго интереса для Николая и меня въ содержаніи его, мы много смѣялись шуткамъ и остротамъ твоимъ, прекрасному мѣстами слогу и прекрасному сравненію Байрона съ закатомъ солнечнымъ. Размышленія твои по случаю покупки человѣка нашелъ *неумѣстными.* За чѣмъ злодѣй разжигаешь ты потухающія чувства мои къ Парахѣ; за чѣмъ возбуждаешь, неумолимый, неумолимую ревность мою. *Сиклопу* должно достаться 19-е то есть завтра въ Полковники; не знаю какъ повернутся дѣла мои послѣ его производства ибо Е. П. А. ничего про себя не знаетъ; впротчемъ я надѣжды не теряю, а думаю только, что такъ придется здѣсь прожить, что не прежде васъ увижу какъ послѣ праздниковъ. Нельзя ли Иванъ какъ нибудь похлопотать около Давыдова естьли онъ не помѣстилъ еще своихъ денегъ; хорошо бы занять у него *тысячу рублей* особенно коли можно будетъ на двухъ лѣтнемъ уговорѣ. Постарайся и похлопочи. Я здѣсь ѣзжу на говенномъ извощикѣ въ одну лошадь или хожу пѣшкомъ, никогда не обѣдаю въ трактирѣ и ни чего не пріобрелъ съ пріѣзду, кромѣ пары перчатокъ а денегъ гроша нѣтъ и жить не чѣмъ. Я съ отьѣзжающимъ Дядей буду писать къ вамъ и перешлю Галича и посылки для доставленія Вяземскому. Кланяйтесь Баратынскому и Денису Васильевичу. Владиміръ ничего не пишетъ ни про руку, ни про бокъ свой. Напишите какое сдѣлали вліяніе на Батюшку письма наши. Я надписалъ наверху *про васъ двухъ,* дабы вы прочтя прежде про себя знали, что можно читать вамъ въ слухъ. Прощайте, ребятушки, пишите по чаще и по болѣе, ради Бога, вы видите, что я не лѣнюсь. Николай васъ цѣлуетъ. Цѣлуемъ вмѣстѣ милыхъ сестеръ. Еще разъ прощайте не позабывайте и любите

Александра.

Марта 26. Москва. 1826.

Любезные друзья Александръ и Николай, благодарю васъ обѣихъ, перваго за письма, второго за воспоминаніе. Наконецъ Пашковъ *очищаетъ* вакансію, видно онъ очень нечистоплотенъ, что такъ долго не сдавалъ мѣсто. Совѣтую тебѣ, любезный другъ Александръ не отказыватся отъ перевода въ Гвардію, если Графъ предложитъ; я боюсь твоихъ разсчотовъ, вспомни, что ты весьма въ службѣ нещастливъ, и что другимъ удается, не всегда удается тебѣ; Николай кажется весма подвинулся и ему скоро достанется въ Штабсъ Ротмистры.

Что ты пишишь о Катеринѣ Александровнѣ мнѣ раздираетъ душу. къ тому же здѣсь носются такія нелѣпыя о ее дѣлѣ слухи, что я не могу онымъ имѣть вѣры. Маріѣ Сергѣевнѣ лучше, она выѣзжаетъ гулять и часто проводитъ вечера у Натальѣ Александровнѣ. Здѣсь многія особы т. е. въ нашемъ семействѣ вздумали придать меланхолическому расположенію ее духа видъ ипохондріи или яснѣе сказать поврежденія. Это мнѣ было жестоко огорчительно и я всѣми силами возсталъ противъ такого пагубнаго подозрѣнія, ибо вамъ извѣстно, что если про кого распустютъ подобные слухи, то это человѣкъ потерянной. Выдай за сумашедшаго человѣка въ полномъ разсудкѣ и конечно, что всѣ сочтутъ его за сумашедшаго и что это останется навсегда общимъ мнѣніемъ. Я хлопоталъ о деньгахъ и можетъ быть успѣю кое что призанять, если сіе удастся то немедля перешлю къ вамъ. Здѣсь смертная скука. Турніе началъ дѣлать свои представленія и къ нему всѣ бросились, начались въ собраніи черезъ разъ концерты, т. е. одинъ вторникъ концертъ, а другой простое собраніе, въ которомъ не танцуютъ, а играютъ въ вистъ и въ макао. Дениса Васильича я разъ встрѣтилъ и болѣе не видалъ, былъ у него и не засталъ дома, думаю завтра вечеромъ къ нему ѣхать. Съ Вяземскимъ встрѣчаемся довольно часто, а Баратынской совсѣмъ пропалъ, ко мнѣ не ѣдитъ, и дома его тоже нѣтъ, я разъ къ нему съѣздилъ, а въ другой Богъ знаетъ когда соберусь, ибо какъ ты знаешь отъ насъ до Мясницкихъ воротъ неблизко. Батюшка завтра ѣдитъ въ деревню, онъ былъ очень болѣнъ и я цѣлую недѣлю по сему нещастному случаю почьти не выходилъ изъ дому.

Лошади твоей, рекомендованой Жаксономъ Англичанъ отрѣзалъ хвостъ и здѣлалъ четыре насѣчьки; операція была щастлива и къ половинѣ будущаго мѣсяца можно на ней ѣздить, напиши желаешь ли чтобъ ее легчили.

Прощайте, любезные друзья, цѣлую васъ душевно и прошу сдѣлать небольшое описаніе вашаго житія: какъ вы дѣлите время и не скучаете ли? Помнишь Александръ, какъ было пусто, когда уѣхалъ Николай, вообрази же. что за пустота и скука безъ васъ двухъ. Напишите ради Бога, когда вы меня обрадуете своимъ прибытіемъ въ первопрѣстольной градъ Москву. Еще разъ прощайте.

Многолюбящій васъ

И. Мухановъ.

На оборотѣ:

Его Благородію Николаю Алексѣевичу Муханову.

Въ С. Петербургѣ. Въ домѣ С. Петербургскаго военнаго Губернатора, въ квартирѣ адьютанта его Муханова.

Апрѣля 5-го 1826. Москва.

Долго и съ большимъ нетерпеніемъ ждали мы вашихъ писемъ, любезные друзья, и наконецъ получили вчера вечеру. Алексѣй Ильичь, прочтя оныя сказалъ, что это изъ худшаго лучшее, а я за нимъ повторилъ то же. Конечно ты хорошо сдѣлалъ, любезный другъ Александръ, что рѣшился просить помѣщенія у Г. Витгенштейна; при немъ ты выиграешь по службѣ можетъ быть болѣе, нежели у Г. Петра Александровича: если представленіе сего послѣдняго будетъ принято, то надо думать, что при первыхъ маневрахъ тебя переведутъ въ Гвардію. Если будетъ кампанія, лестно быть при извѣстномъ и храбромъ Генералѣ; если не будетъ оной, то пріятно пользоватся теплымъ климатомъ Подоліи; но ты удаляесся отъ родственниковъ, друзей и женидьбы, все это, исключая послѣдняго, довольно прискорбно; но полѣзное пріятному всегда должно предпочитать. Теперь скажу тебѣ, что хотя я и порадовался твоему успѣху; но письмо твое горькую навело на меня грусть:

Я время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Я съ ними шумно пировалъ.....

Николай прикованъ къ Петербургу, ты скроешся еще далѣе и мнѣ остается выразится также, какъ Г. Марія Алексѣевна говоря о сыновьяхъ: что за положеніе мое? Вотъ Каспійское море, Симка на лѣво, Егорка на право, а я въ Москвѣ! Также мыслю, другія слова: Балтійское море на право, Черное на лѣво, близь перваго Николай, у другого Александръ, а я въ Москвѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю я нынѣшнею зиму, любезный Александръ, восемь мѣсяцовъ проведенные вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, насъ еще болѣе сблизили; если возможно было еще болѣе другъ друга полюбить, конечно наша дружба въ сіе время дошла до высшей степени совершенства и недоставало одного Николая, чтобъ намъ насладится всѣми сердечными благами. Я надѣился, что это щастіе продолжится; но оно послѣдовало общей участи вещей, оно изчезло, какъ призракъ; и чѣмъ яснѣе было утро, тѣмъ пасмурнѣе насталъ вечеръ. Излишни сіи сѣтованіи: но простите друзья излиянію чувствъ, скопившихся въ душѣ отъ многаго прилива обстоятельствъ, какъ бы не тверда была плотина, не всегда устаиваетъ отъ стремленія потока.

Я чувствую сколько мое замѣдленіе въ доставкѣ денегъ, вамъ чувствительно; но не моя вина. Давыдочь обольстилъ меня, а теперь и глазъ не кажетъ. Сегодня еще посылалъ за нимъ и все не является. Повѣрьте, что ежели неудастся вамъ переслать нѣсколько сотенъ, то это не отъ дурной воли и не отъ стылаго старанія.—Денисъ Васильичь надѣлъ мундиръ и радъ, какъ ребенокъ; онъ и Вяземской жалуются, что Александръ, обѣщавшій имъ писать не держитъ слова; Вяземской же довольно пасмуренъ, у него умираетъ сынъ.

Меня на дняхъ произвели въ переводчики, и я спѣшу заслужить сіе званіе, принялся вмѣстѣ съ Владиміромъ переводить Коха, котораго намъ хочется поднести Императрицѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ для введенія въ учебныя заведенія. Что Александръ ни слова не пишетъ о предпринятой литтературной спекуляціи.

Я сбираюсь черезъ нѣсколько дней въ деревню недѣли на полторы и если Александръ безъ меня возвратится въ Москву, то прошу его немѣдленно прислать за мной гонца, лошади мои и люди въ его распоряженіи. Я думаю на Святой возвратится въ городъ и привезть съ собой Марію Антоновну Лимузинъ, которая проситъ Александра купить ему les tableaux Historiques de Tacite traduits par Letteller.

Прощайте, любезные друзья, извините излишнее въ семъ письмѣ и вѣрьте искренней и неизмѣнной дружьбѣ брата вашего

Ивана Муханова.

На оборотѣ: Его Благородію Николаю Алексѣевичу Муханову.

Въ С. Петербургъ. Въ домѣ Санктпетербурскаго военнаго Генералъ губернатора, въ квартерѣ Адьютанта его Муханова.

Апрѣля 11. 1826. Москва.

Любезные друзья Александръ и Николай, сей часъ получили мы отъ васъ два письма и мнѣ весьма пріятно, что Александръ доволенъ своимъ мѣстомъ. Я вамъ послалъ съ Валентиномъ Шаховскимъ 775 р. ас., вѣроятно вы получите оныя прежде сего письма. Прошу не безпокоится о сихъ займахъ, у насъ общія мысли, общая дружба и общія деньги. Когда нибудь разочтемся. Я завтра утромъ ѣду въ деревню и прошу Александра прислать за мной если меня не будетъ въ Москвѣ.

Поздравляю Николая члѣномъ Англинскаго клуба, я самъ здѣсь хлопоталъ, чтобъ удостоится этой чести; но еще не дошла до меня очерель.

Здѣсь всѣ заняты Великой Княгиней; народъ съ нее глазъ не сводитъ, а въ обществахъ о ней толкуютъ.

Баратынской совсѣмъ пропалъ, говорятъ у него больна сестра и онъ отъ нее не отходитъ. Прощайте, любезные друзья, теперь развѣ буду вамъ писать изъ деревни; но не знаю успѣю ли, ибо недолго тамъ пробуду. Цѣлую васъ отъ души и люблю также.

Иванъ Мухановъ.

29 Апрѣля 1826 г. Москва.

Третьегодня послана тебѣ сабля, любезный другъ Александръ, по тяжелой почтѣ на имя Николая. Желаю тебѣ отъ души привесть ее въ дѣйствіе, она же была уже омочена кровью. Кажется, по словамъ твоимъ адьютанство твое незамедлится, не забудь тогда про меня, любезный другъ, помнишь о чемъ я тебя

просилъ? если будетъ война, я весьма желаю быть при арміи и если не проливать кровь, то по крайней мѣрѣ посмотрѣть, какъ льютъ оную. Если же есть малѣйшая надежда на войну, сдѣлай божескую милость хлопочи обо мнѣ. Выгоды дипломатическаго чиновника при арміи тебѣ извѣстны и еслибъ я могъ получить оное, то уже нерѣшимости не могло бы быть никакой; искавъ мѣста у Бибикова можно было размышлять, ибо оно было столь ничтожно и такое черненкое, что я теперь радуюсь, что не продолжалъ искать онаго; но мѣсто о которомъ теперь прошу неподвержено ни малѣйшему сомнѣнію и я бы весьма былъ щастливъ его получить.

Я вижу, что ты уже говоришь, что это необдумано, безразсудно, не приспособлено къ обстоятельствамъ. Нѣтъ любезный другъ, не говори сего. Безо всякой надежды исполненія сего желанія, я уже радуюсь, что оно мнѣ пришло на умъ. Это доказываетъ, что еще жаръ не совсѣмъ погасъ въ душѣ. Oui mon cher ami, tachez de faire celà pour moi si c'est possible. Ah! que mon imagination est déjà flattée de voir le beau ciel du midi, de saluer peût être les mûrs de Constantinople et de partager l'activité d'un camp. Tout celà n'est que chimère, mais plus d'une chimère s'est souvent réalisée pour quoi n'en serait-il pas de même de celle ci.

Вообрази говорятъ, что Баратынской женидся, на какой то барышнѣ Энгельгардовой, я его совсѣмъ не вижу, не знаю гдѣ онъ скрывается. На дняхъ здѣсь похитили невѣсту Вакселеву; но не ту о которой ты думаешь, впрочемъ довольно богатую, а похититель заика Татищевъ: это пресмѣшная исторія; но предѣлы сего письма не позволяютъ передать оную. Прощай, любезной Александръ, отвѣчай на сіе письмо и поцѣлуй за меня отъ души Николая.

Многолюбящій тебя

братъ и другъ И. Мухановъ.

P. S. Павелъ проситъ тебя ему купить вмѣсто той книги, о которой тебѣ писалъ слѣдующею: Lexicon ou dictionnaire Grec moderne François par Clonares, précédé d'une grammaire de la langue Greque moderne un V. in 8°.

Благодарю тебя, душа моя, за последнѣе письмо твое. Виноваты мы оба, что не писали другъ къ другу; ты крутился въ Питерѣ—я въ Москвѣ, и въ замѣну писемъ мы награждались живыми расказами пріѣзжающихъ. Александръ Пушкинъ отправляющійся нынче въ ночь взялся доставить тебѣ это письмо. Постарайся съ нимъ сблизиться; нельзя довольно оцѣнить наслажденіе быть съ нимъ часто вместѣ размышляя о впечатленіяхъ, которыя возбуждаются въ насъ его необычайными дарованіями. Онъ стократъ занимательнѣе въ мужскомъ обществѣ нежели въ женскомъ, въ которомъ дробясь безпрестанно на мѣлочь онъ только тогда дѣлается для этихъ самокъ понятнымъ. Ты грустенъ и я очень

понимаю твои чувства; съ прекращеніемъ шумныхъ веселій и съ наступленіемъ вѣсны, столько наклоняющей человѣка къ размышленію, ты начинаешь себѣ отыскивать—и находка несчастливая! Проживая и растрачивая все въ жизни какъ мы это умѣемъ такъ мастерски дѣлать, мы обращаясь къ самимъ себѣ дивясь ужасаемся пустотѣ своей. Не одинъ земной поклонъ положу я выѣхавши изъ Московскихъ заставъ. Грустно и невыгодно будетъ съ собой сойтиться—да нечего дѣлать—лучше поздно чѣмъ никогда. Не знаю что буду дѣлать по возвращеніи въ Тульчинъ; Богъ знаетъ удастся ли прогулять тоску свою по Бессарабскимъ степямъ и стремнинамъ Крымскимъ? У меня какъ у Нѣмцевъ на грошъ. . . . . . такъ мы здѣсь обнищали деньгами и такъ не престаютъ они никогда быть средствами къ наслажденію. Прощай, не успѣю дописать, что желалъ. Нынче Четвергъ, въ Воскресенье ѣду къ Сергію Ильичу отъ туда къ Екатеринѣ Андрѣевнѣ и наконецъ въ Тульчинъ. Передъ отъѣздомъ напишу. Цѣлую, еще разъ прощай всѣ наши тебя цѣлуютъ. Володя тебѣ посылаетъ Ваничькино письмо, который больно скучаетъ въ Успенскомъ.

19-е Маія 1827.

Москва.

21-го Іюля 1827. Тульчинъ*).

№ 3-й. С. Петербургъ 15-е Іюля 1827-го года.

Какъ ты мало меня знаешъ, Любезный другъ, полагая что я буду тебя оставлять безъ писемъ теперь когда ты одинъ. Нынешней зимой я писалъ тебѣ мало; но отъ тебя еще рѣже получалъ, письма мои тебѣ не такъ были нужны, а теперь буду писать хотя не много, но всякую почту или разъ въ недѣлю непременно. Я всѣ дни прошедшей недѣли недежурныя провелъ въ Павловскѣ, два раза сюда приѣзжалъ, наконецъ приѣхалъ вчера отдежурилъ и нынче послѣ обѣда опять туда лечу. Мои поѣздки начались или лучше сказать возобновились съ прошедшей недѣли, а прежде какъ я уже писалъ тебѣ такъ занятъ былъ что ни на минуту отьѣхать не могъ. Этотъ родъ жизни, то занятой, то отсудствующій изъ Петербурга удаляетъ меня отъ общества мускаго въ которомъ могъ бы я здѣсь быть. Одинъ неизмѣнный остался у меня меньшой Хомяковъ, съ которымъ видаюсъ когда здѣсь, несколько разъ на дѣнь, я его очень люблю, въ немъ невинность точно дѣтская а при томъ сужденіе зрѣлое и чисто глубокое,—мы вместѣ рядимъ, судимъ, играемъ въ билліардъ и иногда я его омрачаю грустью обычной. Пушкина я вовсе не вижу, встречаю его иногда въ Клубѣ, онъ здѣсь въ кругу шумномъ и веселомъ молодежи, въ которомъ я не бываю, и коего ты знаешь что я не люблю; впротчемъ мы сошлисъ съ нимъ хорошо, не

*) Написано рукой А. А. Муханова.

часто видимся, но видимся дружески безъ церемоній. Здѣсь грустно и душно, я дышу только въ П. Въ Москву ѣхать мнѣ не возможно, это мнѣ очень прискорбно, потому что осень и зиму я желаю провести здѣсь. Впротчемъ что Богъ велитъ! Съ Пушкина списалъ Кипренскій портретъ необычайно похожій, онъ представленъ сидящій въ плащѣ а надъ нимъ фигура съ свѣтильникомъ представляющея Геній. Я до сихъ поръ не могъ и теперь не могу отвѣчать на длинное письмо твое, писанное въ Товолжанкѣ,—не сердисъ на меня за мое молчаніе касательно некоторыхъ предметовъ,—я въ подробности входить не могу, онѣ грустны, онѣ душу мнѣ раздираютъ, показывая въ дали разачерованною и сирую будущность, это страшно,—горько! Мнѣ непременно надо было ѣхать въ деревню; но со всѣмъ тѣмъ я не раскаяваюсь что здѣсь остался, malgré que mon sejour ici est forcé par les circonstances qui ne me permettent guere de donner de la latitude a mes projets. C'est une véritable victoire que j'ai remporté sur moi mon cher, de vous avoir écrit une aussi grande lettre depuis 7 a 8 mois cela ne m'est pas arrivé. J'ai reçu des lettres de Moscou ou plutôt de la campagne, de l'oncle Nicolas,—les Soeurs me mandent, que nos malades y sont arrivés beaucoup mieux qu'on ne pourait l'esperer — Papa ne souffre pas et Volodia a un peu mal au coté; mais il a employé des ongants et il s'est trouve mieux—Vous devez avoir reçu *Fouss* que je vous ai envoyé depuis longtemps, vous verez que cela n'est pas grand chose, sauf quelques anecdotes assez interessantes du grand Souworoff le reste est du verbiage, qui n'est bon que pour celui a qui il a fait de l'argent.

Je ne puis rien vous dire de nos autres connaissances de la ville car je ne les voie jamais les *Toy* ne sont pas ici, Bibicoff est avec sa femme, Elie depuis quelques jours a Reval.

Bonjour je vous embrasse ecrivez moi et plaignez moi.

8-го Ноября 1827 Тульчинъ*). 31 Октября.

Любезный Александръ! Сей часъ получили твое письмо къ Николаю, на имя Владиміра надписанное. Ты пологаешь перваго уже въ Москвѣ, а онъ все еще отлогаетъ свою поѣздку. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ обѣщаетъ выѣхать 25, но знать опять остался. Мы все въ жестокомъ нетерпѣніи его видѣть, и притомъ грустно подумать что онъ покинетъ Петербургъ гдѣ веселится, и къ которому какъ говоритъ тетушка Трубецкая онъ несколько приросъ. Здѣсь я увѣрена что онъ часто будетъ скучать, потому что нѣтъ ни веселія ни общества, особливо заманчиваго.

Сергѣй Ильичь съ семьею благополучно доѣхалъ сюда въ среду. Всѣ у нихъ слава Богу здаровы. Вчера они обѣдали у насъ, но сестры довольно рано уѣхали

*) Написано рукой А. А. Муханова.

потому что ихъ обозъ пришелъ изъ деревни и имъ надобно было разкладыватся. Марья Сергѣевна и они всѣ говорятъ что ты былъ у нихъ весьма любезенъ и веселъ.

На дняхъ вышла третья глава Онегина и говорятъ что четвертая въ печати. Я думаю что они обѣ почти тебѣ извѣстны. Разговоръ Филипьевны сѣдой съ Татьяной удивительно природенъ. Груша утверждаетъ что онъ списанъ съ натуры. Причина пенія служанокъ въ саду всѣхъ весьма насмѣшила.

Наказъ основанный на томъ
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли
И пѣньемъ были занѣты
Затея сельской остроты.

Прощай, любезный другъ, боюсь опоздать, и потому и спѣшу и кончаю. Ты видѣшь что я пишу къ тебѣ часто и не остываю. Будь здаровъ, цѣлую тебя отъ души.

Здравствуй любезной другъ, Паша оставила мнѣ очень мало мѣсто и еще сверьхъ етого сердится и увѣряетъ что я опоздаю. Папинька слава Богу здаровъ и въ сенатѣ теперь, а Володя иногда чувствуетъ боль въ боку, ныньче изрядно себя чувствуетъ, вчера онъ уступилъ свои комнаты Васілію Карловичу и Прасковьѣ, которыхъ вчера было помолвка, весь вечеръ въ томъ состоялъ что гости въ великомъ молчаніи все ели и пили отужинали и тотъ же часъ разъѣхались. Мы читали третью часть Онѣгина предметъ етого сочиненія кажется баздѣленъ но какъ ето бездѣлка хорошо написана ты не можешь себѣ представить какъ Груша хохатала, когда мы ей читали второй разговоръ Татьяны съ Филипьевной но она очень сердиласъ о первомъ когда Татьяна говоритъ няни что она влюблена поступокъ няни ей очень не понравился она говоритъ что на ее мѣстѣ она бы розгами хорошенько. Папинькѣ тоже очень понравился и онъ съ нетерпеніемъ ждетъ продолженія.

Сей часъ получилъ письмо твое Любезный другъ и весьма къ стати почта нынче отходитъ и я только что дописалъ мое письмо. Здѣсь тоже всѣ думаютъ что война съ Персіей будетъ непродолжительна, вопервыхъ потому что какъ ты уже и видѣлъ вѣроятно въ Journal de Petersbourg она была начата по интригамъ въ дворѣ персидскомъ. Да къ тому же куда имъ съ нами тягатся! Воронцова отвѣтъ уже извѣстенъ здѣсь и въ Москвѣ уже былъ извѣстенъ когда я поѣхалъ. Государь получилъ его въ Твери. Вяземскаго я видѣлъ раза два въ Москвѣ, нездоровье Батюшкино, Аббатово и частію собственное мое удерживали меня болѣе дома прибавь къ тому что будучи окруженъ Володей, Иваномъ и почтеннымъ другомъ нашимъ къ тому же Александриной и сестрами какъ то

лѣнь было и не хотѣлось выходить отъ себя, не имѣвши надежды съ ними скоро свидѣтся я дорожилъ каждымъ мгновеніемъ. Вяземскій живетъ тихо, мало выѣзжаетъ и мало къ себѣ принимаетъ. Зиму намѣренъ провести въ Астафьевѣ. Что же касается до отпуска твоего, то ты я думаю можешъ лучше это обдумать тамъ нежели я больше здѣсь; ежели прилично тебѣ ѣхать теперь; и ежели ты можешъ обойтится безъ моего экипажа, то пріѣзжай сюда съ Трубецкимъ, отъ сюда можешъ доѣхать въ дилижансѣ въ Москву, что стоить будетъ только 100 рублей, а иначе перѣезды ужасно стоятъ дорого на столь большомъ разстояніи, къ тому же хорошо ли будетъ тебѣ уѣхать. Это знаешъ ты лучше меня. Съ другой стороны ѣхавши прямо въ Москву тѣмъ удобнѣе что ты бы лишнѣй мѣсяцъ или два пробылъ бы въ Тульчинѣ. Опять таки повторяю рѣшайся самъ. Я же не знаю какъ буду разполагать. Это много зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ Володи, Иванъ Ильичь подзываетъ Батюшку въ Успенское ѣхать на четыре мѣсяца съ Маія до конца Сентября ежели должно и можно будетъ вести Володю на Кавказъ. Такъ, такъ; а нѣтъ, то я думаю все лѣто провести здѣсь. Хотя это и весьма раззорительно. Стихи позабылъ тебѣ послать списываю ихъ здѣсь.

Я помню чудное мгновенье....*)

Любезный Другъ Александръ.

Пишу къ тебѣ въ Москву потому что нѣтъ еще уведомленія что ты выѣзжаешь впротчемъ письмо мое можетъ быть тебя не застанетъ. Здоровье мое поправляется а хандра все продолжается да и быть иныче нельзя черезъ день дежурю а въ тѣ дни занятъ такъ что минуты свободной нѣтъ, со всѣмъ тѣмъ разстроенъ во всѣхъ своихъ надеждахъ и предположеніяхъ грустно жить въ пыльномъ и дымномъ городѣ здѣсь въ окресностяхъ горятъ лѣса и весь городъ наполненъ дымомъ. Прощай Любезный другъ, писать болѣе некогда. Сей часъ выходитъ отъ меня Грибоѣдовъ съ которымъ я безпрестанно вижусь чудо что за человѣкъ уменъ, нравственности необыкновенный въ нашъ вѣкъ, да что же я его описываю, ты самъ его также знаешь. Александра Толстаго видалъ часто но не такъ часто какъ бы хотелось былъ боленъ во время его пребыванія здѣсь. Все что могу тебѣ объ немъ сказать что люблю его очень и что онъ точно достоенъ любви и дружбы всѣхъ его знающихъ. Прощай, Любезный другъ пустился теперь читать или лучше сказать пробегать журналы рускіе, и для сего имѣю Телеграфъ, Сынъ Оте., Отече. Запи., Благонамѣ., Севѣрную и куча другихъ которыя читаю и потомъ посылаю къ Вяземскому въ Ревель онъ пишетъ довольно часто и здоровъ. Скажи это Княгинѣ ежели ты еще въ Москвѣ. Кланяйся Катеринѣ Андревнѣ ежели ты заедишъ къ ней. Довольно ли ты милъ чтобъ подумать прислать мнѣ свой маршрутъ я бы сталъ по оному писать.

Къ батюшки и Володи пишу въ Успенское.

*) Здѣсь приведено все стихотвореніе: „Я помню чудное мгновенье“.

На васъ нашла черная година, Почтеннѣйшій Денисъ Васильевичъ;*) въ прибавокъ къ горю нынѣшняго лѣта вы еще на дняхъ напуганы были родами Софьи Николаевны! Упаси васъ Боже впередъ отъ такихъ бѣдъ. Вотъ уже мѣсяцъ какъ мы въ Петербургѣ и намаясь отъ дрязгу и мѣлочной суетливости здѣшняго рода жизни, не разъ вздохнешь о скалахъ Финскихъ, гдѣ исполинская природа обновивъ мое воображеніе сдѣлала снова для меня доступными безпредѣльныя наслажденія. Посылаю присемъ Эпилогъ изъ Стихотворной повѣсти: Эды—Баратынскаго; хотя таковаго рода вѣщи и не очень прибыльны для честолюбія, но все таки его пощекатываютъ доказывая, что коли черствыя и заплеснѣвшія души нѣкоторыхъ *современниковъ* не хотятъ оцѣнить достоинствъ вашихъ такъ въ укоръ имъ славный звонъ сабельныхъ ударовъ раздается въ пѣснопеніяхъ—отголоскахъ отечественной славы. Я пользуюсь этимъ случаемъ чтобъ напомнить вамъ о безвѣстномъ существованіи душевно и безпредѣльно любящаго васъ

Муханова.

Пять стихотвореній Е. И. Великопольскаго.

Барону Ант. Ант. Дельвигъ.

(По полученіи отъ него изданнаго имъ Альманаха: „Сѣверные цвѣты,“ съ надписью: „Милому поэту.“)

Поэтъ лѣнивецъ и дѣлецъ!
О мнѣ ты вспомнилъ наконецъ
Въ моемъ изгнаніи печальномъ!
Я получилъ твои цвѣты
И на листочкѣ ихъ начальномъ
Прочелъ руки твоей черты.
Ты мнѣ названье далъ поэта,
Но дружбѣ вѣрить ли твоей?
Увы! Поэтъ въ устахъ друзей,
Еще поэтъ ли я для свѣта?
Отецъ безмёдныя пчелы
Мнѣ не далъ своего привѣта
Въ страницахъ длинной похвалы.
Богъ съ нимъ, съ судомъ его ничтожнымъ!
По видамъ мысли осторожнымъ,

*) Д. В. Давыдовъ.

Сначала, сѣверный Зоилъ,
Кривымъ путемъ идя къ потомству,
Онъ по расчету всѣхъ бранилъ,
Теперь всѣхъ хвалитъ по знакомству.
Его суда я не боюсь,
Еще не вышелъ я на сцену.
Пора придетъ, я появлюсь;
Одеждой праздничной одѣну
Мою ревнивую Камену.
Тогда не Сомовъ, не Ѳаддей
О мнѣ въ устахъ уставятъ мнѣнье,
Но я подслушаю сужденье
Такихъ какъ ты, мой другъ, людей.
Отъ нихъ я жду себѣ награды,
Я ихъ въ судьи мои беру:
Восторжествую, иль съ досады
Стихи и прозу издеру.

26 Апрѣля 1826.
Псковъ.

Посланіе къ А. С. П. . . . ну,
въ отвѣтъ на полученную отъ него записку въ стихахъ.

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огнь души!
Какъ можно менѣе мытарствуй,
Какъ можно болѣе пиши,—
А за посланье благодарствуй!

Не правъ ли я, пріятель мой,
Не говорилъ ли я заранѣ:
Не сдобровать тебѣ съ игрой
И есть дира въ твоемъ карманѣ.
Поэтъ, ты честь родной странѣ,
Но, смѣлый всадникъ на Пегасѣ,
Ты также пылокъ на сукнѣ,
Какъ ты заносчивъ на Парнассѣ.
Конечно, къ слову то нейдетъ;
Съ тобою тамъ никто неравенъ:
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ;
Передъ тобою все падетъ,

Тебя привѣтствуетъ и нѣжитъ,—
Но, другъ, въ игрѣ не тотъ разсчетъ:
Иной пяти не перечтетъ,
А вмигъ писателя подрѣжетъ.
Въ стихахъ ты только что не святъ,
Но счастье лживая монета
И ногти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защитятъ.
Надменно плавая по небу,
Во многомъ ты подобенъ Фебу;
Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
Ты не пошелъ его путемъ.
Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта
И берегись, чтобъ и тебѣ,
Подобно горестной судьбѣ
Вождя блистательнаго свѣта,
(Слова не сбудутся, авось!)
Подъ часъ сойти бы не пришлось
Къ стадамъ блуждающимъ Адмета.

12 Іюня 1826.
Юрбургъ.

А. С. Пушкину.

По перечтеніи нѣкоторыхъ изъ его сочиненій.

Въ пылу восторженныхъ волненій,
Не зная страха, ни сомнѣній,
Я, дерзко, смѣлыя мечты
Переливаю на листы;
Незаповѣдными устами
Въ любви, бесѣдую съ богами;
Согрѣтый радостнымъ лучемъ,
Одушевляюсь ихъ огнемъ;
Мечтаю въ сладостномъ забвеньи:
Они взлюбили мой привѣтъ,
Мнѣ удивленный плещетъ свѣтъ;
Поэтовъ трудное ученье
Мое постигло вдохновенье;
Въ полетѣ славномъ, не трону
Я темной Леты глубину.

Такъ, ослѣпленный самъ собою,
Живу обманомъ и мечтою.
Но, Пушкинъ, посланъ ты межъ насъ
Поэтамъ въ радость и мученье!
Твой вдохновенно-дивный гласъ
Вливаетъ въ сердце упоенье!
Тебѣ во срѣтенье иду,
Къ тебѣ наполненный хвалою,—
И не одинъ я предъ тобою
Перо задумчиво кладу.

Москва.
13 Февр. 1828.

А. С. Пушкину,

сказавшему обо мнѣ въ обществѣ, что я трясу.

Эпиграмма.

Не говори, что я трясу.
Насмѣшку я перенесу,
Тебѣ-то выгодна ль придирка?
Ну что̀ за штука ты? *Чичирка?*
Вѣдь только руку занести,
Да *потрясти?*

1830.

Мое мщеніе.

Памяти А. С. Пушкина.

По прочтеніи первыхъ трехъ томовъ посмертнаго изданія его сочиненій*).

Собраньемъ разноцвѣтныхъ золъ
Весь окружившійся какъ рамой,
Кого ты въ жизни не кололъ,
Кого не рѣзалъ эпиграммой?
И я попалъ на остріе
Неугомонное твое.
Ты былъ поэтъ и ты по праву
Другихъ разцѣнивалъ стихи;
Но я твою не трону славу,
Твои не вызову грѣхи;
А безъ злопамятья и зноба,

*) По случаю напечатанной въ нихъ третьей эпиграммы (см. объ этомъ на оборотѣ письмо мое къ Плетневу).

Которымъ бьетъ другаго желчь,
У твоего я стану гроба:
Твою восторженную рѣчь,
Твои восторженныя грезы
Себѣ на память приведу
И, уронивъ на прахъ твой слезы,
Довольный мщеньемъ, отойду.

7 Мая 1838.
Чукавино.

Письмо къ Петру Александровичу Плетневу отъ 9 Мая 1838 года, при посылкѣ къ нему предыдущаго стихотворенія.

Позвольте надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ напечатаніи въ Вашемъ Журналѣ прилагаемыхъ трехъ піэсъ*). Получивъ на прошедшей почтѣ первые три тома посмертнаго изданія Сочиненій Пушкина, я увидѣлъ въ третьей Эпиграмѣ такъ ясно выставленнымъ мое имя, что ни мнѣ, ни другому не остается въ томъ никакого сомнѣнья. Покойникъ, въ вышедшемъ еще при его жизни изданіи этой эпиграмы, написалъ это имя иначе. Вамъ, какъ одному изъ редакторовъ, должно быть извѣстно, почему сдѣлана такая перемѣна. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что мое мщеніе не недостойно Вашего журнала.

Примѣч. Въ выноскѣ къ моей подписи сказано: „Имени, котораго здѣсь выставлена первая буква, давно уже нѣтъ въ словесности. Первыя произведенія всякаго писателя носятъ печать молодости и авторъ, взявъ себѣ псевдонимъ, началъ новое литературное поприще. Все прошедшее сдѣлалось уже для него теперь тѣмъ, чѣмъ бываетъ воспоминаніе дѣтства для человѣка возмужалаго“.

Четверостишіе министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова.

Князю Горчакову въ день его юбилея; сочинены въ каретѣ.

Твой голосъ громокъ и силенъ;
Силенъ,—какъ Русская держава,
И громокъ—какъ Россіи слава;
Да будетъ долго слышимъ онъ!

---

*) Эти три піэсы были: 1) предъидущее: памяти Пушкина (№ 26), и кажется: 2) Дума, въ проѣздъ чрезъ село Ярополечъ (№ 134) и 3.....

Стихотвореніе кн. Мещерскаго Соболевскому.

Кто отъ меня отвлекъ души моей отраду,
Тебя товарищъ, другъ, *о Соболевской мой!!*
Ужъ вѣрно Пушкины, *особо Левъ,—съ каймой,*
Затѣйныхъ риѳмъ прославивъ ретираду
Сего великаго любимца Сенъ-Пере,
Къ живому Химику ты долженъ обратиться,
Чтобъ реактивомъ онъ тому кто днесь помре
Способность паки далъ виномъ опять упиться.

Мещерскій.

Стихотворенія С. Соболевскаго и кн. Трубецкого—князю В. Ѳ. Одоевскому.

Любовникъ сладостной Надины
Издатель славный Мистерины
(Ее покрыли паутины)
Достоинъ толстой ты дубины
За то что въ родѣ ты скотины.

* * *

Имѣемъ мы теперь желанье
Писать не краткое посланье
Но вѣрно и сіе маранье
Переживетъ твое изданье
Младаго сердца трепетанье.

* * *

Вопервыхъ я скажу: четою
Пришли мы грязною стезею
Къ тебѣ обѣденной порою
Чтобы увидѣться съ тобою
Или хоть съ Лилою одною.

* * *

Мы шли веселыми шагами
Шагъ какъ орелъ подъ облаками
Махаетъ быстрыми крылами
Шагъ, князь, махали мы ногами
Шинелью, сертукомъ, руками.

* * *

Мы къ дому твоему подходимъ.
И въ книжну лавку не заходимъ
И въ комнату твою мы входимъ
И въ ней тебя мы не находимъ
И Лилу милую уводимъ.

Когда румяная денница
Взлетитъ какъ быстрая синица
Къ тебѣ пріѣдетъ колесница.
Кто въ ней сидитъ? Не рѣдка птица,
Но Лилки ясная зенница.

Прощай любезный нашъ издатель,
И прозы и стиховъ маратель
Не званый на Парнасъ писатель
Ты Мерзляковщины ругатель
И Шеллингистовъ обожатель.

С. Собо—ій и Князь Труб—цкой.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы выпустить 4 и 5-ый стихъ.

Цензоръ, Московскаго Университета
.... профессоръ и почетнаго креста
.... кавалеръ
Трофоней Е.......въ.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Владимиръ Ѳеодоровичу Одоевскому.

Отъ шампанскаго подагра,
Говоритъ намъ Гиппократъ
И подагра, и хирагра
Повторяетъ мнѣ стократъ
Еслибъ кто изъ васъ повѣрилъ
Мнѣ въ кредитъ бутылокъ сто
Я бы въ этомъ разувѣрилъ.
Да не вѣритъ мнѣ никто.

Такъ, пока была супруга
Хороша и молода
Я и друга и не друга
Ревновалъ къ ней завсегда

Но теперь я сталъ ей вѣрить
Да и ясно вижу то,
Что меня въ томъ разувѣрить
Къ ней не сунется никто.

Стихотвореніе неизвѣстнаго.

Побѣдитель.

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турнирѣ
Всѣ—цвѣточки полевые,
А моя одна какъ роза.
На нее глядѣлъ я смѣло,
Какъ орелъ глядитъ на солнце.
Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
Разгорѣлося забрало!
Какъ рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый твердый панцырь.
Свѣтлыхъ взоровъ знойный пламень
Сталъ въ душѣ моей пожаромъ,
Сладкошепчущія рѣчи
Стали сердцу бурнымъ вихремъ
И весны младое утро
Стало мнѣ грозой могучей;
Я помчался, я ударилъ
И ничто не устояло.

Стихотвореніе неизвѣстнаго, озаглавленное „Знаменитой Артисткѣ“.

Знаменитой Артисткѣ.

Когда восторгомъ бѣснованья
Театръ неистово объятъ
И будто громъ—рукоплесканья
Дробятся въ залѣ и гремятъ,
И въ упоеньи, и въ припадкѣ
Кричатъ вдругъ сотни голосовъ

И рвутся бѣлыя перчатки
На пальцахъ модныхъ львицъ и львовъ,
И не окончивъ монолога,
Въ порывѣ чувства онѣмѣвъ,
Ты смотришь холодно и строго
На этотъ шумъ, на этотъ ревъ,
И ждешь съ спокойствіемъ привычнымъ,
Чтобъ онъ улегся и утихъ
И на лицѣ твоемъ античномъ
Замретъ послѣдній роли стихъ
Не раздѣляя криковъ, шума,
Я восхищеньемъ не горю,
Но съ грустнымъ чувствомъ, странной думой
Въ тотъ мигъ, я на тебя смотрю
И безъ порывовъ увлеченья
Ловлю твой каждый жестъ и звукъ.
Я вижу въ пламенномъ движеньи
Не то, что видятъ всѣ вокругъ.
Сквозь заученныя тирады
Другіе звуки слышу я,
И ни восторга, ни отрады
Душа не чувствуетъ моя.
Она не трогается славой:
И вижу грустною мечтой
Въ чертахъ артистки величавой
Я образъ дѣвочьки больной
Худой, измученной и блѣдной
И со слезами на глазахъ.
Въ одеждѣ обветшалой, бѣдной.
Съ гитарой старою въ рукахъ.
Въ кофейнѣ дымной, грязной душной
Она, голодная поетъ
Соблазна пѣсни простодушно
И подаянья скромно ждетъ;
Пѣснь площадную безъ искуства
И хриплымъ голосомъ твердитъ;
Одна въ ней мысль, одно въ ней чувство:
Боязнь побоевъ, а не стыдъ.
И оттого-то въ каждомъ звукѣ

Твоихъ классическихъ стиховъ
Я вижу скорбь, я вижу скуки
Твоихъ младенческихъ годовъ,
Я вижу тайныя страданья,
Лишенья, долгую борьбу,
Терпѣнье, полное сознанья,
Надѣжду побѣдить,
Труды, порывы силы гордой,
Надъ сердцемъ, надъ собою власть,
Познаніе, плодъ воли твердой,
Ученьемъ вызванную страсть
И твой талантъ—онъ даръ науки,
Не вдохновенья,—даръ искуствъ,
Въ немъ страшно вымучены звуки,
Въ немъ много выстраданныхъ чувствъ
И чувствъ, томительныхъ до боли;
Но гдѣ въ немъ нѣжность сердца, жаръ
Любви, возникшей противъ воли?
Нѣтъ! твой талантъ поддѣльный даръ!
Онъ для тебя не цѣль, а средство
Богатство съ славою нажить;
Свое страдальческое дѣтство
Довольствомъ жизни искупить,
Принудить міръ—съ благодареньемъ
Пѣвицѣ уличной внимать,
Чтобы восторгъ толпы съ презрѣньемъ
И гордымъ взглядомъ принимать.
И ты своей достигла цѣли,
Съ тѣхъ поръ какъ замерла душа,
Любви порывы охладѣли
Ты стала чудно хороша
Твой взоръ, какъ факелъ погребальный,
Все ровнымъ пламенемъ горитъ,
Твой голосъ мѣрно и печально
Протяжнымъ отзывомъ гудитъ.
Какъ надъ могилой изваянье
Ты хороша и холодна,
И тѣрпѣливо ждешь воззванья
Отъ летаргическаго сна.

Стихотвореніе А. Пятковскаго.

Гимнъ россійской журналистикѣ.
(Посвящается любителямъ умѣреннаго прогресса).

Сколько въ Питерѣ у насъ
Есть газетъ прекрасныхъ,
Чистыхъ, гладенькихъ,—ничѣмъ
Людямъ неопасныхъ.

* * *

Поповицкій свой Листокъ
Съ толкомъ выпускаетъ,
Онъ писателей туда
Вредныхъ не пускаетъ.

* * *

Вотъ, въ таинственной глуши,
Кушнеревъ газету
Издаетъ на благо всѣхъ
И на диво свѣту.

* * *

„Сынъ“ Старчевскаго (ей, ей!),
Безъ стыда и сраму,
О прогрессѣ лишь на дняхъ
Выпустилъ рекламу,

* * *

Въ коей кроткій Осипъ Шилль,
Съ мудростью великой,
Революцію судилъ,
Какъ фенòменъ дикій.

* * *

Вотъ Скарятинскій журналъ—
Тѣхъ же мыслей крестникъ,
Хотъ объ немъ доселѣ зналъ
Только Книжный Вѣстникъ.

* * *

Нигилистовъ страшный бичъ,
Вольдемаръ Скарятинъ
Въ русской мысли ужь нашелъ
Много красныхъ пятенъ.

А въ Москвѣ-то, а въ Москвѣ!...
Тутъ я ставлю точки......
Нѣтъ, нашъ „сѣверный колоссъ"
Родился въ сорочкѣ.

* * *

Подъ прикрытіемъ газетъ,
Скромно-либеральныхъ,
Онъ навѣки заслоненъ
Отъ химеръ журнальныхъ!

Н. Алпеовскій.
(А. Пятковскій.)

Адресъ. Въ С. Пб., на Литейной, близъ Артиллерійскаго переулка, въ домѣ Азанчевской, Александру Петровичу Пятковскому.

P. S. Подъ псевдонимомъ Алпеовскаго я сотрудничалъ въ прошломъ году въ *Гудкѣ,* гдѣ мнѣ принадлежатъ, кромѣ статей подписанныхъ, Изреченія великихъ русскихъ дѣятелей и большая часть Погудокъ.

Мои условія: 25 к. с. за стихъ и 5 к. с. за строчку прозы. Я былъ бы много обязанъ Редакціи, еслибъ, вмѣстѣ съ гонораріемъ за это стихотвореніе, она выслала мнѣ и свой уважаемый журналъ.

Воспоминанія П. И. Щукина.

На возвратномъ пути изъ заграницы въ Москву, я заѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ навѣстилъ жившихъ на Васильевскомъ островѣ Р. Н. Гришина и В. П. Геннинга. Послѣ шестилѣтняго безвыѣзднаго пребыванія заграницей, Петербургъ показался мнѣ мизернымъ городомъ. Отвыкъ я также видѣть и слышать простыхъ русскихъ людей: мужиковъ, бабъ, солдатъ, извощиковъ.

Пріѣхавши въ Москву, я уже не засталъ въ живыхъ своего дядю Павла Васильевича Щукина, съ которымъ ѣздилъ въ Нижегородскую ярмарку, ходилъ въ Ново-Троицкій трактиръ и которому показывалъ Петербургъ, куда дядя въ первый разъ пріѣхалъ, когда я жилъ тамъ. Вмѣстѣ съ моими двумя братьями, Николаемъ и Сергѣемъ, вернувшимися еще до меня изъ заграницы, я сталъ заниматься въ конторѣ у отца и ходить въ его лавку. Мой братъ Дмитрій отбывалъ въ это время воинскую повинность въ 8-мъ гренадерскомъ запасномъ батальонѣ Фридриха Вильгельма Мекленбургскаго полка и жилъ зимою въ Хамовническихъ казармахъ, а лѣтомъ въ палаткѣ, въ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ. Передъ тѣмъ онъ учился одновременно со мной въ пансіонѣ Гирста, потомъ въ Поливановской гимназіи въ Москвѣ, затѣмъ въ коммерческомъ училищѣ въ Дрезденѣ, откуда вернулся въ 1877 году. Военная служба брату не особенно нравилась. Ему приходилось караулить арестантовъ. Разъ какъ-то онъ хотѣлъ зайти побриться въ парикмахерскую, но швейцаръ его не пустилъ, сказавъ: „васъ тутъ много шляется". Въ другой разъ братъ сидѣлъ въ трактирѣ; вошелъ офицеръ и выгналъ его вонъ. Въ 1878 году братъ Дмитрій уѣхалъ въ Ригу, гдѣ поступилъ волонтеромъ въ контору Товарищества цементной фабрики и маслобойни К. К. Шмидта.*)

Въ декабрѣ 1878 года отецъ основалъ торговый домъ, подъ фирмой: „И. В. Щукинъ съ Сыновьями", принявъ братьевъ моихъ, Николая и Сергѣя, и меня въ качествѣ товарищей. Торговали мы попрежнему на Чижовскомъ по-

---

*) Осенью 1882 года братъ Дмитрій вернулся изъ Риги (гдѣ послѣдніе два года онъ получалъ въ конторѣ Шмидта 75 рублей въ мѣсяцъ) и сталъ тоже заниматься отцовскимъ дѣломъ.

дворьѣ, а въ 1878 году сняли еще другую лавку въ Юшковомъ переулкѣ, на Шуйскомъ подворьѣ, въ домѣ Московскаго Купеческаго Общества.*)

До смерти отца жилъ я въ его домѣ, бывшемъ Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинскаго переулка. Напротивъ нашего дома, на углу того же переулка, былъ домъ Лопухиныхъ, старинный, одноэтажный деревянный, съ колоннами на переднемъ фасадѣ, выходящемъ на Пречистенку. При домѣ имѣлся обширный дворъ, который былъ видѣнъ какъ на ладони изъ нашихъ оконъ второго этажа. Кухня у Лопухиныхъ помѣщалась въ значительномъ разстояніи отъ барскаго дома, на дворѣ, въ отдѣльномъ флигелѣ. Зимой мы видѣли, какъ лакей, съ непокрытой головой, безъ теплой одежды, во факѣ, несъ изъ кухни миску съ супомъ и другія кушанья.

На Пречистенкѣ, почти напротивъ насъ, жилъ въ своемъ домѣ Владиміръ Дмитріевичъ Коншинъ. Въ этомъ домѣ мнѣ приходилось бывать; между прочимъ я присутствовалъ тамъ на свадьбѣ дочери Владиміра Дмитріевича—Прасковьи Владиміровны, вышедшей замужъ за Анатолія Ильича Чайковскаго,**) бывшаго впослѣдствіи нижегородскимъ вице-губернаторомъ. Свадьба была съ генералами, военными и статскими, до которыхъ Владиміръ Дмитріевичъ былъ большой охотникъ. Владиміръ Дмитріевичъ былъ всегда одѣтъ съ иголочки и тщательно выбритъ. Мы называли его между собой „лордомъ Биконсфильдомъ". Въ роскошно убранныхъ комнатахъ, которыя занималъ Владиміръ Дмитріевичъ, кромѣ громадной книги „Коронація императора Александра II", съ хромолитографированными картинками,—было полное отсутствіе какихъ-либо книгъ, а изъ газетъ, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей",—не видать другихъ. Свой домъ со всей обстановкой Владиміръ Дмитріевичъ потомъ продалъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой за триста тысячъ рублей, а самъ переѣхалъ въ Большой Знаменскій переулокъ, въ домъ моего отца, купленный у князя Трубецкого. Лѣтомъ В. Д. Коншинъ жилъ прежде въ Кунцевѣ, гдѣ его маленькіе сыновья, помню, ходили въ черкесскихъ костюмахъ.

На Пречистенкѣ же, ближе къ Пречистенскому бульвару, жилъ въ своемъ домѣ толстякъ, кавалергардскій офицеръ, Лихачевъ, который часто катался по Пречистенкѣ въ шарабанѣ, вмѣстѣ съ красивой Кронебергъ, бывшей петербургской актрисой.***) Лихачевъ былъ однимъ изъ усердныхъ посѣтителей „Салона де Варьетэ", на Большой Дмитровкѣ, который содержалъ какой-то Кузнецовъ, и гдѣ иногда за ночь составлялось до десяти полицейскихъ протоколовъ. Разсказ-

*) Въ 1886 году мы оставили Чижовское подворье, такъ какъ помѣщеніе стало слишкомъ тѣсно, и перешли въ сосѣднее Носовское, оставшись въ то же время и на Шуйскомъ.

**) Родной братъ композитора.

***) Объ этой Кронебергъ писалъ мнѣ еще въ Ліонъ Р. Н. Гришинъ въ своемъ письмѣ отъ 9 ноября 1877 года, изъ Петербурга: „Хорошенькая ех-актриса Кронебергъ катается на лошадяхъ гвардейскихъ офицеровъ и не такъ давно попалась на судъ мирового за то, что кого-то придавила на улицѣ."

чикъ Гинцбургъ завѣдывалъ въ „Салонѣ“ репертуарной частью и самъ выступалъ на сценѣ. Получая въ банкирской конторѣ Ценкера деньги, Гинцбургъ всегда приглашалъ Г-дъ Ценкеровъ въ „Салонъ“, говоря, что тамъ бываетъ „Seine Excellenz Herr Lichatscheff“.

Вслѣдствіе разстройства дѣлъ у Лихачева, домъ его былъ проданъ вдовѣ Михаила Алексѣевича Хлудова — Вѣрѣ Александровнѣ*). М. А. Хлудова я немного знавалъ; онъ былъ пріятелемъ генерала Михаила Григорьевича Черняева и сопровождалъ его въ туркестанскомъ походѣ. Съ Михаиломъ Алексѣевичемъ встрѣтился я дважды: разъ ѣхалъ съ нимъ изъ Петербурга въ Москву, другой разъ—изъ Турина въ Моданъ. Изъ Туркестана М. А. Хлудовъ привезъ молодого тигра, котораго держалъ у себя въ комнатахъ на свободѣ.

Далѣе, на Волхонкѣ, въ домѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, находился музей, входъ въ который былъ со стороны нынѣ несуществующаго „Колымажнаго двора“, гдѣ помѣщалась пересыльная тюрьма.**) Въ нижнемъ этажѣ Голицынскаго дома жилъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ съ женой (урожденной графиней Капнистъ), а въ верхнемъ этажѣ помѣщался музей, учрежденный по мысли покойнаго князя Михаила Александровича Голицына***) и открытый для публики въ 1865 году. Директоромъ музея состоялъ старичекъ, нѣмецъ, докторъ медицины Карлъ Марковичъ Гюнцбургъ. Съ нимъ я познакомился. К. М. Гюнцбургъ, служившій въ прежнее время врачемъ у Голицыныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, былъ человѣкъ очень начитанный, философски образованный, знавшій нѣмецкій, русскій, латинскій, древне-греческій, французскій и англійскій языки. Гюнцбургомъ были написаны и изданы:

1) „Catalogue des livres de la bibliothèque du Prince Michel Galitzin rédigé d'après ses notes autographes, par Ch. Gunzbourg“. (Moscou, 1866).

2) Краткое описаніе Голицынскаго музея подъ заглавіемъ „Московскій Голицынскій музей въ 1866 году“. (М. 1867).

3) „Указатель Голицынскаго музея“. (М. 1869).

и 4) „Основы умственнаго воспитанія и обученія въ связи съ психологіей и логикой“. (М. 1880).

Голицынскій музей былъ открытъ для посѣтителей по средамъ и воскресеньямъ, съ 12-ти до 4-хъ часовъ дня. Внизу при входѣ встрѣчалъ посѣтителей швейцаръ въ красномъ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ. По красивой лѣстницѣ поднимались во второй этажъ, гдѣ въ пяти залахъ были размѣщены старинныя картины разныхъ школъ, античныя произведенія изъ мрамора, бронзы и обож-

---

*) Теперь домъ Морица Филиппа.

**) Въ настоящее время на мѣстѣ „Колымажнаго двора“ выстроенъ еще неоткрытый для публики музей изящныхъ искусствъ.

***) Кн. М. А. Голицынъ былъ посланникомъ въ Мадридѣ; родился въ Москвѣ 12 мая 1804 года, умеръ въ Монпелье, 17 марта 1860 года.

женной глины, старинныя серебряныя вещи, фаянсъ, фарфоръ, часы, эмали, миніатюры, камеи, геммы, медали, монеты и т. д. Помню, на стѣнахъ висѣли два большихъ чудеснѣйшихъ гобелена, на коихъ по рисункамъ Детруа были изображены сцены изъ Ветхаго Завѣта: Эсфирь и Агасферъ. Съ боку на коврахъ были двѣ надписи: „Fait par Detroit à Rome 1739“; внизу: „Cazotte 1763“. Находившіяся въ музеѣ двѣ парныя вазы изъ слоновой кости съ бронзой въ стилѣ Людовика XVI, тончайшей работы, когда-то принадлежали Маріи-Антуанеттѣ, ибо на нихъ имѣлся шифръ этой несчастной королевы. Библіотека, помѣщавшаяся въ отдѣльной залѣ, заключала въ себѣ драгоцѣнныя библіографическія рѣдкости.

Относительно пріобрѣтенія нѣкоторыхъ книгъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Голицынымъ, К. М. Гюнцбургъ далъ мнѣ списать слѣдующія замѣтки самого князя:

„Notices sur quelques acquisitions de livres, tirées d'un carnet du Prince Michel Alexandrowitsch Galitzin.

1854.

Vente Debure. { Explication des Maximes des Saints par Fenelon Paris..... 1697 m. r. tr. dor. Exempl. aux armes de Jacques II Roi d'Angleterre payé 500 frcs.

1855.

(Collection d'un amateur de Moscou:)

—Oeuvre de Callot 2 vol. in-fol. m. r. tr. dor. aux armes de M-me de Pompadour. (Cet amateur m'ayant fait proposer de lui céder moyennant échange, des livres plus ou moins érotiques, que je pouvais avoir dans ma bibliothèque, je lui envoyais: La Pucelle d'Orléans avec fig. Paris Didot l'an III et les Chansons de Beranger Paris 1828 fig. en noir et coul. en retour desquels, je reçus les deux beaux volumes de Callot).

(Stargardt:) Les ordonnances de la toison d'or. (Anvers Plantin vers 1500) exempl. sur vélin, très beau, 38 Th. 25 gr.

Ventes Giraud. { Quintus Curtius Aldus 1520. Exempl. aux armes de François I. Payé 450 frcs. Amadis de Gaule. 26 vol. m. r. tr. dor. (Lyon. B. Rigaud 1575—81. Paris, Cl. Gautier 1573, Paris. G. Robinet 1613). Exempl. aux armes du C-te d'Hoym. Payé 500 frcs.

(Envoyé de Berlin par le P-ce Alexis Labanoff:)

Le Pastisser françois. Elsev. 1655 m. r. tr. dor. payé 72 Th.

(Biblioth. de M-r Vsevolossky à Moscou:) Ciceronis epistolae ad Brutum a Roma. Sweynheym et Pannartz 1470 m. r. tr. dor. Bel exempl. à gr. marges. 120 Roubles.

(Boutkovsky à Moscou) Catholicon a Fr. Ioh. Balbus de Janna 1460. Bel exemplaire, mais qui devra être lavé et relié. 62 roubles.

id. Quintilianus—Roma 1470. Edit. princeps 50 roubles.

(Env. par le P-ce Lab.:) Le romant de la Rose translate... par Molinet Lyon. Balsariv 1503 gr. in-4 v. marbré 33 Th. 10 gr.

1856.

(L. Potier) Ciceronis opera Aldus 1501—23. 8 t. en 7 vol. m. noir à comp. tr. dor. rel. anc. exempl. d'une conservation parfaite. 800 frcs.“

Голицынскій музей былъ въ сущности небольшой, но все, что въ немъ заключалось,—было дѣйствительно прекрасно. Всѣ предметы, собранные княземъ Михаиломъ Александровичемъ Голицынымъ, указывали на его вкусъ и знанія. О князѣ Сергѣѣ Михайловичѣ Голицынѣ Гюнцбургъ отзывался нелестно: „Unser Fürst“, печально говорилъ онъ мнѣ, „ist kein Bücherfreund, sondern ein Pferdefreund“.

И Гюнцбургъ былъ правъ: несмотря на маіоратъ, князь С. М. Голицынъ продалъ въ 1886 году въ Петербургѣ всѣ свои коллекціи за относительно незначительную сумму—восемьсотъ тысячъ рублей, и тѣмъ лишилъ Москву прекраснаго музея, *) обогативъ и безъ того богатые Императорскій Эрмитажъ и Императорскую Публичную Библіотеку. Теперь не увидишь ни въ одномъ московскомъ музеѣ такихъ чудныхъ гобеленовъ, такого севрскаго фарфора и многихъ другихъ вещей, какія находились въ Голицынскомъ музеѣ. Прошло 25 лѣтъ какъ закрылся этотъ музей, и объ его существованіи большинство успѣло забыть. Только въ „Русскомъ календарѣ“ Суворина изъ года въ годъ продолжаютъ печатать (см. Суворинскій календарь за 1911-й годъ, стр. 347), въ какіе дни и часы Голицынскій музей открытъ для посѣтителей, когда и самъ-то домъ не принадлежитъ болѣе князю Голицыну, а Училищу Живописи, Ваянія и Зодчества**). Нѣтъ въ живыхъ и устроителя Голицынскаго музея, добрѣйшаго Карла Марковича Гюнцбурга.

Живя заграницей, я собиралъ нѣмецкія и французскія книги, фотографіи актрисъ, актеровъ, писателей, ученыхъ, военныхъ, коммунистовъ и др. Возвратясь въ Москву, сталъ также собирать гравюры, литографіи и рисунки. Такимъ образомъ у меня составилось значительное собраніе гравюрокъ лучшаго нѣмецкаго иллюстратора книгъ XVIII в.—Даніила Ходовецкаго, офортовъ и рисунковъ Фелисіена Ропса и литографій Гаварни, Греведона, Буали и другихъ, XIX в.

Разъ съ братомъ Николаемъ, по рекомендаціи дяди П. Л. Пикулина, поѣхали мы къ старичку Константину Ивановичу Лапкову, жившему въ Лефортовскомъ дворцѣ, на квартирѣ капитана Дарагана, и купили у него: „Le Temple de Gnide“, изд. 1772 года, съ прелестными гравюрами съ рисунковъ Eisen'a—за

*) Жаль также, что на Мясницкой закрылась Чертковская библіотека; хотя ею можно пользоваться и въ настоящее время въ Историческомъ Музеѣ, но все же въ Москвѣ стало одной общественной библіотекой меньше. Зала для чтенія въ Чертковской библіотекѣ была обширная, отлично устроена, и завѣдывалъ библіотекой такой дѣльный человѣкъ какъ Петръ Ивановичъ Бартеневъ, составившій прекрасный каталогъ этой библіотеки.

**) Въ Суворинскомъ „Русскомъ Календарѣ“ на 1912 годъ Голицынскій Музей наконецъ-то не указанъ, но Боткинская картинная галлерея въ Москвѣ, уже нѣсколько лѣтъ несуществующая, все еще приводится.

десять рублей; четыре тома in-4 „Метаморфозъ Овидія“, изд. 1767—77 г., во французскомъ переводѣ аббата Банье, съ множествомъ гравюръ, — за сорокъ рублей; двѣ сепіи Gustave Moreau le Jeune, миніатюру на кости, представляющую Нимфу и Сатира, писанную Прудономъ, гравюры Гогарта XVIII в. и еще нѣсколько старинныхъ книгъ и гравюръ.

Потомъ купилъ я въ Столешниковомъ переулкѣ у антикварія, француза Давида, прежде торговавшаго пивомъ Трехгорнаго завода,*) два тома „Pierres gravées du duc d'Orleans,“ въ красныхъ сафьянныхъ старинныхъ переплетахъ, экземпляры замѣчательной сохранности,—за сорокъ рублей. У врача Михаила Осиповича Вивьена былъ купленъ мною прекрасный оттискъ портрета Боссюэта, гравированный Петромъ Древэ (Drevet) въ 1723-мъ году,—за пятнадцать рублей. Этотъ портретъ можно считать шедевромъ гравировальнаго искусства.

Черезъ К. М. Гюнцбурга купилъ я собраніе маленькихъ томиковъ изданія Cazin XVIII в. и прекрасное Келевское изданіе Beaumarchais „Свадьба Фигаро“, съ пятью картинками Saint-Quentin.

Въ Москвѣ одновременно со мной собирали книги и гравюры нѣкоторые знакомые: Н. С. Мосоловъ, Н. В. Баснинъ, Н. Г. Егоровъ, С. С. Шайкевичъ, И. М. Остроглазовъ, В. С. Абакумовъ и В. К. Вульфертъ.

Николай Семеновичъ Мосоловъ, учившійся гравировальному искусству у Фламенга въ Парижѣ, самъ хорошій офортистъ. Его болѣе извѣстная и крупная работа—офорты съ картинъ Рембрандта, находящихся въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. У самого Николая Семеновича замѣчательное собраніе старинныхъ офортовъ, нѣмецкихъ и въ особенности голландскихъ мастеровъ. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ собиралъ также книги XVIII в. съ гравюрами.

Присяжный повѣренный Николай Васильевичъ Баснинъ (тоже еще здравствующій) собиралъ преимущественно гравюры XVIII ст.

Николай Георгіевичъ Егоровъ (нынѣ покойный) служилъ цензоромъ въ иностранномъ отдѣленіи цензуры, помѣщавшемся тогда въ Шереметевскомъ переулкѣ. Н. Г. Егоровъ, человѣкъ одинокій, жилъ въ Антипьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Созановича, гдѣ занималъ небольшую квартиру. Будучи цензоромъ, Егорову приходилось просматривать массу иностранныхъ изданій, между коими встрѣчалось много роскошныхъ. Николай Георгіевичъ пристрастился къ послѣднимъ и сталъ покупать французскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX в., тратя на нихъ бо̀льшую часть своихъ средствъ. Пріобрѣтаемыя книги Егоровъ посылалъ обыкновенно въ Парижъ, откуда онѣ возвращались въ дорогихъ переплетахъ.

*) Нѣкоторые изъ московскихъ антикваріевъ, прежде чѣмъ сдѣлаться таковыми, занимались совсѣмъ другими дѣлами: такъ, антикварій Черномордикъ былъ канторомъ въ синагогѣ Л. С. Полякова, Парфеновъ—оберъ-кондукторомъ, Абрамовскій—бухгалтеромъ въ конторѣ Шлезингера.

Свои книги Егоровъ держалъ въ шкафахъ, тщательно завернутыми въ бумагу. Впослѣдствіи Егоровъ былъ отдѣльнымъ русскимъ цензоромъ, а его мѣсто въ иностранной цензурѣ занялъ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, съ которымъ я тоже познакомился. По смерти Егорова*) его небольшое, но прекрасное книжное собраніе было продано въ 1907 году наслѣдниками московскому книготорговцу П. П. Шибанову.

Присяжный повѣренный Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ сразу пріобрѣлъ бо́льшую часть извѣстной Власовской**) коллекціи гравюръ (небольшая ея часть находилась въ Голицынскомъ музеѣ) и затѣмъ сталъ ее пополнять. Между прочимъ Самуилъ Соломоновичъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій извѣстное руководство по собиранію гравюръ Вессели. Наживъ адвокатской практикой хорошее состояніе и продавъ свой домъ въ Полуэктовскомъ переулкѣ, Шайкевичъ переселился въ Парижъ, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Судьба его коллекціи гравюръ осталась мнѣ неизвѣстна.

Товарищъ прокурора московской судебной палаты Иванъ Михайловичъ Остроглазовъ жилъ въ своемъ домикѣ на Бутыркахъ. При домикѣ былъ садъ, въ которомъ росло много ягодъ. Въ этомъ саду Иванъ Михайловичъ показывалъ мнѣ свое собраніе русскихъ гравированныхъ портретовъ. Онъ собиралъ также русскія книжныя рѣдкости. У него видѣлъ я Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, „Вадима Новгородскаго“, самое миніатюрное изданіе басенъ Крылова и другія рѣдкія книги. Иванъ Михайловичъ перешелъ потомъ на службу въ Тулу́, гдѣ и умеръ—предсѣдателемъ окружнаго суда. Знавалъ я также пріятеля Остроглазова—Кирилла Александровича Нарышкина. Остроглазовъ покупалъ вещи у антикварныхъ торговцевъ обыкновенно вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, держась слѣдующаго правила: когда Остроглазовъ торговалъ какую-нибудь вещь,—Нарышкинъ всегда находилъ въ ней недостатки и не совѣтовалъ покупать, чѣмъ смущалъ торговца, который поэтому невольно уступалъ въ цѣнѣ. По смерти Ивана Михайловича, его собраніе книгъ было продано Николаю Павловичу Рогожину, затѣмъ оно перешло къ сыну послѣдняго Владиміру Николаевичу. Въ настоящее время собраніе И. М. Остроглазова вмѣстѣ съ Рогожинской библіотекой составляетъ собственность Московскаго Историческаго Музея. Свое собраніе гравированныхъ портретовъ Иванъ Михайловичъ распродалъ еще при жизни.

Товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда Владиміръ Сергѣевичъ

---

*) Н. Г. Егоровъ родился въ 1839 году; умеръ 25 декабря 1902 года.

**) Власовъ былъ небогатый помѣщикъ, но имѣлъ вкусы богатаго. Богачъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій предложилъ ему руку своей хромой дочери, на которой Власовъ и женился, и сталъ рьянымъ коллекціонеромъ. Чего только у Власова не было: и старинныя картины, и миніатюры, и гравюры, и книги, и табакерки, и фарфоръ, и бронза и т. д. Въ концѣ концовъ Власовъ разорился, и одна часть его собранія была продана съ аукціона, а другая разыграна въ лотерею.

Абакумовъ собиралъ гравюры и автографы. По смерти Владиміра Сергѣевича, согласно его воли, гравюры поступили въ Нижегородскій музей*), помѣщающійся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ одной изъ Кремлевскихъ башенъ, а автографы были розданы душеприкащикомъ В. К. Вульфертомъ пріятелямъ покойнаго. Такимъ образомъ нѣсколько автографовъ, какъ-то: нижегородскаго губернатора Одинцова, игуменьи Митрофаніи (баронессы Розенъ), адвоката Ѳ. Н. Плевако и другіе—достались и мнѣ.

Членъ московской судебной палаты Владиміръ Карловичъ Вульфертъ, бывшій раньше мировымъ судьей, собиралъ преимущественно рѣдкія книги, автографы и курьезныя объявленія и опечатки. Вульфертъ занимался переводами и кое-что написалъ, между прочимъ интересный разсказъ „Вальдшнепъ“ **). Вдова Владиміра Карловича передала въ Московскій Историческій Музей всѣ неимѣвшіяся въ Музеѣ, большею частію очень рѣдкія, книги.

Не могу обойти молчаніемъ еще одного библіофила, котораго хотя и не зналъ лично, но часто встрѣчалъ у букинистовъ, а именно—потомственнаго почетнаго гражданина Ѳедора Ѳедоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одѣтый, онъ по цѣлымъ днямъ рылся въ книжныхъ лавкахъ, причемъ иногда незамѣтно вырывалъ изъ рѣдкой книги листъ или два, чтобы ее обезцѣнить и купить подешевле, а при случаѣ даже и воровалъ книги. Мазуринъ покупалъ книги въ долгъ и постепенно платилъ. Будучи страстнымъ любителемъ книгъ, онъ обладалъ большими библіографическими познаніями. Жилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ своемъ домѣ, окруженный котами и кошками, коихъ называлъ по имени и отчеству и съ коими не брезгалъ ѣсть изъ одной посуды. За котами и кошками ухаживали жившія у него въ домѣ старушки. Свои книги Ѳедоръ Ѳедоровичъ держалъ не въ шкафахъ, а въ сундукахъ. Мазуринъ, видя расточительность своей матери на украшенія церквей и не будучи въ состояніи сдѣлать ей замѣчанія по мягкости своего характера,—самъ наложилъ на себя опеку. Опекунами его были: Василій Алексѣевичъ Бахрушинъ и Михаилъ Алексѣевичъ Чернышевъ. По смерти Мазурина ***)

---

*) В. С. Абакумовъ началъ свою службу въ нижегородскомъ окружномъ судѣ.

**) Вотъ списокъ печатныхъ трудовъ В. К. Вульферта, любезно сообщенный мнѣ Алексѣемъ Ивановичемъ Станкевичемъ:

I) Стихотворенія: 1) „Къ утренней зарѣ“. Подражаніе Овидію. 2) Отрывокъ „Разговоръ Фауста съ Мефистофелемъ“. 3) „Царь Рустемъ“. Восточное преданіе. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1880 года, августъ.

II) „Вальдшнепъ“. Разсказъ холостяка. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1882 года, августъ.

III) „Тяжба Гоголя подъ цензурою Дуббельта“. „Въ Русскомъ Архивѣ“ 1887 года, II, стр. 256.

IV) „Двадцатипятилѣтіе московскихъ столичныхъ судебно-мировыхъ учрежденій 1866—1891 гг.“ Москва, 1891. Отдѣльною книгою.

Въ письмѣ В. И. Солдатенкова (изъ Кунцева, отъ 15 сентября 1883 г.) говорится еще о комедіи, написанной В. К. Вульфертомъ: „. . . . . у насъ, пишетъ Солдатенковъ, предполагается устроить домашній спектакль: пойдутъ двѣ піэсы: „Горацій и Лидія“, комедія въ 1 дѣйствіи моего пріятеля Вульферта“ . . . .

***) Ѳ. Ѳ. Мазуринъ умеръ 23 декабря 1898 года; родился 21 мая 1845 года.

опекуны передали его цѣнное собраніе печатныхъ книгъ и рукописей въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Домъ моего отца въ Лопухинскомъ переулкѣ былъ купленъ у Толмачевой за очень дорогую цѣну,*) значительно бо̀льшую, чѣмъ онъ дѣйствительно стоилъ. Толмачева, при продажѣ дома, сумѣла отца, какъ говорится, обставить. Домъ имѣлъ форму буквы Г и былъ каменный трехъэтажный. При домѣ имѣлись: садъ, небольшая оранжерея и службы. Въ саду отецъ выстроилъ деревянную бесѣдку. Въ нижнемъ этажѣ дома находились: комнаты для прислуги, чайная конторщиковъ и кухня, настолько большая, что въ ней во время вечеровъ пятнадцать поваровъ свободно готовили ужинъ. Какъ въ нижнемъ, такъ и во второмъ этажѣ всѣ комнаты были низкія и всѣ окна второго этажа полукруглыя**). Во второмъ этажѣ находились: столовая, буфетная, комнаты моихъ сестеръ и старшихъ братьевъ, моя комната, комната гувернантки, комната прислуги и контора.

Во второй и третій этажи вела парадная чугунная бронзированная лѣстница. Билліардная находилась въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ комнатъ: изъ передней въ билліардную надо было подниматься по деревянной винтовой лѣстницѣ. Въ третьемъ этажѣ жили отецъ, мать и два младшихъ брата, Владиміръ и Иванъ, съ пожилой нѣмкой—Эммой Карловной Крузе. Всѣ комнаты третьяго этажа были высокія, причемъ парадныя—богато отдѣланы и роскошно меблированы. Потолокъ въ большомъ, вродѣ залы, отцовскомъ кабинетѣ былъ красный съ бѣлыми съ золотомъ лѣпными орнаментами. Мебель въ двухсвѣтной залѣ была обита желтымъ шелковымъ штофомъ и изъ такого же штофа были драпировки на окнахъ и дверяхъ. Изъ залы черезъ арку входили въ гостиную, стѣны и золоченая мебель которой были обиты пунцовой шелковой матеріей. За пунцовой гостиной слѣдовала голубая шелковая гостиная, затѣмъ бѣлый атласный будуаръ и спальня матери. Всѣ эти четыре комнаты составляли одну анфиладу. Въ коридорѣ третьяго этажа на потолкѣ и карнизахъ была хорошая фресковая живопись итальянской работы; между прочимъ были написаны тигры. Въ третій этажъ вела еще деревянная лѣстница, а изъ второго этажа въ нижній—каменная (черная).

Отецъ, человѣкъ хлѣбосольный, любилъ приглашать къ обѣду гостей, но не любилъ, если кто самъ напрашивался на обѣдъ. Такъ, помню, разъ Константинъ Августиновичъ Тарновскій сказалъ отцу: „въ четвергъ я приду къ вамъ обѣдать,“ на что отецъ отвѣтилъ: „мы будемъ вамъ очень рады, но только насъ дома не будетъ.“

---

*) Домъ былъ купленъ съ мебелью за 250 тысячъ рублей. Кромѣ того отцу пришлось заплатить за купчую. По смерти отца наслѣдники съ трудомъ могли продать этотъ домъ, безъ мебели, за сто тысячъ рублей, Л. С. Полякову.

**) Толмачевъ былъ откупщикъ и въ его домѣ помѣщался винный складъ, чѣмъ и объяснялись имѣвшіяся во второмъ этажѣ полукруглыя окна. Третій этажъ надстроили уже потомъ. Во время коронаціи императора Александра II,—въ домѣ Толмачева стоялъ австрійскій посланникъ Эстергази.

Изъ ближайшихъ родныхъ чаще другихъ обѣдалъ у насъ дядя Павелъ Петровичъ Боткинъ, служившій прежде въ Петербургѣ, въ какомъ-то департаментѣ, а потомъ вышедшій въ отставку и переселившійся въ Москву. Павелъ Петровичъ, старый холостякъ, былъ страстный любитель балета и оперы и поклонникъ прекраснаго пола. Неуклюжій, лѣнивый, съ бритымъ обрюзглымъ лицомъ, онъ напоминалъ католическаго священника. Однажды гдѣ-то въ Испаніи его не пустили на балъ, принявъ за патера. Несмотря на свои ограниченныя средства, Павелъ Петровичъ много тратилъ на подарки актрисамъ, что не мѣшало имъ водить его за носъ. О своихъ неудачахъ съ красивыми дамами онъ откровенно и наивно разсказывалъ. Напримѣръ, попроситъ его какая-нибудь изъ нихъ сопровождать ее на балъ; Павелъ Петровичъ закажетъ букетъ, найметъ карету и вмѣстѣ съ дамой поѣдетъ на балъ. Но едва взойдутъ они въ залу, какъ подбѣжитъ гвардейскій офицеръ и уведетъ ее, а Павелъ Петровичъ останется при пиковомъ интересѣ и опечаленный вернется домой. Павелъ Петровичь былъ, можно сказать, живыми святцами: помнилъ всѣ дни празднованій русскихъ святыхъ.

Изъ двухъ Боткинскихъ семей—Петра и Дмитрія Петровичей—отецъ былъ ближе ко второй. Поэтому и наши общенія съ семьей Дмитрія Петровича были чаще. Дмитрій Петровичъ Боткинъ жилъ съ женой Софьей Сергѣевной (урожденной Мазуриной), дочерью Елизаветой и тремя сыновьями—Петромъ, Сергѣемъ и Дмитріемъ—въ своемъ домѣ, на Покровкѣ, которую въ насмѣшку онъ называлъ: „наша rue de la Paix". Человѣкъ съ большимъ вкусомъ, Дмитрій Петровичъ собралъ замѣчательную картинную галлерею иностранныхъ художниковъ, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время наслѣдниками частью продана, а частью увезена изъ Москвы. По воскресеньямъ у Дмитрія Петровича бывали обѣды съ гостями—зимой на Покровкѣ, а лѣтомъ въ Кунцевѣ на его дачѣ. Бывали у него въ московскомъ домѣ также балы и маскарады. Вообще семья Дмитрія Петровича отличалась радушіемъ и гостепріимствомъ.

Петръ Петровичъ Боткинъ, глава чайной фирмы „Петра Боткина Сыновей", жившій на Маросейкѣ въ Петро-Веригскомъ переулкѣ, бывалъ у насъ рѣдко, какъ и его три дочери, Анна, Надежда и Вѣра, а супруга Петра Петровича—Надежда Кондратьевна, (урожденная Шапошникова) и совсѣмъ у насъ не бывала, да и вообще въ гости никуда не ѣздила. Братья и я дѣлали визиты семьѣ Петра Петровича только въ первый день Рождества и Пасхи. Въ эти высокоторжественные дни у Петра Петровича бывали всегда семейные обѣды, на которыхъ присутствовали близкіе родственники и Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Въ концѣ обѣда, когда еще никто не выходилъ изъ за стола, Иванъ Ѳедоровичъ медленно поднимался со стула и, опершись руками о столъ, начиналъ какой-нибудь разсказъ.

Дядя Владиміръ Петровичъ Боткинъ, женатый на Аннѣ Ефимовнѣ Гучковой, былъ человѣкъ атлетическаго сложенія. Жилъ онъ съ семьей на дачѣ въ Со-

кольникахъ, гдѣ однажды захворалъ бѣлой горячкой, сталъ буйствовать, почему былъ связанъ, и скоро умеръ,—еще въ молодыхъ лѣтахъ. Мы съ отцомъ пріѣхали въ Сокольники, когда Владиміръ Петровичъ лежалъ уже мертвый, и у воротъ дачи толпились гробовщики. Потомъ пріѣхалъ Петръ Петровичъ Боткинъ, и гробовщики стали приставать къ нему; одинъ говорилъ: „я дѣлалъ гробъ вашему батюшкѣ"; другой: „я дѣлалъ гробъ вашей сестрицѣ"; и т. д.*)

Послѣ Владиміра Петровича остались два сына: Ѳедоръ и Михаилъ; старшій, Ѳедоръ, нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ въ Парижѣ, гдѣ усердно занимался живописью и подавалъ надежды сдѣлаться хорошимъ художникомъ.

Отецъ и мать находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гучковыми**), которыхъ было нѣсколько семействъ. Иванъ Ефимовичъ Гучковъ былъ женатъ на француженкѣ—Корали Петровнѣ. Одинъ изъ его сыновей, Николай Ивановичъ, женатый на Вѣрѣ Петровнѣ Боткиной,—нынѣшній московскій городской голова; другой, Александръ Ивановичъ,—извѣстный лидеръ октябристовъ и бывшій предсѣдатель государственной думы. Братья Ивана Ефимовича — Николай и Ѳедоръ, жили въ Преображенскомъ, гдѣ у нихъ при домѣ былъ большой садъ съ прудомъ***). Къ нимъ я ѣздилъ съ отцомъ. Съ Ѳедоромъ Ефимовичемъ и его женой Ольгой Кирилловной я встрѣчался также въ Біаррицѣ, куда они имѣли обыкновеніе

---

*) Похоронныхъ бюро тогда еще не существовало; гробовщики сами узнавали, гдѣ есть покойникъ, и являлись за полученіемъ заказа.

**) Родоначальникомъ Гучковыхъ былъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ, крестьянинъ Калужской губерніи, Малоярославецкаго уѣзда. Онъ завелъ шерстяную фабрику въ 1790-хъ годахъ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ; въ 1840-хъ годахъ, за принадлежность къ старообрядчеству, Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, и дѣло перешло къ его сыновьямъ, Ефиму и Ивану. Ефимъ Ѳедоровичъ былъ московскимъ городскимъ головой въ 1857 и 59-мъ годахъ. Съ моимъ отцомъ оба брата состояли въ большой дружбѣ, и ихъ литографированные портреты висѣли у него въ кабинетѣ. Изъ имѣющейся у меня копіи съ духовнаго завѣщанія И. Ѳ. Гучкова видно, что душеприкащиками его были: Иванъ Ефимовичъ Гучковъ, Петръ Петровичъ Боткинъ, мой отецъ и Альбертъ Осиповичъ Гюбнеръ. Жена Ивана Ѳедоровича—Марья Павловна считалась одной изъ московскихъ красавицъ. У Ивана Ѳедоровича были дѣти: Павелъ, Владиміръ, Сергѣй, Николай, Александра, Марья, Екатерина и Юлія. Вначалѣ 1859 года Ефимъ и Иванъ Ѳедоровичи раздѣлились, и фирма стала называться „Ефимъ Ѳедоровичъ Гучковъ", а послѣ смерти Ефима Ѳедоровича (29 сентября 1859 года) дѣло продолжали сыновья его, Иванъ, Николай и Ѳедоръ, подъ фирмою „Ефима Гучкова Сыновья". Въ 1896 году Гучковы фабрику закрыли, но торговлю продолжали. Въ октябрѣ 1911 года Гучковы свое дѣло совсѣмъ прикончили.

Николай Ефимовичъ скончался въ 1884 году.
Иванъ Ефимовичъ „ „ въ 1904 году.
Ѳедоръ Ефимовичъ „ „ въ 1909 году.

Дѣти Ивана Ефимовича: Александръ. Николай. Ѳедоръ. Константинъ.

Николая Ефимовича: Николай. Василій. Вѣра.

Ѳедора Ефимовича—Ѳедоръ.

***) Въ этомъ домѣ мои родители праздновали свою серебряную свадьбу.

ѣздить осенью, и гдѣ у нихъ былъ пріятель, тамошній аптекарь Музампесъ, напоминавшій Флоберовскаго аптекаря въ романѣ „Madame Bovary“.

Павелъ Ивановичъ Гучковъ, худощавый и одинъ изъ самыхъ высокихъ мущинъ въ Москвѣ, любилъ совѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ моимъ отцомъ. Павелъ Ивановичъ одно время торговалъ въ магазинѣ „Русскихъ издѣлій“ мануфактурнымъ товаромъ и былъ покупателемъ у моего отца; потомъ оставилъ торговлю и сталъ заниматься дисконтомъ и пріобрѣтать доходные дома. Женился Павелъ Ивановичъ на Лидіи Семеновнѣ Перловой. Его братъ Владиміръ Ивановичъ служилъ волонтеромъ въ конторѣ у Розентауера въ Берлинѣ въ то время, когда я служилъ у Абельсдорфа и Мейера. Три сестры Павла Ивановича, Marie, Julie и Alexandrine, бывали у насъ. Александра Ивановна, очень красивая, вышла замужъ за Буркина; а Марія и Юлія Ивановны остались въ дѣвицахъ. Бракъ съ Буркинымъ оказался неудачнымъ, и Александра Ивановна вскорѣ разошлась съ мужемъ. Помню, какъ молодые Буркины пріѣзжали къ намъ въ Кунцево на тройкѣ лошадей, разукрашенныхъ пестрыми лентами съ бубенчиками.

Врачъ Иванъ Петровичъ Постниковъ приходился двоюроднымъ братомъ моей матери и жилъ въ Кудринѣ, въ собственномъ домѣ, одна стѣна котораго, выходившая въ садъ, была вся до крыши покрыта дикимъ виноградомъ. Иванъ Петровичъ самъ раздѣлывалъ свой садъ и сажалъ цвѣты; былъ онъ также охотникъ до разныхъ звѣрей, которыхъ дрессировалъ; своего попугая Иванъ Петровичъ научилъ говорить: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“. Иванъ Петровичъ увлекался фельетонами нѣкоего „Берендея“ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Врачебной практикой Постниковъ пренебрегалъ, и когда ему говорили: „не понимаемъ, какъ вы можете лѣчить“,—онъ добродушно отвѣчалъ: „а я не понимаю, какъ у меня могутъ лѣчиться“. Иванъ Петровичъ любилъ разсказывать анекдоты вродѣ того, какъ одна дѣвочка, кушая дичь и проглотивши дробинку, съ испуга воскликнула: „мама, я зарядилась, я выстрѣлю“; или, что въ одномъ рецептѣ для приготовленія какого-то вина—было сказано: „для знатока положи вѣточку бузины“. За обѣдомъ Иванъ Петровичъ имѣлъ обыкновеніе показывать разные фокусы. Жена Ивана Петровича Марья Михайловна—была очень добрая и дѣятельная. Два сына его—Александръ и Петръ—были отличные гимнасты. Александръ Ивановичъ былъ притомъ замѣчательный конькобѣжецъ и давалъ уроки гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы; къ сожалѣнію, онъ впослѣдствіи сошелъ съума и вскорѣ умеръ. Петръ Ивановичъ Постниковъ, извѣстный въ Москвѣ хирургъ, здравствуетъ и понынѣ.

Кромѣ покойнаго Павла Васильевича, у отца были еще братья: Иванъ, Александръ, Сергѣй, Николай и Михаилъ; два послѣдніе бывали у насъ въ домѣ. Николай Васильевичъ приходилъ только въ большіе праздники, а Михаилъ Васильевичъ являлся кромѣ того ежемѣсячно за маленькой пенсіей, которую по-

лучалъ отъ отца*). Была также у отца сестра — старушка Марья Васильевна; она носила на головѣ черную шелковую повязку и изрѣдка навѣщала моихъ родителей.

Часто у насъ гостила пріятельница матери Анна Леонтьевна Шустова, братъ которой, Николай Леонтьевичъ, имѣлъ въ Москвѣ водочный заводъ. Очень занятой—Николай Леонтьевичъ являлся къ намъ лишь по вечерамъ, иногда даже тогда, когда мать уже была въ постели; но для него она вставала, одѣвалась и спускалась въ столовую, гдѣ бесѣдовала съ нимъ до поздней ночи. Мы прозвали Николая Леонтьевича „каменнымъ гостемъ". Анна Леонтьевна, уже немолодая, сохранила слѣды прежней красоты: черты лица ея были чрезвычайно правильныя; замужъ она не вышла и отличалась своей болтливостью. Не менѣе болтливою посѣтительницею моей матери была вдова Альфонсина Ивановна Постникова; мужъ ея, котораго мы звали „американскимъ дядей", служилъ въ Россійской Американской компаніи, и когда-то Альфонсина Ивановна жила вмѣстѣ съ нимъ въ Ситхѣ. Альфонсина Ивановна, несмотря на свои преклонные годы, очень интересовалась дамскими нарядами, о которыхъ могла разсказывать безъ умолку.

Объ одной сестрѣ моей матери—Александрѣ Петровнѣ Визгиной—я уже говорилъ; раза два она гостила у насъ лѣтомъ въ Кунцевѣ, вмѣстѣ съ своей дочерью Александрой Никитишной Котельниковой. У матери было еще три сестры. Старшая сестра, вдова Варвара Петровна Ястребцова, жившая одно время въ Ярославлѣ и переселившаяся потомъ въ Москву. У нея было два сына и двѣ дочери; старшій сынъ, Николай Ѳедоровичъ, служилъ въ провинціи по судебному вѣдомству, а младшій, Петръ Ѳедоровичъ, прежде служившій въ правленіи Либаво-Роменской желѣзной дороги въ Минскѣ,—умеръ въ Москвѣ, въ лѣчебницѣ для душевнобольныхъ; старшая дочь, Марья Ѳедоровна, состарилась въ дѣвицахъ, а другая—Варвара Ѳедоровна, вышедшая за врача Прево, вскорѣ овдовѣла. Варвара Петровна, женщина больная, бывала у насъ рѣдко; чаще бывали ея дочери.

Другая сестра матери—Марья Петровна Фетъ—жила прежде съ мужемъ у себя въ деревнѣ, а потомъ они переселились въ Москву, и она стала часто бывать у насъ. Въ Москвѣ Феты купили себѣ домъ на Плющихѣ, у Карауловыхъ**).

Младшая сестра матери—Анна Петровна Пикулина—подолгу жила заграницей и навѣщала насъ, когда пріѣзжала въ Москву.

О дядѣ Павлѣ Лукичѣ Пикулинѣ я уже имѣлъ случай говорить въ своемъ „Сборникѣ" ***), поэтому не буду повторять уже сказаннаго. Павелъ Лукичъ, раз-

---

*) М. В. Щукинъ когда-то торговалъ мануфактурнымъ товаромъ, проторговался и за долги сидѣлъ нѣкоторое время въ „ямѣ", изъ которой его выкупилъ мой отецъ.

**) Г-жа Караулова, красивая модная дама, фигурировала на московскихъ балахъ и за ней увивалось много военныхъ.

***) См. „Щукинскій Сборникъ", выпускъ седьмой, стр. 111: „Замѣтки П. И. Щукина о П. В. Шумахерѣ, П. Л. Пикулинѣ, Н. Х. Кетчерѣ, Перфильевыхъ и Д. В. Каншинѣ".

битый на ноги параличемъ, выѣзжалъ изъ дому рѣдко; всѣ родные и знакомые любили его навѣщать, въ томъ числѣ и я. Зимой Павелъ Лукичъ всегда принималъ посѣтителей въ халатѣ, сидя въ креслѣ за письменнымъ столомъ у себя въ кабинетѣ. Посѣтители принадлежали къ различнымъ классамъ общества. Въ этомъ же кабинетѣ жили двѣ его любимыя левретки, которыя обыкновенно всюду лазили и приставали ко всѣмъ; случалось даже, что онѣ незамѣтно добирались до головы кого-либо изъ плѣшивыхъ гостей и облизывали ее. Павелъ Лукичъ уже мало занимался врачебной практикой, но все же иногда приходили къ нему за совѣтами паціенты. Такъ, Пикулинъ лѣчилъ дочь извѣстнаго охотнорядскаго торговца Лобачева, у которой на лицѣ была сыпь; къ кому ни обращался Лобачевъ со своей дочерью, никто не могъ ее излѣчить. Пикулину же удалось совершенно избавить ее отъ этой сыпи, въ благодарность за что Лобачевъ присылалъ Павлу Лукичу прекрасныхъ рябчиковъ, а левреткамъ—тоже рябчиковъ, только похуже. Пикулинъ разсказывалъ мнѣ, что однажды пришла къ нему молодая горничная за совѣтомъ, говоря, что уже три мѣсяца, какъ она не имѣла „женскаго пола“.

П. В. Шумахеръ приходилъ иногда къ Пикулину прямо изъ Сандуновскихъ бань, съ растрепанными волосами*), въ ночной сорочкѣ, съ узелкомъ и березовымъ вѣникомъ, который подносилъ Павлу Лукичу какъ букетъ; Павелъ Лукичъ отъ души смѣялся, а Анна Петровна негодовала.

Одинъ изъ самыхъ старинныхъ друзей Пикулина былъ Николай Христофоровичъ Кетчеръ; крикливый, онъ часто затѣвалъ съ Павломъ Лукичемъ споръ, къ сожалѣнію, переходившій иногда въ грубую взаимную брань. Волосы у Кетчера были всегда взъерошены и курилъ онъ обыкновенно сигары, причемъ во время куренія такъ крутилъ сигару своими нервными пальцами, что развертывалъ табачные листы, изъ коихъ она была свернута. Въ компаніи пріятелей, когда пили вино, Кетчеръ любилъ всѣмъ подливать и сердился, если кто не пилъ, говоря: „что раскисъ? пей!“ Кетчеръ называлъ Павла Лукича тайнымъ членомъ географическаго общества, потому что тотъ плохо зналъ географію. Напримѣръ, однажды Пикулинъ адресовалъ письмо Александру Владиміровичу Станкевичу *въ Ниццу*, *въ департаментъ Нижнихъ Пиренеевъ*. (Basses Pyrénées). Въ другой разъ онъ искалъ монастырь „Grande Chartreuse“ **) на небольшомъ учебномъ глобусѣ. Когда П. В. Шумахеръ жилъ у Кетчера, то являлся иногда къ Пикулину вмѣстѣ съ нимъ. Передъ тѣмъ какъ отправляться домой, Кетчеръ посылалъ Пикулинскаго лакея Мишу нанять двухъ извощиковъ „къ Филиппу Митрополиту“, ибо вслѣдствіе тучности Шумахера Кетчеръ не могъ помѣститься съ нимъ на одномъ извощикѣ.

---

*) У Шумахера были густые волосы и совсѣмъ не было сѣдыхъ.

**) Близъ Гренобля.

Однажды навѣстилъ я Кетчера,*) котораго засталъ въ саду копающимъ гряды. Жилъ Николай Христофоровичъ довольно неопрятно: въ своихъ комнатахъ держалъ паршивую собаку, которая даже спала на подушкѣ его постели. Вообще у Кетчера находили себѣ прiютъ изувѣченныя и больныя животныя—собаки, кошки, птицы, коихъ онъ лѣчилъ. Одна комната у него была постоянно завалена книгами, изданными К. Т. Солдатенковымъ. Кетчеръ любилъ читать романы Ксавье де Монтепена, хотя и страшно ихъ ругалъ, но все же, по его словамъ, онъ не могъ бросить чтенiе этихъ романовъ. Въ кабинетѣ у Николая Христофоровича висѣла на стѣнѣ въ обгорѣлой золоченой рамѣ прекрасная цвѣтная гравюра, англiйской работы, изображающая Наполеона консуломъ. По разсказу Кетчера, рама обгорѣла во время московскаго пожара 1812 года. Послѣ смерти Кетчера эта гравюра досталась В. К. Вульферту.

Я уже говорилъ объ елкѣ, которую Пикулинъ какъ-то устроилъ своимъ собакамъ и кошкѣ;**) въ другой разъ онъ устроилъ елку своимъ прiятелямъ и сдѣлалъ имъ соотвѣтствующiе подарки. Такъ, Н. Х. Кетчеру онъ подарилъ намордникъ, Александру Николаевичу Аѳанасьеву (сказочнику) кусокъ мыла и мочалку,***) кому-то изъ безволосыхъ прiятелей—частый гребень, и т. д. Съ своей стороны прiятели поднесли Павлу Лукичу соску. Аѳанасiю Аѳанасьевичу Фету Пикулинъ дарилъ на имянины большую коробку слабительнаго порошку (Pulvis Liquiritiae compositus).****)

П. В. Шумахеръ, познакомившiйся у Пикулина съ Фетомъ, сразу не взлюбилъ его. Фету Шумахеръ тоже сталъ антипатиченъ, въ особенности послѣ того какъ однажды у Пикулина съѣлъ, во время закуски, почти всю зернистую икру. Впослѣдствiи Павелъ Лукичъ поссорился съ Шумахеромъ, и Шумахеръ пересталъ бывать у него. Пикулинъ такъ и умеръ, не примирившись съ Шумахеромъ.

Ходилъ къ Пикулину дѣлопроизводитель московской мѣщанской управы, Алексѣй Аѳанасьевичъ Виноградовъ, человѣкъ очень словоохотливый. Помню, онъ разсказывалъ Пикулину, какъ у его брата описали и опечатали имущество вмѣстѣ съ живой канарейкой, которую позабыли взять. Еще разговорчивѣе Виноградова былъ тоже посѣщавшiй Павла Лукича предсѣдатель московскаго мироваго съѣзда Петръ Николаевичъ Грековъ. Никто, напримѣръ, не разсказывалъ такъ подробно о коронацiи императора Александра III, какъ онъ, не забывая даже упомянуть, сколько пирожковъ и съ какой начинкой онъ съѣлъ на царскомъ

---

*) Кетчеръ жилъ на 2-й Мѣщанской, близъ церкви Филиппа Митрополита, въ своемъ домѣ. У Николая Христофоровича былъ братъ—Владимiръ Христофоровичъ, генералъ-маiоръ, имѣвшiй въ Москвѣ мастерскую военныхъ принадлежностей.

**) См. „Щукинскiй Сборникъ", выпускъ седьмой, стр. 115.

***) Аѳанасьевъ былъ неопрятенъ и рѣдко мылся.

****) А. А. Фетъ ежедневно принималъ этотъ порошокъ.

обѣдѣ. Но разсказывалъ Грековъ о коронаціи всѣмъ тѣми же словами, не прибавляя и не убавляя ни единаго слова.

Навѣщавшій Пикулина преподаватель латинскаго языка—старичекъ Миндереръ управлялъ дѣлами фарфороваго завода Гарднера; онъ курилъ изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ табакъ Василія Жукова*). У Пикулина былъ запасъ этого табаку.

Встрѣчалъ я также у Пикулина жизнерадостнаго Дмитрія Васильевича Григоровича, скучнаго Бориса Николаевича Чичерина, постоянно жаловавшагося на нездоровье Александра Владиміровича Станкевича, добродушнаго Ивана Егоровича Забѣлина, остряка, заику, библіотекаря Румянцевскаго Музея, Евгенія Ѳедоровича Корша, книгопродавца, старичка, Владиміра Ивановича Готье, хирурга Ивана Николаевича Новацкаго, глазного врача Алексѣя Николаевича Маклакова, скрипача Безекирскаго, Егора Мина и многихъ другихъ.

Пикулинъ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми. Такъ, разговаривалъ онъ разъ съ однимъ крысоморомъ, которому замѣтилъ, что толочь мышьякъ**) опасно, на что крысоморъ спокойно отвѣчалъ: „да мы сами и не толчемъ, а заставляемъ это дѣлать бабъ". Одна женщина говорила Пикулину: „я, батюшка, всѣхъ своихъ дѣтей пристроила: одного сына взяли въ солдаты, другой сошелъ съума, а дочь утонула".

Много слышалъ я отъ Павла Лукича разсказовъ, всѣхъ теперь не припомню; сожалѣю, что не записывалъ ихъ. Вотъ хотя нѣкоторые.

Одинъ бѣдный итальянецъ ѣдетъ съ обезьяной въ вагонѣ желѣзной дороги. „За собаку платятъ", говоритъ кондукторъ. Итальянецъ показываетъ черепаху: „насѣкомое", говоритъ кондукторъ: „ничего не полагается".

Дѣйствительный статскій совѣтникъ профессоръ Рулье умеръ на улицѣ, и тѣло его было доставлено въ Тверскую часть. Поэтому московскій цензоръ ***, тоже генералъ, сталъ всегда носить при себѣ записку слѣдующаго содержанія: „сіе тѣло принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику"—такому-то.

Когда были еще въ модѣ высокія таліи,—на одномъ балу въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, у хорошенькой 18-ти лѣтней княжны ***, нагнувшейся, чтобы оторвать отъ своего башмака волочившуюся ленточку,—вдругъ выскочили груди. Какъ ни старалась растерявшаяся княжна ихъ спрятать,—никакъ не могла; наконецъ одна дама догадалась накинуть на княжну шаль.

---

*) Петербургскій табачный фабрикантъ Василій Жуковъ былъ прежде рабочимъ у табачнаго фабриканта Фаллера.

**) Мышьякъ называется въ тайной продажѣ „бѣлымъ камнемъ". Отъ Н. Х. Кетчера я слышалъ, что московскій оберъ-полиціймейстеръ А. А. Козловъ далъ было приказъ сжечь нѣсколько пудовъ мышьяку, отобраннаго въ какой-то лавкѣ. Приказъ пришлось отмѣнить, по совѣту Кетчера, такъ какъ исполненіе его было бы очень опасно.

У графини Закревской, супруги московскаго генералъ-губернатора, какъ-то разъ за обѣдомъ вывалилась одна грудь въ тарелку съ ботвиньей.

За обѣдомъ разревѣлся ребенокъ. Писемскій, поднявъ стаканъ съ виномъ, сказалъ: „пью за добраго царя Ирода". Писемскій же говорилъ, что знаетъ только одно англійское слово: ватеръ-клозетъ.

Танцовщица Е. И. Андреянова, жившая съ Гедеоновымъ, будучи беременной, танцевала въ „Робертѣ". Актеръ Ленскій, увидавши ее въ сценѣ, когда она лежитъ въ гробу, сказалъ: „каковъ нашъ генералъ: и сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ".

Жену министра Е. Ф. Канкрина—Екатерину Захаровну пожаловали орденомъ св. великомученицы Екатерины, по случаю чего Канкринъ сказалъ, что теперь не можетъ спать со своей женой, такъ какъ она стала кавалеромъ.

Одинъ купецъ говорилъ относительно курсовой стоимости рубля, что нѣмцы не въ состояніи дать болѣе двухъ марокъ за нашъ рубль.

Будучи студентомъ, Пикулинъ однажды отправился на балъ въ Благородное Собраніе, переодѣвшись барышней. Бо̀льшую часть вечера онъ провелъ въ дамской уборной. Товарищи-студенты часто водили его въ буфетъ, гдѣ поили шампанскимъ. Все шло хорошо, но опьянѣвшій Пикулинъ вдругъ поднялъ платье, чтобы достать изъ кармана кошелекъ. Вышелъ скандалъ, Пикулина взяли въ часть. Къ счастію, дѣло это удалось замять, а то бы не сдобровать Пикулину въ тогдашнее строгое Николаевское время.

Вначалѣ 50-хъ годовъ Пикулинъ пріѣхалъ въ Варшаву; въ гостинницѣ предъявили ему опросный листъ. Между прочимъ въ этомъ листѣ были вопросы: „Изъ какой рогатки (заставы) пріѣхалъ панъ?" „Съ якимъ замысломъ?" (Зачѣмъ?) и „Какого панъ вѣку?" (Сколько лѣтъ?) На послѣдній вопросъ Пикулинъ написалъ: „19-го вѣка".

Однажды въ Московскомъ Купеческомъ клубѣ во время бала одинъ изъ членовъ клуба то и дѣло подходилъ къ буфету и пилъ водку. Кто-то спросилъ его: зачѣмъ онъ такъ много пьетъ? „Зато я не танцую", былъ отвѣтъ.

Это было въ то время, когда въ Москвѣ еще существовали будочники съ ихъ будками. Пикулинъ шелъ по улицѣ мимо будки, дверь въ которую была полуоткрыта и откуда распространялось сильное зловоніе. „Отчего такъ воняетъ?" спросилъ Пикулинъ будочника. „Тòварищъ о́тдыхаетъ", отвѣчалъ онъ.

Пикулинъ шутя говорилъ, что настоящій имянинникъ долженъ быть съ утра въ бѣломъ галстукѣ и пьянымъ.

Когда пріѣзжалъ въ Москву Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, то собиралъ своихъ московскихъ друзей у Пикулина.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье бывалъ у Пикулина ужинъ. Около 12 часовъ ночи Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, врачъ Николай Яковлевичъ Шкоттъ,

В. К. Вульфертъ, художникъ Николай Ефимовичъ Рачковъ и я выходили изъ Пикулинской квартиры на крыльцо и прислушивались, когда заблаговѣстятъ. Иногда ночь бывала тихая и звѣздная. Какъ только загудятъ колокола, мы возвращались въ квартиру, всѣ садились за ужинъ и начинались поздравленія съ праздникомъ.

Ѣздилъ Пикулинъ разъ въ годъ на имянины къ аптекарю Ивану Ивановичу Келлеру, жившему на Мясницкой. Иванъ Ивановичъ въ этотъ день устраивалъ ужинъ для своихъ пріятелей (Кетчера, Шкотта, Вульферта, К. М. Мазурина и др.), на который приглашалъ также кафе-шантанныхъ пѣвицъ. Иванъ Ивановичъ очень желалъ сдѣлаться членомъ Англійскаго клуба; но его пріятели—члены этого клуба—не рѣшались предлагать И. И. Келлера на баллотировку, изъ боязни, что его не выберутъ, потому что онъ имѣлъ лишь званіе провизора.

О своемъ переѣздѣ на дачу въ Марьину слободку Пикулинъ извѣщалъ друзей открытками съ лаконической фразой, писанной карандашемъ: „сегодня переѣхалъ“.*) Моему брату Николаю Пикулинъ разъ прислалъ чистую открытку, позабывъ на ней написать „сегодня переѣхалъ“,—и братъ понялъ въ чемъ дѣло. Большой шутникъ Н. Я. Шкоттъ какъ-то отвѣтилъ Пикулину на его открытку открыткой же: „а я еще не переѣзжалъ“.

На своей дачѣ въ хорошую погоду Пикулинъ обыкновенно сидѣлъ на террасѣ, въ пальто и картузѣ, окруженный своими комнатными собачками и дворовыми псами. Н. Е. Рачковъ очень удачно изобразилъ на своей картинкѣ, писанной масляными красками, П. Л. Пикулина, сидящаго на террасѣ, въ пальто, въ картузѣ, съ закутанными пледомъ ногами, съ газетой въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ на стулѣ стоитъ одна изъ его левретокъ, поставивъ правую переднюю лапку на столъ. На полу лежитъ дворовый песъ Болванъ. На кронштейнѣ виситъ колоколъ. Карандашный набросокъ этой картины Рачковъ дѣлалъ при мнѣ, на террасѣ, украдкой отъ Павла Лукича. Эта масляная картинка была написана Рачковымъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ пріобрѣлъ К. Т. Солдатенковъ, другой находится у меня и былъ воспроизведенъ фототипіей въ изданномъ мною 2-мъ выпускѣ „Русскихъ портретовъ“. Въ холодную погоду Пикулинъ надѣвалъ шубу, которую называлъ „лѣтней“. Иногда лѣтомъ можно было встрѣтить Павла Лукича ѣдущимъ въ каретѣ, въ шубѣ, въ соломенной шляпѣ и съ букетомъ цвѣтовъ. Въ висѣвшій на террасѣ мѣдный колоколъ, Пикулинъ звонилъ, когда хотѣлъ позвать своего Мишу, котораго звалъ Михаиломъ, если былъ имъ недоволенъ. Разъ украли у Пикулина со стола террасы клеенку и находившіеся въ ящикѣ стола писанные Шумахеромъ стихи. Пикулина эта кража очень забавляла, и извѣщая Шумахера о кражѣ его стиховъ, онъ добавилъ: „жалѣю я о ворѣ“.

*) П. Л. Пикулинъ всегда писалъ карандашемъ.

Пикулинъ понималъ толкъ въ кухнѣ. У него была старушка-кухарка, вкусно готовившая. Въ хорошую погоду обѣдали на террасѣ, и на этихъ обѣдахъ обыкновенно присутствовали: К. Т. Солдатенковъ, Н. X. Кетчеръ, Е. Ѳ. Коршъ, Н. Я. Шкоттъ, П. Н. Грековъ, П. В. Шумахеръ, мой отецъ, братъ Николай и я. К. Т. Солдатенковъ и мой братъ Николай присылали на эти обѣды стерлядей, фрукты, шампанское и разныя вина. Своихъ гостей Павелъ Лукичъ угощалъ чудесной земляникой съ грядъ своего сада.

Болѣе простыя кушанья Пикулинъ не считалъ за блюда. „Какъ подадутъ гдѣ шпинатъ съ яичками", писала мнѣ изъ деревни Марья Петровна Фетъ,— „невольно вспомнишь Павла Лукича—„*у васъ въ деревнѣ это—блюдо*". Улицу Плющиху въ Москвѣ, гдѣ жили Феты, Пикулинъ называлъ деревней. Самъ онъ любилъ жить въ центрѣ города. Живя на Петровкѣ, онъ говорилъ, что отъ него близки и театры, и клубы (хотя онъ въ нихъ никогда не бывалъ).

У Пикулина на дачѣ встрѣтилъ я однажды своего двоюроднаго брата Николая Ѳедоровича Ястребцова, пріѣхавшаго изъ провинціи. На вопросъ Павла Лукича, чѣмъ угостить гостя, Ястребцовъ отвѣчалъ, что ему хочется чего-нибудь кисленькаго. „Чего же вамъ дать кисленькаго?" спросилъ Пикулинъ.—„Водочки", былъ отвѣтъ.

На дачу къ Пикулину пріѣзжалъ московскій гражданскій губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ съ женой Прасковьей Ѳедоровной (урожденной графиней Толстой). Пріѣзжалъ и московскій вице-губернаторъ Иванъ Ивановичъ Красовскій*), который впослѣдствіи былъ назначенъ губернаторомъ въ Томскъ, гдѣ и умеръ. Во время своего губернаторства въ Томскѣ, Красовскій присылалъ Пикулину зимой съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ рыбу нельму и ягоду облѣпиху**); взамѣнъ коихъ, съ тѣмъ же унтеръ-офицеромъ, Пикулинъ посылалъ Красовскому замороженныхъ филипповскихъ калачей***).

Пикулинъ бывалъ всегда на имянинахъ у Кетчера (6 декабря), гдѣ порядкомъ пили. Разъ произошелъ такой случай. Н. Я. Шкоттъ возвращался съ имянинъ Кетчера домой, въ саняхъ на извощикѣ, съ какимъ-то гостемъ. Оба были выпивши. Дорогой гость вывалился изъ саней; Шкоттъ велѣлъ извощику вернуться назадъ и скоро увидалъ валявшагося на снѣгу человѣка, поднялъ его, и такъ какъ это было недалеко отъ дома Кетчера, то Шкоттъ рѣшилъ от-

---

*) На этого Красовскаго поэтъ Дмитріевъ написалъ слѣдующее четверостишіе:

Краса инспекціи московской,
Двора имперскаго краса,—
Иванъ Ивановичъ Красовскій,
Да гдѣ же ваши волоса?

Красовскій былъ инспекторомъ студентовъ московскаго университета и былъ безволосый.

**) Изъ облѣпихи дѣлали у Пикулина мороженое, которое напоминало вкусомъ персики.

***) Замороженные калачи, положенные въ натопленную печь, получаютъ вкусъ свѣжихъ.

везти его туда. Кетчеръ уже легъ спать и, не посмотрѣвши кого привезъ Шкоттъ, велѣлъ положить гостя въ кабинетѣ на диванѣ. Утромъ, проснувшись, Николай Христофоровичъ пошелъ навѣстить своего гостя. Каково же было его удивленіе, когда онъ неожиданно увидалъ совершенно незнакомаго человѣка. Оказалось, что спутникъ Шкотта, вывалившись изъ саней, скоро очнулся, всталъ, взялъ извозщика и преспокойно поѣхалъ домой; Шкоттъ же поднялъ и привезъ къ Кетчеру неизвѣстнаго пьянаго.

Въ концѣ лѣта 1885 года Павелъ Лукичъ серьезно захворалъ у себя на дачѣ, былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ и скончался 14 сентября. Отпѣвали его въ церкви Григорія Богослова*) 18 сентября, а похоронили въ Покровскомъ монастырѣ. Въ лицѣ Павла Лукича я потерялъ одного изъ лучшихъ моихъ друзей, который постоянно сердечно относился ко мнѣ и искренно меня любилъ. Смерть Пикулина также сильно огорчила Н. Х. Кетчера, который вскорѣ послѣдовалъ за нимъ: въ 1886 году Кетчеръ умеръ. Со смертью Павла Лукича Пикулинскій кружокъ, гдѣ собиралось столько интересныхъ людей, распался.

Лѣтомъ мы продолжали жить въ Кунцевѣ, все на той же дачѣ, которую снимали у К. Т. Солдатенкова. Козьма Терентьевичъ съ давнихъ поръ находился въ дружбѣ съ моимъ отцомъ и называлъ его Ваней. Онъ былъ старообрядецъ по Рогожскому кладбищу, что не мѣшало ему жить съ француженкой Клемансой Карловной Дюпюи; называлъ онъ ее Клемансой, а она его Кузей. Въ Москвѣ Козьма Терентьевичъ купилъ Клемансѣ Карловнѣ домъ, въ Кунцевѣ же она жила на дачѣ близъ оранжереи. Клеманса Карловна очень плохо знала по русски, а Козьма Терентьевичъ кромѣ русскаго не говорилъ ни на какомъ языкѣ. Однажды, будучи въ Константинополѣ, Солдатенковъ съ Клемансой Карловной отправились въ гаремъ какого-то паши, куда конечно его не пустили. Клеманса Карловна, сказавши ему: „твой сидитъ, мой идетъ,“—вошла въ гаремъ, откуда прислала съ евнухомъ оставшемуся при входѣ Козьмѣ Терентьевичу кофею и розоваго варенья.

Зимой К. Т. Солдатенковъ жилъ на Мясницкой, въ своемъ домѣ, гдѣ было нѣсколько богато отдѣланныхъ комнатъ, въ томъ числѣ диванная въ арабскомъ стилѣ; имѣлось много хорошихъ картинъ русскихъ художниковъ, большая библіотека**) и молельня. Въ послѣдней служилъ самъ Козьма Терентьевичъ вмѣстѣ со своимъ дальнимъ родственникомъ, торговцемъ церковныхъ старопечатныхъ книгъ, Сергѣемъ Тихоновичемъ Большаковымъ, для чего оба надѣвали кафтаны особаго покроя. Жилъ у Козьмы Терентьевича, въ качествѣ конторщика и управляющаго,— Иванъ Ильичъ Барышевъ. Въ былое время Козьма Терентьевичъ

---

*) Въ Богословскомъ переулкѣ, между Петровкой и Большой Дмитровкой.

**) По смерти К. Т. Солдатенкова его картины и библіотека поступили, согласно завѣщанію, въ Московскій Румянцевскій Музей.

торговалъ бумажной пряжей и занимался дисконтомъ векселей; впослѣдствіи онъ сталъ крупнымъ пайщикомъ на фабрикахъ Гюбнера, Цинделя, Даниловской мануфактуры, Кренгольмской мануфактуры, Трехгорнаго пивовареннаго Товарищества,*) Московскаго Учетнаго Банка, Московскаго Страховаго Общества и въ другихъ предпріятіяхъ. Въ Старомъ Гостинномъ дворѣ К. Т. Солдатенковъ снималъ лавку, состоявшую изъ двухъ комнатъ—нижней и верхней; въ верхней обыкновенно Козьма Терентьевичъ занимался чтеніемъ газетъ, а въ нижней И. И. Барышевъ стоялъ или сидѣлъ за конторкой, и если не было дѣла, то писалъ фельетоны для „Московскаго Листка“ подъ псевдонимомъ „Мясницкаго“. Козьма Терентьевичъ никогда не начиналъ писать писемъ или записокъ, не поставивъ предварительно въ двухъ верхнихъ уголкахъ бумаги буквъ: „Г“ и „Б“, что означало: „Господи благослови“.**) К. Т. Солдатенковъ ежегодно ѣздилъ заграницу и, не зная иностранныхъ языковъ, бралъ всегда съ собой переводчика, обыкновенно изъ врачей. Такъ ѣздилъ онъ съ врачомъ Александромъ Яковлевичемъ Тугенгольдомъ.***) Ѣздить съ Козьмой Терентьевичемъ было довольно трудно, такъ какъ онъ всюду спѣшилъ; напримѣръ, при осмотрѣ картинныхъ галлерей или музеевъ Тугенгольдъ едва поспѣвалъ за нимъ, Козьма Терентьевичъ опережалъ Александра Яковлевича иногда на двѣ или на три залы, и послѣднему приходилось бѣгать за нимъ, обливаясь пòтомъ.

Въ Кунцевѣ у К. Т. Солдатенкова всегда кто нибудь гостилъ: то его племянникъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ (покуда Козьма Терентьевичъ не выстроилъ ему отдѣльную дачу), то художникъ Рицциони, то В. Е. Грачевъ, и другіе. Рицциони пріѣзжалъ на лѣто въ Москву изъ Рима, гдѣ усердно работалъ и откуда привозилъ цѣлыя коллекціи тонко выписанныхъ картинокъ, представлявшихъ преимущественно кардиналовъ и женскія головки. Былъ у Рицциони еще и другой талантъ: насвистывать разныя оперы, что онъ исполнялъ весьма искусно.

Василій Егоровичъ Грачевъ имѣлъ прежде въ Москвѣ типографію, въ которой Козьма Терентьевичъ печаталъ свои изданія. Грачевъ носилъ некрахмальную сорочку изъ грубаго холста, ходилъ въ длинныхъ сапогахъ и вообще одѣвался очень просто. Козьма Терентьевичъ взялъ однажды Грачева съ собой заграницу;

---

*) Пивоваренный заводъ Трехгорнаго Товарищества въ Москвѣ основанъ въ 1875 году. Учредителями были: Т. С. Морозовъ, А. К. Крестовниковъ, торговый домъ „М. Борисовскій съ Сыновьями“, А. А. Карзинкинъ, С. П. Вишняковъ, П. П. Дюшенъ, К. Т. Солдатенковъ, Б. А. Гивартовскій, торговый домъ „И. В. Юнкеръ и К°“, Н. С. Грачевъ, А. А. Лютрейль, А. фонъ-Барберъ, Н. Ф. Герике, А. К. Беккерсъ и мой отецъ. Въ настоящее время этотъ заводъ одинъ изъ первыхъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, чѣмъ онъ много обязанъ своему директору, талантливому и энергичному Альберту Альбертовичу Кемпе, который съ самаго основанія завода постоянно и зорко слѣдитъ за всѣми техническими изобрѣтеніями и улучшеніями въ пивоваренномъ дѣлѣ, успѣшно примѣняя ихъ къ Трехгорному заводу. Лѣтомъ 1911 г. заводъ сталъ также производить искусственный ледъ.

**) Нѣкоторые купцы тоже ставятъ въ своихъ торговыхъ книгахъ буквы: „Г“ и „Б“ или три крестика.

***) А. Я. Тугенгольдъ ѣздилъ также заграницу съ графомъ А. А. Закревскимъ, уже послѣ его увольненія отъ должности московскаго генералъ-губернатора.

отъ этой поѣздки у Грачева не осталось въ памяти даже такихъ городовъ, какъ Римъ, Флоренція, Неаполь. Грачевъ все мечталъ о поѣздкѣ на Востокъ, въ Іерусалимъ, къ Святымъ мѣстамъ. Закрывъ свою типографію, онъ переѣхалъ жить изъ Москвы въ Пушкино, гдѣ поселился одинъ въ своемъ домикѣ, и когда его спрашивали, не скучаетъ ли онъ въ одиночествѣ, Грачевъ отвѣчалъ: „скучать мнѣ некогда: утромъ встанешь, принесешь воды, наколешь дровъ, истопишь печь“, и т. д.

Пріѣзжали въ Кунцево къ Козьмѣ Терентьевичу также Н. Х. Кетчеръ, И. Е. Забѣлинъ, И. С. Аксаковъ, Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ, генералъ А. А. Козловъ, П. Л. Пикулинъ, художникъ Лагоріо и другіе. Всѣхъ ихъ Козьма Терентьевичъ радушно принималъ и угощалъ тонкими обѣдами; но старѣя онъ становился скупѣе и сталъ приглашать къ обѣду не болѣе двухъ, трехъ человѣкъ. На одномъ такомъ обѣдѣ, en petit comité, мой братъ Николай сказалъ: „угостили бы вы насъ, Козьма Терентьевичъ, спаржей“, на что Козьма Терентьевичъ возразилъ: „спаржа, батенька, кусается: пять рублей фунтъ“. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Козьма Терентьевичъ сталъ обходить свой домъ и тушить электрическія лампочки, чтобы зря не горѣли.

Умеръ Козьма Терентьевичъ въ своемъ любимомъ Кунцевѣ, 19 мая 1901 года, переживъ своего друга, моего отца, на десять лѣтъ. Издательская дѣятельность Солдатенкова настолько извѣстна, что говорить о ней не приходится.

Въ концѣ лѣта 1884 года случилось въ Кунцевѣ грустное событіе, о которомъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ такъ писалъ одному своему пріятелю: „Еслибъ Кунцево въ состояніи было заговорить, оно навѣрно сказало бы, какъ Платонъ Михайловичъ въ „Горе отъ ума“: „Да! теперь уже я не то Кунцево, когда кусались отъ любви! Да, дѣйствительно отъ любви никто больше не кусается; но зато на дняхъ закусали или лучше сказать загрызли до смерти собаки одну молодую дѣвушку, которая вела ихъ купать“. Не думай, что это мои собаки отличились, нѣтъ, слава Богу, это собаки барона Кнопа!“

Ежегодно съ моими братьями, Николаемъ и Сергѣемъ, ѣздилъ я на Нижегородскую ярмарку. Изъ Москвы выѣзжали съ вечернимъ поѣздомъ, въ раскладныхъ креслахъ перваго класса и брали съ собой подушки. Въ Павловѣ ѣли пирожки; утромъ въ Гороховцѣ умывались у бабъ, которыя стояли на платформѣ станціи съ кувшинами, тазами, мыломъ и полотенцами, предлагая свои услуги; затѣмъ пили на станціи кофей или чай.

Съ 1878 года отецъ пересталъ ѣздить на ярмарку, мы же оставались тамъ до окончанія ея. Первые годы жили въ лавкѣ, гдѣ обыкновенно прислуживали намъ татары—Сабиръ и другіе, пріѣзжавшіе изъ своей деревни въ Нижній лишь на ярмарочное время. Впослѣдствіи квартировалъ я въ центрѣ города, у Чернаго пруда, въ „Почтовой гостинницѣ“, затѣмъ на Нижнемъ Базарѣ, въ домѣ Бли-

нова, въ „Биржевой гостинницѣ", которую содержалъ Алексѣй Андреевичъ Филимоновъ. Завтракъ приносили намъ въ лавку изъ ресторана Никиты Егорова*), куда мы ходили обѣдать. Ресторанъ этотъ помѣщался на ярмаркѣ въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Вслѣдствіе большого наплыва посѣтителей, около ресторана разбивалась еще парусинная палатка.

У Никиты Егорова въ то время въ верхнемъ этажѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, было два стола: такъ называемый *нѣмецкій столъ*, за которымъ обѣдали представители московскихъ нѣмецкихъ фирмъ: Вогау, Кнопа, Ценкера и другихъ, и *русскій столъ*, за которымъ обѣдали почти одни русскіе коммерсанты: фабрикантъ Павелъ Павловичъ Малютинъ, торговцы бурнусами братья В. Н. и К. Н. Кириковы, торговецъ бурнусами и румынскій консулъ Николай Кононовичъ Голофтѣевъ, фабрикантъ фарфора Матвѣй Сидоровичъ Кузнецовъ, чайный торговецъ Василій Семеновичъ Перловъ, платочный фабрикантъ Антонъ Адамовичъ Гивартовскій, торговецъ, археологъ и земскій дѣятель (изъ Ростова Ярославскаго) Андрей Александровичъ Титовъ**) и другіе.

Послѣ обѣда подавался намъ общій счетъ, сумма котораго дѣлилась на число обѣдавшихъ за нашимъ столомъ. Заказывалъ обѣдъ обыкновенно А. А. Гивартовскій, котораго А. А. Титовъ прозвалъ „блинчиками", потому что онъ неизмѣнно предлагалъ на сладкое это блюдо. Самъ Титовъ отличался скупостью. Такъ, онъ просилъ не брать съ него за вино, потому что онъ его пить не будетъ; между тѣмъ онъ вино пилъ и ничего не платилъ, говоря, что выпиваетъ за обѣдомъ лишь одинъ стаканъ; наконецъ однажды Титовъ совсѣмъ отказался платить и за самый обѣдъ, сказавъ, что издержался на покупку рукописей.

Въ нижнемъ этажѣ ресторана Егорова, напротивъ входа, помѣщался буфетъ: столъ, на которомъ красовались всевозможныя закуски, а за столомъ шкафъ съ бутылками разныхъ водокъ, ликеровъ и винъ. По вечерамъ въ буфетѣ часто сидѣлъ за столикомъ Александръ Максимовичъ Поповъ, сынъ извѣстнаго суконщика Максима Ефимовича***). На столикѣ стояла батарея полбутылокъ краснаго вина, ибо Александръ Максимовичъ пилъ лишь красное вино и не иначе какъ полбутылками. По мѣрѣ того какъ Александръ Максимовичъ опоражнивалъ полбутылки, онъ становился все развязнѣе и, встрѣчая входившихъ посѣтителей, бросался въ объятія каждаго, уже не различая знакомаго отъ чужаго. Собутыльникомъ Александра Максимовича былъ его покупатель, торговецъ мануфактурнымъ товаромъ, Константинъ Васильевичъ Епифановъ изъ Новочеркасска, который такъ напивался на ярмаркѣ, что билъ въ трактирахъ зеркала и посуду.

---

*) Послѣ смерти Никиты Егорова ресторанъ перешелъ къ его сыновьямъ.

**) А. А. Титовъ скончался въ Ростовѣ 24-го октября 1911 года.

***) Въ Москвѣ въ то время были, какъ говорили нѣмцы, три извѣстныхъ фирмы Попова: „Schnaps-Popoff, Thee-Popoff und Tuch-Popoff".

Бывалъ также у „Никиты“ (какъ коротко называли ресторанъ Н. Егорова) маклеръ по хлопку, армянинъ Викторъ Агапитовичъ Эларовъ, знакомый намъ по дому Д. П. Боткина и прозванный Дмитріемъ Петровичемъ за эфіопскаго типа лицо (вродѣ покойнаго Менелика) „Дельнегро“. Эларовъ находился въ дружбѣ съ примадоннами и пѣвцами итальянской оперы, пѣвшими въ Москвѣ.

Познакомился я на ярмаркѣ съ богатымъ казанскимъ помѣщикомъ Александромъ Тавріоновичемъ Молоствовымъ, пріѣзжавшимъ на ярмарку ни съ какой другой цѣлью, какъ покутить. Онъ пилъ только шампанское, съ утра уже былъ пьянъ и разъѣзжалъ по ярмаркѣ въ коляскѣ, вмѣстѣ со своимъ знакомымъ, академикомъ и сенаторомъ, Владиміромъ Павловичемъ Безобразовымъ*). Пѣвицамъ въ трактирахъ А. Т. Молоствовъ дарилъ брилліантовыя вещи.

Во всѣхъ ресторанахъ и трактирахъ пѣли хоры разныхъ достоинствъ. Въ ресторанѣ Барбатенко пѣлъ русскій хоръ Анны Захароны Ивановой; пьянистомъ въ ея хорѣ былъ Пригожевъ, авторъ „Пары гнѣдыхъ“, а лучшей пѣвицей считалась красавица Варвара Николаевна. Въ ресторанѣ „Германія“, который содержалъ нижегородскій нѣмецъ Фаульдратъ, пѣлъ шведскій хоръ**) г-жи Мартини во главѣ съ красивой блондинкой, датчанкой Эльвирой. Въ трактирѣ Бубнова пѣли цыгане изъ Рыбинска.

Живя на Нижнемъ Базарѣ въ „Биржевой гостинницѣ“, я слышалъ рано по утрамъ пѣвучій и протяжный голосъ разнощика печенаго картофеля: „карто-о-о-фель, карто-о-о-фель“. Этотъ голосъ я слышу подъ-рядъ уже 33 года. Часто доносились до моего слуха разговоры изъ сосѣдняго номера, которые теперь всѣ забылъ, кромѣ одного, по своей дикости до сихъ поръ не изгладившагося изъ моей памяти. Занималъ сосѣдній номеръ какой-то пожилой чиновникъ съ молодой женой. (Я самъ ихъ не видалъ, но мнѣ говорилъ объ нихъ содержатель гостинницы.) И вотъ какъ-то поздно ночью слышу, мужъ упрекаетъ жену за то, что она въ церкви прежде его подходитъ ко кресту; жена удивляется этому упреку; наконецъ мужъ приводитъ женѣ, доведенной до слезъ, примѣръ изъ военнаго быта, совсѣмъ неподходящій къ данному случаю: что прежде ко кресту прикладывается корпусный командиръ, потомъ дивизіонные генералы, затѣмъ бригадные, и т. д.

Въ „Биржевой гостинницѣ“ устраивались иногда свадебные и другіе обѣды. Между прочимъ, управляющій дѣлами графа Строганова въ Нижнемъ—Ширшевъ

---

*) „Молоствовы“, писалъ мнѣ Р. Н. Гришинъ въ 1881 году, „почти сосѣди Даниловки (бывшее имѣніе Гришина въ Казанской губерніи). Они очень многочисленны, ихъ имѣніе лучшее въ Спасскомъ уѣздѣ. Академикъ Безобразовъ способный человѣкъ и иногда превосходный разсказчикъ и большой говорунъ, но, года два назадъ, его пригласили въ Зимній Дворецъ поразсказать великимъ князьямъ кое-что о Нижегородской ярмаркѣ: нашъ академикъ сильно сплоховалъ“.

**) Хоръ госпожи Мартини хотя и назывался шведскимъ хоромъ, но пѣлъ исключительно нѣмецкія пѣсни.

давалъ ежегодно въ ярмарочное время обѣдъ для своихъ покупателей—желѣзняковъ, обѣдъ съ военнымъ оркестромъ и хоромъ пѣвицъ. По смерти Ширшева эти обѣды прекратились.

Изъ оконъ моего номера я любовался и до сихъ поръ любуюсь на Волгу, сливающуюся у Сибирской пристани съ Окой, на новый ярмарочный соборъ, на виднѣющееся вдали Сормово и на противоположный, поросшій мелкимъ лѣсомъ съ бѣлѣющимися церквами, берегъ Семеновскаго уѣзда*); эту картину оживляютъ то и дѣло проходящіе и гудящіе пассажирскіе и буксирные пароходы и ползущія баржи.

Каменные корпуса ярмарки, выстроенные Бетанкуромъ, современемъ сдѣлались недостаточными для торговли, поэтому на свободной землѣ, противъ корпусовъ, стали устраивать временные досчатые лабазы. При губернаторствѣ графа Игнатьева было приказано замѣнить деревянные склады желѣзными**); потомъ при губернаторѣ Безакѣ желѣзные склады замѣнили каменными, такъ какъ въ желѣзныхъ въ жаркую погоду было очень душно.

Клозетовъ въ старыхъ корпусахъ не было, а всѣ ходили въ устроенные подъ землей, на протяженіи всей ярмарки, сводчатые туннели, куда спускаются изъ каменныхъ башенъ и которые существуютъ до сихъ поръ и служатъ для большинства ярмарочнаго населенія и пріѣзжаго люда. Въ старомъ Главномъ Домѣ, въ нижнемъ этажѣ, подъ низкими сводами, въ темнотѣ ютились небольшіе магазины, даже днемъ освѣщавшіеся коптѣвшими керосиновыми лампами. Посрединѣ на деревянной эстрадѣ играла военная музыка; въ тѣснотѣ и духотѣ толкалась публика, состоявшая большею частію изъ армянъ, персіянъ, бухарцевъ и сомнительныхъ женщинъ. Теперь на мѣстѣ стараго Главнаго Дома выстроенъ большой, довольно красивый, болѣе удобный и приличный, крытый стекломъ. Въ немъ живетъ во время ярмарки нижегородскій губернаторъ и помѣщается ярмарочный комитетъ.

Что касается до уличной ярмарочной жизни, то она мало измѣнилась: какъ прежде, такъ и теперь ходячіе цирюльники брѣютъ на улицѣ ломовыхъ, сидящихъ на своихъ телѣгахъ, а странствующіе сапожники чинятъ прохожимъ сапоги; женщины и мальчишки подбираютъ щепки, дощечки, бумагу, концы веревокъ и т. п.; снуютъ бабы съ владимірскими вишнями, разнощики съ балыками, ветчиной, раками и другими товарами, татары со шкурками каракуля, персіяне съ коврами, орѣхами и сушеными фруктами, бухарцы и хивинцы въ своихъ пестрыхъ полосатыхъ халатахъ; хлѣбники на лубочныхъ лоткахъ разносятъ по лавкамъ бѣлый ситный хлѣбъ, а бабы на коромыслахъ—кушанья въ эмальированныхъ

---

*) Семеновскій уѣздъ былъ когда-то знаменитъ старообрядческими скитами, жизнь которыхъ такъ художественно изобразилъ П. И. Мельниковъ въ своемъ романѣ „Въ лѣсахъ“.

**) Нашъ желѣзный складъ на ярмаркѣ строилъ Сормовскій заводъ.

судкахъ и соленые огурцы въ желѣзныхъ ведрахъ. Все попрежнему пріѣзжаетъ на заработки масса татаръ. По чрезвычайно длинному плашкоутному мосту тянутся, какъ и прежде, по двумъ противоположнымъ направленіямъ безконечныя вереницы телѣгъ, нагруженныхъ невыдѣланными кожами, разнымъ желѣзомъ и чугуномъ, ящиками, бочками и т. п.

Жить въ ярмарочныхъ помѣщеніяхъ было не всегда пріятно. Въ сильный жаръ, вслѣдствіе низкихъ комнатъ, бывала иногда такая духота, что спали голыми, а въ холодъ мерзли, ибо печей не было и отовсюду дуло, а чтобы хотя немного согрѣться, жгли спиртъ. Въ воскресные и праздничные дни торговали весь день, какъ и въ будни. Въ послѣднихъ числахъ августа ярмарка замѣтно пустѣла: въ Модной линіи, ближе къ старому собору, оптовые торговцы сукнами закрывали свои лавки, то же дѣлали въ Панскомъ гуртовомъ ряду мануфактуристы. Когда начинали появляться на ярмаркѣ козлы и козы, спускавшіеся съ городскихъ горъ, то купцы говорили, что ярмарка кончается, а когда начинали бродить свиньи, то говорили, что она уже кончилась.

Пассажъ, выстроенный черезъ канаву напротивъ ярмарочнаго театра, называется „Бразильскимъ". О происхожденіи этого названія если еще не всѣ забыли, то во всякомъ случаѣ многіе не знаютъ. А дѣло было такъ. Въ одну изъ ярмарокъ вначалѣ 80-хъ годовъ изъ Бразиліи привезли большую партію кофею, для ознакомленія и распространенія коего между русскими бразильцы выстроили черезъ канаву пассажъ, въ которомъ стали для рекламы угощать публику кофеемъ, а актрисамъ находящагося противъ пассажа театра—подносить вмѣсто букетовъ мѣшки съ кофеемъ. Бразильцы уѣхали, а пассажъ остался и осталось его названіе „Бразильскаго".

Вечера во время ярмарки я проводилъ не всегда въ трактирахъ, театрѣ или циркѣ Никитина, но и бывалъ иногда въ гостяхъ въ городѣ.

Радушный Дмитрій Михайловичъ Бурмистровъ, нашъ хорошій покупатель, приглашалъ меня къ себѣ на обѣды. Былъ онъ женатъ на Варварѣ Михайловнѣ Рукавишниковой, большой охотницѣ до лошадей. Жили Бурмистровы на Откосѣ, и изъ ихъ дома и сада открывался прекрасный видъ на Волгу. При домѣ имѣлись образцовыя конюшни, гдѣ стояли дорогіе рысаки. Дмитрій Михайловичъ, большой любитель садоводства, имѣлъ нѣсколько цвѣточныхъ и фруктовыхъ оранжерей и держалъ нѣмца-садовника, которому платилъ три тысячи рублей въ годъ. Садъ утопалъ въ цвѣтахъ. Помню, Дмитрій Михайловичъ дарилъ мнѣ прекрасныя туберозы и угощалъ бѣлой малиной.

Въ то время цвѣточныхъ торговцевъ въ Нижнемъ совсѣмъ не было. Въ ресторанѣ „Германія" продавали астры, надушенныя пачулями. В. С. Перловъ доставалъ букеты, для подношенія ярмарочнымъ актрисамъ, у садовника Бурмистровыхъ и платилъ за эти букеты чаемъ.

На Бурмистровскихъ обѣдахъ познакомился я съ братьями хозяйки: Иваномъ, Митрофаномъ и Николаемъ Михайловичами Рукавишниковыми, съ ея сестрой Юліей Михайловной и съ мужемъ послѣдней—Иваномъ Кузьмичемъ Николаевыми. Бывали на этихъ обѣдахъ также: жена Ивана Михайловича—Елена Николаевна, двѣ пріѣзжавшія изъ Ярославля барышни—дочери Николая Петровича Пастухова, нижегородскій фабрикантъ Зайцевъ, маклеръ Иванъ Юльевичъ Шульцъ изъ Москвы, домашній врачъ Бурмистровыхъ Штюрмеръ, домашній врачъ Николаевыхъ Никаноръ Ивановичъ Васильевъ и др. Сталъ бывать я и у Николаевыхъ, жившихъ на Большой Печерской улицѣ, съ единственнымъ малолѣтнимъ сыномъ Мишей, въ которомъ мать не чаяла души. У Николаевыхъ встрѣчалъ я только ихъ домашняго врача, стараго и ворчливаго Н. И. Васильева, ими до крайности избалованнаго и пользовавшагося у нихъ громаднымъ авторитетомъ.

Вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, М. С. Кузнецовымъ, Н. К. Голофтѣевымъ и братьями Кириковыми ходилъ я на Пески, въ трактиръ Журавлева, ѣсть пельмени, которые подавали сотнями, причемъ въ одной мискѣ были пельмени, а въ другой бульонъ. Всѣхъ больше съѣдалъ пельменей М. С. Кузнецовъ.

Однажды Владиміръ Карловичъ фонъ-Меккъ пригласилъ меня принять участіе въ прогулкѣ по Окѣ, на его пароходѣ. Вечеромъ у него въ конторѣ, которая находилась на пристани, на такъ называемой Стрѣлкѣ, собрались: В. С. Перловъ, пріѣхавшіе изъ Москвы К. А. Тарновскій и П. И. Гучковъ, братья Кириковы и др., и на Мекковскомъ пароходѣ, съ военной музыкой, пошли вверхъ по Окѣ. Ночью пристали къ берегу Оки, гдѣ высадились. У рыбаковъ купили тоню стерлядей и раковъ и заставили рыбаковъ варить намъ уху. Слуги отъ Никиты Егорова вынесли съ парохода на берегъ столъ, вѣнскіе стулья и мекковскій поставецъ съ серебряными стаканами; накрыли столъ; принесли зернистой икры, холодной дичи, въ дыняхъ маседуанъ изъ свѣжихъ фруктовъ; захлопали пробки отъ шампанскаго—и пошло пиршество. По желанію В. С. Перлова послали за дѣвицами въ ближайшую деревню и заставили ихъ водить хороводы. На обратномъ пути всѣ гости съ хозяиномъ засѣли въ каютѣ вокругъ большой льдины съ бутылками шампанскаго, и пиршество, начатое на берегу, продолжалось до ярмарочной пристани, куда пришли часовъ въ семь утра, и гдѣ уже ждали извощичьи коляски, которыя развезли всѣхъ по гостинницамъ и лавкамъ.

Припоминаю пріѣздъ на ярмарку великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Вмѣстѣ съ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета Павломъ Васильевичемъ Осиповымъ и нижегородскимъ губернаторомъ Безакомъ, великій князь посѣтилъ нѣсколько лавокъ, въ томъ числѣ и нашу. Увидавъ у насъ рубашечный ситецъ, великій князь сказалъ: „хорошо бы на солдатскія рубашки“. Выходя изъ лавки, П. В. Осиповъ попросилъ великаго князя посѣтить еще кого-то, на что великій князь отвѣтилъ: „слушаю-съ“. Вечеромъ состоялся праздникъ въ лагерѣ, который

былъ иллюминованъ. Въ палаткѣ, убранной щитами изъ штыковъ, былъ накрытъ ужинъ, во время котораго играла военная музыка и пѣлъ хоръ А. З. Ивановой. Изъ лагеря великій князь поѣхалъ на ночлегъ въ Главный Домъ, сопровождаемый солдатами, бѣгущими съ зажженными факелами и кричащими ура.

Пріѣзжалъ на ярмарку и великій князь Владиміръ Александровичъ съ великой княгиней Маріей Павловной. Ихъ высочествамъ ярмарочное купечество давало обѣдъ на Зевековскомъ пароходѣ, стоявшемъ на Сибирской пристани. Во время обѣда играла военная музыка. Я сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, и намъ вмѣсто стерляди подали шипа. Послѣ обѣда пароходъ съ ихъ высочествами и гостями отчалилъ отъ пристани и пошелъ въ Сормово, откуда вернулись опять на Сибирскую пристань.

П. В. Осиповъ, будучи предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета, дѣлалъ большіе денежные поборы на губернаторскіе обѣды съ торговавшихъ на ярмаркѣ купцовъ. Остававшіяся отъ обѣдовъ вина и сигары относились къ П. В. Осипову на квартиру.

О бывшемъ одновременно съ П. В. Осиповымъ нижегородскомъ губернаторѣ Безакѣ тогдашній французскій посолъ въ Петербургѣ генералъ Шанзи былъ не особенно лестнаго мнѣнія. „Вмѣсто ярмарочныхъ свѣдѣній“, разсказывалъ въ Петербургѣ Шанзи, возвратившись изъ Нижняго,—„за которыми я пробовалъ не разъ обращаться въ разговорѣ къ генералу Безаку, онъ нарисовалъ мнѣ картину парижскихъ кафе-шантановъ avec leurs sujets principeaux“.

Не лучше Безака былъ и тогдашній нижегородскій полиціймейстеръ Каргеръ, который, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ пріятелямъ, не стѣснялся вызывать по тревогѣ пожарныхъ.

Скажу кое-что о нѣкоторыхъ торговцахъ, покупавшихъ у насъ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

Одними изъ первыхъ и лучшихъ покупателей изъ Сибири считались тогда Стахѣевы, Александръ Ѳедоровичъ Второвъ*), Петровъ и Михайловъ, Иванъ и Николай Герасимовичи Гадаловы, Бѣлоголовый и Киселевъ, братья Зензиновы, братья Бутины и Семенъ Семеновичъ Кальмейеръ.

А. Ѳ. Второвъ пользовался большой популярностью на Нижегородской ярмаркѣ.

Изъ армянъ покупали у насъ братья Цавьяновы, братья Вартановы, Иванъ Исаевичъ Питаньянца (всѣ трое изъ Тифлиса), братья Бабасиновы (изъ Нахичевани), Карпъ Ивановичъ Яблоковъ (изъ Ростова на Дону), Кириллъ Моисеевичъ Поповъ (изъ Луганскаго завода), Минай Лукьяновичъ Шоршоровъ (изъ Екатеринодара), Христофоръ Христофоровичъ Харагилеевъ, и другіе.

---

*) А. Ѳ. Второвъ умеръ 20 октября 1911 года.

Армянинъ Макаръ Ивановичъ Улухановъ (изъ Моздока), толстый, безволосый, съ важнымъ, но тупымъ выраженіемъ лица, любилъ почетъ. У него была красивая сестра, которую увезли въ плѣнъ черкесы, во время набѣга на Моздокъ; потомъ она стала женой Шамиля. Когда Макара Ивановича спрашивали, хороша ли была его сестра, то онъ съ важностью, показывая на себя, отвѣчалъ: „какъ я". При этомъ надо было видѣть его болѣе чѣмъ непривлекательное лицо.

Позднѣй явились къ намъ покупатели армяне изъ Армавира: братья Тарасовы, братья Багорсуковы, братья Багдасаровы, братья Сеферовы, Акимъ Минаевичъ Каспаровъ, братья Давыдовы и братья Шахъ-Назаровы.

Вначалѣ братья Тарасовы жили весьма скромно: ѣздили по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ, возили съ собой мѣшки съ сухарями изъ чернаго хлѣба, которыми питались дорогой, носили зимой потертыя бараньи шубы; но потомъ они разбогатѣли, и мы увидали ихъ въ собольихъ шубахъ съ бобровыми воротниками.

Когда на Кавказѣ начались безпорядки, то богатые армяне стали переселяться въ Москву. Въ прежнее время говорили въ Москвѣ только объ одномъ богатомъ армянинѣ Иванѣ Степановичѣ Анановѣ, имѣвшемъ домъ на Мясницкой. Въ настоящее время говорятъ объ нѣсколькихъ милліонерахъ армянахъ, переселившихся со своими семьями въ Москву изъ Армавира, Екатеринодара, Баку и другихъ городовъ Кавказа. Своихъ хорошенькихъ дочерей армяне стали посылать заграницу учиться, въ лучшіе пансіоны, и одѣвать ихъ по послѣдней модѣ; стали заводить автомобили и строить себѣ въ Москвѣ дворцы.

Нашимъ самымъ крупнымъ покупателемъ въ Ростовѣ на Дону былъ Павелъ Ѳедоровичъ Севрюговъ. Донскіе казаки Иванъ и Николай Андреевичи Абрамовы, люди очень почтенные, были одними изъ лучшихъ покупателей изъ Новочеркасска. Какъ я уже говорилъ, они, по старому обычаю, привозили намъ въ подарокъ прекрасное цымлянское вино собственнаго приготовленія, въ шампанскихъ бутылкахъ, или отличные донскіе балыки.

Одинъ изъ крупныхъ саратовскихъ покупателей былъ Иванъ Герасимовичъ Кузнецовъ, прозванный за свой малый ростъ „Аршиномъ Герасимовичемъ". Разъ во время ярмарки въ нашей лавки служили молебенъ; Иванъ Герасимовичъ стоялъ за прилавкомъ, такъ что была видна одна его голова. По окончаніи молебна священникъ, не зная, что Иванъ Герасимовичъ вродѣ карлика, сталъ ему выговаривать за то, что онъ сидѣлъ во время службы. Иванъ Герасимовичъ пріѣзжалъ въ Москву или на ярмарку со своимъ взрослымъ сыномъ Василіемъ Ивановичемъ, котораго называлъ Васенькой.

Изъ Пятигорска пріѣзжали къ намъ два брата Зипаловы, а изъ Перми—два брата Киселевы. Старшій Киселевъ, Вячеславъ Васильевичъ, былъ всегда въ мрачномъ настроеніи духа. Одинъ изъ самыхъ веселыхъ покупателей былъ армянинъ

изъ Ставрополя-Кавказскаго—Давыдъ Вареоломеевичъ Поповъ. Казанскій покупатель Савватей Савватеевичъ Савватеевъ, старикъ въ очкахъ, которые чаще были у него на лбу, чѣмъ передъ глазами, имѣлъ привычку мять въ рукахъ кусочекъ тѣста, которое всегда носилъ съ собой.

Покупатель Фуфыкинъ явился однажды къ намъ на ярмарку весь выпачканный и пьяный и сообщилъ, что не можетъ уплатить стараго долга, сказавъ „торговали кирпичемъ и остались ни причемъ". Благодаря присяжному повѣренному Меморскому, бывшему потомъ нижегородскимъ городскимъ головой,—мы получили сполна состоящій за Фуфыкинымъ долгъ. Вообще, когда кто не желалъ совсѣмъ платить своихъ долговъ,—являлся къ кредиторамъ плохо одѣтымъ, выпачканнымъ и нерѣдко пьянымъ. Такъ было и съ Константиномъ Васильевичемъ Епифановымъ изъ Новочеркасска, прекратившимъ свои платежи. Другіе должники, не желавшіе платить полнымъ рублемъ, приглашали, какъ говорятъ купцы, на чашку чаю, т. е. собирали своихъ кредиторовъ и просили о скидкахъ и разсрочкахъ долговъ. Объ одномъ неплательщикѣ, армянинѣ, дѣло котораго слушалось въ московскомъ коммерческомъ судѣ, мой отецъ разсказывалъ слѣдующее. Армянинъ этотъ подписался на выданномъ имъ векселѣ по армянски, и на судѣ переводчикъ перевелъ эту надпись, оказавшуюся такого содержанія: „когда хочу, тогда плачу, а кисея твоя г......"

Покупали у насъ также евреи изъ Одессы, Кишинева, Бердичева и другихъ городовъ, татары и нѣмцы-колонисты. Изъ Одессы покупали у насъ между прочимъ евреи, торговавшіе подъ фирмою „Гимельфартъ и Фингерхутъ". Кишиневскіе евреи-покупатели пріѣзжали лѣтомъ въ Москву въ своихъ длинныхъ лапсердакахъ, надѣтыхъ непосредственно сверхъ нижняго бѣлья. Въ мою бытность въ Кишиневѣ, нашъ тамошній покупатель, старикъ еврей Шулимъ Перельмутеръ, выказалъ ко мнѣ большое вниманіе и любезность: его довѣренный Рейтигъ возилъ меня въ коляскѣ и показывалъ городъ; потомъ мы заѣхали къ самому Перельмутеру, жившему въ своей усадьбѣ, въ простомъ деревянномъ домикѣ, окруженномъ виноградниками, и гдѣ Перельмутеръ угощалъ меня виномъ своего приготовленія, и по моей просьбѣ далъ мнѣ попробовать мамалыгу (густая каша изъ кукурузы). Зятя Перельмутера не было въ Кишиневѣ; но меня все же повезли къ его молодой женѣ, дамѣ съ нѣкоторыми претензіями, гдѣ меня, какъ видно, ждали, потому что былъ накрытъ столъ съ разными угощеніями и даже приготовлено шампанское. За столомъ прислуживали лакеи во фракахъ и бѣлыхъ гастукахъ.

Татаринъ Баязитовъ изъ Стерлитамака былъ безъ одной челюсти, чему онъ былъ обязанъ искусству какого-то дантиста на Ирбитской ярмаркѣ. Однажды одинъ изъ нашихъ рабочихъ попросилъ у Баязитова на чай. Баязитовъ счелъ это за оскорбленіе, нашумѣлъ и, выпросивъ себѣ кусокъ матеріи,—успокоился.

Баязитова хорошо знали на пароходахъ, ходящихъ по рѣкѣ Бѣлой: „мы будемъ *фарситъ*“, говаривалъ онъ, заказывая себѣ стерлядку. Изъ Уфимской губерніи Баязитовъ привозилъ на продажу въ жестяныхъ коробкахъ липовый медъ, который держалъ на ярмаркѣ у насъ въ лавкѣ, подъ лѣстницей. Вообще Баязитовъ отличался своей грубостью и назойливостью.

Самымъ послѣднимъ нашимъ покупателемъ на ярмаркѣ былъ Петръ Ивановичъ Батуевъ изъ Вятки; его покупкой заканчивалась у насъ ярмарка.

Въ Нижнемъ познакомился я съ фотографомъ-художникомъ Андреемъ Осиповичемъ Карелинымъ, который имѣлъ фотографію въ своемъ домѣ, на Малой Покровкѣ. Большая зала въ его домѣ напоминала антикварный магазинъ. Тогда я былъ еще далекъ отъ идеи собиранія старинныхъ русскихъ вещей; но художники Василій Васильевичъ Верещагинъ и Константинъ Егоровичъ Маковскій уже ихъ покупали у Карелина. По фотографіи Карелинъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя изобрѣтенія, но, увлекшись собираніемъ старинныхъ и новыхъ вещей, сталъ мало заниматься фотографическимъ дѣломъ; а между тѣмъ у него явился серьезный конкуррентъ, фотографъ Дмитріевъ, и постепенно фотографическое дѣло у Карелина стало падать, а у Дмитріева—развиваться. Домъ свой на Малой Покровкѣ Карелинъ прожилъ и сталъ жить по квартирамъ, гдѣ давалъ уроки рисованія нижегородскимъ барышнямъ, писалъ недурные и очень схожіе портреты и снималъ фотографіи. Во время ярмарки по вечерамъ можно было встрѣтить Андрея Осиповича въ Ярославскомъ ряду у старьевщиковъ, гдѣ онъ искалъ рѣдкостей.

Мое знакомство съ персіянами началось съ покупокъ на ярмаркѣ, по порученію отца, ковровъ для дома, которые мы покупали у Сафара Алеева въ персидскихъ рядахъ. Въ этихъ рядахъ до сихъ поръ сохранились свои нравы и обычаи: въ лавкахъ, между мѣшками съ фисташками, миндалемъ, рисомъ, драгантомъ, чернильными орѣшками, ящиками съ сабзой и другими товарами,—можно видѣть персіянъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, курящихъ кальянъ. Тутъ же можно наблюдать, какъ персидскій Фигаро брѣетъ голову краснобородому сыну Ирана. Въ караванъ-сараѣ пекутъ персидскій хлѣбъ—„лавашъ“, въ видѣ большихъ, круглыхъ, плоскихъ лепешекъ, которыя, кромѣ своего прямого назначенія, замѣняютъ у персіянъ ложки и салфетки. Персія меня интересовала: я много читалъ о ней книгъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Еще въ Москвѣ познакомился я съ московскимъ персидскимъ вице-консуломъ и коммиссіонеромъ мирзой Нематулой Ашимовымъ*), который зналъ по русски и

*) Въ 1877, 1878 и 1889 гг. шахъ Насръ-Эддинъ былъ въ Европѣ. Пріѣзжалъ онъ и въ Москву, гдѣ на балу у генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова сказалъ, указывая пальцемъ на залитую всю брилліантами Шаблыкину: „laide“, а о какой-то красивой дамѣ выразился: „belle, comme les vers de Pouchkine“.

Р. Н. Гришинъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 2 октября 1887 г. писалъ: „Въ мою бытность въ

порядочно говорилъ по французски. На ярмаркѣ онъ останавливался въ караванъ-сараѣ, гдѣ я его разъ навѣстилъ и засталъ его сидящимъ на диванѣ, поджавши подъ себя ноги, въ голубомъ шелковомъ засаленномъ халатѣ, и курящимъ кальянъ. У него и у торговца коврами Усейнова сталъ я пріобрѣтать разныя персидскія вещи: калямданы (пеналы), голябпаши (флаконы для розовой воды), кячколи (чаши для воды, носимыя дервишами), рубэндэ (платокъ, которымъ женщины закрываютъ себѣ лицо), шербетныя ложки, ларцы, гребни, кривые кинжалы ферашей и другія преимущественно современныя вещи персидскаго искусства и быта.

Въ 1887 году пріѣзжалъ въ Москву изъ Темиръ-Ханъ-Шуры фотографъ Роиновъ со своимъ „передвижнымъ кавказскимъ музеемъ". У Роинова купилъ я небольшую персидскую занавѣску*), вышитую шелками, серебромъ и золотомъ, XVII в., изъ дворца Нухинскаго хана, и три старинныя персидскія фаянсовыя тарелки съ изображеніями: на одной—кисти руки, на другой—двухъ козъ, на третьей—всадника.

На Нижегородской же ярмаркѣ пріобрѣлъ я большую китайскую занавѣску, богато вышитую: по красному русскому сукну разноцвѣтными шелками и золотомъ. Вообще на Нижегородской ярмаркѣ сдѣлалъ я починъ по собиранію предметовъ Востока, точно такъ же, какъ потомъ сдѣлалъ починъ по собиранію старинныхъ русскихъ вещей, купивъ тамъ же серебряный жалованный ковшъ Яицкаго войска.

Въ 1889 году, будучи съ отцомъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, я купилъ въ Японскомъ отдѣлѣ много художественныхъ предметовъ: ширмы шелковыя, тканыя и вышитыя, представляющія съ лицевой стороны четыре времени года, за шесть тысячъ франковъ; другія ширмы съ искусно сдѣланными изъ разныхъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ матерій фигурами по золоченому фону, изображающими сцены изъ японской жизни,—за три тысячи франковъ; лаковую этажерку (лучшую лаковую вещь, которую продавало Японское правительство) за шесть тысячъ франковъ, и другія японскія вещи.

Въ то время, когда мой братъ Сергѣй и я были на ярмаркѣ, отецъ, а потомъ и братъ Дмитрій заботились о своевременной высылкѣ намъ товара и ѣздили на фабрики Гюбнера, Цинделя и Прохорова, гдѣ торопили исполнять наши заказы.

Вообще отецъ велъ очень дѣятельную жизнь. Какъ человѣкъ уже пожилой, онъ ложился спать рано и вставалъ тоже рано; въ театрахъ отецъ обыкновенно

Астрахани, гдѣ я началъ мою службу, мнѣ приходилось не одинъ разъ бывать на балахъ персидскаго посланника и участвовать въ загородныхъ персидскихъ торжествахъ; образованныхъ персіянъ не удавалось видѣть".

*) Точь въ точь такая же занавѣска хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. Роиновъ разсказывалъ мнѣ, что спасъ проданную мнѣ занавѣску, которую собирался жечь одинъ персіянинъ—для полученія выжиги.

не досиживалъ до конца представленія, а въ ложахъ московскаго Большого театра, гдѣ имѣются комнатки съ диванами, — обыкновенно засыпалъ во время итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любилъ. По утрамъ изъ всей нашей семьи вставалъ раньше всѣхъ отецъ. Передъ тѣмъ какъ спуститься съ верху въ столовую пить кофей, въ халатѣ и туфляхъ, — отецъ вызывалъ къ себѣ повара Егора, котораго пробиралъ за не такъ приготовленныя наканунѣ кушанья и заказывалъ завтракъ и обѣдъ на текущій день. Поваръ Егоръ, или, какъ мы его звали, Егоръ Петровичъ, не пилъ, не курилъ и вообще готовилъ хорошо, притомъ былъ очень набожный; даже въ кухнѣ онъ держалъ библію и въ свободное время читалъ ее, для чего надѣвалъ очки. Егоръ любилъ употреблять кулинарные термины на французскомъ языкѣ, немилосердно коверкая его; даже кушанье, приготовленное по-русски, онъ иначе не называлъ какъ „а-ла-рюсъ.“ *) Поваръ былъ онъ довольно упрямый: когда отецъ говорилъ ему, что надо сдѣлать такъ, Егоръ противорѣчилъ, возражая: „а по моему такъ“.

Чаю отецъ не любилъ и пилъ по утрамъ кофей, чрезвычайно сладкій и слабый: въ стаканъ клалъ кусковъ десять сахару, наливалъ немного кофею и кипятку, потомъ столько сливокъ, что стаканъ переполнялся; отецъ мокалъ въ кофей ломтикъ бѣлаго хлѣба и такимъ образомъ пилъ. Отецъ любилъ красное вино и былъ большимъ его знатокомъ; шампанскаго же не переносилъ. Сладкое варенье посыпалъ еще сахаромъ. За завтракомъ и обѣдомъ отцу, чтобы онъ не пачкалъ скатерти, клали подъ приборъ клеенку темнаго цвѣта. Однажды у насъ въ первый разъ обѣдалъ пріѣхавшій изъ Харькова нѣкій Алчевскій, котораго посадили на мѣсто отца, но позабыли снять клеенку; гость такъ и просидѣлъ весь обѣдъ, ибо, кромѣ моихъ младшихъ братьевъ, никто не обратилъ на это вниманія.

Къ отцу въ столовую каждое утро вызывался артельщикъ Михайло Хайловъ, которому отецъ давалъ разныя порученія; потомъ приходилъ прикащикъ Иванъ Ивановичъ Челышковъ, и отецъ просматривалъ съ нимъ остатокъ долговъ за покупателями. Тому и другому нерѣдко отъ отца доставалось. Какъ-то Хайловъ, стоя у стола, за которымъ отецъ пилъ кофей, оперся руками о столъ; тогда отецъ, не говоря ни слова, всталъ, взялъ стулъ и предложилъ ему сѣсть, чѣмъ конечно очень его сконфузилъ.

Нашего кассира Трещалина отецъ почему-то называлъ всегда Пищалинымъ и вообще часто искажалъ фамиліи **). Отецъ былъ сильный брюнетъ; но съ года-

*) Французскій языкъ вообще коверкаютъ русскіе повара и трактирщики. Извѣстный трактирщикъ Лопашевъ всегда предлагалъ П. В. Шумахеру кушанье, которое называлъ „бушеглазомъ“, что означало по французски „bouché glacé“; по словамъ Шумахера, это кушанье состояло изъ куска филейной говядины въ густомъ соусѣ вродѣ столярнаго клея.

**) Мастеръ искажать фамиліи былъ служившій у насъ въ швейцарахъ Егоръ Акимовъ Касьяновъ. Напримѣръ, Рошфора онъ иначе не называлъ какъ *Растворомъ*. Какъ иногда русскіе люди искажаютъ

ми волосы на головѣ и борода стали у него сѣдѣть; только однѣ брови, которыя были чрезвычайно густыя,—оставались черными. У отца были такіе выразительные каріе глаза, что отъ одного его взгляда дѣти моментально переставали ревѣть; взглядъ отца дѣйствовалъ и на взрослыхъ; говорилъ онъ всегда очень громко, все равно, было ли это дома, въ гостяхъ, или на улицѣ; даже заграницей говорилъ на улицѣ такъ громко, что прохожіе оборачивались; рѣчь у него была ясная и выразительная. Вотъ два его характерныя выраженія: объ одномъ мущинѣ, у котораго было много волосъ на головѣ, отецъ сказалъ, что „у него волосъ на три добрыя драки"; объ одномъ горькомъ пьяницѣ отецъ выразился такъ: „пьетъ запоемъ да еще каждый день пьянъ".

Изъ столовой отецъ шелъ въ контору и, проходя мимо дѣвичьей, если замѣчалъ какой-нибудь безпорядокъ,—то бранилъ горничныхъ, причемъ употреблялъ выраженіе: „хуже пустого мѣста". Въ конторѣ отецъ просматривалъ торговыя книги, и тутъ обыкновенно не обходился безъ замѣчаній конторщикамъ. Изъ конторы отецъ поднимался къ себѣ на верхъ, одѣвался и ѣхалъ на одну изъ трехъ фабрикъ: къ Гюбнеру*) подъ Дѣвичье, или къ Цинделю**) въ Кожевники, или къ Прохорову на Три-Горы, откуда возвращался частью пѣшкомъ, въ то время какъ экипажъ слѣдовалъ за нимъ шагомъ. Послѣ завтрака отецъ ѣхалъ въ лавку, откуда пріѣзжалъ домой къ обѣду. Послѣ обѣда, если не было гостей, отецъ немного отдыхалъ, а потомъ отправлялся въ театръ или въ гости.

По четвергамъ у насъ обыкновенно обѣдали нѣсколько человѣкъ родныхъ и знакомыхъ. О родныхъ и нѣкоторыхъ знакомыхъ, бывавшихъ у насъ, я уже говорилъ. Бывали еще врачи: Иванъ Карловичъ Монигетти, Юлій Ивановичъ Вольфъ и Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, драматургъ Константинъ Августиновичъ Тарновскій, московскій оберъ-полиціймейстеръ А. А. Козловъ, П. В. Шумахеръ, нотаріусъ Петръ Дмитріевичъ Перевощиковъ, Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, маклеръ Александръ Яковлевичъ Верленъ и другіе. Врачъ императорскихъ московскихъ театровъ И. К. Монигетти, лѣчившій отца, принадлежалъ къ числу мало разговорчивыхъ людей; послѣ него отца сталъ лѣчить Юлій Ивановичъ Вольфъ***), весьма деликатный и обстоятельный врачъ, подолгу распрашивавшій паціента и

не только фамиліи, но и самый смыслъ сказаннаго, могу указать на два случая. Мой братъ Дмитрій разъ послалъ своего служащаго купить черныя запонки; служащій вернулся и сказалъ, что черныхъ жаворонковъ нѣтъ. Въ другой разъ братъ поручилъ купить тому же служащему швейцарскаго сыра; вернувшись тотъ заявилъ, что не нашелъ цыцарскаго мыла.

*) А. О. Гюбнеръ жилъ на фабрикѣ, гдѣ у него былъ садъ. Въ саду было много цвѣтовъ и стояла большая желѣзная клѣтка, въ которой лѣтомъ сидѣло множество разнообразныхъ пѣвчихъ птичекъ. Впослѣдствіи Гюбнеръ купилъ себѣ домъ въ Парижѣ, въ улицѣ Téhéran, куда переѣхалъ вмѣстѣ со всей своей семьей и гдѣ жилъ зимой. Лѣтомъ Гюбнеръ жилъ на своей виллѣ близъ Базеля, въ Сизахъ, въ чрезвычайно живописной мѣстности.

**) При Цинделевской фабрикѣ былъ прекрасный фруктовый садъ, за которымъ ухаживалъ самъ старикъ Эмиль Эмильевичъ Циндель, основатель фабрики. Циндель, какъ и Гюбнеръ, былъ эльзасецъ.

***) Родной братъ Альфонсины Ивановны Постниковой.

подолгу дава́вшій совѣты. Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ врачъ Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, по спеціальности акушеръ,—„Accoucheur de la ville de Moscou“, какъ значилось у него на визитныхъ карточкахъ,—бывавшій у насъ лишь въ качествѣ гостя. Болѣе веселаго, жизнерадостнаго человѣка я не встрѣчалъ. Несмотря на свои почтенные годы и сѣдые волосы, Михаилъ Осиповичъ отличался замѣчательной подвижностью; танцевалъ онъ, въ особенности мазурку, какъ никто. Въ жилахъ Вивьена текла французская кровь; хотя его предки (Вивьенъ-де-Шатобренъ) и были французы, но самъ онъ, кромѣ русскаго, собственно не говорилъ ни на какомъ языкѣ. Онъ былъ большой каламбуристъ и забавный шутникъ. Когда его спрашивали, гдѣ онъ останавливается въ Парижѣ, онъ отвѣчалъ: „въ своей улицѣ—рю Вивьенъ“. Въ Біаррицѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ П. И. Гучковымъ въ пансіонѣ г-жи Жилосъ. Вспоминая о жизни въ этомъ пансіонѣ, Вивьенъ говорилъ: „у мадамъ Жилосъ какъ намъ жилось“. Изъ поѣздки въ Марсель онъ только и вспоминалъ объ одной большой бутылкѣ коньяку, поданной въ какой-то кофейнѣ. Когда Михаила Осиповича спрашивали меню какого-нибудь обѣда, онъ обыкновенно скороговоркой отвѣчалъ: „супъ—щи, пироги—ватрушки, рыба—раки, говядина—телятина, пирожное—мороженое“. Чай онъ называлъ брандахлыстомъ; зато вино, водки и ликеры такъ уважалъ, что нерѣдко пилъ ихъ не въ мѣру. Наливая себѣ въ стаканъ вино, Вивьенъ говорилъ:

„Rempli ton verre vide,
Bois ton verre plein
Et fais qu'il soit ni plein, ni vide“.

Михаилъ Осиповичъ очень мило пѣлъ оперу, въ которой мотивы были взяты главнымъ образомъ изъ оперы „Марта“, а слова неизвѣстно откуда. Начало дѣйствія этой оперы происходитъ въ Марьиной рощѣ, и самоварщицы поютъ:

„Чашки чисты,
Чай душистый,
Москворѣцкая вода,
Вы пожалуйте сюда,
Всечестные господа“.

Далѣе Вивьенъ пѣлъ: „Играетъ музыка принца Фридриха Карла полка, ка̀ка, кака̀ка, кака̀ка“. Послѣднее дѣйствіе заканчивалось въ полицейскомъ участкѣ и въ заключеніе Михаилъ Осиповичъ пѣлъ: „Былъ вѣрно пьянъ мосье Вивьянъ“. Онъ также отлично читалъ наизусть „Маіора“ Ѳедотова, „Гросъ-Фатера“ и „Сенсаціи госпожи Курдюковой“ Мятлева. „Сенсаціи“ онъ читалъ такъ хорошо, что какая-то важная особа сказала ему: „вы примирили меня съ Мятлевымъ“. О своей акушерской дѣятельности (Вивьенъ былъ полицейскимъ врачемъ) онъ

говорилъ, что другіе врачи отправляютъ людей на тотъ свѣтъ, онъ же—на этотъ. На маскарадъ къ Д. П. Боткину Михаилъ Осиповичъ явился разъ въ костюмѣ яко бы баши-бузука: въ красной фескѣ, съ ятаганомъ за поясомъ. Къ намъ на вечеръ онъ пріѣхалъ въ домино и въ кошачьей маскѣ, причемъ такъ мяукалъ и фыркалъ, какъ настоящая кошка. Однажды въ Парижѣ въ театрѣ Вивьенъ сидѣлъ въ креслахъ; къ нему сталъ обращаться съ вопросами на англійскомъ языкѣ сидящій съ нимъ рядомъ англичанинъ, на что Вивьенъ все время отвѣчалъ: „oh yes!“ Должно быть на послѣдній вопросъ Михаилъ Осиповичъ отвѣтилъ невпопадъ, потому что англичанинъ разсерженнымъ тономъ спросилъ: „mais, monsieur, parlez vous anglais?“

Разъ Вивьенъ ѣхалъ поздно ночью съ моимъ братомъ Николаемъ изъ Кунцева въ Москву. Подъѣзжая къ спущенному шлагбауму близъ Дорогомиловской заставы, Вивьенъ крикнулъ: „сто-о-рожъ!“ Но такъ какъ на зовъ никто не являлся, Вивьенъ сказалъ: „хоть бы одна рожа вышла!“ Вивьенъ одинъ разъ пріѣзжалъ въ Нижній на ярмарку и останавливался у насъ въ лавкѣ. На ярмаркѣ онъ ходилъ въ красной фескѣ. Проходя какъ-то ночью мимо трактира Бубнова, гдѣ на балконѣ сидѣли арфистки, Вивьенъ вдругъ громко запѣлъ: „Привѣтъ тебѣ, пріютъ родимый!“ О некрасивыхъ лицахъ Михаилъ Осиповичъ говорилъ: „у него или у нея лицо *рылотивное*“. Про одну монахиню онъ выразился такъ: „была монашенка, а стала мамашенькой“.

Вивьенъ уже подъ конецъ своей жизни женился на мулаткѣ, съ острова св. Ѳомы. Свадьба состоялась у него на квартирѣ, на Цвѣтномъ бульварѣ. Вѣнчалъ пасторъ Дикгофъ. Вивьенъ былъ католикъ, а мулатка — лютеранка. На свадьбѣ присутствовало очень мало приглашенныхъ: московскій виноторговецъ Александръ Ивановичъ Арабажи, мой братъ Дмитрій, я, да еще кто-то. Послѣ вѣнчанія былъ обѣдъ. Вивьенъ называлъ свою жену „арабишъ-фантазія“ и лѣтомъ жилъ съ ней на дачѣ въ Перервѣ. Однажды я съ братомъ Дмитріемъ навѣстили молодыхъ въ Перервѣ. Михаилъ Осиповичъ шутилъ со своей мулаткой и расчесывалъ ея курчавые жесткіе волосы щеткой изъ желѣзной проволоки, вродѣ скребницы, какой чистятъ лошадей. Впослѣдствіи, безъ вѣдома Михаила Осиповича, мулатка открыла въ Москвѣ прачешное заведеніе подъ вывѣской: „Прачешная госпожи Вивьенъ“. Михаилъ Осиповичъ распорядился снять эту вывѣску.

Въ 1887 году М. О. Вивьенъ захворалъ и умеръ. Мой братъ и я были на отпѣваніи въ костелѣ, что въ Милютинскомъ переулкѣ*).

*) У М. О. Вивьена было два брата: архитекторъ (Эдуардъ) и пьянистъ. Племянникъ Михаила Осиповича дирижировалъ оркестромъ у Лентовскаго въ Эрмитажѣ. На Воздвиженкѣ находилась библіотека Вивьена, принадлежавшая другому племяннику Михаила Осиповича. Въ Петровскомъ-Разумовскомъ Михаилъ Осиповичъ имѣлъ свои дачи, но онѣ были заложены. Въ своей квартирѣ на Цвѣтномъ бульварѣ Вивьенъ сдавалъ внаймы комнату клоунамъ изъ цирка Соломонскаго.

Насколько много было естественнаго въ Вивьенѣ, настолько много напускного въ Константинѣ Августиновичѣ Тарновскомъ. Старикъ высокаго роста, полный, совершенно лысый, съ остроконечной бородкой, всегда болѣе или менѣе эксцентрично одѣтый, въ широкихъ брюкахъ, которыя книзу суживались, Константинъ Августиновичъ напоминалъ французскаго отставного военнаго временъ Наполеона III. Если Тарновскій не могъ кого переспорить, то во всякомъ случаѣ могъ перекричать *). Константину Августиновичу, порядкомъ вравшему, мой отецъ говаривалъ: „если и четверть того, что вы разсказываете, правда,—и то хорошо“. Вивьенъ называлъ Константина Августиновича „Konstantin“ или „Паномъ Твардовскимъ“. Тарновскій говорилъ Вивьену: „ты изъ вѣры вышелъ“, на что послѣдній отвѣчалъ: „ошибаешься, мою мать вовсе не звали Вѣрой“.

Александръ Александровичъ Козловъ разсказывалъ много забавнаго о своей службѣ въ Петербургѣ. Такъ, когда онъ былъ тамъ градоначальникомъ, однажды ему донесли, что на Васильевскомъ островѣ, у одной купчихи-вдовы бываютъ студенческія сходки. Козловъ вызвалъ къ себѣ эту купчиху и прикрикнулъ было на нее за то, что у нея собираются сходки. „Какія, батюшка, сходки! завопила смущенная купчиха: студенты—это мои *„пѣтушки“*. И дѣйствительно оказалось, что вдова только прикармливала студентовъ.

П. В. Шумахеръ любилъ проводить время въ нашей семьѣ. Безподобный разсказчикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, онъ бывалъ всегда желаннымъ гостемъ. П. В. Шумахеръ былъ очень начитанъ; зналъ въ совершенствѣ нѣмецкій, французскій и англійскій языки, на которыхъ даже сочинялъ стихи; свободно читалъ малороссійскія, польскія и итальянскія книги. Пользуясь книгами моего собранія, Шумахеръ при чтеніи дѣлалъ карандашемъ на поляхъ книгъ замѣтки, которыя были часто остроумны и всегда интересны. Навѣщалъ и я Шумахера зимой, когда онъ жилъ у Н. Х. Кетчера, потомъ у Перфильевыхъ на Тверской, въ губернаторскомъ домѣ, затѣмъ въ Странопріимномъ домѣ графа Шереметева, у Сухаревой башни; лѣтомъ навѣщалъ его въ „Забытой усадьбѣ“, въ Спасскомъ, близъ Новаго Іерусалима, и въ Кусковѣ, въ „Голландскомъ домикѣ“.

У Н. Х. Кетчера Шумахеру не жилось. Недаромъ актеръ Вильде сказалъ Петру Васильевичу относительно его житья у Кетчера:

„Лѣтами ты ужъ старъ, да сердцемъ живъ и молодъ;
Не слѣдъ бы жить тебѣ, гдѣ мракъ и смерти холодъ“.

---

*) К. А. Тарновскій былъ другомъ дома въ семьѣ графа А. А. Закревскаго. Маркевичъ изобразилъ Константина Августиновича въ своемъ романѣ „Четверть вѣка назадъ“. Какъ графиня Аграфена Ѳедоровна, такъ и ея дочь Лидія Арсеньевна Закревскія—не отличались цѣломудріемъ. Какъ-то графиня-мать спросила одного изъ обожателей ея дочери: „Que-ce-qu'il y a eu entre vous deux?“ И получила въ отвѣтъ: „rien, pas même de la batiste“. Лидія Арсеньевна была красивая, нѣсколько полная блондинка съ голубыми глазами. (Мнѣ пришлось видѣть ее въ Ліонѣ, уже старушкой.) Пикулинъ разсказывалъ, что Лидіи Арсеньевнѣ понравился молодой, красивый часовщикъ, приходившій

Съ Василіемъ Степановичемъ*) и Прасковьей Ѳедоровной Перфильевыми Шумахеръ очень сошелся, въ особенности съ послѣдней. Но и у нихъ онъ не былъ увѣренъ, что можетъ спокойно провести остатокъ своей жизни, ибо квартира, занимаемая ими, была казенная; возможно было и перемѣщеніе по службѣ Василія Степановича куда-нибудь внѣ Москвы; наконецъ, могли Перфильевы и умереть. Поэтому Шумахеръ чрезвычайно обрадовался, когда, благодаря графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву, онъ могъ не только переѣхать въ Странно-пріимный домъ, но и поселиться тамъ въ отдѣльной комнатѣ, а не въ одной изъ общихъ палатъ для призрѣваемыхъ, и имѣть отдѣльный столъ.

„Забытая усадьба", гдѣ Шумахеръ прожилъ одно лѣто до поздней осени, была дѣйствительно *забытая,* ибо въ ней не жило ни души, и все было запущено: барскій домъ, службы и паркъ. Въ этой усадьбѣ все было предоставлено въ полное распоряженіе Петра Васильевича. Близъ усадьбы находилось имѣніе глазного врача Алексѣя Николаевича Маклакова—Дергайково. Шумахеръ въ усадьбѣ жилъ анахоретомъ: самъ готовилъ себѣ пищу; только иногда заглядывалъ къ нему староста Андрей Ивановъ, который ѣздилъ въ Москву, причемъ

заводить часы въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Полураздѣтая, лежа на постели, она ожидала прихода часовщика. Но вмѣсто молодого, красиваго — пришелъ уродливый старикъ. Отъ Пикулина же я слышалъ, что актера Самарина, отличавшагося въ молодости красотой, возили къ Лидіи Арсеньевнѣ.

*) В. С. Перфильеву по дѣламъ службы часто приходилось ѣздить по уѣздамъ Московской губерніи. Въ Вереѣ, въ домѣ одного старообрядца, гдѣ ему была отведена квартира,—на стѣнѣ висѣлъ въ золоченой рамкѣ написанный уставомъ листъ слѣдующаго содержанія:

„Аристотель книга говоритъ тако:

В. Что лучше злата?
О. Яхонтъ.
В. Что лучше яхонта?
О. Добродѣтель.
В. Что лучше добродѣтели?
О. Богъ.
В. Что лучше Бога?
О. Ничто.
В. Что злѣе тигра?
О. Аспидъ.
В. Что злѣе аспида?
О. Демонъ.
В. Что злѣе Демона?
О. Злая жена.
В. Что злѣе Демона?
О. Ничто.

Аще бы было все небо,—бумага, всѣ моря—чернила, всѣ звѣзды—перья, всѣ ангелы—писцы, то и тогда не могли бы женскаго лукавства описать".

В. С. Перфильевъ былъ пріятелемъ генералъ-адъютанта Черевина, съ которымъ бывалъ въ разныхъ ресторанахъ. Между прочимъ Черевинъ прислалъ Василію Степановичу прейскурантъ новооткрывшагося въ Петербургѣ трактира, вродѣ Тѣстова въ Москвѣ. Въ этомъ прейскурантѣ тминная водка была переведена по французски: „Eau de vie de Tmin"; здѣшняя—„d'ici", бѣлая померанцевая—„de Pomeranie blanche".

У Прасковьи Ѳедоровны въ квартирѣ имѣлся, можно сказать, маленькій звѣринецъ; между прочимъ былъ бѣлый какаду и обезьяна мартышка, которую звали Яшкой; этотъ Яшка много проказничалъ.

исполнялъ порученія Петра Васильевича. Крестьяне приносили Шумахеру куръ, цыплятъ, молоко, масло, яйца, ягоды, грибы. Въ барскомъ домѣ нашлась небольшая библіотека, состоявшая изъ старинныхъ книгъ, разборомъ коихъ занялся Петръ Васильевичъ.

Переѣхавъ въ Страннопріимный домъ, Шумахеръ сталъ жить лѣтомъ въ Кусковѣ, гдѣ по распоряженію графа С. Д. Шереметева ему отдали „Голландскій домикъ"; завтракъ и обѣдъ Шумахеръ получалъ отъ управляющаго Кусковымъ,— главнаго садовника, нѣмца Пича.

Шумахеръ по временамъ страдалъ отъ подагры, почему И. С. Тургеневъ называлъ его своимъ коллегой по литературѣ и подагрѣ. Разъ Шумахеру пришла въ голову странная мысль: вымораживать подагру изъ своей ноги: онъ поѣхалъ на извощикѣ въ сильный морозъ, надѣвъ на больную ногу лишь одинъ нитяный чулокъ. Лѣчилъ онъ свою ногу и копытной мазью Иванова. Универсальнымъ же средствомъ почти отъ всѣхъ болѣзней была у Шумахера баня. Живя въ Спасскомъ, онъ ѣздилъ въ Новый Іерусалимъ, гдѣ мылся въ банѣ у настоятеля монастыря, и гдѣ такъ сильно парился, что разъ паромъ вышибло оконную раму, и служка чуть не вылетѣлъ изъ парильни. Въ Москвѣ Шумахеръ посѣщалъ Сандуновскія бани, куда отправлялся на весь день и гдѣ долго мылся и сильно парился. На полкѣ Шумахеръ обыкновенно выпивалъ бутылку ледяного квасу прямо изъ горлышка. Парили его два баньщика. Потомъ Петръ Васильевичъ спалъ нѣсколько часовъ въ раздѣвальной. У себя въ комнатѣ Шумахеръ клалъ подъ голову сухой банный вѣникъ, когда отдыхалъ на диванѣ. Шумахеръ воспѣлъ въ стихахъ и подагру, и баню. Въ комнатѣ у него всегда была чистота и все прибрано; во всемъ онъ былъ аккуратенъ. Зимой Шумахеръ любилъ заходить въ кондитерскую Сіу на Тверской, гдѣ пилъ шоколадъ и ѣлъ пирожки съ яблоками (pommes en chemises), и гдѣ надъ большой, тучной его фигурой, во время его ѣды, барышни-продавщицы подсмѣивались, переглядываясь между собой. Пить и ѣсть Шумахеръ могъ много. Случалось, что въ одинъ вечеръ онъ выпивалъ до девяти бутылокъ бургонскаго и не былъ пьянъ, а напротивъ—дѣлался краснорѣчивѣе. Если ставили передъ Петромъ Васильевичемъ бутылку съ коньякомъ, или шартрезомъ, или съ другимъ какимъ-нибудь крѣпкимъ напиткомъ, то онъ считалъ невѣжливымъ оставлять бутылку невыпитой. Когда Шкоттъ говорилъ Шумахеру: „вы пьяница", тотъ отвѣчалъ: „отъ пьяницы слышу". Блиновъ Шумахеръ съѣдалъ изрядное количество и ѣлъ ихъ, разрывая пальцами, находя, что такъ они вкуснѣе. Курилъ онъ и папиросы, и сигары, но предпочиталъ курить табакъ въ трубочкѣ*).

---

*) П. В. Шумахеръ хотѣлъ вырѣзать на своемъ самоварѣ загадку: „у дѣвушки у сиротки загорѣлося въ середкѣ, а у добраго молодца покапало съ конца"; но мѣдникъ отказался рѣзать. У Шумахера видѣлъ я транспарантъ съ печатной надписью: „Печатать дозволяется. Цензоръ" такой-то. Шумахеръ разсказывалъ, что въ молодости Грейгъ, будущій министръ финансовъ, служилъ подъ

Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, женатый на извѣстной благотворительницѣ, кавалерственной дамѣ, Александрѣ Николаевнѣ, *) былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, деликатный, пріятный собесѣдникъ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, Степанъ Степановичъ любилъ хорошо покушать и выпить и поиграть въ карты.

П. Д. Перевощиковъ былъ сынъ извѣстнаго астронома, а А. Я. Верленъ, очень дѣльный маклеръ, черезъ котораго отецъ покупалъ миткаль.

Всѣ вышеназванныя лица были болѣе или менѣе постоянными посѣтителями нашихъ четверговъ. Бывали также у насъ, а скорѣе — приходили ко мнѣ, цензоръ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, Дмитрій Васильевичъ Каншинъ и Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ.

М. Н. Ремезовъ, большой труженикъ, по окончаніи службы въ цензурѣ, сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ журналѣ „Русская Мысль", въ которомъ занимались переводами его жена и дочь. Сынъ Митрофана Ниловича, полковникъ, въ настоящее время командиръ Самогитскаго полка.

Д. В. Каншинъ, устроитель дешевыхъ столовыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ его столовой на Никитскомъ бульварѣ, теперь уже несуществующей, Дмитрій Васильевичъ угостилъ разъ П. В. Шумахера и меня довольно вкуснымъ обѣдомъ.

Археологъ Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ занималъ должность хранителя Московской Оружейной Палаты и хранителя христіанскихъ и русскихъ древностей при Румянцевскомъ Музеѣ. Будучи студентомъ, Юрій Дмитріевичъ описалъ собраніе старинныхъ вещей Карабанова, въ которомъ было много поддѣлокъ, чего тогда онъ еще не вѣдалъ. Карабановское собраніе было пріобрѣтено Погодинымъ, а отъ него куплено для Московской Оружейной Палаты. Юрій Дмитріевичъ былъ человѣкъ прямой: занимаясь въ Оружейной Палатѣ, онъ, не стѣсняясь дворцовой прислуги, вслухъ ругалъ своего непосредственнаго начальника, называя его солдатомъ и дуракомъ. Когда К. Т. Солдатенковъ отказался дать деньги на какое-то научное изданіе, то Филимоновъ ему въ лицо сказалъ: „вы не Козьма Медичи, а какой-нибудь Козьма-кучеръ". Иногда Юрія Дмитріевича можно было застать въ гардеробной Румянцевскаго Музея, гдѣ, сидя въ вицъ-мундирѣ со звѣздой, онъ курилъ папиросы и бесѣдовалъ со швейцарами-солдатами. Какъ археологъ, Юрій Дмитріевичъ былъ весьма опытный, и у него можно было многому научиться по части археологіи. Съ Юріемъ Дмитріевичемъ я разбиралъ старинныя ткани и шитье въ складѣ Оружейной Палаты. Жилъ Филимоновъ въ

его, Шумахера, начальствомъ, въ какомъ-то департаментѣ, и чинилъ ему гусиныя перья (стальныхъ перьевъ тогда еще не употребляли). „Мажетъ", говорилъ Шумахеръ Грейгу и бросалъ перо, и Грейгъ опять принимался ихъ чинить, пока не удовлетворялъ Шумахера.

*) А. Н. Стрекалова, урожденная княжна Касаткина-Ростовская, родилась въ 1821 году, семнадцати лѣтъ вышла замужъ за С. С. Стрекалова; умерла въ 1904 году.

Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ домикѣ рядомъ съ гауптвахтой. Въ 1898 году 26 мая Юрій Дмитріевичъ умеръ въ Сухумѣ.

Вь 1882 году я сдѣлался членомъ московскаго Англійскаго клуба*), гдѣ уже состояли членами мой отецъ и братъ Николай, и сталъ бывать тамъ на субботнихъ обѣдахъ.

Между членами клуба было много военныхъ генераловъ: Манзей (старшина), Дукмасовъ, Бискупскій, А. А. Козловъ, графъ Олсуфьевъ, князь М. М. Голицынъ, графъ В. Ф. Келлеръ и другіе. Въ клубѣ же познакомился я съ адмираломъ Асланбеговымъ и съ капитаномъ 1-го ранга Калогерасомъ, командиромъ клипера „Наѣздникъ". На этомъ клиперѣ совершилъ кругосвѣтное плаваніе сынъ Петра Ивановича Бартенева—знакомый мнѣ Иванъ Петровичъ.

Въ Англійскомъ клубѣ были старики-члены, которые обижались, если кто нибудь садился, даже по незнанію, на кресла, на которыхъ они привыкли сидѣть много лѣтъ. Членъ Иванъ Васильевичъ Чижовъ, напоминавшій Фальстафа въ „Виндзорскихъ Кумушкахъ",—пилъ много шампанскаго, которое въ видѣ пота выходило у него изъ безволосой головы. Старикъ Михаилъ Михайловичъ Похвисневъ, пріятель С. С. Стрекалова, по субботамъ нарочно садился на краю обѣденнаго стола, съ котораго начинаютъ обносить кушанья, и любя мороженое, сваливалъ себѣ на тарелку громадную порцію, а пуншъ-гласе бралъ пять-шесть бокаловъ. Столѣтній Геннадій Владиміровичъ Грудевъ, состоявшій на государ-

---

*) Московскій Англійскій клубъ—старѣйшій изъ московскихъ клубовъ, вслѣдствіе того, что во время пожара 1812 года лишился всего своего архива,—не знаетъ ни дня, ни года своего основанія. Въ напечатанномъ мною документѣ (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина", М. 1899, 5-я часть, стр. 227)—„Опредѣленіе Московской Полиціймейстерской Канцеляріи, 6 іюня 1772 года" сказано, что Англійскій клубъ содержали въ этомъ году французы Петръ Павловъ Тюлье и Леопольдъ Годеинъ въ Красномъ Селѣ, въ домѣ графа Карла Ефимовича Сиверса. Въ архивѣ министерства юстиціи, въ дѣлахъ Каменнаго приказа, упоминается въ Нѣмецкой слободѣ, въ Посланниковой улицѣ, въ домѣ Годеина, „Англійскій Клобъ". Въ третьемъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" за 1783-й годъ тоже упоминается Англійскій Клобъ въ Нѣмецкой слободѣ. Въ „Копіи съ дѣла о переводѣ моск. англійскаго клуба въ домъ князя Ю. В. Долгорукова, 1790 года" (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина", М. 1901, 8-я часть, стр. 427) приведенъ весь уставъ Англійскаго клуба того времени. Въ 1793 году Англійскій клубъ помѣщался въ домѣ княгини Черкасской, между Никольскими и Ильинскими воротами. Слѣдовательно столѣтіе его существованія давно уже миновало. Въ 1802 году Англійскій клубъ былъ открытъ на Петровкѣ, въ домѣ князя Гагарина. (Въ этомъ домѣ теперь помѣщается Ново-Екатерининская больница.) Съ Петровки клубъ перешелъ на Большую Дмитровку, въ домъ Муравьева (впослѣдствіи Лицей Каткова, затѣмъ „Салонъ де Варьетэ"), а оттуда на Тверскую, въ домъ графа Разумовскаго (прежде домъ писателя Хераскова), гдѣ онъ находится и теперь. Изъ всего вышесказаннаго видно, что московскій Англійскій клубъ часто мѣнялъ свое помѣщеніе. Въ пятой же части моего „Сборника стар. бумагъ", (стр. 228) напечатано заявленіе 19-ти членовъ Англійскаго клуба къ старшинамъ этого клуба: „обратиться съ просьбою къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору Графу Закревскому, дабы онъ исходатайствовалъ оному Клубу Всемилостивѣйшее разрѣшеніе не называться долѣе Англійскимъ Клубомъ, а Московскимъ Собраніемъ".

У меня имѣются: одинъ билетъ Англійскаго клуба, выданный на 1818-й годъ Николаю Ивановичу Тургеневу, и два билета того же клуба 1826 и 1827 г., подписанные старшиной-англичаниномъ „Thomas Pickersgill". На всѣхъ этихъ билетахъ въ орнаментальныхъ рамкахъ напечатано: „Знакъ для входа въ Аглинское Собраніе" на такой-то годъ.

ственной службѣ уже въ 1812 году,—ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Когда оффиціантъ спрашивалъ его: „супъ или щи?“—Геннадій Владиміровичъ отвѣчалъ: „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ; давай щей“. Отставной гвардіи полковникъ Казаковъ, имени котораго пріютъ для дворянъ находится на Поварской,—несмотря на то, что былъ слѣпъ, пріѣзжалъ на субботніе обѣды. За стуломъ Казакова всегда стоялъ его слуга и накладывалъ ему на тарелку кушанья; Казаковъ же самъ, безъ посторонней помощи, рѣзалъ и ѣлъ. Князь Питеръ Волхонскій, которому дома, вслѣдствіе запрещенія врача, не давали ни водки, ни закуски, заѣзжалъ въ Англійскій клубъ, чтобы наскоро выпить рюмку водки и закусить, послѣ чего отправлялся домой обѣдать. Богатый, но скупой Василій Ивановичъ Якунчиковъ пилъ только яблочный квасъ, а вино лишь тогда, когда его угощали. Разъ только, по случаю какого-то радостнаго событія въ его семьѣ, Василій Ивановичъ разошелся и спросилъ бутылку Донского, которымъ сталъ угощать своихъ знакомыхъ. При этомъ мой отецъ иронически замѣтилъ Василію Ивановичу, что „мы не казаки, и по случаю такой семейной радости слѣдовало бы выпить настоящаго шампанскаго“. Анатолій Васильевичъ Каншинъ, съ черной шелковой повязкой на одномъ глазу, извѣстный любитель цыганъ, носившій прозвище „Цыганскаго Каншина“, со своимъ пріятелемъ Николаемъ Николаевичемъ Дмитріевымъ пили исключительно дорогія вина. Дмитріевъ съ пренебреженіемъ относился къ членамъ клуба, которые играли въ карты по небольшой ставкѣ „перехватить съ нихъ какую-нибудь сотню рублей“, говаривалъ онъ,—„не стоитъ и мараться“. Когда Дмитріевъ проходилъ мимо хора пѣвицъ, пѣвшихъ иногда въ клубѣ, то всегда съ презрѣніемъ показывалъ имъ языкъ.

Московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ тоже посѣщалъ Англійскій клубъ, гдѣ игралъ на билліардѣ съ маркеромъ, или слушалъ русскій хоръ А. З. Ивановой*).

Иногда я ходилъ съ отцомъ по вторникамъ обѣдать въ Купеческій клубъ. Въ то время однимъ изъ членовъ этого клуба былъ товарищъ прокурора московскаго окружного суда графъ Михаилъ Павловичъ Барановъ, женатый на танцовщицѣ петербурскаго балета—красивой А. Ф. Вергиной. Графъ М. П. Барановъ любилъ острить. Напримѣръ, увидавши одного своего знакомаго въ шляпѣ съ очень большими полями, онъ сказалъ ему: „вы напоминаете мнѣ Кочубея: „его

---

*) Князь В. А. Долгоруковъ всегда присутствовалъ на предводительскихъ балахъ. На одинъ изъ этихъ баловъ явился молодой человѣкъ въ красномъ фракѣ, что не понравилось князю, и полиція попросила красный фракъ удалиться съ бала. На балахъ у князя В. А. Долгорукова въ генералъ-губернаторскомъ домѣ ужинъ подавали поздно, когда большая часть гостей уже разъѣдется. Князь спрашивалъ нѣсколько разъ во время бала: сколько остается гостей? и когда находилъ, что уѣхало достаточно, то приказывалъ подавать ужинъ. Одна изъ первыхъ красавицъ, фигурировавшая на тогдашнихъ балахъ, была Марья Семеновна Пустовалова.

поля необозримы". Однажды графъ хотѣлъ сѣсть въ купэ вагона желѣзной дороги, но былъ остановленъ кондукторомъ, заявившимъ ему, что купэ занято однимъ извѣстнымъ милліонеромъ (евреемъ); графъ отвѣтилъ: „я не брезгливъ". Когда графъ встрѣчалъ въ клубѣ Семена Ивановича Лямина, одѣвавшагося довольно эксцентрично, то начиналъ напѣвать на мотивъ „Венеціанскаго Карнавала": „Се-менъ И-ванычъ Ля-минъ".....

Малый театръ находился еще въ апогеѣ своей славы. Въ „Свадьбѣ Кречинскаго" отличались Шумскій и Провъ Михайловичъ Садовскій; въ „Заколдованномъ принцѣ" былъ безподобенъ Разсказовъ; прекрасно исполнялъ роль француза-гувернера въ пьесѣ „Гувернеръ"—Петровъ, а въ „Ямщикахъ"—старосту старикъ Степановъ*). Никто не игралъ такъ хорошо свахъ и купчихъ какъ Акимова, а чиновниковъ и лакеевъ—Никифоровъ**). Даже незначительныя роли исполнялись мастерски. Помню, въ одномъ водевилѣ Живокини вынималъ изъ своего кармана дырявый носовой платокъ и обращаясь къ публикѣ говорилъ: „у меня такихъ съ полдюжины". Въ другомъ водевилѣ участвовали на сценѣ музыканты, которымъ Живокини долженъ былъ раздавать ноты; но нотъ была всего одна тетрадка; Живокини рвалъ тетрадку на клочки, и эти клочки раздавалъ музыкантамъ.

Въ Большомъ театрѣ еще давались маскарады, для чего сцену соединяли съ зрительнымъ заломъ. Въ одномъ изъ этихъ маскарадовъ оказался пьяный господинъ; блюститель порядка—приставъ, увидавши его, строго обратился къ нему со словами: „я велю васъ сейчасъ вывести". Пьяный, и безъ того искавшій тщетно выхода изъ театра, съ радостью воскликнулъ: „сдѣлайте милость, буду вамъ очень благодаренъ".

Въ былое время верхній и нижній Прѣсненскіе пруды соединялись между собою туннелемъ, находившимся подъ Прѣсненскимъ мостомъ. Въ нижнемъ саду былъ выстроенъ театръ, гдѣ Новиковъ содержалъ русскую оперу. У Новикова пѣла Кадмина, впослѣдствіи кончившая жизнь самоубійствомъ. И. С. Тургеневъ, въ своей повѣсти „Клара Миличъ", изобразилъ Кадмину. На открытой сценѣ въ нижнемъ Прѣсненскомъ саду давались разнообразныя представленія и пѣли француженки.

---

*) Въ прежнее время Степановъ, игравшій въ „Горе отъ ума" князя Тугоуховскаго, копировалъ извѣстнаго князя Гагарина, который показывался на всѣхъ московскихъ гуляньяхъ въ коричневомъ фракѣ и со звѣздой. Часто можно было видѣть князя верхомъ, во фракѣ и со звѣздой. Въ „Горе отъ ума" Степановъ сдѣлалъ самъ себѣ парикъ изъ лисьяго мѣха и надѣлъ звѣзду, снятую съ военнаго чепрака: носить на сценѣ настоящую запрещали. Относительно разныхъ театральныхъ запрещеній тогда и на западѣ было не лучше, чѣмъ въ Россіи. Напримѣръ, въ Австріи запрещали Мефистофелю надѣвать красное трико, потому что красные штаны носили австрійскіе генералы. Въ Римѣ, во время папъ, балетныя танцовщицы должны были носить трико зеленаго цвѣта.

**) Никифоровъ былъ мастеръ приготовлять столовую горчицу, которую дарилъ пріятелямъ.

Въ настоящее время восхищаются постановками піесъ московскаго Художественнаго театра. Въ 80-хъ годахъ, т. е. лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Москву пріѣзжала Мейнингенская труппа, отличавшаяся такъ же, какъ и Художественный театръ, отсутствіемъ выдающихся актеровъ и актрисъ, но зато замѣчательная по сценическимъ постановкамъ. Въ послѣднемъ отношеніи мейнингенцы пожалуй даже превзошли Художественный театръ. Напримѣръ, въ драматической трилогіи Шиллера „Лагерь Валленштейна", „Пиколомини" и „Смерть Валленштейна" декораціи, костюмы, мебель, вся обстановка до послѣдняго стакана,—были археологически вѣрны, чего нельзя сказать о Художественномъ театрѣ, гдѣ, напримѣръ, тоже въ драматической трилогіи гр. Ал. Толстого „Смерть Іоанна Грознаго", „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ" и „Борисъ Годуновъ" замѣчались нѣкоторые недочеты: на боярыняхъ сарафаны были сшиты изъ русскихъ матерій конца XVIII и начала XIX в., а на боярахъ одежда, вмѣсто того чтобы быть сдѣлана изъ восточной или западной фасонной бархатной парчи XVI и XVII в.,—была изъ манчестера, аляповато расписаннаго красками; что касается до декорацій, то ихъ иногда ставили слишкомъ близко къ рампѣ, такъ что невольно бросалась въ глаза ихъ грубая техника.

Въ 80-хъ же годахъ въ Солодовниковскомъ пассажѣ былъ театръ, въ которомъ процвѣтала французская оперетка.

Лѣтомъ 1883 года московскую публику весьма привлекали скороходы, бѣгавшіе въ саду „Эрмитажъ" у Лентовскаго. Во время бѣга у одного скорохода лопнули штаны, такъ что было видно голое тѣло. Бѣгали также и женщины; при этомъ изъ толпы слышались громкія замѣчанія: „понатужься, блондинка!" и т. п. Ахенбахъ заставлялъ на бульварахъ мальчишекъ бѣгать въ перегонку за деньги. Въ Нижегородской ярмаркѣ (на мѣстѣ, гдѣ бываютъ скачки) русскій газетчикъ перегналъ скорохода мистера Кинга.

Въ одинъ прекрасный день поѣхалъ я съ К. А. Тарновскимъ по Рязанской желѣзной дорогѣ къ инженеру Николаю Ивановичу Ильину, въ имѣніе Быково, раньше принадлежавшее графу Воронцову-Дашкову. Быково было продано Ильину всего за 125 тысячъ рублей. Въ барскомъ каменномъ домѣ было все оставлено: мебель, бронза, фарфоръ, библіотека и даже фамильные портреты и вина. Передъ обѣдомъ мы вдвоемъ съ Тарновскимъ ходили въ отлично устроенный винный подвалъ, гдѣ выбрали къ обѣду хорошаго рейнвейна. Въ библіотекѣ оказалось собраніе рѣдкихъ англійскихъ каррикатуръ.

Въ 1882 году моя сестра Ольга вышла замужъ за Александра Ивановича Іоста, который управлялъ имѣніями А. А. Фета*), а потомъ имѣніями Боткиныхъ.

---

*) А. А. Фетъ владѣлъ тремя имѣніями: Воробьевкой (Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда), Ольховаткой (той же губерніи и того же уѣзда) и Грайворонкой (Воронежской губерніи, Землянскаго уѣзда). По смерти А. А. и М. П. Фетовъ—Ольховатка и Грайворонка перешли къ ихъ племянницѣ

Однажды навѣстилъ я Фетовъ въ ихъ имѣніи Воробьевкѣ. Они жили въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ; при домѣ былъ прекрасный вѣковой паркъ, въ которомъ протекала рѣчка Тускарь. Въ Воробьевкѣ на открытомъ воздухѣ созрѣвали отличные персики-венусы, а Фетовскій поваръ приготовлялъ вкусную яблочную пастилу. Единственное неудобство было—громадное количество мухъ, какого я нигдѣ не видывалъ: мухи летали цѣлыми роями по комнатамъ и отъ нихъ чернѣли бѣлыя скатерти на столахъ; поэтому во время чая, завтрака или обѣда деревенскіе мальчики стояли у стола и махали большими вѣтками.

Въ Воробьевкѣ встрѣтилъ я философа Владиміра Сергѣевича Соловьева, гостившаго у Фетовъ, и вмѣстѣ съ нимъ вернулся въ Москву. Изъ Воробьевки же А. А. Фетъ прислалъ моей сестрѣ Ольгѣ слѣдующее стихотвореніе:

Спасибо Вамъ, мы вспоминаемъ
Вашъ рѣзвый смѣхъ, съ умомъ живымъ.
Безъ Васъ и май бы не былъ маемъ
И старый паркъ бы былъ инымъ.

И не перила лишь пещрили
Вы разноцвѣтной чередой,
А всю весну для насъ увили
Вы лентой нѣжно-голубой.

Не только мы,—и чай „Колдунья“
Не разъ вздохнетъ подъ сѣдокомъ:
Зачѣмъ на мнѣ не та летунья,
А этотъ неподъемный комъ.

Adieu! счастливо оставаться.—
Іюньскій зной у насъ насталъ,
И хоть и лѣнь за дѣло взяться,
Но Gartenlaube къ Вамъ послалъ.

Въ 1883 году мой отецъ вмѣстѣ съ моей сестрой Ольгой купили у Василія Ивановича Лужина, сына бывшаго московскаго оберъ-полицiймейстера, имѣніе Безсоновку, находящееся въ Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда, въ 7-ми верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи „Веселая Лопань“. Вмѣстѣ съ А. И. Іостомъ ѣздилъ я совершать купчую въ Курскъ. Тамъ мы остановились въ лучшей гостин-

---

Ольгѣ Васильевнѣ Галаховой, а Воробьевка къ племянникамъ Петру Дмитріевичу и Сергѣю Дмитріевичу Боткинымъ.

ницѣ Монтрезора. Какъ бо́льшая часть русскихъ гостинницъ, такъ и эта оказалась довольно грязноватой. Въ Курскѣ на главной площади смотрѣли мы русскаго Блондена, ходившаго по канату, натянутому поперекъ площади на значительной высотѣ.

Въ Безсоновкѣ находились барскій домъ съ садомъ, съ небольшимъ прудомъ, со службами, амбарами и скотнымъ и птичьимъ дворами. Какъ въ Малороссіи—бѣлѣли мазанки сосѣдняго села. Мѣстность вокругъ Безсоновки преимущественно степная, черноземная; кое-гдѣ сохранились еще небольшіе дубовые лѣса. Ближайшее отъ Безсоновки имѣніе принадлежало генералу Озерову. Въ 12-ти верстахъ находилось имѣніе поэта К. К. Случевскаго, а въ 18-ти верстахъ—слобода Борисовка, нѣкогда принадлежавшая фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. Теперь Борисовка принадлежитъ графу С. Д. Шереметеву*). Осенью изъ Борисовки тянулись мимо Безсоновки воза съ яблоками. Барскій домъ въ Безсоновкѣ былъ купленъ у Лужина вмѣстѣ съ мебелью; между прочимъ тамъ находились два большіе масляные портрета: одинъ императора Петра Великаго (копія съ Натье), а другой—Николая I, подаренный самимъ императоромъ оберъ-полицій-мейстеру Лужину. Эти портреты сестра подарила мнѣ. Въ Безсоновкѣ бывалъ я нѣсколько разъ, а также въ Бѣлгородѣ, гдѣ мы съ Александромъ Ивановичемъ останавливались въ грязныхъ номерахъ Шепелева. Въ Бѣлгородѣ сдѣлалъ я съ А. И. Іостомъ визитъ семейству Слатиныхъ, въ которомъ были двѣ взрослыя дочери; одна изъ нихъ, болѣе красивая, вышла потомъ замужъ за москвича Владиміра Владиміровича Коншина. Сдѣлали мы также визитъ предсѣдателю Бѣлгородской земской управы—Говорухѣ-Отроку, очень почтенному старику. Въ Бѣлгородѣ же мы ходили въ клубъ, гдѣ ѣли бекасовъ и пили шампанское. Въ клубѣ я познакомился съ бѣлгородскимъ уѣзднымъ исправникомъ Павломъ Александровичемъ Сивохинымъ и съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами, батареи коихъ стояли въ Бѣлгородѣ.

Въ Безсоновкѣ Іосты жили въ то время только наѣздомъ, бо́льшую же часть года они проводили въ Новотаволжанкѣ (тоже Бѣлгородскаго уѣзда), гдѣ на берегу Сѣвернаго Донца находится свеклосахарный заводъ Боткиныхъ. Не разъ гащивалъ я у Іостовъ и въ Новотаволжанкѣ. Напротивъ Новотаволжанки находилось имѣніе графа Гендрикова—„Напрасное“, съ барскимъ домомъ и громаднымъ паркомъ. Изъ Новотаволжанки ѣздилъ я съ Александромъ Ивановичемъ въ ближайшій городъ Волчанскъ и въ нѣкоторыя имѣнія: въ Шебекино, принадлежавшее генералу Ребиндеру, гдѣ тоже былъ свеклосахарный заводъ и гдѣ имѣніемъ управлялъ извѣстный мѣстный дѣятель Краинскій; въ Графское,—имѣніе одного изъ графовъ Гендриковыхъ, съ барскимъ домомъ, конскимъ заводомъ и вѣковымъ дубо-

*) Во время безпорядковъ 1905—1906 гг. Борисовка была разграблена и вся усадьба сожжена. Погибъ въ огнѣ и домикъ Петра Великаго.

вымъ лѣсомъ; въ Тихій Хуторъ, купленный Д. П. Боткинымъ, съ прекраснымъ барскимъ домомъ на берегу рѣки Волчей и съ великолѣпнымъ видомъ на окрестности*).

Въ сырую погоду ѣздили мы, гдѣ возможно, песками, а гдѣ приходилось ѣхать черноземомъ,—колеса экипажа сильно вязли и ѣхали съ трудомъ. Разъ поздней осенью, когда уже стемнѣло, мы сбились съ дороги; пришлось зажечь фонарь и искать дорогу, которая оказалась перекопанной; въ концѣ концовъ пріѣхали къ какой-то помѣщицѣ, гдѣ были очень радушно приняты.

Ѣздилъ я съ Александромъ Ивановичемъ также на свекловичныя плантаціи и смотрѣлъ, какъ бабы выкапываютъ свеклу. Близъ одной такой плантаціи находился хуторъ, мимо котораго намъ пришлось проѣзжать. Поровнявшись съ домикомъ, вдругъ увидали, къ нашему удивленію, стоявшую на крылечкѣ красивую молодую даму въ изящномъ модномъ нарядѣ; странно было видѣть это, среди свекловичныхъ плантацій; а дѣло оказалось очень просто: на хуторѣ жила мать этой дамы, пріѣхавшей изъ Харькова ее навѣстить.

Въ 1881 году состоялась свадьба моей сестры Надежды, вышедшей за товарища прокурора тульскаго окружного суда Александра Аристіоновича Мясново. Въ этомъ же году братъ Николай ушелъ изъ нашей фирмы и поступилъ директоромъ въ Даниловскую мануфактуру; изъ отцовскаго дома онъ переѣхалъ на квартиру въ домъ Юліи Адальбертовны Воейковой, напротивъ храма Христа Спасителя. Отецъ по утрамъ сталъ навѣщать брата; но такъ какъ онъ приходилъ очень рано, когда братъ еще спалъ, то, чтобы прекратить какъ-нибудь эти ранніе посѣщенія, братъ придумалъ слѣдующее: купилъ дамскую шляпу и повѣсилъ ее въ передней; при видѣ этой шляпы отецъ конечно уходилъ, не тревожа брата.

Въ 1884 году женился мой братъ Сергѣй на Лидіи Григорьевнѣ Кореневой, а въ 1887 году вышла замужъ моя сестра Антонина за Алексѣя Ильича Лагодина. Въ 1889 году вышли замужъ двѣ мои двоюродныя сестры: Елизавета Дмитріевна Боткина—за инженера путей сообщенія Константина Густавовича Дункера, и Надежда Петровна Боткина—за художника Илью Семеновича Остроухова. Въ томъ же году скончались: моя тетка Софья Сергѣевна Боткина, а вскорѣ за ней и ея мужъ Дмитрій Петровичъ; а затѣмъ умеръ въ Ниццѣ дядя Сергѣй Петровичъ Боткинъ**).

Въ 1882 году отецъ купилъ домъ князя Трубецкого въ Большомъ Знаменскомъ переулкѣ, заплативши за него всего 160 тысячъ рублей, причемъ одной земли при домѣ имѣлось болѣе десятины. Въ 1883 году домъ этотъ былъ сданъ

---

*) Александръ Ивановичъ Іостъ, замѣчательный сельскій хозяинъ, между прочимъ развелъ въ Безсоновкѣ, Новотаволжанкѣ и Тихомъ Хуторѣ виноградъ, который отлично созрѣваетъ.

**) Въ 1869 году скончались три мои дяди: Иванъ, Николай и Василій Петровичи Боткины.

внаймы графу Клейнмихелю за шесть тысячъ рублей въ годъ; но графъ въ немъ не жилъ, и домъ простоялъ пустымъ цѣлый годъ. Въ 1884 году домъ нанялъ за ту же цѣну В. Д. Коншинъ; а въ 1885 году 7 апрѣля въ домовой церкви этого дома вѣнчался Владимiръ Владимiровичъ Коншинъ съ Марьей Николаевной Слатиной, съ которой я познакомился еще въ Бѣлгородѣ.

Мнѣ пришлось дважды быть присяжнымъ засѣдателемъ въ московскомъ окружномъ судѣ: въ 1886 и 1888 годахъ. Предсѣдательствовали на засѣданiяхъ суда обыкновенно Рингъ и Рынкевичъ. Рингъ говорилъ плавно и хорошо резюмировалъ дѣла. Былъ онъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей „Салона-де-Варьетэ"; потомъ Рингъ вышелъ въ отставку и сталъ заниматься адвокатурой. Рынкевичъ, суетливый и бойкiй, любилъ обрывать слишкомъ болтливыхъ адвокатовъ. Зимой онъ ходилъ въ лѣтнемъ пальто и спалъ съ открытымъ окномъ.

Въ память ярмарочныхъ обѣдовъ у Никиты Егорова—участники оныхъ стали разъ въ мѣсяцъ собираться обѣдать въ „Славянскомъ Базарѣ", въ отдѣльной залѣ. Главный инициаторъ этихъ обѣдовъ былъ В. С. Перловъ, который заботился, чтобы на нихъ присутствовалъ также женскiй элементъ. Василiй Семеновичъ былъ въ своемъ родѣ Донъ-Жуанъ, но мало разборчивый: красивыя или некрасивыя, молодыя или старыя, актрисы или горничныя—казались ему одинаково хороши.

Однажды вечеромъ В. С. Перловъ затащилъ меня къ моему родственнику Воронину, котораго я совсѣмъ не зналъ. Жилъ Воронинъ у Страстного монастыря, въ домѣ, принадлежавшемъ раньше извѣстному московскому гастроному Рахманову. Войдя въ первую комнату, мы увидали Алексѣя Сергѣевича Мазурина *), дирижировавшаго струннымъ оркестромъ вмѣсто капельмейстера, тутъ же стоявшаго. Въ слѣдующей комнатѣ никого не было; затѣмъ, посрединѣ небольшой комнаты стоялъ круглый столъ и на немъ громадная корзина съ фруктами—и въ этой комнатѣ не было ни души. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ шла азартная игра: на столѣ лежали кучи кредитныхъ билетовъ, самъ Воронинъ держалъ банкъ и было нѣсколько человѣкъ гостей.

По праздникамъ В. С. Перловъ любилъ устраивать у себя въ домѣ, на 1-й Мѣщанской, завтраки, на которыхъ присутствовали статскiе и военные. Послѣ завтрака кто нибудь изъ гостей игралъ на фортепьяно или пѣлъ. Въ особенности отличался недурно игравшiй и пѣвшiй, племянникъ министра иностранныхъ дѣлъ, Гирсъ, о которомъ В. С. Перловъ говорилъ, что „его дядя занимаетъ постъ министра, а онъ занимаетъ деньги", намекая на привычку Гирса просить деньги взаймы. Гирсъ пѣлъ „Подъ душистою вѣткой сирени" и другiе романсы.

У В. С. Перлова было два брата. Иванъ Семеновичъ, владѣлецъ образ-

---

*) А. С. Мазуринъ—извѣстный любитель-фотографъ, превосходно снимающiй.

цовой фермы подъ Москвой, говорилъ лишь о бычкахъ, курахъ, уткахъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Толстопузый Николай Семеновичъ, напоминавшій барскаго кучера, постоянно разсказывалъ армянскіе анекдоты. Иванъ Семеновичъ и Василій Семеновичъ были холостые, а Николай Семеновичъ женатъ на Марьѣ Кузьминишнѣ Усачевой; онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Василіемъ Семеновичемъ, только въ другой половинѣ, и устраивалъ у себя обѣды, на которые любилъ приглашать полиціймейстеровъ, приставовъ и протодьяконовъ. Живя близъ Сухаревой башни, Николай Семеновичъ былъ всегдашнимъ посѣтителемъ тамошняго воскреснаго рынка, гдѣ покупалъ всевозможныя вещи, старыя и новыя.

Дополненія и поправки къ первой и второй частямъ «Воспоминаній».

Въ Бемской школѣ нѣкоторые учителя были охотники. Помню, какъ однажды, во время класса, учитель Пагель увидалъ изъ окна, выходившаго на рекреаціонный дворъ, бѣгущихъ по снѣгу съ десятокъ куропатокъ. Недолго думая, Пагель бросился въ свою комнату за ружьемъ, а затѣмъ на дворъ; между тѣмъ куропатки успѣли перелетѣть черезъ гранитную ограду въ садъ Филиппеуса; за ними перелѣзъ ограду и Пагель; раздался выстрѣлъ, и скоро Пагель вернулся, неся одну убитую куропатку; остальнымъ куропаткамъ удалось убѣжать.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Михайловичъ Бородкинъ былъ такъ любезенъ прислать мнѣ біографію Фальтина, бывшаго учителя музыки и пѣнія въ Бемской школѣ. Привожу здѣсь цѣликомъ эту біографію, взятую М. М. Бородкинымъ изъ „Finlands Universitet 1828—1890“.

„Фридрихъ Ричардъ Фальтинъ родился въ Данцигѣ 5-го января 1835 г. Обучался музыкѣ сначала у директора музыки (musikaldirektören) Ф. В. Маркуля (F. W. Markull), который руководилъ его въ игрѣ на органѣ и рояли, а также въ теоріи и композиціи музыки. Въ 1852 г. сдѣлался ученикомъ знаменитаго композитора ораторій Ф. Шнейдера въ Дессау (Dessau). Былъ ученикомъ музыкальной консерваторіи въ Лейпцигѣ 1843—1856 г. Въ 1856 г. приглашенъ быть учителемъ въ вновь открытой т. н. Бемской школѣ въ Выборгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проявлялъ тамъ свою дѣятельность въ качествѣ учителя музыки, устроителя концертовъ и т. д. Весною 1869 г. оркестровое общество (orkesterbolaget) въ Гельсингфорсѣ назначило его капельмейстеромъ въ Новомъ театрѣ и руководителемъ симфоническихъ концертовъ въ этомъ городѣ. Весною 1870 г. онъ оставилъ обѣ эти должности и вмѣсто нихъ принялъ службу капельмейстера вновь

образованной финской оперы, гдѣ оставался до роспуска ея весною 1879 г. Состоялъ учителемъ музыки при университетѣ съ 24 декабря 1870 г. и органистомъ въ Николаевскомъ лютеранскомъ соборѣ съ 31 мая 1871 г.

28 марта 1882 г. награжденъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

Вмѣстѣ съ любителями музыки въ Гельсингфорсѣ основалъ пѣвческое общество въ 1871 г., съ которымъ онъ въ теченіи 1871—1884 г. ежегодно устраивалъ, до него неслыханные здѣсь, концерты изъ образцовыхъ твореній ораторіи. Онъ былъ однимъ изъ основателей музыкальнаго общества въ 1881 г. и съ тѣхъ поръ штатнымъ преподавателемъ игры на органѣ и оркестровой музыки въ музыкальномъ институтѣ.

Ѣздилъ нѣсколько разъ заграницу для изученія новыхъ успѣховъ музыкальной жизни.

Былъ членомъ финскаго литературнаго общества, финскаго общества древностей, Allgemeine deutsche Musik-Verein и Wagner-Verein.

Сынъ купца Ганса Эдварда Фальтина и Розы Фредерики Голлатцъ (Hollatz).

Съ 1863 г. состоялъ въ бракѣ съ Ольгой Гольстіусъ, дочерью городскаго и лазаретнаго врача въ Выборгѣ, доктора медицины Нильса Рейнгольда Гольстіуса и Іоганны Елисаветы Старкъ.

Изданные труды: Книга церковныхъ пѣсенъ для евангелическо-лютеранскихъ приходовъ въ Финляндіи Р. Лаги, дополненная и доконченная Р. Фальтиномъ. Гельсингфорсъ, 1871 г.—Второе гармонически упрощенное изданіе того же труда вышло въ 1882 г.

Подъ редакціей Фальтина вышла гармоническая часть новой книги церковныхъ пѣсенъ въ Г—форсѣ 1888 г.

Собраніе прелюдій и заключеніе хораловъ въ новой книгѣ церковн. пѣсенъ. I—III. Лейпцигъ, 1889—1890 гг., бо́льшая часть изъ нихъ сочиненія Фальтина.

Сочинилъ „Hilarianska lofsängen“ (Гиларіанская хвалебная пѣснь), въ принятомъ руководствѣ 1886 г.

Пѣсни и аккомпанименты Фальтина помѣщались въ сборникѣ „Det sjungande Finland“ („Поющая Финляндія“), I—III; пѣсни для мужскаго и смѣшаннаго хоровъ, для сборн. „Студенческія пѣсни“, изд. Давида Халя (Hahl).

Обработалъ многочисленныя народныя пѣсни, опубликованныя какъ въ упомянутыхъ сборникахъ пѣсенъ, такъ и въ Uusi Kannel Karjalasta (1882 г.) и въ музыкальномъ листкѣ Säveleita“.

Эдвинъ Ивановичъ Спарро сообщилъ мнѣ, что учитель Бемской школы Рульманъ женился не на Земанъ, а на младшей Кронъ (Адели); что бывшій въ Папулѣ домъ Зеземана принадлежитъ и въ настоящее время, насколько извѣстно Г-ну Спарро,—Джону Зеземану; и что учитель Шрекъ женился на вдовѣ Вольдемара Гакмана.

Служа въ Берлинѣ у Абельсдорфа и Мейера безъ жалованья, я все же получалъ отъ нихъ на новый годъ подарокъ, заключавшійся въ стопочкѣ золотыхъ—марокъ въ триста. Въ Ліонѣ же, у Севена и Барраля—никакихъ подарковъ не получалъ.

О происхожденіи фирмы Р. Д. Варбурга и К°, гдѣ я служилъ, въ 5-мъ томѣ „Еврейской Энциклопедіи", стр. 306, имѣются слѣдующія свѣдѣнія: „Есть преданіе, что семья Варбурговъ первоначально жила въ Болоньѣ, но эмигрировала въ Вестфалію, въ городъ Варбургъ, откуда переселилась въ Альтону близъ Гамбурга. Первымъ представителемъ семьи является Леви-Іосифъ Варбургъ, сынъ котораго, Яковъ-Самуилъ, умеръ въ Альтонѣ въ 1667 году. Отъ него происходятъ двѣ вѣтви: родоначальникъ одной—Самуилъ-Моисей Варбургъ (умеръ въ 1759 г.), извѣстный также подъ именемъ „Frankfurter", другой—Самуилъ-Рубенъ Варбургъ (умеръ въ 1756 г.), внукъ котораго Р. Д. Варбургъ (1778—1847), учредилъ гамбургскую фирму Варбурговъ".

Относительно того, что ѣли и какія цѣны платились во время осады Парижа въ 1871 году,—выписываю изъ письма Carmen Pontiroli къ П. В. Шумахеру слѣдующее:

„Pendant le siège de Paris (1871) les gros rats se vendaient 12 francs pièce, les petites souris 12 et 15 frcs la douzaine, les chiens et les chats 25 frcs, quant aux lapins ont était heureux d'en trouver à 60 et 80 francs. Le beurre, pas frais du out, était au prix de 40 fr. la livre. En fait de légumes j'ai vu payer un petit chou blanc 8 f. 50".

По возвращеніи изъ Ліона въ Москву, я нѣкоторое время переписывался съ М. Штернбауеромъ, Gallay (мой товарищъ у Варбурговъ) и Auguste'омъ Balme'омъ.

Штернбауеръ писалъ мнѣ изъ Ліона отъ 15 января 1879 г. между прочимъ слѣдующее:

„Le pauvre D-r Neyret, qui vous a traité pour vos rhumatismes, est devenu subitement presque aveugle; il parait que c'est un effet alcolique. J'ai vu hier ici M-r Dargaud aîné. M-r Georges Dambmann*) qui se marie demain, ne connait plus l'adresse de Schulz**). La dernière lettre qu'il reçu de lui était de Iokohama, mais depuis M-r Schulz a dû naturellement voyager".

Gallay писалъ мнѣ отъ 31 января 1879 г.: „Vous devez savoir que nous avons f....... à la porte Mac-Mahon. Cela n'était pas trop tôt. Nous voila véritablement en république, récompense méritée de notre sagesse".

Онъ же писалъ отъ 9 іюля 1881 г.: „Votre étonnement sera grand en voyant que je suis devenu fabricant (Gallay сдѣлался фабрикантомъ de noirs perfectionnés). Et bien je ne mets pas encore la main à la pâte, mais si l'affaire que je lance

---

*) Братъ госпожи Камфоръ.

**) Шульцъ изъ Кельна занимался со мной у Пейо.

reussi je quitterai la grande boite R. D. W. Ainsi mon cher et ancien compagnon de chaine, je veux faire tous mes efforts pour me degager de la boite R. D. W. Vous avez du savoir que M-r Friedlander a quitté la maison que M-r Weigert en a pris la direction: c'est d'un bassinant (permettez-moi ce Emile Zolatisme) a devenir feroce ou abruti".

Auguste Balme писалъ мнѣ въ 1878 году, что Desthieux сломалъ себѣ ногу, но что потомъ поправился.

Ресторанъ père Villard'а въ Chasselay, гдѣ такъ хорошо кормили, болѣе не существуетъ. Jossé въ своей книгѣ „Aux environs de Lyon", изданной въ 1892 году, говоритъ: „...... Chasselay n'est guère plus connu du touriste. S'il eut une heure de vogue, c'est auprès des amateurs de bonne chère"......

Вспомнились мнѣ еще двѣ личности, встрѣчавшіяся на улицахъ въ мою бытность въ Ліонѣ: это поэтъ Josèphin Soulary*) и рисовальщикъ на фабрикахъ, прозванный за свой высокій ростъ „Le géant de Neuville".

Пикулины, до переѣзда на Петровку въ домъ Дурново**), жили на Неглинной, въ домѣ, въ которомъ помѣщается теперь магазинъ обуви Шумахера. Мой дядя Николай Петровичъ Боткинъ, очень любившій свою сестру Анну Петровну, всегда останавливался у Пикулиныхъ, когда пріѣзжалъ изъ заграницы въ Москву. Помню, когда мы, дѣти, приходили его навѣщать, то онъ вынималъ изъ бокового кармана сюртука туго набитый деньгами бумажникъ и давалъ каждому изъ насъ по крупному кредитному билету.

На 9-й страницѣ первой части „Воспоминаній" (15 строка сверху) напечатано: „гдѣ главными"... слѣдуетъ читать: „въ которыхъ главными"....

На 13-й страницѣ первой части (15-я строка снизу) напечатано: „Гнѣвникахъ",—слѣдуетъ читать: „Мневникахъ".

На 24-й страницѣ первой части (19-я строка сверху) слѣдуетъ выкинуть фразу: „и только изрѣдка слегка улыбающимся".

На 31-й страницѣ первой части (5-я строка снизу) слѣдуетъ читать такъ: „вслѣдствіе накаленности пола медвѣдю невольно приходилось поднимать переднія лапы"......

На 13-й страницѣ второй части (1-я строка сверху) напечатано: „Léon-Perret",—слѣдуетъ: Léon Perret.

На 28-й страницѣ второй части (8-я строка снизу) напечатано: „Пиринеяхъ",—слѣдуетъ: „Пиренеяхъ".

На 35-й страницѣ второй части (10-я строка сверху) напечатано: „рисованную", слѣдуетъ: „рисованные".

---

*) Авторъ замѣчательныхъ сонетовъ (1815—1891).

**) Домъ Дурново, потомъ Лазарика, затѣмъ Харитова, а нынѣ Обидина; въ этомъ домѣ Павелъ Лукичъ и скончался.

Дополненія къ третьей части

«Воспоминаній».

Прежде чѣмъ получить потомственное почетное гражданство, мой отецъ былъ „портоваго города Ейска 1-й гильдіи купецъ“. Изъ Ейска отецъ доставалъ себѣ свидѣтельство, обыкновенно на три года, въ которомъ было напечатано, что онъ „уволенъ въ разные города и селенія Россійской имперіи для собственныхъ надобностей впредь на . . . . . . то есть . . . . а по прошествіи срока явиться ему обратно; въ противномъ же случаѣ поступлено съ нимъ будетъ по законамъ“.

У меня сохранилось три такихъ свидѣтельства: два, выданныхъ изъ Ейской городской ратуши въ 1854 и 1858 годахъ и одно, выданное изъ Ейской городской думы въ 1861 году.

Н. Х. Кетчеръ, зная, что отецъ былъ ейскимъ купцомъ, часто ему говорилъ: „ну, ты, ейскій!“

26 сентября 1856 года мой отецъ получилъ золотую медаль для ношенія на анненской лентѣ. Въ имѣющейся у меня бумагѣ сказано: „Эйскому 1 гильдіи купцу Ивану большому Васильеву Щукину. По засвидѣтельствованію моему о заслугахъ Вашихъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на пожалованіе Вамъ по случаю священнаго коронованія золотую медаль для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ. О сей Монаршей волѣ увѣдомляю васъ, присовокупляя, что сказанная медаль будетъ доставлена къ Вамъ впослѣдствіи. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ *Графъ Закревскій*“.

Мой отецъ служилъ членомъ въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ и въ 1868 году получилъ „за отлично усердную службу“ въ названномъ судѣ золотую медаль для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ.

По этому случаю у меня имѣется копія съ бумаги московскаго губернатора Фонъ-Визена въ Московскій Коммерческій Судъ слѣдующаго содержанія:

Копія.

М. В. Д.
Московскаго
Губернатора.
17 Декабря 1868 г.
№ 5500.
Москва.

30 Декабря.

Въ Московскій Коммерческій Судъ

Государь Императоръ, по положенію Комитета Г.г. Министровъ, въ 8-й день минувшаго Ноября Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, за отлично усердную службу, Членамъ Коммерческаго Суда Московскимъ 1-й гильдіи купцамъ: Ивану Зологину, Ивану Щукину и Ивану Голубеву

—золотыя медали, для ношенія на шеѣ, на Владимірской лентѣ, а купцу Александру Алексѣеву—серебряную медаль, для ношенія на шеѣ, на Станиславской лентѣ.

О таковой Высочайшей волѣ, сообщенной въ предложеніи Г. Московскаго Генералъ Губернатора, отъ 15-го сего Декабря за № 6461-мъ, имѣю честь увѣдомить Коммерческій Судъ, съ препровожденіемъ трехъ золотыхъ и одной серебряной медалей,—для передачи по принадлежности покорнѣйше прося распорядиться о взысканіи съ пожалованныхъ лицъ и внесеніи въ здѣшнее Губернское Казначейство слѣдующихъ въ пользу увѣчныхъ единовременныхъ денегъ за золотыя медали по сорока пяти рублей съ каждаго и серебряную—семь рублей пятьдесятъ копѣекъ; о послѣдующемъ же меня увѣдомить—о томъ, когда и за какимъ № будетъ выдана платежная квитанція въ пріемѣ денегъ въ казначействѣ. Подлинное подписалъ Московскій Губернаторъ Фонъ Визенъ.

Съ подлиннымъ вѣрно. Секретарь Н. Кур.....

Обѣ отцовскія медали съ лентами у меня сохранились, и, какъ по всему видно, отецъ никогда ихъ не носилъ: ленты совсѣмъ новыя, нигдѣ не потертыя безъ складокъ, и на медаляхъ нѣтъ ни одной царапинки.

Служилъ также отецъ въ Учетномъ Комитетѣ Московской Конторы Государственнаго Банка.

Отецъ былъ однимъ изъ учредителей Московскаго Учетнаго Банка*), Товарищества Ситцевой Мануфактуры Альберта Гюбнера и Трехгорнаго Пивовареннаго Товарищества.

Въ 1856 году отецъ нанималъ у Херодинова половину бель-этажа большого дома, при немъ кухню, людскую, кладовую, погребъ, сарай и конюшню на шесть стойлъ и еще одну комнату, находившуюся внизу флигеля, гдѣ жилъ самъ Херодиновъ,—за 940 рублей въ годъ. Въ 1858 году Херодиновъ сдалъ моему отцу внаймы и нижній этажъ большого дома, за 250 рублей въ годъ, причемъ въ сохранившемся у меня условіи сказано: „въ означенной квартирѣ Щукинъ желаетъ соединить верхъ съ низомъ, то есть сдѣлать изъ нижняго въ верхній этажъ проходъ, то сіе ему дозволяется, но только съ тѣмъ, что бы по выѣздѣ Щукина изъ упомянутой квартиры онъ обязанъ тотъ проходъ безпрекословно опять задѣлать и привести въ то состояніе какъ нынѣ находится“.

Я очень хорошо помню, что изъ бель-этажа въ нижній этажъ была сдѣлана

---

*) Московскій Учетный Банкъ былъ учрежденъ въ 1870 году.

деревянная винтовая лѣстница. Контору, прежде находившуюся рядомъ съ дѣтской, перевели въ нижній этажъ, гдѣ поселился также нашъ бухгалтеръ Дмитрій Петровичъ Матвѣевъ.

Въ бумагахъ отца я нашелъ черновикъ со слѣдующаго прошенія:

Его Сіятельству Г. Московскому Военному Генералъ Губернатору Графу Арсенію Андреевичу Закревскому Ейскаго первой гильдіи

Купца Ивана Васильевича Щукина

Прошеніе

Жена моя Екатерина Петровна Щукина желаетъ ѣхать за границу, въ Германію, Швейцарію и Францію. А потому покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство выдать женѣ моей паспортъ. При семъ имѣю честь представить видъ свой, публикацію и свидѣтельство полиціи о неимѣніи препятствія къ отъѣзду жены моей за границу. Москва Апрѣля дня 1857.

Щукинъ*).

Въ бумагахъ же отца нашлись записи, писанныя рукой матери, о рожденіи моихъ братьевъ, сестеръ и меня:

„1850 года Генваря 3-го родился сынъ Николай въ 1 утра. Умеръ Генваря 11-го 1851 года въ 4 часа пополуночи.

Дочь Александра родилась 13-го Февраля 1851 года въ 1 ночи. Крещена въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ.

Сынъ Николай родился 15 Генваря 1852 года въ 8 часовъ вечера. Крещенъ у Харитонія въ Огородникахъ.

Сынъ Петръ родился 18 Февраля 1853 года въ 12 часовъ утра. Крещенъ у Архидіякона Евпла на Мясницкой.

Сынъ Сергѣй родился 1854 года 27 Іюня въ 1 ночи. Крещенъ въ приходѣ Архидіякона Евпла на Мясницкой.

Сынъ Дмитрій родился 24 Августа 1855 года въ 2 часа ночи. Крещенъ въ приходѣ Архидіякона Евпла на Мясницкой.

Дочь Надежда родилась 1858 года 27 Іюля. Крещена въ приходѣ Архидіякона Евпла.

Дочь Антонина родилась 1862 года 25 Апрѣля. Крещена въ приходѣ Архидіякона Евпла на Мясницкой.

Дочь Ольга родилась 17-го Октября 1863 года. Крещена въ приходѣ Архидіякона Евпла на Мясницкой.

*) Въ 1857 году моя мать ѣздила заграницу вмѣстѣ съ моей теткой Марьей Петровной Боткиной, вышедшей замужъ въ августѣ того же года за А. А. Фета. Свадьба была въ Парижѣ; вѣнчаніе происходило въ русской посольской церкви. У жениха шаферомъ былъ И. С. Тургеневъ, а у невѣсты ея братья: Василій, Николай и Дмитрій.

*) Сынъ Владиміръ родился 5-го Ноября 1867 года. Крещенъ въ приходѣ Успенія на Покровкѣ.

Сынъ Іоаннъ родился 23-го Ноября 1869 года. Крещенъ въ приходѣ Успенія на Покровкѣ".

Моя сестра Антонина послала П. В. Шумахеру яблочную пастилу, а онъ въ отвѣтъ написалъ ей четверостишіе:

Я сталъ бодрѣй смотрѣть въ могилку,
Посолодѣлъ мой кислый духъ:
Послали старцу вы пастилку
Такую мягкую, какъ пухъ.

Анна Ефимовна Гучкова, дочь Ефима Θедоровича, вышла замужъ за Владиміра Петровича Боткина въ 1861 году. Отецъ ея умеръ 29 апрѣля 1859 г., на 55-мъ году своей жизни. Иванъ Θедоровичъ Гучковъ умеръ въ апрѣлѣ 1865 года, на 56-мъ году жизни.

По мысли Ефима Θедоровича Гучкова были основаны въ Москвѣ и Петербургѣ „Магазины русскихъ издѣлій", и Ефимъ Θедоровичъ, какъ основатель, былъ постояннымъ директоромъ ихъ.

Эти свѣдѣнія о Гучковыхъ, какъ и нѣкоторыя изъ предыдущихъ о нихъ, взяты мною изъ рѣдкой брошюры „Очеркъ торговой и общественной дѣятельности Мануфактуръ Совѣтника, Почетнаго Гражданина и Кавалера, бывшаго Московскаго Городскаго Головы Е. Θ. Гучкова", которую былъ такъ любезенъ прислать мнѣ московскій городской голова Николай Ивановичъ Гучковъ.

Пріятели Н. Х. Кетчера, въ день его памяти, 12 октября, ежегодно собирались обѣдать въ Эрмитажѣ. Былъ и я на одномъ изъ этихъ обѣдовъ, получивъ отъ В. К. Вульферта слѣдующее приглашеніе 10 октября 1890 года:

Глубокоуважаемый Петръ Ивановичъ, въ Пятницу, 12 октября, въ день памяти Н. Х. Кетчера, мы, по обычаю, собираемся маленькимъ кружкомъ въ Эрмитажѣ, въ 6 час. обѣдать. Надѣюсь, что Вы не откажетесь быть съ нами и помянуть доброе время и добрыхъ людей за стаканомъ добраго вина.

Вашъ отъ души

10 окт. В. Вульфертъ.

На 27-й страницѣ этой (3-ей) части „Воспоминаній" я говорилъ объ отсутствіи клозетовъ въ Нижегородской ярмаркѣ. Въ этомъ отношеніи и въ Москвѣ, еще не въ далекомъ прошломъ,—было не лучше. Вотъ что пишетъ Николай Петровичъ Вишняковъ въ третьей части (стр. 50) своихъ чрезвычайно интересныхъ „Свѣдѣній о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ (съ 1848—1854 г.)":**)

---

*) Записи о рожденіи Владиміра и Ивана сдѣланы рукой отца.

**) Это изданіе Н. П. Вишнякова напечатано лишь въ количествѣ ста экземпляровъ, не предназначенныхъ для продажи.

„Отхожія мѣста для взрослыхъ мужчинъ были холодныя, со стольчаками, часто въ особыхъ пристройкахъ. Содержались они далеко не въ образцовомъ порядкѣ. Мнѣ передавали трагикомическій случай, что во время торжествъ по случаю свадьбы Ивана Петровича самъ новобрачный чуть не провалился въ отхожемъ мѣстѣ вслѣдствіе того, что подъ нимъ подломилась гнилая половая доска. Первый теплый ватерклозетъ съ промывной водой былъ устроенъ уже въ домѣ моей матери около 1860-го года. Это новшество удостоилось такого общаго вниманія, что его показывать водили гостей. Были, разумѣется, между ними такіе, которые находили это нововведеніе праздной и лишней затѣей“.

Письмо Н. Лѣскова, 1888 года.

21 Іюля 88 г. Четвергъ
Аренсбургъ на Эзелѣ.

Достоуважаемый Петръ Петровичъ! Прошу у Васъ не извиненія, а прощенія за мою лѣность, которой „извинить“ нельзя, а „простить“ можно, ибо прощеніе есть актъ милости, которая безгранична и законовъ не знаетъ. Здѣсь оч. трудно взяться за всякое дѣло, и даже отвѣтное письмо написать—представляется трудомъ. Это *всѣ* чувствуютъ и должно быть это надо отнести къ расслабляющему вліянію теплыхъ грязей. Еще же я не писалъ п. ч. все мнѣ представляется въ столь спутанномъ видѣ, что я прихожу въ отчаяніе и думаю—„пусть разберемъ при личномъ свиданіи“. Въ самомъ дѣлѣ „Котина“ надо *дописать*, но это оч. трудно!... Это не публицистъ или ученая статья,—тутъ надо какое ни есть вдохновеніе, а его нѣтъ... Я помню, что это „нужно написать,“ но *не могу....* „не лѣзетъ“... Подождите пожалуста, до возвращенія. Вставши въ свои оглобли и въ потный хомутъ—авось вывезу. „Соборяне“ набраны хорошо, и бумага хороша. Я согласенъ на изданіе въ этомъ видѣ и прошу Васъ начинать печатать. Но что реку или что возглаголю Неупокоеву объ указателѣ? Мнѣ присланъ 1-й листъ въ сводкѣ и потомъ во второй разъ—одна форма въ гранкахъ, гдѣ опять повторено все то, что есть на 1-мъ листѣ и еще двѣ полосы съ половиною далѣе (до „Незамѣтнаго слѣда“ Новь 1884 г.). Въ письмѣ Вашемъ и въ двухъ записочкахъ Неупокоева читаю, что Быковъ конца не доставляетъ. Пишу редактору „Иллюстраціи“ Александрову, что бы онъ, какъ пріятель Быкова, узналъ: когда онъ дастъ окончаніе указателя? Александровъ отвѣчаетъ телеграммою: „Быковъ *все сдалъ* и въ типографіи *все набрано* и ждутъ только моей подписи“. Но что

же подписывать? Наборъ 1-го (сверстаннаго) листа, или полулиста, конечно, можно печатать, а остальныя за тѣмъ $2^1/_2$ полосы не представляютъ ничего законченнаго.... Что же я подпишу? Я нахожу здѣсь пропускъ въ отдѣленіи „Историч. Вѣстника“ и этотъ пропускъ вписалъ, но не могу указать тома и страницы. Это можетъ сдѣлать корректоръ, но на этомъ указатель кончиться не можетъ. Въ числѣ указанныхъ изданій, гдѣ я писалъ, не показаны совсѣмъ „Новости“ и даже „Новое Время“, гдѣ очень много моихъ работъ. По этому я заключаю, что въ доставленныхъ мнѣ корректурахъ указатель еще не доведенъ до конца и ничего не могу понять,—какъ согласить извѣстія, полученныя отъ Александрова, съ тѣмъ, что пишетъ Неупокоевъ. Что же мнѣ дѣлать? Я думаю остается просить Васъ уяснить: конченъ указатель или нѣтъ? Если Быковымъ дано только то, что мнѣ прислано и что я возвращаю, то это *не* конецъ, и печатать этого нельзя. Если же есть еще что ни будь болѣе этого,—то надо мнѣ это прислать сюда (до 1-го августа). Если же можно ждать, то лучше ждать моего возвращенія, т. к. я выѣду въ П.-б. 7-го августа и 9-го буду дома. Почта же сюда ходитъ оч. не аккуратно и медлительно, т. ч. не стоитъ уже и пересылаться. Вообще съ этимъ указателемъ идетъ какая-то путаница, которой я никакъ не могу понять и все жду разъясненій, а вмѣсто того получаю новыя сбивчивости.

„Путька“ предавался блудной жизни и совсѣмъ было погрязъ въ развратѣ, но возвращенъ къ порядку путемъ страданія отъ эстонскихъ кобоней.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

Письма С. Максимова Д. И. Завалишину, 1861, 1863, 1869 и 1870 гг.

Представьте себѣ всю непріятность моего положенія, Глубокоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ; отправляясь изъ Нижнаго въ торопяхъ я забылъ у пріятеля свою дорожную записную книжку, куда внесенъ былъ (со словъ Вашего родственника—моего стараго знакомаго Барона Розена) адресъ Екатерины Иринарховны. При всемъ душевномъ желаніи я не могъ ее видѣть и исполнить свое завѣтное желаніе и обязательство. По пріѣздѣ въ Петербургъ я нашелъ Ваше письмо и еще больше огорчился тѣмъ, что не видѣлъ почтеннѣйшей сестрицы Вашей, и вотъ только вчера послѣ многихъ исканій и досадныхъ ожиданій успѣлъ получить эту книжку. Въ Москвѣ я пробылъ недолго, не видалъ почти никого, кромѣ своихъ близкихъ благопріятелей и вотъ уже доживаю вторую недѣлю и въ Питерѣ, недѣли, заполнившіяся бродяжествомъ съ утра до вечера

и не принесшія ничего живительнаго и отраднаго. Петербургъ успѣлъ уже набить оскомину и надоѣсть порядочно и въ такой короткой срокъ: городъ неисправимо однообразенъ и вѣренъ той же суетливой, но безполезной дѣятельности. И прежде не питая къ нему особеннаго сочувствія я теперь совершенно разошелся съ нимъ. Здѣсь я словно чужой и какъ будто даже эксцентрикъ. Не знаю, что будетъ дальше, но во всякомъ случаѣ на дняхъ же я бѣгу въ деревню на 30 верстъ и питаясь свѣжимъ воздухомъ и сывороткой подшумокъ стану провѣрять себя и свои наблюденія, чтобы къ будущей веснѣ кончить сибирскія работы, а затѣмъ.... къ Славянамъ, рѣшительно-таки къ Славянамъ. Литературныя работы на той же степени исключительной зависимости отъ чужаго произвола. Въ Морскомъ Сборникѣ Вы встрѣтитесь съ моими статьями объ Амурѣ, изъ которыхъ почти ¼ провалилась между типографскими станками. Самъ Бутковъ сокращалъ ихъ и передѣлывалъ, ибо Министерство настаивало, чтобы они были отпечатаны; я видѣлъ собственноручныя его помѣтки и помарки въ родѣ такихъ: у меня—„хлѣбъ съ червями, подмоченной, промозглой; отъ него поддерживается цынга“, или что-то въ этомъ родѣ; по Буткову: „хлѣбъ дѣйствительно нехорошъ“. Мельницкій настаивалъ, чтобы всѣ выпущенныя мѣста замѣстить точками, но и на это велемудрый Новосильскій не согласился. Отчего—спрашивалъ я—статьи поздно напечатались. „Муравьевъ былъ здѣсь; боялись подвести Васъ подъ непріятность“—отвѣчали мнѣ.—Но кто же уполномочивалъ Васъ заботиться объ моей личности?—Онъ уже еще годъ тому назадъ заявилъ враждебныя къ Вамъ отношенія—отвѣчали мнѣ и въ Редакціи и въ Министерствѣ. Между многими порученіями Карсаковъ имѣлъ и то, чтобы отозвать Васъ изъ Сибири назадъ, не допустивши до Амура. Его не послушались. Пріѣхалъ самъ Муравьевъ, всюду бранилъ, всюду чернилъ Васъ и успѣлъ только въ томъ, что Васъ не послали на Пекинъ, а наказали обратной дорогой черезъ всю Сибирь. Вотъ что узналъ я здѣсь по пріѣздѣ о новыхъ наѣздахъ амурскаго баши-бузука, для котораго нѣтъ ничего завѣтнаго и который не зарѣзалъ меня по тому можетъ быть только, что надѣялся уладить дѣло чрезъ Карсакова мирнымъ путемъ. Этаго мало: когда въ Собраніи статистико-этнографическаго департамента географическаго министерства возникъ вопросъ о присужденіи моему сочиненію золотой константиновской медали Литке на выдачу не согласился и выставилъ причиною то, что я поссорился съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Смѣлые изъ русскихъ отвѣчали ему, что это нейдетъ къ дѣлу и что они не видятъ никакой аналогіи между сѣверомъ С. М. Хрущова и востокомъ Муравьева. Литке оправился и говорилъ, что я пью водку, пью вина, пью пиво. Но и на это мои защитники нашлись въ отвѣтѣ слѣдующаго рода: географическое общество—не учебное, а ученое заведеніе; медали даютъ за успѣхи, а не за поведеніе. Но Литке объявилъ, что онъ просто мнѣ медали дать несогласенъ, и что онъ де на

это вице-президентъ. Такъ и сталось—медали не дали, а меня рѣшились потѣшить тѣмъ, что изъ членовъ-сотрудниковъ переименовали въ дѣйствительные. Но въ первое же засѣданіе я рѣшился во всеуслышаніе общества отказаться отъ этаго почета, полагая трудныя обязанности члена для себя тяжелыми: не платя ничего, будучи членомъ-сотрудникомъ, для меня трудно на каждый годъ найти 15 руб., чтобы удержать себя въ дѣйствительныхъ до перваго генеральскаго и генеральнаго скандала. Относительно своихъ мнѣній объ Амурѣ дѣлаю еще три пробы, пишу три статьи заключительныхъ и если опять не повезетъ ни у Буткова, ни у Новосильскаго, прибѣгну къ помощи двухъ докладныхъ записокъ и пойду дальше. Муравьевъ мнѣ не страшенъ, а скорѣе смѣшенъ: онъ какъ котъ (извините за сравненіе) какъ котъ, который навалитъ кучьку да и начнетъ загребать ее лапками, чтобы не видали ни звѣри, ни люди. Да вѣдь не всегда это и коту удается: прилетитъ воронъ—разроетъ. А золъ Муравьевъ до того—по многимъ разсказамъ, что когда ему насылались изъ Иркутска на меня доносы во множествѣ (въ концѣ прошлой зимы)—онъ послѣ многихъ изъ нихъ слегъ даже въ постель и говорилъ потомъ, что я за деньги купленъ недоброжелательствующимъ ему иркутскимъ купеческимъ обществомъ. Кто были доносчиками отгадать не трудно; но вѣрующихъ нашелъ немного; даже Краевскій въ Спб. Вѣд. недавно сдѣлалъ выписки изъ моихъ статей, посовѣтовалъ ихъ читать и словамъ моимъ вѣрить. Что̀ до меня, то слѣдующія статьи въ изуродованномъ видѣ я пускать не стану, а буду искать другаго пути. Эти были легки и уступчивы потому, что были передовыя, родъ предисловія, главную суть берегу на зиму, когда журналы охотнѣе и больше читаются. Не знаю, что будетъ дальше, но отъ драки съ Муравьевымъ я не прочь; теперь она становится для меня интересна; онъ разсержанъ—я спокоенъ; онъ пустился на сплетню—я противопоставлю ей главную и голую суть! Онъ говоритъ о пьянствѣ: я и самъ разскажу, какъ онъ въ пьяномъ видѣ зарывалъ въ землю на Амурѣ Черкасова и привязывалъ къ отводамъ станціоннаго смотрителя. Пусть же онъ припомнитъ старую избитую русскую истину, что палка о двухъ концахъ: онъ меня однимъ, я его другимъ. Во всякомъ случаѣ скверно только одно и это одно безпокоитъ: у меня нѣтъ тѣхъ дробныхъ и мелкихъ фактовъ, которыми такъ богаты Вы. Но здѣсь Киселевъ *Уссурійскій,* который хлопоталъ у Валуева, получилъ надежду и обѣщаніе быть принятымъ на службу, но вчера получилъ отказъ затѣмъ, что его дурно аттестовалъ Корсаковъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности всѣхъ наѣздовъ Муравьева, скажу также основываясь на общихъ слухахъ, что Муравьевъ во второй пріѣздъ свой былъ принятъ отлично; въ первой пріѣздъ—пріемъ былъ и сухъ и для него оскорбителенъ, но что де теперь кредитъ его падаетъ; министры изъ-подъ-тишка надъ нимъ подсмѣиваются и при всякомъ случаѣ творятъ ему скверну, хотя по

внѣшности отдаютъ почетъ и его рыжимъ усамъ и его казацкой съ бѣлымъ султаномъ шапкѣ. Къ Сентябрю его ждутъ сюда. Подлѣ него остаются его иркутскіе сводники (Спѣшневъ міровымъ посредникомъ во Псковской губ.); слухи о его назначеніи все тѣже: либо де на Кавказъ (Барятинской умираетъ), либо де въ Варшаву. Но обо всемъ этомъ предполагаю писать Вамъ въ свое время подробно. Теперь же я мало съ кѣмъ видѣлся; да и къ тому же время лѣтнее, глухое. До сихъ еще поръ не успѣлъ даже побывать у Великаго Князя въ Стрѣльнѣ, хотя и видѣлъ Краббе, Воеводскаго и иныхъ. На будущей недѣлѣ намѣренъ всѣ свои обязательства окончить и не дожидаясь того времени, ради того, чтобы не затянуть отвѣта на Ваше письмо въ долгіе сроки и наконецъ—въ чаяніи того, что это мое письмо къ Вамъ не послѣднее. Съ Вашего позволенія и Вашей легкой руки я надѣюсь теперь бесѣдовать съ Вами и почаще, и побольше, и подѣльнѣе.

Хотѣлось бы многое и обо многомъ говорить съ Вами и теперь, Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ, но Петербургъ навѣялъ такое скверное состояніе духа, что просто ни на что бы не глядѣлъ. Старая, избитая, опошляющая рутина, разъединенность съ русской жизнью и отрѣшенность отъ русской мысли, безплодное исканіе чего-то тамъ, гдѣ уже давно никто и ничего не находитъ, много фразъ, мало дѣла, а главное удушливая атмосфера, отъ которой таки-положительно бѣгу въ лѣсъ. Тамъ можетъ быть успокоюсь, приведу свои мысли въ порядокъ, чтобы по крайнѣй мѣрѣ для того только, чтобы написать что-нибудь потолковѣе, а въ томъ числѣ и къ Вамъ письмо. Теперь приходится подѣлиться немногимъ. Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ Гр. Путятинъ, которой совѣтовалъ преподаваніе *Россійской* словесности отдать попамъ и котораго—какъ говорятъ—эти же самые попы признаютъ не православнымъ, а католикомъ. Валуева хвалятъ, но можетъ быть потому только, что некого больше хвалить. Въ Литтературѣ много паденій и паденій безвозвратныхъ: Искра не упускаетъ случая скоропалительно налетать на эти явленія и своевременно докладывать объ этомъ публикѣ. Петербургъ въ эти два года даже и наружно не измѣнился; только у городовыхъ сержантовъ вижу новую принадлежность на боку—револьверъ въ чахлахъ. Все остальное обстоитъ благополучно. Цензура деретъ праваго и виноватаго. Всѣ въ какой-то апатіи и если гдѣ жизнь—то опять таки какъ и встарь въ неизглаголанномъ пьянствѣ простаго народа и поголовно всей той молодежи, которая должна бы мыслить, работать, учиться.... и проч., и проч. Болѣнъ ли я раздраженіемъ печени, измученъ ли дорожными треволненіями—сказать не умѣю; но вижу кругомъ и повсюду все такое сумрачное, скверное, безнадежное. Не смѣя утруждать Васъ дальше повѣствованіями въ томъ же тонѣ, я рѣшаюсь заключить на этомъ письмо свое къ Вамъ, Добрѣйшій и Достойнѣйшій Дмитрій Иринарховичъ. Буду искать что-нибудь веселенькое и болѣе для

Васъ пригодное и интересное на слѣдующій разъ, чтобы снова имѣть случай напомнить о себѣ.

Съ чувствами глубокаго къ Вамъ уваженія остаюсь навсегда Вашимъ

Преданнымъ и покорнымъ слугою

С. Максимовъ.

28 Іюня 1861.

Спбургъ.

P. S. О статьяхъ Вашихъ, какъ только устроюсь своими дѣлами, наведу положительныя справки, чтобы писать Вамъ обо всемъ этомъ подробнѣе. Мельницкаго видѣлъ,—но одинъ только разъ. Надѣюсь, что Вы извините меня передъ Екатериной Иринарховной;—во всякомъ случаѣ въ первой же проѣздъ свой чрезъ Москву я поспѣшу заявиться къ ней, съ повинною. Виноватымъ сдѣлался я рѣшительно противъ собственной воли. Адресъ мой: чрезъ книжной магазинъ Печаткина—самой вѣрной. Живу у Владимірской, но не дальше однаго мѣсяца впередъ.

И вотъ безалабарная петербургская жизнь, Многоуважаемой Дмитрій Иринарховичъ! Почти недѣлю выносилъ я Ваше письмо въ карманѣ, сбираясь отправить и чуть не износилъ его во все. Хожденіе изъ угла въ уголъ и по знакомымъ истомило меня въ конецъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Отъ Мельницкаго я узналъ, что Ваши статьи на половину въ редакціи, на половину въ Ученомъ Морскомъ Комитетѣ. Что Вы прикажете съ ними дѣлать? Напишите мнѣ. Печатаніе ихъ запретилъ самъ Государь. Муравьевъ дѣлалъ здѣсь всякую скверну противъ Васъ и меня. Разсказъ о томъ, что будьто бы В. К. ихъ запечаталъ въ особой конвертъ съ невѣжною надписью—несправедливъ окончательно. Чтобы обезпечить печатаніе Вашихъ и своихъ статей я буду просить очной ставки съ Муравьевымъ по пріѣздѣ его въ Сентябрѣ изъ за-границы. Это по моему послѣднее и надежное средство. Но обо всемъ этомъ буду писать въ свое время.

Моя къ Вамъ усерднѣйшая покорная просьба: не пришлете ли Вы видъ Петровскаго завода и другой—видъ Вашего петровскаго каземата работы Николая Александровича? Я бы снялъ съ нихъ копіи, а оригиналы немедленно возвратилъ бы Вамъ. Два рисунка этихъ я бы помѣстилъ въ Иллюстраціи, гдѣ редакторомъ другъ мой Н. С. Курочкинъ (братъ редактора Искры, докторъ). Къ рисункамъ я придѣлалъ бы собственной текстъ. Пора! Да и здѣсь всѣ неистово этимъ заинтересованы. А Вы бы меня по гробъ обязали!

Еще разъ желаю Вамъ всего хорошаго, и остаюсь Вашимъ

преданнымъ и покорнымъ

С. Максимовъ.

4 Іюля 1861.

Я такъ виноватъ передъ Вами, Многоуважаемый, почтеннѣйшій Димитрій Иринарховичъ, что не нахожу словъ къ своему оправданію. Стану искать послѣднее въ Вашемъ снисхожденіи; отъ себя и за себя могу сказать одно только, что столичная жизнь меня рѣшительно убила. Привычный къ лѣсамъ и полямъ, къ частой перемѣнѣ мѣстъ и лицъ я здѣсь, въ городѣ, рѣшительно потерялся. Петербургъ все еще продолжаетъ старую пѣсню: видимо занятый внѣшною, кажущеюся дѣятельностію, онъ все таки бездѣльничаетъ; требуетъ того же и отъ другихъ. Требованіе это такъ обаятельно и сильно, что невольно увлекаешься и подчиняешься его произволу и его скороспѣлой, но дикой модѣ. Вотъ прошли студенческія *мятежи* (какъ называютъ здѣсь протестъ ихъ противъ новыхъ правилъ); вотъ идутъ толки о разныхъ административныхъ реформахъ; пойдутъ разглагольствія ради какого-нибудь новаго измѣненія завтра же, послѣ-завтра и такъ въ безконечность. Изъ всей этой кутерьмы я вынесъ одно только убѣжденіе, что благо человѣку, иже въ дали ходитъ и горе тому, имъ соблазнъ приходитъ. Петербургъ надоѣлъ и опротивѣлъ такъ, что не глядѣлось бы. Сплетня приняла возмутительную форму доноса; доносы эти какіе-то озлобленные. Всѣ дѣлаютъ такъ, того не замѣчая, что роняютъ себя, мараютъ себя въ исторіи и для исторіи. Правда, что въ настоящее время отъ чего-то неловко, чего-то не достаетъ; не достаетъ мнѣ кажется основы, почвы; старая почва ушла изъ-подъ ногъ; новая придвигается, но не придвинулась, ея еще нѣтъ. Оттого тоска, безвыходность. Не знаешь, что думать, что дѣлать. Писать ли наконецъ, или переждать. Вотъ началъ работы надъ тюрьмами; отдѣланъ этапной путь съ его гадостями: Бутковъ обрѣзалъ такъ, что и печатать нельзя. У меня былъ съ нимъ курьозной разговоръ. Онъ мнѣ говорилъ:

—Вы, господа Литтераторы, думаете, что мы этаго ничего не знаемъ, о чемъ вы пишете?

—Позволяю себѣ усумниться—отвѣчалъ я. Надо сноровку, выработанность кое-какихъ новыхъ инстинктовъ, чтобы откопать то, что прячутъ и замазываютъ. Вамъ того не покажутъ, и не скажутъ, что я могу откопать при усиліяхъ, не обращая вниманія на предубѣжденія, недовѣрія, подозрѣнія. Я привыкъ къ нимъ; я знаю, что безъ нихъ не обойтись и тому, кто будетъ послѣ меня у этаго дѣла.

—Въ Литтературѣ замѣтна озлобленность: вы все разрушаете, не даете средствъ исправленія....

—Литтературу къ этому дѣлу не призывали, а напротивъ отстраняли; но и дѣло исправленія, не ея дѣло; на это существуютъ административныя власти.

—Лучше придите ко мнѣ и вечеркомъ поговоримъ.

—Я признаю единственный путь; я знаю одну дорогу привычную мнѣ и

доступную; дорога эта идетъ мимо задняго крыльца и прямо на улицу. Это—дорога печатной гласности.

—Вы на меня не сердитесь!...

—Сердятся дѣти, у которыхъ разбиваютъ игрушки. Я смотрю на свои работы о тюрьмахъ не какъ на карточной домикъ, на который можетъ всякій желающій дунуть и легко разрушить. Кладя въ основу труда искренную и неподкупную любовь къ отчизнѣ,—я восемь лѣтъ убѣждалъ себя и другихъ, что только дѣломъ, а не фразой можно служить общественному благу и приносить государственную пользу.

Не добившись однако ничего, я рѣшился на другой путь и онъ оказался надежнѣе и вѣрнѣе. Рукопись о тюрьмахъ и ссыльныхъ у меня пріобрѣтаетъ Морское Министерство и даетъ ей ходъ. Теперь могу работать не стѣсняясь формой и въ выраженіяхъ. Неоправдываемыя, тяжелыя подозрѣнія я отклонилъ—теперь можно отстоять и себя и жажду труда и желаніе идти прямо къ цѣли. Теперь знакомлюсь съ состояніемъ европейскихъ тюрьмъ и мѣстъ ссылки. Читаю много и перечиталъ уже пропасть. Къ собраннымъ накопляются матеріалы новые изъ Россіи. Бросился въ старину допетровскую—и тамъ нахожу многое интересное, а главнымъ образомъ многое объясняющее настоящій порядокъ дѣлъ и вещей. Не присоедините ли и Вы, Многоуважаемый, добрѣйшій Дмитрій Иринарховичъ, изъ Вашихъ громадныхъ знаній хоть что-нибудь, хоть то напр. что вы говорили мнѣ о Вашей тюремной общинѣ съ ея поучительными фазисами. Теперь сказать будетъ можно. Лучшаго случая не дождешься. Надо поспѣшить. Въ Редакціи Современника съ любезнаго позволенія Вашего, взялъ все, что Вы обязательно поручили взять. Тамъ Ваше желаніе мало поняли. Муравьевъ и Карсаковъ таскались всюду, лазили во всякую дыру и дѣлали свое дѣло. Меня напр. Карсаковъ ругалъ площадными ругательствами такъ, что нѣкоторые принуждены были обрывать его неприличіе. Однако какія они дѣти, и притомъ глупыя, но злыя дѣти. Въ статьяхъ моихъ мараютъ очень многое, но журналы не говорятъ объ этомъ, потому что интересъ Амура ушелъ далеко на задній планъ; прошла на него мода, какъ прошла мода на пейзанъ и началась на университеты. Завтра будетъ новая: смѣю ручаться за это. И все это, при систематическомъ распредѣленіи моихъ собственныхъ работъ, мнѣ такъ надоѣло, что я почти никуда не хожу; новыхъ знакомствъ не завожу; старыя поддерживаю только по привычкѣ; и все думаю: что бы сдѣлали Вы, Дмитрій Иринарховичъ, Вы—глубоко-убѣжденный, высоко-практическій, что бы сказали Вы о настоящемъ Питера, зная его давно? Вѣдь и Васъ бы онъ измучилъ. Но дорого бы далъ, чтобы имѣть возможность показать Вамъ лично все то, о чемъ говорю въ общихъ выраженіяхъ, въ сухомъ письмѣ. Что Ваше дѣло? Что Ваши планы? Господи! будетъ ли конецъ Вашимъ мученіямъ и предѣлъ неопредѣленности Вашего на-

стоящаго положенія. Позвольте быть съ Вами откровеннымъ: въ Литтературномъ Фондѣ нѣтъ денегъ; безчестно бы ему давать въ пособіе малое тѣмъ, кто сдѣлалъ многое. Такъ они и понимаютъ и выжидаютъ времени. Жду я и его съ тѣмъ нетерпѣніемъ, на которое побуждаютъ меня Ваши отношенія ко мнѣ, на которое обязали меня Ваши ласки и вниманіе. Я никогда это не забуду и битыхъ три мѣсяца старался изыскать поводъ быть хотя малою частицею полезнымъ Вамъ. Но стипендіи студентамъ истощили запасной капиталъ. Вы простите меня за это во имя того расположенія, которымъ я имѣлъ честь отъ Васъ пользоваться и во имя той преданности, съ которою я остаюсь къ Вамъ навсегда. И многое, многое хотѣлъ бы сказать Вамъ, но предѣлы письма мѣшаютъ и затрудняютъ. Мардарій Васильевичъ писалъ мнѣ и порадовалъ меня. Но вотъ что худо: старикъ скупъ сталъ, сердитъ, нетерпѣливъ. Такъ по крайнѣй мѣрѣ сказываетъ одинъ изъ моихъ пріятелей, прогостившій у него въ деревнѣ три мѣсяца. За него старикъ отдаетъ свою дочь и все капризничаетъ. Васъ онъ по старому любитъ, часто вспоминаетъ и много говоритъ объ Васъ.

Отправляя это письмо свое къ Вамъ, я задумываюсь объ одномъ: мнѣ все почему-то кажется, что Вы въ Читѣ не прочны и скоро выѣдете къ намъ, на Русь. Я долго ждалъ письма Вашего съ этимъ извѣстіемъ. Предчуствіе ли это, или просто капризъ воображенія?? Во всякомъ случаѣ недѣли черезъ двѣ думаю отправить къ Вамъ посылку съ посильнымъ подаркомъ: отдѣльными изданіями и оттисками работъ моихъ объ Амурѣ, думаю напечатать въ Сборникѣ еще три статьи. Доходитъ ли онъ до Васъ? Статью мою о заселеніяхъ Амура крестьянами цѣликомъ перепечатали Москов. Вѣд., но безъ моего позволенія. О заселеніи Амура казаками я берегу для финала: такъ будетъ лучше; къ пріѣзду Муравьева, который—говорятъ—таскается теперь въ Пиринеяхъ, одѣтый пастушкомъ. Приспѣшниковъ его не видалъ ни разу. Всѣ Сибиряки, которые во множествѣ пріѣзжаютъ изъ Иркутска, навѣщаютъ меня. Вотъ и теперь живутъ здѣсь Поповъ и Перемыкинъ. Послѣдній съ мѣсяцъ назадъ звалъ меня къ себѣ, но до сихъ поръ не соберусь къ нему, да—и не хочется. Съ Муравьевымъ постараюсь увидѣться и сказать ему о всемъ безобразіи его поступковъ, и развращенности его сплетни и его приспѣшниковъ. Мнѣ съ нимъ не дѣтей крестить. Обо всемъ этомъ и другомъ прочемъ надѣюсь говорить съ Вами послѣ. Если бы не въ Восточную Сибирь былъ Вашъ адресъ, я бы былъ еще откровеннѣе и подробнѣе. Но боюсь Шпекиныхъ. Вѣсти оттуда такія все скандальныя, гадкія; словно всѣ они бѣлены объѣлись; мордобитіе, да мордобитіе только и слышишь. Слушать не хочется, а не можешь. Я собираюсь тиснуть все это въ общей картинѣ и разумѣется въ Искрѣ. Инаго мѣста эти господа не заслуживаютъ. Типы баши-бузуковъ такіе соблазнительные и такіе законченные! Попытаюсь!...

Будьте же здоровы и покойны духомъ; будьте устойчивы и неизмѣнны въ

своихъ начинаніяхъ и да покровительствуетъ судьба всяческому Вашему дѣлу. Вотъ все, что хочется пожелать

душевно-преданному
и глубоко-уважающему Васъ

21 Декабря 1861. С. Максимову.
Спб.

Адресъ мой: У Владимірской, въ Кузнечномъ переулкѣ, д. Тимофеева.

Многое множество досадныхъ причинъ накопилось разомъ во все это время и въ такомъ обиліи, что я былъ лишенъ всяческой возможности побесѣдовать съ Вами, Почтеннѣйшій, Многоуважаемый и дорогой Дмитрій Иринарховичъ. Я не успѣлъ отвѣчать на два любезнѣйшихъ письма Ваши; письма эти легли тяжелымъ камнемъ на сердце, преданное Вамъ и любящее Васъ горячо и искренно. Чѣмъ искуплю свою вину, многогрѣшный? Извиненій всегда найти можно много; но я увѣренъ, что между причинами Вы не станене искать такихъ, которыя могли бы бросить тѣнь на наши отношенія. Шли эти отношенія изъ чистаго источника, ихъ не поколебалъ Иркутскъ, всегда и всюду мутящій воду: стало быть только на взаимной вѣрѣ я могу основывать ихъ и въ ней искать защиты и на нее опираться въ моихъ дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ Вами. Простите меня великодушно! Я всю зиму провозился съ работою надъ тюрьмами и едва осилилъ ее къ началу настоящаго іюля; работа эта заставила меня сократить знакомства, никуда не ходить, засадился дома, а кабинетъ отучилъ меня отъ всего, чѣмъ лихорадочно-дико живетъ общественная жизнь. Только крупныя явленія доходили до меня по слухамъ и, сдѣлавшись теперь историческими, не занимаютъ больше. На ихъ очередь вышли другія требованія: и устойчивое упорное преслѣдованіе завѣтныхъ идей изученія Россіи чрезъ посредство путешествій—я поставилъ главною цѣлію жизни и стараюсь опереться на это дѣло твердою ногою. Ничто уже меня больше не занимаетъ; малое трогаетъ; и путь и явленія эти я считаю добрымъ знакомъ: стало быть я освоился съ своимъ дѣломъ, и вѣрю ему, и надѣюсь на него. Разныя смуты прошли, меня мало коснувшись; дѣлу ихъ среди облюбленныхъ занятій, я могъ давать вниманія почти на столько, сколько позволяло время, а должнаго времени такъ было мало, что я даже и переписку велъ вяло, неохотно. Къ тому же столичная жизнь умѣла только нравственно обезсилить меня, и физически изнурить до необходимости ѣхать на кавказскія минеральныя воды. Я не понимаю Петербурга, дурно-образованнаго, скверно-знающаго Россію, но при этомъ хвастливаго, нахальнаго до провидѣнія въ дальную даль и не люблю его до того, что если бы представилась возможность жить подальше,— я бы съ озлобленіемъ ухватился за эту мысль. Метаться изъ угла въ уголъ и суету эту принимать за жизнь я не въ силахъ; а безплодно изнывать въ при-

зракахъ и надеждахъ—пора отошла; да и дѣло мое совсѣмъ другое, діаметрально-противоположное. Стану хлопотать и работать въ народѣ пока не трещатъ еще кости (а ужъ геморрой надоѣлъ здѣсь въ одинъ годъ): и вотъ ѣду на дняхъ по порученію Министерства Просвѣщенія собрать данныя для будущаго устава о сельскихъ школахъ; узнать пути, какими шла въ народъ грамотность, кто руководитъ ею и на чемъ она остановилась, что ждетъ ее въ будущемъ и отъ чего зависитъ послѣднее. Узнавать придется все это до мельчайшихъ подробностей начиная съ характеристикъ сельскихъ учителей (дѣвицъ-раскольницъ, солдатъ отставныхъ, писарей) и оканчивая хранилищемъ народной литтературы—Московскими книжными лавками Ильинскаго ряда и офенями-разнощиками которые издавна „маклачатъ просвѣщеніемъ", т. е. разносятъ Московской книжной хламъ. Для приблизительныхъ соображеній беру подмосковныя и приволжскія губерніи и раскольничьи центры на Уралѣ, въ Закавказьи, въ Таврической губ. и по другимъ мѣстамъ. На перепутьи—въ Пятигорскѣ думаю позаботиться о собственномъ тѣлѣ, достаточно обколоченномъ и развинтившемся отъ Сибирскихъ поѣздокъ. Тамъ же приведу матеріалы въ порядокъ и—опять за работу, по порученію Морскаго Министерства,—за описаніе прибрежья Каспійскаго моря. Предполагаю объѣхать его кругомъ, даже и тѣми мѣстами, которыя принадлежатъ Персіи. Съ Каспія переѣду на берега Чернаго моря; оттуда въ Малороссію и черезъ два года буду счастливъ тою мыслію, что объѣхалъ всю Россію. Тогда запрусь въ кабинетѣ и поведу усидчивыя настоящія работы, хвостъ которыхъ теряется пока въ неизвѣстности и въ безпредѣльности. Для болѣе прочной постановки на мѣстѣ сердце мое отыскало, выбрало и облюбило друга, на которомъ я сосредоточиваю всѣ свои надежды и вѣрованія. Поздравьте меня: я въ настоящее время женихъ, и чрезъ недѣлю буду мужемъ. Съ женою ѣду и въ дорогу. Числа 25 іюля меня уже здѣсь не будетъ и если надумаетесь отвѣтомъ ко мнѣ, добрѣйшій и Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ, то адресуйте его съ надписью „до востребованія" въ Пятигорскъ или Тифлисъ. Съ Петербургомъ я готовъ растаться на всегда, и во всякомъ случаѣ оставляю его надолго. Послѣднее письмо Ваше застало меня въ самую горячую минуту моего сватовства: и вотъ одна изъ причинъ почему я не отвѣчалъ Вамъ вскорѣ. И теперь пишу на рысяхъ урывкой, и оттого безсвязно, неопредѣленно. Не ждите отъ меня вѣстей, которыя составляютъ для Васъ интересъ. Новости и слухи столичные превратились въ тупыя, бездарныя сплетни; а до сплетенъ Вы не охотникъ, и сплетни надоѣли Вамъ въ Восточной Сибири. Скоро ли то Вы изживете и изженете это тяжелое бремя Ваше: кончите житье въ тѣхъ странахъ, гдѣ такъ упорно преслѣдуютъ Васъ всяческія несчастія; гдѣ жизнь Ваша не радость, и гдѣ вовсе не Ваше мѣсто? Я сперва ласкалъ себя надеждой свиданія съ Вами; теперь утерялъ эту надежду и боюсь не найти. Болитъ объ Васъ мое сердце; и—простите моему простосер-

дечію!—мнѣ жаль Васъ! Утѣшаюсь только тѣмъ, что въ Васъ много силы, твердый духъ и геройскія честныя убѣжденія, за которыя я готовъ отдать всю Сибирь, еслибы было то въ моихъ силахъ. Не поскучайте этими откровенными строками человѣка, душевно Вамъ преданнаго: нѣсть лести въ языцѣ моемъ!.... Дмитрій Иринарховичъ! Отъ Васъ зависитъ многое: потолцытесь въ дверь, она не такъ прочно притворена. Товарищи Ваши всѣ здѣсь. Что Вамъ въ Читѣ?! Одна привычка. Средства найдутся: Васъ такъ всѣ любятъ и въ Иркутскѣ найдется много и многіе, которые постоятъ за Васъ, отстоятъ Васъ. Скажите имъ! Вѣдь и врачъ не всегда только по наблюденіямъ приступаетъ къ леченію болѣзнію; онъ также распрашиваетъ больнаго и по крику его чуетъ больное мѣсто лучше чѣмъ по всѣмъ другимъ, иногда обманчивымъ признакамъ. А Сибиряки—русскіе люди: неподвижны, недогадливы, но въ то же время добрые, сердечные люди. Расшевелить ихъ надо. Здѣсь въ Петербургѣ крайнее безденежье; случайныя, безтолковыя выдачи обезсилили Литературной Фондъ, и онъ въ такой сухоткѣ, что къ нему приступалъ я два раза и не добился порядочнаго толку. Весь отвѣтъ „мало денегъ“ и „малыя выдачи мы производить такимъ лицамъ не можемъ; намъ совѣстно“. Вотъ все, что невольно сорвалось съ языка и чѣмъ на этотъ разъ хотѣлось бы заключить эту бесѣду мою съ Вами, безподобнѣйшій Дмитрій Иринарховичъ! Не забывайте меня Вашими письмами и будьте увѣрены въ искренности чувствъ душевно преданнаго Вамъ

С. Максимова.

15 іюля 1862.
С. Петербургъ.

1 Ноября 1862. Баку.

Бей, но прежде выслушай! говорилъ Діогенъ Антисфену; скажу тоже самое и я на письмо Ваше, Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ. Письмо это, полученное мною сейчасъ изъ Петербурга, здѣсь, въ Баку, меня безпредѣльно огорчило и обидѣло. За что столько укоровъ, столько сердитыхъ словъ и сердитыхъ догадокъ? Легко дѣлать укоры, основываясь на однихъ догадкахъ, которыя Богъ вѣсть почему на этотъ разъ сложились для меня враждебно, но трудно переносить упреки и подозрѣнія Ваши, на этотъ разъ несправедливыя, а потому и обидныя. За что Вы отняли у меня право оправданія? Памятуя Ваше прежнее довѣріе и прямоту Вашихъ ко мнѣ и моихъ къ Вамъ отношеній, я надѣюсь, что Вы меня выслушаете теперь, если не хотѣли выждать моего отвѣта еще нѣсколько дней. Именно здѣсь, въ Баку, я рѣшился и могу имѣть время перемолвиться съ тѣми, передъ которыми состою въ обязательствахъ бесѣды. До настоящаго времени я рѣшительно не имѣлъ времени, и въ Петербургѣ всего меньше. Послѣднія четыре мѣсяца моего пребыванія тамъ были самыми трудными и тяже-

лыми во все время моей жизни. Я рѣшалъ очень важный для меня жизненный вопросъ—вопросъ о женитьбѣ; и сдѣлавшись теперь мужемъ, я съ трудомъ забываю о тѣхъ невзгодахъ и непріятностяхъ, которыя предшествовали моей свадьбѣ и о тѣхъ трудностяхъ, которыя стояли мнѣ на пути и съ которыми я долженъ былъ бороться въ теченіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцовъ. Богъ вѣсть, какъ трудно мнѣ досталась жена и сколько физическихъ и нравственныхъ силъ потрачено было на все это дѣло, поглотившее въ себя всѣ мои помыслы, все мое досужее время. Я забылъ обо всемъ и кажется имѣлъ на это нѣкоторое право. Вотъ когда нашло меня Ваше послѣднее письмо, но забывши обо всѣхъ и обо всемъ, я не забылъ объ Васъ. Я тотчасъ же поспѣшилъ отвѣчать Вамъ и 15 Іюля написалъ къ Вамъ письмо (какъ доказательство моихъ словъ, я отправляю къ Вамъ вмѣстѣ съ этимъ и то письмо, несвязное, торопливое, мало удовлетворившее меня). Подошло время свадьбы; хлопоты объ ней держали меня все время внѣ дома. Потомъ я былъ въ дорогѣ и не одинъ. На дняхъ отыскалъ (приводя бумаги въ порядокъ) письмо это, собирался отвѣчать новымъ и вотъ противъ воли накопилъ на себя грозу, услышалъ недоброе себѣ слово отъ того, къ кому я привыкъ питать полное и глубокое уваженіе, полную и незыблемую вѣру. За что же подозрѣніе и зловѣщій тонъ? Выслушайте меня! Кромѣ горечи и тоскливыхъ сѣтованій я не могъ Вамъ нести ничего изъ Петербурга (такъ скверно сложились тамъ мои помыслы), кромѣ неопредѣленныхъ и скверныхъ вѣстей я не могъ сказать Вамъ ничего о себѣ а объ Васъ и подавно. Я долго хлопоталъ о деньгахъ въ Литературномъ фондѣ для Васъ черезъ Анненкова и не имѣлъ успѣха. Пробовалъ собирать Ваши статьи и получая темныя петербургскія обѣщанія, не получилъ ни одной. Одни жаловались на неисправность собственныхъ конторъ, другіе обѣщались прислать на дняхъ и въ томъ числѣ Современникъ! Статьи Ваши хранились у Чернышевскаго, я просилъ Пыпина достать ихъ (съ Чернышевскимъ я незнакомъ и не видался). Пыпинъ обѣщался прислать мнѣ ихъ, а самъ уѣхалъ за границу. Статей Вашихъ у меня нѣтъ ни одной. Самое легкое—повидимому—дѣло, у петербургскихъ дѣятелей становится и запутаннымъ и труднымъ. Я еще вѣрилъ въ нихъ прежде (вѣра эта ввела меня въ невольной обманъ передъ Вами, заставила написать Вамъ утвердительно о полученіи статей изъ Современника). Теперь я заботливо ищу дѣятельности внѣ Петербурга, съ которымъ привелось раздружиться во многомъ. Имѣя въ виду оставить Петербургъ, да и прежде не пуская въ немъ глубокихъ корней, на этотъ разъ мнѣ привелось разорвать многія связи; я старался не закрѣплять узловъ, не оставлять прилипчивыхъ путъ. Мнѣ нужно было во что бы то ни стало покончить всѣ дѣла съ Петербургомъ безъ слѣда, чтобы гдѣ нибудь вдалекѣ отъ него обдумать и привести въ порядокъ все то, что скопилъ во время долгихъ и многихъ путешествій. Въ Петербургѣ я работать не могъ. Тамъ я не успѣлъ кончить своихъ сказаній объ Амурѣ и объ

Сибири. Объ Амурѣ я пріостановилъ свои работы, наткнувшись на болѣе любопытный и крѣпче соблазнившій меня предметъ тюремъ. Я его поспѣшилъ отдѣлывать и дать ходъ. На сколько позволили мнѣ силы и умѣнье я распланировалъ сочиненіе и 3/4 его успѣлъ съ трудомъ кончить и сдать въ Министерство для печати и практическихъ соображеній (послѣднюю 1/4 работъ я кончаю здѣсь, въ Баку). Кончая эти работы,—принимаюсь за систематическую отдѣлку всѣхъ собранныхъ мною свѣденій объ Амурѣ (старый планъ мнѣ не нравится также, какъ и тому „множеству разнаго званія людей, выѣхавшихъ изъ разныхъ частей Амура“). Описаніе мною видѣннаго на Амурѣ,—частію я напечатаю въ Сборникѣ,—и все въ отдѣльномъ изданіи. Никакихъ уступокъ и никому я не дѣлалъ, но твердо зналъ, что интересъ Амура, при Вашихъ наблюденіяхъ, постоянныхъ и сосредоточенныхъ, не утратитъ своей силы, если я, заинтересовавшись другимъ, болѣе для меня соблазнительнымъ и интереснымъ предметомъ, на время пріостановлю свои работы. Я нимало не самонадѣянъ и немного лѣнивъ: это несчастіе моей натуры и жизни. Къ тому же и житейскія обстоятельства сложились такъ, что рѣдко я могу дѣлать то, что требуютъ другіе, и что хочется другимъ. И въ этомъ впрочемъ не вижу особеннаго для себя несчастія. Дѣлаю все, что могу и въ спокойствіи совѣсти ищу и нахожу матеріалы для нравственнаго довольства. Не пользовавшись отъ министерства Морскаго никакими изъявленіями благодарности, и не прося и не получая ничего, кромѣ содержанія въ пути, я беру отъ нихъ новыя порученія для новыхъ работъ и не въ награду. Поѣздка на Каспій предложена была послѣ сдачи мною работъ надъ тюрьмами и можетъ быть за эти работы: я не знаю и знать не имѣю желанія. Поѣхалъ я сюда, зная, что задача Министерства не слишкомъ трудна и Каспійское море дастъ мнѣ въ году два-три свободныхъ мѣсяца, когда я могу кончить въ уединеніи и на свободѣ все, что не успѣлъ и не могъ написать въ Петербургѣ. Для этихъ-то двухъ-трехъ мѣсяцовъ я и пробрался въ эту даль, и эти-то три мѣсяца я имѣю намѣреніе посвятить на окончательную отдѣлку всего, что не дописано. Не въ оправданіе себя, а ради объясненія тѣхъ неправильныхъ выводовъ, которые сдѣлали Вы съ чужихъ и какихъ-ко злыхъ словъ,—пишу эти строки, хотя и тяжело для меня вести ихъ въ непривычномъ для меня тонѣ. Если я вызвалъ Васъ на сухое письмо, то—повѣрьте совѣсти—безъ умысла. Отъ Сестрицы Вашей я получилъ одно письмо и въ то же суетливое для меня время,—не отвѣчалъ тотчасъ, не имѣя опредѣленныхъ данныхъ по поводу статей Вашихъ и не отвѣчалъ потомъ, оттого что не имѣлъ никакихъ. Между тѣмъ дошли до меня слухи, что она будьто бы уѣхала къ Вамъ въ Читу. Еслибы я ѣхалъ черезъ Москву—я священнымъ долгомъ поставилъ бы для себя отыскать ее; и зная теперь, что она въ Москвѣ—я это и поспѣшу исполнить. Благоговѣя передъ Вашею аккуратностью и изумляясь ей всегда въ другихъ,—самъ я могу только досадовать на свое неумѣнье быть

таковымъ же. Вотъ вся моя вина, и еще можетъ быть въ томъ, что не могу поспѣть своевременно вести мои многочисленныя корреспонденціи. Ихъ у меня много во всѣхъ краяхъ Россіи; но изо всѣхъ ихъ, бесѣда съ Вами для меня была самымъ пріятнымъ долгомъ, самымъ лестнымъ обязательствомъ. Я не на столько малодушенъ, чтобы поддаваться на чужія рѣчи и не на столько извѣрился въ людей, чтобы въ такихъ людяхъ, какъ Вы, видѣть то, что велятъ, а не то, что я самъ вижу. Этимъ Вы меня всего больше огорчили. Да послужитъ мое неотправленное (и приложенное при этомъ) письмо нѣкоторымъ доказательствомъ моихъ словъ. Сегодня же пишу къ Пыпину, напоминая ему мою давную просьбу о высылкѣ тѣхъ статей Вашихъ, которыя хранились въ редакціи Современника. Надѣюсь, что на этотъ разъ исканія мои можетъ быть увѣнчаются успѣхомъ. Успѣхъ этотъ—я увѣренъ—устранитъ и этотъ второй и послѣдній поводъ къ тому неудовольствію, которое я противъ воли возбудилъ въ Васъ. Не имѣлъ я ни малѣйшаго желанія, такъ круто и безъ причины, прерывать переписку и прекращать сношенія на томъ только основаніи, что мнѣ не хочется, что мнѣ не велятъ. Не адресовалъ я Ник. Вас. съ письмомъ къ Вамъ потому что онъ ѣхалъ въ Нерчинскъ, и вчера просилъ объ этомъ, а на другой день забѣжалъ на коротенькое время. Неужели это можетъ послужить въ обвиненіе?! И неужели я виноватъ въ неаккуратности тѣхъ редакторовъ, которыхъ Вамъ указывалъ, и изъ которыхъ одинъ (Дружининъ, ex-редакторъ) умираетъ въ своей деревнѣ, а другой (Писемскій) за границей. Я въ послѣднее время мало съ ними видался; мало имѣлъ къ нимъ литературныхъ отношеній; вообще мало писалъ и печаталъ и опять-таки оттого, повторю Вамъ,—прошлый годъ былъ для меня самымъ труднымъ и по новости моихъ житейскихъ отношеній, и потому, что онъ былъ самымъ труднымъ для всѣхъ, кто жилъ въ Петербургѣ и мимо которыхъ, подъ носомъ, падало столько жертвъ, творились такія мудреныя и сердитыя дѣла. Тутъ и на своихъ дѣлахъ чужимъ станешь и рукъ не приложишь. Вы это знаете лучше насъ всѣхъ и дай Богъ всѣмъ сохранить то присутствіе духа, какимъ особенно богаты именно Вы, и ту твердость, которой слѣдуетъ у Васъ поучиться. Я увѣренъ, что при нѣкоторой возможности говорить Вамъ снова, Вы скажете многое; къ чему охотнѣе и свободнѣе можно будетъ и мнѣ присоединить не столь вѣское, не столь разумно-практическое слово, какъ Ваше, но увѣренъ посильно-честное и смѣлое слово. Мнѣ не пустили одну статью въ Сборникъ и я все-таки настоялъ на томъ, что она была напечатана въ Русскомъ словѣ. Первую статью о тюрьмахъ мнѣ изломалъ Бутковъ и далъ слово марать остальныя, и я все-таки выхлопоталъ позволеніе печатать и они печатаются. Не вѣрьте слухамъ, скоро я подтвержу слова свои фактами, т. е. вышлю къ Вамъ печатное сочиненіе свое: „Ссыльные и тюрьмы“ и поведу рядъ разсказовъ объ Амурѣ. А на путешествіе по Россіи у меня было много поводовъ, о которыхъ, если позволите,—напишу

въ другое время, и опять-таки докажу печатными, гласными фактами. И если эти строки съумѣютъ въ свою очередь доказать Вамъ ту степень горести, которую принесло послѣднее письмо Ваше, и если мое письмо это, безсвязное по разнохарактерности свѣденій и по причинѣ новаго и страннаго состоянія моего духа,— возстановитъ истину въ томъ видѣ, какъ она есть,—я увѣренъ, Вы простите мнѣ невольной грѣхъ, Вы примите мою бесѣду съ тѣмъ же довѣріемъ, съ какимъ принимали прежнія. Я не замедлю отвѣчать Вамъ отсюда на существенный запросъ Вашъ, тотчасъ по полученіи извѣстія отъ Пыпина. Прошу объ одномъ только, чтобы скороспѣлыми заключеніями на основаніи только стороннихъ слуховъ не нарушалась та связь между нами, которую тѣ люди не вязали, и не рушились тѣ отношенія, которыя вышли изъ прямаго и чистаго источника. Мнѣ много и многимъ приходилось говорить объ Васъ и не дальше какъ на дняхъ даже, здѣсь въ Баку, и я отвѣчалъ и жилъ тѣми же свѣтлыми впечатлѣніями, какія произвели Вы. Петербургскихъ сплетенъ не переслушаешь (я на половину отъ нихъ-то именно и бѣжалъ) и, не накидывая платокъ на чужой ротокъ, обращаю на нихъ вниманіе только тогда, когда сплетня эта покушается пробраться въ мои чистыя, прямыя и святыя отношенія. Такими полагаю я мои отношенія къ Вамъ. И неужели онѣ были такъ шатки, что маленькихъ два повода,—и они рушиться начинаютъ. Ваши прежнія, многія письма увѣряютъ меня въ противномъ. И я до сихъ поръ вѣрю и нѣтъ надежды потерять мнѣ эту вѣру.

Вотъ все, что я хотѣлъ и могу сказать Вамъ, Многоуважаемый и дорогой Дмитрій Иринарховичъ, въ торопяхъ, подъ вліяніемъ непріятныхъ и тяжелыхъ впечатлѣній. И аще что не дописалъ, или переписалъ: чтите Бога для, а не кляните.... Этими словами старинныхъ книжниковъ смѣю завѣрить мою искренную, чистосердечную бесѣду съ Вами, не измышленную, не обдуманную, а вылившуюся прямо изъ сердца. Сердце это горячо любитъ Васъ и если на время переставало биться воспоминаніями объ Васъ, то опять-таки по той причинѣ, что крѣпко занято было другимъ человѣкомъ. Этотъ другой человѣкъ, жена моя, поручаетъ мнѣ свидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе. Примите его и отъ меня, и не въ послѣдній разъ.

Будьте здоровы и памятливы

къ душевно уважающему Васъ и преданному Вамъ

С. Максимову.

17-е Ноября 1863. С. Петербургъ.

На любезное письмо Ваше, Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ, спѣшу отвѣтить Вамъ тотчасъ послѣ того, какъ успѣлъ привести въ ясность и свои собственныя дѣла и до нѣкоторой степени объяснить и Ваши порученія. На этотъ разъ снова приходится повторить то-же, что когда-то говорилъ я Вамъ и прежде:

въ Петербургѣ дѣла дѣлаются такъ медленно, какъ нигдѣ и никогда не дѣлаются. Вмѣсто того, чтобы спроста молвить слово—здѣсь прибѣгаютъ обыкновенно къ разглагольствіямъ. Страсть дѣлать изъ пустыхъ вещей серьозныя и вмѣсто прямыхъ путей выбирать—по китайскому способу—окольные въ настоящее время превосходитъ всякое вѣроятіе. Господа здѣшные (даже и литтературные) живутъ какъ въ японскихъ ящикахъ: выдвинешь одинъ—пустой; посмотришь въ третій, въ немъ заключенный—также пустой и такъ до безконечности. И пока доберешься до того ящика, гдѣ заключается искомое--проходитъ много времени. Здѣсь его не щадятъ, хотя и стараются обнаруживать видимую и призрачную дѣятельность. Меня это нѣкогда сильно волновало; теперь мѣсто раздраженія заступаетъ апатія, лѣнь. Я почти рѣшился засѣсть дома, чтобы въ семействѣ искать то, чего не находилъ прежде, не нахожу и теперь въ общественной жизни. Она дошла до изумительно-фальшивыхъ тоновъ и положительно вредна своимъ проявленіемъ теперь, когда именно надо дѣятельности живой и правильной. Сколько вопросовъ разразилось надъ головой—а Петербургъ и не чешется. Мнетъ въ зубахъ и шевелитъ губами объ одномъ сегодня, а завтра и забылъ по системѣ модныхъ барынь, привыкшихъ обращаться такъ со своими модными тряпицами. Здѣсь не вязнутъ въ зубахъ даже и такіе вопросы, которые по провинціямъ породили мучительную и сердитую зубную боль. Я хотѣлъ поговорить съ Вами больше, подѣлиться съ Вами новостями столько-же свѣжими, сколько и интересными; но искалъ ихъ— и не нашелъ. Сплетенъ по обыкновенію необычайно много; но не ими занимать вниманіе Ваше, привыкшее останавливаться на вопросахъ жизненныхъ и настоящей, а не поддѣльной, важности. Здѣсь есть одинъ такой—недостатокъ денегъ при безумной дороговизнѣ (только квартиры стали примѣтно дешевле), но и этому вопросу Питеръ не даетъ вниманія, а рыщетъ на всѣхъ четырехъ какъ саврасъ безъ узды; и разумѣется въ долгъ да въ поколотъ. Опера процвѣтаетъ, Милютины лавки выставляютъ на показъ свои сласти, между которыми появились даже такія, какихъ не бывало прежде и рестораны по прежнему сіяютъ огнями напролетъ всѣ ноченьки. Беззаботный и веселый городъ, но досадный тѣмъ, что все это бездѣльничанье и услажденіе комфортомъ силится называть дѣятельностью. А между тѣмъ не умѣетъ дѣлать даже и такихъ дѣлъ, которыя необычайно просты сами по себѣ. Изъ журнальныхъ редакцій понадѣлали департаменты со всею бюрократическою неурядицей и путаницей; напр. чтобы взять изъ Редакціи „Голоса“ Вашу статью надо было сходить два раза; на третій получить; вчера я носилъ ее въ Сынъ Отечества, но не засталъ Редактора дома; завтра хочу попробовать въ Сборникѣ Морскомъ и о результатахъ извѣщу Васъ. По справкѣ въ Департаментѣ „Голоса“ оказалось, что всѣ статьи Ваши, присланныя въ эту газету и въ Отечественныя Записки, отправлены въ Москву на имя Екатерины Иринарховны. „Что-же до статей—говорилъ Краевскій—полученныхъ въ Спб.

вѣдомостяхъ, то за сдачей редакціи я де не упомню". Занятый работой надъ отдѣлкой остальныхъ моихъ статей объ Амурѣ всю эту недѣлю и будущую (статью объ Японіи я сдалъ уже въ Редакцію Мор. Сбор.)—я не успѣлъ побывать въ Редакціи Библіотеки; но когда буду тамъ, то попрошу собрать всѣ статьи Ваши. У Старчевскаго оставилъ записку вчера. Адресъ мой старый, Вамъ извѣстный.

Поручая себя Вашему доброму расположенію и расчитывая на приказанія Ваши по петербургскимъ надобностямъ Вашимъ остаюсь навсегда

Вашимъ
усерднымъ и покорнымъ слугой
С. Максимовъ.

Сейчасъ только кончилъ статью объ отношеніяхъ Манчжуръ къ нашимъ на Амурѣ, назначенную для генварской книжки Сборника и съ которою возился битую недѣлю. Недѣлѣ этой привелось раздѣлить бесѣду нашу и задержать отвѣтъ мой на любезное письмо Ваше, Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ! Впрочемъ главная вина и не въ этомъ и я до сихъ поръ многаго, положительнаго, сказать Вамъ не могу. Тотчасъ по полученіи письма Вашего, я сходилъ въ Редакцію Военнаго Сборника. Это былъ понедѣльникъ; на дверяхъ прочелъ я, что редакторъ принимаетъ только по вторникамъ и пятницамъ. Пришелъ я и во вторникъ, но это былъ праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ и Меньковъ былъ во дворцѣ. Въ пятницу я получилъ двѣ затребованныя статьи Ваши о календарѣ и Владивостокѣ. Первую я тотчасъ же отнесъ къ Эдельсону, завѣдующему Редакціей Библіотеки; онъ обѣщалъ статью переписать для себя и прочесть; а отвѣтъ дать мнѣ на слѣдующей недѣлѣ. Вторая статья у меня на рукахъ: я предлагалъ ее Московскому Сборнику, но Мельницкой сказалъ, что на зимніе мѣсяца онъ совершенно обезпеченъ статьями и можетъ рѣшить дѣло весной. Что прикажете сдѣлать со статьей? Третьей статьи Вашей „О современныхъ софизмахъ и заблужденіяхъ" Редакція Военнаго Сборника говоритъ не получала. При мнѣ перерывали кипу бумагъ; я внимательно слѣдилъ и дѣйствительно статьи не оказалось. При этомъ я видѣлъ огромную стопу переписанныхъ статей Вашихъ по объясненію редактора для прочтенія Военному Министру. Это были все статьи Ваши о казачествѣ. Что Вы съ ними намѣрены дѣлать? Вотъ одинъ мой знакомый офицеръ генеральнаго штаба прислалъ мнѣ статью свою объ Оренбургскихъ казакахъ; мнѣ самому хочется говорить объ Уральскомъ казачествѣ въ смыслѣ примѣненія ихъ къ службѣ на флотѣ. Если бы Вы позволили мнѣ поучиться въ Вашихъ статьяхъ о казакахъ,—Вы бы меня тѣмъ премного обязали. Статьи эти въ ряду другихъ мы бы постарались провести въ Сборникѣ, если не теперь, то когда-либо послѣ. Къ Асташеву я намѣренъ отправиться на дняхъ, онъ завелъ jours fixes и на

нихъ бываютъ нѣкоторые изъ моихъ пріятелей. Исполнивши и это порученіе— буду писать Вамъ немедленно. Впрочемъ всю слѣдующую недѣлю я снова буду занятъ приготовленіемъ статьи для Отечественныхъ Записокъ—именно о Сектахъ раціоналистовъ. У меня накопилось много данныхъ о Молоканахъ и Субботникахъ, не мало имѣю и о Хлыстахъ. А потомъ опять для Сборника о Сибири и на этотъ разъ о Кяхтѣ и Маймачинѣ, и такъ аккуратно на каждую книжку Морскаго Сборника. Когда получу оттискъ сегодняшней статьи,—поспѣшу прислать ее къ Вамъ вмѣстѣ съ предыдущими: объ Уральскѣ и объ Японіи. По причинѣ продолжительнаго сидѣнья дома я не успѣлъ побывать нигдѣ больше, даже и у фотографа, чтобы имѣть большое удовольствіе исполнить Ваше любезное и для меня лестное предложеніе. Надѣюсь, что праздники подарятъ меня большимъ досугомъ. Въ надеждѣ на это, прошу принять отъ меня и отъ жены моей наше усердное почтеніе, съ каковымъ и остаюсь кь Вамъ и къ Сестрицѣ Вашей, Многоуважаемой Екатеринѣ Иринарховнѣ, навсегда преданнымъ и готовымъ ко всяческимъ услугамъ,

Вашимъ
покорнымъ слугой
С. Максимовъ.

7 декабря 1863.
С. Петербургъ.

15 Сентября 1869. Спб.

Добрый мой другъ Мих. Павл. Смирновъ доставитъ Вамъ, Многоуважаемый и Обязательнѣйшій Дмитрій Иринарховичъ, все то, что я обѣщалъ препроводить къ Вамъ при личномъ нашемъ свиданіи. Это: во 1-хъ фотографическія карточки моего семейства: жены, сына и мою собственную, во 2-хъ статью мою объ Вашихъ товарищахъ; къ первымъ прошу Вашей любви и вниманія; вторую поручаю Вашему вниманію и покровительству. Запоздалъ я высылкою того и другаго не по своей винѣ: портреты были готовы давно и ожидали случая отправки со статьею, которую задержала редакція Отеч. Записокъ, выпросившая у меня три льготныхъ лѣтнихъ мѣсяца. Въ августѣ напечаталъ я о политическихъ ссыльныхъ (т. е: полякахъ), въ сентябрѣ пошло начало статьи, повергаемой на Вашъ судъ и покровительство. Позволяю себѣ право надѣяться, обнадеженный Вами, и расчитывать, неоднократно убѣжденный въ Вашей готовности пособлять моимъ трудамъ, въ томъ, что на этотъ трудъ Вы удѣлите изъ Вашихъ богатыхъ запасовъ столько, чтобы освѣтить его, оживить и исправить недоговоренное, перемолвленное и ошибочное. Будьте полнымъ хозяиномъ въ этой работѣ, которую приготовлялъ въ стѣсненныхъ рамкахъ журнальной статьи, въ ограниченныхъ правахъ современнаго разкащика, не владѣющаго правами и силами подвергать анализу дѣло

еще живое въ преданіяхъ. По системѣ моихъ работъ мнѣ хотѣлось дать только матеріалъ въ томъ видѣ, въ какомъ имѣется онъ у меня лично и именно на этотъ разъ, когда дошла очередь сказать и о томъ, что знаю и говорю теперь. Въ этомъ обстоятельствѣ я надѣюсь найти въ Васъ снисхожденіе, которое будетъ для меня дорого уже тѣмъ, что Вы возьметесь за перо. Вы меня весьма подарите, если сдѣлаете исправленія, намѣтите указанія на недомолвки и на лишное что мнѣ, стороннему наблюдателю, не мочно показаться таковымъ. Но былъ бы я окончательно доволенъ и счастливъ, если бы . . . . . . дочери Ваши позволили Вамъ сдѣлать дополненія въ особенности къ тому вопросу, который наиболѣе извѣстенъ и памятенъ Вамъ, наиболѣе для Васъ выясненъ, чѣмъ для всѣхъ Вашихъ товарищей. Въ моей памяти, какъ вчера выговоренный, сохранился Вашъ аналитическій взглядъ на артельную жизнь Вашей читинской и петровской общины, какъ на такую, которая имѣетъ поразительную аналогію съ фазисами жизни, переживаемой всѣми государственными общинами. Остроумное и въ высшей степени справедливое замѣчаніе Ваше, собщенное мнѣ Вами въ Читѣ, столь памятной мнѣ по дорогому знакомству моему съ Вами, я не могъ представить въ цѣльной картинѣ по недостатку нѣкоторыхъ матеріаловъ. Мнѣ это чуялось, но въ образахъ не совсѣмъ окончательно выясненныхъ. Мих. Павл. Смирновъ получитъ отъ Васъ просмотрѣнныя Вами корректуры, срокъ которымъ въ Вашемъ распоряженіи. Статья эта идетъ въ октябрьскую книжку, но Отеч. Записки раньше 12—14 числа не выходятъ. Вотъ что просилъ бы я принять къ свѣденію, чтобы не утруждать Васъ срочнымъ трудомъ. Мѣсяцъ цѣлый тому назадъ хлопоталъ я объ ускореніи статьи, но коммерческія расчоты издателей успѣли обезсилить всѣ мои старанія. Все лѣто я промаялся въ городѣ, но семейство удалось помѣстить въ сухомъ и здоровомъ воздухѣ Царскаго Села. Въ одно и тоже время приготовлялъ и эту статью и велъ дѣлопроизводство комиссіи, снаряженной для преобразованія Полиц. Вѣдомостей, которыя хочется мнѣ сдѣлать живымъ статистическимъ временникомъ здѣшняго любопытнаго и страннаго города. Теперь дѣло остановилось за Комиссіей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но съ 1870 года газета должна уже выходить въ обновленномъ видѣ и улучшенной формѣ. Работу надъ тюрьмами думаю въ скоромъ времени выпустить въ двухъ томахъ, которые и буду имѣть удовольствіе представить Вамъ тотчасъ по выходѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ перешлю и „На востокѣ“ уже распроданную и имѣющую выдти вторымъ изданіемъ. Относительно порученія Вашего о правилахъ для домовладѣльцевъ я ничего не могъ сдѣлать по тому обстоятельству, что таковыхъ не собрано, не имѣется въ сводѣ. Кто-то хлопоталъ соединить въ сборникѣ, но вслѣдствіе какихъ-то соображеній отсталъ отъ мысли. То чѣмъ снабжается здѣсь всякій домовладѣлецъ и жилецъ, такъ называемую Квартирную Работную Книжку передастъ Вамъ отъ меня Мих. Павловичъ. Не это ли Васъ интересовало? Если понадобятся

добавочныя свѣденія и какія, потрудитесь передать мнѣ,—я поспѣшу собрать свѣденія.

Свидѣтельствуя Вамъ отъ всей души мое сердечное почтеніе, остаюсь въ надеждѣ, что Вы не оставите Вашимъ вниманіемъ и содѣйствіемъ и на этотъ разъ всегда душевно преданнаго

С. Максимова.

Вернувшись домой нашолъ новыя дорогія строки Ваши, Обязательнѣйшій и Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ! Исправленія будутъ всѣ въ точности исполнены, потому что въ типографіи я сдѣлалъ распоряженіе повторить корректуру въ сводкѣ, которую пришлютъ ко мнѣ, а не корректуру. Тамъ потребуется соображеніе счота буквъ, каковое я дѣлать привыкъ и съ статьею о Полякахъ, когда вынуты были цифры изъ середины сдѣлалъ такъ, что, расказавъ нѣсколько подробнѣе о Караваевѣ, ускорилъ дѣло. Михайла Павловича смѣю рекомендовать Вамъ, какъ человѣка замѣчательной честности и чистоты душевной. Онъ между прочимъ и издатель и на случай какихъ-либо предполагаемыхъ изданій Вашихъ можетъ дать самые вѣрные совѣты. Онъ и сосѣдъ Вашъ не далекій. Болѣетъ бѣдный; одно его и море и горе. За сообщеніе адреса Вашего приношу Вамъ мою искренную благодарность. Недальше, какъ четыре дня тому назадъ я писалъ Мих. Павл., чтобы онъ прислалъ мнѣ его поточнѣе: я колебался между Скворцовымъ и Снѣгиревымъ (на бѣду и фамиліи обѣ литературныя и обѣ московскія). Это обстоятельство и служило именно причиною того, что я не прямо относился къ Вамъ; да думаю если и перепутаю фамиліи, но напишу мѣстность и укажу номера—письмо дойдетъ, да боялся того, что Вы могли перемѣнить квартиру лѣтомъ. Теперь уже я совершенно спокоенъ въ томъ отношеніи, что могу адресоваться прямо. Не дальше трехъ недѣль съ отдѣльными отписками, въ расчотѣ, что по нимъ съ указаніемъ лишь на страницы могу получать Ваши письменныя замѣчанія, какими Вамъ угодно будетъ подарить меня. Магазинъ Кожанчикова доставитъ Вамъ мой первый маленькій транспортъ, въ него я вкладываю квартирную расчотную книжку, между прочимъ. За Вашъ обязательный вызовъ помощи моимъ новымъ трудамъ по редакціи приношу самую сердечную благодарность. Не устанавливаю условій сейчасъ же только по тому, что жду окончательнаго утвержденія новыхъ штатовъ. Пять тыс. назначено мнѣ на вознагражденіе сотрудниковъ и слѣд. я буду находиться въ возможности не эксплоатировать безвозмездно и Вашъ трудъ и Ваше время. Вопросъ остановился затѣмъ, что Мин. Внут. Дѣлъ не согласно позволить для ускоренія дѣла торговъ въ нашей Комиссіи, а не въ Думѣ (въ доходы которой отнесена прибыль съ Вѣд.). На бѣду Дума по закону не имѣетъ права утверждать торговъ свыше 30 т., а за Пол. Вѣд. дадутъ навѣрное больше 35-ти. (Цѣна увеличена на рубль,

вм. 3 будутъ стоить 4.) Сенатъ утверждаетъ очень долго, а до 1 Января остается недолго. Въ концѣ этого или въ началѣ будущаго мѣсяца надѣюсь выяснить передъ Вами все это дѣло окончательно.

Еще разъ будьте здоровы и не откажите усердной просьбѣ содѣйствовать работамъ

Всею душею преданнаго Вамъ

С. Максимова.

P. S. Жена поручила свидѣтельствовать Вамъ свое самое искренное почтеніе. Сынъ получилъ отъ дяди (моего брата-гардемарина, вернувшагося изъ Греціи на Аскольдѣ) обезьяну макако и возится съ нею, хотя по всѣмъ вѣдомостямъ— животное это далеко не дѣтская забава. Дѣтей любитъ, но очень злая, и животное не комнатное.

P. S. Нѣтъ ли возможности получить рисунокъ Петровскаго каземата Ник. Алек.? Снявши копію, я возвратилъ бы въ цѣлости и сохранности.

4 Октября 1869.

Спб.

Магазинъ Кожанчикова по просьбѣ моей доставитъ Вамъ, Многоуважаемый и Обязательный Дмитрій Иринарховичъ, обѣщанные мною оттиски съ присоединеніемъ тѣхъ, которые оказались на лицо и нашлись у меня въ растроенномъ моемъ книгохранилищѣ. Поручая ихъ Вашему вниманію, усердно прошу не отказать мнѣ и въ Вашихъ замѣчаніяхъ, которыя столь для меня драгоцѣнны. Пусть этотъ маленкій подарокъ мой послужитъ посильнымъ спасибомъ моимъ за Вашу готовную и благотворную помощь. Въ прошломъ письмѣ моемъ, отправленномъ мною три недѣли тому назадъ (получили ли Вы его, а также и двѣ мои книги въ подарокъ: „Годъ на Сѣверѣ“ и „На Востокѣ“?), въ прошломъ письмѣ я объяснилъ Вамъ тѣ соображенія, которыми я руководился при измѣненіи статьи моей въ Отеч. Зап. Теперь Вы ее увидите въ томъ видѣ, который я полагалъ достаточно-сжатымъ для срочнаго повременнаго изданія. Теперь ввожу то, что не могъ помѣстить, стѣсненный рамками журнальной статьи, но теперь свободный, какъ хозяинъ своего дома въ отдѣлкѣ для отдѣльнаго изданія. Посылаемые оттиски въ переплетѣ составляютъ вторую часть, которая уже дополнена еще на ¼ объема. Болѣе значительныя дополненія слѣдовали въ статьѣ о самоубійцахъ, о фальшивыхъ монетчикахъ, о мошенникахъ, и въ преступникахъ противъ вѣры. Разсказъ о Полякахъ дополненъ цѣлымъ печатнымъ листомъ, который у меня отбили, испугавшись цифры 18 т. Поляковъ, сосланныхъ въ послѣдніе 6 лѣтъ, не смотря на то, что Dziennik Poznanski считаетъ ихъ до 180 т., а Czas въ 250 т. Никакіе резоны не пособили, и цифръ по этому Вы не видите, не видите и весьма поучительныхъ и любопытныхъ выводовъ, къ ко-

торымъ приводятъ различныхъ комбинацій цифровыя выкладки. Въ отдѣльномъ изданіи я все это ввожу. Этотъ томъ дополнится цифровыми таблицами по другимъ родамъ святорусскихъ преступленій. Первый томъ, половиною напечатанный въ Вѣстникѣ Европы къ крайнему сожалѣнію не могу Вамъ выслать, потому что получилъ въ свое время только три оттиска, изъ которыхъ два отняли пріятели, другой испещрилъ дополненіями и исправленіями какъ оригиналъ для типографіи. Клочокъ, идущій въ этотъ томъ „Два эпизода" уберегся съ 1861 года, когда онъ былъ напечатанъ въ Библіотекѣ для Чтенія. Оттиски „За Кавказомъ" и „Изъ Уральска" частицы новаго тома, отрывки изъ моихъ работъ, во время поѣздки на Югъ или лучше на Каспійское море. Лишонъ удовольствія и на этотъ разъ дослать всѣ, истративши два оттиска изъ журнала „Вѣкъ" также о Сектаторахъ Закавказскихъ: иргизскіе старцы, ссыльные на Кавказъ послѣ разгрома Иргизскихъ монастырей и Секта Общинъ—одинъ изъ молоканскихъ толковъ, по ученію Михаила Акинфіева Попова, живущаго въ Минусѣ, въ ссылкѣ. Посылаю оттиски изъ Отеч. Зап., купленные мною на Толкучемъ по тому случайному обстоятельству, что нѣкто изъ тамошныхъ распространителей книжнаго просвѣщенія Вагановъ скупилъ дефекты журнала Краевскаго и разбилъ книги на отдѣльныя статьи, которыя и продаетъ въ подрывъ авторамъ. Тюрьмы отвлекли меня отъ этихъ работъ и еще половину надо написать, чтобы вышелъ полный томъ „Годъ на югѣ". „Съ дороги" слабый слѣдъ еще погибающаго описанія поѣздки по Черноземной полосѣ Россіи, совершенной еще до поѣздки на Амуръ для погибшаго журнала для Землевладѣльцевъ. Онъ прекратился, когда я кончилъ поѣздку и привезъ матеріалы, не отдѣлывалъ ихъ по тому, что тотчасъ же отправился въ тотъ дальный путь, который подарилъ меня незабвеннымъ знакомствомъ съ Вами. Теперь занимаюсь приготовленіемъ статей о Бѣлоруссіи, изъ которыхъ вторую: объ общихъ чертахъ Бѣлоруссіи и Бѣлоруссовъ буду читать въ концѣ этаго мѣсяца въ засѣданіи Этнографическаго отдѣла. Ею и занятъ въ настоящіе дни съ усердіемъ и усидчивостью. И эту работу буду имѣть удовольствіе представить на Вашъ судъ и вниманіе, когда напечатаютъ. Нынѣшной зимой надѣюсь ее кончить всю. Вмѣстѣ съ книгами послалъ я и расчотную книжку, т. е. тѣ правила, которыми взаимно обязуются домовладѣльцы съ жильцами и которыя Васъ интересовали. Полицейскія Вѣдомости съ будущаго года будутъ высылать Вамъ; объ этомъ тотчасъ же сдѣлаю распоряженіе, какъ только ясны будутъ условія изданія и объяснятъ торги арендатора. Вотъ два мѣсяца не могу прожевать этаго простаго дѣла въ Мин. Внутр. Дѣлъ и до сихъ поръ не даютъ положительныхъ свѣденій, а надо бы обьявлять о подпискѣ, съ половины Ноября заявляются подписчики. Все дѣло въ томъ, что первая инстанція Главное Управленіе по дѣламъ печати рѣшило для газеты и хозяйственную часть, на что обидѣлся Хозяйственный Д-тъ и по этому случаю завелъ

обширную переписку, бумажныя обьясненія. Дѣло наше едва вытащило ноги и вотъ теперь завязило ихъ вновь въ Д-тѣ Полиціи Исполнительной. Отсюда пойдетъ еще въ Комитетъ Министровъ. Не такъ-то легко у насъ допускаются преобразованія, хотя бы и такихъ некрупныхъ свойствъ. Комитетъ нашъ можетъ именно похвастаться тѣмъ, что отдѣлалъ проэктъ безъ сучка и задоринки, да— лиха бѣда! хочется поумничать и показать каждому изъ дальнѣйшихъ, что и ихъ дѣятельность не усыпаетъ. Дѣло стоитъ, и кромѣ серьозныхъ ущербовъ и ненужныхъ тормозовъ ничего не видно. Все остальное у меня обстоитъ благополучно. Жена поручаетъ передать Вамъ свое глубокое почтеніе. Она теперь облегчила себя тѣмъ, что сына передала гувернанткѣ, но полнаго облегченія для новыхъ безпокойствъ ждемъ въ декабрѣ: въ началѣ этаго мѣсяца хотѣлось бы пріобрѣсти дочьку.

Разсказавши все о себѣ, — хотѣлось бы слышать Васъ, Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ! Адресъ мой нижеслѣдующій: на углу Малой Мѣщанской у Банковскаго моста, въ домѣ Козловой, кв. № 4. Надо бы было квартиру, за тѣсноту ея, перемѣнить, но всѣ наши квартиры разобрали расплодившіеся спекуляторы меблированныхъ квартиръ, вѣроятно вызванные наѣздомъ изъ провинціи разныхъ концессіонеровъ. Вотъ и въ Сибирь хотятъ направить четыре дороги. Какъ дѣла Ваши, чѣмъ Вы наиболѣе занимаетесь? Обо всемъ Вашемъ съ глубокимъ интересомъ хотѣлось бы выслушать,

отъ всей души преданному и глубоко почитающему Васъ

С. Максимову.

4 Ноября 1869.

Спб.

Едва не забылъ справиться у Васъ еще объ одномъ интересномъ вопросѣ, распечатываю письмо, чтобы вложить этотъ запросецъ. Очень мало извѣстно о литературныхъ занятіяхъ въ казематѣ, о которыхъ толкуютъ и Розенъ, и М. А. Бестужевъ. Не вспомните ли, Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ, объ этомъ, а равно и о тѣхъ, которыя печатались до каземата. Знаю о многихъ, но не думаю, чтобы обо всѣхъ. Очень, по гробъ жизни, обязали бы меня главнымъ образомъ сообщеніемъ тѣхъ свѣденій, которыя относятся собственно къ происхожденію записокъ. Помнится въ Читѣ Вы разсказывали мнѣ, какъ сговорились и уладились откровенно высказать всю исторію ссылки; кого избирали редакторами, кто доставилъ свои воспоминанія; куда дѣвался весь этотъ трудъ, достаточно доведенный до конца. Вся исторія эта представила бы для публики высокій интересъ и служила бы для насъ однимъ изъ аргументовъ противъ Свистунова. Я сегодня послалъ статью свою въ Архивъ на имя Бартенева, а завтра снесу другую въ Спб. Вѣд. Поясненія въ началѣ исправленной статьи въ моей книгѣ я уже сдѣлалъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстій отъ Васъ

по вопросу теперь меня занимающему. Первую часть моей работы уже отпечатали: вчера принесли послѣдній листъ. Начали набирать вторую и гонятъ на почтовыхъ. На нихъ же бы готовъ летѣть и я самъ для свиданія и переговоровъ съ Вами, но приходится остаться съ тѣми же чувствами искренной признательности за старыя одолженія и съ расчотомъ на новыя, если только я Вамъ не надоѣлъ.

Душевно преданный Вамъ

С. Максимовъ.

29 декабря 1869. Спб.

Только горячка неустанныхъ хлопотъ, которымъ и конца не вижу, помѣшала мнѣ отвѣчать Вамъ, Многоуважаемый и Обязательнѣйшій Дмитрій Иринарховичъ, на два письма полученныя мною. На одно впрочемъ не замедлилъ отвѣтить фактомъ: подписался въ магазинѣ Кожанчикова на Ниву, которую и будутъ высылать Вашимъ въ Читу. Журналъ этотъ по цѣнѣ столько ничтоженъ, личныя расчоты мои въ этомъ случаѣ такъ мелки, что при соображеніи безчисленныхъ Вашихъ одолженій и въ виду содѣйствія Вашихъ въ Читѣ къ доброму гостепріимству, о которомъ я никогда не забуду, къ Вамъ моя усерднѣйшая и покорнѣйшая просьба на этомъ покончить счоты. Ради Бога, не откажите мнѣ въ этомъ одолженіи, каковое передъ моимъ, которое не смѣю даже и назвать этимъ именемъ, для меня цѣнно по тому, что на Ваше имя я сдѣлалъ такое нехитрое дѣло. У меня всегда найдутся скорые случаи подписку въ денежномъ отношеніи превратить въ ничто по отношенію къ самимъ издателямъ. Хлопоты же мои и усердіе были на столько незначительны, что я даже усердно просилъ бы Васъ не писать объ этомъ Вашимъ. Полицейскую газету будутъ высылать Вамъ въ обновленномъ мною видѣ. Вотъ теперь кипитъ этотъ котелъ многотруднаго улаживанія системы изданія и заготовленія статей, которыя на первое время разумѣется всѣ легли на мои плечи. Смирновъ поступилъ ко мнѣ въ штатные помощники и остался при Канцеляріи Оберъ-Полиціймейстера въ должности завѣдующаго дѣлами о печати. Къ этой моей редакціи присоединилась нежданная и негаданная вторая, по изданію Вѣстника Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, отъ которой не смотря на незначительное вознагражденіе и на кучу дѣлъ я не имѣлъ права и не былъ въ силахъ отказаться. Все это роковымъ образомъ упало на эти двѣ недѣли, изъ которыхъ послѣднюю переживалъ въ радостныхъ чувствахъ отца семейства, и провожу въ разнообразныхъ хлопотахъ. Сегодня исполнилось семь дней, какъ жена подарила меня дочерью, получившею имя матери, т. е. Ольги. Появленіе новой дорогой гостьи для матери совершилось благополучно, но сама малютка на третій же день заявилась серьознымъ разстройствомъ желудка катарральнаго характера. И мы привѣтствовали ее въ сыромъ Петербургѣ немедленно лекарствомъ. Давали растворъ ляписа и

въ настоящее время отчасти наладили дѣло. По окончанiи этаго торопливаго письма, за которое усердно прошу Вашего извиненiя, долженъ буду давать еще одинъ прiемъ, хотя теперь уже и два часа ночи. Освободившись отъ хлопотъ, которыхъ хватитъ еще на двѣ недѣли, постараюсь загладить свою невольную вину и категорически отвѣчать на всѣ три обязательныя и дорогiя письма Ваши.

На этотъ разъ остается снова попросить Вашего снисхожденiя въ моихъ невольныхъ старыхъ грѣхахъ и въ торопливости настоящихъ строкъ, которыя являются цѣлымъ рядомъ тревожныхъ и безсонныхъ ночей. Жена поручаетъ усердно благодарить Васъ за память и вниманiе Ваше. Мы оба очень счастливы и вдвое рады тому, что исполнились наши обоюдныя желанiя. Судьба подарила насъ дочерью.

Съ чувствами самой искренной привязанности и всегдашной готовности къ услугамъ вездѣ тамъ, гдѣ угодно будетъ указать Вамъ

Остаюсь навсегда покорнымъ слугой

С. Максимовъ.

Дорогое письмо Ваше, Многоуважаемый Дмитрiй Иринарховичъ, опять нѣсколько времени ожидало моего досуга, чтобы дать мнѣ удовольствiе перемолвиться и побесѣдовать съ Вами по желанiю и обѣщанiю. Письмо это принесетъ Вамъ вещественное доказательство, что еще въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилъ я одно изъ Вашихъ желанiй. Вѣроятное полученiе Вами моей стряпни въ видѣ обновленныхъ Полиц. Вѣдомостей послужитъ вторымъ свидѣтельствомъ о моей всегдашной готовности быть Вамъ угоднымъ. Газета явилась къ Вамъ поздно, потому что новый арендаторъ не наладилъ механизма сразу и поздно сдалъ иногородные номера на почту. Неисправностью своей онъ вообще доводитъ меня до отчаянiя, признаки котораго увидите въ неряшливомъ печатанiи, въ корректурномъ отношенiи худшемъ даже чѣмъ я могъ расчитывать при своей всегдашней уступчивости. Редакцiя Вѣстника попеченiя о раненыхъ и больныхъ воинахъ пристигла меня въ расплохъ. Между прочимъ эти хлопоты по новому и лишному дѣлу заполнили и тотъ скудной досугъ, который кое-какъ выбивался для меня среди бѣготни за статистическими и иными полицейскими свѣденiями и сидѣнiй до 3 часовъ ночи въ типографiи. Тутъ и тамъ я одинъ безъ помощниковъ и сотрудниковъ. Вѣстникъ выручилъ лишь тѣмъ, что явился съ готовымъ матерiаломъ, но я еще до того не очуствовался отъ своего кореннаго и основнаго дѣла, что не могу Вамъ дать положительнаго отвѣта на Ваши запросы. Могу лишь свидѣтельствовать о томъ, что всякое заявленiе Ваше примется съ охотою и благодарностiю; но это дѣло не серьозное. Вѣстникъ идетъ безъ средствъ; будетъ сухо трактовать по программѣ. Мнѣ дали 500 руб. въ годъ только за редактированiе готовыхъ статей, за то, чтобы я слѣдилъ за типографскою частiю и на

лѣтніе мѣсяцы, когда не бываетъ никакихъ засѣданій, былъ готовъ со статьями на № въ листъ Инвалида. Суммъ въ мое распоряженіе никакихъ не дано и вообще по видимому стремятся не проронить ни единой копѣйки. Энергичнѣе другихъ ведетъ это дѣло Баумгартенъ; съ нимъ у меня и постоянныя сношенія. Большое и главное участіе оказываетъ А. А. Зеленой. У него я былъ два раза. Оріентироваться въ дѣлѣ я достаточно еще не успѣлъ, но мысли мои совпадаютъ съ Вашими въ такой мѣрѣ, что я уже по этому поводу успѣлъ поговорить съ тремя членами здѣшняго Главнаго Управленія. Плохое здѣсь мѣсто, среди тмочисленныхъ кабинетныхъ теоретиковъ, для практическаго осуществленія всякихъ полезныхъ идей. Возьмемъ для примѣра и тотъ комитетъ грамотности, которымъ Вы интересуетесь и о которомъ спрашиваете въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ. Съ лѣта до сихъ поръ мы собрались только разъ: выпросили у меня задачъ для карты Россіи и текстъ географіи, на томъ и остановились, когда я сказалъ, что заваленный дѣлами раньше лѣта не предвижу возможности приняться за работу. На дняхъ прислали второе приглашеніе на второе засѣданіе, но на бѣду жена, получивъ письмо безъ меня, куда-то заложила и забыла. Сообщила сегодня, по поводу приглашенія меня на засѣданіе Комитета Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли (четвергъ 15 Января). Будутъ разсматривать вопросъ о направленіи Сибирско-Уральской дороги въ сѣверномъ направленіи по проэкту Любимова, въ направленіи Рашета и въ среднемъ на Сарапулъ Богдановича. Хочу сказать нѣсколько своихъ соображеній о значеніи сѣвера въ связи съ Сибирью и по отношенію къ развитію желѣзныхъ дорогъ. Услужилъ мнѣ этимъ содѣйствіемъ хорошо извѣстный Вамъ Ив. Анд. Носковъ, состоящій въ обществѣ въ званіи секретаря. Какъ видите призрачной дѣятельности здѣсь очень много и всякихъ говориленъ настоящее хлопотливое время развило бездонную пропасть.

Брошюры Ваши, благодаря любезности Вашей, я имѣю: всѣ получилъ отъ Васъ лично. Объ нихъ сдѣлаю заявленіе на первомъ же засѣданіи отъ себя, какъ отъ редактора.

Пользуясь Вашимъ всегдашнимъ вниманіемъ и участіемъ къ моей семьѣ, могу съ радостнымъ чувствомъ наибольшаго душевнаго довольства сообщить Вамъ, что здоровье жены бойко поправляется и она успѣла уже снять съ меня заботы о хозяйствѣ. Но довольство не всегда бываетъ полное, и на этотъ разъ не могу похвалиться дочькой, которая до сихъ поръ не можетъ сладить со своимъ желудкомъ. Прошло три недѣли, но до сихъ поръ не объяснилась причина: родовое ли то предрасположеніе къ кишечному катарру или молоко кормилицы. Вотъ и сегодня пищитъ весь день, хотя ребенокъ очень полный, съ быстрымъ взглядомъ и кажется сытымъ. Сынъ ходитъ на верхъ къ сосѣдямъ играть въ сообществѣ съ дѣтьми, котораго до сихъ поръ ему крайне не доставало; кстати

у француженки набирается фразъ и словъ заморскаго языка. Жду Смирнова съ корректурами изъ типографіи и пользуясь свободнымъ временемъ между ними и только что конченной вступительной статьей для Вѣстника, написалъ эти строки къ Вамъ, Дорогой Дмитрій Иринарховичъ, съ полною откровенностію и удовольствіемъ.

Прошу усердно объ одномъ: не забывайте Вашею пріятною и поучительною бесѣдою и добрымъ поученіемъ всегда душею и сердцемъ преданнаго Вамъ и готоваго къ услугамъ Вашимъ

С. Максимова.

13 Января 1870.

Спб.

Тѣ же чувства самой искренной благодарности вызываютъ обязательныя и любезныя строки вчерашнаго письма Вашего, Достойнѣйшій и Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ. Посылаю эту благодарность съ тою же скоростію и искренностію, какія Ваши строки вызвали тотчасъ же по прочтеніи. Вотъ что я имѣю сказать на Ваши обязательныя замѣчанія. 1-е. Здѣшнія Полиц. Вѣд. сдаются съ торговъ на аренду, такъ что часть газеты, заключающая въ себѣ частныя объявленія, составляетъ отдѣлъ, находящійся лишь подъ моимъ наблюденіемъ. Полный хозяинъ ея—арендаторъ. Мое правило не вмѣшиваться въ его частные интересы для направленія ихъ въ желаемую сторону на этотъ разъ, вызвавшій Ваши замѣчанія, укрѣпляется на слѣд. соображеніяхъ. Здѣшніе предъявители собственныхъ надобностей и нуждъ, требующихъ вызова чрезъ печать, въ особенности предлагающіе разнаго рода услуги, не медлили предъявлять въ конторѣ Вѣдомостей жалобы, когда случайность, вызванная даже прихотью, произволомъ или нечаянностію, зависѣвшими отъ метранпажа ставила двухъ кучеровъ, прачекъ рядомъ: одну выше, другую ниже. Подобными претензіями, основанными на томъ, что „далъ я деньги—дѣлай по моему"—Контора завалена. Опытъ выучилъ изъ худшаго выбирать наиболѣе лучшее: размѣщать объявленія случайно. Опыты не удались. Зато выигралъ арендаторъ въ томъ, что усилились требованія на огромныя буквы, а съ ними и на большое количество мѣста и денегъ платежныхъ. Чтобы не замѣшаться въ толпѣ, всякій силился выдѣлиться какимъ-либо рѣзкимъ зазывомъ въ видѣ виньетокъ, указующихъ рукъ. Если систематизировать—арендаторъ лишится барышей. Вольфъ это дѣлаетъ при афишахъ и не имѣетъ успѣха. Арендатору, въ коммерческомъ смыслѣ, выгоднѣе угодить тому, кто переплатитъ ему десятки рублей въ годъ за объявленія, чѣмъ тому, кто будетъ на его счотъ пользоваться удобствами за 4 руб. Вотъ что меня остановило, не смотря на то, что я старался улучшать всякій отдѣлъ. Многое мнѣ не удается, потому что со всѣхъ сторонъ встрѣчаю самыя разнообразныя и многосложныя

препятствія. Статистическія свѣдѣнія въ особенности трудно сгруппировать въ ежедневную систему: всѣ безсовѣстно врутъ, а потому на мои заявленія стараются отмалчиваться. Я до 5 часовъ ночи сижу въ типографіи, все пишу самъ и каждая статья стоитъ нѣсколькихъ фунтовъ крови. Недальше, какъ вчера, заарестовалъ весь №, въ 7 часовъ пріостановивъ его печатаніе и разсылку. Путаютъ корректоры, врутъ доставители и лучшая здѣшная типографія дѣйствуетъ хуже тѣхъ московскихъ, которыя печатаютъ этикетки и ярлыки на полштофы. Я измученъ страшно и поддерживаюсь лишь тѣмъ только что дома все стало лучше: жена совсѣмъ поправилась и дочька наладила свой желудокъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи редактора я былъ бы до конца осчастливленъ Вами, если бы Вы подарили меня трактатомъ въ родѣ того отрывка, который меня только разлакомилъ. Будьте такъ милостивы: продолжайте, не стѣсняясь объемомъ и лишь соображая то, что изданіе казенное и я не самостоятеленъ безъ воли Оберъ-Полиціймейстера. Могу лишь свидѣтельствовать о томъ, что это въ его духѣ и я всегда найду силы, чтобы провести статью. На пріобрѣтеніе послѣднихъ въ мое распоряженіе ассигнованы на годъ 5/т. Все это я покорнѣйше просилъ бы Васъ принять въ соображеніе, такъ какъ эксплоатировать Вашъ трудъ для меня не только не мыслимо по глубокому уваженію ко всякой Вашей мысли, но и безбожно. Вотъ что главнымъ образомъ хотѣлось передать Вамъ и для чего первѣе всего принялся я за перо. Не откажите Бога ради Вашимъ полезнымъ участіемъ и благотворнымъ содѣйствіемъ. Всякая работа Ваша по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ редактируемой мною газетѣ, будетъ принята съ радушіемъ, радостію и благодарностію. По первому цѣльному опыту Вашему мы могли бы и установить всѣ отношенія Ваши къ газетѣ.

Арендаторъ обсчитался въ расчотахъ и по соображеніямъ сдѣлалъ ошибку. По наличнымъ подпискамъ до 2 Января онъ велѣлъ печатать только 5/т. экземпляровъ газеты, но подписчиковъ къ 7-му стало 5600: вотъ почему первыхъ №№ онъ не додалъ позднѣйшимъ подписчикамъ, а въ томъ числѣ и по той же причинѣ не получили и Вы. Впрочемъ я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Васъ удовлетворили непремѣнно и если представится окончательная невозможность,—я вышлю Вамъ изъ своихъ. Въ первыхъ №№ я дѣлалъ наблюденія надъ прошлогодними цифрами кражъ, ушибовъ, пожаровъ, самоубійствъ. Подкидыши — послѣдняя статья. Теперь готовлю статью о хлѣбѣ, тоже сильно вздорожавшемъ у насъ припасѣ.

Не оставляйте и впредь Вашими добрыми совѣтами и указаніями всегда душевно преданнаго Вамъ

покорнаго слуги

С. Максимова.

26 Января 1870.

СПетербургъ.

Не совсѣмъ недосугъ, Многоуважаемый и Обязательнѣйшій Дмитрій Иринарховичъ, мѣшалъ мнѣ отвѣчать на любезное и обязательное письмо Ваше, а желаніе отвѣчать Вамъ фактически. Я рѣшился на письмо къ Бартеневу по совѣту и указанію Вашему но не въ такой краткой формѣ, какую рекомендуете Вы, а на основаніи и по силѣ контрастовъ, которые существуютъ между нимъ и Вами: между нимъ, котораго встрѣтилъ я въ Ярославлѣ пріѣхавшимъ тягаться въ судѣ и ловить барку съ дровами, и Вами, котораго я встрѣтилъ стражемъ и оберегателемъ крупныхъ народныхъ интересовъ. Я его спрашивалъ, я его просилъ о матеріалахъ и получилъ только свѣденіе о дождемѣрѣ, которымъ для курьозу и на память и заручился въ одномъ мѣстѣ статьи. Я рѣшился доказать ему, что Севастьянъ не узналъ своихъ крестьянъ, не читывалъ записокъ товарищей, не замѣтилъ, что въ основаніе статьи легли свѣденія и свидѣтельства 12-ти его товарищей. Я намѣренъ говорить подробно въ видѣ самостоятельной статейки, да бѣдъ много. Первое—до сихъ поръ не могу найти этихъ №№ Русскаго Архива и не дальше какъ вчера разочаровался въ одномъ изъ серьозныхъ ожиданій: не нашолъ ни Архива, ни Русской Старины въ библіотекѣ для чтенія Черкесова. Имѣю еще одну надежду и имѣю теперь нѣсколько больше свободнаго времени для розысковъ. Цѣлую недѣлю я перерывалъ насиженное гнѣздо и перевозился на новую квартиру. Только вчера успѣлъ приготовить и привести въ порядокъ свой письменный столъ. Кстати спѣшу сообщить для Вашего свиданія свой новый адресъ: на углу Большой Садовой и Екатерингофскаго проспекта, д. Куканова, кв. № 21. Это второе обстоятельство, замедлившее мой отвѣтъ. Третье: я приготовлялъ къ печати для отдѣльнаго изданія всю работу свою о ссыльныхъ и тюрьмахъ; въ настоящее время лежатъ уже передо мною семь отпечатанныхъ листовъ перваго тома, которымъ самъ читаю корректуру. Именно теперь, могу даже сказать сейчасъ дополнялъ и исправлялъ по Вашимъ драгоцѣннымъ указаніямъ статьи о Вашемъ житьѣ-бытьѣ въ Сибири. Съ типографіей заключилъ условіе такого рода, чтобы всѣ три тома въ 70 печатныхъ листовъ были готовы къ декабрю. Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца явлюсь къ Вамъ со своими разсказами не лично, а трехтомно, потому что на выѣздъ отсюда не питаю надеждъ. Даже лѣтомъ нынче начальство мое не разрѣшило мнѣ отпуска для свиданія съ женой и дѣтьми, которыхъ отправлялъ я въ деревню Костр. губ.,—на мою родину. Сильно питалъ я себя надеждами на свиданіе съ Вами и горько разочаровался не по своей винѣ и желаніямъ, нынѣшнымъ лѣтомъ, въ началѣ Іюля. Предполагалъ нарочно ѣхать на Москву и Ярославль, а не на Рыбинскъ, хотя послѣдній путь и ближе.

Лишь только поосвобожусь нѣсколько, то первымъ дѣломъ примусь за статью для Архива, которую къ тому же предполагаю напечатать въ Спб. Вѣдомостяхъ и въ видѣ предисловія въ отдѣльномъ моемъ сочиненіи. Нынѣшную зиму пред-

полагаю приступить и кончить описаніе Бѣлоруссіи; главное препятствіе устранено; въ новой квартирѣ я снабжонъ отдѣльною и большою комнатою для кабинета. Васъ прошу быть увѣреннымъ въ томъ, что всякое порученіе Ваше для меня свято,—въ доказательство я могъ бы представить письмо Ваше, которое не вынимаю изъ ряда бумагъ, подлежащихъ немедленному, срочному исполненію. Замотали меня дѣла, явившіяся необходимостію. Два мѣсяца мы болтались, разыскивая квартиры, которыхъ такъ здѣсь стало мало, что многіе остались жить на дачахъ въ Царскомъ и Павловскѣ. Къ тому же квартиры непомѣрно вздорожали. Мы считаемъ себя въ счастливыхъ, что хотя какую-нибудь нашли за 700 руб. (съ дровами впрочемъ).

Все остальное вокругъ меня обстоитъ что называется благополучно. Дѣти здоровы, а жена, которая спѣшитъ свидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе, утомилась отъ суетни переѣзда и тревогъ ожиданія квартиры и занемогла.

Опять моя къ Вамъ старая просьба: не представляется ли какой-либо возможности добыть рисунокъ Петровскаго завода Ник. Алекс. для снятія копіи и для возвращенія къ Вамъ обратно подлинника съ истинною, самою искренною благодарностію, съ каковою остаюсь навсегда

Вашимъ преданнымъ и
покорнымъ слугой
С. Максимовъ.

9 Октября 1870.
Спб.

P. S. Мих. Павл. Смирновъ, Вашъ московскій знакомецъ поручилъ свидѣтельствовать Вамъ его почтеніе и уваженіе.

Сейчасъ кончилъ статью въ опроверженіе Свистунова, Многоуважаемый и Обязательный Дмитрій Иринарховичъ, заключая ее такими строками: „не сомнѣваясь въ томъ, что лицо это, не пользующееся расположеніемъ Г. Свистунова, въ свою очередь подѣлится своими воспоминаніями, серьозно отдѣланными, не отрывочными, не по вызову случайной статьи, а по непосредственному нравственному обязательству,—пользуюсь здѣсь случаемъ принести ему искренную благодарность за тѣ исправленія, указанія и дополненія, которыми охотно подѣлился онъ изъ богатыхъ запасовъ своей обширной памяти при просмотрѣ моей статьи въ корректурныхъ листахъ, приготовленной для печати. Степень дѣятельнаго участія его въ общинѣ петровской, по подлиннымъ документамъ артелей, не замедлю доказать въ дополненной статьѣ о государственныхъ преступникахъ въ печатаемомъ мною сочиненіи „О ссыльныхъ и тюрьмахъ“.“ За собою оставляю такимъ образомъ право выходить вновь противъ могущихъ быть нападеній съ надеждою выручки Вами по обѣщанію Вашему, высказанному въ послѣднемъ

письмѣ. Жду съ нетерпѣніемъ сохранившихся у Васъ матеріаловъ и рисунковъ, обѣщаясь сохранить ихъ какъ зѣницу ока. Съ опроверженіемъ своимъ намѣренъ поступить такъ. Бартеневъ обязанъ напечатать у себя такъ какъ онъ самъ же рѣшился утвердить своею защитою неудачную вылазку; но такъ какъ съ ея легкой руки и по поводу ея произведена противъ меня бестактная выходка со стороны рецензента Спб. Вѣдомостей, то посылаю и туда статейку съ выпискою этой статьи, предшествуемой такими словами: „вотъ что я написалъ и отправилъ въ Русскій Архивъ". Тотъ № Спб. Вѣд. не замедлю выслать Вамъ для ознакомленія Вашего съ тѣмъ, что удалось мнѣ написать противъ Свистунова въ торопяхъ, съ холоднымъ размѣреннымъ тономъ. Заваленъ я работой сильно: не до того бы теперь. Вотъ гонятъ корректурами первыхъ двухъ томовъ, а третій я еще окончательно не отдѣлалъ. Какъ бы кстати теперь Ваши указанія вновь, а то недѣли черезъ три будетъ поздно. Но какимъ образомъ сдѣлать это?—ума не приложу. Смирнова нѣтъ въ Москвѣ; искать вѣрнаго человѣка, ѣдущаго въ Петербургъ, не кому; самъ такихъ отсюда предузнать не могу. У Салаева часть отправки на Кожанчикова: путь вѣрный и я попрошу его пособить мнѣ въ этомъ, чтобы обезпечить Вамъ путь. Для меня новое одолженіе Ваше было бы истиннымъ праздникомъ. Я тогда въ книгѣ своей дѣлалъ бы прямыя ссылки. Впрочемъ и теперь предпосылаю статьѣ коротенькое предисловіе въ отпоръ на непріятный случай встрѣчи съ Свистуновыми и свистунами. Въ опроверженіи своемъ я не толковалъ много, имѣя случай категорически разбить моего сердитаго, злаго, но непослѣдовательнаго и несостоятельнаго рецензента. На бѣду его и хромой Бартеневъ приложилъ, поусердствуя, свою сбитую на рутинныхъ журнальныхъ пріемахъ руку. По духу чуется редакторское рукоприкладство по нѣкоторымъ вставнымъ ругательнымъ строкамъ. Я для него и для вѣроятія помѣщенія статьи въ Архивѣ не дѣлаю этого прямымъ намекомъ, но въ статьѣ для Спб. Вѣд. указываю, не церемонясь.

На этихъ двухъ недѣляхъ я возился съ переѣздомъ на новую квартиру и переѣздъ этотъ скопилъ на мою голову массу запущенныхъ такимъ образомъ работъ. Къ Вашему свѣденію на пріятный случай бесѣдъ съ Вами сообщаю Вамъ этотъ новый мой адресъ: на углу Большой Садовой и Екатерингофскаго проспекта, въ домѣ Куканова, кв. № 21. Отвоевавши себѣ просторный кабинетъ принимаюсь восполнять прежнія недоимки. Когда сдамъ въ типографію все о тюрьмахъ примусь за Бѣлоруссію и за годовые отчеты по дѣятельности полицейскаго управленія для редактируемой мною газеты. Аккуратно ли Вы получаете ее? Получаютъ ли Ваши въ Читѣ Ниву? Жалобы по неисправности доставки усердно прошу Васъ и Вашихъ обращать на мое имя. Лишь только выйдутъ изъ печати всѣ три тома, не замедлю прислать къ Вамъ. Остановился за статьею о Сибири, которую хочу изобразить въ общей картинѣ, останавливая вниманіе

читателей на мѣстахъ, наиболѣе удобныхъ для колонизаціи, но забытыхъ колонизаторами ссыльнаго люда. Вообще противъ всего напечатаннаго до сихъ поръ въ полномъ сочиненіи имѣется четыре очень большихъ и новыхъ статей. Издаю на собственныя средства, затративъ около тысячи долгу Кожанчикова мнѣ и задолжавъ тысячью у двухъ пріятелей. Годъ на Сѣверѣ и на Востокѣ передалъ книгопродавцу Звонареву изъ-за 40% съ продажнаго рубля по выборкѣ имъ расходовъ на изданіе.

Принося самую искреннюю благодарность за Ваши дорогія строки, полученныя на дняхъ, усердно прошу и впредь не забывать меня Вашею памятью и вниманіемъ. Остаюсь навсегда преданнымъ и глубоко-почитающимъ Васъ.

С. Максимовъ.

21 Октября 1870.

Спб.

Спѣшу вмѣстѣ съ сердечною благодарностію за новое Ваше одолженіе, Обязательнѣйшій и Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ, отправить къ Вамъ ту статью, которую напечаталъ въ Спб. Вѣд. № 298 въ прошлый четвергъ (29 Окт.). Немного запоздалъ отправкой лишь по тому, что мой собственный № стащилъ пріятель, а потому надо было удосужить время и сходить купить отдѣльный. Таковой едва нашелъ, такъ какъ оказалось, что лавочки, продающія газеты, отдѣльными номерами торгуютъ на комиссіонныхъ правахъ: продалъ по 4 коп. отдай, не продалъ—назадъ возврати. Бѣгалъ я уже въ самую контору. Какъ бы то ни было: это пока. Это лишь по вызову борзописца-рецензента этихъ вѣдомостей. Въ Архивѣ вдвое, а пожалуй и втрое больше и уже спеціально разговоръ со Свистуновымъ. Остальное я берегу про всякій случай и деликатничать и церемонничать не стану, если произойдетъ вторая вылазка, потому что перваго стараюсь задѣть и вызвать на поле всего, а вижу колѣнки, руки. Бартеневъ бездарными избитыми журнальными фразами заслонилъ самаго автора, которому я могъ бы на этотъ разъ возвратить его фразу: „кажется скорѣе вашимъ довѣріемъ злоупотребили и на свѣденіяхъ, которыхъ получено за безпамятствомъ, ровно на грошъ, построили цѣлую статью всю уже изъ стереотипныхъ журнальныхъ фразъ". До сихъ поръ застаивалъ себя, но при новыхъ нападеніяхъ, которыхъ ожидаю, съ Вашего позволенія выйду съ противовѣсомъ свѣденій сообщонныхъ Вами о себѣ и своими наблюденіями надъ истинными и большими дѣлами Вашими. Я даже остановился на такой же статьѣ объ Васъ, какую смастерилъ и самъ Свистуновъ о И. Д. Якушкинѣ. Все это впереди.

Очень сожалѣю, что назади остается непріятное впечатлѣніе, произведенное на Васъ моею комиссіею. Слѣдовало Мухину зайти самому, о чемъ я его и просилъ и что онъ мнѣ обѣщалъ, аргументируя тѣмъ: „помилуйте, что мнѣ

будетъ стоить, каждый день ходить мимо два раза". Что же мнѣ-то теперь дѣлать съ московскими неряхами? Простите меня великодушно. Вотъ надежный человѣкъ не умѣлъ сдѣлать, не смотря на то, при его посредствѣ посылка была бы у меня въ рукахъ черезъ день, т. е. въ Среду. Заканчиваю третій томъ послѣ завтра и затѣмъ возвращусь къ нему лишь для корректурныхъ исправленій. При Вашемъ содѣйствіи исправленій и дополненій такъ много и все такъ свѣрено, что приходи два Свистунова теперь,—оба разобьютъ голову. Въ самыхъ первыхъ числахъ декабря поспѣшу выйти обоими томами. На рисунки не теряю надеждъ. Первый томъ отпечатанъ, втораго половина.

Вы желали знать о Вѣстникѣ Европы, но я поставилъ себя такъ теперь далеко отъ него, что болѣе опредѣлительнаго разъясненія дать не могу. За бездарность Стасюлевича съ примѣсью жидовщинки тѣхъ странъ, откуда онъ родомъ (онъ бѣлоруссъ) за это могу поручиться. Больше плутъ, чѣмъ умный, онъ догадался пригласить сначала Костомарова, теперь Пыпина. Съ первымъ мы большіе друзья, со вторымъ въ очень хорошихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но вижусь рѣдко: я не могу по нетерпѣливости своей выносить эту волосатую крикливую, по неграмотную, безсовѣстную сволочь новыхъ литературныхъ писакъ и повѣстей и трактатовъ и критикъ; а этотъ народъ Пыпинъ (честный и славный) не умѣлъ прогнать отъ себя. У меня лады съ Отеч. Зап., но тамъ упрямства два: одно подъяческое сибирское у Елисеева, другое у Салтыкова. Съ Голосомъ же я совсѣмъ въ друзьяхъ и здѣсь, что Вамъ угодно, можно установить скоро и безъ затрудненій излишнихъ. Съ Зарей могу обѣщать Вамъ устройство дѣлъ и отношеній: тутъ два большіе пріятеля мои во главѣ этаго маленькаго дѣла.

Не пожелаете ли раздѣлить Ваши работы въ одно время между двумя журналами? Буду ожидать отъ Васъ отвѣта о дальнѣйшихъ Вашихъ соображеніяхъ и указаній темъ, о которыхъ Вы предполагаете говорить, чтобы начать сношенія и переговоры по этому вопросу съ обѣими редакціями.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и всегдашнею преданностію остаюсь Вашимъ покорнымъ слугой, всегда готовымъ къ услугамъ.

С. Максимовъ.

2 Ноября 1870.

Жена свидѣльствуетъ свое почтеніе и душевную благодарность за вниманіе Ваше къ ней и къ дѣтямъ.

Сразу столько капитальныхъ и серьозныхъ для меня одолженій съ Вашей стороны, безконечно Обязательный и глубоко-уважаемый Дмитрій Иринарховичь, что я положительно не нахожу словъ благодарить Васъ. Одолженія Ваши по тому для меня многоцѣнны, что Вы удѣляете имъ дорогія не для Васъ однихъ минуты; я и расчитывать не смѣлъ на большее противъ того, чѣмъ Вы меня

подарили. И тяжолое чувство человѣка, ворвавшагося съ своей нуждой можетъ быть и не во время, оправдываю передъ собою только тѣмъ любезнымъ и обязательнымъ вызовомъ Вашимъ, которымъ Вы обезопасили меня. Карточки Ваши— истинно дорогой и самый пріятный подарокъ по тому, что былъ для меня неожиданнымъ. Позднѣйшую отняла у меня жена въ томъ расчотѣ, что я уже владѣлецъ читинской карточки и надѣется оправдываться и успокоиваться лишь на томъ, что передаетъ Вамъ лично отъ себя свою благодарность за вниманіе ко мнѣ. Присоединяю къ ея и свою благодарность за вниманіе къ моимъ работамъ. Всѣ отъ начала до конца я вышлю къ Вамъ на судъ и попеченія тотчасъ какъ отпечатаютъ послѣднюю, обласканную и охорошенную Вами. Сожалѣю при этомъ о томъ, что могу послать Вамъ лишь одинъ экземпляръ изъ трехъ, полученныхъ мною изъ типографіи. Новыя правила печати съ усиленнымъ типографскимъ надзоромъ поставили авторовъ въ непріятное положеніе по отношенію къ опасливымъ редакторамъ. Краевскій оказался одинъ изъ самыхъ неуступчивыхъ и Некрасовъ тутъ ничего не можетъ сдѣлать, печатаясь въ его типографіи. Оттиски теперь поставлены въ значеніе отдѣльныхъ брошуръ и для выпуска изъ типографіи, какъ имѣющіе всегда менѣе 10 листовъ, требуютъ уже цензурнаго разрѣшенія. Корректуры же усчитываются здѣшными инспекторами такъ, что выпускъ первыхъ обусловливается только двумя экземплярами; корректорскимъ и редакторскимъ. Корректорскій въ тоже время и авторскій. Это обстоятельство считаю для себя тѣмъ болѣе обиднымъ, что хотѣлъ еще разъ воспользоваться Вашимъ обязательнымъ предложеніемъ, провѣрить меня въ торопливой, срочной журнальной работѣ и дать возможность облегченія той работѣ, которую веду теперь, дополняя значительно, исправляя тамъ, гдѣ уляжетъ догадка или новыя свѣденія. Въ самомъ непродолжительномъ времени я предполагаю выдти двумя отдѣльными томами. Туда включу все недоговоренное и разовью многое съ большею подробностію. Изъ статьи о полякахъ у меня вынутъ цѣлый листъ на уступку, затребованную Главнымъ Правленіемъ. Вы не видѣли цифръ и не читали выводовъ, а цифры у меня были даже самыя новыя: до 1867 года включительно. Интереснаго и поучительнаго они дали мнѣ много. Въ отдѣльномъ изданіи я все это включаю и вообще уже и теперь накопилось новаго матеріалу для изданія на цѣлую треть больше того, что напечатано въ Отеч. Зап. и Вѣстникѣ Европы (прошлаго года). Ваши указанія для меня драгоцѣнны; я во всей ихъ неприкосновенности заносилъ вчера цѣлый вечеръ въ корректуру, Христа ради выпрошенную у редакторовъ, чтобы ускорить работу и произвести свои личныя исправленія предварительно Вашихъ. Какъ другъ мой московскій не по своей винѣ долго не выходилъ изъ предѣловъ Чернышовскаго переулка, такъ меня здѣсь на Мѣщанской измучили типографскіе разсыльные и письма то отъ Салтыкова, то отъ Некрасова. Вся бѣда состояла въ томъ, что статья идетъ первою въ первомъ отдѣлѣ, а потому

отъ нея зависѣла сверстка всѣхъ остальныхъ и дальнѣйшихъ. Исправили, подвинувъ статью мою глубже, но и тутъ стали на краю чувствовать ознобъ и прибѣгать докучливо подъ мою угрозу. Сегодня въ 9 часовъ утра я ихъ утѣшилъ правкою и разогорчилъ новымъ наборомъ. Вашъ разсказъ объ общинѣ я велѣлъ сегодня же набирать цѣликомъ. Исправленія всѣ сдѣлалъ по Вашимъ указаніямъ и желаніямъ. Съ Лепарскимъ старался сладить такъ, какъ позволяла краткость времени и торопливость работы, тотчасъ послѣ разсыльнаго и убѣдительнаго письма Салтыкова. Разсказъ рисуетъ совсѣмъ инаго человѣка, но мнѣ уже по тремъ причинамъ нельзя было изламывать его цѣликомъ. Останавливало то, что Вашей характеристики Лепарскій усугубилъ бы тяжолое впечатлѣніе статьи, затруднивъ такимъ образомъ надежду на пропускъ (который еще и до сихъ поръ кажется намъ нѣсколько сомнительнымъ); во 2-хъ Розенъ объявилъ о своихъ запискахъ, что они печатаются и въ непродолжительномъ времени выйдутъ (Спб. Вѣд. 1-го Окт.); въ 3-хъ мои редакторы убѣждены уже двумя свидѣтельствами: нѣкоторыхъ изъ Вашихъ товарищей (Розена, И. Д. Якушкина и Басаргина) и Броневскимъ. Ваши дорогія біографическія свѣденія приберегъ для отдѣльныхъ характеристикъ или коротенькихъ біографій, которыя составляю въ „Приложеніе“ къ моему двухтомному сочиненію. Помѣстилъ изъ нихъ тѣ, какія успѣлъ въ коротенькое время и по тому соображенію, что они преобладаютъ въ цѣломъ трактатѣ объ общинѣ такъ, что обнажаютъ примѣтную недостаточность другихъ, не говоря о тѣхъ, которыхъ я дѣйствительно не знаю, но напр. и о Николаѣ Алекс., о которомъ у меня понабралось свѣденій довольное число. Вотъ Вамъ моя откровенная исповѣдь по самымъ незначительнымъ моимъ сокращеніямъ, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать во 1-хъ въ виду поспѣшности, во 2-хъ отчасти въ виду сокращенія типографскихъ работъ (сегодня суббота, завтра наборщики здѣшные пьяны вмѣстѣ съ сапожниками), въ 3-хъ въ виду того благопріятнаго для меня обстоятельства, что все это могу включить въ видѣ дополненія при отдѣльномъ изданіи. На него-то бы я и просилъ Васъ, Обязательнѣйшій Дмитрій Иринарховичъ, обратить Ваше живительное и благотворное вниманіе, которому такъ обязана моя послѣдняя статья. Не столько Мих. Павл., сколько типографія сама затруднила наши взаимныя сношенія: я за двѣ недѣли до полученія корректуръ для отправки въ Москву выхлопоталъ распоряженіе Краевскаго, но типографія цѣлую недѣлю промѣшкала, и недѣлю набирала. Я не смѣлъ назначить схему для Васъ, предоставляя на Вашу волю: довольно было уже однаго стѣсненія. Мих. Павл. я указалъ приблизительный срокъ на случай вопроса Вашего и уже конечно дорожилъ не только лишнимъ днемъ, но и суммою дней лишнихъ на пребываніе корректуръ въ Вашихъ рукахъ. На пущее горе Отеч. Зап:, противъ своего обыкновенія, на этотъ разъ собрались раньше, тогда какъ любили всегда прежде опаздывать. Дѣло впрочемъ столько же ихъ интереса, какъ и мое и лиш-

ніе два-три дня могутъ невыгодно отразиться лишь на выдачѣ денегъ срочнымъ сотрудникамъ. Впрочемъ и имъ хозяева могутъ выдать раньше, до выхода книжки. У меня слабъ отдѣлъ недостаткомъ матеріаловъ о пребываніи Вашихъ товарищей на поселеніи. Говорить о вліяніи нравственномъ я считалъ несвоевременнымъ; фактами я запасся скудно, видѣвъ только Васъ и слышавъ про Ив. Ивановича и Николая Александровича. Къ тому же статья и безъ того вышла слишкомъ объемиста для журнальной книжки. Въ отдѣльномъ изданіи надѣюсь пополнить значительно, когда, что называется, будетъ „своя рука—владыка“. Если бы Вы взяли на себя трудъ прояснить и этотъ вопросъ тѣмъ аналитическимъ взглядомъ и освѣтить тою критикою, которые были такъ плодотворны для Амура и такъ оживили спутанныя и темныя мѣста моей работы,—Вы обязали бы меня безпредѣльно. Важно именно вліяніе на массы, на отдѣльныя сословія, на отдѣльныя личности. Оно было, но какъ сильно и дѣятельно незнающему нравственный уровень того общества, среди котораго поставила Васъ судьба—рѣшить трудно теперь, потому что Сибирь все-таки ушла или уведена далеко. Вы въ этомъ первый судья, какъ единственный извѣстный знатокъ Сибири и Сибиряковъ. Если бы замѣтки Ваши были столько же сжаты, то и тогда лучшаго нечего желать отъ души благодарному и всѣмъ сердцемъ почитающему Васъ и всегда

готовому къ услугамъ

С. Максимову.

Письма И. А. Гончарова Ю. М. Богушевичу.

Сегодня Александръ Григ. прислалъ мнѣ прилагаемую присемъ докладную записку Г. Министра Государю и всеподданнѣйшіе адресы, чтобы сдѣлать статью, *подобно какъ о Волынскихъ адресахъ и напечатать въ Сѣв. Почтѣ.*

Я не знаю, какая была статья о Волынскихъ адресахъ и когда, а между тѣмъ надо, я полагаю, напечатать завтра и ужо вечеромъ послать Министру въ корректурѣ. Нельзя ли послать всеподдан. записку министра пока въ типографію, чтобы набирали, а потомъ къ ней приставить и статью, только предупредите, чтобъ записку не запачкали.

Александръ Григорьевичъ присылалъ также спросить, не было ли сегодня разослано Прибавленія къ Сѣв. Почтѣ: получили ли Вы вчера Инвалидъ и не было ли тамъ чего-нибудь важнаго?

11 Марта
1862.

До свиданія.
Вашъ И. Гончаровъ.

На оборотѣ сего, изъ письма Фукса, Вы увидите, почтеннѣйшій Юрій Мих., что онъ, по приказанію министра, требуетъ . . . . . .*) Тверск. Губ. Вѣдомости. Потрудитесь отослать, если онѣ у Васъ или дайте знать Вас. Вас., чтобы онъ поискалъ и послалъ сегодня, даже теперь.

Статью Г. Фукса я отослалъ въ типографію. Посылаю Вамъ при этомъ статью сына Александра Григорьева, которую онъ принесъ ко мнѣ вечеромъ. Пробѣгите ее, если есть время, а нѣтъ, такъ прикажите набирать не очень мѣшкая: хорошо бы напечатать ее, если не успѣютъ набрать къ Воскресенью, то хоть во Вторникъ. Да еще бы приготовить что-нибудь ему, извлеченія ли изъ статей или компиляцію, переводъ если встрѣтится, и т. п.

Досвиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

13 Марта.

Милостивый Государь

Иванъ Александровичъ,

Имѣю честь препроводить при семъ статью о Дворянскихъ Собраніяхъ для напечатанія въ неоффиціальномъ отдѣлѣ Сѣв. Почты. Хотя она была мною предварительно доложена г. Министру, тѣмъ не менѣе . . . .*) желаетъ, чтобы до напечатанія представлена была ея корректура.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по порученію Его Превосходительства, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, приказать препроводить ко мнѣ . . . . . .*) NN Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, въ неоффиціальномъ отдѣлѣ которыхъ были напечатаны свѣдѣнія о настоящихъ собраніяхъ Тверскаго Дворянства.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашимъ покорнымъ слугою

В. Фуксъ.

Вторникъ 12 Марта 1862.

Мнѣнія трехъ членовъ сейчасъ получилъ и не премину воспользоваться ими.

Сію минуту только я нашелъ у себя прилагаемую статью съ разрѣшеніемъ печатать. Можетъ быть еще не поздно будетъ пустить ее въ завтрашній номеръ. Впрочемъ объ этомъ предоставляю на рѣшеніе Юрія Михайловича.

И. Гончаровъ.

Милостивый Государь

Юрій Михайловичъ.

Только что получена мною прилагаемая здѣсь статья; согласно желанію Ивана Александровича, она можетъ быть напечатана; при этомъ только прошу

---

*) *) *) Письмо оборвано по краямъ.

принять во вниманіе, что первая и вторая страницы уже сверстаны, такъ что этой статьѣ придется стоять послѣ отчета географическаго об—ва, и то съ условіемъ—если отложить *цѣны* и нѣсколько разныхъ извѣстій.

М. Верещагинъ.

1) Отъ времени до времени въ газетахъ заявляется о передачѣ пожарной части въ городахъ въ вѣдѣніе городскихъ обществъ, но въ какомъ положеніи находится это важное дѣло по всей Россіи,—публикѣ неизвѣстно. Не признается ли возможнымъ сообщить въ Ред. С. Почты переписку по этому дѣлу, въ которой должны быть сосредоточены всѣ подлежащія свѣдѣнія.

2) Съ этимъ же вопросомъ связанъ и вопросъ о взаимномъ застрахованіи отъ огня строеній въ городахъ. Редакція могла бы составить обзоръ всего совершившагося и по этому предмету, еслибъ ей была сообщена переписка.

3) Во всѣхъ газетахъ заявлено о неурожаѣ и голодѣ въ Тоб. губ. Если это извѣстіе достовѣрно, то желательно бы заявить его по свѣдѣніямъ, имѣющимся во множествѣ, по примѣру Архангельской, Вологодской и др. губерній.

Вчера я видѣлъ Александра Григорьевича: онъ прежде всего спросилъ меня: 1, что не видать свѣдѣній о голодѣ въ губерніяхъ? Я отвѣчалъ, что у насъ готово и скоро будетъ напечатано. 2, онъ сообщилъ мнѣ, что на Сѣв. Почту жалуются за перепечатки и что жалобы возникаютъ больше отъ редакціи *Голоса*.

Поспѣшая увѣдомить объ этомъ Васъ, я полагалъ бы вотъ что: *вести аккуратную записку номеровъ всѣхъ тѣхъ газетъ*, гдѣ есть перепечатки изъ Сѣв. Почты, чтобы, въ случаѣ какой-нибудь жалобы (особенно печатной) намъ можно было въ свою очередь сейчасъ же отвѣчать цѣлымъ перечнемъ перепечатокъ изъ Сѣв. Почты. Начать бы хоть съ Инвалида, въ которомъ, какъ Вы вчера говорили, начали перепечатывать у насъ, ловить тотъ же Голосъ, Наше Время и проч. Это нужно даже на случай показать и начальству, если оно упрекнетъ насъ въ этой слабости.

Безсовѣстный и жадный Краевскій способенъ затѣять исторію вездѣ, гдѣ дѣло коснется кармана: помните, у него же была по этому предмету полемика съ Сыномъ Отечества?

Но зато его легко и унять: стоитъ только, если онъ пикнетъ, взять СПБ. вѣдомости за послѣднее полугодіе прошлаго года: онѣ всѣ цѣликомъ есть ничто иное, какъ непрерывная перепечатка Сѣв. Почты: мы печатно же его спросимъ, для чего онъ это дѣлалъ тогда, а теперь возстаетъ на перепечатки?

Но во всякомъ случаѣ надо быть осторожнымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ порядочно накопилось своего матеріяла. Хорошо бы почаще употреблять предло-

женную однажды Вами методу—вкратцѣ пересказывать содержаніе статей изъ другихъ газетъ.

И такъ не забудьте поторопить помѣщеніемъ извлеченій о голодѣ.

Вашъ

Среда. Гончаровъ.

Концертное общество прислало сей часъ на мое имя членскій билетъ для входа на всѣ три вечера, и вмѣстѣ съ тѣмъ *правила* вообще объ этихъ концертахъ и *программу* перваго вечера, конечно, для напечатанія завтра у насъ въ газетѣ. Препровождаю къ Вамъ, Юрій Михайловичъ, *правила и программу* для напечатанія (если можно) завтра. Я обозначилъ и порядокъ, какъ печатать.

Препровождаю также и билетъ, хотя его и не велѣно передавать, но ни меня, ни васъ не знаютъ: почему же Вамъ на одинъ вечеръ не сдѣлаться мной? Только покажите тамъ билетъ, а не отдавайте, ибо онъ на три вечера. Зато поспѣшите объявить о концертѣ завтра.

Что касается до меня, то готовясь на старости перейти въ другой, лучшій міръ, я теперь слушаю только музыку сферы.

Вашъ Ив. Гончаровъ.

Среда.

Сегодня я просмотрѣлъ весьма поверхностно многія корректуры, почтеннѣйшій Юрій Михайловичъ, и потому покорнѣйше прошу Васъ наблюсти сегодня за ними, тѣмъ болѣе, что у насъ одинъ корректоръ (Цвѣтковъ) внезапно умеръ. Модестъ Мих., пожалуй, поневолѣ не усмотритъ чего-нибудь. Поэтому не пожалуете ли вечеромъ въ Редакцію хоть часовъ въ 10, а если передъ тѣмъ можно заѣхать ко мнѣ, то крайне меня обяжете. У меня послѣ Васъ былъ сегодня Александръ Григорьевичъ и мнѣ нужно бы сказать Вамъ слова два. Впрочемъ, если это затруднитъ Васъ, то можно отложить завтра до утра въ первомъ часу.

NB. Изъ возвращенныхъ мною сегодня корректуръ Внутр. Отдѣла особенно важна о Царской охотѣ въ Москвѣ.

Преданный Вамъ

И. Гончаровъ.

Вотъ наконецъ, почтеннѣйшій Юрій Михайловичъ, тотъ Г. Колмогоровъ (Григорій Васил.), о которомъ давно говорилъ намъ Илья Александровичъ: да будетъ онъ для насъ тѣмъ фениксомъ, тѣмъ идеаломъ, воплощенія котораго Вы тщетно искали въ Мохтинѣ и другихъ! Онъ, по словамъ его, совершенно привыченъ къ журнальной работѣ и писалъ и пишетъ самъ для журналовъ: завтра или

послѣ завтра, говоритъ онъ, въ Сѣв. Пчелѣ является его разборъ книги Скарятина *о золотопромышленникахъ*—взгляните, чтобъ познакомиться съ его перомъ, а теперь уже можете считать его сотрудникомъ съ 1-го Марта и давать ему разную работу, чтеніе вѣдомостей, извлеченія, сокращенія и проч. и проч. Я предложилъ ему побыть Мартъ на испытаніи съ платою 50 руб. за этотъ мѣсяцъ во всякомъ случаѣ, а если онъ *идеально* хорошимъ сотрудникомъ окажется, тогда съ Апрѣля положить ему по 60 руб. въ м—цъ. Но предупреждаю, что онъ служитъ и утромъ до 3 и 4-хъ часовъ несвободенъ, за то работаетъ по вечерамъ дома и берется за всякую срочную работу. Вамъ надо съ нимъ условиться видѣться, или по утрамъ, до его службы, или въ другіе, удобные для Васъ и для него часы, чтобы задавать ему работу и принимать готовую отъ него.

Досвиданія.

1 Марта
1863.

Вашъ И. Гончаровъ.

Алекс. Семеновичъ, можетъ быть, 29 Декабря уѣдетъ въ отпускъ: я сегодня видѣлся съ Г. Министромъ и хотѣлъ бы повидаться съ Вами, почтеннѣйшій Юрій Мих. Извините, что безпокою Васъ, но не можете ли Вы пожаловать ко мнѣ хоть завтра часу въ первомъ, по обыкновенію, или же дать мнѣ знать, когда Вы будете дома; я бы заѣхалъ къ Вамъ.

Вамъ преданный

24 Дек.

И. Гончаровъ.

Если Дмитрій Александровичъ придетъ сегодня вечеромъ въ Редакцію, то не потрудитесь ли Вы, почтеннѣйшій Юрій Михайловичъ, сегодня же и сказать о томъ, какъ бы ему легче и выгоднѣе было заниматься при редакціи, не оставляя своей службы; получалъ бы онъ отъ насъ конечно половину, т. е. 60 р. въ м—цъ, зато на половину бы меньше было ему и работы; по вечерамъ можно бы было ему даже и не ходить, а дать ему извѣстную или извѣстныя части. Я заходилъ въ одинъ домъ, гдѣ думалъ застать его, но его не было.

Ради Бога, пробѣгите Инвалидъ и обратите вниманіе не только на подпись, но и на *мы* и на *насъ* въ срединѣ статьи.

Вашъ И. Гончаровъ.

Среда.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію
Юрію Михайловичу Богушевичу.

Юрію Михайловичу.

Вотъ, почтеннѣйшій Юрій Михайловичъ, что̀ я придумалъ написать вмѣсто прежняго отвѣта Инвалиду. Тамъ всетаки видно нѣкоторое раздраженіе, а этотъ послѣдній отвѣтъ покойнѣе. Я пошлю и его, и эту записку на имя Модеста Мих., чтобы онъ отвѣтъ тотчасъ отдалъ набрать до Вашего прихода.

Обратите вниманіе, что я обѣщаю Инвалиду *выставлять его имя подъ каждою статьею, взятою изъ него, и en toutes lettres:* такъ и исполнить надо.

Если что̀ нужно—я дома.

Вашъ И. Гончаровъ.

Сей часъ Александръ Григорьевичъ прислалъ мнѣ прилагаемыя три брошюры, съ какою цѣлію, еще не знаю, но велѣлъ только сказать, что завтра со мной увидится. Посылаю ихъ на всякій случай Вамъ, Милостивый Государь Юрій Михайловичъ, для прочтенія, свѣдѣнія, а можетъ быть, и извлеченія для своей статьи. Если что понадобится взять отсюда, хорошо бы было записать отдѣльно и потомъ уже воспользоваться, переговоривши со мной и съ Александромъ Григорьевичемъ; мы узнаемъ отъ него, чего онъ желаетъ.

Преданный Вамъ И. Гончаровъ.

Завтра часамъ къ двумъ, не потрудитесь ли доставить брошюры обратно въ Редакцію.

Я не знаю, предупредили ли Вы, Юрій Михайловичъ, въ типографіи, что рѣчь Государя должна быть помѣщена первою статьею, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы присланы были новыя телеграфическія депеши изъ Польши.

Посылаю при этомъ письмо Моск. корреспондента; прикажите набирать и печатать, когда заблагоразсудите.

До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

Вторникъ.
15 Янв.

Изъ разговора съ Алекс. Григ. въ театрѣ я могъ убѣдиться, что онъ жалѣлъ объ отсутствіи у насъ всякихъ другихъ новостей изъ Польши, кромѣ почерпаемыхъ изъ Инвалида, хотя впрочемъ и онъ и министръ сначала не хотѣли распространяться объ этомъ. Чтобы удовлетворять ихъ, надо извлекать что подходитъ къ Сѣв. Почтѣ, и между прочимъ извѣстіе о смерти Микишевскаго и извлеченіе изъ его статьи. Нельзя ли пустить это въ завтрешнемъ нумерѣ, сказавъ нѣсколько словъ о немъ самомъ т. е: что вотъ молъ еще жертва систематическихъ революціонныхъ убійствъ, совершаемыхъ какъ надъ русскими, такъ и надъ са-

мими поляками; на этотъ-де разъ погибъ одинъ изъ разумнѣйшихъ и просвѣщенныхъ патріотовъ, котораго энергическій голосъ тревожилъ нечистую совѣсть возмутителей спокойствія, обличалъ тщету и преступность однихъ, открывалъ глаза на заблужденіе другихъ—и ножъ подлаго убійцы прекратилъ дни умнаго и благороднаго патріота, не боявшагося взывать къ честному чувству и здравому смыслу націи, нужды нѣтъ, что въ темнотѣ бродилъ уже убійца, что объ этомъ предупреждали патріота. Микишевскій былъ секретаремъ маркиза Велеопольскаго, потомъ редакторъ Дзенника Повмехнаго, потомъ писалъ то-то и то-то.... Онъ убитъ на крыльцѣ собственнаго дома (такого-то числа, утромъ или вечеромъ).

Послѣдняя статья его—не журнальная статья—это плачъ пророка надъ гибелью родины и энергическое проклятіе и т. д. Еще нѣсколько словъ и потомъ заключеніе его статьи, если можно изъ Dzennika, а если нельзя, то вотъ СПБ. вѣдомости, гдѣ этотъ конецъ приводится въ письмѣ Берга, изъ котораго можно извлечь, но надо въ такомъ случаѣ и сослаться на него. Между тѣмъ будемъ же смотрѣть Dzennik сами и Виленскій курьеръ тоже, откуда надо извлекать то, что можетъ быть помѣщено въ Сѣв. Почтѣ. А также надо поглядывать и въ наши Петерб. газеты.

Помните, я что-то передалъ Вамъ: кажется, письмо Псковскаго помѣщика, которому надо сказать, что письма его хороши, но неудобны *по духу полемики* къ печати въ Сѣв. Почтѣ, и вмѣстѣ увѣдомить его объ употребленіи денегъ; по первому пункту ему надо написать, а о деньгахъ упомянуть—тоже завтра бы.

Прощайте до 4-хъ часовъ.

Вашъ
И. Гончаровъ.

29 Апр.

Письма И. С. Аксакова 1878 и 1879 гг.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ.

Посылаю Вамъ, по порученію Анны Өедоровны, чекъ на передержанную Вами сумму по перевозкѣ мебели.... Жалѣю, что такъ дорого обошлась перевозка мебели. Выдаютъ ли они ключъ отъ палатокъ или нѣтъ, и если выдаютъ, то выдали ли Вамъ? Полагаю, что не выдаютъ. Вы не сообщаете, составлена ли была опись вещамъ и мебели, приложена ли печать? Въ противномъ случаѣ храненіе въ палаткахъ едва ли надежно. Сколько ящиковъ перевезено къ Кошелевымъ въ домъ? Отмѣчены ли они какою нибудь буквою? Пожалуйста увѣдомьте обо всемъ акуратно, равно какъ о полученіи денегъ по чеку.

Я уже Вамъ писалъ но не знаю, дошло ли мое письмо до Васъ: оно было адресовано въ домъ Дьякона.

7 Авг. Васъ искренно уважающій
78. Ив. Аксаковъ.

С. П. Б. Большая Милліонная, домъ Власовой.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ.

Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня, какъ поступлено съ деньгами Анны Михайловны Раевской, и не помните ли Вы ея адреса? Вѣдь остались ея деньги. Изъ 175 р.(?) ею присланныхъ, сколько помню, *50 р. на публикацію,* 25 р. за дѣвочку; другіе 25 р. за другую только не знаю, успѣли ли ее, эту другую, помѣстить (какъ ее зовутъ?); деньги вѣдь во всякомъ случаѣ въ Арбатской школѣ. 25 р. семейству Фермора (кажется посланы Ѳедору Ив. Тимирязеву) и 25 р. Орѣховой. Эти гдѣ? Остается еще 25 р. Только навѣрное не знаю, 150 или 175. Переписка съ нею осталась въ Славян. Общ—вѣ. Сообщите, что помните, только поточнѣе. Не помнитъ ли Михаилъ Петровичъ.

Деньги Бѣлкину за Августъ мѣсяцъ будутъ выплачены въ концѣ Августа. Удивляюсь, что квартира не занята; охотниковъ при мнѣ было много. Совѣтовалъ бы ему пока не ломать перегородокъ.

14 Авг. Вашъ Ив. Аксаковъ.
78.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ!

Просьбу несчастнаго старика С. я всею душею готовъ былъ бы исполнить, но для меня несомнѣнно, какъ $2 \times 2 = 4$, что мое заступничество его компрометтируетъ и ему повредитъ. Ему поставятъ въ вину, что онъ вошелъ со мною въ сношенія, жаловался мнѣ на несправедливость начальства. Но дѣло устроилось гораздо лучше. Я получилъ Ваше письмо, когда у меня сидѣлъ Князь В. Н. Гагаринъ. Княгиня сама отъ себя напишетъ М. В. Дурново объ этомъ случаѣ, ссылаясь на своего мужа, а П. П. Дурново, по просьбѣ М. В., будетъ или просить Арапова, т. е. разъяснитъ ему ошибку, или же самъ дастъ ему у себя мѣсто. Такъ предполагается. Больше же я ничего сдѣлать не могу.

Пожалуйста, разъясните мнѣ исторію съ курьеромъ, привозившимъ письмо на имя Анны Ѳед. отъ Имп., какъ Вы писали. *Сами ли Вы его видѣли, говорили съ нимъ*, точно ли онъ сказалъ Вамъ, что онъ курьеръ и везетъ письмо отъ Импер. Или это догадка?

Дѣло въ томъ, что одна пріятельница моей жены, живущая въ Царскомъ Селѣ, Графиня Ламбертъ посылала въ Москву къ Аннѣ Ѳедоровнѣ съ письмомъ свою компаньонку, которая точно также пріѣзжала въ домъ 29 Іюля, въ Субботу и уже не застала Анны Ѳедоровны. Не ее ли приняли за курьера?

Сдѣлайте милость, Анна Ѳедоровна Васъ проситъ разсказать ей исторію съ курьеромъ во всей точности и подробности. Объ этомъ письмѣ потомъ ни слуху ни духу.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

15 Авг.

78. С. Варварино.

Можетъ быть дама эта сказала: „я курьеромъ изъ Царскаго", а швейцаръ и передалъ Вамъ: курьеръ де пріѣзжалъ.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ.

Я писалъ Ольгѣ Ѳедоровнѣ Кошелевой—не можетъ ли она рекомендовать Васъ Стрекаловой для завѣдыванія письмоводствомъ по попечительству надъ Славянскими дѣвицами.

Не забудьте, прошу Васъ, когда М. П. Соловьевъ возвратится въ Москву, попросить у него письмо А. М. Раевской. Вѣдь надо же будетъ ей писать и отдать ей отчетъ въ деньгахъ.

Нельзя ли Вамъ на досугѣ зайти къ Нилу Ал. Попову и попросить у него слѣдующихъ книгъ (мои остались въ Москвѣ); Исторіи перваго 10 лѣтія Моск. Сл. Комитета и всѣ послѣдующіе напечатанные отчеты, а также Съѣздъ Славянъ. Если онъ Вамъ дастъ эту книгу или эти книги, то потрудитесь передать ихъ Успенскому Веніамину Алексѣевичу: онъ ихъ отправитъ ко мнѣ подъ бандеролемъ.

Исторія съ письмомъ отъ Императрицы теперь разъяснилась. Это было письмо не отъ Ея В—ва, а *изъ Конторы* Ея В—ва, увѣдомлявшее о зачисленіи въ Институтъ одной дѣвочки-сироты, о которой хлопотала Анна Ѳедоровна. Письмо это было доставлено сюда.

Напрасно Вы вывели изъ моихъ замѣчаній о перегородкѣ, что я предполагаю снова пріѣхать въ домъ Бѣлкина. У меня никакихъ предположеній не было и быть не можетъ. Срокъ моей ссылки мнѣ неизвѣстенъ и по всей вѣроятности будетъ продолжителенъ. Если же и возвращусь въ Москву, то не въ домъ Бѣлкина, гдѣ поселился ради удобства имѣть рядомъ съ собою Слав. Общ—во. Теперь же, съ уничтоженіемъ Сл. Общ—ва я въ Москвѣ займу квартиру, когда буду возвращенъ, гораздо меньше и скромнѣе.

25 Авг. Всегда готовый къ услугамъ

78. И. Аксаковъ.

Въ газетахъ читалъ, что сестра Княгини Трубецкой, Княгиня Шаховская, начальница Общины „Утоли моя Печали", заболѣла тифомъ. Вѣрно Княгиня Надежда Борисовна пріѣдетъ скоро. Она дружна съ сестрою.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ.

Ничего не могу я сдѣлать для г. Бесѣдина. Съ Гильденштубе я всегда былъ въ очень холодныхъ отношеніяхъ и онъ меня терпѣть не можетъ, прочихъ совсѣмъ не знаю,—*военныхъ*. Поймите, что въ моемъ положеніи деликатность позволяетъ мнѣ писать только къ лицамъ коротко знакомымъ, которыя не боятся себя компрометировать. Прочіе же будутъ *очень не рады* полученію отъ меня писемъ, особенно лица, занимающія офиціальное положеніе. Барона Бюлера я знаю очень хорошо, но кромѣ того, что онъ именно изъ такихъ, которые боятся себя компрометировать, я не могу и придумать, какое мѣсто можетъ получить Бесѣдинъ въ Архивѣ!

Н. М. Павловъ пишетъ мнѣ, что Вы получаете мѣсто у насъ въ Обществѣ Вз. Кредита, по Отдѣленію Текущихъ Счетовъ. Совѣтую принять, хотя бы жалованье давали въ началѣ и умѣренное.

Будьте такъ добры: во 1-хъ побывайте у г-жи Гофманъ и потребуйте уплаты мнѣ 275 рублей.

Во 2-хъ справьтесь чрезъ М. П. Соловьева, чтоже сдѣлали въ Канцеляріи Генералъ-Губ. съ деньгами Анны Михайловны Раевской? Вѣдь ей необходимо отдать акуратный отчетъ въ этой суммѣ. Попросите Михаила Петровича. Да кстати. Анна Михайловна Еврейнова (домъ Хомякова, бывшій Пороховщикова, на Тверской, кварт. № 10) собирается къ намъ. Не можетъ ли М. Петровичъ передать ей бумаги, какія у него остались, касающіяся меня и моей дѣятельности? Передайте ему мой искренній привѣтъ.

3 Сент. 78. Васъ искренно уважающій
С. Варварино. И. Аксаковъ.

Посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ, письмецо къ А. И. Мамонтову и желаю, чтобъ оно послужило Вамъ на пользу. Но вѣдь если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, такъ онъ новыхъ создать не можетъ, и жаль, что Вы напередъ не справились, имѣется ли какое мѣсто въ виду. Были ли Вы у Трунина (въ Правленіи Смоленской дороги): онъ всегда благоволилъ къ Славянскому Комитету. Мнѣ кажется также, что М. П. Соловьевъ знакомъ хорошо съ Ахлестышевымъ; по крайней мѣрѣ онъ мнѣ писалъ, что Ахлестышевъ вытѣснилъ Стрекалову изъ Общества Малолѣтнихъ Дѣтей Преступниковъ и замѣстилъ ее Пустоваловой.

Вотъ и бѣдный Матовъ ищетъ мѣста и проситъ письма къ Городскому Головѣ—для поступленія въ должность Торговаго Смотрителя. Я тотчасъ же отвѣчалъ ему, что охотно дамъ письмо, но что во 1-хъ кажется Головы еще нѣтъ въ Москвѣ, чуть ли онъ не за границей; во 2-хъ, сколько помню, эти мѣста замѣщаются по баллотировкѣ, и лишь помощники назначаются Головой; въ 3-хъ

совѣтовалъ поразмыслить, годится ли ему, съ костылемъ, должность, гдѣ нужно постоянно ходить и лазить. Отвѣта не получалъ и боюсь, дошло ли письмо, такъ какъ адресъ онъ мнѣ далъ странный: Трубный пер. на Арбатѣ, д. Соколова. Но вѣдь кажется на Арбатѣ Трубнаго пер. нѣтъ, а есть Трубниковскій пер. на Молчановкѣ.

Имѣете ли свѣдѣнія о Гофманѣ? Есть ли надежда усовѣстить его мать и убѣдить ее уплатить мнѣ 275 рублей, которые теперь были бы для меня очень не лишними!

Васъ искренно уважающій

Ив. Аксаковъ.

28 Окт. 78.

С. Варварино.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ.

Я получилъ Высоч. разрѣшеніе вернуться въ Москву и вѣроятно въ половинѣ Декабря, какъ скоро пріищется квартира, вернусь. Жена проситъ Васъ ключъ отъ кладовой съ нашей мебелью передать Аннѣ Михайловнѣ Еврейновой, которая теперь у насъ, но въ Среду будетъ въ Москвѣ. Примите къ свѣдѣнію, что Никита у насъ больше не служитъ и оказался человѣкомъ пьянствующимъ и не совсѣмъ надежнымъ. До скораго свиданія.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

2 Дек. 1878.

С. Варварино.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ.

Не помните ли Вы адресовъ тѣхъ нашихъ израненыхъ или изувѣченныхъ солдатъ, о которыхъ мы столько печалились. Одна госпожа устроила койку для неизлѣчимыхъ въ Обществѣ Утоли Моя Печали и пристаетъ ко мнѣ: вынь да положь такого инвалида. Вѣдь у насъ такіе были.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

13 Марта 79.

Почтеннѣйшій Арсеній Григорьевичъ.

Проситъ меня г-жа Бибикова выкупить ея бумаги и передать ей; сама она по болѣзни въ Вашъ Банкъ явиться не можетъ. Попросите Владиміра Платоновича облегчить мнѣ это дѣло. Вотъ и деньги 1000 рублей. Нужно ли марку въ 60 к.? Если нужно налѣпите и взыщите съ меня.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

21 Марта 79.

Церемоніалъ встрѣчи вел. князя Павла Петровича по прибытіи его въ Пруссію, 1776 года.

Церемониалъ
о въстрече Его Высочества Великого Князя по прибытии в Прусию
от 21 июля

Прибылъ Его Высочество в деревню Махуховъ въ 11-мъ часу где зделаны были тамошнимъ дваряниномъ триумфалныя вороты и по улицамъ были зделаны алеи и у техъ триумфалныхъ воротъ стояли мужичьи девки каторыя брасали цветы и кричали здравствуй владетель всехъ сердецъ

А на другой стороне написана Россія

Въ 5 часовъ зачался церемониалной въездъ в Берлинъ

40 человекъ почталионовъ которые играли на трубахъ и съ своими шестью офицерами

На нихъ

кафтаны были синия аранжевыя камзолы шарфы белые шелковые с серебромъ на шляпахъ банты белые

За оными 3 экскадрона ремесленыхъ людей съ своими штандантами

На нихъ

кафтаны были кафеные на шляпахъ банты красные за ними егорская компания

На нихъ

кафтаны алифовые камзолы красные

За оными корпусъ знатного купечества

Кафтаны на нихъ были светло зеленые камзолы палевые на шляпахъ банты белые

За ними 3 королевские кареты в нихъ сидели

Пруской генералъ порутчикъ Лейтелюсъ

и бундебронъ и статсъ министръ графъ Вентеръ генералъ маиоръ Сарбантъ и протчия ковалеры

За ними деташаментъ гвардия

За гвардиею деташаментъ гвардия

За гвардиею скороходы королевския в богатой ливреи

За ними богатая королевская карета въ 8 лошадей заложенные в ней сиделъ Великій Князь и принцъ Пруской Гендрихъ за ними 3 кареты в которыхъ сидели генерал фелдмаршалъ графъ Румянцовъ

Россійскія каморъ геры и камеръ юнкеры господа

Персковъ Нарышкинъ и князь Куракинъ

За ними 100 человекъ пехоты которые содержали караулъ Великаго Князя

За оным экипажемъ дорожные

При самом въезде в город построенные триумхвалные ворота на которыхъ поставлены были с трубами и политаврами которымъ объявлено

Должны они чрезъ свой инструментъ дать знать прибытие Великаго Князя когда и какъ услышатъ оной знакъ то бъ началось исъ пушакъ палба и продолжалась бы до техъ поръ пока онъ прибыть изволитъ во дворецъ и увидится с королемъ

Во оныхъ воротахъ въстретили магистратские чины

Президентъ магистратской говорилъ краткую поздравителную речь

70 девицъ одеты некоторые в платьи граціи некоторые в пастушье приближась въ одну линею къ карете и первая из нихъ девица подала Его Высочеству венокъ сплетенной из цвѣтовъ и на бархатной подушке

Еще подала нарочно сочиненныя песни

На оных же воротахъ на въездѣ поставлена картина на которой изъображено

Россійской и пруской генеусы обнимаются имея в рукахъ каждой рогъ изъобилия и около ихъ панцыри и гербы

Прибыли ко вторымъ триумфалнымъ воротамъ которые зделаны у мосту Кенеберни у которыхъ въстречалъ хоръ девицъ купеческихъ дочерей

Оные убраны в садовническое платье из нихъ первенствующая подала Его Высочеству сочиненную оду

А протчие бросали по улице цветы ис карзинов Его Высочество со удоволствиемъ принять изволилъ

На оныхъ воротахъ поставлены картины на которыхъ изображены разные забавы и разные гербы россіской и пруской орлы

Съ стороны поставлена богиня щастия а з другой Венера

По всемъ темъ улицамъ многия тысячи народу смотрели и от полиціи приказано было наблюдать порядокъ и тихость что и было исполнено народ же многия от радости плакали

На реке множество было караблей и всякихъ разныхъ судовъ которые убраны были разными флагами и выставлены вымпелы

Какъ толко подъехалъ к мосту то въстреченъ былъ знатными девицами и французскихъ колонистовъ девицами ж которые наряжены в платье граціи и в пастушье

Ізъ которыхъ одна и подала къ Его Высочеству песню и оду Его Высочество со удоволствиемъ принять изволилъ

На всехъ триумфалныхъ воротахъ на корне и на ростуше и по всемъ ближнимъ переулкамъ от болшой улицы везде слышны были трубы и политавры и бесперерывная пушечная палба

И между темъ прибыть изволилъ къ замку королевскому где изволилъ из

кареты выттить и въстреченъ самимъ королемъ и со всею королевскою фамилиею и съ незреченною радостию король съ Его Высочествомъ обнятся ізволили и в самое оное время пушачная палба кончилась

Болшой куртакъ на которомъ были знатной пруской генералитетъ чужестранныя министры и приезжие знатные господа

Ужинъ былъ у королевы на золотомъ сервизѣ во время стола продолжалась разная музыка

22 июля поутру былъ куртагъ у Великаго Князя на которомъ были все знатные персоны и обеденной столъ

Ужинъ былъ у королевы з болшимъ столомъ на золотомъ сервизѣ за столомъ были Великой Князь и герцогъ Вентенберской со всею фамилиею и с наследникомъ Брауншвецкимъ и вся королевская фамилия

И в тотъ день после обеда Великой Князь изволилъ ездить по визитам

23 числа принцъ Гендрикъ уполномочилъ от государыни истребовать невесту пренцесу Вендербурскую Софию Доротею старшая дочь герцога Фридрига Его Королевское Высочество принцъ Гендрикъ изволил пойти къ королю и подалъ своеручное писанное от государыни писмо Его Высочество король изволил пойти къ герцогу Вертенбурскому и герцогине и подалъ своеручное писмо от государыни Его Высочество с великою радостию тотъ день праздновал радуясь притомъ что и онъ участникомъ во ономъ

После оного былъ болшой куртагъ и былъ король съ фамилиею с Великимъ Княземъ и зъ герцогомъ Вентербурскимъ со всею фамилиею и кроме королевскаго стола еще были 3 стола и в тот день надетъ на герцога Вентербурскаго орденъ Апостола Андрея на герцогиню Вентербурскую и на невесту ордена Святыя Екатерины осыпаны множествомъ бралиантовъ

В тотъ день отправленъ курьеръ къ россійскому двору со онымъ ізвестиемъ полковникъ королевской ѳлигель адъютантъ графъ Герфъ.

Поденная записка о пребываніи въ Москвѣ графа Фалькенштейна, 1780 года.

Поденная записка пребыванія Граѳа Ѳалькенштейна въ Москве въ Іюнѣ месецѣ 1780-го года.

Дни 6.

Его сиятелство имевъ начлегъ въ Можайскѣ и отправясь оттуда поутру прибылъ в Москву во второмъ часу пополудни; квартиру свою взялъ онъ в трак-

тире*) Прагѣ, во окресности котораго и вся его свита была расположена. Вскоре по прибытіи своемъ поехалъ онъ въ Кремль, смотрел состоящие тамо древния здания, разъпрашивалъ о цейгаузе и сходилъ к болшому колоколу въ яме лежащему; того ж дни былъ онъ в дворъцовомъ Головинскомъ саду и із онаго едучи остановлялся в Немецкой слободе у домовъ Никиты и Івана Демидовых, да на Покровке у домовъ князей Голицына Трубецкаго и Кантемира любопытствуя узнать чьи оныя; потомъ заезжалъ на Пречистенку где былъ дворецъ и на Знаменку к месту згоревшаго театра.

7-го.

Его сиятелство посетилъ католицкую кирху, из оной же приехавъ в Кремль ходилъ в Чудовъ монастырь и в соборы; после обеда былъ въ 13 части у Красъного пруда на обыкновенно тамъ бывающем въ Троицынъ день гулбище, оттуда поехавъ в Немецкую слободу остановлялся близь стараго жолтаго дворца и спрашивалъ об ономъ, был в московском генералномъ гоѳшпитале и із онаго въ дворцовомъ саду, в которомъ на сей день случилось много-численное собрание благороднаго общества такъ что болѣе 800 сочтено при въезде екипажей. Изъ саду проехалъ онъ опять на гульбище х Красному пруду, смотрелъ тамошния простонародныя забавы и подарилъ одному салдату и малчику по двадцети червонныхъ.

8-го.

Граѳъ Ѳалкенштейнъ побывавъ в католицкой кирхѣ заезжалъ оттуда к московскому губѣрнатору господину генералъ порутчику и кавалеру граѳу Остерману и къ московскому архиепископу Платону потомъ посетилъ Императорской воспитателной домъ и обѣдалъ съ светлейшим княземъ Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ въ трактире Праге, после обеда былъ съ визитомъ въ селѣ Васильевскомъ у главнокомандующаго в Москвѣ господина генералъ аншеѳа сенатора и ковалера князя Василья Михайловича Долгорукаго Крымскаго, а от него поехавъ въ собственное Ея Императорскаго Величества село Царицыно возвратился чрезъ село Коломенское в Москву въ 11-м часу пополудни и былъ въ вакзалѣ, въ которомъ въ сей вечеръ находилось болѣе 1600 персонъ.

9-го.

Его сиятелство былъ государственной иностранной коллегіи въ канторѣ и потомъ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ послѣ обеда же ездилъ въ ставропигиальной Воскресенской монастырь.

10-го.

Его сиятелство посетилъ учрежденныя в Москвѣ смирителной и инѳалидной домы смотрелъ вновь строющейся оперный домъ былъ у князя Григорья Але-

*) Какъ сей знаменитый иностранецъ наблюдая строгое инъкогнито, не занимаетъ нигде приуготовленных для него дворцовъ и домовъ и становится всегда въ трактирахъ то для сего нарочно учрежденъ в Москве трактиръ подъ именемъ Праги в доме Господина Угрюмова состоящемъ подле церкви Петра и Павла въ Новой Басманной.

ксандровича Потемъкина, после обѣда же ездилъ в Кусково къ граѳу Петру Борисовичу Шереметеву и былъ тамъ въ зверинце оттуда же возвратяс препроводилъ вечеръ въ ваксалѣ.

11-го.

Его сиятелство посетилъ Павловскую болницу и Донской монастырь потомъ побывавъ у князя Григорья Александровича Потемкина ездилъ к Варварскимъ воротамъ на ѳабрику волочильнаго золота и серебра, и къ Сухаревой башнѣ на шелковую ѳабрику содержателей Колосовыхъ после обѣда зделалъ визитъ граѳу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому в селѣ Петровском а возвратясь отъ туда былъ въ дворцовомъ Головинскомъ саду.

12-го.

Его сиятельство былъ до обѣда въ воспитателномъ домѣ а послѣ обеда ѣздилъ въ Петровской дворецъ, оттолѣ на Воробьевские горы где смотрелъ перенесенное туда от Пречистенскихъ воротъ дворцовое строение, зделал другой визитъ князю Василью Михайловичу Долгорукову Крымскому въ селѣ Васильевскомъ и напоследокъ побывъ въ вакзалѣ въ 11-м часу пополудни предприялъ путь свой въ Санктпетербургъ, а на другой день то есть 13 въ 9 часовъ пополуночи прибывъ въ Клинъ и оставшись тамъ до полуденъ для поправления своихъ экипажей въ 1-м часу пополудни отправился въ дальнейшій путь и въ 4 часа пополудни благополучно вступилъ въ границы Тверскаго намѣстничества.

Сверхъ описанныхъ въ семъ журналѣ мѣстъ его сиятелство граѳъ Ѳалкѣнштейнъ посещалъ многия еще другия примѣчая всіо съ величайшимъ любопытствомъ и наблюдая во обращеніи со всеми благосклоннейшее снисхождение. Во время пребывания въ Москвѣ содержалъ онъ для себя карету и цугъ ямъскихъ лошадей за кои платилось за каждую лошадь по 3 ру. в день и четверы роспуски съ ежедневъною за всѣ оныя платою по 8 ру. на сихъ роспускахъ ежьжали его люди по рынкамъ и по въсемъ торжищамъ узнавая цену меру и весъ всехъ продающихся здесь вещей и провйзіи. Предъ отъездомъ въ Санктъпетербургъ его сиятелство подарилъ состоявшему близь его квартиры пикету тритцать червонных полагая по одному на каждаго салдата и любопытствовалъ узнать тотъ часъ ли оныя имъ разделены; лейбъ медику своему приказывал зделать некоторые примечания об учрежденияхъ здешняго гобъшпиталя найденных имъ какъ кажется достойными подражания. Благородныя собрания въ дворцовомъ саду и въ вакзалѣ сравнивалъ онъ съ парижскими и Москву называлъ достойною столицѣю великой и славной Имперіи. Отправление зделалъ напередъ своей свитѣ на 27-мі лошадяхъ поутру а самъ отправился на 12-ти вечеромъ, расположась прежде ехать чрезъ Ераполецъ и Тверь, но въ разсужденіі наступившаго ненасья переменилъ свое намерение и поехалъ болшою Санктпетербургскою дорогою; накануне отъезда его отправился отсюда в Петербургъ бывшей здесь Австрійскій чрезъ-

вычайный посланникъ и полномочный министръ граѳъ Кобенцель впрочемъ при строжайшем наблюденіи инкогнито и при всех употребляемых мѣрах къ скрытию прямаго достоинства. Вѣсь народъ вѣдалъ, кого онъ видитъ в семъ знамѣнитом путѣшествѣнникѣ, а ласковость его и снисхожденіе приобрѣли ему от всехъ почтеніе и любовь. Свиту его составляютъ генералъ майоръ Броунъ, полковникъ ѳонъ Цетнеръ, подполковникъ ѳонъ Лангенъ, ротмистръ Кавалярсъ, духовникъ, секретарь, лейбъ медик, куриеръ и несколко служитѣлей; достойно примечания что какъ граѳъ Ѳалкенштейнъ, такъ и вся его свита во всю дорогу не употребляютъ иных постель какъ толко постланную солому которая и запасается на каждомъ начлегѣ.

Указъ подпоручику гвардіи Румянцову, подписанный царемъ Петромъ I, 1718 года.

Указъ подпорутчику отъ гвардіи Румянцову

Ѣхать ему в Ладогу и оттоль по рѣкам Волхову и Мстѣ (до Вышняго Волочка) и протчимъ рѣкамъ которые в тѣ рѣки впадают на тѣ мѣста гдѣ дѣлают всякие суды на которых ходят сюды и публиковать всѣм что всѣм вѣдомо есть какой великой убытокъ по вся годы чинитца на Ладожском озере от худых судов и что однимъ симъ лѣтом с тысячю судовъ пропало а сначала строения сего мѣста болѣе десыти тысячь того ради пред четырмя годами дан был указ чтоб строить шкуты а потом и эверсы з добрыми якори и оснаскою дабы не пропапали и не убытчились и сей указъ многожды и с прещением подтвержен но мало оному слѣдовали от глупости и упрямства принимая в ползу себѣ то что старыя суды дешевле а того не разсуждая сколко пропадает и ежели ту пропажу счислить то несравнително будетъ з дороговизнью новых судов того ради он Румянцов послан с послѣдним указом чтоб которыя старыя суды есть какова звания ни будь обрѣтаютца на водѣ оныя переорлить которым волно в будущее лѣто сплыть с кладью в Санктъ Питербурхъ и тамъ оныя избыть а назадъ отнюдь не взводить и вновь (и вновь) не дѣлать а кто назадъ взведет или новыя начнет дѣлать и тѣм яко преслушателемъ указа учиня наказанье и отписав все что имѣет сослать на галерную работу на пятнатцать лѣтъ а которые зачаты тѣ надлежит изломать и для лутчаго исправления вновь дѣлания эверсов послан с нимъ нынѣ мастер которому на Вышнем Волочку велено здѣлать обрасцовые эверсы разной величины почему впредь надлежитъ дѣлать а которые эверсы уже зачаты или здѣланы тѣм невозбранно ходить пока оныя истратятца но чтоб оснастку передѣлали по указу и для исправления оснастки посланы нынѣ в Ладогу на-

рочныя мастеры и матрозы а шкутамъ такъ быть какъ нынѣ есть толко поправить немного в оснастке ж а шкуты которые строены в Ладогѣ из губернских доходов велѣть оснастить вновь на которые и такалаж в Ладогѣ есть готовой также эверсы которые на Вышнем Волочку вновь здѣланы (из губернских доходов) по первой полой водѣ для оснастки отпустить в Ладогу жъ с правиантом казенным или купеческим для которых нынѣ заранѣе велите в Ладогѣ приготовить такалаж дабы на весну как скоро они в Ладогу придут немедленно могли их также оснастить и какъ оснастятъ и тогда тѣ эверсы и шкуты которые дѣланы из губернских доходов отпустить с какою нибудь кладью в Питербурхъ дабы они не порожни были; сие чинить неотложно и смотрить накрѣпко самому под жестоким наказанием.

Петръ.

Ноября въ 18 день 1718

Санктъ Питербурхъ.

Два письма Манштейна: одно импер. Петру I, 1723 г., другое—кн. А. Д. Меньшикову, 1727 года.

Всепр̆есветлейши державнейши императоръ и самодержецъ всеросиски Петръ великиі отецъ отечествия государь всемилостивейши

Служу я вашему императорскому величеству в регулярном войске съ 704 году от маеора и между темъ і в полковничьем ранге застаю с 710 году и за такой долговременною службою и за болезнию своею в полевой арми службу свою произвожду вашему императорскому величеству с великимъ трудомъ а видя вашего императорскаго величества к себе высокое милосердие и во отечество свое ехать не хочу а желаю быть в услуге вашего императорскаго величества в какой могу

Всемилостивейши государь прошу вашего императорскаго величества да повелит высокодержавство ваше меня нижеименованнаго раба своего за такую мою долговременную вашему императорскому величеству службу определить меня в гварнизонъ.

Вашего императорскаго величества нижайши раб от ковалери гранодерскаго ѳон дер Роппова полку полковникъ ѳон Манштейн сентебря в — день 1723 году

C. Manstein.

Светлѣйшій князь

Премилосердый Государь

Вашей высококняжой светлости премилостивѣйшему государю приношу свое всенижайшѣе рабское поздравление; получа от его императорского величества высокую милость пожалованием в генералисимусы; и со всеусердием желаю даруй

Боже, еже бы и впредь по желанию вашей светлости вся исполнялось; а понеже по всемилостивейшему его императорского величества указу чрезъ высокую вашей высококняжой светлости милость; многие генералитетъ повышены нынѣ рангами; а я нижайшей противъ своей братьи которые и молодше меня были остался; и определенным по штату жалованьем в пропитанiи своем немалую нужду принимаю; во всенижайшем рабском надѣянiи содержа себя на превысокую ко мнѣ убогому рабу вашей светлости милость припадая к стопамъ вашей светлости рабски молю повсюду славному вашей высококняжой светлости великодушному человѣколюбию, о повышенiи меня всенижайшаго раба сотворить ко мнѣ высокое вашей свѣтлости яко божеское милосердие; в чемъ, кромѣ Бога і вашей свѣтлости; другихъ патроновъ я нижайшей не имѣю; за которую высокую милость долженствую до жизни моей вѣчно Господа Бога молить.

Вашей высококняжой светлости премилостивѣйшаго государя и высокого патрона

всенижайшей рабъ

Из Ревеля 25 д. Маия 1727. — C. Manstein.

Письмо Артемія Волынскаго, 1723 года.

№ 59.

Благородной господин камисаръ

В доношенiи Гардемарина Өедора Колобова написано отданъ на Гекъ Ботъ С: Элизабетъ вместо беглого салдата Козловского полку салдатъ Устинъ Храмов а морскаго правиянту ему на сей сентябрь и на предбудущіе октябрь и ноябрь мѣсяцы не выдано того ради изволте морской правиянтъ помянутому салдату выдать по указу.

Артемей Волынской.

Ноября 10-го
1723-го году.

На оборотѣ:

Благородному Господину Камисару Лукомскому.

Надпись на мѣдной доскѣ, 1723 года.

„Мѣра в вышину какова родилась дочь Артемъя Петровича Волынскаго Анна въ 1723-м году июлия 12 дня пополудни в шестомъ часу в Астраханиі.

День имянования патроны ея Успения святыя Анны матери пресвятыя Богородицы мѣсяца июлия 25 дня“.

Мѣдная доска, въ длину $10^{3}/_{4}$ вершк., въ ширину—$7^{3}/_{8}$ в. На одной сторонѣ изображены масляными красками Св. Іоакимъ и Анна; на другой вырѣзана надпись.

О пріѣздѣ въ Москву царя Имеретинскаго Арчила Вахтиньевича, 1685 года.

1. Во 194-м году декабря въ де великие государи цари и великие князи Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцы указали быти у себя великих государей (быти) на дворѣ на приезде царю Меретинскому Аръчилу Вахтиньевичю

2. И ѣздили по него приставы околничей князь Ѳедоръ Ивановичь Шеховской да дьякъ Іванъ Казаринов

3. И послано к нему съ ихъ государевы конюшни корѣта с возники а архимандриту и игумену сани с возники же а бояром и чиновным людемъ лошади с наряды чистыми по посолскому обычаю

4. И стояли пред столовою полатою в сѣняхъ жилцы в терликах да от Благовѣщенския паперти и от красного крылца до Спаских ворот и по Ильинскому кресцу до двора гдѣ царь поставленъ по обе стороны стрелцы с ружьемъ

5. И ѣхалъ царь Арчилъ к великим государем в город Кремль в корѣте сидѣлъ съ нимъ противъ его околничей князь Ѳедоръ Івановичь Шоховской

6. Да пред нимъ ѣхали ѣздоки подъячие разныхъ приказовъ да сто человѣкъ конюховъ в цветном платье

7. И приехавъ он царь в город Кремль к Благовѣщенской паперти вышел іс корѣты на рундукъ а архимандритъ и ігуменъ из саней вышел у казенные палаты противъ среднего быка бояра и чиновныя люди ево слѣзли с лошадей не доѣзжая рундука противъ воротъ казенного двора

8. И шелъ царь с ними в верхъ к великимъ государемъ по Благовѣщенской паперти встрѣтили ево царя у карѣты столники князь Юрья Яковлевъ сынъ Хилковъ да Яковъ Степановъ сынъ Пушкинъ да дьякъ Любим Домнинъ

9. Говорил ему царю дьякъ Любим Домнинъ рѣчь такову великие государи цари и великие князи Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцы и многих государствъ и земель восточных и западныхъ и сѣверных отчичи і дѣдия и наслѣдники и государи и обладатели тебя своего царского величества подданного царя Арчила Вахтиньевича пожаловали велѣли для почести встрѣтить своим царского величества столником князь Юрью Яковлевичю Хилкову да Якову Степановичю Пушкину да ему дьяку Любимову Домнину и изговоря ему такову рѣчь поклонились рядовымъ поклоном и ушли пред нимъ царемъ

10. А в сѣнных дверехъ столовые полаты встрѣчали ево царя бояринъ і намѣстникъ вяцкой Борисъ Петровичь Шереметевъ да столникъ Никита Михайловичь Пушкинъ да дьякъ Перѳилей Оловянинниковъ и говорил онъ дьякъ рѣчь такову ж какову говорил дьякъ Любимъ Домнинъ

11. В сѣняхъ столовыя палаты у дверей встрѣчали ево царя ближней боярин і намѣстникъ казанской князь Михайло Алегуповичь Черкаской да столникъ княз Михайло княж Яковлевъ сынъ Хилковъ да думной дьякъ Василей Григорьевичь Семеновъ и говорил онъ думной дьякъ рѣчь такову ж какъ і вышеимянованныя дьяки

12. Великие государи цари і великие князи Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы изволили быть в то время в столовой палате с скипетры и в диадимахъ и стояли по обе стороны рынды

13. А бояре и околничие и думные люди сидѣли при нихъ великихъ государехъ по лавкамъ в золотых каѳтанах

14. А в сѣнях были дворяне да дьяки и гости в золотомъ платье

15. А по крылцу до Благовѣщенские паперти и в паперти стояли дворяне же городовые и дѣти боярские и дворовые люди і подъячие в цветном платье

16. И какъ царь Арчилъ пошел в полату і ево явилъ великимъ государемъ челомъ ударить думной дьякъ Емельян Ігнатьевичь Украинцовъ и говорил такову рѣчь

17. Велики государи цари и великие князи Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевич всея великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержцы и многих государствъ и земель восточных и западныхъ и сѣверных отчичи и дѣдичи і наслѣдники и государи и обладатели вашего царского величества подданной царь Меретинской Арчилъ Вахтиньевичь и дѣти ево і духовные и чиновные ево люди вамъ великим государемъ челомъ ударить

18. И великие государи цари изволи царю Арчилу и дѣтемъ ево приступить к своему царского величества мѣсту на рундукъ на первую ступень говорить рѣчь какая у него будетъ и говорил рѣчь по своему меретинскому языку а по переводу словенская тако

19. От началъ безначалнаго и безконечнаго на памятливых небесных и земных творецъ от которого гнѣвомъ ничто же есмь терпит такожде и человѣколюбивому не может разумъ и языкъ вымолвить той Богъ в Троицѣ славимы единаго божества всея твари трепещутъ и покланяются великие государи от Бога великою честию почтенны Божиімъ страхомъ и любовию и упованиемъ и вѣрою огражденны християнством и православною вѣрою утерженны всея земли царей превыше под солнечною землею пресвѣтлые и великие государи цари и великие князи Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы восточныя и западныя и всея сѣверныя земли отчичи и дѣдичи і на само обладатели Богъ благословилъ Авраама сѣмя от него царемъ ісходити и благословил Богъ тѣм же Авраамовым благословениемъ до вѣка вашимъ отчичевымъ и дѣдичевымъ престолом и венцемъ і лучи простерли всяких земель и скипетръ вашим царским утверди и вашею высокою и крестомъ препоясанною мышцею с четырех странъ земли и всяких царей под ваши ноги подклонени с трепетомъ доколѣ вселенныя жилище не смутилось до конца Богъ вам и вашему царскому величеству царства и государства государи цари і великие князи Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы челом бью на вашей государской пресвѣтлой милости что указали свои государские пресвѣтлые очи видѣти и за вашу ж государскую пресвѣтлую милость челом бью что своими государскими пресвѣтлыми очами милостивно призирали и милостивы были до дѣтей моихъ и нынѣ бью челом вамъ великим государемъ и милости у васъ великих государей царей Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцы прошу о вашей государской милости ко мнѣ и к дѣтемъ моимъ

20. Да братъ вашъ блаженной памяти велики государь царь и велики князь Ѳедоръ Алексѣевичь всея великия и малыя і бѣлыя Росиі самодержецъ для единыя православныя християнския вѣры помощь мнѣ учинил и великою милостию і милостивною грамотою и ратными людми и своею царскою казною милостивно от бусорманских рукъ избавилъ и под вашу высокодержавную руку ізбавил я подданной вашъ пришелъ по милостивной грамотѣ брата вашего блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца и какъ я подданной вашъ ево государскою милостивую грамоту увижю и она мнѣ кажетъ то что очи мои помутятся и пазуха слез исполнится я человѣкъ грѣшны слава Богу воля ево Божия какъ ваши государские милостивые сердца ко мнѣ подданному своему прикланите дай Боже вы великие государи цари и великие князи Іоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы здравы были и моля Бога за милость брата вашего блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великия і малыя и бѣлыя Росиі

самодержца и душу ево поминаючи вамъ великим государем царемъ во всякой вѣрности быти желаю и до меня подданного своего и до дѣтей моих милостивымъ бы вамъ великим государем быть и милость свою государскую ко мнѣ подданному своему покажете и нынѣ вслѣд того великие государи цари Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцы за благовѣрною государынею царицею и великою княгинею Парасковиею Ѳеодоровною многолѣтно и неисщетно здравствуйте Господь Богъ нашъ которы благословил бракъ в Кане Галилейской и воду в вино претворил Господь Богъ нашъ благословилъ бракъ венечны вашъ и всякое ваше безскотенное и безволное дѣло вам в волю пременить

Поздравляю тебѣ велики государь царь и велики князь Иоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцы з государынею нашею царицею и великою княинею Парасковиею Ѳеодоровною на многие и неисчетныя лѣта и вслѣдъ от Бога возлюбленной пречистою Богородицею почтенной мученице Екатеринѣ премудрости ѳилосоѳской уподобишася и послѣдствующе ей и печалнымъ милостивою рукою помощнице нашей государынѣ а вашей государской сестрѣ благовѣрной государыне царевнѣ и великой княжнѣ Соѳіи Алексѣевнѣ за ее великую милость что она государыня наша милостива была и с милостивыми грамотами и словами присылала и до моих дѣтей також де она государыня милостива была и за такую великую (милость) и неізреченную ея к намъ милость много челом бью что то все чинила она для любви пресвятыя Богородицы и поминая брата своего блаженныя памяти великаго государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всея великия и малыя і бѣлыя Росиі самодержца и тѣмъ душу ево упокоила и до насъ бы она государыня милостива была до меня подданного своего

И по совершени ево рѣчи великие государи пожаловали ево и дѣтей ево к своей царского величества руке и изволили вспросить о здоровье и пожаловали велѣли имъ сѣсть шатерничей имъ на лѣвой сторонѣ между оконъ перваго и втораго на лавке положил подушку и колотку да пожаловали великие государи духовных и чиновных людей к своей царской руке и велѣли ихъ духовнаго чина о спасениі а чиновных о здоровье спросить посолскому думному дьяку и духовные и чиновныя люди имъ великимъ государемъ на ихъ государском жалованье били челомъ

А после того великие государи велѣли свое великих государей жалованье имъ дати

Царю Арчилу

4 купка серебряныхъ

Каѳтан золотной на соболяхъ

2 бархата глатких обьярь струйчатую золотную обьярь глаткую

Байберекъ золотной байберекъ глаткой 2 отласа 2 камки и 4 сорока соболей 400 рублей денегъ

Да сыну ево царевичю Давыду

Кафтанъ золотной бархатъ глаткой отласъ сорокъ соболей камку 100 рублевъ денегъ

Да пожаловали великие государи ихъ от своего царского величества стола ествами и питьями и отпущены с верху на подворье и провождали ихъ встрѣтчики тѣ что которые встрѣчали ихъ какъ они в верхъ шли.

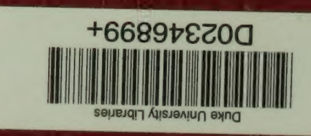
ОПЕЧАТКИ.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
38	16-я сверху	былъ Эмсбретелѣ	былъ въ Эмсбретелѣ
415	12-я „	С. Д. Шереметеву	Александру Дмитріевичу Шереметеву
418	5-я „	Усачевой	Гусачевой
468	10-я снизу	Письма И. С. Аксакова 1878 и 1879 гг.	Письма И. С. Аксакова, 1878 и 1879 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

D02346899+
Duke University Libraries